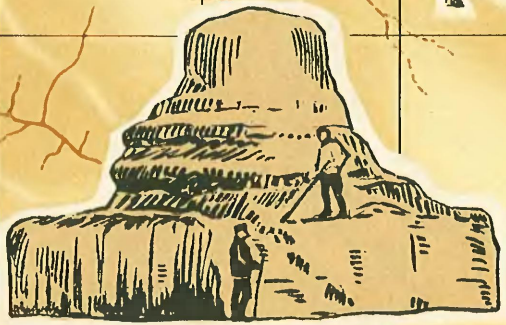
П. К. КОЗЛОВ

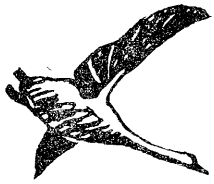
РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

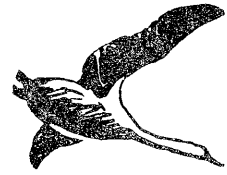

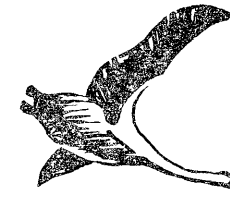

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА · 1963

П. К. КОЗЛОВ

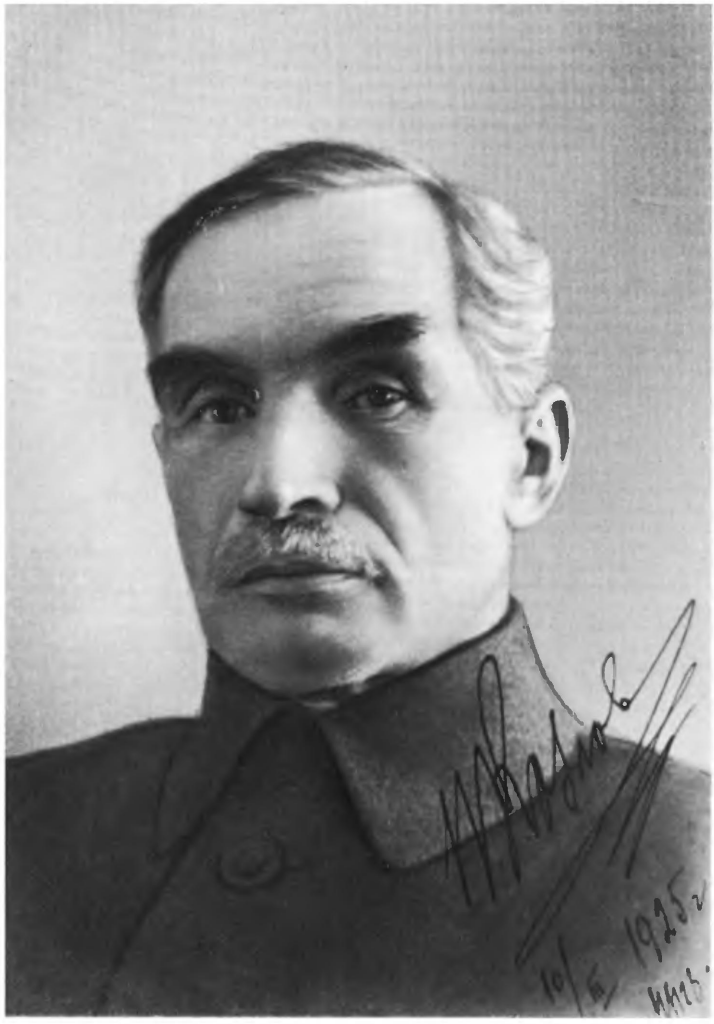
РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
(1863—1963)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. Н. Гумилев, В. П. Козлов, Е. В. Козлова-Пушкарева,
Э. М. Мурзаев (председатель), *Т. Н. Овчинникова*
(ученый секретарь), *В. М. Синицын, А. А. Юнатов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание предпринято в ознаменование столетней даты, в октябре 1963 г., со дня рождения Петра Кузьмича Козлова — известного русского путешественника, исследователя Центральной Азии, ученика и последователя Н. М. Пржевальского.

Из большого литературного наследства П. К. Козлова отобраны и включены в настоящий том работы, не переиздававшиеся повторно. Составители поставили своей целью как можно шире представить деятельность Козлова, поэтому выбрали сочинения (уже давно ставшие библиографической редкостью), которые показывают творческий путь путешественника. В этом плане, без сомнения, интересна большая автобиографическая статья, где автор больше рассказывает о своих исследованиях Центральной Азии и весьма скупо о себе. Для изучения жизни и деятельности Козлова представляется ценной публикация в данном сборнике писем П. К. Козлова к некоторым известным русским ученым и общественным деятелям за пятидесятилетний период его жизни (1886—1933). Письма эти извлечены из архивов Географического общества СССР и Академии наук СССР.

В конце тома дана полная библиография трудов П. К. Козлова, список статей и брошюр, посвященных его жизни и путешествиям, а также список трудов, которые опубликованы разными учеными в результате обработки материалов, привезенных путешественником из Центральной Азии.

Текст П. К. Козлова остался неприкосновенным. Редакторы позволили себе лишь исправить явные опечатки и сделать весьма незначительные сокращения, главным образом из-за повторений, которые встретились в разных работах, что было естественно при включении этих работ в один том. Так, например, изъята легенда о падении Хара-хото из работы «Северная Монголия», так как эта легенда приведена в автобиографическом очерке П. К. Козлова. Поскольку в этом очерке выделены две главы с описанием исследований Монголо-Сычуаньской экспедиции, редакторы сочли

возможным выделить также в виде отдельной главы и описание Тибетской экспедиции (1899—1901) и сообщение о командировке П. К. Козлова в Ургу в 1905 г.

Автобиография «Русский исследователь в Центральной Азии» была написана по просьбе журнала «Русская старина» в необычной для нас манере. В ней рассказ ведется от имени третьего лица, почему часто фигурирует фамилия П. К. Козлова, местоимение «он» и т. д. В данном издании все повествование исходит от имени автора — в первом лице.

Транскрипция географических названий оставлена без изменений, какой она была в текстах автора. В целях унификации названия даны в тех же формах и во вступительных статьях. На составленной для настоящего издания «Карте маршрутов путешествий П. К. Козлова» дана современная транскрипция названий. Не изменены также латинские названия растений и животных, но для сопоставления с современными составлены таблицы, помещенные в конце книги. Даты приводятся по старому стилю, кроме описания последнего путешествия — Монгольского.

Поясняющие слова, вставленные редакцией в текст П. К. Козлова, заключены в прямые скобки. Редакторские сноски отмечены звездочками. Наш путешественник нередко прибегал к помощи местных терминов и вводил в текст монгольские, тибетские, китайские и тюркские слова. Они объяснены в специальном словарике местных слов. Для удобства читателей приведена таблица перевода мер, употребляемых автором, в метрические.

Следует добрым словом отметить труд редакторов и других лиц, откликнувшихся на просьбу помочь в деле подготовки этого издания. Ниже следуют заметки А. А. Штакельберга об энтомологических коллекциях и А. И. Иванова о сборах позвоночных; З. И. Горбачева написала о значении археологических открытий в Хара-хото.

Редакционная коллегия весьма признательна также И. М. Громову за проверку латинской номенклатуры млекопитающих, К. С. Даревскому — за аналогичную работу по пресмыкающимся, А. К. Загуляеву за ту же работу по насекомым, Е. В. Козловой-Пушкаревой — за проверку названий птиц и за упорядочение всего списка латинских названий животных. Аналогичный труд выполнил А. А. Юнатов, при участии В. И. Грубова, по растительности.

Но главная забота по подготовке к печати этой книги выпала на долю В. П. Козлова и Т. Н. Овчинниковой, которые приложили к выполнению этой работы много настойчивости и энергии. Ими выполнена сплошная читка рукописи, составление библиографических указателей и проделана организационная работа. Письма извлечены из архивов и подготовлены к печати Т. Н. Овчинниковой, специально занимающейся изучением творчества П. К. Козлова.

Э. Мурзаев

ПЕТР КУЗЬМИЧ КОЗЛОВ И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Вторая половина прошлого столетия в истории географии ознаменовалась организацией ряда плодотворных экспедиций во внутренние части азиатского материка. Именно сюда — в Монголию, западную часть Китая, Туркестан — были направлены маршруты русских и западноевропейских исследователей. Среди этих путешественников пионером можно считать Н. М. Пржевальского, чье имя в результате осуществления его четырех путешествий стало всемирно известным.

Среди учеников и спутников Пржевальского в познании этих стран наиболее глубокий след, без сомнения, оставил Петр Кузьмич Козлов, усвоивший и развивавший экспедиционные методы исследований своего учителя и расширивший их программу и район работ.

П. К. Козлов родился 3[15] октября 1863 г. в г. Духовщине Смоленской губернии. Козлову было 19 лет, когда он встретился с Пржевальским. Эта встреча оказала огромное влияние на будущего путешественника, определив его интересы на всю жизнь. Шесть экспедиций совершил П. К. Козлов в Центральную Азию, причем каждая из них продолжалась по два-три года. Исследователь прошел по пустыням и горам десятки тысяч километров, пользуясь верблюдами, верховыми лошадьми, мулами, яками.

Свою экспедиционную деятельность П. К. Козлов начал в скромной должности младшего помощника начальника экспедиции в четвертом путешествии Н. М. Пржевальского по Центральной Азии. Это была первая практическая школа полевого исследователя, когда он в 1883—1885 гг. прошел пустыню Гоби, хребты Нань-шаня, побывал в Тибете, Кунь-луне, Таримской впадине и через Тянь-шань возвратился в родные края.

В 1888 г. Козлов отправляется с Н. М. Пржевальским в его пятое путешествие. В начале пути знаменитый русский исследователь умер в г. Ка-

раколе (ныне Пржевальске). Экспедицию возглавил М. В. Певцов, к тому времени уже зарекомендовавший себя как исследователь Монголии и Западного Китая. На этот раз Козлов работал в Кунь-луне, Таримской впадине, Китайском Тянь-шане и Джунгарии. Певцов поручает Козлову выполнение самостоятельных исследований. В результате в 1896 г. появляется в печати первый научный труд Петра Кузьмича — «Поездка на Кончедарью. Рекогносцировка северного берега озера Баграш-куль». Труд этот включен в настоящее издание.

В 1893 г. начинает работы большая экспедиция Русского географического общества под руководством В. И. Роборовского. П. К. Козлов выступает в качестве его старшего помощника, а после болезни начальника, с 21 января 1895 г., молодой исследователь берет на себя все заботы по экспедиции и фактически возглавляет ее. В эти годы Козлов совершает много больших и малых маршрутов в районы Тянь-шаня, северо-восточного Тибета, Лоб-нора, Таримской впадины. Его большой научный отчет вышел отдельной книгой в 1899 г. в «Трудах экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 годах под начальством В. И. Роборовского» (ч. 2-я). Эта работа также включена в наш сборник под названием: «Тянь-шань, Лоб-нор, Нань-шань».

В последующих трех больших экспедициях П. К. Козлову поручается руководство ими — он выступает уже как опытный путешественник. В 1899—1901 гг. он руководит так называемой Камской экспедицией, которая работает в верховьях Хуан-хэ, Янц-зы и Меконга. Огромный путь проделал Козлов со своими верными спутниками через всю Центральную Азию от Алтая до Меконга. Было заснято на карту около 13 тыс. *км* пути, определены астрономические и гипсометрические пункты, собраны обширные коллекции — ботанические, зоологические, геологические. Материалы экспедиции обрабатывались многими русскими учеными и опубликованы в семи томах серии «Монголия и Кам» (1905—1908), из них два написаны самим Козловым *.

В 1907—1909 гг. Козлов проводил Монголо-Сычуаньскую и Амдоскую экспедицию, в которой принимает участие и геолог А. А. Чернов. Тогда были исследованы средняя и южная часть Монголии, Гоби и область Амдо, лежащая на юг от Куку-нора, Синина и Лань-чжоу. Экспедиция оказалась весьма плодотворной по своим результатам. Особенно же она прославилась открытием и раскопками мертвого города Хара-хото, развалины которого находятся в низовьях алашаньской реки Эцзин-гол на ее ныне сухом русле. Как позже оказалось, Хара-хото некогда был одним из крупных городов тангутского государства, обладавшего высокой культурой. Богатейшие коллекции, привезенные из Хара-хото, открыли новый средневековый мир Центральной Азии и стали объектом изучения многих археологов, истори-

* Переиздано в 1947 г. Издательством географической литературы под этим же названием, с сокращениями.

ков, филологов *. Полный отчет о работах экспедиции был опубликован уже в советское время (1923 г.) в виде большого тома под названием «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии 1907—1909 гг.» **

Мировая, а затем гражданская война прервали экспедиционную деятельность неутомимого путешественника, но уже в 1923 г. советское правительство предоставляет П. К. Козлову возможность вновь отправиться в Центральную Азию. Эта экспедиция была задумана как Монголо-Тибетская, но обстоятельства сложились так, что она ограничилась исследованиями только Монголии. Помимо географических, зоологических, ботанических работ, П. К. Козлов занялся раскопками Ноин-ульских курганов в Северной Монголии, обнаружившими замечательные предметы материальной культуры двухтысячелетней давности, и вновь посетил Хара-хото. И на этот раз археологические коллекции оказались настолько интересными, что вызвали живой отклик ученых всего мира. Советский археолог А. Н. Бернштам писал, что «находки 1924 года советской экспедицией под руководством П. К. Козлова в курганах-могильниках Ноин-ула по праву принадлежат к числу наиболее ценных открытий XX в.» *** Все материалы, привезенные экспедицией, поступили в распоряжение специалистов, и по мере их обработки печатались результаты. Сам П. К. Козлов опубликовал несколько работ об исследованиях этой последней экспедиции; из них включены в настоящее издание только две: «Ноин-улинские памятники» (1925) и «Северная Монголия. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного географического общества 1923—1926 гг.» (1928).

Помимо перечисленных работ, включенных в настоящий том «Избранных трудов», было решено поместить небольшую статью, написанную П. К. Козловым незадолго до смерти (умер 26 сентября 1935 г.),— «Кочующие реки Центральной Азии» (Изв. геогр. об-ва, т. 67, 1935, вып. 5), так как она представляет интерес и в наши дни, когда все глубже раскрывается механизм миграции рек по аллювиальным равнинам пустынной зоны Азии, механизм, который определяет и блуждание конечных речных водоемов-испарителей типа Лоб-нора, так подробно описанного Козловым.

Н. М. Пржевальский считал себя преимущественно исследователем природы, Козлова же писал: «Вся моя жизнь прошла под знаменем исследований природы и человека Центральной Азии» ****. Человек, его духовный мир, этнография, история из года в год привлекают все больше и больше внимание путешественника.

---

* См. ниже статью З. И. Горбачевой «П. К. Козлов и «Тангутская филология» Н. А. Невского».

** Переиздано с сокращениями Издательством географической литературы в 1948 г.

*** А. Н. Бернштам. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение.— Изв. АН СССР, отд. обществ. наук, 1937, вып. 4.

**** «Путешественник П. К. Козлов о себе» — «Огонек», 1927, № 14.

Расширение круга работы экспедиции вело к изменению их организации. У Пржевальского весь экспедиционный отряд шел одним маршрутом. Но уже М. В. Певцов, стремясь охватить территорию более густой сетью маршрутов, посылал своих помощников В. И. Роборовского и П. К. Козлова в самостоятельные поездки. То же применяли эти исследователи в экспедициях, которыми они руководили. Развитие науки требовало специализации и более углубленного изучения, поэтому вместе с Козловым работали геолог А. А. Чернов, ботаник Н. В. Павлов, почвовед и географ Б. Б. Полынов, орнитолог Е. В. Козлова-Пушкарева, специалист по музыкальному фольклору композитор С. А. Кондратьев, географ С. А. Глаголев. Тем самым экспедиция по существу превращалась в комплексную. П. К. Козлов в своих путешествиях практиковал организацию стационаров, сотрудники которых вели регулярные метеорологические наблюдения, археологические раскопки или собирали этнографический материал.

Работы последней монгольской экспедиции П. К. Козлова послужили основой для научных контактов советских ученых с Комитетом наук Монгольской Народной Республики и монгольскими учеными; эти контакты плодотворно развивались в последующее время. Некоторые сотрудники П. К. Козлова были приглашены Комитетом наук остаться в Улан-Баторе и участвовать в проводимых монгольскими учеными исследованиях. Одним из таких участников был А. Д. Симуков, в течение нескольких лет плодотворно занимавшийся географическими исследованиями МНР и проникший в ее самые отдаленные и труднодоступные районы.

Свои путешествия и их результаты П. К. Козлов широко, со свойственным ему мастерством, популяризовал в многочисленных лекциях и книгах. Всего он напечатал 70 работ, частично переизданных в советское время *.

Там, где П. К. Козлов некогда проводил свои экспедиционные исследования в течение многих лет — в Монгольской и Китайской Народных Республиках, ныне в больших масштабах развивается наука. В Улан-Баторе вместо Комитета наук образована национальная Академия наук МНР. В Китайской Народной Республике Академия наук создала ряд филиалов и институтов, специально занимающихся изучением областей, лежащих в Центральной Азии. Ученые этих филиалов, а также большие комплексные экспедиции, снаряжаемые из Пекина в Синь-цзян, Внутреннюю Монголию, Ганьсу, Цинхай, Сычуань, достигли больших успехов в познании природы, населения, его истории, этнографии, археологии. Таков закономерный поступательный путь науки. Но мы всегда с благодарностью будем вспоминать предшественников, оставивших яркий след в истории исследования азиатского материка. Одним из них и был Петр Кузьмич Козлов.

Э. М. Мурзаев

---

* См. библиографию в конце тома.

ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИЙ П. К. КОЗЛОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФАУНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Петр Кузьмич Козлов не был зоологом; тем не менее он сделал для успеха зоологической науки не меньше, чем многие специалисты.

В экспедициях Н. М. Пржевальского, где на него был возложен сбор коллекций по позвоночным животным, он прошел превосходную школу полевого исследователя-зоолога и на протяжении всей своей последующей деятельности проявлял самый живой интерес к зоологическим исследованиям и сборам, уделяя им очень большое внимание.

Трудно учесть все зоологические сборы, произведенные экспедициями П. К. Козлова, но, во всяком случае, количество их огромно. Только из экспедиции в Кам было привезено 150 птиц. Монголо-Сычуаньская экспедиция собрала около 1000 птиц. Во всех экспедициях Козлова птиц было собрано около 5000, млекопитающих около 1400, много рептилий и амфибий; рыб было мало, так как фауна Центральной Азии довольно бедна ими и, кроме того, сохранение коллекций по рыбам во время длительных переходов очень сложно.

Несмотря на крайне трудные условия работы в пустынях и горах Центральной Азии, весь зоологический материал доставлялся в превосходном состоянии, очень тщательно этикетированным. Кроме того, вместе с коллекциями П. К. Козлов передавал Зоологическому музею Академии наук и полевые дневники, содержащие ценные дополнительные данные, что, разумеется, резко увеличивало научное значение коллекций.

Благодаря сборам П. К. Козлова, в Зоологический музей Академии наук поступили богатейшие коллекции по позвоночным животным из труднодоступных, а зачастую и никем из зоологов еще не посещавшихся частей Центральной Азии. Вместе с коллекциями, собранными экспедициями Н. М. Пржевальского, сборы П. К. Козлова составляют совершенно

уникальное собрание по фауне Центральной Азии, и благодаря им Зоологический музей, ныне Зоологический институт Академии наук СССР, получил мировую славу. Эти научные сокровища представляют совершенно исключительные материалы для изучения фауны Центральной Азии и ее генезиса, а следовательно и фауны Палеарктики в целом. Только благодаря этим коллекциям наши зоологи могли решать коренные вопросы зоогеографии Палеарктики и сопредельных областей.

П. К. Козлов, в отличие от Н. М. Пржевальского, не обрабатывал сам свои зоологические сборы, хотя и знал достаточно хорошо фауну позвоночных животных Центральной Азии. Зато его сборы послужили основой очень большого числа частных исследований и крупных монографий. Трудно перечислить все работы, в которых используется материал, собранный П. К. Козловым, так как они исчисляются многими десятками. Следует упомянуть лишь немногие из этих работ. Таковы, например, исследования В. Л. Бианки, обрабатывавшего сборы П. К. Козлова по птицам. Прежде всего это крупная монография «Материалы для авифауны Монголии и восточного Тибета», основанная на коллекциях, собранных во время экспедиции в Кам в 1899—1901 гг. Эта монография содержит не только повидовой обзор фауны и описание целого ряда новых для науки видов и подвидов птиц (*Emberiza kozlowi, Certhia khamensis, Cinclus przewalskii, Kaznakowia kozlowi, Accipiter nisus ladygini, Accentor collaris tibetanus, Tetraogallus kozlowi*), но и очень обстоятельный зоогеографический анализ фауны, сделать который оказалось возможным только благодаря богатым и разнообразным сборам экспедиций Козлова. Вторая монография — «Материалы для авифауны восточной Монголии и северо-восточного Тибета по данным Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг. под начальством П. К. Козлова», освещающая фауну обширного, малоизученного района. На коллекциях, собранных П. К. Козловым, в значительной мере базируются исследования акад. П. П. Сушкина по истории орнитофауны Центральной Азии, работы по систематике птиц этой страны многих авторов, зоогеографические работы Б. К. Штегмана и Е. В. Козловой-Пушкаревой. В частности, капитальнейшая работа по птицам юго-восточного Забайкалья и северной Монголии, написанная Е. В. Козловой-Пушкаревой, базируется не только на ее собственных сборах, сделанных во время последней экспедиции П. К. Козлова, но и на всех коллекциях, привезенных им ранее.

На материалах, собранных П. К. Козловым, основано описание ряда новых видов и подвидов позвоночных животных. Помимо упомянутых выше птиц, нужно указать еще своеобразную завирушку *Prunella kozlowi*, описанную тоже В. Л. Бианки, а также интереснейших тушканчиков: *Cardiocranius paradoxus* и *Salpingotus kozlowi*; описание первого из них дано К. А. Сатуниным, второго — Б. С. Виноградовым. К этому можно было бы добавить многочисленные новые подвиды млекопитающих и новые формы рептилий.

Сборы насекомых, произведенные многочисленными экспедициями П. К. Козлова, представляют чрезвычайно большой научный интерес. Эти сборы по многим группам насекомых, исчисляющиеся многими десятками тысяч экземпляров (более 80 000) и сделанные в самых различных по своим ландшафтным и экологическим особенностям районах Монголии и Китая, включая Тибетское нагорье, дали первое и вместе с тем достаточно полное представление о фауне насекомых районов, посещенных экспедициями П. К. Козлова. Сборы насекомых П. К. Козлова дали ценнейший материал для работ многих (не менее 70) специалистов, как в СССР, так и зарубежных. По этим сборам описано не менее 30 новых родов и более 200 новых видов самых различных отрядов насекомых. В значительной мере сборы экспедиций П. К. Козлова послужили основой для широких зоогеографических выводов, касающихся дотоле мало изученных стран Центральной Азии. В этом основная ценность материалов по насекомым, которые были привезены экспедициями П. К. Козлова.

А. И. Иванов, А. А. Штакельберг

П. К. КОЗЛОВ И „ТАНГУТСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ" Н. А. НЕВСКОГО

Одним из путешествий П. К. Козлова, принесших ему впоследствии мировую известность, была Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907—1909 гг. Именно во время этого путешествия П. К. Козлов открыл в песках пустыни Гоби мертвый город Хара-хото, а в нем — многочисленные письменные памятники народов Востока, среди которых подавляющее большинство относилось к очень мало известной тогда в науке тангутской письменности.

Еще в начале XX в. П. К. Козлов неоднократно слышал от других русских путешественников — Г. Н. Потанина, В. А. Обручева — о затерянном в песках южной части пустыни Гоби таинственном мертвом городе Хара-хото. Найти этот город, раскрыть его многовековые тайны стало страстным желанием П. К. Козлова. «Мысли о Хара-хото... приковывали целиком наше внимание и наше воображение... Сколько мечталось о Хара-хото и его таинственных недрах!..» *,— писал П. К. Козлов уже после открытия этого города.

Выехав в экспедицию 10 ноября 1907 г., П. К. Козлов со своими спутниками достиг Хара-хото 19 марта 1908 г. и пробыл там около недели. Это посещение мертвого города П. К. Козлов считал по результатам лишь предварительной рекогносцировкой. «Первый раз мы отправились в Хара-хото сравнительно налегке» **,— писал путешественник.

При этом посещении города экспедиция обогатила науку целым рядом письменных и материальных памятников — «книгами, письменами, бумагами, металлическими и бумажными денежными знаками, женскими укра-

* Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М.—Пг., 1923, стр. 101.

** Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото. «Русская старина», СПб., 1911, стр. 52, или в настоящем томе стр. 58.

шениями, кое-чем из домашней утвари и обихода, необходимыми принадлежностями торговцев, образцами буддийского культа и др.» *.

Вторичное путешествие в Хара-хото, летом 1909 г., имело уже специальную цель — тщательно обследовать развалины города и произвести там планомерные раскопки. Оно оказалось значительно эффективнее. Именно тогда открыли знаменитый субурган (погребение) на северо-западной окраине Хара-хото, в котором оказалась целая библиотека ксилографических и рукописных книг **.

Вот как описывал П. К. Козлов это волнующее событие. «Наконец, 22 мая, в полдень, экспедиция прибыла в мертвый город Хара-хото и расположилась бивуаком не в центре его исторических стен, как прежде, а несколько ближе к северо-западному углу, подле развалин большой фанзы. В наше годичное отсутствие из древнего города в него никто не заглядывал: его развалины были в том же положении, в каком мы их и оставили. Нетронутыми оказались и те предметы, извлеченные нами из-под обломков или мусора, которые мы оставили как ненужные» ***.

Согласно составленному плану раскопок, предстояло заняться субурганом, расположенным вне городских стен. «Вот этот-то субурган, названный нами «знаменитым», и поглотил затем все наше внимание и время. Он подарил экспедиции большое собрание, целую библиотеку книг, свитков и рукописей... большинство книг и рукописей, а также иконопись поражают своей свежестью после того, как они пролежали в земле немало веков...» ****. В нижней части субургана была обнаружена группа глиняных статуй, поставленных «лицами внутрь, наподобие лам, отправляющих богослужение перед большими рукописными листами письма Си-ся, сотнями наложенными один на другой» *****.

Так, более 50 лет назад была открыта богатейшая (в ней насчитывается, как теперь стало известно, более 8 тыс. единиц хранения) и, сейчас мы можем уже это сказать, ценнейшая в научном отношении коллекция рукописей и ксилографов на тангутском языке.

Все находки П. К. Козлова переданы: письменные — в Азиатский музей Академии наук (ныне Институт народов Азии Академии наук СССР, Ленинградское отделение), материальной культуры — в Русский музей, а позднее — в Эрмитаж.

Чтобы определить научную ценность коллекции, потребовались многолетние, невероятные, граничащие с подвигом, усилия ряда ученых, в

---

* Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото, стр. 101, или в настоящем томе стр. 102.

** Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, стр. 554.

*** Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото, стр. 54, или в настоящем томе стр. 59.

**** Там же, стр. 103, или в настоящем томе стр. 102.

***** Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, стр. 556.

первую очередь Н. А. Невского, открывшего своими исследованиями новый этап в области изучения тангутского языка.

Что вообще было известно о тангутах, тангутском языке, их культуре до открытия П. К. Козловым мертвого города Хара-хото?

Тангутоведение к тому времени представляло собой еще чрезвычайно мало изученную отрасль востоковедения. И это прежде всего объяснялось крайне ограниченным количеством оригинального тангутского материала в руках ученых. А, кроме того, имевшийся материал был однотипен по своему содержанию. Это были переводы нескольких буддийских сочинений с санскритского или китайского языков. Поэтому вести широкие научные изыскания в различных областях тангутоведения ученым не представлялось возможным. В конце прошлого века зарубежные ученые, в основном синологи,— Уайли (A. Wylie), Шаванн (C. Chavannes), Бушель, (S. Bushell), Деверия (Deveria), Морис (A. Morisse),— на этом ограниченном материале сделали первые выводы о неведомом ранее языке. Они, во-первых, определили его как язык тангутский (Деверия), сумели расшифровать несколько десятков знаков (Деверия и Бушель), дать фонетические эквиваленты весьма незначительному количеству иероглифов (Уайли, Шаванн) и подойти к раскрытию грамматического строя языка (Шаванн, Морис). Так было заложено начало новой востоковедческой дисциплины — тангутоведения.

Сенсационные открытия П. К. Козлова произвели полный переворот в этой, тогда молодой отрасли науки. Находки в мертвом городе Хара-хото позволили ученым оперировать бóльшим количеством памятников тангутской письменности довольно разнообразного содержания. Это открывало возможность, с одной стороны, проверить на новом материале и апробировать сделанные ранее выводы, а с другой, начать новые дальнейшие изыскания в этой области.

Так, проф. А. И. Иванов, обнаруживший в коллекции тангуто-китайский словарь Чжан-чжун-чжу («Перл в руке»), смог уже довольно определенно расшифровать тангутские иероглифы, как со смысловой, так и с фонетической стороны, и составить небольшой словарь*. На базе его исследований Лауфер (B. Laufer) дал более обширный словарь тангутских иероглифов. В области же грамматики языка продолжали работать Морис и Шаванн. Тангутоведение, как научная дисциплина, сделало еще шаг вперед.

П. К. Козлов с неослабевающим вниманием следил за ходом работы над тангутскими памятниками, живо интересовался итогами ее. Еще в 1911 г. он имел представление о значении своих открытий и научной ценности обнаруженных им тангутских материалов для развития тангутоведения.

Однако трудность расшифровки материалов, их обширное количество

* Ivanov A. Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache.— Изв. Академии наук, 1909, серия VI, т. III, № 12—18, стр. 1221—1233.

давали очень медленно результаты. Лишь к началу двадцатых годов было составлено первое, весьма приблизительное, лишь ориентировочное представление о составе всего тангутского фонда.

Так, в опубликованной в 1920 г. «Краткой памятке», посвященной 100-летию Азиатского музея Академии наук, В. М. Алексеев (академик с 1929 г., а тогда ученый хранитель Дальневосточного фонда музея) писал: «Фонд не расшифрованных еще окончательно письмен имеет исключительное и мировое значение, благодаря многим сотням книг древнетангутского письма династии, называемой в Китае Западной Ся (1032—1227). Рукописи и ксилограммы этого письма, добытые экспедицией П. К. Козлова, в подавляющем большинстве буддийского содержания, но, по-видимому, в них попадаются и другие сюжеты» *.

П. К. Козлов в 1923 г. специально обратил внимание научных кругов на состояние дела с упорядочением и расшифровкой тангутских письменных памятников. Он писал: «Еще не приведен в известность полностью перечень книг, рукописей и образов...» **.

В двадцатых годах приступил к изучению проблем тангутоведения Н. А. Невский. Благодаря трудам своих предшественников (А. И. Иванов, А. Бернарди, фон Цах, Ло Чжэнь-юй, Ло Фу-чан, Ло Фу-чэн, Ван Цзин-жу, Исихама Дзюнтаро) этот ученый получил возможность не только продолжить и углубить разработку поставленных ранее проблем, ограниченных прежде лишь вопросами лингвистическими (язык, грамматика, фонетика), но и расширить рамки этих исследований, включив в них вопросы истории тангутов, их культа и т. п. Как показывают архивные материалы Н. А. Невского, задачи в области тангутоведения он видел прежде всего в раскрытии фонетики тангутского языка и, самое главное, в составлении словаря, так как освоение и введение в научный обиход поистине необъятных тангутских памятников письменности, открытых П. К. Козловым, возможно было лишь при наличии такого словаря.

Н. А. Невскому предстояла в связи с этим очень трудная работа — сложный путь расшифровки почти неизвестного языка. Эта работа была во многом сложнее того, что пришлось сделать египтологам для расшифровки египетских иероглифов или тем, кто раскрывал значения знаков языка майя. Известный всему миру Шампольон обессмертил свое имя, расшифровав 1000 египетских иероглифов; Н. А. Невский создал словарь, в котором зафиксировано около 6000 знаков тангутского письма.

В двадцатых годах нашего века, когда начал работать над тангутскими текстами Н. А. Невский, были неизвестны в полной мере ни язык, ни письменность тангутов. Поэтому ученому пришлось заняться и расшифровкой письменных знаков, и определением языка. Эти два процесса

* Азиатский музей Российской Академии наук. 1818—1918. Краткая памятка. Пг., 1920, стр. 64.

** Козлов П. К. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото, стр. 556.

зависели друг от друга, т. е. путь к раскрытию языка шел через сохранившиеся письменные памятники тангутов, а расшифровка письменных знаков зависела от степени знания языка. Это была одна из сложнейших задач, когда-либо стоявших перед лингвистами. В итоге своего десятилетнего упорного, титанического труда Н. А. Невский заставил заговорить мертвый тангутский язык.

Обладая серьезными и глубокими знаниями в области лингвистики, владея в совершенстве несколькими восточными языками и их деалектами *, Н. А. Невский свободно разбирался в китайской, тибетской и японской литературе.

Все это явилось базой тех многочисленных трудов в области тангутоведения, которые нам оставил ученый как в изданном **, так и в неопубликованном виде ***.

Н. А. Невский в основном определил главные тангутские памятники коллекции П. К. Козлова, составив их подробное описание в виде инвентаря. Этим он выполнил желание П. К. Козлова — иметь хотя бы перечень ценнейших тангутских памятников.

Располагая, таким образом, уже в известной мере обозримым тангутским материалом, Н. А. Невский, на основании использования обнаруженных в коллекции тангутско-китайских и тангутских толковых словарей — Вэнь-хай, Вэнь-хай цза-лэй, Чжан-чжун-чжу, а также фонетических таблиц тангутских иероглифов, смог уже в 1934 г. думать об издании большого тангутского словаря. Этот словарь теперь издан. Он насчитывает около 6000 знаков, бóльшая часть которых имеет фонетические эквиваленты и разные значения, а также целый ряд других словарных статей ****.

На основании изучения большого числа тангутских памятников Н. А. Невский подошел к изучению и грамматики языка. Его, как ученого широкого плана, интересовали вопросы истории, культа тангутов и др. Он обнаружил и определил 20-томный «Свод законов Тангутского государства» и т. п. *****. В результате всей этой многолетней работы Н. А. Невский написал ряд ценнейших работ по тангутоведению ******.

Н. А. Невским был составлен проект издания памятников тангутской культуры из Хара-хото. «Издание коллекций, добытых П. К. Козловым, является научным делом первостепенного международного значения,—

---

* По неполным данным, в его словаре использованы эквиваленты четырех восточных языков и около 40 их диалектов.

** Невский Н. А. Тангутская филология, т. I—II, Изд-во вост. лит-ры, М., 1960.

*** Горбачева З. И. Материалы по тангутоведению Архива востоковедов Института Востоковедения АН СССР (архив Н. А. Невского).— Краткие сообщения Института Востоковедения АН СССР, XVIII, 1956, стр. 66—72.

**** Невский Н. А. Тангутская филология, т. I, стр. 185—680 и т. II.

***** Невский Н. А. Тангутская филология, т. I, стр. 32.

****** См. библиографию в настоящем томе.

писал Н. А. Невский в своем проекте,— материалы Хара-хото до сих пор почти не пущены в научный оборот. Коллекции, вывезенные из того же городища английским путешественником Aurel Stein'ом, ничтожны по сравнению с тем, чем обладает Академия наук СССР и Государственный Эрмитаж *.

Работы Н. А. Невского по обширности привлеченных им первоисточников на китайском, тибетском, санскритском языках, по широте тех проблем тангутоведения, которые он ставил, не ограничивая себя узкими рамками лингвистики, по тщательности исследования занимают выдающееся место среди трудов по тангутоведению.

Эти работы, опубликованные после смерти Н. А. Невского в 1960 г. Институтом народов Азии Академии наук СССР в издании «Тангутская филология», были удостоены Ленинской премии 1962 г.

Однако мы не должны забывать, что, не будь открытий П. К. Козлова, не было бы и «Тангутской филологии» Н. А. Невского в том виде, в котором мы ее имеем. Лишь энергия и страсть П. К. Козлова к путешествиям, к открытиям все нового и нового, энтузиазм и преданность своему любимому делу привели к тому, что очень интересное си-сяское письмо не осталось тайною для науки.

З. И. Горбачева

---

* Проект издания памятников тангутской культуры из Хара-хото. Архив востоковедов Института народов Азии АН СССР (Ленингр. отделение), ф. 69, оп. 1, ед. хр. 34.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

РУССКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Автобиографический очерк

[ОТ РЕДАКЦИИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ», 1911 Г.]

Пытливость человеческих знаний в различных областях науки не останавливается ни перед какими бы то ни было трудностями и лишениями, наоборот, все с большею настойчивостью, с большею предприимчивостью идет вперед... В области географической науки также. В позднейший более нежели полувековой период географических исследований в списке европейских путешественников стоят и имена русских географов. На долю русских исследователей выпала Северная и Центральная Азия. Последняя, впрочем, по разным, часто практическим, соображениям привлекала внимание и других европейцев, в особенности англичан. В то время как русские путешественники устремлялись в Центральную Азию с севера, англичане следовали туда же с юга, со стороны индийских владений. Каждая из экспедиций, командируемых преимущественно географическими обществами, прокладывала новый шаг, за которым напряженно следили все те, кому не безразличны были интересы этой малоизвестной страны, богатой не только историческим прошлым и настоящим, но еще более и предстоящим будущим...

В настоящее время среди русских путешественников, пользующихся наибольшею известностью не только у нас в России, но и за границей,— это Петр Кузьмич Козлов, в свое последнее Монголо-Сычуаньское путешествие, 1907—1909 гг., в пустынном центре Монголии, открывший мертвый город «Хара-хото», который со всеми археологическими в нем находками сделался достоянием науки вообще и Русского музея и библиотеки Академии наук в частности. На страницах журнала мы познакомим наших читателей с биографическим очерком русского путешественника и его описанием Монголо-Сычуаньской экспедиции Русского географического общества, исполненной под руководством П. К. Козлова...

ЗНАКОМСТВО С ПРЖЕВАЛЬСКИМ И УЧАСТИЕ В ЭКСПЕДИЦИЯХ ПРЖЕВАЛЬСКОГО, ПЕВЦОВА И РОБОРОВСКОГО

Русская экспедиция, от которой впервые сознательно забилось мое юношеское сердце, была предпоследняя экспедиция нашего славного Николая Михайловича Пржевальского, ее громкое возвращение в С.-Петербург в январе 1881 г. Чем-то сильным, захватывающим веяло от этой экспедиции, ее доблестного вождя, энергичных, закаленных спутников, но главным образом самого вождя, картинно описывавшего эпопею словно сказочных странствований по пустыням и нагорью Тибета. Своими блестящими лекциями страстный, увлекающийся Н. М. Пржевальский привлекал

многолюдные аудитории... Ученые общества создали повышенную географическую атмосферу, в которой с гордостью произносилось имя первого русского исследователя природы Центральной Азии. Имя Пржевальского стало синонимом бесстрашия и энергии в борьбе с природою и беззаветной преданности науке...

Газеты и журналы быстро разнесли весть о возвращении славной экспедиции Пржевальского по всей России. Известие о Н. М. Пржевальском проникало в медвежьи углы, отстоявшие от станций железных дорог до сотни и более верст. В одном из таких углов, в усадьбе «Слобода» [1], Смоленской губернии Поречского уезда, и проживал я в то время, тогда еще пятнадцатилетний мальчик, с запасом знаний шести классов реального училища, готовившийся поступить в Учительский институт. Как сейчас помню высокий подъем чувств и горячее стремление к Центральной Азии и ее отважному исследователю — Пржевальскому. Его живое описание красот горной природы, широких пустынных далей, навевавших поэтический простор, положительно захватили всю мою душу, всего меня и неотразимо влекли к великому познанию, самому источнику этого познания — Пржевальскому. Но в то же время я был далек от реальной мысли когда-либо встретиться с этим замечательным человеком... Тем дороже и памятнее был для меня день осуществления этого, казалось, несбыточного желания,— день, в который я вдруг стал не только лицом к лицу с Пржевальским, но и сроднился с ним, с его исключительною деятельностью. Когда я впервые увидел Пржевальского, то сразу узнал его могучую фигуру, его властное, благородное, красивое лицо, его образ — знакомый, родной мне образ, который уже давно был создан моим внутренним воображением. Как истый путешественник и чуткий знаток природы, несравненный Н. М. Пржевальский быстро зажег во мне горячую любовь к природе Азии и как чистый и цельный человек подчинил силе своего обаяния. В его неимоверно жизненной энергии мое личное я вначале растворилось и стало частицею его общего собирательного имени...

Таким образом, осенью 1883 г., в звании вольноопределяющегося и в качестве помощника начальника экспедиции я отправился сопутствовать Н. М. Пржевальскому в его, новое тогда, четвертое путешествие в Центральной Азии — поперек Гоби, вдоль северной окраины Тибета и по бас-

[1] Усадьба Слобода через год стала собственностью Н. М. Пржевальского, который вскоре развел в ней сад, в саду вырыл пруд, построил дом и приспособил в саду же старую «хатку» для писания книги о путешествии. Эта хатка была своего рода святая святых души Пржевальского. Кроме самых близких друзей-путешественников, в нее никто не допускался. Здесь были написаны книги «Третье» и «Четвертое» путешествие в Центральной Азии... Украшением Слободы, между прочим, служит большое, живописное озеро с высокими островами, нагорными берегами, покрытыми хвойным лесом. Глухари и медведи и своеобразная красота озерной дали с синеющими островами очаровали Пржевальского, и он приобрел Слободу в свою собственность. С именем «Слобода» во мне просыпается первое, самое сильное и самое глубокое воспоминание о Пржевальском.

сейну Тарима. Из этого двухлетнего, первого для меня путешествия, я возвратился иным человеком — Центральная Азия стала для меня целью жизни. Такое убеждение не поколебалось, наоборот, еще более укрепилось после тяжелых нравственных страданий, связанных с неожиданной смертью моего незабвенного учителя Н. М. Пржевальского...

Пржевальскому временно наследовал полковник Генерального штаба М. В. Певцов, в сообществе с которым, в течение также двух лет, 1889—1891 гг., я вновь посетил Северный Тибет, Восточный Туркестан и Джунгарию, ведя в это время, помимо обычных географических экскурсий в стороны от главного каравана, специальные наблюдения над животным миром и ведая сборами зоологической коллекции вообще...

За первое проявление самостоятельных работ в деле исследования Центральной Азии я удостоился высокой и дорогой награды — медали Пржевальского...

Далее следует мое третье путешествие, 1893—1895 гг., участие в экспедиции, официально именовавшейся «экспедицией спутников Пржевальского — Роборовского и Козлова»,— экспедиции, обследовавшей Нань-шань и проникшей в северо-восточный угол Тибета. Вследствие острой болезни, постигшей главного руководителя экспедиции Роборовского, это тяжелое путешествие было закончено под моим руководством. Участие в этой экспедиции отмечено книгой П. К. Козлова под заглавием «Отчет помощника начальника экспедиции» [1].

Наконец, две последующие экспедиции: Тибетская, 1899—1901 гг., и Монголо-Сычуаньская, 1907—1909 гг., проектированы и исполнены мною.

ТИБЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ПОД НАЧАЛЬСТВОМ П. К. КОЗЛОВА, 1899—1901 гг.

Тибетское путешествие П. К. Козлова особенно плодотворно исследованием богатой оригинальной природы и малоизвестных или даже вовсе не известных восточнотибетских племен, населяющих верховья трех знаменитых рек Китая — Хуан-хэ, Ян-цзы-цзяна и Меконга. Описание этого путешествия изложено на страницах I и II томов роскошного издания Русского географического общества под заглавием «Монголия и Кам», а результаты научные — на страницах последующих специальных томов той же «Монголии и Кам».

За Тибетское путешествие П. К. Козлов был удостоен чрезвычайно почетной награды Русского географического общества — Константиновской золотой медали.

Бросим самый беглый взгляд на некоторые места описательной части Тибетского путешествия П. К. Козлова.

[1] Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг., под начальством В. И. Роборовского. П. К. Козлов. Ч. II. Изд. Русск. геогр. об-ва. [«В настоящем сборнике эта работа напечатана под названием Тянь-шань, Лоб-нор, Нань-шань»].

Начальнику экспедиции и его спутникам тяжело было оторваться от сердца России — Москвы, а там дальше стало легче, в особенности, когда началось настоящее путешествие.

...Еще несколько минут и караван, извиваясь лентою, двинулся к востоку. Впереди, сажен на сто, ехал я с урядником Телешовым и проводником-киргизом; в арьергарде следовал поручик Казнаков.

Впечатление первого ночлега было таково. Полюбовавшись на маралов (оленей) и на красивые виды по сторонам, члены экспедиции вернулись на бивуак. Вскоре спустились на землю сумерки, и солнечный свет сменился лунным, слабо, но картинно пронизывавшим лес, под сенью которого путешественники впервые вкушали оригинальную прелесть своей привольной страннической жизни.

Лесная и пышная луговая растительность русской части Алтая, по мере проникновения к востоку, уступала место пустынной монгольской растительности, лето — осени, когда караван тибетской экспедиции проходил вблизи священных гор Ихэ-богдо и Бага-богдо; в открытой долине весь день дул юго-западный ветер, стихший только ко времени погасания зари. Мороз усиливался. По темно-голубому, свободному от облаков небу сначала заискрились блестящие звезды, немного позднее показалась луна, картинно разлившая свой мягкий свет по снеговой равнине. Чем-то непостижимо великим казалась в эту ясную ночь гора Бага-богдо; ее матово-блестящие снега, поднятые на две с лишком версты относительной высоты, производили глубокое впечатление, под обаянием которого истые буддисты, говорят, просиживают ночи, погруженными в созерцание...

Праздник рождества Христова путешественники встретили и проводили в области центральной пустыни Гоби. В сочельник наш скромный бивуак, приютившийся в ущельице, казался точкой среди необъятной, погруженной в дремоту пустыни; изредка обрисуется силуэт часового, прогуливавшегося при мерцании пламени костра; тяжело вздохнет верблюд, или оригинально простонут баран и дремлющая собака, или заговорит во сне человек — вот все, что нарушало тишину здешней ночи. Немного подальше, сейчас за гребнем увала, опять дикая, безмолвная пустыня...

За Гобийской пустыней поднимаются высокие скалистые цепи Наньшаня, темнея многочисленными ущельями. Путешественники с нетерпением ожидали справедливо прославленного Тэтунга, а вот и он сам и давно ожидаемый монастырь Чортэнтан. Вдали, на правом берегу реки, виднелась приветливая когда-то луговая площадь, теперь же темная, взъерошенная — та самая, которая служила несколько раз местом для бивуака экспедициям покойного Н. М. Пржевальского, а выше по горам тянулись густые леса, в которых столько раз охотился великий путешественник. Никогда я не забуду этого очаровательного уголка. Целый месяц мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые монотонным гулом реки. Много, много раз манили нас к себе грандиозные прибрежные ее скалы, в особенности по вечерам, когда

ничто не нарушало окрестную тишину, кроме рокота стремительных, прозрачных вод реки, и когда мысль под обаянием дикой, величественной природы воскрешала в воображении образ покойного первого исследователя, который, сравнительно недавно, любовался теми же прелестными видами и прислушивался к мягкому всплескиванию волн того же красавца Тэтунга.

Приближаясь, затем, к Цайдаму или северной границе Тибета, мы увидели на юге, в туманной дали, хребет Бурхан-Будда, протянувшийся длинным величественным валом с востока на запад. В тонкой пыльной дымке мутновато виднелись снега, еще плотно укрывавшие верхний пояс гор.

Мысль невольно перенеслась за этот порог Тибета, где исполинской скатертью развертывается высокое суровое нагорье, дающее приют оригинальным представителям животного царства. Там должна быть сосредоточена предстоявшим летом наша дальнейшая деятельность. Что ожидает нас далеко впереди? поможет ли нам счастье так же успешно поработать в заветной стране, как это удалось сделать в Алтае и в Центральной Гоби? — вот вопросы, неотвязно стоявшие в воображении начальника экспедиции при виде убеленных природою врат Тибета...

14 апреля экспедиция, наконец, достигла хырмы (укрепление) Барун-цзасака и расположилась внутри ее глиняных стен бивуаком. Здесь я устроил метеорологическую станцию. В этой же хырме Барун-цзасака был организован и склад коллекций, и багажа, необходимого на обратный путь экспедиции. Местный князь, мой старый знакомый, не имел данных выразить по этому поводу какого-либо протеста на том основании, что ему было предписано из Синина об оказании экспедиции полного содействия как относительно пребывания в Цайдаме, так равно и по снаряжению ее в дальнейший путь.

◆

Тибет, высокий, заветный край, послужил мне предметом исследования, когда я проник в бассейн Меконга... Здесь гребни главных хребтов и второстепенных гор лежат сравнительно недалеко от окаймляющих их рек и речек, которые по большей части заключены в глубокие ущелья или живописнейшие теснины, наполненные вечным шумом вод. В замечательно красивую, дивную гармонию сливаются картины диких скал, по которым там и сям лепятся роскошные рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельник, ива; на дно, к берегам рек сбегают дикий абрикос, яблони, красная и белая рябина; все это перемешано массою разнообразнейших кустарников и высокими травами. В альпах манят к себе голубые, синие, розовые, сиреневые ковры цветов из незабудок, генциан, хохлаток, *Saussurea*, мытников, камнеломок и других.

В глубоких, словно спрятанных в высоких горах, ущельях, водятся красивые пестрые барсы, рыси, несколько видов диких кошек, медведи и даже,

нигде раньше путешественниками не замеченные, обезьяны (*Macacus vestitus*), живущие большими и малыми колониями нередко в ближайшем соседстве с тибетцами.

В ясную, теплую погоду в красивых уголках бассейна Меконга натуралист одновременно услаждает и взор, и слух. Свободно и гордо расхаживающие по лужайкам стаи фазанов или плавно, без взмаха крыльев, кружащиеся в лазури неба грифы и орлы невольно приковывают глаз; пение мелких пташек, раздающееся из чащи кустарников, ласкает ухо.

♦

Весеннее солнце пригревало между тем сильнее и сильнее. Кустарники и травянистая растительность ожили и принарядили унылую долину Цайдама; в воздухе, напоенном ароматом свежей растительности, целыми днями не смолкало жужжание насекомых и щебетание ласточек, вившихся над хырмой. Путешественников неудержимо влекло на юг — в горы, которые в мае, чаще стали открываться взору своими темно-синими ущельями.

В начале лета тибетская экспедиция посетила бассейн реки Хуан-хэ, в середине — бассейн Ян-цзы-цзяна, а в конце лета радостно вступила и в бассейн Меконга... Долго я стоял на перевале Радэб-ла и не мог налюбоваться Бар-чюским ущельем, гармонично сочетавшим в себе отвесные каменные кручи, густые леса из ели и древовидного можжевельника и темную извилистую речку, положительно тонувшую среди причудливо нависших над нею гигантских скал и цеплявшихся по ним хвойных зарослей. Даже мои монголы-спутники при виде Бар-чюского ущелья много раз повторяли: «Гадзэр сэйн байна»! — что значит место хорошее, красивое.

С обеих сторон ущелье запирается мрачными теснинами, а с восточной — кроме того и высоким каменным порогом, с которым Бар-чю яростно сражается, превращаясь при этом в одну сплошную массу, игравшую на солнце цветами радуги. Рев и шум Бар-чюской стремнины был в состоянии заглушить самый громкий людской голос. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также девственные заросли, нависшие с отвесно ниспадавших береговых стен. Это было мое любимейшее место охотничьих экскурсий.

По целым часам я просиживал здесь, наблюдая под монотонный гул стремнины за жизнью местных пернатых. Чуть блеснут солнечные лучи по скалистым стенам ущелья и вершинам хвойных дерев, как уже просыпаются птицы и покидают места ночевок. Снежные грифы, бородатые ягнятники и орлы-беркуты дозором понеслись над вершинами гор; высоко над елями парит ястреб, которого по временам беспокоят попутно пролетавшие соколы, сарычи, галки и крикливые красноклювые клушицы; на опушке полян, в хвое, цепляются всевозможные синицы, пеночки и золотистоло-

Зеленый всэре (*Inthaginis geoffroyi*).
1/16 натур. величины

бый королек; изредка, в стайке, перелетали ущелье гималайские клесты и горные голуби; у прибрежных, обмытых водою корней ютился крапивничек, а по речным валунам — водяная оляпка, часто спрыгивавшая на воду.

К полдню птички становятся менее энергичными и, напившись воды, незаметно скрываются в кустарники и скалы. Пора и охотнику возвращаться к бивуаку. Тихо бредешь по знакомой тропинке, порою на минуту остановишься, прислушаешься и в то же время посмотришь в бинокль на ближайшие скалы. Среди тишины вдруг польются, словно из свирели, нежные тонкие звуки зеленого красавца всэре, усевшегося где-либо на бугорке, подле стайки этих птиц, спустившихся к речке напиться; по мере того как умолкает одна приятная трель вблизи, за поляной раздается новая, там дальше еще и еще: мелодичные переливы звуков доверчивых всэре и замечательно нарядное их оперение часто совершенно обезоруживали меня

и я ограничивался одними прицеливаниями в этих птиц. Истый охотник-коллектор и любитель природы меня поймет...

Короткие дни в глубоком ущелье Бар-чю проходили скоро, сумерки длились также непродолжительно, а за ними быстро надвигалась ночь своим темным мрачным покровом. Благодаря богатству сухих дров, люди отряда по вечерам устраивали веселые костры, подле которых путешественники частенько засиживались позднее обыкновенного, в особенности когда еще сквозь медленно плывущие облака проглядывала луна, таинственно озарявшая тихий уголок бивуака и ближайшие серые скалы. Густой высокоствольный лес стоял безмолвно, словно погруженный в дремоту, и совершенную тишину ночи нарушали монотонный рокот речки, да унылое гуканье филина, по временам раздававшееся в том или другом ущелье. Неприятный голос этой ночной птицы будил экспедиционную собаку и привлекал ее с лаем в свою сторону; затем, через несколько минут, недруги успокаивались и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

Подле костра разделяла компанию путешественников их общая любимица — обезьяна, которую мне подарил тибетский начальник и которую путешественники впоследствии прозвали Мандрил. Обезьяна с первого же появления в лагере экспедиции сделалась предметом развлечения ее участников. Для этого зверька была устроена трапеция, на которой он проделывал всевозможные упражнения. Со всеми нами Мандрил скоро освоился, но привязывался только к тем, кто не допускал себе по отношению к нему злых или мальчишеских шуток; ласковое же отношение и лакомые подачки очень ценил, как равно не проявлял обиды или неудовольствия, если кто по временам наказывал на месте преступления.

Наш свирепый пес Гарза вначале порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушение, скоро смирился и освоился с ним, а недели две спустя оба наши спутника стали если не друзьями, то, во всяком случае, и не недругами. Гарза позволял Мандрилу безнаказанно ласкать себя за голову или навязчиво цепляться за ноги, за хвост, но только не выносил его назойливых прыжков на спину; в таком случае собака убегала от обезьяны и пряталась где-либо в кустах.

На дальнейшем пути вниз по Меконгу тибетцы неожиданно преградили дорогу и в одном, подходящем для них, месте пытались уничтожить экспедицию, но это предприятие стоило им порядочных потерь. Тем не менее никто не мог знать, что нас ожидало впереди... В течение всей ночи, казавшейся мне вечностью, я положительно не мог уснуть ни на минуту: мысли самого разнообразного свойства роились в моей голове. Чтобы поразнообразить и сократить время, я оставлял палатку и часами смотрел на ясное, спокойное небо. Яркие звезды медленно перемещались с восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изредка озаряли известную часть небесного свода и, померкнув, беззвучно исчезали в мировом пространстве. С соседнего карниза-обрыва сурово глядел на наш бивуак домик

ламы-отшельника, приютившийся словно орлиное гнездо. Внизу глухо бурлила и плескалась река, по верхушкам леса, порою, пробегал слабый ночной ветерок. Едва своеобразная ласка природы успела навеять дремоту, как уже на востоке зажглась алая полоска зари и лагерь пробудился.

Невдалеке, за кумирней Момда-гомба мы встретили трех нарядно одетых всадников, выехавших к нам из Чамдо для ведения дипломатических переговоров в качестве представителей местной тибетской администрации. Старший из них, в звании да-лама, высокий брюнет, с черными проницательными глазами, был в темно-красных одеждах и парадной шляпе, украшенной синим шариком. Через плечо этого амдосца, подобно генеральской ленте, висела связка серебряных гау (ладанка), а в левом ухе — наградная массивная золотая серьга, художественно отделанная бирюзой и кораллами. Двое других меньших чиновников составляли его свиту. При встрече с нами чамдосцы тотчас сошли с своих богато убранных лошадей и вежливо приветствовали нас; мы ответили тем же. Вслед затем да-лама стал просить меня не заходить в Чамдо, согласно будто бы желанию находившихся там лхасских чиновников, привезших из резиденции далай-ламы такого рода распоряжение. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза к небу, далама продолжал настоятельно просить о том же. «Пожалейте мою голову» — показывая пальцем на шею, повторял представитель чамдоской власти, и каждый раз, в ожидании перевода фразы, его испуганное лицо страшно бледнело. Со своей стороны я выразил да-ламе большое удивление, что чамдоская администрация решила заговорить с нами позже, нежели следовало, иначе такого сложного недоразумения не могло произойти. Во всяком случае, поступок тибетцев, действовавших по наущению главы великого монастыря и окрестных ему кумирен, переполненных монахами, послужит большим укором совести для того, кто благословил воинов поднять против нас оружие, и кто теперь, потеряв голову, командировал его к нам для улаживания этого неприятного дела. На мои доводы хитрый чиновник ничего не ответил и, чтобы не дать прочесть выражения своего лица, низко склонил голову. После этого я предложил чиновнику проследовать вниз по долине реки до места бивуака, где можно будет обстоятельнее выяснить этот тяжелый вопрос.

Второго ноября (1900 г.) экспедиция вновь поднялась на хребет Вудвиль Рокхиля, в восточной, еще более величественной его части, где перевал Мо-ла открывает бесконечный лабиринт гор по всем направлениям. Командующими, блестящими на солнце вершинами того же Рокхильского хребта были снеговые вершины Моди и Зачжи, на которые, по словам нашего чамдосца-спутника, старейшие ламы их богатого монастыря часто обращают взоры, так как при созерцании последних «чистых» ступеней земного мира человек в состоянии скорее отрешиться от житейской суеты и приблизиться к познанию нирваны... Гребни гор по большей части состояли из обнаженных серых скал, бока же их в это осеннее время темнели

зарослями леса, среди которого змейками извивались серебряные ленты многочисленных ручьев и речек, с шумом низвергавшихся в долину.

Многоводный Меконг стремительно несется по широкому галечному руслу, обставленному высокими берегами. Его зеленовато-голубые волны пестрят барашками, разбивающимися на порогах в мельчайшую водяную пыль, создающую на солнце очаровательную радугу. Местами же Меконг катится величаво-спокойно и представляет собою стальную или зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащие скалы и леса.

С Меконга мы поднялись на крутой выступ массива, с вершины которого я в последний раз любовался этой могучей рекой, ее меридиональной долиной, по дну которой темно-голубой блестящей лентой извивался многоводный данник Южно-Китайского моря. В северной части горизонта теснились угрюмые скалы, на юге река терялась в гигантских каменных воротах, за которыми в синеющей дали, словно облака, граничили с голубой полоской неба восточная окраина Рокхильского хребта и вершины более отдаленных Далай-ламских гор. Ближайший к нам сонм боковых скалистых отрогов темнел многочисленными складками сплошной заросли хвойного леса, ручьи и маленькие речки терялись на дне глубоких оврагов или второстепенных ущелий. У прибрежных террасовидных полян группировались серые домики тибетцев.

В одном из селений лхадоского округа — Лун-ток-ндо — путешественники прожили три зимних месяца. Это селение отстоит от Чамдо к северо-востоку, верстах в сорока, будучи обставлено со всех сторон горами, разрываемыми речкой Рэ-чю... В доме, занятом экспедицией только наполовину, в его верхнем этаже, прежние его обитатели вначале было перепугались и разбрелись по соседям, но вскоре, убедившись, что им худого ничего не причинят, возвратились и группировались в нижнем этаже.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятого экспедицией, сослужила хорошую службу для установки астрономических инструментов и производства определения географических координат этого пункта. Вставали мы на зимовке также сравнительно рано — конвой около шести часов, а мы, члены экспедиции, около семи, ко времени утреннего метеорологического наблюдения. После чаепития, каждый принимался за свое дело.

Наши минуты досуга по-прежнему разделял Мандрил, который, по мере надвигания весеннего тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись на соседнее к экспедиционному дому дерево, ловкий зверек подолгу проводил там время в удивительных прыжках с ветви на ветвь, нередко в погонях за приставшими к нему воронами. Соображая о будущем своего невольного спутника, я попытался было его пристроить одному из местных тибетцев, но Мандрил на пятый день вновь прибежал в наш лагерь и в таком жалком, несчастном виде, что у всех нас вызвал глубокое сожаление, усилившееся под впечатлением той радости, которую проявил бедный зверек при виде всех нас: в глазах и движениях обезьяны нельзя

было не видеть выражения просьбы не покидать ее. Пробовал я также отпускать Мандрила в стадо его диких собратий, но ничего хорошего не вышло: наш зверек получил несколько пощечин, которыми его щедро наделили дикие обезьяны. После того мы решили больше не расставаться с Мандрилом.

Общая характеристика местных обитателей напоминает таковую тибетцев. При встрече с почетными ламами или чиновниками лхадосцы заранее слезают с лошадей, а при еще большем приближении приседают и, одновременно с приседанием, высовывают язык, часто оттягивая правою рукою соответствующую щеку, а затем произносят «дэму» или «тэму», равносильное нашему «здравствуй!». В разговоре со старшими лицами простолюдины молчаливо и почтительно стоят и только изредка одобрительно кивают головой и покорно повторяют «лаксу, лаксу», т. е. «да-да», даже выслушивая жестокий приговор над собою. В знак одобрения тибетцы поднимают вверх большой палец, тогда как поднятый мизинец определяет собою низшее качество; промежуточные же пальцы указывают на соответствующую их расположению степень; два больших или два малых пальца, поднятых или выставленных одновременно, выражают или высшую похвалу, или крайнее порицание. Как и у других обитателей Тибета, у лхадосцев принято встречать и провожать гостей до лошади. О всяком постороннем или чужом человеке, направляющемся в дом тибетца, или проходящем мимо, но вблизи жилища, вовремя дают знать своим неистовым лаем злые собаки.

От множества различных бус, янтарей и раковин, от связок ключей, нацепленных на женщин или девушек, от своеобразных звуков, издаваемых всем этим убранством во время движения, лхадоскам положительно невозможно пройти незамеченными. И лхадоски большие любительницы всевозможных женских украшений и нарядов; и они также норовят заманить продавца с подобными товарами в соседство своего дома, чтобы тем самым скорее дать понять мужьям или отцам о представляющемся случае исполнить обещание, данное ими когда-то купить ту или иную вещь на зависть гордых соседок.

Праздник рождества Христова и первый день нового, двадцатого, столетия экспедиция отметила некоторой торжественностью, так как у нас все еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньяк, ликеры, сигары и пр.,— тщательно сберегаемые про такие исключительные праздники или другие дни, чем-либо знаменательные в нашем далеком и продолжительном странствовании. Надо, однако, заметить, что по части «питий» экспедиция располагала, на весь тридцатимесячный срок путешествия за границей, всего лишь двадцатью бутылками и полубутылками коньяка и ликеров, причем из этого скромного запаса три бутылки целиком были подарены именитым туземцам, кроме того, значительная часть коньяка пошла им в виде обычного угощения; из остального же запаса, служившего достоянием всего персонала

экспедиции, мы еще сохранили по бутылке коньяка и ликера под названием «заветная» до вступления на родную землю. Этими словами я хочу сказать, что так называемые горячительные напитки в нашей экспедиции представляли скорее лекарственное средство, нежели тот «необходимый повседневный предмет», в какой их возводят другие путешественники. Правда, пьющие нижние чины получали отдельную «чарку» водки, которую мы фабриковали сами, на месте, из восьмиведерного запаса спирта, везомого специально для коллектирования рыб, змей, ящериц, мелких грызунов и других образцов зоологических сборов. Непьющие же чины конвоя, а таких было несколько человек, взамен водки получали лишнюю порцию сахару или леденцов, обыкновенно экономно расходуемых ими вместе с кирпичным чаем — единственным напитком, на который мы не скупились, несмотря ни на какую его дороговизну. Сардины и сласти — эти «вкусные заедочки и усладеньки», выражаясь словами незабвенного Пржевальского, также получали и нижние чины и почти в той же мере, какая полагалась и по отношению к любому из главных членов экспедиции, не позволявших себе никакого излишка и комфорта, наоборот, с первого дня путешествия с караваном расставшихся с привычками цивилизованной обстановки, до спанья на кроватях или койках включительно: все члены экспедиции спали прямо на земле, лишь подостлав под себя войлок. Короче — мы жили братьями.

Такие исключительные праздники или, например, вступление экспедиции на нагорье Тибета, в бассейн Ян-цзы-цзяна или Меконга, добычу новых форм млекопитающих и птиц мы ознаменовывали тем, что наш однообразный суп сменялся вкусным пловом и помянутыми заедочками и усладеньками, которые мы делили с детской наивностью и простотою. В подобные минуты, сидя за чашкой чая, мы считали себя, положительно, счастливейшими из людей, в особенности если к тому же еще выпадали на нашу долю такие чарующие уголки, на какие не один раз указывалось мною выше.

20 февраля (1901 г.), с первыми проблесками весны на Меконге, экспедиция снялась лагерем и направилась в обратный путь — к родине. Между долинами рек Меконга и Ян-цзы-цзяна вставал грандиозный хребет, названный мною «хребет Русского Географического Общества»; при пересечении двух снеговых цепей этого хребта участники экспедиции натерпелись немало, так как в области верхнего пояса и перевалов, поднятых до 16 600 футов над морем, бушевали снежные штормы.

Особенно дикое и подавляющее впечатление производят горы в тесном промежутке между двумя высокими цепями хребта, где небольшая по протяжению, но многоводная речка Бар-чю [1], с крутым падением и бешеным

[1] Бар-чю, что значит звонкая, бурливая, стремительная речка,— вторая в области маршрута экспедиции, вступившей уже в бассейн Ян-цзы-цзяна. Первая же «красавица» Бар-чю находится в бассейне Меконга.

стремлением вод, ведет борьбу со скалами и порогами, нагроможденными в хаотическом беспорядке в теснине северной цепи, не представляющей никакой возможности для движения каравана. Бешеная речка Бар-чю, словно стальная змея, разрывает передовые горы, шумно клокочет и пенится на дне темной расщелины и далее, по направлению к долине Ян-цзы-цзяна.

Не менее дика и величественна картина вообще в верхнем поясе этого хребта, обильного мощными скалами и высокоствольными хвойными лесами, нередко сочетающимися в своеобразную прелесть. Множество высоких и низких, густых и разреженных кустарников лепится там и сям, по карнизам и сопкообразным выступам отрогов или поднимается по крутизнам, изрезанным каменными руслами, местами прерываемыми шумными каскадами.

В середине, между цепями хребта, в урочище Бачам-да, экспедиции пришлось устроить невольную дневку, так как в течение ночи, с пятого на шестое марта, выпал снег глубиною до фута и по временам проглядывавшее сквозь туман солнце болезненно ослепляло глаза, не давая возможности без сетчатых очков ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

Эта же стоянка еще более омрачилась для нас гибелью на только что пройденном перевале нашего спутника Мандрила, умершего под тяжелым вьюком, свалившимся на него вместе с быком, одновременно везшим и несчастного Мандрила. Сознаюсь, что мне лично очень тяжело было перенести смерть обезьяны, детски привязавшейся к нам и отлично знавшей каждого из участников экспедиции. Гренадеры, вооружившись лопатами, вырыли яму на красивом горном скате, вблизи звонкой и прозрачной речки. Холодный трупик нашего любимца был бережно опущен и засыпан землей, поверх которой мы соорудили из камней пирамидку...

В долине Ян-цзы-цзяна тибетскую экспедицию догнал лхасский отряд всадников, во главе с двумя чиновниками, командированными далай-ламой для ведения переговоров с начальником экспедиции. Послы решились прибыть в русский лагерь и начать с путешественниками переговоры лишь после того, как убедились в том, что они видят перед собою действительно русскую экспедицию.

В течение недельного совместного пребывания на берегах Ян-цзы-цзяна мы хорошо познакомились с лхасцами. В беседах с ними нам удалось расспросить этих лиц о Тибете вообще и о Лхасе и ее главном представителе в частности. Благодаря их же содействию экспедиции посчастливилось на дальнейшем пути еще более расширить свои географические исследования... Дружески обменявшись приветствиями, сфотографировав послов, одарив их и передав от Русского географического общества подарки для далай-ламы, мы приятельски расстались с лхасскими чиновниками. Со своей стороны послы вручили экспедиции более нежели скромные подарки, заключавшие в себе «дары местной природы».

Дальнейший путь экспедиции проходил в более доступной местности и первое время по большой торговой дороге, ведущей в Хор-Гамдзэ. Изредка встречались приветливые уголки, с лесною зарослью, где наши путешественники устраивали охоты-облавы.

Первая наша охота загоном была устроена вечером, вторая ранним утром, когда чаще случается лучшая погода. Мы вовремя успели обойти лес и занять свои знакомые места. Воздух был тих и прозрачен. Небо из темно-синего постепенно переходило в более нарядный и живой ярко-синий оттенок; позднее от южных высоких гор стали отделяться тонкие облачка и медленно неслись в нашу сторону; там, в вышине, среди облачков, в лазоревых пространствах, мелькали точками снежные грифы и бородатые ягнятники; здесь, внизу, вдоль святой горы, быстро с шумом пролетела пара благородных соколов и беркут, осиротевший накануне; первые птицы, вероятно, не терпели соседства орла, ожесточенно нападая на него с разных сторон, но гордый сильный хищник спокойно следовал вперед и лишь порою опрокидывался спиною вниз или проделывал другие эволюции. По удалении орла соколы на свободе занялись любовною игрою, спиралью поднимаясь в высь, в которой и скрылись совершенно. Рядом в лесу перелетали мелкие птички, одни молчаливо, другие, наоборот, со звонкой веселой трелью. В восточном направлении открывалась долина, по которой змеилась речка, блестевшая ледяной поверхностью. На севере, по луговым откосам гор, пестрели стойбища тибетцев-скотоводов. В бинокль отлично было видно, как женщины возились с барашками, отнимая их от матерей, спешивших к удалявшимся стадам. Окрест святой горы паслись наши караванные животные. На юге ослепительной белизной сияли и искрились снега Дэргэского хребта. Стоя на своем номере, в ожидании загонщиков, пригреваемый теплым весенним солнышком, я невольно восхищался величием окружавшей меня природы. Между тем голоса загонщиков сделались более громкими; надо стоять настороже, зорко смотреть и напряженно вслушиваться. В гущине леса что-то подозрительно треснуло, и все внимание охотника направлено к месту звука, затем опять тишина и томительное ожидание; подле испуганно промелькнула синица, за нею краснохвостка, в высоких ветвях переместился дятел, а пониже, в кустарниковой чаще, затрещал дрозд, выдавший присутствие зайца, быстро вынесшегося к соседней опушке леса; вдруг грянул выстрел, красивым эхом откликнувшийся в хвойном лесу, ветер пахнул дымом, и все стихло. Охота кончилась...

◆

Вскоре потом экспедиция оставила сычуаньскую дорогу и постепенно склонилась своим курсом на север — северо-запад, следуя вверх по Я-лунцзяну, левому притоку Голубой реки. В этом углу Кама обитают более воинственные кочевники, которые с первых дней встречи с путешественниками стали проявлять разбойничий задор. Предчувствуя недоброе, путе-

шественники перешли на военное положение: наполнили свои сумки патронами, усилили ночные дежурства и спали не раздеваясь. Во время движения каравана высылались дозоры, обнаруживавшие сторожевые отряды тибетцев. Наконец, стало ясным, что экспедиция вновь заперта, что ей предстоит во что бы то ни стало пробиваться силою.

Тихая, полуясная ночь прошла довольно спокойно, как равно и слегка морозное раннее утро, 25 апреля, когда экспедиционный караван медленно, но в то же время и бодро двигался вверх по Гэ-чю, держась сосредоточенно, Мелодичное пение соловья долго не прерывалось, между тем солнце уже осветило вершины соседних гор, тонкоперистые облачка медленно плыли к востоку, сбиваясь в сплошную пелену, тогда как на западе небосклон прояснялся все больше и больше. Сдержанный людской голос давал понять, что отряд глубоко проникнут предстоявшим событием. Все внимательно следили за соседними горами, но всего больше, разумеется, за той частью гребня, где расположился неприятель. Наконец, показался и он сам; почти одновременно на трех соседних плоских вершинах Биму-ла заволновались тибетцы в развернутом конном строю. Громкие голоса местных воинов, мастерски выводивших своеобразные трели, слились в общий дикий концерт, нарушивший тишину утра в горах. Минут через пять голоса тибетцев смолкли, затем повторились еще и еще. Мы продолжали двигаться до подошвы главного ската перевала, отстоявшего своей вершиной на расстоянии одной версты, где временно остановились, чтобы подтянуть потуже подпруги, самим полегче одеться и еще раз осмотреть оружие. Тем временем на гребне северной цепи гор показалась партия, человек в двадцать пять, других тибетцев, оставшихся для нас неизвестными. Число же лингузцев простиралось от двухсот пятидесяти до трехсот человек. На сей раз наши недруги покрикивали или одновременно с двух сторон или же поочередно, словно переговариваясь о чем-то.

Так как между нами и лингузцами, на первом уступе гор, залегали скалистые обнажения, за которым могла находиться неприятельская засада, то я, приказав каравану осмотрительно двигаться на перевал, сам с А. Н. Казнаковым и Бадмажаповым, постоянно при мне находившимся, поехал налегке вперед, с целью возможно скорее обогнуть каменистую преграду. К нашему благополучию лингузцы не воспользовались этим естественным передовым укреплением, и мы, миновав его, были снова на открытом луговом скате, обеспечивавшем свободное движение каравана. Едва мы показались здесь, как тибетцы еще грознее завопили на всевозможные лады и тотчас же, несмотря на довольно большую для их ружей дистанцию — в шестьсот шагов, одновременно с трех вершин открыли огонь из своих фитильных ружей. Благодаря их командующему положению тибетские пули по инерции долетали до цели, шумя и свистя то тут, то там... Как уже говорено было выше, стычку пришлось вести на высоте около 15 000 футов над морем, где разреженный воздух давал себя чувствовать

даже и привычным организмам. По мере нашего приближения к перевалу и по мере того, как наша боевая линия усиливалась людьми, прибывавшими от каравана, а следовательно, усиливался и наш огонь, тибетская пальба стихала; разбойники показывали одни лишь головы; еще же через полчаса или час, когда мы, уже в числе десяти человек, благополучно поднялись на гребень, последний был свободен. Разбойники со страхом, подобно горному потоку, бежали по крутым ущельям на юг, по направлению к Я-лун-цзяну...

Тем временем караван подтянулся на перевал, и я поздравил некоторых из своих молодцов спутников младшими или старшими унтер-офицерами и урядниками. Роли теперь переменились: мы стояли на вершине гребня и спокойно завтракали там, где только что находились наши недруги, заготовившие большое количество дров и льда.

Проучив и этих разбойников, путешественники в дальнейшем чувствовали себя вполне удовлетворительно. Теперь они выходили на нагорье, на простор, где могли лучше применить свое прекрасное вооружение и еще успешнее гарантировать безопасность. Встречные дзачюкавасцы и литанцы по отношению к экспедиции были очень сдержанны; здесь о стычке были осведомлены. Путешественники располагали тремя проводниками, в сообществе с которыми удачно вышли на прямую разбойничью дорогу, ведущую на озеро Русское.

На всем нашем пути по безлюдному нагорью, но в особенности в районе бассейна речки Сэрг-чю, нам ежедневно приходилось наблюдать от пяти-шести до десяти-двенадцати и более медведей, промышлявших то поодиночке, то большей частью по два, по три, а однажды пришлось видеть четырех взрослых пищухоедов, бродивших тесной компанией. В открытой долине Сэрг-чю, где среди «шириков» (тибетская осока) залегают в виде островков глинистые возвышения, населенные пищухами, мы насчитывали с одного наблюдательного пункта до десятка медведей: там, невдалеке, резвится медведица с двумя детенышами, здесь двое взрослых зверей отдыхают, греясь на солнце, вдоль соседнего ручья пробираются разрозненной компанией три медведя, к одному из которых, самому крупному, подходят двое из наших охотников и т. д. Обилию медведей в Тибете, конечно, способствует и то обстоятельство, что туземцы их не стреляют, за исключением охотников, желающих воспользоваться шкурой, как ковром или подстилкой во время охотничьих экскурсий за травоядными. Что же касается нашей экспедиции, то мы, наоборот, редко упускали случай, чтобы не поохотиться на этого зверя. Всеми нами в общей сложности за две весны было убито до сорока медведей, из которых пятнадцать пришлось на мою долю.

Охота на медведей здесь в Тибете производится «в открытую», если можно так выразиться. Действительно, заметив медведя еще издали, охотник смело идет к нему поближе, затем начинает рассматривать и сообразовываться, с какой бы из сторон всего удобнее его скрасть, т. е. приблизить на выстрел незамеченным, считаясь с отличной способностью медведя

Медведь-пищухоед (*Ursus lagomyiarius* Przew.)
$^{1}/_{17}$ натур. величины

далеко чуять по ветру. Зрение же у этого зверя сравнительно довольно слабое. Всего удобнее подходить к медведю в то время, когда он занят ловлей пищух или предается отдыху, и наименее подходящее время, когда зверь направляется скорым «ходом», будучи напуган. Если же медведь спокойно разрывает грызунов, то обыкновенно норовят идти к нему ускоренно, останавливаясь во время поворотов зверя в сторону охотника. Если на пути к медведю имеются хотя мало-мальские прикрытия, то нетрудно приблизиться к цели на сотню шагов, а то и ближе. Подойдя к зверю, охотник с колена или лежа стреляет в медведя. В большинстве случаев опытный охотник и умелый стрелок одним, двумя, самое большее тремя выстрелами из обыкновенной трехлинейной винтовки уложит зверя.

Из многочисленных охот на медведей, веденных мною и моими спутниками в последнюю весну в Тибете, я остановлюсь на одной из них. Мы успели сделать переход и расположиться лагерем в глубокой, узкой долине, окаймленной луговыми скатами. Некоторые из людей отряда отправились на охоту, я же прилег вздремнуть, как вдруг слышу голос тибетца Болу: «Пэмбу, джему эджери!», т. е. «Господин, медведь идет!» Действительно, стоило мне только приподняться, как я уже увидел медведя, медленно шедшего по косогору. Зверь, по-видимому, не обращал внимания на наш бивуак. Не долго думая, я взял свою винтовку, вложил в нее все пять патронов — два разрывных и три обыкновенных — и направился на пересечение пути медведя. Однако высота около 15 000 футов над морем, дает себя чувствовать: горло пересыхает, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садишься. Невольно смотришь в сторону медведя и не спускаешь с него глаз; мишка по-прежнему то движется вперед, то разрывает землю. Опять идешь; солнце пригревает, ветер освежает. Наконец, зайдя навстречу зверю, я прилег за бугорком. Жду. Медведя нет и нет. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнение охотника исчезло: медведь невдалеке прилег. Ползком продвинувшись десятка два шагов, я достиг второго бугорка. В бинокль отлично было видно, как ветерок колышет длинную блестящую шерсть медведя; кругом тихо, спокойно; могучие пернатые хищники зачуяли добычу и кружат на фоне неба; наш бивуак словно замер: внимание всех приковано к медведю и охотнику. Раздался выстрел, медведь сердито зарычал и тяжело приподнялся на ноги; глухо щелкнула вторая пуля — зверь грузно свалился наземь. Не меняя положения, я взглянул в бинокль: медведь лежал не шевелясь. Встаю и направляюсь к обрыву, находившемуся от меня шагах в двухстах, поодаль от медведя, чтобы оттуда взглянуть по сторонам. Тем временем двое операторов-казаков уже покинули бивуак и шли к медведю. Подойдя к обрыву, я от усталости невольно тяжело вздохнул, медведь вскочил, словно ужаленный, потряс своей мохнатой головой и со страшной стремительностью направился ко мне, неистово рыча и фыркая. Подпустив разъяренного медведя шагов до десяти, я выстрелом в грудь свалил его; зверь кубарем, через голову, свалился вниз. Последний

решающий момент, когда озлобленный мишка несся с окровавленной пастью, надолго запечатлелся в моей памяти: в нем, в этом моменте, и заключалось то особенное чувство, которое так дорого и привлекательно охотнику...

Вскоре затем экспедиция поднялась на вершину невысокого безымянного перевала, откуда, действительно, могла радостно приветствовать голубую зеркальную поверхность знакомого бассейна озера Русского. Почти год минул с тех пор, как мы его покинули с запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манивший нас своею мягкой лазурью. В северной дали вырисовывался силуэт хребта Амнэн-кора, белоснежные вершины которого сливались с облаками. Целые полчаса я простоял на перевале, любуясь видами в ту и другую сторону. Южный горизонт будил воспоминания о красоте и богатстве природы Кама, северный радовал счастливым достижением конца нашей главной тибетской задачи. Пропустив весь караван мимо себя, мне приятно было прочесть на лицах моих спутников удовольствие и радость... Еще час-другой, и наш бивуак уже красовался на возвышенном берегу, о который гулко ударялись высокие, прозрачные озерные волны...

◆

Между тем нетерпение экспедиции попасть в Цайдам росло с каждым днем. Все участники ее невольно всматривались в ту часть хребта Бурхан-Будда, откуда мог и должен был показаться цайдамский отшельник Иванов. Иванов был обнаружен в ожидаемый день и в намеченном направлении. Приезд Иванова оживил весь бивуак. Пошли спросы и расспросы... Прежде всего цайдамский отшельник порадовал начальника экспедиции докладом о хорошем состоянии склада, а затем вручением почты — первой со времени двухлетнего странствования, если не считать десятка писем, полученных пятнадцать месяцев тому назад в Синине. Один из членов экспедиции справедливо заметил, что Иванов, приехавший на прекрасной откормленной лошади, в нарядном кителе, с разодетым цайдамским монголом, составил полный контраст по отношению даже к членам экспедиции, не говоря уже про конвой,— так обносились участники тибетской экскурсии. Лица их вполне гармонировали с потрепанным одеянием.

Спустя некоторое время Иванов более спокойно рассказывал о своем житье-бытье в Цайдаме. Самым великим лишением, говорил он, для всех их (четырех человек) составляло неполучение прямых сведений об экспедиции; те же нелепые рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками-туземцами, их не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; некоторому сомнению в благополучии экспедиции способствовали позднейшие толки, приходившие из разных мест Тибета и согласовавшиеся между собою, о гибели экспедиции, но они твердо верили, что

этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо из персонала экспедиции, но не всей экспедиции...

До поздней ночи отряд не ложился спать; да и в постелях долго еще можно было слышать мягкие голоса путников, мирно беседовавших о своей родине: по-видимому, у всех на душе было легко, хорошо. К тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; свод неба был унизан звездами и серпом молодой луны.

Китайцы-переводчики, командированные сининским цин-цаем с пакетами в экспедицию, долго не верили собственным глазам, что нашли всех путешественников живыми. В Синине были уверены, что русская экспедиция погибла, и что начальнику края придется ответить за беспечность.

В конце августа экспедиция вступила в Синин. У западной крепостной башни, превосходно выложенной из серого камня, мы переправились через быструю, довольно многоводную речку и вошли арочным входом в город. Несколько солдат, стоявших на башне, тупо-бессмысленно глядели из-за бойниц в нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на нас при вступлении в узкие многолюдные торговые улицы, где тотчас образовалась толпа досужих зевак, последовавших за нами. У купцов, сидевших за прилавками магазинов, вытягивались физиономии, и они на время забывали свое дело; многие почему-то громогласно считали нас по головам, не стесняясь указывать пальцем. Мальчишки забегали вперед, толпились, сбивали друг друга с ног и задерживали встречных, упрямые ослики становились поперек дороги, громко орали, заставляя спрыгивать седоков,— словом, обычная городская картина, наблюдая которую мы незаметным образом прибыли к торговому дому Цань-тай-мао. После некоторого смущения и нерешительности приказчики открыли ворота и впустили во двор моих людей и лошадей, я же с Ладыгиным прошел через магазин в помещение купцов, которые заранее отвели для нас две комнаты. Сопровождавший нас купец шепнул на ухо моему сотруднику, что он и его ближайшие товарищи опасаются за нашу безопасность: «Толпа возбуждена, страсти ее могут возгореться при малейшей нетактичности с вашей стороны: ведь народ не может забыть, что вы — европейцы — принудили богдохана оставить столицу и бежать чуть не пешком внутрь страны». Позднее, вечернее время заставило зевак скоро разойтись, а наших купцов успокоиться и приготовить для нас ужин, а затем оставить нас в покое.

Наутро, приведя себя в порядок, мы отправились с визитом, о чем В. Ф. Ладыгин уже успел предупредить цин-цая и других главных должностных лиц Синина. Средством передвижения я избрал китайскую закрытую тележку, внутри которой мне можно было спрятаться от любопытных глаз; снаружи же усаживался В. Ф. Ладыгин. Первый, к которому мы поехали с визитом, был цин-цай — Бань-ши-да-чень, бывший сылан инородческого приказа, родом маньчжур — Ко-пу-тун-и. Невысокого роста, коренастый, округлый, с небольшими темными глазами и здоровым лицом, он

производил хорошее впечатление. После обычных приветствий цин-цай утонченно поблагодарил за подарок, а затем с улыбкой начал выражать свой восторг по поводу моего благополучного возвращения из Тибета: «Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что, глядя на вас, сам молодеешь душою; я отчасти могу представить себе те невзгоды, трудности и лишения, какие вы переносили непрерывно в течение двух с лишком лет; вы вышли из всего победителем и привезли с собой научные драгоценности, и как теперь я искренно рад, что вы вернулись здравыми и невредимыми. В ваше отсутствие я получил несколько депеш, одна тревожнее другой; и в России, и в Китае считали вашу экспедицию погибшей. По возвращении же моих посланных из Цайдама, доставивших мне отрадное известие, я тотчас телеграфировал о том в Пекин. В настоящее время, вероятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствование и смело надеется на таковое же возвращение». Далее разговор перешел к самому путешествию; цин-цай очень интересовался восточным Тибетом и племенами, его населяющими. С своей стороны я коснулся было современной политики Китая по отношению к европейским государствам, но, как и следовало ожидать, Бань-ши-да-чень искусно перешел на другую тему: «Вас, вероятно, ожидают в России почетные награды!». Поблагодарив цинцая еще раз за его предупредительность и любезность, много раз проявленные как к экспедиции, так и ко мне лично, я отправился к дао-таю или губернатору. Во дворе и за двором меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично.

Дао-тай тоже маньчжур, переведен в Синин из Кульчжи, где занимал подобную же должность. Представительный, молодцеватый дао-тай тем не менее выглядел крайне опечаленным; причиной этой печали, по признанию самого хозяина, было то, что у него в Пекине, во время разгрома, без вести пропала шестнадцатилетняя красавица дочь... Справившись с собой, дао-тай стал забрасывать меня вопросами о путешествии, о диких племенах Тибета, о наших с ними стычках; между прочим, его занимали и такого рода вопросы — много ли осталось в Тибете мест еще не исследованных, доволен ли я сам географическими новостями и всякого рода научными коллекциями, собранными экспедицией, скоро ли я отправлюсь в новое путешествие и многие другие в этом роде. В заключение, губернатор заметил: «Слава богу, что вы возвратились с честью и со славой; и ваше и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки на будущее время избегайте таких диких мест». Во время продолжительного разговора за неизменным чаем любезный дао-тай извинялся, что не может нас угостить шампанским, которое он любит и к которому его приучили в Кульчже русские знакомые. Затем он предложил моему сотруднику коробочку папирос; видя, что тот с жадностью набросился на них и стал уничтожать одну папиросу за другой, он принес еще несколько коробочек и принудил Ладыгина, долго не курившего хорошего табаку, взять и эти. Сам хозяин от времени

до времени покуривал из китайского кальяна, художественно отделанного разноцветной эмалью в соединении с бирюзой и бронзой. В приемной губернатора, как и в приемной цин-цая, стоял его многочисленный двор — адъютанты, чиновники, различные низшие служащие и обыкновенная публика; впрочем, последняя и большинство низших служащих помещались главным образом во дворе. Со двора же, в бумажные отверстия окон, смотрело также немало глаз женщин из семьи дао-тая и доносился их мягкий, приятный голос.

Расставшись с дао-таем мы через четверть часа были у чжэнь-тая — командующего войсками области. По слухам, чжэнь-тай состоял видным членом антиевропейского общества «гэлаохуй», что не мешало ему быть по отношению к нам не только корректным, но даже изысканно вежливым и гостеприимным. Несмотря на свои немолодые годы, чжэнь-тай выглядел очень хорошо: держался ровно, ходил скоро. Громкий голос и величавая осанка изобличали в нем настоящего командира. После того, как мы поприветствовали друг друга, командующий войсками поинтересовался знать, к какой я принадлежу национальности; последующий же разговор был приблизительно тот же, что и прежде.

Перед отъездом чжэнь-тай пригласил нас к себе на послезавтра на обед.

Впереди предстояло еще два визита к младшим лицам местной администрации, заехав к которым мы поспешили домой; признаться, я сильно устал в необычайной обстановке и по приезде к себе на квартиру тотчас сбросил парадное одеяние, облекся в летнюю тужурку и вышел во двор подышать воздухом. Двор наших хозяев отличался опрятностью, значительная его часть имела досчатую настилку; у одной из сторон двора красовались клумбы свежей зелени и ярких цветов. Огромный пес лениво лаял с верхней галереи, откуда он спускался по ночам вниз для несения сторожевой службы. На крыше дома резвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другие, съежившись в комочек, сидели неподвижно, третьи громко ворковали, два же самых красивых голубя так озлобленно дрались, что не заметили, как их общий враг — кошка, стремительно бросившись, схватила одного из них и чуть-чуть не задушила, если бы вовремя не подоспел меткий удар, заставивший кошку моментально бросить голубя и бежать без оглядки. Освобожденный голубь вспорхнул и полетел, оставив за собой немало перьев, медленно падавших на землю.

На следующий день я принимал у себя синийских представителей; старшие из них жаловали ко мне в паланкинах, младшие приезжали в тележках или просто верхом на отличных иноходцах, убранных богатыми седлами. Каждого из китайских чиновников сопровождала более или менее многочисленная свита, имевшая в хвосте немало праздных добровольцев. В общем разговор был тот же, что и вчера, с незначительным лишь дополнением, касающимся жизни самих чиновников на этой окраине.

Накануне оставления Синина, в два часа дня, мы отправились на званый обед к чжэнь-таю. Толпа, ориентировавшаяся по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать наш экипаж, но, как и прежде, она была крайне сдержанна: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ее обычного в таких случаях эпитета: «ян-гуйцзе», т. е. «заморский дьявол». Подъехав к дому чжэнь-тая и миновав его первые двое ворот, мы вышли из тряской тележки и последовали пешком в третьи ворота, за которыми уже увидели предупредительного чжэнь-тая, окруженного блестящей свитой. После приветственных рукопожатий мы направились в тесной компании, под звуки китайского оркестра, в большую открытую с боков столовую, расположенную напротив домашнего театра. В столовой мы были представлены четырем сослуживцам командующего войсками, принимавшим участие в званом обеде. Большой круглый стол был уже уставлен всевозможными, исключительно китайскими яствами, помещавшимися в многочисленных — больших и малых, высоких и низких — чашечках. Хозяин дома сделал знак гостям приблизиться к отдельному столу с закуской. Приглашенная компания чинно повиновалась, и каждый из гостей, взяв по маленькому блюдечку сладкого, принялся кушать; затем сели за обеденный стол; мне было отведено почетное место во главе стола, прочие гости разместились согласно их служебному рангу, и, наконец, сам хозяин занял стул, стоявший несколько поодаль от прочих, не имея у себя визави.

Первая часть обеда длилась около двух часов; сколько подавалось блюд, трудно сказать, но думаю: около тридцати или сорока. После каждого блюда хозяин дома поднимал маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогретым вином, и, обводя глазами гостей, призывал их то же самое сделать, чтобы одновременно всем осушить чарочки. Большинство блюд были очень вкусными, как и вообще обед, и с китайской точки зрения, по заключению В. Ф. Ладыгина, не оставлял желать ничего лучшего, хотя, конечно, чжэнь-тай извинялся за «скромное» содержание блюд, ссылаясь на отдаленность приморских городов, в которых только и можно достать тонкие, гастрономические принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я с своим сотрудником были усердно заняты едой, во время которой вообще у китайцев не принято много разговаривать; по выходе же из-за стола, в течение четверти часа, у гостей шел оживленный разговор. Сосед по столу В. Ф. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаец, убедительно просил моего спутника добыть ему лекарства или указать иной способ избавиться от курения опиума, в конец разрушившего его организм. Вторая или заключительная часть обеда прошла сравнительно скоро; сонные, раскрасневшиеся лица гостей свидетельствовали о их желании отправиться по домам и отойти на час-другой в область Морфея. Необходимо добавить, что в продолжение обеда на театральной сцене шли различные представления и играл смешанный оркестр; костюмы и грим были очень интересные. Все актеры — мужчины; женские роли избирают молодые

китайцы, имеющие женственные лица и умеющие подражать женщинам, как манерами, так и голосом. Больше всех привлекал внимание гостей красивый, изящный мальчик, и как актер казался несравненным, в особенности в самых трудных местах действия; его красота и плавность движений были просто очаровательны, как очаровательна и самая игра привыкшего к похвалам красавца-мальчика. В антрактах гости посылали актерам денежные подарки, за что последние прибегали просить указаний на последующие темы.

Званый обед удался, на лице хозяина сияла неподдельная улыбка!..

◆

30 августа экспедиция оставила Синин. Дальнейший путь к пустыне Гоби шел в области гор Восточного Нань-шаня, самой красивой расчлененной его части. Караван приходилось то подниматься на кручи и следовать вдоль опасных карнизов, то спускаться на дно глубоких ущелий и переправляться в брод через ручьи и речки. К сожалению, первые дни горы были скрыты густыми облаками, и вся прелесть их терялась. Это лето, 1901 г., было здесь особенно богато атмосферными осадками; тропинки несколько раз размывались и вновь исправлялись. Отряду экспедиции в этом отношении пришлось также поработать не мало, а ее начальнику поболеть душою при виде, как неуверенно пробирается караван по скользкому глинистому обрыву. Того и гляди, что полетит тот или другой вьюк с коллекциями или инструментами и в один несчастный миг... страшно подумать — все труды пропадут даром; такого рода несчастья никогда не забудешь Чтобы отвлечь напряженное внимание от каравана, невольно переводишь взгляд в другую сторону, где залегает еще более дикий хаос гор, размытых множеством ущелий; самую величественную гору из окрестного сонма громад — Рангхта — нам удалось увидеть только однажды, в незначительный ясный проблеск; она была покрыта снегом и небольшими клочками кучевых облаков. Затем погода улучшилась. С вершин отрогов путник мог наблюдать красивые, широкие виды, заполненные богатой растительностью. С глубин ущелий в красивом беспорядке взгромождались одна на другую дикие серые скалы, по которым кое-где торчали жалкие деревца ели и можжевельника; от самых высоких или командующих вершин, в свою очередь, сбегали каменные россыпи; выше всего, в ярко-синем небе, плавно кружились снежные грифы, бородатые ягнятники и звонко клектавшие орлы-беркуты...

Придя в монастырь Чортэнтан, экспедиция расположилась лагерем на левом берегу Тэтунга, напротив прежней стоянки, в виду заманчивых лесных ущелий. Вблизи расстилался тополевый вековой лес, еще ближе монотонно шумела и плескалась река... Сколько лучших воспоминаний вновь пробудил во мне Тэтунг. На этих самых берегах я впервые понял высокую

прелесть путешествия по Центральной Азии; на этих самых берегах я прислушивался к заманчивым рассказам моего незабвенного учителя о Каме; среди этой же обстановки я отдыхал после пустыни Гоби, идя в передний путь. Теперь я вновь на этих берегах, еще более чарующих меня обаятельной лаской природы и отрадно воскресающих во мне на месте живой образ ее первого исследователя...

В первый день прихода в Чортэнтан путешественники доставили на бивуак свое имущество, образцово сбереженное монастырем. Каждый из них нашел здесь личный запас платья, белья и после обстоятельного мытья с удовольствием оделся во все новое, свежее. Первое время мы даже не сразу узнавали друг друга, замечая со смехом «все стали господами». Припрятанные на дне ящиков заедочки и усладеньки также пришлись нам как нельзя более кстати. Словом, приход в Чортэнтан для экспедиции был великим праздником. Наши друзья ламы еще более способствовали подобному радостному настроению. Они нас встретили словно самых близких родных, участливо расспрашивая не только о путешествии по «стране лам и монастырей», но и о том, что нам известно из писем о нашей родине, о наших родных. Эти люди, казалось, всецело отдались нам — и радовались, и горевали неподдельно вместе с нами; свое личное я, на время нашего пребывания, было ими забыто.

10 сентября эспедиция покинула Чортэнтан. Ламы напутствовали начальника экспедиции лучшими пожеланиями и интересной тибетской книгой «История царей Тибета», сочинение пятого далай-ламы. Прощание было самое трогательное, в особенности с Цорчжи-ламой, проводившим путешественников на протяжении двух дней к северу. При дружеском расставании монах растрогался, крупные слезы полились из его темных глаз, еще минута, и он... зарыдал. Подобного рода слезы я видел у туземцев впервые; они на меня произвели глубокое впечатление. Человек, чуждый нам по религии, языку, нравам, обычаям, был тем не менее близок нам по общечеловеческим душевным качествам.

От этого чортэнтанского ламы, равно и от других приятелей, обитающих в нагорной Азии, начальник экспедиции периодически получает письма. «Удостоившись знакомства с Вами,— читаем в одном из писем Цорчжи-ламы,— я проникся к Вам чувством искренней преданности, со времени разлуки с Вами, когда я постоянно с глубокой любовью вспоминал о Вас, незаметно промелькнуло несколько месяцев. Вот и зеленый тростник покрылся туманом и серебристая роса сгустилась в иней. Я думаю о том месяце (о Вас), как будто бы он находился, и как запретить духу переноситься через пространство. С почтением вспоминая о Ваших великих доблестях и высоких административных талантах, я с глубоким нетерпением ожидаю как благовещение облака (отличие) покроет Вас, как роса покрывает бамбук. А я бедный монах, обитатель пустыни, пристрастившийся к лесам и источникам, хотя и мечтаю о том, чтобы выделиться из толпы, но мне не достает указаний к воспитанию природы. Какое сравнение с Вашим

превосходительством, который широко распространяет просвещение, озаряя им людей...»

Оставляя приветливый, богатый Нань-шань с лазоревым небом, экспедиция вступает в монгольскую пустыню, над безграничным простром которой висела, словно вуаль, пыльная дымка. Туда, на север, уносились все помыслы и стремления усталых путешественников, ласкавших себя приятными грезами и мечтами о приближении к родине...

2 октября экспедиция оставила шумный Дын-юань-ин и сразу очутилась в тихой монотонной пустыне. Проходя у высот, окаймляющих город с севера, путники наблюдали интересную травлю лисиц борзыми. Невдалеке от каравана, из-за холмов, неожиданно показались всадники, которые с страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченные лисой. Я долго не забуду в высшей степени интересных двух-трех минут, в течение которых лиса, борзые и несколько всадников, слившись в один фокус общей картины, мчались подле нашего каравана; это было нечто особенное, приковавшее наше внимание; вот еще одна секунда, еще один момент — и лисица в зубах собак. Общее замешательство и поднятая в воздухе пыль подтвердили предполагаемое окончание успешной охоты. В руках нарядно одетого всадника виднелся красивый зверь с пушистым хвостом. Это был утренний выезд младшего из алашаньских князей, желавшего, вероятно, показать нам свою лихость и молодечество.

По мере движения к северу холод все более увеличивался, а осенние дни сокращались. Теперь были очень кстати, заранее приготовленные распоряжением алашаньского князя, юрты и топливо — самые, по-видимому, необходимые принадлежности в дороге, а между тем путешественникам казавшиеся роскошью, в особенности после дневных утомительных переходов, когда они с приятным чувством входили в них, согреваясь чаем и теплом маленькой печки. Время в походе бежало быстро, но несравненно медленнее, конечно, желаний путешественников, которые, по их признанию, с детской наивностью отсчитывали истекавшие дни и дни, предстоявшие впереди по направлению к Урге *, этой своего рода «обетованной землей» тибетских странников. Да, действительно, Урга могла быть для них землей обетованной: они сильно истомились и нравственно, и физически, ведь прошло уже тридцать месяцев, и они не могли не желать скорого конца их путешествия...

У горы Хайрхан Гоби угостила путников снежным штормом, подобного которому они еще не видели ни разу. Сильные вихреобразные порывы бури положительно сталкивали в сторону огромные верблюжьи фигуры, мелкий снег залеплял глаза. В этот памятный день, третьего ноября, они [путники] прошли сорок две версты, и все до единого ознобили себе лица, так как вслед за снежным штормом ударил мороз в 27,5°.

---

* Ныне г. Улан-Батор.

На предпоследнем переходе к Урге начальник экспедиции получил от маститого консула Я. П. Шишмарева дружеское приветственное письмо, в котором, уважаемый монголами, русский генерал спешил засвидетельствовать его полную готовность приютить «дорогих путешественников» под гостеприимным кровом русского консульства.

Спускаясь с перевала Гангын-дабан, путешественники радостно приветствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снегом, на белом фоне которого резко и красиво выделялись темные, густые заросли леса. На другой же день, 7 ноября, обогнув ее у западного подножья и переправившись через шумную, прозрачную Толу, они вскоре затем достигли и дома ургинского консульства.

Не берусь описывать тех радостных чувств, которыми мы были переполнены, достигнув конца нашей трудной задачи, увидев родные лица, услышав родную речь... Чем-то сказочным повеяло на нас при виде европейских удобств, при виде теплых уютных комнат, при виде сервированных столов. Наша внешность так сильно разнилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмарев не мог не подвести меня к зеркалу и показать мне меня же самого. «Таким, как вы теперь,— говорил добродушный русский хозяин,— некогда вступил в Ургу и ваш незабвенный учитель, Н. М. Пржевальский, отдыхавший вот в этой большой комнате, которую я приготовил для вас...»

Кяхта своим широким гостеприимством заставила еще более позабыть пережитые участниками экспедиции невзгоды и лишения, сочувствие же Петербурга укрепило их в сознании посильно исполненного перед родиной долга...

КОМАНДИРОВКА В УРГУ К ДАЛАЙ-ЛАМЕ В 1905 г.

Три года спустя по возвращении в отечество, в Петербург, где я весь ушел в разработку богатых научных результатов, в Монголии случилось замечательное событие: в эту страну прибыл далай-лама, и в северной ее части, в Урге — своего рода монгольской Лхасе — расположился на долгое пребывание.

26 июля 1904 г., в два часа ночи, далай-лама, верховный правитель Тибета, оставил свою столицу и, в сообществе лишь самых преданных лиц: Сойбон-хамбо, Чотбон-хамбо, Эмчи-хамбо (врача), Агвана Доржиева и восьми человек слуг-оруженосцев, поспешно направился к северу, по обычной дороге монгольских паломников. Что же вынудило главу буддийской церкви экстренно оставить Лхасу? — Английская военная экспедиция полковника Ионгхезбенда, авангард которой уже появился в долине реки Брамапутры... Первые дни далай-лама следовал, соблюдая инкогнито, но

затем, около Нак-чю, он уже не скрывал себя перед народом. Последний, предчувствуя недоброе, повергся в уныние и горько плакал. В Нак-чю была сделана продолжительная, почти недельная остановка, в течение которой удалось запастись обстоятельно на предстоящую трудную пустынную дорогу. Отсюда далай-лама посылал в Лхасу дополнительные распоряжения.

Насколько было возможно, Агван Доржиев старался облегчить путь его святейшества, уезжая вперед курьером и приготовляя в людных пунктах подводы, продовольствие и пр. Население, прослышав о путешествии далай-ламы, быстро группировалось в известных молитвенных центрах, где происходило торжественное богослужение в присутствии главы буддийской церкви и куда единоверцы щедро несли дары местной природы, стараясь всячески выразить верховному правителю Тибета их полную готовность служить ему на всем дальнейшем пути.

С приезда далай-ламы в Ургу монголы, буряты, калмыки неудержимо устремились на поклонение его святейшеству и наводнили собою Богдокурень и его окрестность. Обаяние далай-ламы росло с каждым днем; монастырь Гандан, где основался тибетский владыка, приобрел большую популярность. Жизнь в Урге забила ключом. Ургинские храмы денно и нощно призывали молящихся. Все только и говорили о великом далай-ламе; местные обитатели, казалось, утратили всякий другой интерес.

Излишне говорить, до какого напряжения дошло внимание всех тех лиц, которым были близки и понятны интересы Тибета и которые следили за каждым шагом английской военной экспедиции, болея душой за беззащитных тибетцев...

5 апреля 1905 г. последовало распоряжение о моем четырехмесячном командировании в Ургу, а 15 апреля я уже выехал из Петербурга, имея с собою переводчика монгольского языка и около 20 пудов громоздкого багажа. Поездка мотивировалась приветствием далай-ламы и поднесением ему и его свите подарков от имени Русского географического общества. В Кяхте окончательно была сформирована маленькая экспедиция и в двадцатых числах мая я уже вступил в Ургу, остановившись, согласно желанию далай-ламы, в близком соседстве с монастырем Гандан — резиденцией его святейшества.

Далай-лама состоит в тринадцатом перерождении и являет собою молодого изящного тибетца, с темными глазами, с лицом, слегка попорченным оспой и носящим следы великой озабоченности, подавленности. Его душевное спокойствие сильно нарушено политикой англичан; он сделался нервным, раздражительным... Спит далай-лама немного: встает с утренней зарей, ложится в полночь, а то и позже. Обыкновенно это время отмечается духовным оркестром, исполняющим в ночной тиши аккомпанимент молитв тибетского первосвященника. Весь день у него наполнен занятиями светскими и религиозными. Помещается он в небольшом красивом монастыр-

ском флигеле, разделенном на два этажа. В верхнем этаже у далай-ламы рабочий кабинет и спальня, в нижнем — приемная. Весь штаб при нем исчисляется в пятнадцать человек тибетцев, наполовину принадлежащих к чиновничьему духовному званию. Днем, почти безотлучно, при нем состоят два министра и столько же секретарей; ночью, в роли «няни» — симпатичнейший старичок Сойбон-хамбо и три юных тибетца в качестве приближенных слуг-охранителей. Двор свой далай-лама держит в большой строгости.

Будучи отличным проповедником, мыслителем, говорят, даже глубоким философом в области буддийской философии, глава буддийской церкви в то же время, по отношению к светским делам, незаменимый дипломат, заботящийся о благе народа. Ему не достает лишь европейской утонченности. Со времени вступления на престол верховный правитель Тибета уже успел ознаменовать свою деятельность следующими отрадными явлениями: отменой смертной казни, обузданием чиновничьего произвола, поднятием народного просвещения и пр.

Надо полагать, что только одни выдающиеся умственные способности помогли далай-ламе избежать превратности судьбы. Предшественник настоящего перерожденца едва достиг двадцатилетнего возраста, как уже и умер; одиннадцатый перерожденец жил еще менее — около восемнадцати лет. В тринадцатом или современном перерождении, по определению свыше, без метания жребия, далай-лама обнаружил себя в четырехстах верстах к юго-западу от Лхасы, в округе Дак-бо. Трехлетним ребенком он был торжественно помещен в Лхасу, в один из ближайших горных монастырей, Ригя, где проживал до пятилетнего возраста. Позднее его перенесли в духовном паланкине с установленными почестями в Поталы и посадили на трон. С семи лет он начал изучать грамоту, а к двадцати, или совершеннолетию, закончил свое философское образование в размере курсов высших лхасских школ и принял в свои руки светское управление Тибетом.

За малолетством далай-ламы правителями страны назначаются регенты из знатнейших тибетских хутухт.

После смерти пятого далай-ламы, в течение почти сорока лет, далай-ламы сделались предлогом политических интриг разных властолюбцев, пока ряд исторических событий не уничтожил в Тибете власти монгольских и туземных князей и пока, наконец, в 1751 г., не было признано за далай-ламой преобладающее влияние, как духовное, так и светское. Избрание далай-ламы до 1823 г.— выбора десятого перерожденца — основывалось на предсказаниях высших лам и определении прорицателей, что равносильно выбору влиятельных лиц, но при выборе десятого перерожденца впервые было применено на практике установленное при императоре Цяньлуне метание жребия, посредством так называемой сэрбум или золотой урны. Оно состоит в том, что имена трех кандидатов, определенных преж-

ним порядком, пишутся на отдельных билетиках; последние кладут в золотую урну, которая сначала ставится перед большой статуей Чжово-Сакъямуни, и возле нее совершается депутатами от монастырей богослужение о правильном определении перерожденца. Затем урна переносится в Поталы, во дворец далай-лама, и здесь, перед дощечкой с именем императора, в присутствии высших правителей Тибета и депутаций от главнейших монастырей, маньчжурский амбань посредством двух палочек, заменяющих у китайцев вилки, вытаскивает один из билетиков. Чье имя написано на этом билетике, тот и возводится на далай-ламский престол. Избрание перерожденца обыкновенно приветствуется китайским богдыханом в виде торжественной присылки высшего духовного или светского лица, хранящего императорскую духовную печать. Означенное лицо привозит художественно исполненные из золота или драгоценных камней письменные знаки, означающие имя и титул перерожденца.

У меня с далай-ламой, после двух-трех свиданий, установились наилучшие отношения, благодаря которым я мог свободнее наблюдать за всем тем, что его интересовало и составляло задачу по отношению к тибетцам и по отношению к монголам, в особенности к приезжим из разных уголков Монголии монгольским князьям, с доверием и дружбой относившимся ко мне.

Первое мое свидание с далай-ламой состоялось 1 июля (1905 г.) в три часа дня. Я отправился в тележке, запряженной одиночкой, в сопровождении моих двух спутников Телешова и Афутина, ехавших верхами. У монастыря, перед главным входом, толпилось множество паломников. Здесь меня встретили: хоринский почетный зайсан — бурят Дылыков, состоящий при далай-ламе переводчиком с монгольского на русский язык, а также и в качестве чиновника особых поручений, и двое-трое тибетцев, приближенных далай-ламы. Войдя в монастырский двор и миновав несколько юрт и дверей, я очутился у далай-ламского флигеля, а минуту спустя и у самого далай-ламы, торжественно восседавшего на троне, против легкой сетчатой двери. Лицо великого перерожденца было задумчиво-спокойно, чего, вероятно, нельзя было сказать относительно меня, находившегося в несколько возбужденном состоянии: ведь я стоял лицом к лицу с самим правителем Тибета, с самим далай-ламой! Не верилось, что моя заветная мечта, взлелеянная в течение многих лет, наконец исполнилась, хотя исполнилась отчасти: я всегда мечтал сначала увидеть таинственную Лхасу, столицу Тибета, затем уже ее верховного правителя. Случилось наоборот: не видя Лхасы, я встретился с далай-ламой, я говорил с ним. Я невольно впился глазами в лицо великого перерожденца и с жадностью следил за всеми его движениями. Подойдя к нему, я возложил на его руки светлый шелковый хадак [1], на что в ответ одновременно получил от далай-ламы его

[1] Плат счастья.

хадак, голубой и тоже шелковый. Почтительно, по-европейски, кланяясь великому перерожденцу и произнося приветствование от имени Русского географического общества, я, вслед за этим, подал знак моим спутникам приблизиться с подарками и передать их, в присутствии далай-ламы, его свите — министрам и секретарям. Далай-лама приветливо улыбнулся и сделал указание поставить подарки вблизи его обычного места, затем, пригласив меня сесть на заранее приготовленный русский стул, стал держать по-тибетски ответную речь. Голос его был приятный, тихий, ровный; говорил далай-лама спокойно, плавно, последовательно. Его тибетскую речь переводил на монгольский язык один из его секретарей, Канчюн-сойбон, несколько лет перед этим проживший в Урге; с монгольского же языка на русский переводил Дылыков. После обычных приветственных слов: «Как вы доехали до Урги, как себя чувствуете после дороги?» и пр., далай-лама начал благодарить Русское географическое общество, его главных представителей, а также и лиц других учреждений, способствовавших осуществлению моей поездки в Ургу. «Я уже имею удовольствие знать Русское географическое общество,— говорил далай-лама,— оно вторично[1] выражает мне знак своего внимания и благорасположения; вы же лично для меня интересны, как человек много путешествовавший по моей стране». В заключение далай-лама сказал, что он, с своей стороны, будет просить меня, уезжая в Петербург, не отказать принять нечто для Географического общества. В промежутках между речью далай-лама часто смотрел мне прямо в лицо, и каждый раз, когда наши взгляды встречались, он слегка, соблюдая достоинство, улыбался. Вся его свита стояла в почтительной позе и говорила, кроме лиц переводивших, шепотом. Канчун-сойбон, выслушивая речь от далай-ламы или переводя ему ответную, стоял перед правителем Тибета с опущенной вниз головой, наклоненным туловищем и самый разговор произносил вполголоса, словораздельно. В виде угощения передо мною стояли чай и сласти. Далай-лама также спросил себе чаю, и ему была налита чашка из специального серебряного чайника и подана на золотом оригинальном блюдце, закрытая золотой массивной крышкой.

В течение всего времени, пока шли обычные разговоры, лицо далай-ламы хранило величавое спокойствие, но, как только вопрос коснулся англичан, их военной экспедиции в Тибет, оно тотчас переменилось — покрылось грустью, глаза опустились, и голос стал неровно обрываться. При прощании я пожелал правителю Тибета полного успеха его благим стремлениям, на что далай-лама приятно улыбнулся и вручил мне второй хадак с бронзовым изображением «будды на алмазном престоле», заме-

---

[1] Первое приветствие далай-ламе от имени Географического общества было поручено передать начальнику Тибетской экспедиции П. К. Козлову, и он его послал с берегов Ян-цзы-цзяна весною 1901 г., через посредство тибетского посольства. См. «Монголия и Кам», т. I, ч. II, стр. 484.

тив, что «мы будем часто видеться». Обратно я направился тем же путем.

Этот день был для меня счастливейшим из всех дней, проведенных когда-либо в Азии...

МОНГОЛО-СЫЧУАНЬСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА, 1907—1909 гг.

Первый период

Еще шаг успеха в деле исследования Центральной Азии: долго пропадавшая столица Тангутского царства Си-ся наконец открылась для науки...

◆

Недавно исполненное мною путешествие в Центральную Азию есть прямое продолжение географических исследований незабвенного Пржевальского, отправившегося во главе первой экспедиции в эту страну в 1870 г. В течение почти сорокалетнего истекшего периода совершено восемь экспедиций; первые четыре самим Н. М. Пржевальским, остальные его последователями Певцовым, Роборовским и мною. На мою долю выпали две ответственные экспедиции, всех же путешествий мною исполнено пять. Последняя экспедиция Пржевальского была моею первой, и ныне истекло ровно четверть века с тех пор, как я впервые взял в руки посох странника...

Задача Монголо-Сычуаньской экспедиции состояла, во-первых, в исследовании Средней и Южной Монголии, во-вторых, в дополнительном изучении Куку-норской области с озером Куку-нор включительно и, в-третьих, в сборах естественноисторических богатств северо-западной Сычуани.

В состав экспедиции вошли, кроме меня, в качестве моих ближайших сотрудников: геолог Московского университета А. А. Чернов, топограф Напалков и собиратель растений и насекомых С. С. Четыркин. Конвой экспедиции составили десять нижних чинов — четыре московских гренадера и шесть забайкальских казаков, один из первых, ветеран Иванов, а из казаков препаратор Телешов еще разделявшие труды с Н. М. Пржевальским. Из прочих гренадер нашелся толковый наблюдатель метеорологической станции, из среды же забайкальцев вышли довольно сносные переводчики китайского и монгольского языков. Средства на экспедицию в размере 30 000 рублей были отпущены Русским географическим обществом.

◆

10 ноября 1907 г. экспедиция, с наличными членами, оставила Москву. Никогда мне не забыть последних минут пребывания на Курском вокзале и лиц дорогих соотечественников, сказавших: «До свидания на два года».

Под звуки марша поезд плавно отошел от перрона; родной кружок остался в отдалении, колеса загрохотали, звуки оркестра замерли. Поезд врезался в ночную тьму и пошел обычным ходом.

Впереди два года новой жизни, полной невзгод, лишений, но и полной заманчивой новизны.

Незаметно прокатили равнинную Россию, еще незаметнее промелькнул красивый Урал, а за ним степная или лесистая Сибирь... А вот и столица Сибири — Иркутск. С чувством глубокой признательности вспоминаю я семью А. Н. Селиванова и представителей отдела Географического общества, напутствовавших меня в далекую дорогу. Вечно холодная и вечно прозрачная стремительная Ангара еще не думала о ледяном покрове, равно и ее суровый отец Байкал, грозно ударявший о скалистые берега могучими волнами. Ночной мрак и бесконечные байкальские тоннели усиливали своеобразность впечатления.

В Верхнеудинске * я с А. А. Черновым пересел на лихую тройку и скоро докатил до границы отечественных владений — городка Кяхты. Здесь прожили три недели с лишком в неустанных хлопотах, прежде нежели экспедиция приготовилась в дорогу. Гостеприимные соотечественники встретили и проводили нас самым дружественным образом. Воспоминание о них всегда вызывает во мне чувство сердечной благодарности.

28 декабря (1907 г.) верблюжий караван гигантской змеей растянулся вдоль главной улицы Кяхты, а через четверть часа уже переступил родной порог... Мое сердце переполнилось великой радостью. Не верилось, что началось настоящее путешествие. Чувствовал ли дух моего великого учителя, что в такую торжественную минуту я призывал его благословение!

◆

За Кяхтой тотчас начинается Монголия, сначала степная, далее горная, с более или менее массивными хребтами, еще богатыми растительным и животным миром. А там и Урга, монгольская Лхаса, за которой физиономия монгольской природы резко изменяется, горный рельеф сглаживается, растительный покров редеет, в особенности южнее гор, составляющих восточное продолжение Монгольского или Гобийского Алтая. Здесь уже настоящая пустыня — Гоби, развертывающаяся то в виде гладкой песчано-каменистой скатерти, то в виде складок мягких или скалистых холмов, по вершинам которых в вечерние часы картинно играют отблески заката... Наконец, Южная Монголия, почти целиком представляющая собою море сыпучих песков, по большей части грядовых меридиональных барханов, нередко поднимающихся в высоту до сотни и более футов.

Под вечер одиннадцатого марта 1908 г., когда караван Монголо-Сычуаньской экспедиции Русского географического общества особенно успешно

---

* Ныне г. Улан-Удэ.

шагал по слегка наклоненной к Сого-нору центральномонгольской равнине, мы с удовольствием вперяли свой взор в серебристую полосу ближайшей к нам береговой полосы указанного озера. При догоравших лучах солнца, ярко скользивших по лону вод, в бинокль отлично виднелись стаи птиц, темной сеткой пролетавших над открытой частью бассейна. Забывались усталость, голод и та пустыня, среди которой мы теперь находились. Какое-то особенное высокое чувство охватывало всю душу вашу, вас самих и неудержимо влекло к месту, где жизнь весенней природы била ключом... Мы шли до сгущенных сумерек и остановились на ночлег в красивом виду Сого-нора, все еще ярко выделявшегося среди общего серого фона окрестностей. Показалось и Боро-обо, сложенное на высоком пустынном северном берегу озера. Тихо спустилась на землю весенняя ночь. Небо зажглось блестящими звездами.

На следующий день нетерпение наше попасть на Сого-нор еще более увеличилось. Теперь ясно различались на горизонте нежно-белые или серебристые вереницы пролетавших цапель, лебедей или обособленно сидящих на воде чаек и крачек. Еще ближе, и мы заслышали голоса птиц, но самое озеро уже понемногу стало скрываться береговыми увалами. Вот, наперерез нашего пути, быстро пронеслось стадо газелей, испугавших диких ослов или хуланов, в свою очередь, карьером умчавшихся в сторону пустыни. С последней придорожной высоты открылась широкая полоса золотистых прибрежных камышей, среди которых привольно паслись табуны торгоутских лошадей. Наш караван, вероятно, заставил обратить на себя внимание: к одному из табунов, с западной стороны, подъехало двое вооруженных всадников...

Высокий камыш, скрытые в нем озерки, темно-голубые полыньи самого Сого-нора, обилие пернатых странников, высоко и низко, близко и далеко пролетавших над серым пыльным горизонтом и положительно заглушавших своим всевозможным криком ближайшую окрестность,— все это вместе мне живо напоминало весну, проведенную мною с экспедицией Н. М. Пржевальского на берегах Лоб-нора. Как тогда, так и теперь меня поражало то необычайное оживление, которое вносилось птичьим базаром. И там, и здесь меня одинаково притягивал к себе этот базар и заставлял целыми часами смотреть, любоваться на него. Глазам не верилось, что по соседству с вами, в каких-нибудь ста шагах, а нередко и гораздо ближе, беззаботно лежат, стоят, плавают, резвятся, перелетая с места на место, стаи гусей, уток, лебедей, бакланов, турпанов, цапель, чаек и многих других. Все эти птицы живут, радуются, хлопочут для одной и той же цели — размножения. В разгар перелета, даже ночью, лежа в палатке лагеря, чувствуешь повышенную энергию пернатых: то с резким шумом крыльев

быстро проносятся над бивуаком утки, то с высоты неба раздаются голоса гусей, журавлей, то, иногда, среди ночной тишины гармонично льются чарующие звуки музыкального лебедя...

При юго-восточном заливе Сого-нора было так хорошо, так дышалось по-весеннему, что мы на время, казалось, совсем забыли про Хара-хото и незаметно провели здесь почти четыре дня. Хотелось и следовало прожить дольше, но огромность нового пустынного пути к Алашаню, работы в Хара-хото и неизвестность отношений торгоут-бэйлэ тянули на Эцзин-гол, в урочище Торайонца, куда мы и перенеслись бивуаком в два последующих перехода, выдержав в дороге, 16 марта, сильную бурю, шедшую с юго-востока пустыни. Окрестность вдруг заволокло густою пылью, омрачившей воздух и сократившей горизонт до полуверсты. По равнине потянулись длинные песчаные полосы, напомнившие нашу поземку. Периодически встречные порывы бури спирали дыхание, песок слепил глаза, не давая возможности ступить шагу; не только мелкий песок, но даже и крупные песчаные зерна высоко взвивались в воздух и до чувствительной боли хлестали в лицо сидящим верхом на верблюде. С гребней придорожных барханов песок сдувало массами и видоизменяло их второстепенные очертания.

◆

Река Эцзин-гол, берущая начало в снеговых полях величественного Нань-шаня, стремительно несется к северу, борясь с горячим дыханием пустыни почти на протяжении пятисот верст, прежде нежели окончательно погибнет, разлившись в два бассейна — Сого-нор и Гашун-нор. В нижнем течении долина этой реки обитаема монголами, торгоутами, пришедшими сюда из Чжунгарии, с Кобук-сайря, около 450 лет тому назад, когда еще девственные эцзин-голские берега были покрыты непроходимыми чащами леса, который торгоуты жгли в течение первых трех лет, чтобы образовать свободные площади для пастбищ. Эцзин-голские торгоуты управляются родовым князем, бэйлэ, имеющим главную ставку в системе западного рукава реки — Морин-гола, отстоявшую верстах в десяти от нашего лагеря, на правом берегу восточного рукава — Мунунгин-гола.

Современный бэйлэ наследовал не отцу, а старшему брату, говорят, скоропостижно умершему не без греха младшего брата, честолюбивого, скупого, жестокого человека, ставшего таким образом управителем хошуна. Вот этот-то торгоут-бэйлэ и явился теперь к нам, чтобы познакомиться с нами и узнать нашу дальнейшую цель. После одного-двух свиданий мы стали приятелями. Мое желание побывать в Хара-хото [1] и произвести там

[1] Первые сведения о развалинах Хара-хото, под названием, впрочем, «развалин города Эргэ-хара-бурюк», мне были известны из труда нашего почтенного путешественника Г. Н. Потанина («Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия»,

раскопки, а затем исследовать исторический пустынный путь, ведущий в Алаша-ямынь, со стороны торгоут-бэйлэ не встретило затруднений; наоборот, местный управитель оказал довольно существенное содействие. С своей стороны, мы одарили князя и его семью подарками, равно сделали подношение и местному монастырю, в рядах монахов которого стоит и старший сын бэйлэ.

◆

Первый раз мы отправились в Хара-хото сравнительно налегке, 19 марта, и пробыли там около недели. Нас сопровождал отличный проводник Бата, много раз бывавший в мертвом городе и немало слышавший рассказов, о нем из уст отца и других местных стариков. Он провел нас кратчайшею дорогою, в юго-восточном направлении; Хара-хото отстоял от нашей стоянки в двадцати верстах. Вскоре за растительной полосой Мунунгин-гола потянулась пустыня частью равнинная с оголенными блестящими площадями, частью пересеченная более или менее высокими холмами, поросшими тамариском и саксаулом. С половины пути уже начали попадаться следы земледельческой или оседлой культуры — жернова, признаки оросительных канав, черепки глиняной и фарфоровой посуды и пр. Но нас больше всего занимали глинобитные постройки, в особенности субурганы, расположенные по одному, по два, по пяти вдоль дороги, исстари проходящей в Хара-хото — этому памятнику прошлого, засыпаемому песком пустыни. За три версты мы пересекли древнее сухое русло с валявшимися по нему сухими, обточенными временем стволами деревьев, нередко засыпанными тем же песком, точь-в-точь как я наблюдал в окрестности Лобнора, при пересечении старинных мертвых русел Конче-дарьи. Отсюда же или немного раньше показался и самый город Хара-хото, над северо-западным крепостным углом которого возвышался главный субурган из ряда меньших соседних, устроенных также на стене и рядом со стеною, вне крепости. По мере приближения к городу черепков посуды стало попадаться больше, вид на город заслонился высокими песчаными буграми; но вот мы поднялись на террасу, и нашим глазам представился Хара-хото во всей внешней прелести.

Наблюдателя, едущего с западной стороны Хара-хото, занимает небольшая постройка с куполообразным верхом, расположенная в некотором отдалении от юго-западного угла крепости, напоминающая собою нечто в роде мусульманского молитвенного здания — мечети. Еще несколько минут, и мы вошли во внутрь мертвого города, в западные его ворота, устро-

---

т. I), который на странице 464 этой книги пишет: «...из памятников древности (торгоуты) упоминают развалины города Эргэ-хара-бурюк, которые находятся в одном дне езды к востоку от Кунделен-гола, т. е. от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой кэрим, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи. В окрестностях кэрима большие сыпучие пески, и воды близко нет».

енные по диагонали с другими, последними воротами, в восточной стене города. Здесь мы встретили квадратный пустырь — сторона квадрата равняется одной трети версты,— пересеченный высокими и низкими, широкими и узкими развалинами построек, поднимающихся над массою всевозможного мусора, включая сюда и возвышение с черепками глиняной и фарфоровой посуды. Там и сям стояли субурганы; не менее резко выделялись и основания храмов, сложенные из тяжелого прочного кирпича. Невольно мы прониклись чувством предстоящего интереса, чем будем вознаграждены в трудах своих по отношению к наблюдениям и раскопкам всего того, что теперь нас окружало.

Наш лагерь приютился в середине крепости, подле развалин большого, двухэтажного глинобитного здания, к которому с южной стороны примыкал храм, разрушенный также до основания. Не прошло и часа времени с прихода экспедиции, как внутренность мертвой крепости ожила: в одной стороне копали, в другой измеряли и чертили, в третьей и четвертой сновали по поверхности развалин. На бивуак прибежала пустынная птичка — соечка (*Podoces Hendersoni*), громко затрещавшая, усевшись на ветку саксаула; ей нежно откликнулся хороший певец пустыни — чекан-отшельник; где-то прозвучал голос песчанки... И здесь, на этих мертвых развалинах, несмотря на безводие, нет абсолютного отсутствия жизни... Вследствие того же безводия мы должны были привезти с собою все наши сосуды, наполненные водою, причем этот питьевой продукт нужно было беречь в целях пребывания на развалинах, возможно, долгий срок. В интересных занятиях время бежало быстро, неуловимо. Полуясный, серенький и обыкновенно ветреный день скоро сменялся тихою, ясною ночью, налагавшею на развалины суровый, мрачный отпечаток. Усталые, мы также скоро засыпали; немногие из нас с вечера, впрочем, еще развлекались неприятным голосом сыча, зловеще кричавшего с вершины главного субургана.

Абсолютная высота Хара-хото определилась в 2854 фута. Географические же координаты: широта 41°45′40″, долгота от Гринвича — 101°5′14,85″.

В течение нескольких дней, проведенных на развалинах Хара-хото, экспедиция обогатилась всевозможными предметами: книгами, письменами, бумагами, металлическими и бумажными денежными знаками, женскими украшениями, кое-чем из домашней утвари и обихода, необходимыми принадлежностями торговцев, образцами буддийского культа и др.; переводя в количественное отношение, мы собрали археологического материала, размещенного в десять посылочных пудовых ящиков, приготовленных затем к отправлению в Географическое общество и Академию наук. Кроме того, пользуясь хорошим дружелюбным отношением к экспедиции торгоут-бэйлэ, я тотчас же отправил монгольской почтой в Ургу и далее в Петербург, в нескольких параллельных пакетах, известие о фактическом открытии Хара-хото, найденных коллекциях и приложил образцы письма и иконописи для ско-

рейшего изучения и определения. Нас сильно занимал вопрос, когда существовал «Мертвый город» и кто были его обитатели.

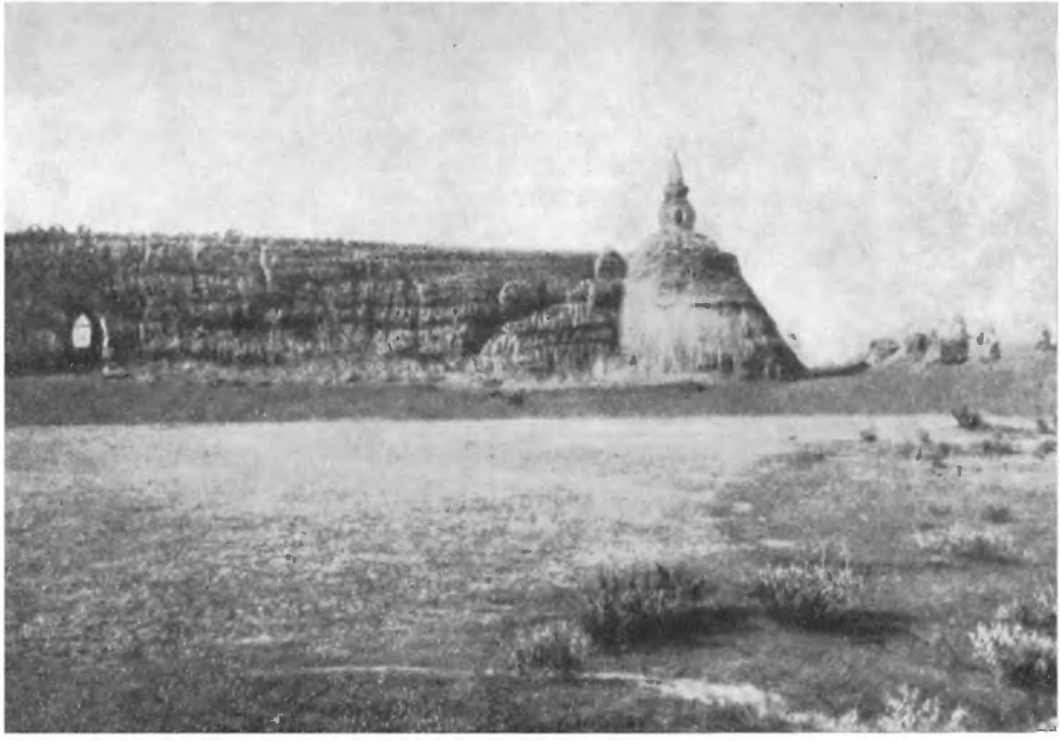
По словам современных, или ныне живущих, торгоутов, их предки нашли развалины Хара-хото в том же виде, в каком они представились и нам, т. е. город китайского типа, с высокой глинобитной стеной, ориентированной по странам света, расположенный на острововидной террасе, некогда омываемой с севера и юга водами Эцзин-гола. Остаток вод уносился в восточном направлении в пустыню, в солончаково-песчаную котловину Хадан-хошу, лежавшую на линии общей с нынешними бассейнами Сого-нор и Гашун-нор впадины. Место головы сухого мертвого русла реки отмечено урочище Боток-беэрек. Непосредственно к городу, к его восточной стене и воротам, прилегают развалины значительного пригорода, разбитого на правильные улицы, подобно тому как это выражено и внутри хара-хотоских стен. Последние присыпаны песком соседней пустыни в некоторых местах настолько обильно, что без особенного труда можно подняться на их вершину и спуститься — проникнуть внутрь крепости или выйти из нее. Даже наши неуклюжие верблюды и те, порою, взбирались на вершину стены и по ней свободно расхаживали в разные стороны.

Народное предание о «Хара-хото» или «Хара-байшэн», т. е. «Черный город» или «Крепостной город», гласит следующее.

Последний владетель города Хара-хото батырь[1] Хара-цзянь-цзюнь, опираясь на непобедимое свое войско, намеревался отнять китайский престол, вследствие чего китайское правительство принуждено было выслать против него значительный военный отряд. Целый ряд битв между императорскими войсками и войсками батыря Хара-цзянь-цзюна произошел к востоку от Хара-хото, около современных северных алашаньских границ, в горах Шарцза, и был неудачным для последнего. Имея перевес, императорские войска заставили противника отступить и, наконец, укрыться в последнем его убежище, Хара-байшэн, который и обложили кругом. Долго ли продолжалась осада крепости, неизвестно, но во всяком случае крепость взята была не сразу. Императорские войска, не имея возможности взять Хара-хото приступом, решили лишить осажденный город воды, для чего реку Эцзин-гол, которая, как то и замечено выше, в то время протекала по сторонам города, отвели влево, на запад, запрудив прежнее русло мешками, наполненными песком. И поныне там еще сохранилась запруда эта в виде вала, в котором торгоуты еще недавно находили остатки мешков.

Лишенные речной воды, осажденные начали рыть колодезь в северо-западном углу крепости, но, пройдя углублением около восьмидесяти чжан — чжан равен нашим пяти аршинам, воды все-таки не отыскали. Тогда батырь Хара-цзянь-цзюнь решил дать противнику последнее генеральное сражение, но на случай неудачи он уже заранее использовал вы-

[1] Монгольское название — богатырь.

Хара-хото. Западный угол крепости Хара-хото (слева видна брешь)

◆

копанный колодезь, скрыв в нем свои богатства, которых, по преданию, было не менее восьмидесяти арб или телег, по 20—30 пудов груза в каждой, это одного серебра, не считая других ценностей, а потом умертвил двух своих жен, а также сына и дочь, дабы неприятель не надругался... Сделав означенные приготовления, батырь приказал пробить брешь [1] в северной стене, вблизи того места, где скрыл свои богатства. Образованной брешью он во главе с войсками устремился на неприятеля. В этой решительной схватке Хара-цзянь-цзюнь погиб и сам, и его до того времени считавшееся непобедимым войско. Взятый город императорские войска, по обыкновению, разорили до тла, но скрытых богатств не нашли. Говорят, что сокровища лежат там и до сих пор, несмотря на то, что китайцы соседних городов и местные монголы не раз пытались овладеть ими. Неудачи свои в этом предприятии они всецело приписывают заговору, устроенному самим Хара-цзянь-цзюнем; в действительность сильного заговора туземцы верят в особенности после того, как в последний раз искатели клада вместо богатств отрыли двух больших змей, ярко блестевших красной и зеленой чешуями...

[1] Которая существует и поныне.

После работ на развалинах Хара-хото мы приступили к исследованию исторической дороги, ведущей в Алаша-ямынь, отстоявший от низовья Эцзин-гола приблизительно в 570 верстах в юго-восточном направлении. Перед нами опять развернулась монгольская пустыня во всех своих формах. Вначале мы долгое время шли по ханхайским отложениям. На севере темным валом залегали высоты Эргу-хара, к югу отлого поднимались мощные сыпучие барханные, отливавшие характерной желтизной пески. В середине, в наиболее глубокой части котловины, в прекрасном урочище Гойцзо, мы встретили настоящий оазис: достаточное обилие воды и пышную камышовую заросль. В миниатюре повторилась картина Сого-нора. И здесь пернатые странники давали о себе знать днем и ночью; и здесь частые выстрелы наших охотников будили дремавшую окрестность. Весеннее солнышко чаще и чаще ласкало нас. Проснулись жуки, мухи; забегали ящерицы; поползли противные змеи. Кустарники придорожных увалов ласкали глаз светло-розовыми или золотисто-желтыми цветами, подле которых изредка проносились первые бабочки. Отдаленный юго-восточный горизонт синел грядами гор, издали сливавшимися в одну общую массу. Мы шли сравнительно скоро, отсчитывая время неделями; теперь участники экспедиции говорили только об Алаша-ямыне, Алашанском хребте, который еще скрывался туманной или пыльной дымкой.

В глубине пустыни мы были приятно удивлены любезным приветствием алаша-цин-вана, приславшего к нам навстречу двух чиновников с хлебом-солью и для оказания содействия в дороге. Кстати подошел праздник святой пасхи, который, таким образом, мы проводили с эцзин-голскими и алашаньскими монголами. Перед завтраком мы пропели хором известный тропарь «Христос воскресе» ...а после исполнил его много раз граммофон. Вечером, до поздних часов, наш лагерь был оживлен под впечатлением музыки и пения отечественных артистов, переносивших нас мысленно на родину. Некоторые из туземцев оказались большими любителями звуков граммофона и не расходились до тех пор, пока граммофон не смолкнул. Алашаньцы, между прочим, привезли нам известие, что наш транспорт благополучно прибыл в Алаша-ямынь и заждался нашего возвращения.

17 апреля при одном из пустынных колодцев — «Цакэлдэктэ», или «Ирис»,— мы выдержали сильный северо-западный снежный шторм, понизивший температуру до — 4,8° С и парализовавший весеннее возрождение органической жизни. Как впоследствии выяснилось, буря эта губительно пронеслась через оазис Дын-юань-ин и западный склон Алашаньских гор, о которые и разбилась. Нежное весеннее убранство оазиса поблекло: сирень отцвела в своем зародыше, мелкие прилетные пташки погибли. Прояснившийся было горизонт вновь потускнел от тонкой пыли, хотя с вершины Баин-нуру мы уже видели силуэт Алашаньского хребта, а еще через два дня и самый оазис Дын-юань-ин, которого достигли 22 апреля, найдя отличный приют в хорошем доме торговой фирмы русского кяхтинского

купечества «Собенников и братья Молчановы». Представитель этой фирмы Цокто Гармаевич Бадмажапов, спутник моего тибетского путешествия, встретил нас самым лучшим образом...

◆

Отдохнув немного, мы принялись каждый за свое дело. Мои ближайшие сотрудники г.г. Чернов и Напалков раскинули сеть разъездов в области Алашаньских гор и прилежащей к ним с востока долине Желтой реки. Четыркин и препараторы экскурсировали в лучших ущельях Алашаньского хребта, пополняя ботанические и зоологические коллекции. Я был привязан к главному бивуаку, к складу, устройством метеорологической станции, сортировкой и упаковкой хара-хотоских сборов и приведением в порядок дневников и журналов.

Алаша-цин-ван, для которого мы имели специальные подарки, при встрече с нами оказался таким же предупредительным и любезным, как и прежде. И на этот раз он угостил нас отличным обедом и китайским театральным представлением. И теперь его взрослые сыновья были чуть не ежедневными нашими посетителями. Население Дын-юань-ина относилось к нам также дружелюбно, давая возможность наблюдать и изучать местные характерные монгольские особенности.

До прихода монголов в Алашань или Алаша, как говорят местные коренные обитатели, известный под этим названием район, ограниченный на востоке и юге культурной полосой китайского населения, на западе кочевьями эцзин-голских торгоутов, на севере землею монголов Халхи и, наконец, на северо-востоке кочевьями уротов, оставался незаселенным, хотя через него и были проложены дороги по всем направлениям.

В начале царствования второго богдохана, царствующей ныне в Китае династии, в Илийском крае произошли среди олотов беспорядки и около тысячи семейств, во главе с одним тайчжи, вынуждены были бежать с Или в Алаша. Беглецы поселились главным образом в горах Ябарай, откуда производили лихие набеги за Алашаньский хребет, равно к северу и западу от своего главного стана. Нападая на оседлых китайцев, они в то же время не пропускали ни одного каравана монголов или торгоутов, направлявшихся в ту или другую сторону. Подобно могучему пауку, воинственный тайчжи опутал пески сетью разъездов и быстро посылал подкрепление в нужный район пустыни. Так длилось двадцать лет, в течение которых пришельцы главной массой никогда не расставались с горами Ябарай. За этот промежуток времени китайские власти пытались если не усмирить совершенно, то хотя бы наказать дерзких олотов, но попытки их не увенчались успехом. Однако тайчжи и его ближайший советник, известный под кличкою «ганцы-нюдутэй-лама», т. е. «одноглазый лама», видели, что рано или поздно им придется поплатиться за разбой, и, чтобы обеспечить себе

в будущем спокойное владение занятыми землями, решили принести повинную богдохану.

Во время правления Китаем богдоханом Кан-си, современником Петра Великого, «одноглазый лама» в сопровождении более или менее влиятельных олотов отправились в Пекин и чистосердечно сознались во всех своих проступках, в грабежах и разбоях, объяснив все это крайнею нуждою, заставившей их искать себе пропитание этим путем. Но, убедившись, что жить таким преступным образом нехорошо, они явились просить устроить их законным порядком на заселенных алашаньских местах. Повинная была принята, проступки прощены.

Тайчжи был награжден званием «бэйлэ» и штатом управления, соответствующим новому его положению. Монголы бросили грабежи и перешли к мирному занятию — скотоводству. Богдохан избавил население «песчаной страны» от всяких повинностей и податей. Эти привилегии стали известны в окрестностях, и в хошун бэйлэ потянулись монголы отовсюду с имуществом, стадами, и население стало быстро разрастаться.

Во время управления хошуном четвертого бэйлэ в провинции Гань-су вспыхнуло дунганско-саларское восстание, и алашаньские монголы должны были, по повелению богдохана, принять деятельное участие в подавлении мятежа. Алашанский бэйлэ освободил Ланчжоу-фу и преградил движение саларов на Куку-нор устройством крепости, известной под названием Бар-хото. Салары были не только задержаны, но и разбиты на голову.

За этот подвиг алашаньский бэйлэ был пожалован княжеским титулом «цин-ван», и тогда же богдохан выдал за него одну из дочерей.

Отправляя в Алашань свою дочь, богдохан подарил цин-вану, кроме приданого имуществом и людьми маньчжурами, еще десять тысяч лан серебра на устройство дворца в укреплении Дын-юань-ин и столько же для раздачи монгольскому населению. Таким образом, китайскую принцессу сопровождал огромный поезд, в состав которого вошло сорок семейств маньчжуров, прежняя прислуга дочери богдохана и целая труппа актеров со всеми принадлежностями для театральных представлений. До этого времени алашаньские бэйлэ не имели постоянных построек и жили в юртах, кочуя с места на место со своими стадами.

К прибытию принцессы укрепление Дын-юань-ин, что значит «отдаленный ин-фан», было расширено: возвели новую городскую стену, внутри построили дворец со службами и театральным залом и пр. Торговля нового городка быстро увеличивалась. Но зато, с тех пор как алаша-ваны начали жениться на принцессах царской крови, стали увеличиваться и расходы на содержание огромного числа прислуги маньчжур и на прихоти и роскошь при дворе ванов. Население Алаша беднело и уменьшалось. В последнее время не только сами ваны, но и все их сыновья вступают в брак с китайскими принцессами, с которыми по-прежнему приезжает в Дын-юань-ин многочисленная прислуга из маньчжур.

Собственно олотов в Алаша имеется теперь не более четырех тысяч человек, т. е. половины общего населения, другие же четыре тысячи составляются из пришельцев — халхасцев, торгоутов, харчинцев и прочих монгольских народностей. В самом Дын-юань-ине население еще более смешанное: оно состоит из двухсот семейств маньчжуров, почти стольких же (семейств) китайцев, ста пятидесяти (семейств) монголов, кроме того, человек ста лам и около семидесяти кавалеристов, несущих службу при княжеском дворе.

Если путешественник захочет видеть в восточном или южном Алаша чистокровного монгола-олота, в его платье и обстановке, то он едва ли удовлетворит свое желание. Алашаньцы этих частей сильно окитаились: и мужчины и даже женщины носят китайское платье, в юртах завели китайскую обстановку, едят китайские кушанья из китайской посуды, поют китайские песни, а когда нужно, то и говорят по-китайски, хотя свой монгольский язык, в большей или меньшей чистоте, еще сохраняют, за исключением настоящих китаистов, вводящих в разговорную речь не только отдельные слова, но даже и целые фразы. Особенно отражается китайская цивилизация на богатых и чиновных монголах, которые вместо юрт строят себе дома китайской архитектуры. При дворе алаша-вана слышна исключительно китайская речь.

В местах наибольшего соприкосновения алашаньских монголов с китайцами кочевой быт первых понемногу утрачивается; за счет уменьшения скотоводства эта часть населения занимается земледелием и транспортировкой клади.

Население же более удаленных, глухих мест Алаша все еще старается сохранить монгольский облик, занимаясь по-прежнему только скотоводством. Но и здесь мужской элемент начинает одеваться в китайское платье, да и молодые модницы также не прочь принарядить свои головы в китайские платки, а ноги в мужские китайские сапоги, сшитые из плиса или ластика; пожилые же женщины еще упорно отстаивают свой национальный костюм, в особенности безрукавку — цэгэдэк, убранство головы и самую прическу.

Кроме этих, так сказать, наружных признаков окитаивания, алашаньцы и по духу, и по привычкам, и по обычаям стали почти китайцами. Они переняли от китайцев их важную осанку, манеру говорить, встречать и провожать гостя со всеми китайскими церемониями. Эти монголы уже перестали справлять праздники по-монгольски. Новый год празднуется по-китайски.

Алашаньский хребет, на который монголы смотрят с благоговением, вытянут в направлении, близком к меридиональному, и гордо высится над соседней равниной. Склоны его очень круты, гребень и ущелья скалисты,

каменисты. Вследствие крутизны склонов влага мало задерживается, хотя в растительном и животном отношениях он довольно богат и напоминает собою уголки восточного Нань-шаня. Короче — Алшаньский хребет, несмотря на неумелое эксплуатирование его богатств, тем не менее служит большим подспорьем благосостоянию алашаньцев. Алашаньцы им справедливо гордятся и высшую вершину хребта — Баин-самбур — почитают за святую. У большого обо, венчающего эту вершину, ежегодно, летом, монголы собираются для отправлений богослужений и обычных празднеств.

Два лучших богатых монастыря алашаньского хошуна устроены также в алашаньских горах. Один из них, Барун-хит, отстоит от Дынь-юань-ина верстах в тридцати к юго-востоку; другой, Цзун-хит, в таком же расстоянии к северо-востоку. И тот и другой монастыри расположены в красивых ущельях, окаймленных живописными скатами, по которым выступают отвесные скалы, нередко испещренные мистическими формулами или даже самими божествами буддийского пантеона. Обо, часовни, субурганы придают монастырским уголкам немало оригинальной прелести. Цзун-хит славится строгими правилами, порядком отправления служб, продолжая следовать традициям знаменитого алашаньского ламы Дандар-лхарамбо, составившего лучшую грамматику монгольского языка и также переведшего немало тибетских книг на монгольский. Барун-хит гордится памятью о пятом далай-ламе, бывшем в этом монастыре и нашедшем здесь место упокоения. В одном из барун-хитских храмов стоит субурган (надгробие), заключающий в себе священные останки Цаин-чжамцо...

◆

Дождь, не переставший лить в течение недели, задержал выступление каравана из Дын-юань-ина до 6 июля (1908 г.). Городской шум и сутолока сменились глубокой тишиной пустыни. Обмытый воздух сделался прозрачным и давал возможность, с одной стороны, следить за Алашаньским хребтом, его очертанием, с другой — за широко расстилавшейся к западу песчаной равниной, скрывавшейся за горизонтом. Маршрут экспедиции пересекал пустыню в ее кратчайшем юго-западном направлении, отрезая восточные мысы песков, простиравшихся к волнистым высотам левого берега Желтой реки. Наш караван состоял исключительно из верблюдов, тридцати голов, успешно шагавших по раскаленной песчаной поверхности.

За песками вскоре дорога втягивается в глинисто-каменистые высоты или холмы, а затем и в горные кряжи — северные отпрыски Нань-шаня, пересекая едва заметные следы Великой Стены у маленького захудалого городишка Са-ян-цзин, известного местопребыванием таможенного китайского чиновника.

Здесь впервые после Дын-юань-ина мы напились хорошей воды. Отсюда пошло сплошное земледельческое население вплоть до городишка Шара-

хото, граничащего с перевалом того же имени, откуда начинается куку-норский бассейн, дающий приволье номадам.

С каждым днем движения по восточному Нань-шаню воздух становился прозрачнее, небо синее, растительность наряднее, зеленее. Только оглянувшись назад, на север, висевшая над равниной пыльная дымка напоминала о пустыне. С Чагрынской степи, с высот городка Сун-шан-чена [1], мы уже любовались массивными цепями гор, в особенности в юго-западном направлении, где скрывалась стремительная горная река Тэтунг, которая неоднократно была посещена незабвенным Н. М. Пржевальским. Там не только средние, но и окраинные цепи богаты кристаллическими выходами в виде острых вершин, пиков или мощных скал, громоздящихся одна на другую в живописном, чарующем глаз величии. Восточнее, на нашем пути через Пин-фань, скалистые цепи понизились, расплывшись на много второстепенных луговых гряд, с верха до низа занятых пашнями китайцев. Еще сравнительно недавно здесь был пустырь, напоминавший о грозном дунганском восстании; ныне же почти все заполнено населением: положительно нет свободного необработанного клочка, пригодного под пашни. Колесные дороги глубоко врезаны в лёссовые толщи и бороздят поверхность траншеями, в которых встречным путникам очень трудно, а местами даже невозможно разъехаться.

Города или населенные пункты вообще на пути следования каравана ничем существенным не отличаются от прочих городов Западного Китая, уже хорошо известных из описаний прежних путешественников. И здесь города обнесены каменными или глинобитными стенами, и здесь в городах группируются администрация, гарнизоны, торговцы, ремесленники и пр. И здесь управления и базары в течение дней полны народом. Можно утвердительно сказать, что китайские города с давних времен созданы и продолжают создаваться по одному шаблону; достаточно видеть один-другой населенный пункт, чтобы правильно судить о прочих. Неодинаковы лишь величины городских участков и мощность или солидность городских стен.

Во время нашего прохождения по Нань-шаню во второй половине июля, в долинах, а также в нижних и средних поясах прилежащих горных скатов приступали к уборке хлебов. Поля были оживлены народом: на них работали и мужчины, и женщины. От палящих лучей солнца селяки укрывались широкими соломенными шляпами. Деревни, как и у нас на родине, оставались на попечении старых и малых.

---

[1] В этом городе приютился небольшой буддийский монастырь, во главе которого стоит симпатичный гэгэн Нан-чжэк, который на собственные средства устроил очень нарядный храм. С этим святителем мы очень скоро сошлись, так как у меня с ним нашлось немало общих приятелей — старейших лам нань-шаньских монастырей. При расставании мы обменялись подарками; гэгэн поднес мне превосходное металлическое изображение Дархэ — богини.

В конце июля месяца экспедиция приблизилась к Синину и расположилась лагерем в восточном предместье города, в небольшой деревушке Цавдя-цзай.

◆

Синин — большой областной город, с резиденцией китайского сановника цин-цая, ведающего не только номадами Куку-нора, но и номадами отдаленного северо-восточного Тибета.

Чтобы успешнее и скорее покончить со всеми занятиями в Синине, я налегке, с двумя переводчиками перебрался в этот город, найдя приют в китайской торговой фирме Цянь-тай-мао, знакомой мне еще по моему минувшему тибетскому путешествию.

В течение трех дней, проведенных в Синине, мне удалось разрешить все вопросы в положительном смысле. Синин уже за несколько месяцев был осведомлен о нашей экспедиции. Китайская администрация встретила меня весьма любезно и изъявила готовность помочь мне в предстоящем посещении озера Куку-нор, хотя все власти в один голос твердили: «Вы знаете, что времена изменились, что многие тангуты и тибетцы вооружены скорострелками, что эти «дикари», чаще, нежели прежде, собираются разбойничьими шайками, нападают на караваны и немилосердно разграбляют их... Пожалуйста, не ходите на Куку-нор... Тангуты не оставят вас в покое, произойдут неприятности, которые доставят много хлопот всем нам». Цин-цай зашел еще дальше. Из продолжительной беседы со мной он узнал, между прочим, что мы собираемся плавать по Куку-нору и что для этой цели имеем в своем распоряжении брезентную складную лодку. Китайский сановник даже подпрыгнул в кресле и, повысив голос, стал утверждать, что это безумие, так как куку-норская вода особенная — в ней не только камень, но и дерево тонет. «Поедете, сами увидите; к тому же,— продолжал цин-цай,— на острове «Хайсин-шань», или в переводе «Морская новая гора», как называют китайцы Куйсу, никого теперь нет; паломники собираются только зимой». С своей стороны я очень благодарил почтенного сановника за любезную предупредительность, но не мог не заметить ему, что теперь имею еще большее намерение посетить Куку-нор, чтобы убедиться в справедливости его необычайного свойства — поглощать на дно сухие деревья... После этого цин-цай сказал: «Хорошо, я все сделаю для облегчения вашей поездки на Куку-нор — напишу хошунным начальникам, снабжу вас конвоем, но буду просить нас выдать мне бумагу, что вы, не взирая на мои предупреждения и вежливые уговоры, тем не менее идете и отвечаете сами лично за все тяжелые последствия, могущие произойти от посещения Куку-нора».

Знакомый с подобного рода выдачей подписок, я и на этот раз удовлетворил желание строптивого китайского чиновника, который сдержал слово по отношению снабжения экспедиции переводчиком китайско-монго-

ло-тибетского языков и четырьмя кавалеристами, вскоре сдружившимися с моими гренадерами и казаками.

Что же касается до сообщения сининских чиновников о большой смелости и предприимчивости куку-норских и других тангутских разбойников, об их вооружении скорострелками, то в этом мы уже имели случай сами убедиться, наблюдая воочию большие и малые разъезды нань-шаньских тангутов, за плечами которых красовались немецкие или чаще японские винтовки...

Покончив с делами в Синине, я отправил караван прямым путем в Донгэр, сам же, с одним казаком, свернул к югу с целью познакомиться с большим амдоским буддийским монастырем, отстоящим от Синина в одном переходе. Гумбум словно спрятан в лёссовых складках высоких холмов, непосредственно примыкающих к еще более высокому альпийскому хребту, южное подножие которого уже омывается стремительными волнами Желтой реки.

Монастырь Гумбум был основан около пятисот лет тому назад. Основание ему положил богдо-гэгэн, который затем совершил паломничество в Тибет, в Лхасу, где и остался на постоянное пребывание; основанный же им монастырь поступил в ведение гэгэна Чжаи (Ачжа), считающего себя в наше время в пятом перерождении.

В 12 гумбумских храмах, говорят, находится шестьдесят три гэгэна (перерожденца), ведающих монастырской братией в две с лишком тысячи человек. Наиглавнейших храмов четыре, которые были спасены от дунганского разгрома монастырскими силами — молодыми, фанатичными ламами, отлично сражавшимися, с оружием в руках, с дерзким неприятелем.

Древние, солидные храмы снаружи роскошно блестят золочеными кровлями и ганчжурами, внутри же они богато обставлены историческими бурханами лучшего монгольского, тибетского и даже индийского изготовления. Особенно пышен и чтим храм «Золотой субурган», перед которым молящиеся простираются ниц и движением своих рук и ног, от времени, в досчатом полу паперти сделали большие углубления, в которых свободно помещаются передние части ступни с пальцами и скользят руки при земных растяжных поклонах. В хорошем виде поддерживается и большой соборный храм, вмещающий до пяти тысяч молящихся. При вступлении на его паперть меня поразил вид семи основательных плетей, развешанных по стене, причем наиболее основательная из них была украшена голубым хадаком. Эти плети, как передавали мне местные обитатели и старешие из лам Гумбума, только и поддерживают должный уставный порядок монастыря, монашествующей молодежи... Красив и богат также храм, стоящий рядом с

восемью белыми субурганами [1], по преданию построенный на месте спрятанного в землю последа ребенка, а впоследствии знаменитого реформатора буддизма Цзон-хавы.

Гумбум тщательно бережет своего рода музейные предметы, как-то: одеяния далай-ламы, банчэн-эрдэни, Цзон-хавы, кроме того, телегу банчэн-эрдэни, шапку реформатора и седло богдохана с трепещущимся у передней луки драконом.

❖

Ранним утром, 6 августа, я покинул Гумбум, а вечером уже прибыл в Донгэр, у южной окраины которого, на островке, омываемом рукавами местной речки, белели шатры экспедиции. Караван прибыл сюда лишь накануне моего возвращения из Гумбума.

Так как начальник г. Донгэра вовремя получил официальное уведомление о нашей экспедиции, то мы, кроме предупредительности и любезности с его стороны, ничего не видели. Участники экспедиции могли свободно разгуливать по городу, заходить в любой магазин или лавку и вообще чувствовать себя как дома. В этом меновом городе особенно много толпилось на улицах куку-норских тангутов и тангуток; последние заставляли обращать на себя внимание пестротой одежд и оригинальностью спинных украшений, в виде двойных-тройных лент, богато убранных монетами, раковинами, гау, бирюзой и пр. Еще большее оживление вносили тангутские всадники, в карьер мчавшиеся по улице в полном вооружении. Гордые, надменные степняки ничего и никого не боялись.....

❖

Дождь опять задержал наше выступление (на Куку-нор) на несколько лишних дней, до 12 августа, когда, наконец, мы тронулись в дальнейший путь. На третий день перехода с соседней перевалу Шара-хотул вершины экспедиция радостно приветствовала мягко-голубую поверхность Куку-нора, убегавшую далеко на запад. На юге теснились горы, среди которых

[1] История основания восьми субурганов такова. Однажды в Гумбуме среди монахов произошли крупные беспорядки, продолжавшиеся довольно долгое время. Местные и ближайшие власти не в силах были установить порядок. Тогда из Пекина, по указу богдохана, в Гумбум был командирован принц-судья, отличавшийся своим решительным нравом. Прибыв на место, строгий принц немедленно приступил к расследованию дела, из которого убедился, что главными виновниками беспорядков являются известные восемь гэгэнов... Принц обратился к перерожденцам с следующей речью: «Вы, гэгэны, все знаете — что было, что есть и даже что будет; скажите же мне, когда вы должны умереть? Испуганные и понявшие свою тяжелую участь гэгэны ответили: «Завтра!»... «Нет,— решительно произнес принц,— сегодня!» и велел тотчас отрубить несчастным головы. На месте казни гэгэнов ламы и поставили эти восемь субурганов, или надгробных памятников.

выделялась каменистая вершина Сэр-чим, посеребренная недавно выпавшим снегом; это — вблизи Куку-нора; вдали же, все в том же полуденном направлении, гордо высилась к небу еще более величественная цепь гор, отливавшая матовой белизной массивного снегового покрова. В дивно прозрачном воздухе стояла торжественная тишина, солнце пригревало ощутительно, по ярко-синему фону неба, там и сям, носились царственные пернатые: гималайский гриф, гриф-монах и бородатый ягнятник, который нередко, впрочем, пролетал вблизи нас и давал любоваться на его гордый полет, величину и общую картину природы, которую он оживлял собою, без взмаха крыльев скользя по воздуху вдоль гор...

На следующий день, 15 августа, экспедиция вступила на самый берег альпийского бассейна, когда Куку-нор еще более приветливо улыбнулся нам. Перед нами развернулась его лазоревая поверхность, слегка колыхавшаяся мягкими волнами, начавшими убаюкивать нас с первого дня монотонным своим гулом. В тихую, ясную погоду Куку-нор был просто обаятелен. Не озера, а впечатление моря производил на всех нас этот величественный бассейн. Его действительно грандиозный масштаб [1], убегающая за горизонт поверхность, окраска и соленость воды, глубина, высокие волны и по временам могучий прибой скорее дают понятие о море, нежели об озере. Мы, невольно, с первых дней пребывания здесь величали его морем... На устах моих спутников я только и слышал: «Ой, как сегодня разбушевалось море, как высока морская изумрудная волна, как быстро и грозно несутся по морю серебристые барашки» и пр.

Купанье в Куку-норе превосходное; мы купались ежедневно по нескольку раз. Легкость держаться на воде давала возможность отдаляться от берега на порядочное расстояние, затем отдаться воле волн, чтобы вновь приблизиться к берегу. Прозрачность воды так велика, что песчаное дно и плавающие рыбы хорошо видны на значительной глубине.

Но если Кук-нор красив днем, то вечером, в особенности в приятную погоду, он поистине очарователен, как был очарователен в первый день вступления экспедиции на его берег. Солнце, совершив свой дневной путь, склонилось к горизонту, отдавая одну часть лучей горам, другую же разливая по видимому нам небосклону, картинно отражавшемуся в лоне вод. Прозрачное, тонкоперистое облачко, словно золотое кружево, тихо, стройно неслось к югу. Там, в горах, стояла полная тишина, успокоившая и Куку-нор; он уже не бушевал, не стучал грозно о берег, а лишь только тихо шептался с ним...

На следующий затем день, чуть забрезжила на востоке заря, наш лагерь пробудился. Сэр-чим еще спал, на нем в виде покрывала лежала слоисто-кучевая тучка, вытянувшаяся вдоль гребня. Со стороны озера гоготали гуси, кричали и свистели на разные лады кулики, издавали клекот

[1] Куку-нор имеет в окружности около 350 верст. Его высота над морем 10 500 футов.

орланы; на мокрых лугах проснулись большие жаворонки и начали с песней подниматься в высь. Караван уже шагал по мягкой проторенной дороге. Блеснули лучи дневного светила по Сэр-чиму; тучка, небесная странница, поднялась вверх и растаяла... Через час пронесся первый резкий порыв ветра, вскоре второй и третий: Куку-нор нахмурил брови...

Мы следовали южным берегом; навстречу то и дело попадались тангутские караваны из яков; номады перекочевывали с одного края долины на другой, с западного на восточный, где стояли нетронутыми богатые степные пастбища. Показался, наконец, и центр нашего притяжения — остров Куйсу. С лугового откоса берега, где теперь проходил наш караван, открывалось еще большее пространство лазоревой и темно-голубой поверхности, по-прежнему скрывавшейся за горизонт. Куйсу, словно гигантский военный корабль, выступал из синих волн Куку-нора и манил к себе своей неизвестностью.

Следует заметить вообще, что Куку-нор из года в год усыхает, уровень его понижается, береговая линия сокращается. Наблюдательные туземцы, в особенности прежние обитатели Куку-нора — монголы, передают, что Куйсу растет, что во времена давно прошедшие, как говорят старики, этот остров был едва заметен, теперь же он представляется порядочной горкой.

◆

17 августа караван экспедиции расположился лагерем в ближайшем, со стороны южного берега к Куйсу, урочище Урто, где простоял около трех недель, пользуясь простором и привольем кочевников, отстоявших от нас верст на пять. Общая картина стоянки на Куку-норе такова: к северу, в $^3/_4$ версты, залегает самый Куку-нор; к югу, в шести верстах, тянутся горы — западное крыло Сэр-чима. От гор стремится речка, пересекающая слегка покатую к озеру долину и образующая вблизи берегового предпоследнего к Куку-нору вала второстепенный, или частный, замкнутый озеровидный бассейн, до двух верст в окружности. На этой самой речке, на возвышении третьего берегового вала, сливающегося с материковой равниной, мы и имели свой лагерь, откуда открывался широкий вид во все стороны. Быстрая, прозрачная речонка оживляла наш бивуак, капризно его опоясывая с трех сторон. На речку, а еще больше на соседнее озерко, постоянно прилетали гуси, утки, турпаны; по песчаному берегу самого озера бо́льшими или меньшими обществами усаживались бакланы, чайки и одиночками, в виде темных точек, орланы.

Больше всего мне нравились серебристо-белые чаечки, молча или с своим оригинальным криком пролетавшие или паривши над озером... Любуясь ими, прислушиваясь к их знакомым голосам, мысль частенько уносилась на берега родных озер, где те же самые виды так же свободно проносятся вдоль рек и озер и так же свободно красиво реют на солнце...

С приходом на Куку-нор мы достали из вьюков свою складную брезен-

товую лодку и, бережно собрав ее, начали производить пробное плавание, отдаляясь от берега до пяти верст и более[1]. Плавание производилось во всякую погоду: в бурное и в тихое состояние Куку-нора. В общем пробные плавания по Куку-нору дали удовлетворительный результат. Лодка качалась на волнах, словно поплавок, слушалась весел и довольно ходко подвигалась в желаемом направлении; это — ее положительные качества: к отрицательным же, в частности, можно было отнести следующие: непрочность весел, которые в месте уключин с первых дней плавания начали мочалиться, сами уключины сидели неустойчиво, борты широко расходились, от чего высокая волна постоянно захлестывала на дно лодки; словом, пришлось порядочно поработать, прежде нежели наше суденышко стало внушать к себе хоть маленькое доверие, при мысли о попытке сплавать на Куйсу... Деревянный ромбовидный пояс, положенный по бортам, основательно скрепил всю лодку и крепко зажал уключины; весла же были снабжены кожаными накладками.

Испытывая лодку, надо было позаботиться о продовольственном снаряжении — еде и питье, о приспособлении измерительных и других инструментов, а также выяснить вопрос о составе участников плавания. Точкой отправления должно было служить безымянное урочище, отстоящее от нашего уртоского лагеря в семи верстах к западу и четырех верстах от берегового «обо», служащего указателем пути для паломников-номадов, имеющих сообщение с Куйсу зимой по льду.

Таким образом, среди интересных занятий незаметно промелькнула первая неделя пребывания на Куку-норе. Мы неустанно, по-прежнему, заняты были этим оригинальным бассейном, следя ежедневно за состоянием его поверхности, которая не всегда и не везде бывала одинаковой. Так, например, юго-восточный залив Куку-нора тих, спокоен, отливает прелестным лазурным оттенком небес, тогда как северный район озера уже порядком колышется изумрудными волнами; в то же самое время с северо-запада бегут темные высокие валы, украшенные барашками. Из тихого в бурное состояние Куку-нор переходит сравнительно очень скоро и, наоборот, долгое время не успокаивается после более или менее серьезного шторма.

Тих ли, взволнован ли Куку-нор, всегда он величественно прекрасен. Часами я просиживал на его берегу или далеко уходил вверх или вниз от бивака, никогда не уставая смотреть на его бесконечный водный горизонт, как одинаково не уставал и слушать его монотонный прибой, напоминавший мне берег Крыма.

В первую очередь плавания на Куйсу я назначил самого себя. Все было приготовлено к вечеру. 28 августа я с урядником Полютовым перекочевал к точке отравления. Куку-нор успокаивался, солнце скрывалось за чис-

[1] Глубина Куку-нора у берега почти саженная; далее постепенно увеличивается: через версту уже простирается на 15 *м*, а через 5—6 верст от берега глубина возрастает до 20—25 *м*.

тый, прозрачный горизонт. Облаков вообще не было, за исключением северной части неба, где они сбились в небольшую, серую, тучеобразную массу, сливавшуюся с поверхностью Куку-нора. Барометр стоял хорошо. Сумерки легли на землю. Едва потухла солнечная заря на западе, как на востоке всплыла луна, чудно озарившая всю видимую поверхность Куку-нора. Досадовал я на себя, что не приготовился к отплытию на Куйсу днем раньше, чтобы воспользоваться сегодняшним состоянием погоды.

Вдоволь нагулявшись по берегу и насладившись лаской природы, я отправился в палатку, чтобы уснуть... Море также дремало; абсолютной тишины воздуха ничто не нарушало. Моряки, может быть, справедливо не любят подобного затишья, замечая, что оно часто бывает зловеще. В два часа ночи меня разбудил Куку-нор, со страшною силою ударявший о берег тяжелыми волнами... К рассвету, ко времени нашего предполагавшегося отплытия, он рассвирепел еще больше. Пришлось смириться и ждать у моря погоды. К полдню начало стихать, и мы несколько раз пытались отчалить от берега; напрасно — девятый или двенадцатый вал сердито отбрасывал нас обратно к берегу.

◆

Возвратившись на главный бивуак, я предложил моим сотрудникам г. г. Чернову и Четыркину перебраться к точке отправления и терпеливо выжидать лучшего состояния Куку-нора. Они были счастливее меня; уехав в безымянное урочище 30 августа, на следующий день, в 1 час, мои товарищи оставили берег с мыслью, если поверхность озера не успокоится, проследовать хотя бы до половинного расстояния. Однако, по мере удаления от берега, погода стала улучшаться, ветер окончательно стих, волны понизились. Обрадованные этим обстоятельством, мои сотрудники поплыли смелее, с большей надеждой на осуществление предприятия. Прошло пять часов непрерывной тяжелой работы с веслами; бóльшая половина расстояния, отделявшего берег от острова, осталась позади, хотя самый остров ничуть не выделялся крупностью очертаний. Товарищи сильнее налегли на весла; еще прошел томительный час, а остров по-прежнему, для глаз, отстоял далеко; желание во что бы то ни стало добраться до Куйсу подняло было энергию и повысило силы. Между тем, совершенно незаметным образом спустились на воду сумерки, поднялся ветер, быстро разведший сильное волнение. С каждыми последующими десятью минутами становилось темнее и темнее; остров уже давно исчез из наблюдений. Высокая волна то и дело обдавала студеной струей, заливая дно лодки. Товарищи надеялись исключительно на собственные силы, но запас их понемногу начал истощаться; работая веслами, борясь в темноте с пенистыми валами, они подбадривали друг друга предположением о близости острова. Еще томительные полчаса, еще четверть часа, еще пять минут... и вдруг, словно

темное чудовище, встал Куйсу. Наши путники счастливо очутились у мягкого, доступного для лодки берега; справа и слева возвышались скалы... Можно представить себе, с какою радостью мои сотрудники вступили на землю Куйсу... В избытке приятных чувств товарищи поздравили друг друга с успехом. Тем временем облака поредели, и выкатилась луна; Куйсу, его южный скат, предстал во всей красе. Усталость, голод и холод (от мокрых одежд) на время были позабыты.

Всего мои сотрудники пробыли на воде, не расставаясь с веслами, семь с четвертью часов, в течение которых проплыли около 30 верст. Лодка значительно намокла и, будучи при том наполнена на треть водою, представляла такую тяжесть, с которой усталые товарищи не могли справиться, не могли вытащить лодку на берег, прежде нежели не освободили ее от общего груза. Только тогда они втащили ее на берег, опрокинули, сделав себе нечто вроде навеса, под который и спрятались. Подкрепившись затем коньяком, яйцами и чаем, мои сотрудники думали уснуть, но не тут-то было; их мокрые костюмы не давали им покоя; товарищи почувствовали сильный озноб, признак лихорадки, и, не долго думая, пошли бродить по острову в направлении к обо и кумирне, расположение которых им было хорошо известно еще до прибытия на Куйсу из многочисленных наблюдений в бинокль или астрономическую трубу с берега. По дороге к обо мои сотрудники наткнулись на лошадь, тревожно заржавшую и быстро отскочившую в сторону. Это открытие навело их на приятную мысль о присутствии людей. Осмотрев обо и кумирню, товарищи вернулись было к лодке, но вскоре вновь пошли гулять по острову; на этот раз в другую сторону, вдоль берега, когда попали на жилье человека, обставленное оградой, откуда на наших путников смотрело с любопытством стадо коз и баранов. Боясь испугать кого-нибудь, товарищи последовали дальше, вскоре найдя маленькую свободную пещерку, с запасом топлива (аргал). Здесь, как Робинзоны, добыли огня, устроили костер, согрелись, обсушились и только в два часа ночи, согнувшись в три погибели, могли забыться сном.

Утром, 1 сентября, по выходе из пещеры г. г. Чернов и Четыркин увидели, шагах в полутораста от себя, дым, тонкой струей поднимавшийся из пещерного жилища. Зайдя к лодке и захватив там хадак и подарки, взятые на всякий случай, товарищи отправились с визитом к невидимому еще отшельнику. Приблизившись к пещере, они услышали голос монаха, отправлявшего утренние молитвы: «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум», т. е. «О сокровище лотоса». Чтобы дать понять о своем приближении и намерении войти, С. С. Четыркин громко кашлянул, невидимый отшельник стал энергичнее молиться, голос его усилился, задрожал и стал обрываться; когда же товарищи вошли в пещеру, монах был в ужасе, вытянул физиономию, затрясся, расширил зрачки и, показывая на горло пальцем, скороговоркой твердил: «Тэр-занда-тэр-занда», что значит «что делать, что делать». Товарищи, насколько могли, успокаивали отшельника, заметавшегося по

жилищу в целях угощения нежданных, негаданных гостей. Долгое время монах не мог прийти в себя, да, вероятно, и не пришел бы, если бы товарищи не показали ему лодку, при виде которой отшельник улыбнулся, просиял и дал разумный себе отчет, что имеет дело с обыкновенными людьми, а не с теми, которые наполняли его воображение...

Знакомство с остальными двумя отшельниками, обитателями острова, такими же, как и первый, тангутами-ламами, произошло более спокойным образом, хотя, впрочем, это только с вторым; что же касается до третьего, более дикого, то он сильно смутился, несмотря на то, что свидание происходило в присутствии его обоих товарищей. Один из лам считал себя выходцем из Лаврана, второй — из Гумбума, третий остался невыясненным.

Весьма интересны некоторые подробности о монахах. А. А. Чернов говорит о них следующее: «Подремав немного до восхода солнца, мы пошли к лодке. Стояла тишина, озеро тихо плескалось. Хребет Потанина был окутан снежно-белыми кучевыми облаками, а над ними, после голубого промежутка, висела еще лента облаков. В 7 часов утра темпеартура воды в озере была 11,8°, в воздухе было только 6,4°. Мы стали приводить в порядок свое имущество: одно — мыть, другое — сушить.

Из обитаемой пещеры курился дымок. Мы ждали ее хозяина. Заметив нас издали, около лодки, он, может быть, был бы не так испуган, как при нашем появлении в его жилище. Но время шло, а тишина ничем не нарушалась. Мы решили нанести визит.

Овцы были еще внутри загородки. Из пещеры слышалось монотонное бормотанье: очевидно, в ней был один человек, занятый молитвой. Не входя в пещеру, мы приветствовали его по-монгольски. В ответ он только повысил голос, но не вышел. Когда мы вошли в жилище отшельника, он сидел на особом возвышении перед раскрытой книгой, впереди которой стояли молитвенные чашечки и блюдечки.

Увидя нас, монах вскочил. Он был необыкновенно испуган. Руки его тряслись, зрачки расширились. Приняв приветственный хадак, он поспешно стал усаживать нежданных гостей на полу, бросив туда шкуру. Перед нами, как по волшебству, появились чуть ли не все съестные припасы, какими обладал лама. Скороговоркой, заплетающимся языком, он все время выкрикивал слова молитвы или заклинание, временами проводя пальцем по горлу и насильственно улыбаясь. Схватив большую чугунную чашу, монах выбежал из пещеры и стал поспешно доить коз. Теперь можно было различить непрестанно неповторяемое слово: «тэр-занда, да-тэр-занда-да, тэр-занда, да-тэр-занда-да» («что делать, что делать», как после перевели нам.).

Подоив коз, он поставил котел на огонь. Увидев, что мы едим, как обыкновенные смертные, он стал понемногу успокаиваться, чаще улыбался, но не сводил с нас глаз, почти не мигая. Быстро перебирал свои четки, изредка шевеля губами.

Угощенье состояло главным образом из молочных продуктов: простокваши, сушеного творогу — «чюры» — и масла. Кроме них, у монаха оказался молотый ячмень («дзамба») и кирпичный чай — очевидно, дары паломников. Была предложена и баранья нога в том же окаменелом состоянии, в каком мы нашли баранину в нашем убежище. От чаю и от остальных блюд мы отказались, зато оказали честь простокваше, очень вкусной, приготовленной чище других продуктов.

Во время нашей еды монах снова сел для молитвы. Он ссыпал с тарелочек гальку и вылил из медных чашечек воду, тщательно их вытирая. Кроме этих предметов, на божнице были «цаца» — глиняные фигурки небольших бурханов — и один рисованный бурхан. Лама читал по очень длинной и узкой книге, листы которой не были сшиты.

Когда отшельник кончил свою молитву, мы знаками просили его следовать за нами и привели к лодке. Осмотрев ее и остальное наше имущество, он совершенно успокоился, очевидно, понял, откуда и как появились в его владениях чужеземцы, приехавшие в совершенно необычное для посещений острова время года. Врученный ему подарок — перочинный ножик и жестяная коробка из-под сушеной капусты — установил между нами уже прочные дружественные отношения. Монах пригласил нас следовать за собой, показывая, что на острове есть еще двое таких же как он обитателей.

Мы пошли на запад, по самому берегу под скалами за жилище первого монаха и вскоре увидели еще более солидную постройку, но прежнего, так сказать «пещерного», типа. На голос нашего проводника ее хозяин вышел к нам навстречу. Между соседями завязался оживленный разговор, в котором наш первый знакомец выступал уже в роли толкователя. Новый обитатель острова удивленно посматривал на нас. Он показал нам свое помещение и кумиренку, построенную рядом с ним. Она была расположена тоже в естественной громадной нише среди скал и только передняя часть ее была обделана и к ней пристроен вход, имевший даже дверцы и род сеней. В кумирне, быстро суживающейся внутрь от входа, вдоль стен, стояли бурханы, в одном непрерывном ряду; в числе двадцати одного они были сделаны из глины, имели одинаковый размер, около одного аршина высотой, и представляли главным образом сидячую фигуру самого Будды.

После осмотра кумирни мы пошли к третьему отшельнику. В одном месте пришлось подняться на скалы и вновь спуститься к воде. Наконец, внутри большого углубления, среди скал, мы увидали вход в пещеру. На вызов одного из наших спутников лама откликнулся, но не вышел, продолжая молиться. Зато он положительно остолбенел, когда, отведя глаза от книги, увидал прежде всего моего товарища. Долго он, не говоря ни слова, переводил глаза по очереди на каждого из вошедших. Наши спутники тоже не сразу заговорили, наблюдая то впечатление, какое произвело на их собрата наше неожиданное появление.

Монахи были людьми пожилыми, но еще далеко не старыми. Первый из них, очевидно, более молодой, был гладко выбрит и имел вид обычного служителя Будды. Остальные давно уже совершенно перестали заниматься своей наружностью: отросшие волосы торчали у них в разные стороны, представляя своеобразные головные уборы. Все монахи, очевидно, были тангутами: первый и второй — типичными брюнетами, третий — с более светлой кожей и волосами. Вид последнего отшельника положительно напоминал дикого человека: взгляд его был блуждающим, изо рта торчали зубы. На нем, как и на других монахах, была баранья шкура, но она имела только отдаленное сходство с формой человеческой одежды. На ногах были низкие сапоги, кое-как сшитые из кусков бараньей шкуры мехом внутрь. Характер его был необщительным и угрюмым: мы совсем не видали на его лице улыбки,— очевидно, он совсем отвык и уже не мог улыбаться. Второй лама тоже был сосредоточен, зато первый отличался противоположным характером: подвижной, постоянно смеющийся, он все время оживленно «болтал».

Четыре дня прожили мои сотрудники на острове Куйсу, занимаясь его изучением и знакомясь с бытом истых монахов. Геолог экспедиции А. А. Чернов дает более подробное описание о поездке или плавании на Куйсу, я же касаюсь лишь основных ее черт, усвоенных под впечатлением первых живых рассказов возвратившихся на берег товарищей.

Остров Куйсу расположен почти посередине Куку-нора, несколько ближе к южному берегу, и ориентирован с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Он слагается из гранита, биотита, гнейса, сильно обнаженных у берегов и на возвышенных частях острова, в прочих же местах прикрытых слоем песчано-глинистой почвы большей или меньшей мощности, одетой, в свою очередь, пышным ковром травянистой растительности. Относительная высота гребня Куйсу простирается до 200 футов; длина же береговых очертаний не превышает четырехверстного расстояния, при длине острова по оси менее двух верст и наибольшей ширине, приблизительно у середины, до полуверсты.

Наибольшая скалистость острова выражена вдоль южного и западного берегов, вдоль прочих Куйсу поднимается мягкими пологими скатами. Растительность острова та же, что и на южном побережье Куку-нора; ключей или источников не имеется. Довольствуются отшельники и их скот дождевой водой, собираемой в специально устроенные углубления.

Помимо кумирни и обо, устроенных на вершине острова, Куйсу украшен субурганами, молитвенными пещерами, второстепенными обо и пр. В кумирне и пещерах имеются довольно интересные старинные бурханы.

Главное занятие отшельников — систематическое отправление богослужения, переписывание молитв, приготовление многочисленных «цаца». Вне же этих занятий они возятся со скотом — баранами и козами, общее число которых простирается до ста пятидесяти голов. Каждый монах живет в от-

дельной пещере с оградой для собственного стада. Животные пасутся все вместе, но при возвращении с пастьбы разделяются на три группы, причем каждая самостоятельно направляется к своему стойбищу. Лошадь — достояние общее.

У монахов сосредоточены большие запасы сухого творога (чюра), масла, топлива (аргал). Отшельники питаются исключительно молочными продуктами, чем ежедневно любезно угощали и моих сотрудников.

На острове, в соседстве с монахами и их стадами, живут восемь лисиц; вероятно, есть пищухи и другие более мелкие грызуны. Что же касается птиц, то здесь преобладающими видами являются из отрядов плавающих и голенастых: гуси, утки, турпаны, бакланы, разнообразные кулики и пр.; особенно, много бакланов и чаек, обыкновенно усаживающихся на скалистые берега или на песчаные отмели. У берегов острова постоянно держится рыба, большими и меньшими стаями разгуливающая на солнце [1]. При спускании бакланов на воду эти стаи рыб направляются в сторону птиц и следуют за ними на далекие расстояния. И здесь за рыбой охотятся орланы, там и сям сидящие на скалах; замечен также и одинокий, вероятно, пролетный коршун, кружившийся над пещерами или пролетавший с одной стороны острова на другую.

В зимнее время отшельники разнообразят свое прозябание: сюда, по льду, приходят паломники; впрочем, ледяная поверхность Куку-нора не каждую зиму бывает доступна для передвижения из-за непрочности самого льда и образования многочисленных трещин.

С вершины Куйсу открывается красивый вид на все четыре стороны. Прекрасно виден маленький скалистый островок, расположенный к юго-западу, и особенно рельефно выделяется мыс или полуостров на западе. Северного берега мои сотрудники не видели вовсе, тогда как южный выделялся отчетливо.

Неоднократные расспросы у туземцев, равно и личные наблюдения относительно пребывания в Куку-норе какой-либо формы ластоногого животного, не дали положительных результатов, за исключением сведений, добытых от синицского дао-тая, который утверждал, что видел шкуру зверя, изловленного в куку-норских водах, очень сходную по описанию с таковой, про которую впервые сообщает В. А. Обручев. Видеть эту интересную находку нам лично не удалось, так как она, говорят, давно увезена на пекинский рынок.

5 сентября, после часового барометрического и метеорологического наблюдения, мои сотрудники покинули Куйсу и гостеприимных отшельников, которые приглашали «первых летних гостей» и «первых иностранных посетителей» прожить до зимы, чтобы вернуться на берег более безопасным

[1] Интересно, что в Куку-норе нет рыб больших размеров; самые крупные экземпляры не превышают аршина длины и веса 5-6 фунтов.

способом, а не в этой скорлупке,— показывая на лодку, говорили провожавшие монахи, покачивая головами...

На обратном пути товарищи произвели четыре промера, давшие следующие результаты: первый промер, в непосредственной близости Куйсу, показал максимальную глубину южной части бассейна[1], выразившуюся тридцатью семью метрами; второй и третий промеры, пришедшиеся на середине общего расстояния, оказались одинаково глубокими — в тридцать пять метров — и последний, в расстоянии пяти-шести верст от берега Куку-нора, вышел вполне согласным с уже произведенным промером при пробных испытаниях лодки, а именно в двадцать пять или немного более метров. Температура поверхностного слоя воды Куку-нора 14,5° С. Дно прибрежной полосы, шириною от пяти до восьми верст, песчаное, далее илистое.

В обратном плавании товарищи пробыли на воде восемь с четвертью часов, стараясь держать курс прямо на главный бивуак — урочище Урто. И на этот раз мои сотрудники, приближаясь к берегу, выдержали сильную трепку и страшную усталость.

Пока г. г. Чернов и Четыркин плавали по Куку-нору, я совершил стоверстную охотничью экскурсию в южнокукунорские горы. При моем возвращении на главный бивуак Иванов радостно объявил мне: «вчера, т. е. первого сентября, на Куйсу была ракета». Этим давалось понять, что наша «скорлупка» доставила путников на остров. У меня с товарищами было условлено, что с их отплытием от берега на главном бивуаке будут ежедневно, в 9 часов вечера, следить за Куйсу, за появлением двух ракет. Первая ракета должна быть пущена в день вступления на Куйсу или на следующий, вторая — накануне оставления острова. «Маленькой огненной змейкой мелькнула ракета и ободрила нас»,— повторил мне несколько раз мой неизменный спутник Иванов. «Слава богу»,— говорю я,— теперь будем следить за второй весточкой товарищей». Три вечера подряд, 2, 3 и 4 сентября, стоял и я у астрономического столбика, окруженный своими спутниками, а также сининскими китайцами и алашаньскими монголами-подводчиками. Все мы собирались минут за десять до условного времени и, вперив глаза в непроглядную тьму, по направлению Куйсу, стояли словно на молитве. К 9 часам тишина превращалась в святую, торжественную; все смолкало; слышны были лишь удары часов, которые я держал в руке, следя за временем. В последний, вечер, четвертого сентября, ровно в девять часов, ночную тьму прорезал огненный штрих, блеснувший на один момент. Гробовая тишина была тотчас нарушена радостными голосами, особенно

[1] Если условно, конечно, считать Куйсу гранью, делящей весь Куку-нор на северную и южную части бассейна.

громкими в устах китайцев и монголов, не видевших появления первой ракеты...

На другой день, в 9 часов вечера, когда Куку-нор начал порядочно постукивать в берег, а наша надежда на ожидание бледнеть, я заслышал голоса своих товарищей, подошедших к палатке. Радости нашей не было конца... Пошли бесконечные спросы и расспросы, рассказы и пересказы, которые, повторяю, и легли в основу вышеприведенного описания плавания на Куйсу.

С возвращением моих ближайших сотрудников из плавания экспедиция перенесла свой лагерь на 12 верст восточнее, к основанию полуострова, или мыса, Чоно-шахалур, т. е. Волчий загон, оканчивающегося узкой песчаной косой, вдавшейся в озеро. С этой косы С. С. Четыркин с урядником Полютовым произвел два плавания: к северу — на 7 верст, к юго-востоку — обратно на берег — на 15; первое плавание — в области открытых вод Куку-нора, второе — в заливе, образуемом с одной стороны косой полуострова, с другой — прилежащим к ней берегом Куку-нора. На последнем плавании, приблизительно у середины, случилась неприятность: железная поперечная скрепа лодки лопнула, что вызвало расхождение бортов, отказ уключин и быстрый поворот лодки в сторону. Борясь с порядочной волной, наши путники едва справились с лодкой, ее мало-мальской починкой и поспешили выброситься на берег...

На этом наши работы на Куку-норе и окончились. Я счел вторую задачу экспедиции посильно выполненной и отдал распоряжение к выступлению в обратный путь к Синину, которого мы и достигли 16 сентября.

◆

В Синине мы радостно встретились с нашим товарищем П. Я. Напалковым, успешно совершившим разъезд в провинции Гань-су.

Разъезд Напалкова охватил своим маршрутом больший район, нежели тот, который предполагался вначале; кроме того, самый маршрут удачно расположен по отношению к местам, исследованным нашими предшественниками. Таким образом, моему помощнику удалось посетить совершенно неведомый угол Гань-су и впервые поставить на карту название девяти новых городов.

На этот раз сининские власти отвели для экспедиции отличный дом, специально для экстренных потребностей, расположенный в центре Синина, и встретили нас, как говорится, с распростертыми объятиями. Они уже были осведомлены через посредство переводчика и кавалеристов, прибывших в Синин накануне нашего вступления, о всем том, чем мы занимались на Куку-норе и как к нам учтиво относились куку-норские обитатели, а главное, что мы все целы — живы и здоровы, из нас никто не утонул. Цин-цай и прочие чиновники Синина при встрече с нами, повторяю, исклю-

чительно говорили о нашем плавании по Куку-нору, о посещении острова, и все они с большим интересом рассматривали лодку, в собранном и разобранном видах, а также просили показать г. г. Чернова и Четыркина, их руки, на которых все еще сохранялись основательные мозоли. В конце концов цин-цай сказал: «Вы, русские, первые плавали по Куку-нору, первые сказали нам о глубине Цин-хая и первые иностранцы, посетившие остров Куйсу или Хай-син-шань; обо всем этом я непременно сообщу в Пекин».

Чтобы не ослаблять прекрасных отношений и того хорошего впечатления, которое я получал после каждого нового свидания с синиинскими властями, я счел излишним напоминать прежние уверения цин-цая о том, что в Куку-норе тонут не только камни, но и дерево,— это было само собою очевидно...

По приглашению чжэнь-тая, командующего войсками, я, почти со всеми моими спутниками, присутствовал на военном смотре китайской пехоты и кавалерии. На меня этот смотр произвел впечатление серьезного улучшения сравнительно с тем, что я наблюдал восемь-девять лет тому назад. Войска были представлены на смотре хорошо одетыми (в старой форме), кавалеристы на отличных, местной породы, лошадях. Традиционные большие флаги здесь еще не отменены и по-прежнему составляют гордость китайской кавалерии. Примерная стрельба холостыми выстрелами из пистонных ружей (однозарядные скорострелки берегутся) велась толково, залпы не срывались. Молодые офицеры значительно превосходят выправкой и молодечеством своих старых товарищей, как равно и нижние чины.

На смотре китайских войск присутствовало много окрестных тангутов, заранее прибывших в Синин специально для этой цели. Нарядные, богатые номады на общем плацу, в стороне, часто запускали своих резвых иноходцев, представляя зрелище не менее занятное, чем китайские войска.

В Синине, между прочим, члены экспедиции имели удовольствие познакомиться с английской семьей H. French Ridley, проживающей в качестве миссионеров. Будучи старожилом Синина, любезный миссионер дал нам много ценных сведений про местный край, равно в значительной мере способствовал приращению нашей этнографической коллекции путем приобретения образцов таковой у местных обитателей.

В Синине же, благодаря улучшению почтового сообщения вообще в Китае, мы получили порядочно писем, точно так же и сами могли отправить лишнюю весточку на далекую дорогую родину. Как всегда, письма приносят одним радостные известия, другим печальные; так было и теперь. Наш А. А. Чернов получил новые грустные сведения из дома и, в силу необходимости, принужден был отправиться в Россию преждевременно. На обратном пути через Алашань и среднюю Монголию геолог экспедиции должен был производить геологическо-географические исследования до отечественной границы.

Пользуясь случаем, я отправил в Алаша-ямынь на склад экспедиции семь лишних вьюков — преимущественно коллекций. В дальнейшем пути мы перешли с верблюдов на мулов, которые отличаются редкой способностью хорошо двигаться в горах, но зато и требуют внимательного ухода и хорошей обильной кормежки. Хороший мул везет, по-видимому, без особенного труда, груз до 6—7 пудов, строго уравновешенный по обеим сторонам животного.

Как мы ни старались сократить багаж, число вьюков осталось прежнее — двадцать два, что с одиннадцатью верховыми мулами составило караван, растягивающийся по дороге на значительное расстояние.

◆

Таким образом, г. Синин экспедиция оставила двумя караванами, выступившими разновременно. Верблюжий караван, во главе с А. А. Черновым, выступил 27 сентября; с геологом отправлены двое забайкальских казаков, Бадмажапов и Содбоев, первый из которых должен был вернуться в экспедицию из Алаша-ямыня, второй — по достижении геологом Урги, из этого города на склад экспедиции.

Главный же караван экспедиции покинул Синин 30 сентября, а 3 октября уже благополучно прибыл в оазис Гуй-дуй и пересек на пути высокий альпийский хребет по перевалу Ла-дин-лин, поднимающемуся над уровнем моря до 13 000 футов.

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД МОНГОЛО-СЫЧУАНЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА; ИЗМЕНЕНИЕ ПРОГРАММЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Получив предложение Русского географического общества «дальнейшее стремление на юг заменить новыми дополнительными работами в древнем городе Хара-хото», мы приступили к выполнению вновь намеченной программы. С двадцатых чисел декабря 1908 г. пошли энергичные сборы, а после встречи нового, 1909-го, года 6 января я уже отправился в Амдо, с расчетом весной возвратиться в Алашань и до наступления высоких жаров прибыть в Хара-хото.

Несмотря на самый холодный зимний месяц, январь, в который экспедиция двинулась в дорогу, вначале мы не ощущали изнурительных холодов, в особенности там, где маршрут экспедиции пролегал в непосредственной близости глубокой, теплой долины Хуан-хэ, но по мере проникновения в область гор зима давала себя чувствовать во всей полноте. Недоставало лишь снегового покрова, да и то только в долинах, где кроме

того травянистые, отливавшие желтизной степи пестрели многочисленными стадами скота. Черные шатры туземного населения также оригинально выделялись на скатах бесснежных холмов, сбегавших на дно ручьев или речек, ледяная поверхность которых серебристо блестела на ярком здешнем солнце.

Общая характеристика амдоского нагорья может быть приравнена к характеристике наиболее мягких частей Тибета, расположенных на востоке или юге этой обширной страны, где абсолютная высота местности от 16 тыс. футов спускается до 12 или даже 11 тыс. (футов).

Амдо привольно раскинулось к югу от альпийского бассейна Куку-нора, расплываясь более или менее высокими волнами гор, гряд, холмов к востоку и западу от Хуан-хэ, ее верхнего нагорного течения. Главные цепи гор ориентированы в широтном направлении с неодинаковым уклоном к северу и югу. Снеговая линия абсолютно поднята выше 15 000 футов. Как и в Тибете, в верховье долин залегают характерные луга твердой тибетской осоки, по которой пасутся стройные горные антилопы-ада и во множестве держатся большие тибетские жаворонки, в ясные проблески дня оживляющие мелодичным пением монотонность страны. Горы вообще богаты тибетскими формами растений, начиная с низкорослых кустарников до альпийских лугов включительно; животная жизнь также однообразна с тибетской. Здесь только путешественник не встречает диких яков и антилоп-оронго, вытесненных обилием кочевников.

Виденные нами амдосцы по наружности ничем существенным не отличаются от описанных нами на страницах моей книги «Монголия и Кам» восточных тибетцев. Они имеют тот же средний рост, реже большой, то же плотное коренастое сложение, те же большие черные глаза, тот же неприплюснутый, иногда даже орлиный, нос и те же средние уши.

Пища, одежда и жилище у кочевых амдосцев одинаковы с таковыми восточных тибетцев. Нравы и обычаи также очень близки; разница может быть наблюдаема лишь при детальных изучениях тех и других обитателей. И у амдосцев мужской элемент при каждом удобном и неудобном случае норовит составить компанию для праздных разговоров. В лучшем случае амдосцы едут на охоту или на грабеж. Домашние же работы, как то: уход за скотом, сбор топлива, водоношение и многое другое, короче — все, ложатся на женщину. В то время как женщина в течение дня трудится, что называется, не покладая рук, мужчина скучает от бездействия и идет к ней на помощь только тогда, когда женщина физически не в состоянии с чем-либо справиться. Верхом на лошади амдоска так же ловка, как и амдосец; поймать из табуна любую лошадь, ухватиться рукой за гриву и, быстро вспрыгнув на спину неоседланного животного, лихо нестись в желаемом направлении — в привычке каждой молодой амдоски.

Как женщины гордятся своими бусами и серебром, так одинаково, если не больше, гордятся мужчины своими воинскими доспехами, в особенности

ружьем и саблей, на украшение которых серебром и цветными камнями тратится немало денег. Боевым видом, молодечеством, удалью в Амдо, как и вообще в Центральной Азии, главным образом и оцениваются достоинства людей, способных быть начальниками. Резвые кони, с хорошим звонким убранством, уже издали привлекают внимание придорожного населения или каравана. Пестрый — темно-красный, синий, желтый — наряд очень красит гордых амдосцев, амдоских чиновников, перед которыми местные простолюдины смиренно и низко склоняют головы.

В последнее время нельзя не отметить особенного, резко бросающегося в глаза стремления амдосцев к приобретению европейского оружия. Те обитатели Амдо, которых мы встречали или в дороге или у себя на бивуаке, часто бывали вооружены именно магазинными винтовками, содержащимися в образцовом порядке, с приделанными к ним сошками для более меткой стрельбы в долинах по зверям, как это всегда устраивают центральноазиатцы у своих примитивных фитильных самопалов. Амдосцы с гордостью показывали нам их магазинки, в свою очередь прося нас показать им русскую винтовку. Разборку и сборку европейских ружей амдосцы усвоили прекрасно, и всякого рода манипуляции с ними они проделывают с замечательной ловкостью и уменьем. Сидя дома, от скуки, амдосец снимает со стены ружье, холит, нежит и ласкает его, словно мать свое любимое детище. Патроны или заряды туземцы берегут с замечательною выдержанностью. Легко представить себе, с какою завистью амдосцы посматривали на наш караван, на наши вьюки, на наше однообразное вооружение. Я положительно убежден, что ни что другое не соблазнило, не толкнуло амдосцев решительно броситься на нас, как только наши винтовки, прелесть и превосходное качество которых они уже успели оценить по своим ружьям европейских образцов. Недаром же китайцы так сильно протестовали против моего намерения двинуться в Амдо, и согласились только в том случае, когда я выдал им новую подписку, что могущие встретиться в Амдо неприятности и беды я беру на свою ответственность.

В наиболее красивых, приветливых и вместе с тем уютных уголках Амдо устроены кумирни или монастыри, а при этих последних нередко и управления начальников и дома их приближенных. При монастырях же очень часто имеют квартиры и торговцы-китайцы, которые, впрочем, при больших таких центрах группируются в отдельные колонии.

Главнейшие монастыри в Амдо — Гумбум и Лавран, насчитывающие в своих обширных храмах и многочисленных постройках тысячи лам, исповедующих главным образом учение Цзон-хавы или так называемого желтого толка. С первым из этих монастырей я уже познакомил читателей, с другим познакомлю ниже.

Послуживший для отдыха и дальнейшего снаряжения экспедиции оазис Гуй-дуй расположен на правом берегу Хуан-хэ, в просторной теплой долине. Гуй-дуй представляет собой частью городское население — чиновников, купцов, ремесленников, ютящихся внутри или вне, но подле городских глинобитных стен, огораживающих весьма небольшой участок, прижатый к Хуан-хэ, частью — поселян-земледельцев, широко расплывшихся своими фермами по сторонам от стен, в особенности вверх и вниз по течению Желтой реки. Кроме земледелия, Гуй-дуй славится разведением хороших садов. Гуй-дуйские груши находят большой сбыт на сининском и гумбумском соседних рынках.

По отношению к прилежащему нагорью, к многочисленным богатым кочевникам-скотоводам, Гуй-дуй играет видную роль, как меновой рынок. Сюда номады везут сырье, пригоняют скот, получая взамен хлеб или сухую муку «дзамба», кирпичный чай, предметы домашнего обихода и своеобразной роскоши. Ловкие торговцы-китайцы выгодно торгуют местной водкой, к которой кочевники так падки. В базарные дни улицы Гуй-дуя полны номадами, их пестрыми оригинальными нарядами; картины самого занимательного характера представляются на каждом шагу. Как и в Донгэре, в Гуй-дуе кочевники чувствуют себя будто дома; и здесь они горды, надменны, смелы.

Представителями китайской администрации в Гуй-дуе являются двое небольших чиновников: гражданский и военный. С тем и другим, с первой встречи, у нас установились хорошие отношения. По временам мы навещали друг друга или совершали совместные прогулки в окрестности. В тихом, симпатичном Гуй-дуе наша жизнь текла мирно, однообразно. Соседи поселяне к нам скоро привыкли и стали заглядывать в занимаемую нами кумирню ежедневно; одни — с целью послушать наш граммофон, другие — полечиться от болезни глаз, желудка или ревматизма. Запасы нашей аптеки здесь значительно поубавились. Благодарные пациенты иногда приносили в дар фрукты и хлебы...

Погода в течение трехмесячного пребывания экспедиции в Гуй-дуе, в общем, стояла довольно хорошая, в особенности в осенние месяцы — октябрь и ноябрь, когда преобладали тихие солнечные дни. В первой половине октября еще не чувствовалось осени, так как солнце пригревало по-летнему и на многих деревьях еще прочно держалась листва, но в конце отмеченного месяца и в начале ноября воздух значительно посвежел, деревья обнажились и вершины соседних гор стали покрываться снегом. В декабре преобладала облачность и восточные или северные ветры, приносившие стужу, а также и сухой тонкий снег, ненадолго прикрывавший собою долину. Тонкая лёссовая пыль опускалась на землю, даль открывалась. В прозрачной синеве неба носились крылатые хищники...

Приспособив для жилья кумиренное здание, мы в нем удобно разместились и за постоянным делом не замечали, как бежало время. Мои сотрудни-

ки совершали частые экскурсии в горы или в долину, мне же лично в ноябре удалось съездить в монастырь Чойбзэн-хит, лежащий к северу от Синина, и пробыть в нем достаточное время для ознакомления и изучения его интересных храмов и главного чойбзэнского перерожденца. Последний, мой старый знакомый, еще со времени экспедиции Н. М. Пржевальского, принял меня радушно и позволил, между прочим, снять с себя целую серию фотографий... Чойбзэнский гэгэн с гордостью показал мне подарок Географического общества, содержащийся в образцовом виде.

◆

...Распрощавшись с гуй-дуйцами, прекрасно относившимися к экспедиции, мы утром означенного дня направились в интересный путь. Небо было прекрасного темно-синего цвета; солнце пригревало ощутительно; дорога, сухая, пыльная, представляла своего рода удобства и неудобства, и наш караван, состоявший из двенадцати вьючных и стольких же верховых лошадей или мулов, ходко шагал сначала по знакомому оазису, а затем по южному ущелью речки Ранэн-жаццон, которая привела нас на горячие ключи Чи-чю.

Здесь была наша первая ночевка. Между монастырем и горячими целебными ключами мы разбили лагерь. Наши белые шатры красиво отливали на золотом фоне дэрэсуна *(Lasiagrostis splendens)*, достигавшего роста человека. Это приветливое местечко уже было мне знакомо по моей декабрьской экскурсии к источникам, максимальная температура которых определилась 85,2° С. Теперь здесь никого не было, но в первое мое посещение я встретил несколько человек нголоков, приезжающих сюда для лечения с извилины Желтой реки. Тогда же пользовались ваннами и примитивно устроенными приспособлениями к ним и ламы ближайших монастырей. Ущелье, где выбегают источники, обставлено высокими холмами, обнажающими у подножий более или менее крупные валуны, в среднем же поясе — красный песчаник, пестревший широкими полосами.

Ночь спустилась на землю очень скоро. Прозрачное небо заискрилось массой ярких звезд, из которых эффектно выделялся красавец Сатурн, которым мы нередко любовались в трубу в Гуй-дуе, во время астрономических наблюдений. Соседний монастырь, казалось, уже погрузился в дремоту, но наш лагерь был долго оживлен голосами русских, китайцев и тангутов. Яркий костер привлекал компанию побеседовать о впереди лежавшей местности

С зарей следующего дня, 7 января, караван снялся и пошел в прежнем южном направлении с целью выбраться из глубокой вырезки общей долины Хуан-хэ на прилежащее плато. Так как верховья речек и ручьев образовали много ледяных каскадов, то мы принуждены были цепляться по страшной крутизне глинистых или лёссовых обрывов, прежде нежели поднялись на нагорье, где вздохнули свободнее и где караван вновь пошел надлежащим ходом.

К востоку от нашего пути вырастали горы, к западу открывалась долина Желтой реки, порою суживающаяся настолько, что представлялась гигантской змеей. На смену оседлого населения появилось кочевое. Вершины новых гряд или холмов открывали и новые виды, новые долины, густо заполненные кочевниками и их стадами. Мы стали держаться юго-западного направления, пристраиваясь на ночлег в соседстве тангутских стойбищ. Во время передвижения каравана нас сопровождали целые кавалькады всадников, подгонявших новых вьючных животных — яков или быков, которыми мы вскоре заменили уставших лошадей и мулов.

Первая дневка предполагалась в тангутском княжестве Луцца, которого мы на пятый день своего пути от Гуй-дуя благополучно и достигли.

◆

Ставка луццаского управителя располагалась в превосходной пастбищной долине, поперек которой экспедиция шла целый день, держа направление на известную группу черных палаток, или банагов. Подъезжая к ставке, я был встречен сначала сыном князя, молодым, красивым амдосцем, и княжеской дворней, а затем и самим стариком Лу-хомбо, как его называют окрестные обитатели, производившим впечатление крепкого, закаленного в боях воина. Князь пригласил меня к себе в обширную палатку, где уже было готово обычное угощение: чай и свежее, только что испеченное из самой простой муки, печенье. Князь сел против меня, прося не стесняться, а есть и пить как следует. Кирпичный чай, приправленный солью, молоком и маслом, вначале кажется противным, но я уже достаточно привык к азиатскому напитку и с аппетитом поглощал чашку за чашкой; сын Лу-хомбо то и дело подливал мне чая и подкладывал новые печенья, поджаренные на бараньем сале.

Приняв угощенье, я пожелал выбрать место для лагеря экспедиции; старик и молодой князь оба направились со мною и помогли разрешить этот вопрос. Мы остановились на открытой площадке, залегавшей саженях в ста от княжеской ставки. Тем временем подошел и караван, который лишь только был развьючен, как оба князя попросили у меня отпустить всех моих спутников на чай, после дороги. Все, казалось, идет самым лучшим образом, тем более, что при экспедиции следовал официальный китайский переводчик из синиинского управления, снабженный всякого рода бумагами для оказания нам содействия со стороны амдосцев.

Угостив наших молодцов, князья и их свита направились в наш лагерь и положительно его осадили. Князья были приглашены в офицерскую палатку; оба они оказались большими любителями выпить и без всякого стеснения спросили у меня русской водки, поднимая вверх, в знак одобрения, оба больших пальца.

Мне хотелось получше угостить первого важного амдосца и мы поставили пред князем Луцца бутылку коньяку. К сожалению, коньяк был выпит очень

быстро, легко и не удостоился похвалы, наоборот, скорее заслужил насмешку. Жалко было уничтоженной бутылки такого дорогого напитка, который мы привезли из далекого Петербурга и который берегли как драгоценное лекарство. Подумав немного, я предложил гостям самого крепкого спирта, хранящегося в запасах экспедиции для коллектирования рыб, змей, ящериц и пр. Князья одобрили его, и старик немного подвыпил. На счастье, вовремя пришла старушка-княгиня, маленькая тщедушная женщина, и увела захмелевшего старика, по дороге проронившего: «Завтра будем говорить о делах, о вашем дальнейшем пути, а сегодня я жду подарков». Подарки действительно частью уже князь получил, частью были направлены вслед за ним.

Два дня шли бесплодные переговоры, не приведшие ни к какому положительному результату. Для князей всего предлагаемого нами — и новых подарков, и самой высокой платы за животных и проводников — было недостаточно: они стояли на своем: «Подарите вашу русскую винтовку и ящик патронов, тогда мы выпустим вас из своих владений». Когда и на эту комбинацию, скрепя сердце, я вынужден был, наконец, согласиться, тогда Лухомбо сказал: «Сейчас придет к вам мой сын посмотреть еще раз вашу винтовку, а я ухожу домой». Явился сын, гордо и надменно вошедший в казачью палатку, где и принялся за самый внимательный осмотр нашей магазинки.

В конце концов он с прежнею надменностью заявил: «Ваше ружье — скверное, оно ничего не стоит...» и ушел. Наш лагерь понемногу опустел; на нем остались лишь те немногие луццасцы, которые не могли отличить чужой от своей собственности и которые чуть не на глазах наших стащили все аптечные бинты и марлю...

Старый князь собрал совет старшин-головорезов; на этом совете, как выяснилось впоследствии, было решено уничтожить нас, чтобы воспользоваться всем нашим оружием и пр. Мы же не допускали мысли, что на нас готовится предательское нападение, и тем более могли не знать, что Лу-хомбо на совете одобрил предложение сына и прочей молодежи напасть на нас глухою ночью, перебить, переколоть горсточку русских, воспользоваться их самым ценным добром, а китайцу-переводчику, ночевавшему всегда в княжеской палатке, затем заявить, как заявили нам на другой день после неуспешной атаки, что нападавшие были не их однохошунцы, а обитатели соседнего аймака, их отъявленные враги, нагрянувшие в Луцца с целью отомстить луццасцам за своих убитых некогда товарищей, но случайно напавшие на русских...

Вечер 12 января был особенно тихим со стороны княжеской ставки. Сумерки погасли скоро, на землю спустилась темная, облачная ночь. От сининского переводчика мы узнали, что князь согласился распорядиться подводами на завтрашний день на условиях самых последних, т. е. по баснословно дорогой цене за каждое отдельное животное и за каждого из пятнадцати

проводников, тогда как в сущности мы нуждались в одном: но нам навязывали их непременно пятнадцать человек, якобы один-два не в состоянии будут возвратиться домой живыми и неограбленными. О ружье и патронах более не упоминалось.

На эту ночь особенных приготовлений мы никаких не делали и улеглись спать, за исключением часового, раздетыми, тогда как предыдущую ночь провели в полной боевой готовности, слыша со стороны ставки подозрительный топот и выкрики амдоских воинов.

В двенадцать с половиною часов ночи винтовочный выстрел поднял всех нас на ноги; то был выстрел подскакавшего на бивуак разъезда по нашему часовому, который громко крикнул «Нападение, вставайте!», в свою очередь открыв огонь по удиравшим двум всадникам. В минуту-две и мы выскочили из палаток, конечно, кто в чем был, с ружьями в руках, но уже никого не видели; слышен был только резкий топот копыт быстро скакавших коней. Едва мы успели одеться, полностью вооружиться и стать в боевую линию, как с той же западной стороны, куда ускакал разъезд, заслышали новый топот копыт, постепенно усиливающийся, и вместе с тем завидели черное пятно, выраставшее по мере приближения тангутов к нашему лагерю. Темная январская ночь была единственной свидетельницей всего того, что произошло между маленькою горсточкой русских и сотенным отрядом диких номадов, мчавшихся в карьер, с пиками на перевес на маленький лагерь иностранцев, открывших огонь шагов на 400—500 навстречу атаковавшим. Огонь восьми наших винтовок описывал непрерывную огненную змейку, ярко сверкавшую в темноте ночи. Разбойники не выдержали, не доскакали какой-нибудь полусотни шагов, вероятно и того меньше, круто повернули в сторону и тотчас скрылись в глубине лощины. Однако гулкий топот копыт по сухой промерзшей почве долго слышался в тишине, что вначале казалось как-то таинственным призраком; это был какой-то дикий вихрь или ураган, промчавшийся бог весть откуда и куда... Не стой мы в полной боевой готовности навстречу этому грозному урагану, ничто не спасло бы нас от стремительности разбойников, их пик и сабель. Действительно, если бы разбойники не выслали разъезда снять нашего часового и тем самым не подняли бы нас на ноги, их план наверно удался бы... их атака в темноте ночи сделала бы свое дело. Но бог судил иначе... И как мне не верить в мою счастливую звездочку!..

Едва мы успели опомниться от всего происшедшего, как со стороны ставки князя услышали выкрики Лу-хомбо и его сына: «Что случилось? Не перерубили ли русских наши соседи-враги?.. Какой сильный огонь был...» и пр. Так потом передавал нам сининский переводчик, от страха потерявший голову. Чтобы скорее удовлетворить любопытство, старик-князь прислал в наш лагерь своего сына, который был крайне удивлен, что мы все целы и невредимы, стоим в полном боевом порядке и ждем новой атаки... Теперь равнина огласилась дикими криками, пальбой вдали и чем-то зловещим, про-

державшим всех нас под ружьем порядочное время. С этой, чуть не роковой ночи мы стали спать не раздеваясь, в объятиях с ружьем и патронами в течение всей зимней экскурсии.

◆

Утром 13 января я поздравил моих молодцов-спутников и выяснил им положение, в котором мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похваливший всех нас за молодецки отбитую атаку. Я в шутливом тоне спросил князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть с нами такую злую шутку. На это гордый старик ответил: «Собственной рукой зарублю, а если окажется раненым, то и заколю того, кто осмелился бы из моих людей принимать участие в набеге». Лу-хомбо рассвирепел, гневные глаза властного старика метали искры, он нервно вздрагивал и машинально повертывал на голове свою меховую «атаманскую» шапку; порою даже сбрасывал рукав с правого плеча, обнажая спину и на ней зарубцованные раны — старый воин видывал виды. Теперь я стал верить, что Лу-хомбо никогда никому не давал даже обычных подарков, как он мне об этом заявил в первый день нашего знакомства, но сам со всех брал столько, сколько хотел. Кажется, в первый раз князю пришлось сознаться в своем бессилии...

Чтобы не навлечь на себя еще бо́льших подозрений и не дать нам узнать об убитых и раненых, о чем мы узнали только через несколько дней и переходов, луццаский князь поторопился сплавить нас, назначив в начальники проводников сына и угостив нас в дорогу неизменным кирпичным чаем и жирным печеньем.

От доставки экспедиции в монастырь Рарчжа-гомба, как я того желал, луццасцы отказались наотрез, мотивируя свое нежелание высоким снеговым хребтом на пути, но, вероятнее всего, боязнью нголоков — таких же разбойников, как и они сами, которые давно грозят Лу-хомбо набегом «за прежние, давние грехи старого волка». Князь продиктовал наш длинный окружный маршрут своему сыну, с наказом передать его зятю старика, обязанному затем доставить экспедицию с тем же наказом в линию кругового пути, залегавшего в районе монастырей Рарчжа-гомба — Лавран.

Подобный удлиненный и круговой маршрут, составленный князем Луцца в целях доставить заработок родным и знакомым старшинам, был полезен и для нас, так как давал возможность познакомиться с самым интересным, неведомым уголком Амдоского нагорья. Правда, это исследование стоит нам очень дорого в физическом, нравственном и материальном отношениях. До прихода в монастырь Лавран мы ложились спать, не раздеваясь и не расставаясь с ружьем; ночные караулы держали самые строгие, самые усиленные; при малочисленности участников зимней экскурсии на часах приходилось стоять всем нам через ночь в продолжение пяти-шести морозных часов, а на другой день следовать в дороге со всякого рода наблюдениями

и сборами коллекций [1] на высоте, на 3—4 версты превышающей Петербург. Нервы наши были напряжены до крайности. Надо было иметь большое терпение, чтобы перенести все это и платить разбойникам во много раз больше следуемого. Неудивительно поэтому, что монастырь Лавран мы ждали словно манны небесной.

◆

Лавран, большой исторический монастырь, играет громадную роль в жизни не только прилежащих, но и отдаленных номадов. Сюда периодически стекаются десятки тысяч буддистов помолиться и поклониться лаврапским святыням, а также и устроить свои дела. Лавран — младший брат Гумбума, но он превзошел его богатством и великолепием.

Своим возвышением Лавран обязан второму перерожденцу с именем Жигмэд-вамбо, энергичному, умному, и его ученику Гунтан-Дамби-Донмэ, который своими сочинениями по философии буддизма и преподавательской деятельностью поставил лаврапскую школу «цаннида» в блестящее положение.

Из многочисленных храмов Лаврана наибольшего внимания заслуживают: Цокчэн-дукан — главный соборный храм, затем Сэрдун-чэмо или храм Майтреи, принадлежащий перерожденцам Жамьян-шадбы, расположенный в северо-западной окраине монастыря. Этот храм имеет золотую кровлю в китайском стиле. Внутри храма находится большая статуя бодисатвы Майтреи. Как и все лхаканы, Сэрдун-чэмо имеет стенные картины. На внутренней стене, налево от входной двери, находится громадная рукописная надпись на полотне. Эта надпись, по свидетельству Б. Б. Барадийна, излагает на тибетском языке историю храма и описание священных реликвий, находящихся в храме. Между прочим, здесь перечисляются те священные предметы культа, которые вложены внутрь самой статуи. В числе этих предметов упоминается, как самая сокровенная из вложенных реликвий, санскритская рукопись на пальмовых листах — сочинение учителя Буддапалиты о философии средины [2].

Лавран — слово тибетское, означает гэгэнский покой, дом. Как монастырь Лавран основан около 200 лет тому назад. Основатель его — Жамьян-шадба, имеющий четвертое перерождение,— успел только построить небольшой соборный храм, основать цаннидскую и гьудскую школы буддизма и устроить немногочисленные домики для монашеской общины. При основа-

[1] Суеверные туземцы в нашем намерении разузнать что-либо об их стране и осмотреть горы и отбить образчик горной породы видели для себя большое несчастье — увоз русскими их «благ природы», поэтому против наших открытых наблюдений страшно протестовали. Пришлось вести их втихомолку.

[2] Тибетцы и вообще последователи тибетского буддизма имеют обыкновение складывать внутрь статуй наиболее ценные сокровенные предметы культа.

нии Лаврана особенное внимание было обращено на то, чтобы монастырь этот выгодно отличался от других своей образцовой дисциплиной монашеской жизни, скромностью и благоустройством монашеского общежития. Действительно, нравственная чистота и чрезвычайная скромность жизни монахов Лаврана и имя знаменитого его первого иерарха в связи с великолепием храмов привлекали и продолжают привлекать к себе благочестиво настроенных буддистов со всех концов Амдо.

Общий состав монашествующей братии исчисляется почти в 3000 человек при 18 больших и 30 малых гэгэнах, или перерожденцах. Лавранские гэгэны, по наблюдениям Барадийна, имеют чрезвычайно строгое воспитание, направленное на то, чтобы уметь внушить симпатии и преклонение толпы проповедью, уметь держать себя с достоинством и т. п. Для этого с малых лет до полного совершеннолетия гэгэны подвергаются суровому режиму монашеской и школьной жизни. Они находятся под постоянным надзором своих наставников, которые нередко подвергают своих святых учеников жестоким наказаниям за какое-нибудь попустительство. Благодаря такому воспитанию все лавранские гэгэны являются по-своему весьма строгими и дельными людьми, тогда как большинство монгольских, особенно халхаских хубилганов, представляет прямую противоположность лавранским гэгэнам.

При Лавране имеется цаннидская школа, своего рода университет или духовная академия, в которой проходится философия буддизма, и четыре школы для среднего образования — гьудская, дуйнкорская, кьюдорская и так называемая медицинская — Манбадукан. Относительно школ гьюдской, дуйнкорской и кьюдорской, то в них, замечает Барадийн, изучают разные системы буддийской символики. В буддизме существует отдел, называемый по-тибетски «гьуд» (по санскритски «тантра»), который называется тайной частью учения. Эта система буддизма в своей древней форме, в интересах сохранения своей тайны, отрицала всякую письменность, признавая только сообщение учения учителя ученику. Дальнейшей стадией ее развития явились символические приемы усвоения буддийских идей путем разного рода символических положений рук и пальцев рук, буквенных формул, писанных образов, статуй, чертежей и т. д. Тайным же учение называлось потому, что считалось недоступным для непосвященных. В настоящее время эта система потеряла всякий первоначальный смысл своей таинственности и превратилась в Тибете, в Монголии и у бурят в сложную систему разных внешних ритуалов, обрядностей. Учащиеся этих школ занимаются исключительно практикой в этих обрядностях и заучиванием обрядовых руководств, а также изучением основ буддийской символики. Окончившие курс в школе символики получают ученое звание «аграмба».

В медицинской школе изучается индо-тибетская медицина, которая благодаря выработанной веками врачебной практике, основанной на строго опытном изучении природы органического и неорганического мира, до сих пор служила одним из главных орудий буддизма среди полукультурных на-

родностей. Окончившие эту медицинскую школу получают звание «манрамба».

Слушателями этих просветительных учреждений являются ламы из Тибета, Амдо, Монголии и даже нашего Забайкалья — буряты, а профессорами и учителями — достойнейшие из лам, местных или тибетских. Лучшими лекторами ламы-студенты считают двух заслуженных профессоров: Хори-Роопсыл — по богословию и Гунтун-Лондон — по буддизму вообще, местных уроженцев. Как прежде, так и теперь, окончившие курс лаврановского университета, направляются на несколько лет в Лхасу для окончательного укрепления в науке. Мне очень отрадно было встретить в Лавране в числе местных студентов наших бурят, один из которых, по имени Гуру-Дарма-Цырэмпылов, хорошо говорил по-русски и дал мне немало ценных сведений и полезных указаний. Цырэмпылов нынче оканчивает лаврановский университет, а на будущий год предполагает отправиться в Лхасу для получения законченного образования, которое возможно приобрести только в столице Тибета. Благодаря своему географическому и этнографическому положению Лавран ни в одно из восстаний дунган не подвергался разорению; это обстоятельство ставит его по богатству и сбережению исторических памятников выше прочих монастырей, переживавших погромы. Лавран гордится самым первым металлическим изображением Будды, бывшим, по преданию, в руках самого основателя буддийского учения. В лаврановской сокровищнице наук, в библиотечном храме Боин-зэт-лхакан, хранятся старинные индийские и тибетские сочинения.

Кругом монастыря, за исключением северной, прислоненной к горам его части, устроены навесы с вертящимися цилиндрами «хурдэ». Верующие буддисты по целым дням совершают религиозный обход — «лингор» — монастыря и попутно вертят цилиндры, с священными писаниями внутри. «Нужно заметить,— говорит Б. Б. Барадийн [1],— что подобного рода хурдэ часто служат границей монастырского района; кельи монахов нельзя выносить за границу этих цилиндров: это было бы вопреки убеждению, что внутри поясов этих цилиндров должны царствовать покой и счастье».

Монастырь Лавран расположен в очень приветливой неширокой долине, обставленной высокими горами, на северном склоне убранными лесом, состоящим под строгой охраной монастыря. По дну долины стремительно катится прозрачная речка Сон-чю — один из многочисленных притоков Хуан-хэ, берущий начало на амдоском нагорье. Ниже монастыря по этой речке имеются также участки елового леса, поднимающегося по склонам до гребней гор; в этих лесах наши препараторы свободно охотились за птицами и успели пополнить орнитологическую коллекцию редкими экземплярами, как, например, гималайские клесты, оливковые кустарницы, мандаринские дятлы, франколины или всэре, ушастые фазаны, фазаны Штрауха и несколь-

[1] Барадийн Б. Б. Путешествие в Лавран.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 44. 1908, вып. 4, стр. 183—232.

ко видов синиц и синичек. Среди последних наиболее выделялась так называемая изящная синичка *(Leptopoecile elegans)*, красиво блестевшая на солнце своим чудным оперением; эта милая птичка открыта Н. М. Пржевальским в его третье путешествие в Центральной Азии.

Воображаю, как хорошо должно быть в Лавране летом, хотя и теперь, в феврале, поднявшись на южную береговую террасу, приходишь в восхищение. На востоке и западе змеится речка, на севере и юге громоздятся горы, облитые лучами яркого, яркого солнца. Мягкая лазурь небес манит глаз, волшебный рокот речки и пение птиц ласкают ухо. Взгляните с высоты на монастырь, на его богатые, оригинальные постройки, на яркость красок, на пестрых лам, толпами переходящих от храма к храму, и вы не нарушите, а дополните картину своеобразной прелести: с дивным величием природы дивно сочетался человек в своей молитвенной обстановке.

«Во время летних школьных перерывов,— пишет Б. Б. Барадийн *,— назначаются особые дни, когда все монахи от мала до велика выходят в поле на день или на сутки в окрестностях Лаврана с палатками и провизией. Молодежь устраивает разные игры, а степенные монахи развлекаются разными прибаутками или рассказами из жизни буддийских знаменитостей.

Также в году бывают разные религиозные празднества, между которыми самым интересным является театр «Милай-цам», основанный в XIII в. в Лавране в честь знаменитого тибетского поэта-философа и отшельника, певца буддизма Миларайбы (XI в.). Этот театр имеет полусветский и полурелигиозный характер и играет в Лавране своеобразную роль публицистики. На сцену выходит горный отшельник Миларайба с одним из его учеников и старик «Гончо-доржэ», бывший охотник, а потом ревностный последователь Миларайбы. Этот последний, во время представления, разоблачает перед многочисленными зрителями из духовенства, мирян и мирянок, все темные дела, творимые знатными лицами Лаврана, посредством намеков, сатирических и комических выходок и рассказов. Перед выходом на сцену этот актер обязан дать клятву перед статуей гения хранителя, что он будет справедлив в своих суждениях и не будет брать взяток».

Во время нашего пребывания в Лавране глава этого монастыря отсутствовал. Его заменяли двое его старших помощников, светский и духовный. С первым из них мне удалось близко познакомиться и получить разрешение произвести фотографические снимки не только с общего вида монастыря, но и с его главнейших храмов в отдельности.

◆

Из монастыря Лаврана экспедиция выступила в половине февраля 1909 г. двумя партиями. Главный караван я направил прямою, ближайшею,

* Барадийн Б. Б. Путешествие в Лавран.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 44, 1908. вып. 4, стр. 230

дорогою в Лань-чжоу-фу; сам же, налегке, в сопровождении переводчика китайского языка Полютова пошел туда же круговым путем, через Синин, чтобы поблагодарить сининского цин-цая за все его заботы и хлопоты о нашей экспедиции. Как раз в это время возвратился в Гумбум далай-лама и мне посчастливилось вновь свидеться с главою буддизма и верховным правителем Тибета. Далай-лама принял меня с любезностью и предупредительностью. В Гумбуме я прожил более недели и ежедневно навещал лавран — покой далай-ламы, проводя там с большим интересом по нескольку часов времени. Поездка в Пекин, знакомство с европейцами наложили известный отпечаток не только на далай-ламу и его министров, но даже и на всю его свиту.

Молодой человек по имени Намган, состоящий в роли секретаря при особе далай-ламы, имел в своем распоряжении до пяти больших и малых фотографических аппаратов, которыми с успехом снимал в пути его святейшества все то, что представлялось наиболее красивым и замечательным.

...Принеся затем благодарность сининским властям, я в половине марта прибыл в Лань-чжоу-фу, где уже две недели проживал караван экспедиции в ожидании моего возвращения.

◆

Лань-чжоу-фу — резиденция вице-короля или генерал-губернатора провинции Гань-су — красиво расположен на правом берегу быстрой, многоводной Хуан-хэ. В этом многолюдном торговом городе жизнь бьет ключом: улицы полны народом, магазины — товарами, привозимыми из Пекина и богатой Сы-чуани. Здесь немало европейцев: миссионеров, инженеров, техников и других дельцов. Через Хуан-хэ воздвигается европейский мост...

Своеобразную красоту и оригинальность придают Лань-чжоу-фу четыре исторические башни, устроенные на холмах, командующих над городом с юго-запада, в свое время сдерживавшие движение грозных дунган из Хэ-чжоу.

Вице-король Гань-су — довольно энергичный и решительный государственный деятель; его ближайший помощник Не-тай — также. Оба эти сановника приняли меня изысканно вежливо и деликатно и оказали экспедиции полнейшее содействие.

Генерал-губернатор очень интересовался нашим путешествием, подробно расспрашивал об Куку-норе, об амдоском нагорье. В простой беседе со мною он не раз вспоминал также и Россию, называя по-русски города С.-Петербург, Москву, Нижний-Новгород, Иркутск и озеро Байкал, лежавшие на его пути из Пекина, когда он ездил к нам в качестве китайского посланника; генерал-губернатор спрашивал меня о том, между прочим, закончена ли постройка кругобайкальского железнодорожного пути. Более всего вице-король был знаком, конечно, с С.-Петербургом и его окрестностями и восхва-

лял красоту зданий и качество дорог. На его языке я слышал правильное русское произношение Петергоф, Озерки и пр.

В Лань-чжоу-фу нам удалось также пополнить свою этнографическую коллекцию старинными образцами китайского художественного творчества, в особенности в отделе бронзы; впрочем, на многие выдающиеся предметы пришлось только полюбоваться, так как они стоили больших денег, которыми мы под конец своего путешествия далеко не располагали, к тому же систематическое приобретение образцов буддийского культа, входившее в нашу программу, не легко ложилось на бюджет экспедиции, скорее его превышало.

◆

Из Лань-чжоу-фу мы уже имели возможность нанять монголов-подводчиков и отправиться в Алашань верблюжьим караваном. Это приятное передвижение нами исполнено в две недели.

Погода стояла благоприятная. Теплое солнышко ласкало нас ежедневно. Все невзгоды Амдо были позабыты. Даже наш пернатый спутник гриф-монах *(Vultur monachus)* и тот, отдохнув в Лавране и Лань-чжоу-фу, теперь легче переносил езду и качку на вьючном верблюде. Грифа, этого огромного крылатого хищника, я купил в Гуй-дуе у китайца. Гриф скоро привык к нам, освоился, но на китайцев и тангутов смотрел как на врагов, с которыми постоянно ссорился. Еще более враждебно гриф относился к чужим собакам, ожесточенно нападая на них и ударяя острым клювом и крыльями. В дороге мы его пеленали как младенца и клали в корзину с отверстием для головы птицы. По приходе на стоянку гриф получал полную свободу и порядочную порцию мяса. Таким образом, невольный наш спутник совершил путешествие, при караване, в 3 тыс. верст с лишком, а затем на пароходе и железной дороге еще семь тысяч верст, прежде нежели прибыл в С.-Петербург с вагоном экспедиционных коллекций *.

Светлый праздник мы встретили в пустыне, а 7 апреля уже прибыли в Дын-юань-ин на склад и метеорологическую станцию экспедиции. Здесь все оказалось в полном благополучии и исправности.

Оазис Дын-юань-ин под жаркими лучами южного солнца успел одеть весеннее убранство. Воздух был насыщен ароматом цветущих плодовых деревьев. Лужайки отливали изумрудом. Ласточки с приятным щебетанием носились из стороны в сторону. Но лучше всего в Алашане — это Алашаньский хребет, который в прозрачное состояние неба представляет очаровательное зрелище, в особенности во время заката солнца, когда на его крутые склоны картинно ложится фиолетовая или сизая, чарующая глаз дымка...

---

* Впоследствии гриф был передан в зоопарк Аскания-Нова.

В наше теперешнее пребывание в Дын-юань-ине цин-ван со всем своим двором отсутствовал. Его возвращение из Пекина ожидалось осенью. Отсутствие ванского двора наложило на город скучный отпечаток — жизнь замерла, торговля почти прекратилась, улицы опустели.

Отдохнув денек-другой в Дын-юань-ине, мы энергично принялись за сортировку багажа и упаковку коллекций, а также и за сложные приготовления к путешествию в пустыне летом и предстоящим занятиям на развалинах Хара-хото.

В конце апреля к нам прибыл капитан Напалков, проложивший новый интересный путь по Гань-су, в дополнение к картографии, картографическим работам минувшего года. Теперь участники экспедиции собрались в одно место, экспедиционный багаж-коллекции в одно целое; но все это ненадолго, так как из Дын-юань-ина нам предстояли две дороги: одна в Хара-хото, другая в Ургу. По первой, налегке, с большим числом людей — сам-девять — отправился я, 4 мая (1909 г.); во второй, 9 мая, сам-четыре,— мой помощник капитан Напалков, во главе большого каравана.

◆

Весь путь от Дын-юань-ина до Хара-хото в 570 верст, пройденный мною в девятнадцать дней, характеризуется крайней пустыней, то совершенно гладкой песчано-каменистой, то испещренной волнами каменистых гряд и холмов, преграждающих горизонт; и лишь кое-где, по низинам, отрадно зеленели пустынные формы растительности: саксаул (*Haloxylon ammodendron*), тамариск (*Tamarix Pallasii*), хармык (*Nitraria Schoberi*) и другие немногие кустарники, отливавшие желтыми, белыми или светло-розовыми цветами. Теплый воздух был наполнен жужжанием насекомых; по поверхности земли шныряли многочисленные остроголовые и плоскоголовые ящерицы, ползали жуки, неприятно извивались змеи... Из пернатого царства преобладали коренные или оседлые обитатели: черный гриф (*Vultur monachus*), два-три вида соколов, пустынная сойка (*Podoces Hendersoni*), жаворонки и самые характерные птицы пустыни — больдуруки (*Syrrhaptes paradoxus*); последние, срываясь с гнезд, всегда пугали наших караванных животных — верблюдов. По части млекопитающих по-прежнему чаще всего попадались на глаза стройные газели харасульты (*Gazella subgutturosa*), искушавшие наших охотников. Зоологические и ботанические коллекции пополнялись.

Кочевники со стадами скота попадались подле колодцев — наших пристанищ на ночлеги. В походе мы обыкновенно вставали с проблеском утренней зари, ложились в девять часов, после вечерних метеорологических наблюдений. Время бежало быстро, незаметно. Развалины Хара-хото манили нас неудержимо; о Хара-хото мы говорили ежедневно.

На этот раз маршрут экспедиции вскоре после колодца Дурбун-мото, т. е. «Четыре дерева», уклонился к северу, на монастырь Шарцзан-сумэ, где можно считать, приблизительно, половинное расстояние до намеченной цели. Этот пункт удалось определить астрономически. Обитатели монастыря, в числе ста монахов, исповедуют учение Цзон-хавы, ревностно заботясь о богатстве и славе небольших монастырских храмов.

В одном переходе от Шарцзан-сумэ, при колодце Цзагин-худук, где проживал монгольский крез — лама Иши, мы прожили целый день. Здесь нам предстояло сменить верблюдов, к тому же прекрасная погода уступила место бурной, омрачившей воздух тучами тонкой пыли. С бурей температура временно понизилась настолько, что мы вновь одели меховые куртки; к счастью, ненадолго.

Получив свежих верблюдов, экспедиционный караван стал передвигаться еще более успешно. Перед нами продолжали развертываться пустынные картины те же, что и прежде, местами же еще грустнее; теперь стали попадаться исключительно пастухи, пасшие верблюдов; другого скота мы не видели и питаться должны были сухим, консервированным самими, бараньим мясом. Так продолжалось до пустынного оазиса Гойцзо, где предполагалось прожить несколько дней или, что то же самое, следовать по нему небольшими переходами.

В передний путь в Гойцзо, в начале апреля (1908 г.), мы наблюдали много плавающих и голенастых птиц, отдыхавших при перелете на север. Озерки были покрыты разнообразными породами гусей, уток, среди стай которых попадались турпаны и лебеди, а вдоль берегов не мало куликов, серых цапель, малых серых журавлей *(Grus virgo)* и немногих других. Днем и ночью окрестность была оживлена голосами или шумом крыльев пернатых странников. Теперь же, в пору более позднюю — в пору гнездования, мы наблюдали тех же птиц, но в меньшем количестве, зато среди воробьиных или кричащих встречались неотмеченные раньше — варакушки, овсянки и камышовки, оглашавшие воздух весенними голосами.

Из зверей я здесь добыл интересную дикую кошку, убитую в камыше накануне разрешения от бремени; прекрасные, тигровой окраски, котята также попали в нашу спиртовую коллекцию.

Монгольское население ютилось обособленными группами юрт в небольшом количестве, на всем протяжении котловины. В восточной половине ее, при ключевом роднике, некий гэгэн — просветитель народа — устроил большое молитвенное обо, куда летом монголы собираются для отправления богослужения и устройства праздничной пирушки.

За котловиной Гойцзо мы опять вступили в пустыню. Дневной жар стал усиливаться, в особенности в открытой песчаной или солончаково-глинистой равнине, нередко омрачаемой серою пыльной дымкой, сквозь которую дневное светило выглядит в виде бледного диска. В пустыне пришлось с новой силой поналечь на большие безводные переходы...

Наконец, 22 мая, в полдень, экспедиция прибыла в мертвый город Хара-хото и расположилась бивуаком не в центре его исторических стен, как прежде, а несколько ближе к северо-западному углу, подле развалин большой фанзы. В наше годичное отсутствие из древнего города в него никто не заглядывал: его развалины были в том же положении, в каком мы их и оставили [1]. Нетронутыми оказались и те предметы, извлеченные нами из-под обломков или мусора, которые мы оставили как ненужные.

Мертвый город опять на время ожил: задвигались люди, застучали инструменты, по воздуху полетела пыль.

Рассчитывая просидеть на работах-раскопках около месяца, я возобновил приятельские отношения с торгоут-бэйлэ, живущим на Эцзин-голе, в двадцати с лишком верстах от Хара-хото, заручился его содействием по найму рабочих землекопов, а также подрядил за известную плату торгоутов ежедневно доставлять нам с Эцзин-гола воду и баранов. Повышенная физическая деятельность, увеличение количества ртов в два-три раза требовали того и другого весьма много. Как прежде, так и теперь, Хара-хото установил связь с долиною Эцзин-гола. Ежедневно, в полдень, к нам приходил караван из ослов, доставлявший нам воду и продовольствие и привозивший нам новости. Порою проведывал нас кто-либо из чиновников торгоут-бэйлэского управления, чтобы, в свою очередь, знать, как поживают на развалинах русские.

Не только мои спутники, но даже и туземные рабочие вскоре прониклись интересом к раскопкам. Мы только и говорили о Хара-хото: вечером — о том, что найдено в течение истекшего дня, утром — что можно и что предстоит найти. По-прежнему мы просыпались с зарей и в сравнительной прохладе вели свои работы; днем отдыхали, а то и пуще томились от изнурительного жара, так как в тени воздух нагревался до 37° с лишком, а земная поверхность накалялась солнцем свыше 60° С. Пыль и песок, поднимаемые горячим воздухом, положительно изнуряли. Серая, безжизненная окрестность усиливала неприятное, тяжелое впечатление. Я всегда радовался при появлении на наш бивуак двух черноухих коршунов (*Milvus melanotis*), подбиравших отбросы кухни; эти птицы со всеми нами скоро освоились и смело усаживались в нашем близком соседстве, чуть не выпрашивая подачек. К этому приучили их мои спутники, бросавшие птицам в воздух куски мяса, которые коршуны искусно схватывали. Не любила птиц и постоянно ссорилась с ними наша экспедиционная собака Лянга, неизменная спутница почти всего нашего путешествия. Эти живые существа — птицы и собака — только и оживляли, только и развлекали наше монотонное житье в

[1] Необходимо упомянуть, что на стенах Хара-хото до сих пор продолжают лежать запасы гальки, которой, между прочим, в свое время отбивались осажденные в Хара-хото.

Хара-хото. «Знаменитый» субурган в конце раскопок.

Хара-хото, в особенности в течение первой недели, когда результаты раскопок были только посредственные при большой затрате физического труда.

Самые раскопки производились по заранее составленному плану: монгольская партия рабочих, под присмотром моего спутника бурята, систематически исследовала развалины фанз на протяжении немногих улиц Хара-хото; русская же партия, помимо раскопок внутри города, производила изыскания и вне хара-хотоских стен, в близком и далеком расстоянии.

Как прежде, так и теперь, попадались предметы домашнего обихода, предметы скромной роскоши, а также письмена, бумаги, металлические и бумажные денежные знаки и пр.[1] Однообразные, скромные находки стали, наконец, наскучивать нам; энергия ослабевала. Между прочим, рекогносцировки для нахождения и сосредоточивания новых раскопок производились, результатом чего и был поставлен на очередь субурган, расположенный вне крепости и отстоящий от западной стены в $^1/_4$ версты, на берегу сухого русла... Вот этот-то субурган, названный нами «знаменитым», и поглотил затем все наше внимание и время. Он подарил экспедиции большое собрание, целую библиотеку[2] книг, свитков, рукописей, множество образцов буддийской иконописи, исполненной в красках на толстом холсте, на тонких шелковых материях и на бумаге; среди массы книг и образцов живописи, нагроможденной в хаотическом беспорядке, там и сям попадались очень интересные металлические и деревянные, высокой и низкой культуры, статуэтки, клише, модели субурганов и многое другое. Ценность находок еще более увеличивается благодаря удивительной, несравненной сохранности их в крайне сухом пустынном климате. Действительно, большинство книг и рукописей, а также иконопись поражают своею свежестью после того, как они пролежали в земле немало веков. Хорошо сохранились не только листы книг, но и бумажные или шелковые, преимущественно синего цвета, обложки. Вместе со всем этим богатством в субургане был похоронен, вероятно, гэгэн, костяк которого покоился в сидячем положении у северной стены надгробия.

Самый субурган поднимался над поверхностью земли до 4—5 саженей и состоял из пьедестала, середины и конического, полуразрушенного временем или любопытством человека верха. В основании центра пьедестала вертикально был укреплен деревянный шест без какого бы ни было украшения на вершине... На пьедестале субургана, вокруг шеста, лицом к центру, стояло до двух десятков больших, в рост человека, глиняных статуй, перед которыми лежали огромные книги, словно перед ламами, отправлявшими богослужение. Эти книги состоят из толстой, китайского типа, серовато-белой бумаги с письмом си-ся, преобладающим вообще среди письмен Хара-хото[3].

[1] Во время раскопок хара-хотоских развалин мы нашли, между прочим, очень интересную ночную ящерицу, степного удава и летучую мышь.

[2] Состоящую приблизительно из двух тысяч экземпляров.

[3] Найдены письмена на языках: китайском, тибетском, маньчжурском, монгольском, турецком или арабском и... на неведомом. [Теперь выяснено, что это тангутский язык].

Хара-хото. «Знаменитый» субурган в конце раскопок. Глинястые статуи с золочеными лицами

Очень интересное си-сяское письмо могло остаться тайною для науки, если бы не счастье, неизменно сопутствовавшее нам: среди множества книг был найден словарь, заключавший в себе, между прочим, и язык си-ся.

Собрав весь материал субургана, который, несомненно, прольет новый свет не только на историческое прошлое тангутской столицы и ее обитателей, но и на многое другое, мы начали собираться в дорогу. Наш караван вырос до больших размеров и внушал опасение за целость доставки его на родину.

◆

В половине июня прибыли наши верблюды, все это время находившиеся на отдаленных пастбищах, в окрестностях монастыря Шарцзан-сумэ. На следующий, затем, день мы оставили насиженное место. Верблюжий караван повез экспедицию на Эцзин-гол. Не знаю почему, но в последние минуты — минуты окончательного расставания с Хара-хото — мне стало от души жаль этот заброшенный мертвый городок, давший мне лично немало приятных минут и часов. Окинув прощальным взглядом крепость, я вышел в западные ворота и простился с «знаменитым» субурганом, от которого, впрочем, осталось лишь одно основание...

Приветливая, в особенности после пустыни, долина нижнего течения Эцзин-гола тем не менее не удержала нас долго, так как к томительной жаре здесь еще прибавились кровопийцы — комары и овода, изнурявшие нас и наших животных пуще прежнего. Прожив три-четыре дня, мы отправились в дальнейший путь.

◆

В день выступления в дорогу, лишь только зардела летняя заря на востоке, ко мне прибыл с прощальным визитом торгоут-бэйлэ, в сопровожде-

нии наследника, красивого, симпатичного, лет тринадцати мальчика, и всего своего штаба чиновников, молодецки восседавших на отличных рослых конях джунгарской породы. Я искренно был рад, что имел возможность лично принести благодарность этому монгольскому князю, оказавшему нам вторично еще большее содействие и предупредительность при исследовании Хара-хото, нежели в первое посещение экспедиции, когда, казалось, бэйлэ чего-то трусил.

Около часа времени просидел у меня управитель торгоутов в живых рассказах о Хара-хото, о России, о нашем прочном знакомстве. Из посланных ему на этот раз остатков подарков бэйлэ был в восторге от стереоскопа с видами Москвы, Петербурга и Петергофа...

◆

От низовья Эцзин-гола до Гурбун-сайхан, несмотря на усталость и томительный зной... благо стремление к родному северу..., экспедиция направилась ускоренным маршем, тем более что путь наш на большем протяжении был уже изучен нами весною прошлого года. Придя в Гурбун-сайхан, некоторые из нас почувствовали крайнее переутомление, а неизменный мой спутник, старик Иванов, еще дорогою сюда чуть-чуть не перестарился... во всяком случае, напугал меня сильно.

В самый разгар лета, в лучшую пору развития растительной и животной жизни, экспедиция достигла этой восточной окраины Монгольского Алтая, удобно расположившись главным бивуаком у южного подножья Дунду-сайхан [1] и широко развив легкие экскурсии в области всего этого среднего массива. В целях ознакомления с естественноисторическим богатством страны, сборов образцов этих богатств, равно и для восстановления сил, потраченных при исполнении изнурительных, но крайне любопытных работ в знойной безводной пустыне, в лучшей части гор, в сравнительной прохладе, на изумрудной лужайке, по которой капризно извивался серебристый ручеек, мы прожили две недели.

Монгольское население, во главе с молодым князем Балдын-цзасаком, относилось к нам любезно и предупредительно. Одни из нас жили в глубине гор, другие на их окраине, успешно коллектируя ботанические и зоологические сборы. Отсюда мне удалось написать и отправить на родину небольшой отчет и частные письма с гонцом русского консульства, прискакавшего ко мне из Урги, куда уже благополучно прибыл транспорт экспедиции. Таким образом, благодаря заботливости знатока Монголии Я. П. Шишмарева, временно пребывавшего в Урге, экспедиция установила связь с соотечественниками.

---

[1] «Гурбун-сайхан», т. е. «Три отличных» (массива): Барун-сайхан (Западный), Дунду-сайхан (Средний) и Цзун-сайхан (Восточный).

Три хребта — западный, средний и восточный, составляющие массив Гурбун-сайхан, возвышаются на общем обширном пьедестале. Хотя из впадин, прилегающих к массиву, северная значительно ниже южной, но пьедестал особенно величественным кажется с южной стороны. Это зависит главным образом от неодинаковой крутизны его склонов, а также от наружного вида скалистых частей массива.

В глазах кочевников Гурбун-сайхан заслуживает высшей оценки привольем богатых пастбищ и прохладой летом. По словам монголов, здесь в июле нередко гребень хребта серебрится снегом, тогда как в среднем и нижнем поясах гор падают благодатные дожди. Древесные породы в этих горах почти отсутствуют, кустарников сравнительно также немного, но зато лугов альпийских трав в достатке.

Рядом со стадами домашнего скота здесь можно встретить горных козлов (*Capra sibirica*), реже каменных баранов (*Ovis*); за теми и другими охотятся монголы с фитильными самопалами. Горные скаты изрыты норками сурков и многочисленных пищух (*Lagomis*), которых подкарауливают лисицы и хорьки. Зайцы весьма обыкновенны, как обыкновенны и суслики и волки; последние часто наносят вред стадам баранов.

Из птиц в описываемых горах преобладали хищники как количеством, так и разнообразием видов. В скалистых частях Дунду-сайхана нам удалось добыть, между прочим, несколько экземпляров алтайской горной индейки (*Tetraogallus altaicus*), имеющей в Гурбун-сайхан восточную границу географического распространения.

◆

Перевалив массив Гурбун-сайхан между его средней и восточной частями, экспедиция направилась к северу изученным мною путем в минувшее, 1899—1901 гг., путешествие по Центральной Азии [1] и прибыла в Ургу в конце июля, а 9 августа совместным караваном экспедиции мы выступили в Кяхту, на границу отечественных владений.

Итак, мое Монголо-Сычуаньское путешествие окончилось...

ОТ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ СТАРИНА»

Самый высокий интерес со стороны культурного мира был проявлен к Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг., открывшей в центре Монголии, в низовье Эдзин-гола, мертвый город Хара-хото.

Хара-хото, или Си-ся, как известно, подарил современной науке огромное богатство памятников старины: свыше тысячи томов книг [2] и множество свитков и бумаг, собрание

[1] Козлов П. К. Монголия и Кам, т. I, ч. II, СПб., 1906, стр. 706 и следующие.

[2] Книги написаны на китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском, персидском, уйгурском и на неведомом языках. Неведомый, или так называемый язык си-ся, уже начал расшифровываться благодаря словарю, найденному среди хара-хотоской библиотеки.

в несколько сот экземпляров буддийской иконописи; кроме того, несколько бронзовых или глиняных статуэток и статуй, клише, ассигнации и металлические денежные знаки, предметы обихода и предметы роскоши, череп гэгэна-перерожденца, погребенного в «знаменитом» субургане (надгробии), вместе с главными находками в Хара-хото, и многое, многое другое, поступившее тогда в Русский музей *.

Кроме археологической коллекции, Монголо-Сычуаньская экспедиция доставила богатое собрание этнографических предметов, в особенности по буддийскому культу и китайской старине, распределенных между Академией наук и тем же Русским музеем.

Что касается до исследования природы — коллекций геологических, ботанических и зоологических, то, по признанию Географического общества и специальных учреждений и лиц, получивших в обработку естественноисторический материал экспедиции, коллекции эти представлены полно, разнообразно, с подробными записями и чертежами или даже специальными журналами и дневниками. Начальник экспедиции готовит общее историко-географическое описание путешествия; его помощники: Чернов занят обработкой геологических сборов, Напалков — приведением в порядок картографических данных.

Наука с нетерпением будет ожидать выхода в свет периодических описаний находок в Хара-хото, и надо надеяться, что наши синологи-востоковеды с тем же интересом будут работать над Хара-хото, с каким встретили его богатое собрание коллекций, только что появившихся тогда в Петербурге и привлекших к обозрению их выставки массу столичной публики. Географическое общество, передавшее Хара-хото целиком в Русский музей, обязано следить за скорейшей разработкой археологических коллекций, так счастливо добытых ее экспедицией; с своей же стороны и Русский музей, надо думать, примет надлежащие меры не только к должной группировке и установке коллекции в своем превосходном помещении, но и к изящному воплощению результатов Хара-хото с точки зрения научной обработки.

С эпизодической стороны Монголо-Сычуаньское путешествие в высшей степени интересно первым плаванием по огромному, до 350-верстному (в окружности) альпийскому озеру Куку-нору и посещением участниками экспедиции его таинственного острова Куйсу, обитаемого тремя отшельниками-монахами, смертельно перепугавшимися сказочного появления на острове русских. Еще более захватывающим образом действует картина ночной атаки амдоских разбойников на маленький лагерь русской экспедиции — горсточку русских, затерявшихся в глубине Нагорной Азии...

Такова, в общих чертах, деятельность П. К. Козлова, как русского путешественника в Центральной Азии вообще и начальника Монголо-Сычуаньской экспедиции в частности,— путешественника, снискавшего со стороны родины лестную оценку в ряде почетных наград.

9 марта 1910 г. вице-президент Русского географического общества, член Государственного Совета, П. П. Семенов-Тянь-Шаньский поднес П. К. Козлову диплом на звание почетного члена означенного Общества.

Можно отметить в отчетном 1910 г. две последние чрезвычайные награды: Английское и Итальянское географические общества присудили нашему путешественнику, П. К. Козлову за его открытия в Центральной Азии большие золотые королевские медали... **

В заключение редакция находит уместным сказать еще несколько слов. Перед читателями прошла жизнь и деятельность русского путешественника. Редко для кого так счастливо слагаются обстоятельства, как они сложились для Петра Кузьмича Козлова. Не меньший, если не больший счастливец Николай Михайлович Пржевальский не раз говаривал своему достойному ученику: «Кизо, ты счастливый, твоя весна впереди!..»

---

* Впоследствии все коллекции из Хара-хото, кроме книг, были переданы в Государственный Эрмитаж, а книги — в Институт востоковедения Академии наук — ныне Институт народов Азии.

** Позже, в 1913 г., П. К. Козлову была присуждена премия Чихачева Французской Академией наук.

Удивительно, в какой сильной мере Пржевальский привил Козлову любовь к природе Азии, любовь к путешествию. Впрочем, «путешественником надо родиться», сказал тот же Пржевальский, и его ученик, последователь, можно сказать самый родной сын, именно родился путешественником и счастливо, опять счастливо, унаследовал от отца беззаветную любовь к исследованию Азии... Едва П. К. Козлов успел отдохнуть и разобраться с богатейшим материалом его Монголо-Сычуаньской экспедиции, как он уже вновь протягивает руку к своему «странническому посоху», его мечты и грезы опять понеслись в любимую им Центральную Азию... Он уже представляет себя в монгольской пустыне, где «в вечерние часы картинно играют отблески заката», где маленький лагерь его экспедиции незаметно приютился в ущелье; то он себя видит астрономом-наблюдателем ярко блестящих в прозрачном воздухе пустыни небесных светил; то ему рисуется его любимый красавец Тэтунг, тэтунгские высокие скалы, девственные леса, вспоминаются незабвенные минуты в тесном общении с Пржевальским; убегает, затем, мысль еще дальше в его заветный Кам, на Меконг, к голубой, звонкой красавице Бар-чю, где картины диких скал сливаются в дивную гармонию, где сама река стремительно несется и клокочет пенистыми брызгами, где ревом и шумом стремнины заглушается самый громкий людской голос, где манят к себе голубые, розовые, сиреневые ковры цветов, где по деревьям прыгают «мандрилы» и где, чуть-чуть подальше, в тиши, льются мелодичные звуки зеленых всэре...

Говоря о мечтах и грезах П. К. Козлова, сами собою приходят на ум мечты и грезы Н. М. Пржевальского: «Грустное, тоскливое чувство,— говорит он,— всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе. Да, в тех пустынях, действительно, имеется исключительное благо — свобода, правда, дикая, но зато ничем не стесняемая, чуть не абсолютная. Путешественник становится там цивилизованным дикарем и пользуется лучшими сторонами крайних стадий человеческого развития: простотою и широким привольем жизни дикой, наукою и знанием из жизни цивилизованной. Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневною сменою впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь...»

25 мая настоящего года происходило последнее сезонное заседание Совета Русского географического общества, на котором председатель патриарх-географ П. П. Семенов-Тянь-Шаньский вручил П. К. Козлову золотую медаль Английского королевского географического общества. Короткая, но очень трогательная, покрытая аплодисментами речь председателя Совета произвела на путешественника глубокое впечатление...

КОНЧЕ-ДАРЬЯ И БАГРАШ-КУЛЬ*
(ЭКСПЕДИЦИЯ 1889—1890 гг., ОПУБЛИКОВАНО В 1896 г.)

Покинув озеро Лоб-нор 11 октября [1889 г.], экспедиция в полном составе достигла через две недели селения Кырчина, лежащего на левом берегу Тарима. Отсюда М. В. Певцов командировал меня на реку Конче-дарью, левый приток реки Тарима, через селение Тыккэлик, чтобы проследить упомянутую реку вверх по течению до переправы Чиглык, т. е. того пункта, где экспедиция впоследствии должна была пересечь Конче-дарью.

26 октября, рано утром, расставшись с караваном, я с урядником Баиновым и туземцем, взятым в качестве проводника, направился к селению Тыккэлик. Путь к этому селению пролегал по возвышенной плоскости, заключающейся между Таримом и Конче-дарьей, и направлялся почти прямо к востоку с небольшими лишь уклонениями то к северу, то к югу. Одинокие тополи (*Populus diversifolia* Schrenk) встречались на этом пути довольно часто, реже купы и рощи этих деревьев вперемежку с гребенщиком (*Tamarix*), покрывающим высокие бугры. Между буграми заключаются влажные места, сплошь поросшие камышом, на которых паслись стада баранов и рогатого скота, или же мягкие глинистые площади. Путь наш все время шел вдоль речки — небольшого рукава Тарима, которая, миновав селение Кырчин, проходит сначала севернее дороги и отделяет проток. Последний наполняет глубокую, длинную впадину, образуя озерко, носящее название Илэк-куль; далее к востоку тянется непрерывное болото с малыми площадками воды и высоким камышом. Из болота проведены небольшие каналы, орошающие пастбищные места; некоторые из них были закрыты гатями, по которым

* Путевой очерк П. К. Козлова о его первой самостоятельной экскурсии в сторону от пути экспедиции М. В. Певцова 1889—1890 гг. Во время такой поездки он производил маршрутную глазомерную съемку в масштабах 5 и 10 верст в дюйме, собирая географические сведения, и пополнял зоологическую коллекцию.

удобно проходить с караваном. Более же обильный водою канал под названием Чокуллук-дарья пересекает дорогу, где переброшен деревянный мост, и идет южнее пути до начала тыккэликских пашен. Оросив их и описав луку, он изливает остаток своих вод в реку Кугалу-дарью, рукав Тарима, на правом возвышенном берегу которого и стоит селение Тыккэлик. Берега этого канала покрыты очень хорошей растительностью, в особенности по старым пашням, которые начинаются за 8 верст выше селения; растительная полоса вообще широка, за исключением тех, сравнительно немногих, мест, где залегают отдельными группами пески. Последние возвышаются от 3 до 5 сажен и состоят из гряд и холмов, разбросанных в беспорядке. И те и другие, граничащие с камышом, покрыты кустами гребенщика (*Tamarix*), а более удаленные — одинокими мертвыми тополевыми деревьями. Юго-западные скаты их круты и обрывисты, северо-восточные же отлоги, что указывает на преобладание северо-восточных ветров.

Селение Тыккэлик [1], имеющее 20 камышовых сатм (жилищ), расположено на правом берегу реки Кугалы-дарьи. Жители — тюрки, занимаются земледелием и скотоводством. Сеют ячмень и пшеницу; более достаточные возделывают земли на 15 чарыков зерна (около 6 пудов), а бедные только для пяти (2 пуда). Урожай бывает хороший при достатке воды и плохой при недостатке ее. Для перемола зерна на левом берегу реки, при впадении в нее отдельных рукавов реки Конче-дарьи, устроены три небольшие мельницы. Скотоводство процветает, разводят курдючных баранов и рогатый скот; последний пасется в большом количестве на противоположном берегу реки, где тянется обширнейшее болото, образуемое разливом и дроблением на отдельные части реки Конче-дарьи. Эта река, до соединения с рекою Кугалы-дарьей, вступив в низменную котловину, образовала разлив длиною до 25 верст, простирающийся с северо-запада на юго-восток. Означенная болотистая котловина усеяна множеством ручьев, речек и озер, из коих два наибольшие, расположенные в северной части, называются: восточное — Бос-куль, а западное — Дулет-чакаган-куль. Эти сведения добыты у местных жителей, так как все болото покрыто высокими (до 3 саженей) сплошными камышами. Словно золотая нива уходит на значительное расстояние и волнуется по ветру камыш; все он скрывает: и птиц, и зверей, и реки, и озерки. Иногда вблизи самой реки едешь и не замечаешь ее близкого соседства. Описываемая местность напоминает собою озеро Лоб-нор, с той лишь разницей, что там воды замкнуты, здесь же излишек стекает отдельными частями в реку Кугалы-дарью, которая 10 верст ниже селения уже снова вьется одной темно-голубой лентой, обрамленной золотистою стеною камышей, под двояким названием Конче или Кугалы.

В селении Тыккэлик мы были встречены старшим сыном Насыр-бека

---

[1] Тыккэлик в переводе — колючий. Поводом к названию послужило обильное количество растущего поблизости кустарника.

(правителя области) с большой свитой, предложившим нам дастархан (угощение). Несмотря на позднее время, туземцы долго просидели у нас на бивуаке. В этот вечер выяснилось наше дальнейшее движение. Решено было на следующий день отправиться вверх по реке Кугалы-дарье до селения Чапал, там переправиться через Кугалу-дарью и следовать обходным северо-западным путем у края болота до устья реки Конче-дарьи, где переправиться на левый берег и продолжать путь вверх по этой реке. Почтенный брат Насыр-бека, сопровождавший нас из селения Кырчина, дал мне прекрасных двух проводников.

Утром, когда мы, сделав уже 11 верст, при сильном и холодном буране прибыли в селение Чапал, та же свита приехала вновь и осталась при нас, помогла нам устроить паром [1] и переправиться через Кугалу-дарью. Эта последняя, на пройденном нами пути, имела следующий характер: сама река неслась довольно быстро, катя пресную и чистую воду в корытообразном русле. Берега, в особенности правый, возвышены от 1 до 2 сажен. Ширина реки, в среднем, от 20 до 25 сажен при глубине до 20 футов. Рыбы те же, что и в Тариме. Их ловят преимущественно жители селения Чапал, которых всего три семьи. Туземцы исключительно рыболовы и проживают здесь от вскрытия до замерзания реки; остальное же время года проводят в селении Тыккэлике, из которого местные охотники предпринимают далекие экскурсии по берегам реки Конче-дарьи.

День и следующую ночь, спасаясь от ледянящего северо-восточного бурана, мы провели в сатме местных обывателей. В них хотя и продувает, но с огнем, разложенным посредине, довольно тепло, по крайней мере для одной стороны тела, обращенной к огню. Тот же буран заставил и туземцев сидеть все время в своих убогих хижинах. Несмолкаемый говор взрослых льется кругом костра, закутанные детишки лепечут и шалят беззаботно. Весною бураны случаются чаще, раза три-четыре в месяц и продолжаются до пяти дней. Отличие весенних буранов от осенних заключается в более продолжительном пребывании в воздухе весною пыли, через которую дневное светило кажется тусклым белым диском.

Утром 28-го буран стих и стало заметно теплее. Пользуясь благоприятной погодой, мы в один день переправились через Кугалу и Конче-дарью при помощи туземцев двух ближних селений. Сын Насыр-бека помогал своими распоряжениями и, довольный мною за хорошее вознаграждение рабочих, дружественно расстался с нами, напутствуя самыми добрыми пожеланиями. Несмотря на мои приятельские уверения и желание иметь только одного проводника-охотника Курвана, пришлось взять и другого, так как Курван боялся идти с нами один. Последние из туземцев покинули нас уже вечером. Как-то особенно горячо и трогательно прощались наши проводники с своими родичами. Теперь мы остались вчетвером.

[1] Четыре лодки связывались вместе, сверху настилался деревянный помост; под управлением ловких рыболовов мы на таком пароме благополучно перебрались через реку.

Ночь наступила быстро; потухающей зари на западе мы не видали; не видно было и звезд близ горизонта, а находившиеся высоко светили слабым светом. Торжественная тишина царила кругом, только резкое шелестение крыльями проносившихся стад уток, да последняя вечерняя молитва Аллаху, вознесенная проводниками, нарушили безмолвие...

На рассвете следующего дня мы покинули урочище Турпан-корул. Путь наш шел на северо-запад, по магистральному направлению реки; приходилось пробираться то по густым зарослям колючки, наносившей уколы, то по пыльному, скрывающему всадника с лошадью, камышу, то, наконец, по корявому тополевому лесу. Более всего служила препятствием колючка, иногда тянувшаяся на значительное расстояние, затем рыхлая, как тончайшая пыль, почва в лесу, в которой вязли ноги животных, в особенности лошадей. Успешнее шли только по самому берегу реки, покрытому зарослями камыша; низкий, мягкий камыш, растущий на твердом грунте, нисколько не замедлял движение. Охотой увлекались мало, только попутно, спрыгнув с лошади; в сторону же, за преследованием антилоп-харасульт (*Gazella subgutturosa*), в мясе которых нуждались для продовольствия, не уходили. Обширная плодородная полоса земли вдали от человека дает хороший приют. В первый день мы встретили на пути такое количество антилоп, фазанов и зайцев, какого давно не видали. Осторожный марал и тот был замечен. Следы же тигров, кабанов встречались очень часто. Бесчисленные следы звериных тропинок пересекали почти всюду наш путь. Из птиц, кроме фазанов, заметили орланов белохвостов. По временам звонкий голосок голубой синицы и не менее приятно ласкающий слух напев *Rhopophilus albosuperciliaris* составляли восхитительный дуэт, мало подходящий к окружающей природе.

Проходя ежедневно около 30 верст, мы выбирали для ночлега лучшее место, на самом берегу реки, и разбивали на нем свой маленький бивуак. Лошадей и верблюда привязывали около палатки, подножный корм был везде хорош, топлива повсюду много. Мы каждый вечер разводили большой костер подле которого просиживали подолгу, расспрашивая проводников. Вставали снова с огоньком и, напившись наскоро чаю, продолжали движение. По временам охотничьи тропинки то замедляли, то ускоряли движение. Первое случалось вблизи берега, последнее вдали, когда путь сокращали по хорде излучины реки, в последнем случае мы старались держаться окраины растительности и начала прилегающей пустыни. Границею иногда служила солончаковая площадь, изборожденная и высохшая, как камень. Движение по такой поверхности ужасно утомляло; узкая тропинка, промятая ослами и быками (перевозочные средства охотников), стесняла не только нашего верблюда, но даже и лошадей и отбивала ноги животным, в особенности верблюду, у которого по наружным краям лап сочилась кровь. Такая солончаковая площадь на четвертый день нашего движения простиралась верст на пять от растительной береговой полосы

на северо-востоке и границею ей служили песчано-глинистые бугры. Часть их была покрыта мертвыми тополями, линия которых ясно обозначала собою старое русло реки. Сделав дневной переход по солончаковым местам, мы сильно уставали, а животные измучивались. При таких условиях ночлеги на берегу реки и в особенности дневки были для нас поистине отрадой.

Все животные описываемой местности пребывают вблизи реки, к которой ведут тропинки зверей, ходящих к ней на водопой. Красивая, стройная антилопа выскакивала иногда вблизи нас. Одну из них мне удалось убить на 500 шагов; проводники по этому случаю долго не могли успокоиться,— только и говорили Баинову: «Узун, узун!».., т. е. далеко, далеко. Те же проводники были несказанно рады появлению широкой колесной дороги, которая началась за 20 верст от переправы Чиглык и служит для вывозки леса.

Река Конче-дарья идет с северо-запада на юго-восток. До урочища Гэрелгана это общее направление реки местами изменяется, она направляется то с запада на восток, то с юго-запада к северо-востоку, пока не встречает на пути более возвышенной и покатой от хребта Курук-тага равнины, которая и заставляет ее изменить направление течения на юго-восточное. Конче-дарья несет свои пресные воды, подобно Тариму, в извилистом корытообразном русле. Ширина ее от 12 до 15 сажен и в редких случаях до 20. Глубина у самого берега вообще немногим меньше, чем на средине реки, где достигает 4 сажен; такова, по крайней мере, глубина у места нашей переправы на урочище Турпан-корул. Течение довольно скорое. Рыбы те же, что и в Тариме. Берега наполовину низменны, наполовину же поднимаются до 3 сажен над уровнем воды. На низменных берегах встречались озерки, служившие пристанищем для пролетных пернатых; кругом озер растут высокий камыш и куга *(Typha)*. На возвышенном берегу камыш покрывает только узкую полосу, а дальше от реки растут тополь, колючка и тамариск. В некоторых местах, где река делала большие излучины, ею промыты новые прямые русла, а старые кружные покинуты. Подобных стариц мы встречали немало. Одни из них, более древние, совершенно сухи и бесплодны, другие же, сравнительно недавние, представляют болота, поросшие высоким тростником, в котором живут кабаны. В более свежих старицах во время половодья реки возобновляется слабое течение. Кроме того, нами прослежена одна старица, посредством которой в половодье затопляется довольно обширное низменное береговое пространство, напоминающее солончаковое болото. По спадении воды в реке приток ее в болото прекращается, и временное озеро быстро высыхает. Обнаженное волнистое его дно, вследствие сухости воздуха, превращается в твердую, как камень, поверхность.

На всем протяжении Конче-дарья принимает только один приток Инчике-дарью справа, но и тот только в половодье доставляет ей незначитель-

ное количество воды, затопляя собою на пути открытую солончаковую впадину, а в остальное время не доходит до Конче-дарьи.

Средняя ширина береговой растительной полосы по обоим берегам реки простирается до 10 верст. Более всего выделялся тополевый *(Populus diversifolia* и *P. pruinosa)* лес, который вблизи реки высок и густ, вдали же редок, а местами состоит из отдельных куп и мертвых деревьев. К тополю примешивается в небольшом количестве джида *(Elaeagnus)*. Остальная растительность главным образом состоит из камыша, кендыря, солодки и астрагала. На влажных местах встречаются солянки, на сухих солончаковых обширные площади покрыты колючками *(Halimodendron argenteum)*, на буграх [растет] гребенщик *(Tamarix)*.

Теперь перейдем к животной жизни.

Марала *(Cervus)*, который обитает по всему Тариму и представлял большой интерес для нашей коллекции, нам, к сожалению, не удалось добыть, так как он везде крайне осторожен. К тому же при следовании по лесу под ногами валялись упавшие с деревьев листья и мелкие сучья, грудами лежал валежник; все это было так сухо и так трещало под ногами, что не было возможности подкрасться неслышно к зверю. Последний всегда раньше слышит охотника и вовремя уходит. На второй день нашего следования мы завидели четырех маралов, которые, как ужаленные, вскочили и через минуту исчезли. На утро следующего дня, вскоре после выступления с ночлежного места, когда мы двигались по зарослям камыша, на противоположном берегу реки спокойно стояли пять штук маралов, и самый большой из них, самец, держась немного в стороне, гордо поводил головою в стороны. Завидя нас, все стадо сделало несколько быстрых прыжков к обрывистой высоте и, поднявшись на нее, с любопытством оглядывало караван. Я с волнением, свойственным охотнику, следил за стадом, но оно мгновенно исчезло в лесной чаще [1].

Более доверчивы были антилопы-харасульты *(Gazella subgutturosa)*. В густых зарослях камыша обитает кабан *(Sus scrofa)*, бродит здесь, случается, и тигр (*Felis tigris*). Изредка попадаются: волк (*Canis lupus*), лисица *(Canis vulpes)*, манул *(Felis manul)*, ласка *(Putorius stoliczkanus)*, *Crociadura* и чаще других маленький заяц (*Lepus yarkandensis*). К этому списку следует добавить выдру (*Lutra*), которая держится на небольших озерах близ селения Тыккэлика, где охотники зимою ловят ее в капканы.

Царство пернатых лучше представлено. Тут были встречены нами: гриф черный *(Vultur monachus)*, гриф белый *(Gyps himalayensis)* [2], орел *(Aquila bifasciata)*, сокол-пустельга (*Tinnuncunlus alaudarius*), ворон черный

[1] О диких верблюдах в описываемой местности сами сказать ничего не можем. Проводники же уверяли, что животные эти здесь прежде изредка встречались в пустынной местности между рекой Конче-дарьей и хребтом Курук-тагом, в особенности вблизи предгорий, а во время сильных ветров и в ущельях названного хребта.

[2] Оба залетают из Тянь-шаня.

(*Corvus corax*), ворона черная (*Corvus corone*), сорокопут (*Lanius Homeyeri*), сорока (*Pica leucoptera*), пустынная сойка (*Podoces Biddulphi*), воробей (*Passer Stoliczkae*), голубь (*Columba oenas*), вьюрок-фруктоед (*Carpodacus rhodochlamys*), вьюрок (*Rhodospiza obsoleta*), стренатки камышовые (*Emberiza schoeniclus, Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides*), дрозд чернозобый (*Merula atrigularis*), дрозд черный (*Merula maxima, Rhopophilus albosuperciliaris*) [1], бородатая синица (*Panurus barbatus* var. *sibirica*), маленький жаворонок (*Alaudula pistoletta* Seebohmi), хохлатый жаворонок (*Galerida cristata magna*), дятел (*Dendrocopus leucopterus*), фазан таримский (*Phasianus tarimensis*) [2], голубая синица (*Cyanistes cyanus* var. *tianschanicus*), королек (*Regulus cristatus*), синичка маленькая (*Leptopoecile Sophiae*) [3].

Остается упомянуть плавающих, почему-то запоздавших своим отлетом на юг: утка-кряква (*Anas boschas*), утка-полуха (*Chaulelasmus streperus*), гусь-гуменник (*Anser cinereus*). Кроме того, в одном экземпляре замечена и добыта в коллекцию дрофа-стрепет (*Otis tetrax*).

По этому списку можно заключить, что животная жизнь на реке Конче довольно разнообразна, но проявление ее как-то мало заметно. Некоторые виды только редко, за большой сравнительно промежуток времени, напоминают о себе, другие же не вылетают, или не выбегают, пока сам случайно не натолкнешься на них. Голоса певчих пташек не раздаются в лесу, как это привычно слышать у нас. По большей части в здешнем монотонном лесу царит тишина, хотя и не такая мертвая, как в смежной с ним пустыне.

Зимою на реку Конче приходят туземцы с берегов Тарима со своими стадами баранов. Во время нашего движения мы видели на противоположном берегу одно такое стадо, которое перекочевывало на новое еще не тронутое пастбище. К пастухам присоединяются еще охотники. На месте нашей дневки мы нашли следы их пребывания: глиняные печи на берегу реки, рога и кости зверей. По-видимому, охотники пребывали в этом месте долгое время. Их привлекает на реке Конче преимущественно марал, рога которого охотно покупают китайцы за хорошую цену. При следовании через урочище Гэрелган, мы заметили на нем догоравшие костры и совершенно свежие следы людей; по мнению наших проводников, то были, по всей вероятности, охотники на антилоп из Курли. Маралов в это время не стреляют, а только в начале лета, когда у них вырастают новые рога, особенно дорого ценимые китайцами.

Наш проводник Курван рассказывал мне, что при Бадаулете (так титуловали Якуб-бека Кашгарского) вдоль Конче-дарьи было постоянное сообщение: ездили купцы, по временам навещавшие лобнорцев, скакали посыльные с казенными пакетами в оазис Са-чжоу. По дороге из селения

[1] Оба дрозда зимуют здесь, последний — реже.

[2] Последние шесть видов и восемь из вышеуказанных — постоянные обитатели здешних мест.

[3] Эти три последние изящные птички залетают на зимовку из лесов Тянь-шаня.

Курля были устроены станции. Первая — Гэрелган, где переправлялись на пароме на правый берег реки, вдоль которой следовали до урочища Тугебаши. Там оставляли реку Конче и выезжали на большую лоб-норскую дорогу, по которой ехали до самого Лоб-нора, а оттуда на восток через пески Кум-таг в Са-чжоу. На двух помянутых урочищах на реке Конче теперь никто не живет, но лет 10—12 тому назад в Туге-баши проживало шесть семейств: пять лоб-норских и одна из г. Курля. Все они жили в тростниковых сатмах и занимались главным образом рыболовством, а также пасли стада баранов. С водворением в Кашгарии владычества китайцев сообщение по означенной дороге прекратилось, и обитатели реки Конче-дарьи понемногу переселились. Курлинская семья уехала первой; позднее появление эпидемии, от которой умерло несколько человек, принудило и остальных туземцев покинуть эту реку.

Конче-дарью пересекает другой путь, по которому еще поддерживается сообщение. Он ведет из селения Тыккэлика через урочище Турпан-корул в г. Турфан. Эта прямая дорога пролегает по пустынной каменистой местности; подножный корм на ней плох и вода большею частью солоноватая. Наш проводник еще в молодости ездил по ней в Турфан. По его словам, в ущельях северного склона Курук-тага встречаются еловые леса, а в долинах есть источники. На южном же склоне растительность очень скудная.

На третий день пути вверх по реке Конче мы увидели на северо-востоке верстах в 40 хребет Курук-таг, но в неясных очертаниях. Между ним и рекою Конче залегает унылая безжизненная равнина, сначала песчаная, далее солончаковая и, наконец, близ подножья хребта щебне-дресвяная. Хребет, как нам казалось, простирается с северо-запада на юго-восток. На урочище Гэрелган, где река делает крутой поворот, хребет Курук-таг находился от нас только в 10 верстах и от него простирались в реку сухие русла, но по причине густого пыльного тумана мы не могли его различать, а потому я нанес его на свой маршрут в этом месте по указанию проводников.

В заключение несколько слов о погоде.

Утренники всегда были очень холодными. На восходе солнца термометр показывал —14,3° С. Выступая довольно рано, мы ощущали порядочный мороз. Уши зябли, как зимой, у проводника борода покрывалась ледяными сосульками, которые он поминутно сбрасывал. Лед на лужайках держался до 10 часов утра и был столь прочен, что мог выдержать вьючного верблюда. Сухие листья с деревьев значительно осыпались. После 10 часов температура быстр возвышалась; в 1 час дня уже доходила до +6,1°. В то же время вода в реке имела +2,3°. К сумеркам опять становилось свежее, наблюдения в 8 часов вечера давали около —8,0°. 3 ноября по реке шла уже шуга. Днем дул северо-восточный ветер, который нагонял тонкие перистые облака и наполнял воздух пылью. Вообще здесь и при безоблачном небе несравненно хуже видно, чем в прозрачной атмосфере с облаками. Пыль,

носящаяся в воздухе, вблизи горизонта поздно открывает восходящее и рано скрывает заходящее солнце. Сумерки же бывают продолжительные. Ночью бывало всегда довольно тихо и сравнительно ясно, а 5 ноября было ясно даже и утром при значительном морозе.

Того же числа мы благополучно прибыли на урочище Чиглык, до которого от селения Кырчина сделали 255 верст. Здесь мы узнали, что караван наш уже прошел вперед и что, вероятно, стоит бивуаком за 50 верст от нас в г. Курле. Закончив маршрутную съемку и простясь с проводниками, направившимися обратно в село Тыккэлик по большой дороге, мы поспешили к своим, которыми и были радушно встречены на другой же день, т. е. 6 ноября.

Из селения Курля начальник экспедиции отправил две партии для рекогносцировки озера Баграш-куля. В. И. Роборовский должен был пройти по южному берегу этого озера, а я с урядником Дорджеевым и проводником — по северному.

До урочища Тограк-кичик, отстоящего в одном переходе от Курля, я следовал вместе с экспедицией, а оттуда повернул на восток по правому берегу Конче-дарьи. Эта последняя перед вступлением в горы, где стремится с ужасной быстротой, несет свои воды плавно, но все-таки быстро. Ширина ее от 12 до 15 сажен. Невысокие берега поросли камышом, который граничит с тамариском. Через 5 верст движение на лошади стало уже невозможным: прибрежная местность перешла в топкое болото, поросшее камышом и покрытое озерами. Густые, высотою от 2 до 3 сажен, камыши покрывают обширное пространство по направлению на восток и северо-восток. Придерживаясь последнего направления, мы двинулись по возвышенной местности, которая покрыта рядом песчано-глинистых бугров, поросших тамариском. Между буграми залегали довольно обширные площади, поросшие камышом и травой, на которых паслись стада обитателей берегов Баграш-куля — калмыков; в первом стойбище их мы расположились на ночлег. Узкоглазые, скуластые, с длинными косами, поклонники Будды встретили нас приветливо, казак Дорджеев (бурят) охотно заговорил с ними на своем родном языке, который для калмыков показался не совсем понятным; тем не менее наш забайкалец старался «приноровиться» к местному наречию, значительно отличающемуся от чисто монгольского языка.

Кирет-хошун, где мы имели первый ночлег, состоял из нескольких десятков юрт. Вблизи этих юрт, на пашнях стояли скирды необмолоченного хлеба. Оросительные канавы были покрыты толстым слоем льда. Первые встречные калмыки проводили нас к юрте своего зангина (начальника), жилище которого было больше и чище всех прочих. Самого хозяина в ней

не оказалось; несмотря на то, жена и родственники отсутствовавшего пригласили нас воспользоваться их кровом, уверяя, что зангин скоро вернется из города Карашара и очень будет рад повидаться с нами. Наших животных, вьючного верблюда и верховых лошадей сдали пасти своим калмыкам. Поздно вечером послышался повелительный голос зангина. Довольно приличный, в красном нарядном костюме, он гордо сидел на своем иноходце. Приближенные бросились навстречу; одни схватили за узду тяжело дышавшую лошадь, другие помогли господину быстро слезть с нее. Тяжелой небрежной походкой зангин вошел в юрту и после обычных приветствий начал со мной беседовать; все присутствовавшие только слушали, говорить никто не решался. Попробовав его угощения — бараньего мяса и кирпичного чая, приправленного маслом и солью, мы крепко уснули.

В морозное утро, при восходе солнца, мы тронулись в путь. Там и сям по сторонам раздавались крики фазанов; утки, полухи и кряквы, стайками носились над юртами, отыскивая незамерзшую воду. Проводник, данный зангином, повел нас узкой тропинкой по высокому камышу к следующим стойбищам. В виду последних мы перешли по льду через широкий и глубокий рукав, далеко протянувшийся на север от озера Ара-нор. Обходить его кругом было крайне нежелательно, а потому мы рискнули переправиться по льду. Прошли благополучно, хотя лед под вьючным верблюдом сильно трещал и заставлял опасаться за его участь.

Озеро Ара-нор есть собственно открытая площадь воды среди высоких камышей, находящихся в непосредственном соединении с водами Баграшкуля; продолжением ее на севере служит речной рукав, простирающийся на 15 верст и бывший прежде ложем реки Хайдык-гола. Эта река ныне течет немного восточнее, и по обоим берегам ее стоят юрты калмыков.

Река Хайдык-гол, вступая в сплошные камыши, по которым течет около 10 верст, имеет ширину от 15 до 20 сажен, тогда как выше границы камышей — от 20 до 25; глубина везде 20—30 футов. Берега ее не выше сажени, чаще ниже. Калмыки, подобно лобнорцам, выводят из реки канавы для орошения пастбищных мест. Узкая полоса камыша и отдельно стоящие на ее берегах высокие деревья тала издали указывают направление реки. Течение ее тихое, а вода довольно прозрачная. В реке местные жители ловят на крючки рыбу, такую же, как и в озере, только меньших размеров. Река Хайдык-гол у берегов была покрыта толстым слоем льда и тонким посредине, почти до г. Карашара, выше которого, благодаря более быстрому течению, шла еще шуга. По берегам ее повсюду стояли юрты калмыков, группировавшиеся в улусы (поселения), большею частью из немногих подвижных жилищ. На второй ночлег мы остановились в урочище Ута́, на правом берегу реки, в юрте ламы. Гуляя вечером по кустам тальника, я вспугивал усевшихся на ночлег сорок, небольших соколков (*Tinnunculus alaudarius* и *Aesalon regulus*) и изредка фазанов, которые по утрам громко кричали.

В урочище Ута́ я взял нового проводника и с ним 10 ноября прибыл в город Карашар, где близ большой дороги на левом берегу реки Хайдыкгола был разбит бивуак экспедиции. В этом месте река имеет от 30 до 40 сажен ширины, при глубине немногим менее сажени. Для переправы с одного берега на другой служат два плоских баркаса или каюка. На каждом из них можно было перевезти сразу четырех вьючных верблюдов.

Переночевав у своих и пополнив продовольственные запасы, а также взяв несколько подарочных вещей, я на другой день снова направился к озеру. Местность отличалась таким же характером. Повсюду простирались заросли камыша и чия (*Lasiagrostis*). Рассматривая далекий горизонт, глаз останавливался то на маленьких группах деревьев, то на высоко поднимавшихся вверх струйках дыма, который открывал присутствие в камышах калмыцких юрт.

Следуя дальше, мы встречали по-прежнему обширные заросли чия и среди них пашни, на которых была сложена в скирдах солома; затем бугры, поросшие тамариском, и, наконец, еще ближе к озеру солончаки, то совершенно обнаженные, то покрытые тамариском и другими кустарниками. Среди бугров были замечены остатки старинных глиняных построек, довольно древних, по словам проводника. На ночлег мы остановились недалеко от берега озера в урочище Тавун-джахын, где нашлись рыболовы, рассказавшие кое-что об озере и рыбной ловле.

Дальнейший путь шел по окраине озерных камышей; на двенадцатой версте наш проводник указал направление, где пролегает зимняя дорога по льду, которая значительно сокращает расстояние до противоположного берега большого залива. В этом месте на лед кладется зимой настилка из кустов для обеспечения переправы ранней весной, когда лед становится ненадежным.

Обогнув залив, мы вышли на большую дорогу из Карашара в Урумчи и, пройдя по ней несколько верст, повернули круто на северо-восток и прибыли в урочище Усту, покрытое высоким, футов до 10, чием.

На этом урочище мы были встречены местным зангином. Старшина первое время держал себя надменно. После же небольших объяснений переменил тон, сам предложил хорошего проводника на следующий день, за что и получил на память подарок. Мы расстались с ним по-приятельски, как и вообще всегда расставались с обитателями всех калмыцких улусов, в которых приходилось ночевать.

13 ноября на рассвете мы уже выступили в дальнейший путь. Через 6 верст мы миновали селение Табелга и, продолжая по-прежнему держаться юго-восточного направления, пришли снова к берегу озера. По дороге лес, солончаки и заросли тамариска чередовались между собой, причем солончаки чаще встречались близ озерной камышовой опушки. Местами с бугров или деревьев открывалось самое озеро. В этой местности хорошие пастбища встречались редко, а потому и калмыков в ней зи-

мует мало. Колесные дороги бороздят ее повсюду и все ведут в лес, который рубят и доставляют в Карашар, частью пережигают на месте в уголь. Несмотря на частое появление людей, здесь встречается много антилоп. Из птиц же изредка проносились с обычным криком стайки бульдуруков (*Syrrhaptes paradoxus*).

В попутном урочище Илткэн-худук мы взяли нового проводника и в тот же день в сумерки прибыли на урочище Эргульдэк-худук, сделав переход в 44 версты. Этот ночлег был последним у прибрежных калмыков. На другой день, пройдя около 10 верст в прежнем восточном направлении, откуда уже ясно был виден конец озера, мы повернули на север и направились в селение Ушак-тал, где нас ожидала экспедиция.

Погода за все время рекогносцировки стояла превосходная, хотя ночные морозы доходили до —15° С. Утром же по восходе солнца температура воздуха быстро повышалась и около 10 часов становилось уже тепло. С полдня начинал дуть северо-западный ветер, гнавший облака, и стихал к вечеру. Пыли было мало, в особенности над поверхностью озера. Ночи стояли ясные и тихие.

Теперь перейду к описанию озера Баграш-куля, которое так давно интересовало всех путешественников по этой стране [1], но по разным причинам, большею частью не зависящим от них, осталось до сего времени известным лишь по имени. Нашей экспедиции, следовавшей уже обратно в отечество, представилась возможность сделать рекогносцировку этого замечательного озера. Очертание его, взятое с китайской карты, оказалось мало сходным с действительным.

Озеро Баграш-куль (Тенгиз-нор или Далай-нор по-калмыцки) простирается до 80 верст в длину, до 40 с лишком в ширину, а в окружности более 220 верст. Оно содержит пресную и столь прозрачную воду, что песчаное его дно, как утверждают калмыки-рыболовы, можно различать на глубине около 6 саженей. Эта глубина должна быть близка к средней глубине озера. О наибольшей же глубине его калмыки-рыболовы не могли сообщить ничего определенного, объясняя только, что в иных местах дна озера, по причине большой глубины, совсем не видно. Близ берегов, у внутренней опушки камыша, глубина Баграш-куля колеблется от 1 до 3 саженей.

В озере живет очень много рыб, принадлежащих, вероятно, к тем же видам, которые водятся в реках Тариме и Конче. Калмыки же уверяли, что в Баграш-куле живет только один вид рыбы, но разных величин. Рыб до 1 аршина в длину они называют «джархей», средней величины, от 1 до 3 аршин, «загасу» и, наконец, от 3 до 4,5 аршин — «лаха».

По поверию калмыков, в озере Баграш-куль живут водяные лошади и коровы, выходящие по временам на берега пастись. Они очень чутки, издали слышат приближение людей и немедленно скрываются в воду. Поэтому

[1] Первые сведения о Баграш-куле находим в труде А. Н. Куропаткина «Кашгария», 1879.

их никто не может видеть в настоящее время, но в старину они были не так осторожны и тогда многие их видели. Эти фантастические животные, по уверению калмыков, не подают никогда голоса.

Весенние и осенние бури разводят сильное волнение в озере: волны достигают 2 саженей высоты, и озеро долго не успокаивается. Во время сильных волнений на берега Багаш-куля выбрасывается много рыбы, которую пожирают кабаны и орланы. Озеро замерзает окончательно не ранее декабря, а в половине марта вскрывается, но льдины носятся по нему и в апреле. Замерзание у берегов начинается гораздо раньше, но волны разбивают лед и препятствуют образованию сплошного ледяного покрова на озере.

Острова встречаются только в северо-восточном углу озера. Все они низменны и окаймлены высоким тростником, в котором водятся кабаны.

Западный и северный берега озера Багаш-куля почти на всем протяжении низменны и покрыты высоким, до 3 саженей, камышом [1]. Эта непрерывная камышовая опушка описываемого озера простирается от 1 до 5 верст в ширину и лишь в очень немногих местах суживается до 0,5 версты. С камышом граничит солончак и в редких случаях, где берег возвышен, ильмовый или тополевый лес. От камышовой опушки простирается сначала обнаженный солончак, подальше покрытый кустами тамариска, солянками и изредка высокими, до 5 и более саженей, буграми, на которые я взбирался по временам для визирования и мог видеть озеро. Еще дальше от озера простирается уже более возвышенная полоса зарослей чия и невысокого камыша, в которой расположены зимние стойбища калмыков. В этой полосе встречаются местами острова тополевого и ильмового леса.

Между устьями рек Хайдык-гола и Конче-дарьи простирается обширное болото около 150 квадратных верст. Это болото, сплошь покрытое камышом, усеяно многими озерами, из которых только одно — Добасу-нор,— замкнутое и соленое, а все остальные, сообщающиеся между собой и с Багаш-кулем притоками, содержат пресную воду. Из этих многочисленных озер наибольшие: Ара-нор, Зыгыс-нор, Гершик-нор, Намкы-нор, Турэн-нор, образуемое рекою Конче, и Сухайт-нор. Из остальных малых озерок некоторые не замерзают вовсе и потому на них зимуют лебеди (*Cygnus*), гуси (*Anser*), три вида уток — кряквы (*Anas boshas*), полухи (*Chaulelasmus streperus*) и красноносые нырки (*Fuligula rufina*), водяной пастушок (*Rallus aquaticus*) и гагара-нырец (*Podiceps cristatus*) [2].

Кроме плавающих и голенастых, в озерной котловине зимуют еще: грач (*Corvus frugilegus*), галки (*Colaeus monedula, C. dauricus*), сорокопут (*Lanius Homeyeri*), сарыч (*Buteo hemiptilopus*), ворона серая (*Corvus cor-*

[1] Самый высокий, до 3 саженей, камыш граничит с открытой водной площадью озера.
[2] *Larus ridibundus* и *L. ichthyaetus* были замечены на южном берегу озера.

nix), перепелка европейская (*Coturnix communis*), голубая синица (*Cyanistes cyanus* var. *tianschanicus*), маленькая синичка (*Leptopoecile Sophiae*). Из оседлых же пернатых в описываемой котловине гнездятся: сокол Гендерсона (*Gennaia Hendersoni*), сокол-дербник (*Aesalon regulus*), сокол-пустельга (*Tinnunculus alaudarius*), лунь полевой (*Circus cyaneus*), ястреб-тетеревятник (*Astur palumbarius*), ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*) [1], ворон черный (*Corvus corax*), ворона черная (*Corvus corone*), сорока (*Pica leucoptera*), фазан (*Phasianus tarimensis*), голубь (*Columba oenas*), степной бульдурук (*Syrrhaptes paradoxus*), серая куропатка (*Perdix cinerea robusta*), саксаульный воробей (*Passer Stoliczkae*), полевой воробей (*Passer montanus*), хохлатый жаворонок (*Galerida cristata magna*), жаворонок малый (*Calandrella brachydactyla*), жаворонок рогатый (*Otocorys penicillata*), пустынная певунья (*Rhopophilus albosuperciliaris*), овсянка (*Emberiza cioides*), каменный воробей (*Petronia petronia*), усатая синичка (*Panurus barbatus* var. *sibirica*), стренатка камышовая (*Emberiza schoeniclus*), стренатка болотная (*Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides*).

Из зверей очень редок тигр (*Felis tigris*), несмотря на обилие кабанов, которыми он преимущественно питается; в зарослях камыша в небольшом количестве водятся манулы (*Felis manul*), еще реже на незамерзающих озерах выдра (*Lutra vulgaris*). В береговых зарослях и на солончаках пасутся степные антилопы (*Gazella subguttorosa*), в тех же зарослях живут волки (*Canis lupus*), лисицы (*Canis vulpes*) и зайцы (*Lepus yarkandensis*). На южном берегу озера В. И. Роборовский замечал следы марала (*Cervus*).

Из растений в описываемой впадине преобладают: на низких местах камыш (*Phragmites communis*), куга (*Typha*) и солянки (*Salsola*), а на возвышенных — тополь (*Populus diversifolia*), ильм (*Ulmus campestris*), тамариск (*Tamarix*), саксаул (*Haloxylon ammodendron*), хармык (*Nitraria Schoberi*) и чий (*Lasiagrostis*). Кроме того, в этой впадине растут: тальник (*Salix*), кендырь (*Apocynum venetum* и *A. pictum*), астрагал (*Astragalus*), чернобыльник (*Artemisia*), спаржа (*Asparagus*) и *Kochia mollis*, а также *Salsola herbacea, Halostachys caspia, Reaumuria Kaschgarica*, сульхир (*Agriophyllum gobicum*) и *Calligonum mongolicum*.

В заключение — несколько слов о жителях-калмыках. По преданию, сохранившемуся у калмыков, предки их с ханом во главе 230 лет тому назад покинули северные страны и, перейдя через Тянь-шань, поселились в котловине Баграш-куля. Озера в то время не существовало, его место занимала обширная степь, на которой привольно паслись стада переселенцев. Они имели много скота и потому жили в довольстве. Благоприятные жизненные условия способствовали умножению населения и приращению ханского дома. Через 70 лет по переселении у калмыков было уже пять ханов. Ввиду

---

[1] Оба ястреба довольно редки.

чрезмерного увеличения населения они порешили разделить его. Старший хан по праву остался со своим уделом на родине, а остальные укочевали: двое — к озеру Куку-нору, третий — в Алашань и четвертый — в Цайдам.

Оставшиеся в котловине Багараш-куля калмыки жили долгое время в довольстве, но дунганское восстание в Западном Китае сильно повредило их благосостоянию. Все лучшее было отобрано от них воюющими сторонами. Ни люди, ни имущество не были обеспечены. Жилось только тому хорошо, кто был силен и производил набеги.

В настоящее время прибрежные калмыки составляют всего 11 хошунов, численностью от 70 до 200 человек. Ими управляют зангины, подчиняющиеся двум помощникам дзасака, а высшая власть сосредоточена в руках наследственного дзасака — Гомбоджи-Бейсе. Его ставка «Термите» находится в лучшем месте долины реки Хайдык-гола, верстах в 12 ниже города Карашара. Во время нашего следования через эту местность дзасак был в отсутствии. Обширная белая юрта его еще издали резко выделялась среди малых, закоптелых, в которых жили родственники и прислуга князя. Узнав о приближении русских, вся семья и приближенные дзасака вышли к нам навстречу; тут же были и помощники его, а также ламы, обучающие княжеских детей. Нарядно одетые, с чистыми, свежими лицами, жена и дети дзасака представляли по наружности резкий контраст с остальными калмыками. К сожалению, недостаток времени не позволил мне остаться в ставке до прибытия дзасака и познакомиться с его житьем-бытьем. Зангины избираются обществом из среды наиболее уважаемых людей и занимают нередко эти должности в течение всей жизни.

Подати с калмыков взимаются однажды в год, в размере трех ямбов серебра (475 рублей) со всего населения. Китайцы во внутреннее управление калмыков не вмешиваются и не притесняют их.

Главное занятие калмыков — скотоводство, которому подспорьем служат хлебопашество и рыболовство.

Скотоводство, благодаря хорошим пастбищам летом на Юлдусе, а зимой в окрестностях озера, находится в хорошем состоянии. Калмыки разводят больше всего баранов, меньше [крупного] рогатого скота, лошадей и верблюдов. После дунганского восстания количество животных у них значительно уменьшилось. Богатых калмыков теперь считается всего около пяти человек и достояние каждого из них состоит приблизительно из 20—30 верблюдов, до 200 лошадей, 25—30 штук крупного рогатого скота и до 1000 голов овец. Остальные же калмыки в среднем владеют каждый: двумя-тремя верблюдами, десятью лошадьми, одной-двумя штуками рогатого скота и 100 баранами.

Цены лучших калмыцких животных таковы: верблюд стоит 20 лан (около 46 рублей), лошадь тоже 20 лан (46 рублей), бык или корова 6 лан (около 14 рублей) и баран 1 лан (2 рубля 30 копеек). Во время нашего пребывания в котловине скот калмыков был в очень хорошем теле.

С наступлением мая калмыки начинают готовиться к переселению в горы Тянь-шаня и в конце этого месяца перекочевывают в нагорные долины Большой и Малый Юлдусы, весьма богатые пастбищами. Там они проводят все лето до конца августа и в начале сентября спускаются к озеру Баграш-кулю.

В течение лета скот их в горах превосходно откармливается и становится очень жирным, спины у лошадей принимают такую округлую форму, что седлать их становится почти невозможным.

Перед отправлением в горы калмыки возделывают свои пашни и сеют на них: пшеницу, ячмень, кукурузу и просо. Смотреть за полями и их орошением остается, частью на все лето, частью же посменно, небольшое число калмыков. Урожаи бывают в общем очень хорошие: пшеница дает сам-десять — пятнадцать, ячмень столько же, кукуруза сорок — пятьдесят, а просо до сам-сто. Случаи неурожаев редки, но посевам наносят большой вред кабаны.

Убранный хлеб складывается в скирды на тех же полях, по возможности вблизи юрт, и около скирд делают токи. Орудием для обмолачивания служит гранитный, призматической формы, вал, длиною около 2 аршин, при толщине в 6 вершков. Это шестигранное орудие имеет на концах цилиндрические выступы, на которые во время самой работы накидываются петли от постромок лошади или быка. В середине круглого тока устанавливается прочно кол, к которому привязывается корда и на ней ходит бык или лошадь по разбросанному хлебу, катя за собой каменный вал. Для провеивания калмыки во время ветра подбрасывают хлеб вверх короткой лопаткой. Зерно хранят в ямах, выкапываемых на самих пашнях. Для перемола зерна служат маленькие, примитивного устройства, мельницы, приводимые в действие быками или лошадьми. Избыток хлеба сбывается в г. Карашаре.

Рыболовством калмыки стали заниматься только после дунганского восстания, когда у них значительно уменьшилось число скота. До этого же времени они вовсе не ловили рыбы, не употребляли ее в пищу, да и теперь зажиточные калмыки рыбы совсем не ловят и не едят. Рыболовством занимаются только беднейшие из них, часть которых постоянно проживает в Карашаре.

Ловля рыбы на озере Баграш-куль начинается тотчас же, как оно замерзает у берегов, и сначала только на удочку. Крючки бывают разных величин; приманкой служит та же рыба, живая или мертвая. Крючок привязывается к бичевке до $^1/_4$ дюйма толщины, опускается с наживкой в прорубь и осматривается рыболовом по временам.

Когда все озеро покрывается льдом, начинается бой рыбы острогой. Он производится днем и ночью, большею частью партиями в несколько человек. В последнем случае, т. е. ночью, разводят на льду костры вблизи прорубей. Вся партия делится на две части. Одна часть на известном расстоя-

нии гонит стаю к месту прорубей, где другая уже сторожит и бьет медленно плывущих или совсем останавливающихся рыб. Бросая острогу, бойцы норовят всегда попасть в голову, иначе рыба срывается и уходит. На удочки и острогой добывают рыбу только прибрежные калмыки, а городские и дунгане ловят ее неводами. Те и другие не имеют ни лодок, ни челноков, а потому занимаются рыболовством исключительно зимой, по льду. Невода делают длиною до 50 сажен и высотою в 3 сажени. Способ ловли по льду неводом одинаков с нашим.

Рыбу продают в Карашаре и в Курле, откуда значительная часть ее отправляется в Урумчи. Самые большие и жирные рыбы продаются от 2 рублей 30 копеек до 3 рублей 50 копеек за штуку, весом, вероятно, не менее 3 или 4 пудов.

Жилище калмыка — закоптелая войлочная юрта. С наружной стороны круглая стенка юрты обставляется плотно сплетенной из чия циновкой для защиты от ветров. Непривлекательный вид жилища извне еще больше поражает путешественника, зашедшего внутрь. Посредине юрты насыпан кольцеобразный валик, внутри которого раскладывается костер из дров или аргала (сухого скотского помета). На костре таган, поддерживающий чугунную чашу, в которой варится как пища, так и чай для семьи. В передней части юрты стоит деревянный сундук, в который складывается наиболее ценное имущество хозяина, а на крышке его, покрытой тканью, устанавливается ряд медных полукруглых стаканчиков, наполненных жертвенным салом или маслом. Эти светильники ставятся перед идолами и зажигаются на короткое время по вечерам. Вправо от жертвенника помещаются войлочные постели, а свободная часть между постелями и очагом служит местопребыванием для живущих днем. Между постелями и дверью помещается разная утварь: ведра, кувшины, ковши и т. п. Остальное пространство юрты занято разным имуществом. Если калмык охотник, то на стенке юрты часто можно видеть ружье, рога и шкурки зверей. На полу лежат седла, текущий запас муки, мешки и веревки. Вот все, что можно видеть в юрте калмыка. Притом все это покрыто пылью и загрязнено. Вся семья в кучке; и тесно, и холодно ей. Дети, большею частью грязные и оборванные, собираются к очагу; малютки кричат и плачут, подростки шалят и смеются. Матери постоянно хлопочут, чтобы управиться со всеми и всех занять. В общем положение калмыцкой женщины крайне тяжелое. Правда, она полноправная хозяйка дома, но зато дорогою ценою оплачивается ее неприниженное положение.

Несмотря на такую убогую обстановку, калмыки довольны своим положением, особенно простором и свободой, которыми они пользуются. Под грязной наружной оболочкой их скрывается откровенная, чистая душа. Каждый путник, посетивший юрту калмыка, встречает самый радушный прием: для него освобождается и очищается часть юрты, варится чай и мясо, а животным его дается лучший корм. Первый привет гостю или просто зашед-

шему собрату выражается поднесением закуренной трубки, или ганзы, как ее называют калмыки; с своей стороны и гость, если он калмык, тоже закуривает свою трубку и обменивается с хозяином. Курение распространено не только между мужчинами, но и женщинами, даже между детьми; матери нередко суют трубку в рот плачущему ребенку, чтобы его успокоить.

Пища калмыков далеко не привлекательна. Мясо опускают в кипяток и варят. Когда оно будет готово, семья собирается у очага, и каждый ее член получает от главы кусок мяса; в бульон же опускается пшено или лапша и варится до тех пор, пока едят мясо. Потом приступают к похлебке, которую едят с хлебом или толокном. После тот же котел наполняется водой, и когда она вскипит, кладут в нее кусочки кирпичного чая, который спустя немного приправляют солью, молоком, маслом или жиром. На наш вкус такая смесь очень неприятна, но калмыки страстно любят ее.

Калмыки охотно пьют водку, приготовляемую ими из молока, и покупают хлебную в Карашаре у китайцев и дунган. Зангин хошуна, в котором мы имели первый ночлег по выходе из Курли, привез с собой из Карашара довольно много водки. Пока готовился ужин, он откупорил свою кожаную флягу с водкой и, наполнив ею чайную чашку, поднес мне. Я отказался, сказав, что не пью. Сильно удивленный моим отказом, а еще более тем, что я не пью, зангин улыбнулся слегка и осушил за мое здоровье всю чашку, заметив при этом: «Я слышал как русские пьют!» и сделал щелчок по шее. «Это вы такой непьющий, а уж человек ваш,— добавил он,— непременно выпьет». В этом он не ошибся. Долго, до самой полночи, веселый зангин не ложился спать; жена его, по приказанию мужа, поминутно наполняла чашку за чашкой, стараясь последующие не доливать, пока ее супруг не заснул...

Калмыки исповедуют буддийскую религию. Кумирня есть только в главной торгоутской ставке в 100 верстах к северо-западу от г. Карашара, где находится старший торгоутский хан — Гунчин Цамца и его управление (ямынь). Вблизи Карашара также есть хошуны торгоутов, которых считается пять. Кроме главной кумирни, прибрежные калмыки имеют молитвенные места в каждом хошуне. Молящиеся собираются в большую чистую юрту, которая ставится вдали от улуса, и при ней всегда находится один или несколько лам. Все они в желтых или красного цвета одеяниях, с бритыми головами, в отличие от обыкновенных калмыков, которые носят косы. В эти молитвенные места собираются калмыки четыре раза в год: в феврале, мае, августе и ноябре. В главную же торгоутскую кумирню стекается до 10 тысяч богомольцев. Набожные калмыки ходят по временам на богомолье в далекие монастыри, как, например, Гумбум в Тибете, и посещают даже Лхасу. Такие далекие путешествия предпринимались нередко до дунганского восстания, когда калмыки были богаче. Теперь же они совершаются гораздо реже. После дунганского восстания впервые в 1887 г. караван богомольцев из 200 человек, с ханом во главе, отправился в Лхасу.

Путь его пролегал через Лоб-нор, урочище Гас, по Цайдаму и далее по большой дороге из Монголии. «Тяжело там (в Тибете) дышать и ходить,— говорили мне калмыки,— в течение двухлетнего странствования каравана погибло более половины животных и немало умерло людей. Конечно,— добавляли они,— те счастливы, которые умерли во время благочестивого дела». Караван вернулся из Лхасы осенью 1889 г.

Ламы пользуются большим почетом у калмыков. При появлении в юрте ламы немедленно все встают, и хозяин или гость, занимающий почетное место, тотчас же уступает его ламе. Ламы почти всегда имеют при себе хурдэ [1], и по первой просьбе калмыка, или личному своему желанию, начинают ее вращать слева направо, произнося про себя молитвы; одновременно с этим перебирают левой рукой четки. Я лично видел одного старика-ламу, пришедшего к зангину с той целью, чтобы, как объяснил хозяин, «благословить меня на благополучное окончание путешествия». Около получаса почтенный старец вращал хурдэ и произносил вполголоса молитвы; затем, простившись с нами, медленно побрел домой. По уходе его зангин сказал: «Этот лама хотя и не может читать по книгам, но зато очень много знает наизусть и потому пользуется особым уважением».

Лечением туземцев занимаются по преимуществу те же ламы, которые сами приготовляют и лекарства. Одни и те же порошки, приготовленные ламами, часто даются больным, одержимым разными недугами. Вообще болезненность среди калмыков весьма незначительна. Здоровый климат и почти постоянное пребывание на свежем воздухе предупреждают заболеваемость. Гораздо чаще бывают внезапные, случайные заболевания, от которых нет никаких средств. Так мне пришлось быть очевидцем одной больной, лежавшей уже третьи сутки без сознания. Молодая, двадцати трех лет, калмычка скакала верхом на лошади за убегавшим быком. Лошадь споткнулась, и всадница через голову упала на землю. Стоявшие вблизи родственники и соседи скоро прибежали к несчастной и, подняв ее, отнесли в юрту мужа. Он все время находился в глубоком горе и, заметив нас, попросил зайти к себе и оказать больной помощь. У меня, кроме хины, желудочных капель и спирта для предохранения от порчи убитых птичек, не было никаких медикаментов. Я влил больной в рот немного спирта и растер им ей виски. После этого больная начала слегка раскрывать глаза и смутно смотреть, но вскоре снова закрыла их и заснула. Когда она проснулась, я влил ей в рот немного кипяченого молока и просил давать его два раза в день, а также прикладывать к ушибленной голове компресс. Калмыки упрашивали меня остаться у них на ночь и хлопотали об угощении, но мне нужно было спешить, и я не без сожаления покинул больную.

---

[1] Вертящийся цилиндр, в который вкладывается написанная молитва. По верованию монголов, вращение ее равносильно чтению, и один оборот заменяет прочтение всей молитвы.

ТЯНЬ-ШАНЬ, ЛОБ-НОР И НАНЬ-ШАНЬ

(Отчет помощника начальника экспедиции 1893—1895 гг., опубликовано в 1899 г.)

Глава первая

В ОБЛАСТИ СРЕДНЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Исходный пункт путешествия. Как и в минувший раз[1], так и теперь исходным пунктом нашего путешествия был избран город дорогого нам имени — Пржевальск. Тогда наш путь имел направление к западу, на этот же раз совсем обратное — на восток, к господствующему на большом протяжении массиву Тянь-шаня Хан-тенгри, «царю небес», который уже привлекал взор молодого П. П. Семенова, «открывшего эру русских исследований внутренней Азии», своим подавляющим величием и особенным блеском ледяных венцов... Достаточно взглянуть на отчетную карту путешествий незабвенного Н. М. Пржевальского, чтобы видеть среди его путей и маршрутов других путешественников широкую полосу, протянувшуюся к востоку-юго-востоку, по которой еще во многих местах не ступала нога европейца, и убедиться в удачно намеченном районе; тем более, что на пути следования экспедиции, у южного подножья Небесных гор, в виду двух высочайших массивов этих гор Хан-тенгри и Богдо-ола, она должна была устроить метеорологическую станцию в отрицательной низменности, открытой экспедициями М. В. Певцова и братьев Грум-Гржимайло.

К половине июня закончены были на границе хлопоты по снаряжению экспедиции, когда каждый член ее мог отдаться своим личным интересам. В свободные минуты мысль охватывает широкий горизонт и неудержимо стремится в покинутые места, где так недавно жил с дорогими и близкими людьми, воображение рисует их живые образы и какое-то особенное чувство невольно подсказывает обобщиться с ними заочно. Наконец и это исполнено. Остается на все время странствования одно глубокое святое

[1] Тибетская экспедиция 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова.

сознание успешно выполнить свою завидную задачу и тем самым по возможности служить заветам, начерченным великим учителем, к могиле которого мы так часто приезжали по вечерам. Здесь, у этой могилы, которая раскрылась на наших глазах и приняла прах великого человека, пробуждались каждый раз скорбные воспоминания о недавнем прошлом.

Мавзолей Пржевальского. Дивна, величественна картина природы: «Она так врезалась неизгладимыми чертами в моей памяти,— говорит маститый П. П. Семенов,— что я как бы вижу ее перед собою, обращаясь от только что закрывшейся могилы к заветному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятного к западу озера. Впереди высится горная стена Небесного хребта, образующая вправо окраину озера, увенчанную непрерывным рядом снежных вершин. Чем далее к западу, тем ближе прикасается этот белоснежный венец к синей поверхности озера, а на его оконечности снежные вершины кажутся как бы утопающими в волнах Иссык-куля» [1]. Недаром же у местных номадов сложились поэтические сказания, клонящиеся к обереганию праха русского богатыря сонмом духов, прилетающих по ночам с Небесных гор и витающих у мавзолея.

Выступление экспедиции. 15 июня 1893 г. караван экспедиции после напутственного молебна медленно зашагал по улицам Пржевальска. Многолюдная толпа пеших и конных провожала нас далеко за город, где местный кружок соотечественников [2] сердечно предложил нам хлеб-соль под заранее воздвигнутым белым шатром. Еще несколько минут, и мы уже, получая вслед пожелания счастья и успеха, рысью понеслись к своему каравану, который по широкой ровной степи шагал особенно успешно. Так началось путешествие.

Погода стояла отличная: ясная, тихая, теплая. Небо было прелестного синего цвета. Соседние снега ярко блестели. В воспоминании чередовались картины прежних странствований; эти воспоминания да запас сил и энергии дружной экспедиционной семьи, а с тем вместе и надежды на успех в тяжелом, но славном предприятии облегчали предстоявший труд.

Ее [экспедиции] шаги по родной территории. Первые 200 верст мы шли по родной территории, среди тучных пастбищ, которые или раскидывались по междугорным долинам, или поднимались высоко в горы. Точно так же двигался и наш караван то внизу среди долины, где преобладали травянистые заросли, казавшиеся пестрым ковром, то высоко у скал, окруженных еловыми лесами, то между указанных зон, и всюду нам представлялась животная жизнь в полном разгаре. С юга от вечных снегов бежали большие и малые ручьи, порою низвергавшиеся в виде се-

---

[1] Семенов П. П. Речь, посвященная памяти Н. М. Пржевальского.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 24, 1888, стр. 234.

[2] Всегда относившийся к экспедиции с глубоким вниманием.

ребристых лент среди хвойной зелени и несущие свои воды в главные реки, которые более спокойно катились по дну широких долин, сливаясь в один общий озерный бассейн. Бивуак располагался в лучших местах, а потому очень часто наблюдения всякого рода производились поблизости: здесь отыщешь гнездо, убьешь птичку, подметишь вдали зверя, поймаешь бабочку или ящерицу, выкопаешь цветочек и пр. Отсюда же по временам производишь ряд засечек для пополнения съемки. Много раз вернешься в палатку и много раз ее оставишь.

Неприятное соседство барантачей. Кочевники-киргизы с своими многочисленными стадами встречались почти ежедневно. Эти номады по ночам нас беспокоили нередко, в особенности вблизи урочища Кар-кары, где в это время была многолюдная ярмарка. То барантач [1] промчится с диким криком, то более трусливый вор, пробираясь в высокой заросли, обрежет аркан у лошади и так же незаметно скроется во мраке ночи. Надолго затем тихо в широкой равнине, пока опять не пронесется тревожный лай псов, беспокоимых или зверями, или теми же лихими барантачами, по которым, как и у нас на бивуаке, иногда раздавались выстрелы. Порою же совершенно мирно, как мирен и летний вечер в горах, когда солнце скрывается за горы, в долине ложатся сумерки, стада уже возвратились к жилищам обитателей, и лишь одно-два запоздавших поспешно бредут вниз с соседних холмов; барашки прыгают, блеят и резвятся около своих матерей. В соседнем лесу пение мелких птичек смолкло; только перепела и дергачи усердно кричат, вторя друг другу, и тем самым напоминают места нашей родины.

В конце июня экспедиция направилась к северному подножью Хантенгри, у которого убедилась в возможности переправиться через многоводные данники Текеса, а потому снова перешла к берегам последнего. К северу от этой реки местность несла пустынно-степной характер, где общий ландшафт уже не производил ласкающего впечатления. Тем тяжелее было миновать густые леса, живописно укрывавшие скаты гор, не познакомившись с их богатством, не проникнув, хоть слегка, под их густою сень. Много раз в течение своего продолжительного странствования мы с В. И. Роборовским вспоминали эту замечательную местность...

Долина р. Текеса, ее флора и фауна. Река Текес грозно бежит в долине, обставленной с севера и в особенности с юга высокими горами. Общее направление реки восточное — северо-восточное. Из многочисленных правых притоков ее в нижнем течении главные два — Кок-су и Джергалан. По принятии их Текес скрывается в ущелье передовых гор и, вырвавшись на простор, сравнительно спокойнее течет на север и впадает слева в р. Или.

---

[1] Захватчик чужого скота.

Вторично выйдя на Текес, мы прошли по левому берегу его около 100 верст и затем снова перебрались, на примитивных ладьях, на противоположный берег. В пройденном месте описываемая река течет разбившись на рукава, образуя красивые острова, густо поросшие тополем (*Populus sibirica*), ивой, мелколистной березой, рябиной, колючей облепихой, жимолостью, белой розой и другими кустарниками; все это перевито стеблями золотистого ломоноса и вьюнками, поднимающимися высоко по деревьям. По опушке густых, местами непроницаемых зарослей и на открытых влажных луговинах попадаются ежевика, костяника, барбарис и многие другие растения.

В окрестных горах и по реке среди зверей довольно обыкновенны: медведи, кабаны, маралы, косули, барсуки, волки, лисицы, сурки, зайцы и более мелкие грызуны. Пернатое царство сравнительно разнообразнее; всего нами замечено было свыше 100 видов, и по богатству отрядов, конечно, воробьиный занимал первое место. Здесь нередко встречались сизоворонки (*Coracias garrula*), которые держались опушки леса, сидя на вершинах сухих деревьев, тогда как щурки-пчелоеды (*Merops apiaster*) по целым дням носились в воздухе, монотонно перекликаясь в высоте; по боковым тихим ручьям можно было найти зимородка (*Alcedo ispida*), наблюдавшего за маленькой рыбешкой, по соседству с ним ютилась водяная оляпка (*Cinclus leucogaster*); под колючей облепихой шныряли с молодыми монгольские фазаны (*Phasianus mongolicus*); на степной части долины пролетали отдельными парами и стайками большие дрофы (*Otis tarda*); крупные хищники — гриф монах (*Vultur monachus*), гриф снежный (*Gyps himalayensis*) и бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*) — обыкновенно высоко кружились в лазури неба. Лучшими певцами этих мест могут считаться варакушка (*Cyanecula caerulecula*), соловей красногорлый (*Calliope pectoralis*), голубая синица (*Cyanistes cyanus*), чеккан-соловый (*Saxicola isabellina*), *Pratincola maura* var. *Przewalskii* и немногие другие.

Энтомологическая фауна бедна разнообразием, но богата количеством особей следующих добытых нами пяти видов чешуекрылых: *Zygaena Pilosellae, Lycaena Pheretiades* var. *Tekessana, Melitaea Parthenie* var. *Alatauica, Cabera Exanthemata* и *Coenonympha Iphis* var. *Mahometana.*

Жители Текеса — монголы-олюты — занимаются скотоводством, охотой и немного земледелием, преимущественно засевая свои небольшие пашни ячменем и просом. Поля возделываются плохо, но дают хороший урожай. Многочисленные их табуны лошадей и стада баранов круглый год пасутся на богатых степях Текесской долины.

Горный путь до Юлдуса. Вскоре затем экспедиция оставила долину Текеса и по притоку его Кок-су втянулась в горы, служащие непосредственным продолжением Музарта. Северный склон последних нес прежний характер: вершины гор окутаны вечными льдами, дающими начало массе больших и малых ручьев, каскадов и речек, которые, несясь с ужасной

быстротой, проложили себе узкие, глубокие ущелья. Средний и нижний пояса, будучи достаточно орошены, развертывали приветливые растительные формы: первый изобиловал альпийскими лугами, второй представлял темную сплошную ленту хвойной зелени[1]. Представители животного царства были почти те же, что и раньше.

От времени до времени мы встречали кочевников-киргизов, везде относившихся к нам радушно; когда караван следовал вблизи аула, то обыкновенно и стар, и мал, и мужчины, и женщины выбегали к нам навстречу и выносили молоко и кумыс. То же самое происходило и на нашем бивуаке, располагавшемся по соседству с номадами, в особенности с теми, которые более десяти лет прожили под покровительством России.

В описанной части гор маршрут экспедиции пролегал в том же восточном направлении около 200 верст, изображая интересную кривую, которая проходит то на границе среднего и нижнего поясов гор, то поднимаясь ко льдам, то опускаясь на дно глубоких ущелий. На всем означенном протяжении караванные животные сильно утомлялись и требовали частых дневок, что, в свою очередь, давало возможность экспедиции ближе ознакомиться с естественноисторическим богатством страны и шире пополнять свои нарождавшиеся коллекции. У перевала Мухурдай, абсолютная высота которого простирается до 11 400 футов, где мы так близко стояли к главной снеговой цепи, был замечен, среди прочих альпийских растений, интересный вид из рода *Saussurea*, цветы которого собраны в букет, прикрытый множеством листьев, свернувшихся внутрь и образующих нечто вроде кочана капусты, как характерно выразились наши казаки при виде этого растения. Тут же наблюдались улары (*Megaloperdix himalayensis*), которые днем спускались на дно ущелий и кормились с довольно крупными птенцами, а по утрам раздавались звонкие голоса этих птиц высоко в скалах, где они ночуют. К сожалению, удачно поохотиться за этими альпийскими представителями пернатых, как в большинстве случаев и бывает, не удалось.

Охота на оленя. Но зато с приходом на следующий день в широкое ущелье Джергалана, где наш бивуак красовался в живописной местности, откуда к югу блестели льды, а к северу скрывались за горизонт темные заманчивые заросли леса, мы были порадованы моей и урядника Шестакова охотой, обогатившей зоологическую коллекцию прекрасным экземпляром молодого оленя.

В своей охотничьей экскурсии к северу по ущелью мы незаметным образом спустились довольно низко; я шел по дну ущелья вблизи реки, Шестаков же пробирался более трудным путем у правой подошвы горного ската. Порою мы приостанавливались, зорко оглядываясь по сторонам. Малейший треск в соседних кустах всегда служил заманчивой загадкой,

[1] По р. Капсалан-су мы встретили абрикосовые деревья, на которых красовались мелкие, но вкусные кисло-сладкие плоды.

как и всякий силуэт вдали, напоминающий зверя, когда призывается на помощь бинокль. Много раз охотник и оживет надеждою, и разочаруется сомнением. В последнем, как и теперь, случае присядешь на берег реки и залюбуешься красотами природы. К востоку и западу далеко поднимаются луговые откосы, по которым островами залегают площади леса. На западном гребне, обильно освещенном лучами солнца, появилась фигура всадника, который, точно призрак, продвигался вдоль цепи увала и исчез за ним. Оттуда же грациозно попрыгала вниз косуля и в первой заросли леса пропала бесследно. Поблизости монотонно шумящих вод показался заяц, затем другой, и оба, попрыгав немного и почистив лапками мордочки, скрылись в ту же прибрежную чащу, откуда все время неслись мелодичные звуки голубой синицы и тревожный щебет дрозда-дерябы. К югу, куда так часто устремлялся взор, резко выделялись снеговые, куполообразные вершины главного хребта, тогда как наш бивуак, уже окутанный тенью, рисовался бледной точкой на фоне общей зелени. К северу вниз, где представлялось сплошное дно темно-зеленой хвои, скрывавшейся за горизонт, было особенно оригинально и привлекательно, как одинаково и ярко-синее небо вверху, откуда там и сям спускались дугою заоблачные пернатые... Пройдя немного вперед, неожиданно появилась фигура благородного зверя; робкое, грациозно стоявшее на высоком обрыве животное, поводив головою в стороны, быстро помчалось в горы; на мои выстрелы подоспел и Шестаков, вышедший навстречу зверя. Еще несколько общих выстрелов, и олень покатился по луговому откосу на дно ущелья.

Оригинальная местность. На всем дальнейшем пути к Большому Юлдусу экспедиция продолжала пересекать отроги главных цепей. Густые заросли леса отошли к северу. Взамен их стала появляться роскошная степная растительность, которая взбегала и на вершины конгломератовых, характерно размытых возвышенностей, принявших от времени самые странные и затейливые формы. По вершине одной, особенно оригинальной возвышенности, где ютится много тэке (*Capra sibirica*), по зарям рисуются силуэты высоких и низких елей, что и послужило у туземцев поводом к названию этой возвышенности Карагай-тас, т. е. изображение ели. Тут же, вблизи, указанные цепи гор сблизились, образуя заметную лишь с запада водораздельную седловину, граничащую бассейны рек Текеса и Хайдык-гола.

Водораздел. Перевал Карагай-таснын-дабан, которым мы легко проникли на плато Большого Юлдуса, поднимается до 10 125 футов над уровнем моря. Отсюда открылась возвышенная долина, имеющая весьма слабое падение к востоку, но значительно расширившаяся по мере нашего движения в эту сторону.

Следование по Большому Юлдусу. Прибыв в урочище Кара-нор, лежащее на правом берегу реки Бага-юлдус-гола, выше впадения ее в Хайдык-гол, экспедиция расположилась бивуаком на несколько дней

для большего ознакомления с Большой Звездой [1] и свидания с местными властями, от которых потребовались проводники для сопровождения каравана, и легкого разъезда, давно решенного впервые выделить отсюда.

Климат за минувшее время. Общее состояние погоды за истекший период времени было следующее: ясных и полуясных дней насчитывалось больше, нежели сплошь облачных. Показания термометра часто колебались, как колебался и самый маршрут в горах. При поднятии становилось прохладнее, а по мере спуска вниз — температура повышалась. Дожди были обильнее в верхнем и среднем поясах гор, нежели в нижнем. Нередко приходилось наблюдать грозовые свинцовые тучи, густо скоплявшиеся вблизи снеговых полей и разрешавшиеся там продолжительным ливнем, тогда как в долине и по предгорьям падало лишь всего несколько капель. По ночам случались обильные росы. Горный воздух был всегда чист и прозрачен. Ветры дули преимущественно днем и чаще в долинах, нежели в горах, где по ночам всегда замечалось слабое движение воздуха, направлявшегося по ущелью сверху вниз.

Описание Большого Юлдуса. Большой Юлдус был, по всему вероятию, в одну из отдаленных геологических эпох дном обширного альпийского озера, часть которого составлял Малый Юлдус, орошаемый ныне р. Бага-Юлдус-голом. Представляя замкнутую и вытянутую по длине от запада к востоку [2] котловину, описываемый Юлдус имеет степной характер.

Абсолютная высота Большого Юлдуса простирается в среднем около 8000 футов. С севера ограничивают два хребта — Нарат и Ихэ-Рибен-ула, лежащий восточнее, тот самый, который окаймляет Малый Юлдус с юга. Указанные хребты дики, скалисты, вполне несут альпийский характер, и второй местами переходит за снеговую линию. На юге непрерывно тянется вечноснеговая громада Тсюдыр-ула, которая, по мере удаления на запад, выше и выше уносит свои дивно блестящие на солнце ледяные венцы в яркую синеву неба. В обратном же направлении полуденные горы последовательно мельчают. С востока плато Юлдуса преграждается стесненными отрогами главных гор, среди которых впервые, вероятно, понеслись воды внутреннего исчезнувшего озера, как теперь излишек влаги сливается по руслу Хайдык-гола, прорвавшего в среднем течении дикую теснину. В означенном районе вершины береговых террас высоко подняты над уровнем реки, образуя холмистое, изрезанное частыми ущельями плато, на котором расстилаются привольные пастбища. В нижнем же течении описываемая река снова вырывается на простор, продолжая довольно быстро катить свои прозрачные воды к берегам озера Багаш-куля.

Река Хайдык-гол, разрезающая приблизительно пополам Большой Юлдус, описывает затейливые извилины среди массы больших и малых озер-

[1] Юлдус, монгольское слово, значит «звезда».
[2] На 135 верст, при наибольшей ширине посредине до 40 верст.

ков, блестящих под косвенными лучами солнца так ярко, что монголы не даром назвали это место «звездой».

Его растительное и животное царство. Ближе к окрайним горам эта равнина приподнята и покрыта лучшею травянистою растительностью, которая по предгорьям уже мешается с низкими, корявыми кустарниками: *Caragana*, *Salix* и *Potentilla*; деревьев же на Юлдусе нет вовсе.

Млекопитающими Юлдус очень богат. Из крупных зверей там водятся: медведи бурый и чалый (*Ursus leuconyx*, *U. isabellinus*), архары (*Ovis Polii*), тэке (*Capra sibirica*) и, несмотря на безлесие, маралы (*Cervus marol*) и косули (*Cervus pygargus*). На обширных болотах иногда встречаются кабаны. Весьма обильны на Юлдусе волки (*Canis lupus*) и в особенности лисицы (*Canis vulpes*, чаще же *C. melanotus*), успешно преследующие многочисленных полевок (*Arvicola*). По словам торгоутов, местные лисицы особенно ценны за свою мягкую длинную шерсть, которая на луговом плато не вытирается, как это бывает в местности, изобилующей кустарной зарослью. По степям и горным долинам везде множество тарабаганов (*Arctomys dichrous*); этими зверьками по временам лакомятся медведи, извлекая сурков из их разрушенных жилищ. Из других грызунов не редки суслики (*Spermophilus Eversmanni*), или зурмуны, как их называют торгоуты.

На Большом, как и на Малом Юлдусе, по обоим берегам р. Хайдыкгола рассеяны на большое пространство кочковатые болота (сазы) и озерки. На последних среди плавающих и голенастых птиц были замечены следующие виды: гуси серый и горный (*Anser cinereus* и *A. indicus*), турпан (*Casarca rutila*), утки — кряква (*Anas boshas*), полуха (*Chaulelasmus streperus*), нырки (*Fuligula ferruginea*, *F. ferina*), крохаль (*Mergus merganser*), баклан (*Phalacrocorax carbo*); в небольшом количестве лебедь (*Cygnus musicus?*). В более недоступных местах важно расхаживали цапли белая и серая (*Ardea alba* и *A. cinerea*), журавль серый (*Grus cinerea*), аист черный (*Ciconia nigra*). Над рекою пролетали чайки (*Larus ridibundus*) и крачки (*Sterna hirundo tibetana* и *Hydrochelidon nigra*). Там и сям наблюдались кулики-улиты (*Totanus calidris*, *T. glottis*, *T. ochropus*), кроншнеп (*Numenius arquatus*), береговик серый (*Actitis hypoleucos*), песочник малый (*Tringa Temminckii*), чибис (*Vanellus vulgaris*) и *Charadrius*. Из других же птиц, гнездящихся на Юлдусе, можно было видеть при берегах реки: орланов (*Haliaëtus albicilla* и *H. leucoryphus*), скопу речную (*Pandion Haliaëtus*), луня (*Circus cyaneus*), сову (*Otus*), шеврицу (*Anthus aquaticus*), плисиц (*Motacilla personata*, *M. melanope* и *M. citreola*), камышовку (*Dumeticola*), варакушку (*Cyanecula suecica*); по степи: орла бурого (*Aquila nipalensis*), сарычей (*Buteo ferox* и *B. hemiptilopus*), соколов больших (*Falco*), пустельгу (*Tinnunculus alaudarius*) и чеглока (*Hypotriorchis subbuteo*), коршуна (*Milvus melanotis*), ворона (*Corvus corax*), ворону (*Corvus corone*), ласточку

деревенскую (*Hirundo rustica*), стрижа (*Cypselus apus*), чеккана (*Saxicola isabellina*), овсянок (*Emberiza*); в горах: ласточек горных (*Cotile rupestris* и *Chelidon lagopoda*), вьюрка (*Montifringilla nivalis*), водяную оляпку (*Cinclus leucogaster*), *Pratincola maura*. Из оседлых птиц в тех же горах не редки: грифы черный (*Vultur monachus*), белый или снежный (*Gyps himalayensis*) и бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*), орел-беркут (*Aquila nobilis*), красноклювая клушица (*Pyrrhocorax graculus*), улар гималайский (*Megaloperdix himalayensis*); в степях — жаворонок (*Otocorys albigula*).

Экскурсируя в низовье долины Бага-Юлдус-гола, мы встречали множество бабочек, среди которых выделялся вид *Parnassius Discobolus*; в меньшем количестве как здесь, так и в других местах описываемой долины наблюдались *Colias Staudingeri*, *Erebia Kalmuca* и очень распространенная в Тянь-шане *Coenonympha Ihis* var. *Mahometana*.

Историческое прошлое народов. На Юлдусе, в одном из громадных луговых цирков, знаменитый Тамерлан, выступивший в поход против Кашгарского владетеля, давал свидание пяти армиям, которые подвигались разными дорогами через Небесные горы и которым дано было поручение истребить всех жителей, найденных на пространстве между озером Зайсаном на севере и озером Баграшем на юге. Императорский шатер был поставлен в центре равнины, и разрушитель мира восседал на золотом троне, блиставшем драгоценными камнями. Вокруг пышного ханского павильона теснились менее высокие, но все роскошно убранные дорогими тканями и разными украшениями, палатки эмиров; почва исчезала под сплошным покровом из разноцветных ковров. По окончании приготовлений к пиршеству, эмиры и князья были допущены, в знак особой милости, к целованию следа шагов своего грозного повелителя; все получали подарки, и воины были вне себя от восторга [1].

Причины тяготения номадов к Юлдусу. Эти обширные луга, видевшие Тамерлана во всей его славе, составляют обетованную землю для пастухов-номадов; ни в одной долине кочевники не находят более питательных трав для своих стад, более здорового климата, и в летнее время скот их не беспокоят ни оводы, ни комары. Неудивительно, что за эти великолепные пастбища много раз враждовали между собой различные кочевые племена, оспаривая их одно у другого. Не один раз, конечно, Юлдус оставался и совершенно свободным от кочевников, что было замечено в первое посещение европейцев [2] его малой части, когда повсюду бродили дикие животные, представлявшие богатую добычу «первому исследователю природы Центральной Азии».

---

[1] Риттер К. Землеведение Азии, т. 4. Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1, стр. 164—166. СПб., 1869—1873.

[2] Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор. СПб., 1878, стр. 9.

Современное положение страны и ее обитателей (1893 г.). В настоящее время, как и до дунганского разгрома, Юлдус обитаем монголами-торгоутами, пришедшими сюда с севера из-за Тянь-шаня [1]. Управляются торгоуты ханом, ставка которого на границе Юлдусов — летом, а на низовье Хайдык-гола — в другие времена года. В наше там пребывание обязанности правителя нес избранный регент, совместно со вдовою умершего недавно хана, оставившего десятилетнего наследника.

Номады фактически знают только своего хана. Живя полной жизнью своего народа, хан, действительно, близок к нему и очень любим и почитаем им. Слово «хан» у торгоутов священно, как и всякое о нем воспоминание в разговоре, когда лица номадов принимают строгие и благоговейные выражения. При встрече с своим правителем монголы быстро спрыгивают с седел и кланяются ему до земли, то же проделывают и проходя мимо ставки хана. Короче — хан для монголов все — царь и бог.

На Юлдусе монголы живут летом [2] и исключительно для скота, уход за которым возлагают главным образом на женщин или подростков, исключая табунов лошадей, пасущихся почти всегда под присмотром здоровых и лихих парней; большинство же мужчин — охотники, рыскающие по степи и в горах за зверями. Скотоводство, благодаря чудным пастбищам, стоит очень высоко. Здесь разводят лошадей сотнями, тысячами; нередко встречаются славные иноходцы, составляющие гордость Юлдуса. Многочисленные стада баранов пестреют всюду пред глазами путешественника и на Юлдусе, и на среднем течении Хайдык-гола, где они держатся не только по волнистому плато, но даже пробираясь и в соседние альпы. Сравнительно в меньшем размере заметно разведение крупного рогатого скота, необходимого монголам при земледелии, которое зарождается в низовьи Хайдык-гола и по северному побережью Тенгиз-нора (Баграш-куля). В последних местах пасутся и верблюды, без которых монгол не может считаться вполне состоятельным. Ценя скотоводство выше всех занятий на свете и черпая в скотоводстве полное счастье, номад не может жить иначе, как только для скота. Вот почему и первое приветствие у сына степей относится к скоту, а не к человеку; впрочем, номад и прав отчасти, отвечая удивленному европейцу: «Добро человека цело, он спокоен».

Отдаваясь другому занятию на Юлдусе — охоте, монголы имеют у себя кремневые ружья. Почти ежедневно приходилось встречать одного или несколько монгольских всадников, с ружьями за спиною и привязанными у седла тарбаганами. Охотники-торгоуты стреляют всяких зверей, водящихся в окрестности; добытые шкуры туземцы сбывают изредка наезжающим

[1] Быть может, оставившими наше Приволжье.

[2] Зимою же здесь очень холодно, притом выпадают глубокие снега и часто бушуют леденящие штормы. О жестокости юлдусских морозов можно судить по тем глубоким, извилистым трещинам земной поверхности, которые нередко встречались на нашем пути при следовании по долине верхнего Хайдык-гола.

сюда китайским торговцам и дунгунам, как и дорого ценимые в Китае маральи рога. «Последняя, столь выгодная добыча заставляет охотников-промышленников, русских и инородцев, неустанно преследовать маралов в течение весны [1] на всем громадном пространстве Азии — от Туркестана до Японского моря».

Неожиданное свидание с чейбсенским хутухтой (святитель). Появление экспедиции на Большом Юлдусе для монголов было неожиданностью, и первые встречные номады казались нам не особенно приветливыми [2]. Не менее того и мы были удивлены пребыванию на Юлдусе чейбсенского хутухты, нашего старого знакомого по путешествию Н. М. Пржевальского. Этот хутухта прибыл сюда по приглашению хана замаливать грехи номадов, караемых небом ниспосланной эпидемией, которая уносила много жертв. Узнав о приходе экспедиции, хутухта пожелал с нами видеться и после первой встречи своим обаянием воздействовал и на народ, и на его правителя. До того времени отказывавшие нам во всем просимом торгоуты по одному слову хутухты смирились и доставили экспедиции требуемых проводников, что дало возможность главному каравану пройти по р. Хайдык-голу.

В высшей степени симпатичная личность хутухты привлекла нас к себе и по другим причинам. Хутухта оказался сведущим во многих отношениях и своими сведениями мог удовлетворить любопытство всякого европейца. Он нам показывал много европейских вещей, пригодных для путешествия, толково говорил о значении каждой; между прочим, хутухта располагал географической картой, на которой проложил два маршрута с собственными пометками: один маршрут, приведший его из Чейбсена в Юлдус, другой — от того же пункта до столицы Тибета Лхасы. Беседуя с нами, хутухта также отмечал на карте интересующие его места. По личному признанию хутухты, легко было видеть, что покойный Н. М. Пржевальский, впервые появившийся [3] в Чейбсен-хите во время дунганского погрома в числе четырех человек, произвел, как на святителя, так и на весь народ, сильнейшее впечатление. Мятежники не осмелились продолжать дальнейшую осаду монастыря. С одной, главной, стороны гений европейца, с другой — представитель божества буддийского мира послужили непобедимой силой, пред которой этот ураган пронесся мимо... С того времени хутухта хранит о великом путешественнике особенную память и при каждом, как и теперь, удобном случае с гордостью показывает портрет Н. М. Пржевальского [4].

[1] А местами и в начале лета.

[2] Тем более, что один из сопровождавших наш караван киргиз был уличен торгоутами в баранте лошадей. «На воре и шапка горит» — получив расчет, проводники махнули в ночь обратно, прежде нежели монголы успели сообразить что-либо.

[3] В свое время (1870—1873 гг.).

[4] По возвращении экспедиции в отечество Русское географическое общество выразило свою признательность хутухте приличным подарком, который будет передан ему мною лично.

Моя поездка в Северную Кашгарию. Итак, во время нашего пребывания на Юлдусе обстоятельства нам благоприятствовали: 2 августа я был уже готов к выступлению в путь, в сторону от главного каравана, который направился днем позднее. Маршрут моей экскурсии намечался в следующих общих чертах: пересечь полуденные горы и спуститься до южной притяньшаньской дороги в г. Куча, откуда по другому перевалу через те же горы вступить в долину Хайдык-гола и следовать до ее низовья, где условлено соединиться с караваном. Моими спутниками были вольнонаемный сарт-калмык Ульзабад Катаев [1] и местный торгоут. Наш маленький караван состоял из трех верховых и одной вьючной лошади. В полдень, когда перестал с утра моросивший дождь, мы оставили бивуак.

Переправившись через реку Бага-Юлдус-гол [2], которая здесь же вступает в болотистую долину Хайдык-гола, мы направились северной окраиной последней, держа курс на восток. Слева, в том же направлении, тянулся хребет, отделяющий Малый Юлдус от Большого; своими мягкими, луговыми предгорьями он касался нашего пути. По всей долине Юлдуса виднелись юрты номадов и их многочисленные стада. Над рекою сновали пернатые обитатели; и первым, и вторым — простор и приволье.

Река Хайдык-гол. Пройдя около 30 верст, мы сильно уклонились на юго-восток и вскоре достигли передовой каменистой возвышенности, омываемой рекой с юга. С вершины этой возвышенности нашим глазам представилась поэтическая картина. Я не мог не уделить нескольких минут для того, чтобы более запечатлеть ее в памяти. Действительно, вверх по течению реки — чудная панорама. Заходящее солнце затейливо играло своими лучами сквозь дымку облаков, многочисленные озерки, вкрапленные в изумрудную прибрежную зелень, блестели, подобно зеркалам. Оригинальную картину представляла сама река у подножия скал, где, извившись змеею несколько раз, она точно опоясывала всюду разбросанные озерки — это была река Хайдык-гол!.. Доселе недоступные ее берега сдавились каменными грядами. Спокойно и плавно несутся ее светлые воды. Течение широкой [3] и глубокой [4] реки скорое. Дальше к востоку река капризно извивается в крутых берегах, меняя свое прежнее направление на юго-восточное.

Урочище Башлык. Означенное урочище слывет под названием Башлык. Здесь, на левом берегу, на луговой террасе, приютилась походная кумирня, в которой до полночи раздавались звуки барабанов и морских раковин. Утром над рекой лежал густой туман, который несколько задер-

---

[1] Взятый из Пржевальска до Юлдуса, но затем охотно вызвавшийся сопровождать экспедицию на все время ее странствования.

[2] Несущей свои прозрачные воды в низменных берегах и имеющей до 20 и более сажен ширины, при глубине 3—5 футов.

[3] 30—40 сажен.

[4] 1—1,5 сажени.

жал наше выступление. В этом же месте устроена переправа с одного берега реки на другой. Перевозом заведуют соседние ламы. Перевозные средства — самые примитивные: деревянный ящик, позволяющий вместить в себя до 20 человек. Уложив свой багаж, мы, при помощи двух лошадей, которых ламы держали за хвосты и поводья, удачно переехали на противоположный берег.

Движение южной окраиной долины. Теперь нам предстояло вновь движение по Юлдусу; на этот раз вверх и по южной окраине долины, которая несет прежний характер. В два дня мы достигли намеченного заранее для перехода через хребет ущелья реки Кююкюнныка, перейдя предварительно три незначительные речки, текущие с южных гор, и в середине пути миновав сыпучие пески, залегавшие невысоким, но длинным увалом. Кроме того, немного ниже нашего вступления в ущелье названной реки, последняя принимает справа многоводный приток Цаган-сала, названный так за свою чистейшую, как кристалл, воду. Эта река, через которую нам также пришлось переправиться, бежит с полуденных гор; истоки ее, как после выяснилось, находятся в двух днях пути на перевале снегового хребта. По словам торгоутов, ущелье Цаган-сала дикое, узкое и обильно громадными валунами; река несется с весьма большой быстротой, часто падая каскадами. И без того трудный проход окончательно загражден кашгарцами, устроившими в нем нечто вроде укрепления.

Ущелье Кююкюнныk. Ущелье Кююкюнныk, в котором мы провели несколько дней, характеризуется своею длиною (около 80 верст), втрое, а местами и вчетверо превосходящею ширину того же общего склона хребта Тсюдыр-ула. Это интересное явление объясняется узловою связью гор и крутым, дугообразным изломом снеговой цепи к северу, откуда выделяется могучий отрог, составляющий западную сторону описываемого ущелья. Второю особенностью последнего можно считать непрерывные льды южной цепи, не представляющей удобных седловин для горных проходов, хотя подъехать к большинству подножий ледников не особенно трудно. Граница снеговой линии поднимается здесь на 12 500 футов над уровнем моря.

Общее направление рассматриваемого ущелья на восток-юго-восток. Местами суживаясь (до $^1/_2$ версты), местами расширяясь (в 1 версту), ущелье Кююкюнныk в нижнем поясе гор обрамлено луговыми террасами, круто ниспадающими к узкому, каменистому ложу, по которому с шумом несутся высокие волны реки. Более спокойное течение ее приходится на средний пояс гор, где она стремится по широкому руслу несколькими рукавами, и, наконец, в верхнем течении снова крутое падение и снова громкое бурление источников, дающих начало Кююкюнныку.

Первый ледник. Здесь, между несколькими горными вершинами, залегает могучий ледник, имеющий 3—4 версты протяжения. В нижнем, северном направлении ширина его меньше, нежели в верхнем, где он спус-

кается значительно круче к северо-востоку. В своем подножье лед имел едва несколько футов толщины, тогда как в середине ледника эта толщина превосходила, быть может, сотню футов. Кое-где заметны были неправильные трещины и воронкообразные возвышения.

Боковых морен было две — с восточной и западной стороны. К подножью ледника то и дело скатывались большие и малые камни вместе с грязными ручьями воды. Среди разнообразного шума непрерывной физической деятельности ледника резко выделялся гул быстрого потока, выбегавшего из-под него. Ледник сверху был покрыт снегом, глубина которого увеличивалась по мере приближения к голове ледника, где повсюду свежевыпавший снег блестел яркой белизной. Верхняя граница описываемого ледника возвышается до 13 500 футов над уровнем моря.

Осмотрев ледник и убедившись в невозможности перевалить через хребет в этом месте, мы повернули обратно и к вечеру достигли той части ущелья, где я, еще следуя в передний путь, временно останавливался, будучи в раздумье, куда лучше направиться.

Большое знакомство со вторым. 7 августа, чуть забрезжила заря, я с проводником налегке уже поехал вверх по новому ущелью, откуда дул довольно свежий ветерок. К 8 часам утра мы достигли подошвы двух, лежащих по соседству, ледников. Более доступный тянулся дугою сначала к югу, а потом к юго-западу. Верхней границей ему служил острый гребень хребта, местами засыпанный снегом. Длина этого ледника достигала 5 верст, при наибольшей ширине в середине около 70 сажен, по вертикальному же направлению ледник простирался более 1300 футов. Внизу на поверхности ледника темнела каменистая осыпь; вверху же, как и прежде, залегал толстый слой ярко блестящего снега. Главная трещина ледника шла продольно и занимала середину ледяной массы.

С юго-западной стороны крутого гребня то и дело сыпались подтаившие обломки камней; снежные обвалы случались также — следы недавних разрушений кое-где были заметны. Внизу, с солнечной стороны, ледник граничит с валунами и сравнительно небольшими камнями, сложенными грядами.

В общем казалось, что ледник был доступен, и я, не теряя времени, последовал вверх. Внизу при лошадях было оставлено все, что могло тормозить наш путь; взяты лишь анероид, буссоль, бинокль и прочие мелочи. Вначале я пробирался с проводником частью по камням, частью по самому леднику; затем шел один и исключительно по ледяному полю. Дважды слегка проваливался, но, идя более осмотрительно, к 10 часам утра успешно поднялся на вершину гребня. Моему взору предстал бесконечный лабиринт гор — на юго-востоке снеговых, на юге — темных, безжизненных, за которыми помрачала горизонт пыльная атмосфера, свойственная сухой Кашгарии. Спуск к этой стороне был страшно крутой, но благодаря лежащему снегу спуститься было возможно, что я и не замедлил сделать.

Бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus* Linn.).
1/17 натур. величины

Окончательно потеряв надежду перейти с лошадьми через хребет по этому перевалу, я поднялся снова на его вершину и присел на камень немного отдохнуть. Тишина... ни звука. Вот, действительно, где, в этом заоблачном мире, одиноко и сыро кругом. Но это только вначале. Немного позднее прилетела горихвостка (*Ruticilla erythrogastra*), с минуту посидела на камне и, сделав несколько движений хвостом, исчезла; давний след улара тонкой линией обрисовался по снегу; издалека слабо доносился писк вьюрка (*Montifringilla brandti*); все это свидетельствовало обратное. Внизу мелькнула тень, которую рисовал пролетавший надо мною бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*), описывая круги. Чуден он, когда видишь как гордо и свободно несется, точно плывет, в эфире неба.

На волос от беды. Однако пора и вниз к проводнику, которого сильно мучил разреженный воздух. К нему я возвратился в 1 час дня, расставшись в 9 утра. Но что я пережил за эти четыре часа... Спускаться обратно по леднику было чрезвычайно тяжело, таявший снег скользил под ногами. Несмотря на всю опытность в горных восхождениях, я трижды обрывался и последний раз чуть не навсегда... Зияющая пропасть ледника смотрела мне прямо в глаза. Дна ее я не видел, так она была глубока. На глазах своего номада я от одного неверного шага потерял равновесие и... с ужасной быстротой скатился не один десяток шагов. Как сейчас помню тот момент, когда я тщетно цеплялся руками за скользкий лед. Сердце мое невольно сжалось, по телу побежала дрожь. И только благодаря попутному камню, плотно сидевшему во льде, мне удалось спастись! Только тогда я свободно перевел дух и свободнее оглянулся по сторонам. Долго я расшатывал «счастливый» камень и, наконец, осторожно достав его, стал вырубать ступеньки, по которым имел возможность добраться до обнаженных утесов скал. По ним я уже смелее цеплялся и благополучно спустился к проводнику. Добрый номад встретил меня со слезами на глазах, затем упал на колени и стал возносить благодарение богу. Меня это обстоятельство растрогало, в особенности, когда дикарь стал обмывать кровь, запекшуюся на моих руках. Платье мое, равно как и сапоги, пропитались влагой и пришли в полную негодность.

Итак, нам суждено было вернуться совсем из Кююкюнныкского ущелья.

Обратное следование. Придя к своим лошадям, которые, заждавшись нашего возвращения, немного разбрелись в поисках за мелкой травкой, мы поспешно направились к бивуаку. По дороге встретили на открытой лужайке стадо горных козлов (*Capra sibirica*); осторожные звери не подпустили нас на близкое расстояние; тем не менее я сделал в них несколько выстрелов и огласил горы раскатами звучного эхо; тэке быстро умчались в родные скалы.

Вернувшись на свой бивуак и наскоро напившись чаю, мы последовали вниз по знакомому ущелью. На первых порах заслышали тяжелые раскаты грома: началась гроза. Через час гроза миновала; ливень прошел, но мель-

чайший дождик еще моросил. Показавшееся солнце украсило ущелье чудной лентой радуги, спускавшей свои концы к его бокам. Грандиозная арка ее производила в наблюдателе неописуемый восторг. Это было дивно художественное явление природы, тем более, что подобных снеговых эффектов мне еще никогда не приходилось наблюдать.

Через два дня мы уже прибыли к месту слияния рек Цаган-сала и Кююкюннык. Оглянувшись еще раз на ущелье, нельзя было предполагать, чтобы там не существовал проход. Притом масса избитых тропинок, правда старых, тянулась по ущелью. Тропинки добегали до подножий посещенных нами ледников. Жителей мы не встречали, но, по словам проводника, раньше, в пору благосостояния торгоутов, ущелье ежегодно наполнялось кочевниками и их скотом. Теперь же номадам достаточно и долин привольных Юлдусов.

Флора и фауна гор. В ущельях, богатых луговыми травами и сравнительно бедных мелкокустарными формами, каковы, например, *Salix*, *Potentilla* и др., привольно живут млекопитающие; главнейшие из них — марал (*Cervus maral*), аргали, или каменный баран (*Ovis Polii*) — предпочитают нижний пояс гор, равно как и косуля (*Cervus pygargus*), которую чаще можно встретить у предгорий по мягким луговым увалам; тогда как тэке (*Capra sibirica*) обитает в диких скалах; часто встречались рога этих животных, снесенные со скал потоками на дно ущелий. Сурок (*Arctomys*) ютится только в долине и при устьях ущелий; старые норы встречались и в глубине их, но, вероятно, избыток воды заставил зверьков удалиться вниз.

Пернатое царство значительно богаче: уларов (*Megaloperdix himalayensis*) очень много, по утрам слышался их свист; нередко раздавалась песнь завирушки (*Accentor fulvescens*); порхали у скал краснокрылые стенолазы (*Tichodroma muraria*); с писком проносились стайки каменных воробьев (*Petronia petronia*) и оживленнее всех были клушицы-грион (*Pyrrhocorax graculus*). Водяная шеврица (*Anthus aquaticus*) и желтая плисица (*Budytes citreola*) встречались также; реже других — сокол-пустельга (*Tinnunculus alaudarius*) и сарыч (*Buteo ferox*). Горные ласточки (*Chelidon lagopoda* и *Cotile rupestris*) вились у скал, щебеча свой однообразный мотив.

Климат. Погода за время экскурсии в Кююнкюнныкское ущелье стояла в общем порядочная. Дождя падало мало, хотя облачность преобладала. Ночи были, по большей части, ясные, свежие. Термометр вечерами показывал от +5 до +10°; на восходе солнца спускался ниже 0°. В 1 час дня в тени доходило до +20° С. По мере поднятия вверх становилось холодно вследствие близости снегов и более разреженного воздуха, который, по обыкновению, в горах был чист и прозрачен, равно и безоблачное небо, ласкавшее взор своею приятною синевою. Ветры случались переменные, но чаще все-таки дули от снегов вниз по ущелью. Густой туман был однажды и, исчезнув, оставил верхний пояс гор одетым блестящим снежным покровом.

Лучшее состояние атмосферы было по вечерам — всегда ясно и тихо. Луна лила свой бледный свет и озаряла отвесные скалы. Шум реки и быстрых ручьев то усиливался, то ослабевал, и животная жизнь как бы замирала.

Новое движение. Дальнейший наш путь был несколько иной и пролегал севернее первоначального. Через реку Кююкюнник [1] мы переправились ниже слияния ее с Цаган-сала, там, где главное русло делится на три рукава. Вода неслась высокими грязными волнами по галечному ложу. В нижней части течение ее становилось более плавным. Эта река выносит из гор большую массу минеральных частиц.

Ключ Аршан. На следующем переходе мы познакомились с местным курортом Аршан, лежащим в открытой долине, вблизи южных предгорий. Указателем означенного места служит священное обо, сложенное на насыпном холмике. Теплый ключ образует небольшой, до 30 сажен в окружности, водоемчик с чистой, очень прозрачной водой. Температура пресной, приятной на вкус, воды (в 10 часов утра 9 августа) была +20,5° С. Я опускал термометр к месту выхода ключей из земли, на глубину около 2 футов, там на ощупь было значительно теплее, нежели на поверхности. Вокруг бьющих из земли источников очень мелко; дно илистое, топкое, поросшее водорослями, между которыми шныряют рыбки. Мне с большим трудом удалось поймать два экземпляра в коллекцию.

Этот источник, благодаря целебным свойствам, приобрел большую известность. По словам нашего проводника, к нему стекается немало больных монголов, в особенности страдающих сердцем, желудком и другими внутренними болезнями. Пьющие воду из благодатного Аршана, по уверению туземцев, получают помощь; большинство совершенно исцеляется от одержимых недугов. Даже сам хан с приближенными приезжает сюда и живет по нескольку дней кряду. Попили и мы из этого ключа; наш одобрительный отзыв о его воде, видимо, понравился проводнику.

Последняя наша стоянка в долине Большого Юлдуса была вблизи кочевников-торгоутов, при реке Кок-тэкенын-гол. Отсюда проводник уехал с докладом к хану. На смену ему явился более молодой и более энергичный охотник, который предложил услуги следовать по ближайшему проходу в Кашгарию. Новый маршрут лежал на меридиане общего бивуака экспедиции при слиянии Юлдусов.

Опять к югу. 11 августа мы снова выступили в путь, который направлялся на юго-юго-запад. Оставив за собою долину, караван вступил в предгорья, прорванные рекою Кок-тэкенын-гол. Река берет начало с перевала Кок-тэке, почему и носит соответствующее название. В верховье она стремительно несется прозрачным ручьем; перед выходом же из гор справа обогащается двумя вливающимися в одном месте притоками [2]. На открытой долине река временно скрывается под земную поверхность и только у боло-

[1] Река Кююкюнник — один из многоводных притоков Хайдык-гола.

[2] Реки Дассалтын-гол и Арцытын-гол.

тистых берегов Юлдуса выходит снова на свет, описывая затейливые извилины до впадения в главное русло Хайдык-гола.

Пещера-кладовая. Осенью, по словам проводника, в этом ущелье живут номады со своими стадами. В урочище Судербель тот же наш спутник указал мне на большую пещеру в горах. Последняя, подобно тоннелю, простирается далеко в недра отдельно стоящего каменистого увала. Туземцы из боязни дальше 30 сажен вглубь не проникали. На указанном расстоянии пещера сохраняет одинаковый вид полукруга[1], который мы наблюдали и снаружи. Это природное углубление, как и многие небольшие ниши, осмотренные нами по соседству, обусловливается геологическим строением гор. Главная пещера служила торгоутам общей кладовой во время их войн с соседями. В настоящее время здесь находят приют только одни охотники, застигнутые непогодой.

Хребет Тсюдыр-ула. Хребет Тсюдыр-ула, исследованный нами на протяжении 100 верст, есть непосредственное продолжение главного массива Тянь-шаня — Хан-тенгри, о котором мы уже упоминали выше. Достигая своей кульминационной точки в горе «Царь небес», означенный массив, по мере удаления к востоку, последовательно ниспадает, хотя все же хранит характер вечноснегового хребта до перевала Кок-тэке включительно. Главная ось хребта имеет дикий скалистый гребень, заполненный ледниками, в особенности на северном склоне, где они сползают значительно ниже, чем на полуденном. Более мягкие не снеговые горы находятся восточнее указанного перевала, где эта часть хребта уже не имеет общего названия, а известна туземцам лишь под частными наименованиями.

Геологическое строение рассматриваемого хребта таково: вершина главной цепи, или гребня, состоит в ущельях Кююкюнныка (кварцевый, полосато-серый) и Кок-тэке (с известковым шпатом и кварцем) из кристаллического известняка; на северном и южном склонах близ гребня обнаруживается также известняк. Северное же предгорье, в особенности по реке Кююкюнныку, богато сланцем (известково-глинистый), обнажающимся гладко отшлифованными стенами в устьях ущелий.

Ширина хребта Тсюдыр-ула простирается до 100 верст, причем северный склон вчетверо уже южного. Первый, обращенный к Юлдусу, покрыт довольно хорошей травянистой растительностью; второй же, в особенности в среднем и нижнем поясах, опаляемый знойными лучами солнца, представляет полный контраст; здесь растительность скрыта в глубоких ущельях, на дне долин, орошенных ручьями и речками; но в верхнем поясе на северных склонах гор встречаются заросли ели, сменяющиеся ниже горным тополем, крупными и мелкими кустарниками. Открытые же серовато-желтые глинистые увалы кое-где одеты тощей кустарной и травянистой растительностью, придающей южному склону хребта монотонный характер.

---

[1] Ширина и высота простираются до 1 сажени.

Животная жизнь описываемых гор отчасти (северный склон) уже указана, отчасти (южный склон) будет указана ниже; здесь же я остановлюсь несколько подробнее на представителе верхнего пояса, или диких скал,— горном козле *Capra sibirica*, который так часто наблюдался нами и о повадках которого мы собрали немало сведений. То же самое трактует и С. Н. Алфераки [1].

Горный козел. «Тэк в общих чертах очень сходен с домашним козлом, от которого главным образом отличается окраскою, более короткою шерстью, более легкими и в то же время мускулистыми формами и гигантскими рогами (у стариков). Большинство виденных нами тэков были буровато-серого цвета с темным ремнем вдоль спины и темными конечностями и бородою. Борода у самок гораздо короче, нежели у самцов. Передние ноги, от колен вниз, окрашены спереди в беловатый цвет. Самые большие виденные нами рога имели около 4 футов длины...

Рог старого козла в разрезе почти треугольный и обращен широкою, выпуклою поверхностью ко лбу. На этой поверхности находятся большие узлы, сглаживающиеся по бокам рогов. По мере удаления от основания, а следовательно, и по мере утончения рога, узлы уменьшаются и становятся к концу рога неясно различимыми. Рога самок, сильно сплюснутые с боков, мало загнуты назад и едва ли когда достигают длины полного фута. Сосцов у коз четыре, но только паховые вполне развиты, как и у домашних животных. Шерсть и подшерсток у тэков коротки, но чрезвычайно густы».

В большом количестве обитают тэке горы Юлдуса. Мало тревожимые, они встречаются там нередко стадами в несколько десятков особей. Чрезвычайная скалистость гребней гор, отличные пастбища у их подножий, а нередко и по склонам, изобилие по ущельям ключей делают эту область любимейшим местопребыванием *Capra sibirica*.

«Тэки ночуют под скалами в ущельях. Стадо просыпается рано утром и, медленно пощипывая траву, начинает подниматься по почти отвесным стенам ущелья. Следует заметить, что тэки по окраске настолько подходят под цвет скал и груд камней вообще, что на некотором расстоянии только с трудом можно отличить их от камней и то разве при их движении.

Вожаки-самцы, которые находятся при всяком стаде, поминутно выскакивают на более возвышенные точки и иногда долго стоят неподвижно, лишь озираясь по сторонам. Если ничего подозрительного нет, стадо продолжает свое восхождение. Но вот показалось солнце и осветило и самые хребты гор с их полянами, покрытыми роскошным ковром. Пощипывая траву, животные не перестают подвигаться все выше по скату. На 10—12 тысяч футов над морем трава становится малорослою и редкою, затем начинают преобладать весьма излюбленные козлами мхи...

---

[1] Алфераки С. Н. Кульджа и Тянь-шань.— Записки Русск. геогр. об-ва по общей географии, т. XXIII, № 2, 1891, стр. 138—140.

В ясные дни тэке достигают вершин хребта; в пасмурные же предпочитают пастись на его склонах. В первом случае тэке к 10—11 часам утра начинают спускаться к источникам на водопой. Напившись, к полдню звери опять взбираются на высшие точки, и стадо начинает мало-помалу расходиться. Далее все тэке, один за другим, ложатся на отдых, во время которого козлы всегда сторожат свой покой дозором, причем нередко приходилось наблюдать, как охранитель безопасности взбирается на остроконечный пик и, приняв известное положение, проводит неподвижно по несколько часов кряду.

Стада бывают иногда, как и замечено выше, весьма многочисленны и в летнее время состоят из молодых самцов, самок и детенышей. После пятилетнего возраста самцы начинают отделяться от стада и встречаются отдельно по 10—15 голов вместе. Старые же длиннобородые козлы, украшенные огромными рогами, держатся в значительном отдалении от самок и редко более чем 3—5 штук вместе. Только ко времени течки они приближаются снова к тем стадам, в которых есть самки». Любовный период, по словам торгоутов, у тэке начинается в конце октября; рождаются козлята в апреле — мае. Убить этого зверя трудно, а еще труднее бывает достать убитого с нависшего карниза. Между тем тэке, как ни в чем не бывало, точно тени, скользят по стенам, и лишь жалобное блеяние детенышей разрешает сомнение... Я был ужасно поражен, когда однажды, охотясь за уларами в горах Кунь-луня [1], случайно наткнулся на стадо тэке. Выдавшаяся альпийская площадка, замкнутая почти отвесными горами с трех сторон, была занята описываемыми зверями. Остановившись у входа, где я рассчитывал встретить козлов в упор, мне предстала такая картина: звери, точно призраки, мелькнули к скалам и в минуту-две были уже на вершине гребня. Только одни камешки катились из-под ног замечательно ловких тэке...

Минеральное богатство эксплуатируется по берегам двух больших рек южного склона Тсюдыр-ула. На западной — Кунгей, орошающей оазис Куча, в нижнем поясе гор находятся богатые залежи медной руды. Там устроен казенный медноплавильный завод. На восточной — Динар, питающей оазис Бугур, в той же приблизительно зоне, от времени до времени производится промывка золота.

Летом в ущельях полуденного склона туземцы Северной Кашгарии пасут многочисленные стада баранов. Жаркий период пастухи проводят в альпийской области; затем последовательно опускаются к подошве гор.

Эксплуатация леса. В последнее время, с проведением телеграфной сети в Восточном Туркестане и Чжунгарии, девственные леса ели, несмотря на труднодоступность горных лесов, стали значительно расходоваться. Их вырубают, по распоряжению китайцев, местные туземцы; на долю этих тружеников падает и обязательная доставка столбов к месту их постановки. Несмотря на добродушие мусульман, нельзя не заметить в них

[1] Урочище Тохта-хон, к югу от Яркенда.

скрытой ненависти и гнева, выражающихся при разговоре об этой новой повинности, требующей много рабочих рук.

Теперь, после некоторого отступления, снова перейдем к рассказу о путешествии.

На второй день нашего нового пути, в 8 часов утра, мы уже были на перевале Кок-тэке. Высота его 12 750 футов над уровнем моря. По обоим скатам крутизна страшная; трудность дороги увеличивается крупной каменистой осыпью, ниспадающей от вершины к подножью скалистого гребня. С вершины последнего открывается чудный вид. На севере Большой и Малый Юлдусы в прозрачной атмосфере были видны отлично. На юге горизонт заполняется массой гор, изборожденных большими и малыми ущельями. Величественнее других представляется снеговая цепь. Над Кашгарией, по обыкновению, всегда лежит пыльная дымка, открывающая сравнительно небольшой кругозор в эту сторону.

Перевал Кок-тэке. Кругом отовсюду неслись звонкие голоса уларов. При нашем подъеме на перевал горные козлы, числом около десятка, стояли на одной из вершин главного хребта и наблюдали за нами; при движении же вниз с Кок-тэке трое коз с детенышами, заметив движение каравана, быстрыми прыжками скрылись в скалах, покинув луговую площадку. Отсюда к югу дно ущелья все еще продолжало круто падать, и мы довольно быстро продвигались вперед. Еловые леса остались по сторонам, тогда как заросли ивы тянулись вблизи ручьев по мягким лужайкам. В таких местах встречалось много тропинок, исхоженных теми же дикими козлами. Словом, мы были в их царстве; недаром и перевал носит название этого зверя.

Ущелье Динар. Ширина извилистого ущелья реки Динара от 50 до 100 сажен; по бокам стоят угрюмые скалы. В общем ущелье красиво. Часто при следовании вниз встречаются теснины, которые во время высокой воды задерживают движение путника. С шумом неслись мутные дождевые потоки по узким ущельям и с грохотом падали по отвесным утесам, отбрасывая брызги. Все время, пока мы тут шли, стоял такой шум, что заглушал голоса людей и животных; к тому же гремел гром, раскаты которого напоминали отдаленную пальбу крепостных орудий. Беспрерывно сверкавшая молния производила в мрачном ущелье эффектное зрелище.

По мере опускания вниз ущелье становилось труднодоступным. По дну начали часто попадаться нагроможденные массы крупных валунов. Мягких боковых площадок встречалось сравнительно мало; эти приветливые уголки были покрыты густыми травами (*Lasiagrostis*) и пышным кустарником, как то: облепиха (*Hippophaë*), барбарис, шиповник, жимолость и многие другие.

Такие места посещаются медведями (*Ursus leuconyx* и *U. isabellinus*), которых туземцы по цвету шерсти разделяют на три вида: темный, светлый и пестрый. Эти медведи во многих отношениях напоминают медведя нашей Восточной Сибири; некоторые же повадки, вследствие иной окружающей

среды, значительно разнятся. К сожалению, нам лично не удалось познакомиться с образом жизни здешнего «мишки». По словам же монголов от которых добыты отрывочные сведения, местные медведи достигают больших размеров и в случае слабого поранения стремительно бросаются на стрелка.

Питаются медведи и растительной, и животной пищей. С наступлением холодов уходят в глубокие берлоги-пещеры, где засыпают на четыре месяца; лежка длится с ноября по март. В последнем месяце звери просыпаются и начинают бродить. Охотники-монголы места лежек отыскивают легко. Поблизости каменистого логовища медведя растительность примята, а часто и выедена; кроме того, в тихий солнечный день над выходным отверстием заметна вибрация воздуха. Найдя зимний приют зверя, охотники устраивают дымокур. Медведь от дыма лениво выползает наружу; едва держась на ногах, он вяло поводит головою и, конечно, скоро делается добычей монголов. Из других зверей на южном склоне гор встречаются те же, что и на северном, за исключением косули.

Пернатое царство. Относительно пернатого царства заметна большая разница, в особенности в среднем и нижнем поясах хребта. Здесь по кустам тальника (*Salix*) прыгали сороки (*Pica pica*), распевали синицы (*Cyanistes cyanus*), а на выступах скал сидели завирушки (*Accentor fulvescens*); водная оляпка (*Cinclus leucogaster*) с писком пролетала над водой; с ближайших скал доносилось громкое трещание кэкэлика (*Caccabis chukar*) и монотонное воркование каменного голубя (*Columba rupestris*); маленькая пеночка (*Phylloscopus viridanus*) ютилась там и сям; на мокрых лужайках грациозно расхаживали, по временам взлетая на воздух, плисицы белоголовые (*Motacilla personata*) и плисицы желтые (*Budytes citreola*), перелетали с камня на камень горихвостки (*Ruticilla erythrogastra* и *R. rufiventris*); вдали мелькал дрозд-деряба (*Turdus viscivorus Hodgsoni*), исчезавший в чаще леса. Указав на самых поздних по наблюдению — коршуна (*Milvus melanotis*) и сокола-пустельгу (*Tinnunculus alaudarius*) — можно закончить список птиц.

Золотой прииск. При впадении в Динар справа речки Сасык-булака мы встретили партию дунган-золотоискателей. Промышленник-купец, узнав во мне русского, тотчас же позаботился об угощении. Из дальнейших разговоров с словоохотливым Ян-Тюн-Ян-тып-сеном выяснилось, что он некогда жил в нашем Семиречье, в Верном *. Ныне же, несколько лет кряду, проживает в Куча, где имеет хороший дом. Два последних года занимается промывкой золота в описанном ущелье. Минувший год, вследствие малого количества атмосферных осадков в горах, уровень воды в реке был очень низкий, и работа партии в 60 человек с избытком окупалась. Это же лето обильные дожди не дают возможности производить промывку в местах более выгодных, почему и рабочих было всего восемь человек.

* Ныне г. Алма-Ата.

Кружный обход. Отсюда, до выхода из гор, река Динар несется в глубокой конгломератовой теснине, бока которой возвышаются до 500 футов. Для обхода этой недоступной части ущелья существует кружный путь, которым мы и направились по долине речки Сасык-булака, окаймленной с юга высокими горами, круто обрывающимися к ней; на северных склонах этих гор виднелись кое-где еловые леса, а в самой долине паслись многочисленные стада баранов, лошадей и рогатого скота.

Нижний пояс гор и сухость Кашгарии. В нижнем поясе гор чувствовалось сухое веяние атмосферы жаркой Кашгарии; прозрачность воздуха исчезла. Взошедшая луна чрез пыльную мглу казалась мутным диском.

На следующий (17 августа) день, переваливая через боковые отроги, мы проходили под сенью елового леса. Оттуда неслись голоса синиц (*Parus ater*) и вьюрков (*Carpodacus rhodochlamys*); белые щеглы (*Carduelis caniceps*) стайками или попарно, с своим мелодичным криком, проносились вдоль опушки леса. По временам встречались ореховки (*Nucifraga caryocatactes*) и пеночки (*Phylloscopus*). Вскоре мы достигли урочища Кара-кюль, где остановились на отдых.

Означенное урочище поднимается над уровнем моря на 8060 футов. Представляя мягкую луговую долину, защищенную от северных холодных и сухих южных ветров, Кара-кюль приютило у себя около десяти семейств горных пастухов (таглыков) с их стадами. Золотопромышленник дунганин проживал в этом же месте.

Дальнейший наш путь проходил долиною речки Кизыл-Моджу, которая вверху течет с северо-запада на юго-восток, а от урочища Ай-камыш (месячный камыш) прямо к югу. Везде в удобных местах жили пастухи. При урочище Ай-камыш, на дне глубокой балки, равно как и значительно выше, по долине Кизыл-Моджу уже появился дэрэсун (*Lasiagrostis splendens*). Днем от знойных лучей солнца животные укрывались в чащах кустарников, у подножий песчано-глинистых высот.

Расставшись с горами, мы снова направились к юго-востоку и после утомительного перехода по однообразной и пустынной местности, представляющей покатую щебне-галечную равнину, прибыли наконец в оазис Бугур.

Изменение программы разъезда. Таким образом, намеченный г. Куча остался значительно западнее. Потратив времени больше, чем предполагалось вначале, на исследование северного склона хребта Тсюдырула, я уже не имел возможности, вступив в ущелье Динар, оставить последнее в урочище Ляйляк [1] и направиться по южному склону к месту медных залежей. Отчасти был виноват в этом и наш проводник, не сказавший раньше о существовании такой дороги. Притом горный каменистый путь совер-

[1] Отстоявшем от перевала Кок-тэке к югу на 30 верст.

шенно искалечил нашим лошадям ноги: подковы быстро износились, копыта обломались. По той же причине мы не могли познакомиться с лучшим проходом из Северной Кашгарии в долину Большого Юлдуса, лежащим на меридиане Янгисара [1] по реке, орошающей этот оазис.

Сверх всякого желания пришлось направиться по большой притяньшаньской дороге до Курля, после двухдневного отдыха в оазисе Бугуре. Но этого времени оказалось мало: одна из наших лошадей устала настолько, что не могла двинуться с места. Взамен ее у туземцев нанимались свежие лошади, доставившие нам вьюк до места главного бивуака, куда мы так спешили.

Глава вторая

В ОБЛАСТИ СРЕДНЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

(Продолжение)

Бугур как один из общего кольца оазисов Кашгарии. Оазис Бугур расположен в той знаменитой культурной, местами прерываемой, полосе Кашгарии, которая с отдаленных времен опоясывает пустыню Такла-макан кольцеобразно и по которой проходит исторический путь из Восточного Туркестана во Внутренний Китай. Абсолютная высота этой благодатной полосы колеблется от 3 до 5 тыс. футов, а охватываемое ею внутреннее пространство Кашгарии представляет обширную мертвую пустыню, местами каменистую, местами песчаную...

«Горные хребты,— образцово характеризует Н. М. Пржевальский,— вдоль которых исключительно расположены оазисы Центральной Азии, обусловливают собою как их происхождение, так и дальнейшее существование. Со снеговых вершин этих хребтов бегут более или менее значительные речки, которые выносят к подошвам своих родных гор вымытую с них же плодородную землю и, осаждая здесь ее в течение веков, накопляют пригодную для культуры почву. Этим путем, а также орошением уже готовых подгорных лёссовых залежей образовались все оазисы, которые и ныне продолжают орошаться и оплодотворяться теми же горными речками. Последние, обыкновенно, разводятся жителями по полям на множество мелких канав, так называемых арыков, и не выходят за пределы оазиса; только более крупные реки выбегают дальше в пустыню. Но везде в оазисах, как и во всей Внутренней Азии, лишь щедрое орошение пробуждает, на здешнем жгучем солнце, богатую растительную жизнь. Сплошь и кряду можно видеть по одной стороне оросительного арыка прекрасное хлебное поле или

[1] Через перевал Улан-гилэн.

фруктовый сад, а по другой, тут же рядом, оголенную почву, которая протянулась иногда на многие десятки верст.

Таким образом, центральноазиатские оазисы, площадь которых, даже вместе взятых, слишком невелика, сравнительно с пространством всей Гоби, являются как бы островками в обширном море пустыни» [1].

Таким отрадным островом и был для нас оазис Бугур, принадлежащий к Карашарскому округу и расположенный по трем главным рукавам реки Динара [2]. Он простирается до 12 верст в длину и до 20 верст в ширину по течению реки, занимая площадь около 100 квадратных верст. Административный [3] и торговый центр Бугура состоит из непрерывного ряда земляных фанз (домов), сложенных из необожженного кирпича. По сторонам разбросанно стоят фанзы-особняки с прилежащими полями владельцев.

Желтоземная (лёссовая) почва описываемого оазиса дает хорошие урожаи. В наше там пребывание (20 августа) пшеница была сжата и земля приготовлялась к следующему посеву. Кукуруза еще стояла на корне. Огородные овощи, а также дыни и арбузы разводятся в изобилии. Плодов же яблок, груш и винограда сравнительно мало, но персиков и абрикосов в достаточном количестве. Я видел несколько больших садов, где исключительно были или одни персиковые деревья, или абрикосовые; по сторонам сада, у стен, стоят серебристые тополи. Такие сады, по словам туземцев, отдаются в аренду торговцам, сбывающим фрукты на здешнем базаре.

Население Бугура. В оазисе Бугуре считается 585 домов с населением около 2320 человек [4]. В этнологическом отношении бугурцы, как и вообще кашгарцы, «представляют помесь арийцев иранской ветви с тюрко-монголами. Об этом несомненно свидетельствуют их телесные признаки, присущие обеим смешавшимся расам, а отчасти и самый язык, в составе которого заключается много древнеперсидских слов» [5].

Среди указанных обитателей довольно нередко встречаются зобатые.

---

[1] Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. СПб., 1883, стр. 68—69.

[2] Оазис Бугур лежит на 3380 футов над уровнем моря.

[3] В Бугуре проживает китайский чиновник, участковый начальник, при нем состоит помощником местный бек (Юсуп-бек).

[4] Приблизительное распределение населения оазиса по кишлакам (селениям).

1. Яче	170 домов	680 жителей	5. Годжа	50 домов	200 жителей		
2. Чумпак	80 »	320 »	6. Ала-сай	40 »	160 »		
3. Кишлак-орал	40 »	160 »	7. Долан	100 »	400 »		
4. Талак	60 »	240 »	8. Ак-сарай	45 »	160 »		

[5] Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции. Ч. 1. Путешествие по Восточному Туркестану, Куэнь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 годах. СПб., 1895, стр. 143.

Б а з а р. Незначительный процент населения добавляют китайцы, дунгане и приезжие купцы андижанцы. Это смешанное общество занимает главным образом центральную часть [1], вдоль проезжей дороги оазиса, где по пятницам бывает базар. На последнем, состоящем из 80 лавок и лавчонок, можно добыть предметы первой необходимости. Бо́льшая часть народа, в особенности женщины, не строго скрывавшие свои лица тонкими белыми чадрами, толпилась у русских [2] мануфактур. Здесь ловкие торговцы, соблазнительно развертывая цветные материи, так же искусно привлекают местных модниц, как и у нас в любом дамском магазине. Кругом несется несмолкаемый говор тонких и грубых голосов публики, по временам заглушаемый неистовым ревом ослов и ржанием коней. Весь этот шум не мешает, однако, некоторым ремесленникам после трудов покойно спать среди белого дня на лежанках своих веранд. К вечеру базар смолкает. Наши русскоподданные сарты, торгующие мануфактурами, с частью товаров спешат в соседний ближайший оазис, в котором базар бывает в иной день; покончив в новом месте, они направляются в дальнейшие пункты и так продолжают до сферы чужих торговых операций, откуда повертывают обратно и следуют с той же целью по прежней дороге.

М а з а р. К югу от базара стоит большой мазар, в честь святого Ходжи-Акооши. Сюда часто заглядывают лишь почтенные старцы, убеленные сединами и высокими чалмами, да проезжие правоверные.

О с т а т о к в о д ы. Многоводная река Динар, оросив оазис Бугур, несет остаток воды к югу. По словам туземцев, в трех-четырех днях пути от оазиса на юге, она соединяется с рекой Кучаской и образует вместе с нею водоем Чаян, который представляет болотистую местность, сильно поросшую камышом и в половодье соединяющуюся с разливами реки Тарима. В зимнее время Чаян обитаем пастухами с многочисленными стадами баранов. Охотники порою встречают там логовища кабанов, за которыми усердно охотятся тигры.

З а м е т к а о к л и м а т е. Во время нашего пребывания в Бугуре термометр Цельсия в 1 час дня, в тени, показывал до 30° тепла. Над горами очень часто носились кучевые облака, скоплявшиеся в грозовые тучи, но они разрешались лишь каплями дождя в оазисе Бугуре. Глухие раскаты грома слышались явственно, после чего в воздухе появлялась приятная свежесть, но не надолго. Обыкновенно в культурной зоне преобладали серые дни, т. е. такие, в которые небо подернуто перистыми облаками, атмосфера насыщена тончайшею пылью, помрачавшею и сокращавшею горизонт, солнце выглядывало бледным диском. Крайняя сухость воздуха, при полном затишье, ослабляла энергию не только днем, но даже и вечером, в особенности когда увеличивалась облачность и появлялись комары.

[1] В ведении китайского чиновника состоит отряд в 10 человек солдат, набранный из торгоутов.

[2] Очень немного сюда проникает и английских товаров.

Растительность и птицы. В пышной растительности оазиса были наблюдаемы следующие птицы: коршун черноухий (*Milvus melanotis*), ворона черная (*Corvus corone*), удод пустошка (*Upupa epops*), ласточка деревенская (*Hirundo rustica*), сорокопут (*Lanius isabellinus*), воробей полевой (*Passer montanus*), дятел (*Dendrocopus leucopterus*), славка (*Sylvia curruca*), плисица белоголовая (*Motacilla personata*) и голубь (*Streptopelia risoria stoliczkae*). Необходимо заметить, что пернатые обитатели были весьма молчаливы и далеко не часто попадались на глаза человеку.

Быстро мелькнули два с лишком дня, проведенные нами в оазисе Бугуре. Здесь наш маленький бивуак был расположен в саду местного жителя [1] при кишлаке Долане. Предупредительный домохозяин ловко выпроваживал, а чаще и совсем не допускал назойливых зевак, людей же более почтенных, как, например, мулл и аксакалов, от которых можно было что-нибудь почерпнуть интересное, или если они сами желали посмотреть и познакомиться с нами, Ахмед-ахун охотно приводил к нам на бивуак, где, по местному обычаю, мы предлагали гостям скромный «дастархан». В свою очередь, и посетители, по большей части, являлись с приношениями «хлеба-соли».

Юсуп-бек. На другой день нашего приезда в Бугур ко мне явился с визитом представитель мусульман — Юсуп-бек. Высокий, красивый брюнет с живыми, выразительными глазами, осанистой фигурой, притом с непринужденной вежливостью в обращении — он обличал собою тип благородного тюрка. После обычных приветствий Юсуп-бек передал мне поклон от китайского начальника (по чьему приказанию он и приехал), который выразил желание со мною познакомиться. Я же, будучи совершенно налегке, уклонился от свиданий с китайцем, мотивируя отказ неимением форменного платья. Вопросы, с которыми я обратился к симпатичному беку, были настолько несложны [2], что он разрешил их сравнительно скоро и собственною властью. Словом, Юсуп-бек расстался со мною дружески и командировал в качестве провожатого одного из своих приближенных.

Притяньшаньская дорога. Итак, мы оставили оазис... Впереди к востоку до Курля, на расстоянии 150 верст, местность сохраняет почти один и тот же характер. На севере стоит могучий хребет, выделяя свои снеговые матовые вершины. По мере удаления к востоку горы мельчают. Общий вид южного пустынного ската хребта мало привлекателен, как непривлекательна и та громадная, покатая от гор равнина, которая далеко простирается к югу, скрываясь в дымке горизонта. На этой обнаженной равнине то широко расстилаются солончаки, то тянутся узкой длинной цепью холмы, поросшие тамариском, а ближе к горам поверхность ее усеяна щебнем и галькою. Южнее дороги, в местах более низких, кое-где тянулись тополевые перелески.

[1] Ахмед-ахуна, выходца из Люкчюна,— у того самого, у которого в начале 1877 г. останавливались члены русской миссии А. Н. Куропаткина.

[2] Разрешение найма вьючных лошадей и продажи продовольствия.

Антилопа харасульта (*Gazella subgutturosa* Güld.).
1/10 натур. величины

Пустыня и ее характерные представители животной жизни. Животная жизнь описываемой местности характеризуется бедностью, но зато оригинальностью форм, приспособленных к пустыне. Действительно, стоит только внимательнее присмотреться к млекопитающим и птицам, которые чаще встречаются, чтобы заметить их приспособленность к жизни в пустыне. Возьмем, например, антилопу харасульту (*Gazella subgutturosa*).

Приспособленность харасульты и некоторых птиц к окружающей среде. Посмотрите[1] на ее изящную фигуру, на ее тонкие, длинные и ниже колен состоящие из сухожилий ноги: как грациозно поднята головка и как сосредоточенно внимание зверя. Каждый момент он может броситься высокими прыжками и быстро исчезнуть в открытой равнине. Его покровительственная окраска маскирует настолько, что покойно стоящий или лежащий джепрак мало или почти совсем не заметен и для опытного глаза. Обладая притом превосходным зрением, слухом и держа себя крайне строго, харасульта всегда сумеет избежать опасности. Природный ум помогает зверю распознавать охотника от «мирного человека». Из своих многочисленных наблюдений над этим зверем я пришел к следующим выводам. Там, где антилопа живет по соседству с номадом, а следовательно, и охотником, там она очень строга; часто убегает в глубину пустыни, довольствуясь лишь скудной пищей, произрастающей кое-где по низменным участкам. Даже на водопой является редко, в особенности в местах, покрытых сочным (летом) камышом. Противоположное явление приходится замечать у оазисов, населенных китайцами; здесь та же харасульта, не ощущая преследования, забегает кормиться на засеянные поля туземцев или свободно днем пасется на лугах, вблизи больших дорог; и только после покормки или на ночь джепрак удаляется поглубже в пустыню, выбирая для спанья подветренную сторону бугра, или же ложится в совершенно открытой равнине, но предварительно разрыхлив под собою почву. В последнем случае одни и те же места нередко посещаются антилопой, и каждый раз удаляемая земля и камешки углубляют постель зверя; такие характерные ямочки джепрака всегда приходилось наблюдать и на окраинах, и в глубине пустыни.

Описываемая антилопа имеет широкое географическое распространение в Центральной Азии, обитая во всех ее высоких (до 10 000 футов) и низких пустынных равнинах, не лишенных воды.

Подобную приспособленность к окружающей среде мы наблюдаем и в пернатом царстве. Больдурук, или пустынная курица (*Syrrhaptes paradoxus*), представляет тому наглядный пример. Почти везде, где только держится харасульта, можно найти и больдурука, который, помимо равнин,

[1] Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов, т. II, 1876, табл. 1 и приложенный рисунок.

залетает и в горные области Тибета. Эта оригинальная птица окраской своего оперения вполне гармонирует с цветом поверхности пустыни. Она, более нежели джепрак, маскируется среди камней и песчано-галечных площадей. Много раз мне лично приходилось приближаться к *Syrrhaptes paradoxus* вплотную, и только тогда стадо этих птиц с шумом поднималось с поверхности земли. Не испытав преследования человека, эта птица очень доверчива. Тем не менее она всегда держится в глубине пустыни, питаясь семенами ее тощих растений, и только по временам, прилетая пить, показывается на окраинах оазисов. Во время таких периодических дневных перелетов чаще всего и можно наблюдать пустынную курицу. С шумом бури налетает стадо этих красивых птиц и так же быстро, как и появилось, исчезает за горизонтом. Скорость ее полета поистине изумительна.

Характерную особенность этой птицы составляют, между прочим, ее ноги. Название «копытка», которое астраханские охотники дают больдуруку, очень удачно; ноги описываемой птицы со сросшимися пальцами, которые, как и плюсна, покрыты сверху перышками, действительно напоминают собою копытцо [1] или лапу верблюда, как сравнивают монголы. Такое устройство ног дает возможность этой обитательнице пустыни удобнее передвигаться по пескам для приискания корма.

Сойка песчаной пустыни. Другая характерная птица описываемой местности, присущая исключительно равнинной Кашгарии, сойка таримская (*Podoces Biddulphi*), хотя и не так совершенно приспособлена оперением к окружающей среде, но зато одарена сильно развитыми ногами, на которых замечательно быстро перемещается с места на место во время ловли насекомых. У туземцев она слывет под названием «улан-джюрго», т. е. рыжий иноходец.

Во время путешествия по Кашгарии с М. В. Певцовым я имел возможность познакомиться с этим видом. Здесь я привожу выписку из своего орнитологического журнала, веденного мною во время Тибетской экспедиции... «*Podoces Biddulphi* есть коренная обитательница низменной Кашгарии; предел ее распространения не заходит за 4500 футов абс. высоты. Гнездится в песках. В каменистые пустыни не залетает; там нередко ее заменяет сестрица — *Podoces Hendersoni*.

Мы встретили таримскую сойку в июне (1889 г.) на Яркенд-дарье, где эта птица держалась парами, как по кустам и деревьям тограка (тополя), так и по соседним холмам песчаной пустыни.

Сидя на возвышенных местах и заметив что-нибудь подозрительное, сойка начинает громко трещать, а затем перемещается на другое место, издавая на пути отдельные, более тихие звуки. Летает она невысоко над землей, скорее низко, и перемещается на небольшое расстояние; на ногах довольно подвижна и часто пробегает значительное пространство. Будучи подстрелена в крыло, почти всегда убегает от человека.

[1] Мензбир М. А. Птицы России, т. I, 1893, стр. 559.

Питается *Podoces Biddulphi* насекомыми, за исключением короткого зимнего времени.

По караванной дороге пустынная сойка встречалась довольно часто, где любит копаться в пыли. При приближении каравана убегает в сторону, причем много раз остановится то на бугорке, то за кустом, украдкой посматривая на проезжающих».

Местные охотники недолюбливают соек за их громкое трещание, когда приходится подкрадываться к зверю. Антилопа и хулан на предупредительный голос сойки всегда настораживаются и быстро убегают. Мясо соек туземцы употребляют как лекарство от многих болезней, но, кажется, главным образом от полового бессилия.

Восточная граница географического распространения *P. Biddulphi* проходит чрез озеро Хала-чи, вблизи оазиса Са-чжоу.

Кроме указанных птиц, на пути между оазисами мы встречали: хохлатого жаворонка (*Galerida magna*), чеккана пустынного (*Saxicola deserti*) и жаворонка рогатого (*Otocorys albigula*).

Оживленная дорога. Большая дорога, по которой мы следовали, скучна и монотонна, в особенности на длинных переходах. Постоянное движение туземцев на арбах, верхом и пешком, при отсутствии дождя и особенности грунта делают ее невыносимо пыльной. Тонкая минеральная пыль проникает всюду: животные то и дело чихают, люди также. Над большим караваном всегда поднимается облако пыли и еще издалека обнаруживает его движение.

Дневной жар. В летнее время здесь особенно жарко. Высоко стоящее солнце сильно накаляет в течение дня открытую поверхность. Прохладнее становится ночью, когда собственно и оживляется дорога путниками, но прохлада продолжается недолго. Как только поднимается солнце немного над горизонтом, оно начинает уже чувствительно жечь, и путник с нетерпением ожидает прибытия в оазис. На нашем пути лучшим оазисом был Янгисар.

На четвертый день по выступлении из Бугура мы прибыли в Курля, где остановились под гостеприимным кровом русскоподданного, сарта Хиллябаева.

Оазис Курля. «Оазис Курля,— по описанию М. В. Певцова [1],— принадлежащий также карашарскому округу, расположен по обоим берегам реки Конче. Он простирается до 12 верст в длину по течению реки и до 6 верст в ширину, занимая площадь около 50-ти квадратных верст. Дома в этом оазисе рассеяны очень редко и сложены, как во всех северных поселениях, из необожженного кирпича.

В оазисе Курле считается около 4000 жителей, в том числе до 3000 тур-

[1] Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции, ч. I. Путешествие по Восточному Туркестану, Куэнь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 годах. СПб., 1895, стр. 333—335.

кестанцев и 1000 дунган. Туркестанцы карашарского округа и всей Чжунгарии, называемые китайцами чанту, а коренными жителями западных округов — долонами, суть потомки ссыльнопоселенцев из различных местностей Западной Кашгарии, водворенных в этот округ и в Чжунгарию китайцами во второй половине XVIII столетия по уничтожении ими Чжунгарского царства и почти поголовном истреблении его жителей-калмыков. Чанту до настоящего времени отличаются несколько от них нравами, обычаями и одеждой. Так, например, женщины чанту, исключая набожных старух, не закрывают вовсе лица и свободно появляются везде в обществе мужчин. Кроме длинных халатов, они носят еще короткие, вроде кофт, а на головах высокие ермолки.

Дунгане, проживающие в небольшом числе в карашарском округе, суть эмигранты из Внутреннего Китая, переселившиеся в этот округ и соседнюю с ним Чжунгарию большею частью в последнее десятилетие. Старожилов же дунган, оставшихся в упомянутых странах от инсуррекции 1862—1877 годов, гораздо меньше.

В центральной части оазиса, на левом берегу реки Конче, расположена старая крепость. Внутри крепости находится базар, состоящий из длинной улицы с маленькими лавочками, принадлежащими большей частью дунганам, а остальное пространство занято домами и садами. К западу от крепости, на правом берегу Конче, построена китайцами цитадель, в которой в наше там пребывание помещалась ланцза китайских войск».

Ущелье реки Конче-дарьи. 26 августа на утренней заре мы покинули Курля; часом позднее, когда солнце успело осветить окрестность, наш маленький караван уже проходил весьма живописным ущельем Куруктага, прорываемым стремительным течением реки Конче. В этом ущелье находится мазар Калки с садом и домами шейхов, расположенный на левом берегу речки на междугорной площадке. «Местоположение мазара,— пишет М. В. Певцов [1],— окруженного красивыми горами, на быстрой реке, несущей свои воды крупными волнами, поистине очаровательное». По выходе из ущелья мы свернули с большой дороги, ведущей в г. Карашар, держа путь на северо-северо-запад. К вечеру достигли урочища Шикшин, которое орошается водою отводного рукава реки Хайдык-гола.

Урочище Шикшин и его обитатели. Означенное урочище протянулось с северо-запада на юго-восток. Длина его в этом направлении 40—50 верст, ширина же не более 20-ти. Население — калмыки, подчиненные хану. Численность их доходит до 1000 юрт, что составляет 11 сумунов (волостей). Всеми ими управляет старший зангин — Ергачике.

Калмыки возделывают землю; сеют пшеницу, ячмень, сорго, просо и горох. Все хлеба родятся довольно хорошо. Избыток урожая частью от-

[1] Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции, ч. 1. Путешествие по Восточному Туркестану, Куэнь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 годах. СПб., 1895, стр. 335.

правляют в Карашар, частью же сбывают местным китайцам, имеющим здесь водочный завод.

В западной части урочища, по берегам ручьев, стоят вековые караагачи (*Ulmus campestris*), среди которых виднелись заросли тала; как редкость выделялся на горизонте высокий серебристый тополь; между древесной растительностью блестели золотистым цветом заросли чия (*Lasiagrostis splendens*), в которых скрывался всадник с лошадью.

Описываемое урочище обитаемо круглый год. Осенью здесь стоят со своими стадами монголы, покинувшие Юлдусское плато. В соседней пустыне держатся харасульты (*Gazella subgutturosa*), порою забегающие на окраины богатой растительностью долины.

Долина реки Хайдык-гола. На следующий день, продолжая путь в прежнем направлении, мы через несколько часов поднялись на вершину каменистой гряды, откуда открылся вид на долину нижнего течения Хайдык-гола. Среди перемежающейся богатой древесной, кустарной и травянистой растительности группировались юрты калмыков, стойбища которых в густых зарослях чия обозначались струями дыма, поднимавшимися из их подвижных жилищ. Там и сям виднелись глиняные постройки. Далеко на северо-западе по стройным тополям и белевшим зданиям можно было различить ставку торгоутского хана.

Прибытие к экспедиции. Немного спустя мы вступили на берег знакомой нам реки Хайдык-гола. Ее воды неслись довольно быстро. Ширина Хайдык-гола в этом месте простирается до 50 сажен, а глубина около 2 сажен. Правый берег значительно возвышается над низменным левым, на который мы перебрались при помощи утлого челнока, позволившего сидеть только двум человекам при соблюдении строгого равновесия. Лошадей же пустили вплавь. Вблизи переправы я узнал от встречных торгоутов о месте расположения главного бивуака нашей экспедиции, а через час уже радостно пожимал руки своим товарищам.

Звери и птицы долины нижнего Хайдык-гола. Здесь, в нижнем течении Хайдык-гола, долина реки значительно расширилась: горы остались западнее. Благодаря достаточному орошению, долина нижнего Хайдык-гола покрыта пышной растительностью, которая, в свою очередь, привлекает многих животных. В высоких камышах живут во множестве кабаны, опустошавшие по ночам поля, засеянные кукурузой. Владельцы полей устраивали засады и вышки, на которых сторожили зверей, и оттуда стреляли по смелым кабанам. На более возвышенных местах укрывались волки, не менее дерзко нападавшие на баранов. Изредка можно было заметить лисицу и зайца. По вечерам кружили летучие мыши.

Птиц, которых здесь в это время насчитывалось до 50 видов, надо рассматривать по образу жизни; оседлые представляют меньшую часть, из которой характерными служат: таримский фазан (*Phasianus tarimensis*), ко-

торый севернее параллели Карашара уже не встречается, дятел (*Dendrocopus leucopterus*), голубь (*Columba oenas*), черная ворона (*Corvus corone*), синица усатая (*Panurus barbatus*); среди же гнездящихся укажем на перепелку (*Coturnix communis*), скворца (*Sturnus porphyronotus*), два вида чекана (*Saxicola*), чечевицу (*Carpodacus erythrinus*), варакушку (*Cyanecula suecica*), сорокопута (*Otomela isabellina*), славку (*Sylvia curruca*), плисицу (*Motacilla personata*), горихвостку (*Ruticilla rufiventris*), иволгу (*Oriolus kundoo*); а из пролетных: орлан-белохвост (*Haliaëtus albicilla*), стриж башенный (*Cypselus apus*), ласточка деревенская (*Hirundo rustica*) и горная (*Cotile rupestris*); кукушка (*Cuculus canorus*), полуночник (*Caprimulgus europaeus*), удод-пустошка (*Upupa epops*), улиты (*Totanus calidris, T. glottis, T. ochropus*), гусь серый (*Anser cinereus*), утка-кряква (*Anas boshas*) и баклан большой (*Phalacrocorax carbo*).

Следование с В. И. Роборовским. Первую треть сентября экспедиция следовала в полном составе по южной окраине гор, лежащих к северу от обширного озера Баграш-куля. Поднимаясь на вершины увалов, мы по временам видели это обширное озеро. Оно представлялось в виде серой мутной площади, не привлекавшей взор наблюдателя; подобное явление, конечно, обусловливалось массой тончайшей пыли, плававшей в воздухе и сокращавшей кругозор.

Придя в ущелье реки Нарин-Киргут-гол, экспедиция разбила свой бивуак на берегу живописного альпийского озера Нарин-Киргут-нора.

Озеро Нарин-Киргут-нор. Означенное озеро заполняет дно узкого, обставленного каменными боками, ущелья и простирается с севера на юг, на высоте около 6370 футов над уровнем моря.

К северу, откуда струились прозрачные воды реки того же названия, долина имеет мягкий характер; к югу, наоборот, заполнена массой больших и малых камней, обломками скал, наваленных в хаотическом беспорядке. Образование озера, по всему вероятию, надо приписать природному заграждению ущелья. Эта естественная плотина так низка, что при летних периодических поднятиях уровня озера воды его сливаются по крутому каменистому ложу, служащему продолжением ущелья.

Прелестный голубовато-зеленоватый цвет водной поверхности давал возможность различать дно на глубине 1 сажени и даже более вблизи западного берега, который, подобно южному, устлан грудами крупных обломков скал. Подальше от берега глубина озера так велика, что дна уже не видно. Только у северного берега, где река, питающая озеро, отлагает массу ила, оно значительно мельче. На скалистом восточном берегу резко выделяется древняя береговая черта. Во время нашего пребывания зеркальная поверхность озера окрашивалась на солнце во всевозможные цвета и, будучи обрамлена темными скалами, казалась очаровательной; по ней плавали бакланы, гагары и утки-нырки, охотясь за рыбой, которой, по словам торгоутов, довольно много в озере.

По временам на берегах озера останавливались и другие пролетные птицы, которые после временного отдыха направлялись к югу. В прибрежных кустах густого тальника, окаймляющего берега Нарин-Киргут-гола, ютились мелкие птички, спустившиеся с верхнего пояса гор; тут были: дрозд черногорлый (*Merula atrigularis*), синички малая (*Leptopoecile Sophiae*) и голубая (*Cyanistes cyanus*), крапивник (*Anorthura pallida*), горихвостка (*Ruticilla rufiventris*) и многие другие.

Бабочки в это время встречались только изредка; отсюда добыты в нашу коллекцию *Colias Erate* и *Satyrus Arethusa*.

Экскурсия на истоки реки Алго. Здесь пришлось вновь расстаться с главным караваном; на этот раз всего на несколько дней. В. И. Роборовский, следуя с верблюдами, придерживался более доступных гор; его маршрут в первой половине шел на восток, а затем круто на север; перевалив через главный хребет, он таким образом спустился в долину реки Алго. Я же, будучи налегке [1], пересек тот же хребет на меридиане описанного озера; кроме того, проехал на верховье реки Алго, познакомился с другим альпийским озером и направился снова вниз, к месту соединения с главным караваном.

Перехожу к более подробному рассказу о своей поездке.

11 сентября мы оставили одно из красивых мест, когда-либо занимаемых бивуаком, и вскоре разошлись по сторонам. Теперь меня сопровождали урядник Жаркой и местный торгоут в качестве проводника.

Ущелье Нарин-Киргут-гол. Ущелье Нарин-Киргут-гола, как и все ущелья южного склона исследуемых гор, обставлено узкими островершинными отрогами, отделяющимися от главной оси хребта. В нижнем и среднем поясах гор отроги, вследствие сухости воздуха, скудно прикрыты пустынной растительностью и производят удручающее впечатление. Но долины отличаются иным характером: по ним несутся быстрые речки, а местами бьют родники, в них живут земледельцы, а повыше пастухи со своими стадами. Пышные травы чередуются со множеством кустарников; тополевые рощи достигают значительных размеров и осеняют журчащую воду; разбросанно стоят столетние ильмы-великаны. На склонах, обращенных к северу, зеленели большие и малые еловые лески; по сторонам расстилались золотистым ковром осенние травы, которые в этой зоне часто виднелись и на полуденном скате.

Пройдя около 20 верст вверх по ущелью на север, мы прибыли к месту слияния двух речек, образующих Нарин-Киргут-гол. Главная течет с северо-запада; а второстепенная — Хархат-гол — прямо с севера. Долины обеих речек очень сходны, как по внешнему виду, так и растительностью. От слияния речек горы приняли более величественный вид. Больших и малых валунов, лежащих на дне, прибавилось значительно. Растительность уже заметно

[1] Караван состоял из одной вьючной и трех верховых лошадей.

стала беднеть по мере приближения к гребню хребта и наконец встречались одни лишь низкорослые кустарники (*Caragana*), покрывавшие сухие русла.

Климатические особенности гор. В виду белеющих вершин гор мы остановились ночевать. Погода неожиданно испортилась: быстро набежавшие с юго-запада облака окутали горы. Позднее загрохотал гром и посыпалась снежная крупа, к счастию, ненадолго: к 10 часам вечера прояснилось; временное затишье нарушалось порывистым ветром. Темно-голубой свод неба был замечательно чист и усыпан ярко блестящими звездами. Торжественная тишина царила в горах и не нарушалась журчанием застывших ручьев.

Утром кругом все было бело: совершенно зимняя картина. Какие быстрые переходы! Накануне, правда значительно ниже, мы ловили бабочек (*Parnassius Discobolus*), стреляли азиатских бекасов (*Gallinago stenura*), суслики резвились подле дороги, а наутро — зима, в палатке 2—3° С мороза [1]. Речка в тихих местах покрылась льдом, и чем выше, тем он был толще.

С нашим пробуждением проснулись и пернатые обитатели: металлическим звонким голосом пронесла свою песнь завирушка (*Accentor fulvescens*); с беспокойным криком пролетела над дремлющей рекой водяная оляпка (*Cinclus leucogaster*); высоко отозвалась клушица-грион (*Pyrrhocorax graculus*) громкому посвистыванию улара (*Megaloperdix himalayensis*); дозором полетел бородач-ягнятник...

Подъем на перевал Беергин-дабан. Подъем на перевал удовлетворительный, но крайне каменистый. Выпавший снег слегка облегчил наше движение. По снежной пороше отлично выделялись следы мелких грызунов и аргали. В 7 часов утра мы уже были на вершине Беергин-дабана, возвышающегося на 13 080 футов над уровнем моря.

Наш проводник с благоговением подошел к обо (священная груда камней) и, читая молитву, бросил камень к тем многочисленным осколкам разрушенных пород, из которых с давних времен образовалась высокая коническая сопка, увенчанная рогами зверей, лоскутками материй, палками и прочими приношениями странников.

Характеристика снегового хребта. Рассматриваемые горы от реки Хабцагай и далее к востоку имеют разнообразный характер. В западной своей части главная цепь — скалистый хребет — превышает снеговую линию, коротко и круто обрываясь к северу, и, наоборот, широко расплываясь к югу. Немного восточнее меридиана озер хребет уже лишен вечного снега и по мере удаления в ту же сторону постепенно понижается. Растительность его в западной части лучше, особенно на северном склоне. Восточная же, значительно менее высокая часть хребта, крайне бедна растительностью: еще более бедны горы Чоль-таг, к которым примыкают на востоке описываемые горы.

[1] На вершине же перевала термометр в тени показал —8,5° С, что при северном ветре было ощутительно.

Вид с его вершины. На севере, с перевала, представилась следующая картина: за холмистым плато, протянувшимся с запада на восток, виднелись снеговые хребты. Первый западнее и ближе, второй восточнее и дальше; на обоих лежал снег, но у последнего несколько восточнее чернели обнаженные вершины. В этом хребте среди снеговых гор, по словам проводника, находится перевал Шаргын-дабан, чрез который пролегает дорога в г. Урумчи. С него течет река Шаргын-гол — левый приток Алго.

Спуск с перевала. Спуск с перевала значительно труднее подъема, крут и в верхнем поясе хребта каменист, кроме того, на нем местами залегал глубокий (до 2 футов) снег. Вечные снега соседних вершин ярко блестели на солнце; их нижняя граница на северном склоне поднимается выше 12 500 футов над морем. Немного западнее Беергин-дабана красовались более величественные снеговые вершины. От подножья скалистой части хребта сбегал мягкий луг, перерезаемый довольно часто каменистыми руслами горных потоков. Общая крутизна северного склона так велика, что на 10-верстном расстоянии падение его превосходило 1 версту (4000 футов).

Спускаясь в долину реки Алго, мы увидели пасущийся скот, а немного позднее и дым, клубившийся из жилищ кочевников. Эти последние еще теснее группировались ниже по течению реки. К северо-западу холмистое луговое плато, изборожденное руслами периодических потоков, было совершенно свободно от кочевников.

Дальнейший наш путь продолжался в прежнем направлении, придерживаясь которого мы через 10 верст достигли озера, лежащего вблизи истоков Алго.

Озеро Кэшягин-нор. Озеро, или правильнее озера, так как их два, поднимаются над уровнем моря до 11 000 футов и расположены в середине плато. Большее имеет около 3 верст в окружности, а меньшее только 1 версту. Непосредственной связи между озерами не существует. Оба они лежат в открытой местности, растянуты с запада на восток и известны под одним общим названием Кэшягин-нор. Вода в них прозрачная и пресная. Южные берега озер немного выше, нежели северные; болот нет. У берегов они мелки; илистое дно покрыто водорослями.

На гладкой поверхности Кэшягин-нора держались пролетные птицы; тут были турпаны (*Casarca rutila*) и утки — кряква (*Anas boshas*), полуха (*Chaulelasmus streperus*) и шилохвост (*Dafila acuta*).

Вблизи к северу и к югу тянутся луговые увалы; по первому проходит хороший вьючный путь в долину Малого Юлдуса. Едва заметный перевал имеет общее название с озерами — Кэшягин-дабан.

Начало реки Алго. Немного восточнее озер залегает русло Алго. Эта река берет начало в снеговом хребте, который был виден с перевала Беергин-дабана, на севере. Верховье реки простирается с севера на юг и отличается большим падением. В осеннее время, когда мы здесь были, узкое каменное ложе ее было совершенно сухо, но ниже, по принятии справа реч-

ки Захсала-гол, оно наполняется водой и река Алго круто поворачивает на восток, обогащаясь в верхнем течении водами многих притоков, стремящихся в нее с соседнего южного хребта. Пройдя около 100 верст в восточном направлении, Алго теряется в пустынной равнине, но воды ее, судя по многочисленности керизов (подземных галерей) в низовье, достигают подземным путем обширной Токсунской котловины.

Животная жизнь: сурок и суслик. Животная жизнь в долине реки Алго бедна разнообразием форм, но зато богата количеством особей. Сурок (*Arctomys dichrous*) здесь имеет широкое распространение; холмистое плато повсюду изрыто его норами, но зверьки уже залегли на зимнюю спячку. В теплый солнечный день (12 сентября) мы наблюдали лишь один случай: зверек сидел у норы; с приближением нас сажен на 30, он исчез в свое жилище. Обычных звуков при этом он не издавал вовсе.

В то же самое время его сосед суслик (*Spermophylus Ewersmanni*), или, как называют его монголы, зурмун был еще довольно энергичен и, казалось, еще не собирался последовать примеру первого. Зурмун обитает в долинах Юлдусов, поднимаясь до устьев ущелий, а иногда и проникая в них. На верховье Алго мы имели возможность проследить его вертикальное распространение от 8 до 10 000 футов над уровнем моря.

Этот зверек местами держал себя крайне строго, местами, наоборот, крайне доверчиво. Издали завидев опасность, он быстро убегает; пушистый хвостик, точно лисий, несется на отлете. Если опасность близка, то суслик прячется в первое попавшееся логовище. Особенно интересны зурмуны, когда они, никем не беспокоимые, резвятся, гоняясь друг за другом, или просто перебегают от одной норы к другой. Много раз они поднимутся на задние лапки, столько же раз опустятся. Иногда даже забываешь, что это живые существа, когда описываемые зверьки подолгу безмолвно стоят в вертикальном положении.

Я только здесь, на Алго, впервые слышал голос суслика. Старый зурмун, к которому я подкрадывался, кричал довольно долго. Звуки лились звонко, отрывисто и под конец ускоренно, напоминая отчасти стрекотание сороки, отчасти щебетание дрозда.

Перед долгой спячкой зверьки запаслись жиром, подкожный слой которого был очень толст и затруднял тщательную препарировку шкурки. Торгоуты не употребляют в пищу мяса зурмуна, тогда как сурка едят охотно.

Заяц (*Lepus tolai*) здесь также встречается и, за неименением зарослей, прячется от преследований в сурковые норы. Более мелкие грызуны, но какие именно — заметить не удалось, обитают по берегам озер, где их многочисленные норки пробуравливают повсюду землю. Сравнительно реже можно встретить лисицу (*Canis vulpes*), волка (*Canis lupus*), аргали (*Ovis Polii*) и горного козла (*Capra sibirica*), преследуемых местными кочевниками.

Среди пернатого царства на плато Алго преобладали крупные хищники: беркут (*Aquila nobilis*), орел бурый (*Aquila nipalensis*), сарыч (*Buteo hemipti-*

lopus) и сокол (*Gennaia Hendersoni*); эти птицы успешно охотились на грызунов. Не менее характерным представителем описываемой местности служит жаворонок (*Otocorys Elwesi*). Высоко над соседними горами часто кружились в воздухе грифы: монах (*Vultur monachus*), белый (*Gyps himalayensis*) и бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*).

Долина реки Алго. Вся долина Алго простирается до 150 верст. Ее прозрачные воды несутся в глубокой и тесной долине. Последняя изобилует богатой растительностью и во многом напоминает долину реки Наринн-Киргут-гол.

На третий день нашего пути мы уже следовали к урочищу Ташагайн, где должны были присоединиться к экспедиции. На этом 20-верстном переходе долина круто падает к востоку и растительность ее улучшается, а река становится многоводнее. Достигнув названного урочища, мы расположились на нем бивуаком.

Поэтический вечер на острове. День стоял отличный, каким и начался с самого раннего утра, когда еще на востоке только зардела алая полоска зари, и звезды продолжали гореть, как бриллианты. Но вечер был еще восхитительнее на нашем бивуаке, среди зеленеющего острова, омываемого светлыми рукавами реки. Заря погасла; легли сумерки. Тихо всплыла луна и озарила окрестность, только горные ущелья выделялись своим мраком, а далекие снеговые горы, освещенные бледными лучами луны, сияли дивным матовым светом.

Соединение с караваном и приход в Токсун. На другой день прибыл главный караван и расположился на том же острове. Отсюда экспедиция проследила остальную часть долины Алго до выхода этой реки из гор, где последняя исчезает в недрах земли. С исчезновением воды исчезает и растительная жизнь. Путешественник вступает в дикую пустыню, производящую на него удручающее впечатление, но ненадолго. Неприклонная воля человека вывела воду снова на дневную поверхность посредством подземных галерей (керизов), и она, появившись на свет, орошает цепь оазисов. Достигнув селения Токсуна, экспедиция остановилась в нем на несколько дней, чтобы отдохнуть немного и обсудить план дальнейших исследований.

Глава третья

ОАЗИС КЫЗЫЛ-СЫНЫР И ОКРЕСТНАЯ ПУСТЫНЯ

Пребывание в Токсуне. С приходом в Турфанский округ первый период нашего путешествия мог считаться оконченным. Тянь-шань, в котором мы пробыли более трех месяцев, остался позади. Несмотря на свою большую высоту и близость, Небесные горы с их величественным массивом Богдо и другими снеговыми вершинами, лежащими на меридиане г. Турфа-

на, очень редко открывались взору наблюдателя, да то лишь мутным силуэтом... У подножья этих снеговых гор залегает «исполинским желобом», как метко выразился В. А. Обручев[1], отрицательная низменность Турфана, простирающаяся с запада к востоку до 150 верст, а с севера к югу около 50 верст. Приблизительно в средней части Люкчюнской котловины находится соленое озеро Боджантэ, поверхность которого лежит на 320 футов ниже уровня моря. К югу возвышается пустынный хребет Чоль-таг, который европейские путешественники пересекали только по большим дорогам, за исключением смелой попытки одного из братьев Грум-Гржимайло, проникшего через Чоль-таг, по весьма пустынной местности, к югу от селения Дыгай. Громадный же район этой дикой пустыни к югу, до Лоб-нора, и юго-востоку, до Са-чжоу, все еще оставался загадочным[2] и ждал исследователей. В Токсуне, где экспедиция расположилась лагерем на месте бивуака М. В. Певцова, нас встретили сверх ожидания крайне любезно. И китайский чиновник, и правитель (ближайший) мусульман на все наши просьбы ответили полной готовностью. Нескольких дней было достаточно, чтобы затем экспедиция могла разделиться на три эшелона, имея при каждом проводника-туземца, а при одном — и наемных лошадей.

Среди приготовлений к отъезду и расспросов о соседней стране я по утрам и вечерам посещал ближайшее болото. Тут мне приходилось каждый раз занести что-либо интересное в наблюдения осеннего пролета птиц, а иногда и пополнить список орнитологической коллекции. Из пролетных птиц, не замеченных ранее, здесь были: утка чиранка (*Querquedula crecca*), нырки (*Fuligula rufina, F. ferruginea*), гусь серый (*Anser cinereus*), чибис (*Vanellus vulgaris*), песочники (*Tringa alpina, T. Temminckii*), бекас (*Gallinago gallinago*), гаршнеп (*Gallinago gallinula*) и ржанки (*Charadrius fulvus*)[3], которые прибывали ежедневно и ежедневно же к вечеру пускались в далекий путь. В одну из своих экскурсий, подле фанз туземцев, я встретил лисицу, тотчас скрывшуюся в кукурузе. Еще смелее здесь волки, которые по ночам заходят на бакчи и поедают лучшие дыни.

Разделение отряда. Утром 30 сентября одновременно из одного пункта разошлись члены экспедиции. Главный караван последовал большой дорогой в Люкчюн под наблюдением В. Ф. Ладыгина. В легкие экскурсии направились В. И. Роборовский и я. Первый по дну интересной котловины к Люкчюну; на меня же выпал заманчивый рейс к югу в Кызыл-сыныр. Мой караван состоял из двух вьючных верблюдов и трех верховых лошадей. Продовольствием для себя и фуражом для животных запаслись вдоволь.

---

[1] В. А. Обручев. Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины. Перепечатано из т. 31 «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1895, стр. 43.

[2] Как и другой район той же пустыни, о котором будет в своем месте трактовать В. И. Роборовский.

[3] Другая ржанка (*C. pluvialis*) была замечена только однажды и одинокой.

Ущелье Чоль-тага. Первые два дня мы шли по большой карашарской дороге, где последняя сначала пролегает по песчано-галечному, покатому от гор саю [1], затем вступает в ущелье Чоль-тага. По мере нашего движения к югу, ущелье принимало все более и более дикий и угрюмый вид теснины, в которую редко попадают солнечные лучи, а слабый звук повторяется громким эхо. Местами теснина прихотливо извивается, обнаженные утесы спускаются отвесно; по каменистому, круто падающему дну залегают огромные каменные глыбы — все это придает ему оригинальную дикость, которую оживляют несколько лишь мирные путники, движущиеся по временам в ту и другую сторону.

Это ущелье почти совершенно бесплодно и воды в нем очень мало. Приютившийся под скалой китайский почтовый пикет отпускает дрова на вес, а фураж — по баснословной цене. Опытные путники стараются по возможности запастись всем из дома, но тем самым обременяют животных, которые нередко от непосильных тяжестей и скудного корма устилают своими скелетами этот пустынный путь. Во время нашего следования на свежем трупе лошади пировало общество черных и белых грифов. Эти могучие пернатые освоились с проезжими настолько, что мало обращали внимания на нас.

Выше почтового пикета Ага-булака дорога выходит из высоких скалистых массивов, поднимаясь на плоский гребень хребта. Отсюда открывается довольно широкий горизонт к югу, хотя местность несет тот же пустынный характер. Миновав пикет Узымедянь, мы оставили большую дорогу и направились к югу по мягкому полуденному предгорью Чоль-тага, где и остановились на ночлег. Южный весьма пологий и холмистый склон Чоль-тага слагается из кварцево-слюдяного сланца (биотитового), красного аплита и прослоек, или прожилок, кварца между преобладающим сланцем.

Долина Кумушин-тузе. На следующий день мы быстро двигались в полуденном направлении по отлогому южному склону Чоль-тага, усеянному низкими холмами, а потом вступили в пустынную долину, залегающую между хребтами Чоль-тагом и Караксылом. Последний простирается тоже с запада на восток, но уступает первому в высоте и оканчивается к востоку от нашего пути на пустынной равнине. В помянутой междугорной долине сохранились следы высохшего озера Кумуши [2], в местности, носящей ныне название «Кумушин-тузе» [3]. На северной и в особенности на южной окраине Кумушин-тузе тянутся песчаные холмы с мертвым, а местами и живым тамариском. На более низменных местах долины встречается камыш, солянки и саксаул. Эти заросли иногда перемежаются сплошными оголенными солончаками [4], кажущимися издали озерами.

[1] Саем туземцы называют каменистые, бесплодные равнины.

[2] В. М. Успенский. О бассейне Лоб-нора. Извлечение из китайского сочинения под заглавием «Си-юй-шуй-дао-цзи».— Записки Русского геогр. об-ва по отделению этнографии, т. 6, СПб., 1880, стр. 149.

[3] Тузе или туз — долина.

[4] В которых довольно часто виднелись гипсовые конкреции.

Мы остановились на колодце Шор-булаке, у северного подножья хребта Караксыла. Здесь вода находится на глубине с лишком 1 сажени. В окрестностях держались антилопы (*Gazella subgutturosa*), зайцы и мелкие грызуны. Из птиц в числе мелких пролетных замечены коренные обитатели — полевой воробей (*Passer montanus*) и усатая синица (*Panurus barbatus*).

Ночью в долине моросил дождь, а на вершинах соседних гор выпал снег. Утром было довольно свежо, ясно и прозрачно, так как пыль спустилась на землю. Вся долина и окаймляющие ее горы были видны отлично. В восточной своей части хребет Карасыл круто обрывается, переходя в широкую плоскую возвышенность, обнаруживающую у подножья северного склона белый мелкозернистый, а у южного — буро-красный мелкокристаллический известняк; вершины же возвышенности состоят из кварцево-хлоритово-глинистого сланца.

Развалины. У северного подножья того же хребта поднимается высокая (до 300 футов) и длинная (до 10 верст) гряда мелкого песка, среди которого виднеются отлично сохранившиеся стены каменных и глиняных построек. Истории этих развалин проводник объяснить не умел. Судя же по тем старинным городам, которые мы видели в Турфанском округе, они относятся ко времени правления этой страной знаменитого Дакиянуса и существования Асса-шари (Люкчюнская котловина).

Хребты и междугорные долины. Обогнув хребет Караксыл, оканчивающийся на востоке несколькими отпрысками, мы вступили в следующую долину, носящую название Караксыл-тузе. С юга чрез 20 верст она преграждалась темным хребтом Игэрчи-тагом, а к востоку и западу скрывалась за горизонт. На всем поперечном пути она поражает своим бесплодием и отсутствием животной жизни. Лишь изредка торчали жалкие кусты эфедры. Монотонность и абсолютная тишина крайне утомляют путника. Ждешь не дождешься подъема на впереди лежащие горы, чтобы с них увидеть новый ландшафт. Наконец, мы достигли перевала через хребет Игэрчи-таг и поднялись почти незаметно на его вершину, с которой открылась пред нами на юге равнина, покрытая порядочной растительностью и именуемая Тунгуз-лык, где держатся в изобилии кабаны. Абсолютная высота перевала около 5000 футов. Гребень хребта значительно приподнят и почти повсюду одинаково зазубрен. На востоке хребет Игэрчи-таг оканчивается вблизи, к западу же он уходит далеко. Названный хребет слагается из известняка (серо-бурый мелкозернистый); на одном образчике его видны отпечатки мшанки (Bryozoa). На северном склоне его довольно много гипса (кристаллический, пластинчатый).

Спустившись с Угэрчи-тага и миновав маленький рядом лежащий кряж, мы достигли урочища Гэнсохоло. Оно орошено источником, протекающим на протяжении 3 верст. Орошенное место было покрыто пожелтевшим камышом, тамариском, или гребенщиком, и отдельными деревьями тополя. На возвышенном берегу устроена большая печь, в которой раньше дунгане

выжигали свинцовую руду. Чрез это урочище проходит дорога в селение Ушак-таль.

Делая большие переходы, не замечаешь как быстро приближается вечер, тем более в местах пересеченных. Пока еще солнце находится над горизонтом — светло, чуть же спрячется за вершину гребня — быстро наступают сумерки и загорается заря, а потом вскоре покажутся планеты и звезды. Еще позднее на западной, озаренной части небосклона выделятся темные зубцы хребтов. Кругом тихо, однако; лишь одни легкие газели, украдкой пробираясь на водопой, мелькают, как тени...

Ночь была холодная, тихая; наутро термометр показал — 7° С. Мы направились в путь с рассветом. На юге долина Гэсохоло также замыкается расчлененным кряжем Кизил-тагом. Общий характер этого последнего сходен с вышеописанными; на северо-западе он высок, по мере же простирания на юго-восток заметно понижается. Этот хребет слагается из кварца с хлоритом, лежащими на гранито-гнейсе (биотитовый).

Вид с мягкого перевала этого хребта вдаль, на юго-запад прекрасен: через расстилавшуюся долину виднелась в Курук-тагской цепи высокая группа гор Чарайлык-таг, или, как монголы говорят, Сайхэн-ула [1]. Западнее этой группы чернели вершины дугою протянувшегося хребта Курук-тага.

У р о ч и щ е П о д ж ю н з а. Следуя почти прямо на юг, мы чрез 12 верст достигли урочища Поджюнза, лежащего в долине того же названия. Здесь на илистой почве находились пашни дунганской партии, работавшей на соседнем свинцовом руднике. Кроме того, встретили одну семью кочующих торгоутов из окрестностей озера Баграш-куля. Среди долины Поджюнза возвышается небольшая группа гор [2], у подножья которой струятся источники, орошающие растительную полосу до 5 верст длиною. Во время летних дождей здешние воды достигают соседних болот Тунгуз-лык. На левом возвышенном берегу одного из источников до сих пор сохранились стены небольшого укрепления; по словам туземцев, постройка эта существует с незапамятных времен. Были также и фанзы (дома) в долине того же источника, но они унесены водой. Невдалеке к югу находятся четыре старинные могилы. Преграждаясь с запада и востока низкими кряжами и отдельными высотами, долина Поджюнза замыкается на юге главным хребтом Курук-тага.

Г о р ы Ч а р а й л ы к - т а г. В этом весьма плоском хребте резко выделяется высокая группа тесно сплоченных гор Чарайлык-таг, которая представляется издали высоким кряжем, насажденным на плоском хребте Курук-таге, как на пьедестале. По словам туземцев, у подножий этой группы есть источники и пастбища, на которых стоят зимой торгоуты; склоны же ее столь круты, что не только люди, но и звери не могут взбираться по ним. Номады приписывают горам всевозможные сверхестественные явления; так,

[1] Оба названия означают: красивый, хороший.

[2] Состоящая из красного сланца (кварцево-глинистый); выходы по берегам источников богаты песчаником (железисто-глинистый, мелкозернистый, темно-красный).

например, монголы будто бы часто слышат в них раскаты грома, пальбу из пушек, звон колоколов, музыку, пение и пр. Вместе с тем эти горы и священны для буддистов: некий святой, согласно преданию, поднялся на вершину недоступной для простых смертных Сайхэн-ула, устроил там обо, помолился и исчез... Другие думают, что святой остался в горах и что периодически встает и совершает молитву, сопровождающуся теми странными звуками, которые и слышат ближайшие кочевники.

Свинцовый прииск. Из урочища Поджюнза мы направились к юго-востоку и прибыли на свинцовый прииск, который находится в предгорьях северного склона хребта Курук-тага и носит название Кант-булак. Всего работало на прииске 6 человек дунган, которые его открыли лет 15 тому назад. Некоторые же говорят, что рудники эти весьма древние, но долго стояли заброшенными. Как бы то ни было, образцы свинцовой руды в недавнее время были доставлены генерал-губернатору в Урумчи, который признал нужным взять прииск в казну. Вольнонаемным рабочим на прииске, дунганам, назначено жалованье по 3 лана серебра в месяц и казенный паек. Жилищем рудокопам служат плохо сложенные из камня хижины.

Собственно добывание свинцовой руды производится среди невысоких волнистых горок, район которых простирается до 10 верст в окружности. Добывают руду двояким способом: или с поверхности, где уже производились работы раньше, или же углубляясь между ращелинами скал. Шахты встречаются различной глубины: от 5 до 100 и более сажен. По словам рабочих, добыча идет успешнее по мере углубления вниз, но там нередко является большое затруднение от воды. Я видел результат работ за истекшее лето; он не превышал 50 пудов свинцовой руды. Продукт этот состоял из кусков свинчака и свинцового блеска вместе, или одного только свинцового блеска с примесью желтой охры и известкового шпата, добываемого с большей глубины, или тоже одного свинчака в слюдисто-кварцево-глинистом сланце, находимом на поверхности. Из добытой на прииске массы, которую мне показали, по заключению рабочих, в среднем получится чистого свинца около 5 пудов. Ежегодно, осенью, сюда приезжает китайский чиновник из Урумчи. В его присутствии, в течение одной недели, пережигается вся руда. Дрова для печей употребляют главным образом саксаульные.

Через означенный прииск с давних времен пролегает дорога из Токсуна в страну «Лоб». Вследствие сильной расчлененности Курук-тагской системы, через эти горы, или правильнее среди гор, удобно пройти без подъемов и спусков. Тропинка извивается между горами и выходит на новый путь, проторенный сравнительно недавно из Кызыл-сыныра.

Оазис Кызыл-сыныр и его обитатели. На другой день, следуя к востоку вдоль подножья отдельного высокого кряжа, тянущегося параллельно Курук-тагу, мы достигли, наконец, поселения Кызыл-сыныра [1]. Зеленоватые деревья джигды (*Elaeagnus*), осенявшие глиняный дом, видне-

[1] В переводе — красная жила.

лись издалека среди обнаженных холмов. Этот маленький оазис отстоит от Токсуна на 230 верст почти прямо на юг и находится на высоте около 4980 футов над уровнем моря.

Недавнее прошлое Кызыл-сыныра было передано нам так: 45 лет тому назад один люкчюнский охотник, Юсуп-Сольджи, преследуя зверей в горах, случайно встретил зеленеющий уголок. Прожив здесь несколько дней, в течение которых добыл много зверей, он решил остаться в этом оазисе навсегда. Семью и все свое достояние, которое заключалось в двух ишаках (ослах) и домашнем скарбе, он перевез из города. Затем, успешно охотясь и усердно обрабатывая землю, пионер зажил привольно. Вскоре о нем проведали китайцы. К удаленной колонии отнеслись благосклонно; когда же Юсуп-Сольджи отыскал прямую дорогу из Турфана на Лоб-нор, его даже поощрили наградой. Таким образом этот пустынный уголок связался путями с Люкчюном, Турфаном и Токсуном. Через него пролегала и древняя дорога в г. Са-чжоу. На половину расстояния до этого города охотники (дети нынешнего обитателя Ахмед-Палгана, приехавшего сюда еще 9-летним мальчиком) углублялись во время охоты за дикими верблюдами, но дальше не были. Известно также, что южнее этого пути залегает кормная долина, но туда они не доходили. Там пока сохранился недоступный уголок — гнездо диких верблюдов.

Занимая такое удобное географическое положение, Кызыл-сыныр вскоре сделался известен всем туземцам, следовавшим из Турфана в страну Лоб.

В наше там пребывание (1893 г.) Ахмед-Палган казался уже стариком, но бодрым; ему было 54 года. Семья его состояла из четырех сыновей и стольких же дочерей. Единственное занятие мужчин в свободное время — охота. К ней сыновья пристрастны и отлично приучены. Уже 12-летний мальчик и тот имеет голос в кругу охотников: умело рассуждает о привычках зверя и особенно живо рассказывает о своих удачах и неудачах. Более взрослые уже принимают участие в поездках за дикими верблюдами, причем удаляются на 10 дней пути в пустыню.

Семья помещается в одной довольно обширной фанзе, весьма приличной по своему внешнему виду; рядом с ней другая — исключительно для проезжающих. Несколько поодаль на возвышении стоит маленькая мечеть, где вместе с зарею возносится моление к аллаху. Глава семьи Ахмед, он же и мулла, отправляет все требы.

К жилым постройкам прилегает огород, в котором по сторонам красуются высокие развесистые деревья. Глиняные стены огорода и некоторые деревья обвиты повиликой. В огороде хорошо родятся кукуруза, китайская капуста, морковь, дыни и тыквы; вблизи стен виднелись подсадки персиковых деревьев. Рядом с огородом тянутся пашни (на сером суглинке). Ежегодно засевается пшеницы и ячменя около 50 пудов. Средний урожай самдесять. Пашни орошаются водой, собранной из ключей в один пруд, который при надобности открывается и наполняет оросительные канавы. Непосредственно из того же пруда идет арык к мельнице. Сеют обыкновен-

но в марте и апреле; жатва начинается с августа. Морозы помехой не бывают. Вообще здесь климат прекрасный во всех отношениях, и старику Ахмед-Палгану с его многочисленной семьей живется привольно. Из домашних животных он владеет 15 верблюдами, таким же количеством рогатого скота, двумя лошадьми, 150 баранами и десятком ишаков.

Флора и фауна. В окрестностях Кызыл-сыныра встречаются большие и малые заросли тограка (*Populus diversifolia*), саксаула (*Haloxylon ammodendron*); оба эти дерева сильно истребляются на прииске; целые участки тополевого леса местами подрублены у корня и лежат в беспорядке — это способ просушки горючего материала. Кроме указанных древесных пород, здесь можно встретить гребенщик (*Tamarix laxa*), ягодный хвойник (*Ephedra vulgaris*); из травянистых же довольно обыкновенны: солодка (*Glycyrrhiza uralensis*), камыш (*Phragmites communis*), кендырь (*Apocynum venetum*), изредка даже дэрэсун (*Lasiagrostis splendens*) и др.

Из млекопитающих в окрестных горах изредка встречаются: барс, рысь, волк, лисица, заяц и более мелкие грызуны; из жвачных же аргали (*Ovis Polii*), дикий верблюд (*Camelus bactrianus ferus*) и антилопа харасульта (*Gazella subgutturosa*).

Птицы замечены следующие: сокол-дербник (*Aesalon regulus*), лунь полевой (*Circus cyaneus*), ворон черный (*Corvus corax*), клушица-грион (*Pyrrhocorax graculus*), сорока (*Pica pica leucoptera*), сойка (*Podoces Hendersoni*), дрозд черногорлый (*Merula atrigularis*), овсянки (*Emberiza Godlewskii, Cynchramus schoeniclus*), жаворонки (*Galerida magna, Alaudula cheleënsis* и *Otocorys albigula*), вьюрок (*Fringilla montifringilla*), чечетки (*Linota brevirostris, Serinus pusillus*), щеврица (*Anthus* sp.), усатая синица (*Panurus barbatus*), синичка пустынная (*Leptopoecile Sophiae*), воробей полевой (*Passer montanus*), голубь (*Columba oenas*) и кэкэлики (*Caccabis chukar*). Последние содержались местным обитателем в прирученном состоянии. Птицы эти крайне доверчивы и скоро осваиваются в новой обстановке. Впрочем, новая и старая здесь, среди родных скал, очень близки, и птица без труда переходит от одной к другой. Я всегда любил кэкэликов за их красивое оперение, оригинальность и некоторое напоминание о домашней курице, которую здесь они и заменяют. В теплые солнечные дни кэкэлики, отпущенные на прогулку, сначала радостно разбегались в стороны, затем успокаивались и начинали кормиться; позднее прилегали на песчаный бугор, тщательно зарываясь в пыли. Вечером они сами возвращались к будке, где проводили ночь.

На соседнем пруду плавали утки — шилохвост (*Dafila acuta*) и полуха (*Chaulelasmus streperus*). По словам кызыл-сынырцев, весною и осенью пролетные странники нередко останавливаются в здешнем оазисе, причем мелкие птички проводят по много дней кряду, а некоторые остаются на все время брачного периода.

Путь к Люкчюну. Два с половиною дня мы прожили в Кызыл-сыныре. Почтенная семья старика к нам относилась доверчиво. Сами мы

отдохнули порядочно; животные наши также. Запасшись всем необходимым в дороге, мы 9 октября, еще задолго до восхода солнца, выступили в путь по направлению к Люкчюну. Утро было ясное, тихое. На горизонте висела пыльная завеса. Высоко над Кызыл-сыныром пронеслась углом стая диких уток; среди полной тишины резкие звуки их полета слышались далеко в синеве неба.

Наш путь лежал на северо-восток. Вскоре по выходе из Кызыл-сыныра мы вступили на волнистую возвышенность. На ее холмах там и сям рисовались силуэты робких харасульт. Возвышенность сменилась долиной, которую с севера окаймляли низкие отдельные кряжи и плоские возвышенности, подобные встреченным в передний путь западнее. На востоке невдалеке горизонт также замыкался волнистой местностью. Верхний пояс здешних гор состоит из светло-красного аплита, средний — из белого, превращенного в щебень и дресву; предгорья же слагаются из выветревшего песчаника и очень тонкого светло-серого ила. У подножья нескольких сплоченных кряжей есть колодезь [1], выкопанный неким беком, именем которого — Паса-бекын-булак — и называется. Подле колодца стояло несколько стеблей камыша.

Местность на пути к Люкчюну отличалась таким же пустынным характером, как и на дороге из Токсуна в Кызыл-сыныр; мало изменился и рельеф ее. Необъятная пустынная равнина во многих местах покрыта низкими отдельными горами, кряжами и плоскими высотами с преобладающим восточно — западным направлением. Только на параллели долины Кумушинтузе, пересеченной нами западнее в передний путь, перед нами предстала обширная равнина, покрытая лишь кое-где мелкими сопками. На этой равнине дорога разделилась на две ветви — в Турфан и Люкчюн. Последняя круто поворачивает к северо-востоку и, минуя песчаные холмы и обширные солончаки, приводит на озерко Узун-булак [2].

У з у н - б у л а к. Это урочище находится посредине долины, на высоте 2500 футов, выделяясь густой золотистой полосой растительности. Озерная вода пресыщена солью, но выбегающий севернее источник, который собственно и поддерживает озерко, содержит порядочную воду. На озерке держались запоздалые пролетные утки: кряква (*Anas boshas*), полуха (*Chaulelasmus streperus*), чиранка (*Querquedula crecca*), нырок красноносый (*Filigula rufina*). В камышах слышалось звонкое трещание усатой синицы (*Panurus barbatus*). Вблизи по берегам доверчиво перелетали с одного куста гребенщика на другой горихвостка (*Ruticilla rufiventris*) и чеккан (*Saxicola*); маленькие жаворонки (*Alaudula cheeleënsis*) — здешние коренные обитатели — издавали свои тонкие звуки. Ранним вечером кружились летучие мыши, а поздним, в полной тиши, пронеслось в воздухе дикое завывание сперва одного, а затем и нескольких волков. Чем позднее, тем звуки стали чаще нарушать безмолвие. После нескольких выстрелов, в привет непрошенным

[1] С горько-соленой водой.

[2] Далекий ключ [правильнее — длинный].

гостям, концерт окончился. Но перед рассветом он снова повторился в двух противоположных концах урочища и послужил нам сигналом к пробуждению...

Характеристика нового пересечения Чоль-тага. Перед нами на севере залегал хребет Чоль-таг, ширина которого по этой дороге простирается до 50 верст. Южный склон его очень отлог и длинен. Он покрыт холмами и отдельными кряжами, преимущественно восточно — западного направления. Северный же скат его, обращенный к Турфанской котловине, несравненно круче и короче [1].

Геологическое строение. Окраина южного склона Чоль-тага богата кварцем, а средняя полоса его — кварцево-известковым сланцем и белым мрамором (кристаллический известняк); ближе к гребню залегают снова известковые же сланцы. Ядро же этого хребта слагается из диорита, диабаза и порфирита. На северном склоне залегает грязно-белый серицитовый сланец, а вблизи Люкчюнской котловины известково-глинистый сланец и обыкновенный известняк. Поверхностный слой междугорных долин состоит из щебня и дресвы различных пород, преимущественно гранита, диабаза и порфирита. По глубокому руслу, прорезающему северный склон Чоль-тага, стоят высокие обрывы (ярдан) лёсса; там на урочище Сумук, у сланцевых стен, туземцы проездом добывают какое-то красящее вещество, предохраняющее ткани от промокаемости и скорой порчи.

Трудность пути. На стоверстном переходе, от Узун-булака до Татлык-булака в Люкчюнской котловине, тянется мертвая пустыня, доступная для движения только осенью и зимой. Летом поверхность ее накаляется до невероятия. Во время нашего следования, 11 октября, в 1 час дня в тени термометр показывал +20° С. Было совершенно тихо. Мы ехали в летнем платье. Далеких окрестностей не было видно; почти все время мы то поднимались на вершины отдельных кряжей и высот, то спускались в долины между ними. Только посредине этой печальной местности залегала обширная долина, в которой было несколько бугров с гребенщиком и маленькая площадь камыша. Вода встречалась лишь в виде соляного раствора. Тем не менее путники, одолев половину безводного перехода, остаются ночевать. Трудность этой дороги весьма ощутительна для лошадей. Их копыта постоянно ударялись о гранитный щебень и дресву. Да и остановки без воды на камыше и гребенщике не особенно приятны; впрочем, в здешнем мертвом уголке и это рай!

Долина Юлгун-тузе, залегающая на южном склоне Чоль-тага, в которой мы имели последний ночлег, будучи оцеплена горами, представляет замкнутую площадь до 20 верст длины и 12 ширины. Общее падение этой долины — на северо-восток. Отсюда на переход в Люкчюнскую котловину мы истратили весь день — от зари до зари. И здесь местность отличалась мерт-

[1] Высшая точка перевала через Чоль-таг по этой дороге 4200 футов.

вым характером. Повсюду царила могильная тишина, и только одни высохшие трупы павших животных служат немыми свидетелями трудности этого пути!..

Вид на Люкчюнскую котловину. С гребня Чоль-тага мы увидели Люкчюнскую котловину. Она расстилалась перед нами точно море, поверхность которого представлялась двоякой: темной и белой. Над этим уходящим вдаль морем стоял туман... На самом же деле, как выяснилось при дальнейшем движении, темная часть оказалась холмами, светлая — солончаками. Туман происходил от тончайшей пыли, заволакивавшей горизонт. Вблизи северного подножья Чоль-тага залегают песчано-галечные дюны древнего внутреннего моря, за дюнами простирается покатая к северу каменистая равнина, а за нею уродливо изрытая солончаковая поверхность, на которой местами разбросаны соленые озерки, окаймленные ярко-зеленым камышом. А вот, наконец, и колодец Татлык-булак [1]. Томимые сильной жаждой, наши животные неудержимо рвались к живительному источнику, который, впрочем, далеко не оправдал своего лестного названия.

В котловине, лежащей ниже уровня океана, было заметно теплее. Приятная прохлада ночи нас скоро усыпила. Чуть забрезжила заря, наш старый знакомый хохлатый жаворонок (*Galerida magna*) приветствовал нас своею звонкой песней.

Утром, выбравшись из застывших солончаков, в виду развалин Ассашари, мы поспешно двинулись вперед. На севере стали появляться признаки оазиса, а часом позднее мы уже прибыли к месту расположения экспедиции [2], где В. И. Роборовский энергично вел подготовительные работы по устройству метеорологической станции.

Снаряжение в далекую экскурсию. Мое двухнедельное пребывание в пустыне, знакомство с ее лучшим оазисом Кызыл-сыныром и дружеское отношение его обитателей, изъявивших и в будущем полную готовность сопровождать меня в окрестности, позволяли надеяться на осуществление дальней экскурсии, о которой незадолго перед тем мы могли строить лишь смелые предположения. Теперь же окончательно решено было: пройти в Кызыл-сыныр третьим, турфанским, путем и, устроив там склад, съездить налегке в направлении к Са-чжоу (Дунь-хуан), затем, вернувшись в оазис, двинуться в страну Лоб и через озеро Лоб-нор и знаменитые пески Кум-таг направиться в Са-чжоу, тогда как главный караван имел намерение идти туда юго-восточным путем, минуя оазис Хами. Начальник экспедиции В. И. Роборовский отнесся с живейшим сочувствием к моей новой экскурсии и пожелал ей полного успеха.

Нивелировка Люкчюнской котловины, устройство метеорологической станции и снаряжение двух караванов задержали экспедицию в оазисе Люкчюне до 15 ноября. В этот день я выступил в путь. Мой караван состоял из

[1] Татлык — в переводе сладкий, пресный.
[2] Кериз Бишио-ахуна.

пяти вьючных верблюдов и трех верховых лошадей. Меня сопровождали: старший урядник Батма Баинов, препаратор Курилович и проводник. В выборе последнего, на этот раз, я был далеко не счастлив.

С экспедиционной семьей пришлось расстаться на два с лишком месяца, а с урядником Шестаковым, оставленным на метеорологической станции в Люкчюне, на два года. Напутствуемые самыми лучшими пожеланиями, мы в 10 часов утра направились в дальнюю дорогу. Первоначальный путь пролегал среди ферм местных жителей к западу, затем вышел в открытую котловину, поросшую камышом, кустами гребенщика и ягодного хвойника.

Путь котловиной. В этой местности мы встретили здешнего «вана» Мамуд-султана, развлекавшегося охотой. С ним была многочисленная свита; кроме ружей, у охотников имелись беркуты и собаки, с которыми они преследовали харасульт и лисиц. Простившись любезно с правителем мусульман, мы продолжали путь уже по обнаженной солончаковой котловине.

На другой день мы достигли реки Даван-чин-су, впадающей в озеро Боджантэ, но не могли переправиться на левый берег ее, так как эта река, не истощаемая осенью арыками, была многоводна и по ней шла шуга. Подвергать опасности верблюдов, от которых в значительной степени зависел успех предприятия, было нежелательно, а потому я решился обойти озеро Боджантэ с востока.

Таким образом, мы снова прошли мимо развалин Асса-шари и среди неровных солончаков, а затем, следуя по покатой от Чоль-тага равнине, могли короче познакомиться с окраиной каменистой пустыни. Здесь поверхностный слой состоял из обломков горных пород [1], отшлифованных и обточенных песком, переносимым ветром. Ближе к подножью Чоль-тага залегали дюны, состоящие из глинистого песка, гравия и щебня.

Дальнейшее наше следование продолжалось вдоль границы каменистого вала и солончаков — берегом отступившего внутреннего моря [2]. Здесь ясно видны следы заливов и мысов этого моря.

Бегство проводника. Достигнув намеченного урочища с другой стороны и будучи введен в заблуждение восточным колодцем и массой дорог, проложенных туземцами, наш проводник совершенно растерялся и бежал. Переночевав в пустыне, утром я командировал Баинова в управление люкчюнского вана, чтобы заявить о случившемся и просить о замене беглеца надежным человеком, сам же направился с караваном на ближайшую станцию Боджантэ-тура, и вскоре разыскал колодец и дорогу. До приезда же Баинова [3] животные успели хорошо отдохнуть на порядочном корме.

---

[1] Туф порфиритовый, туф порфировый, порфирит и песчанистый розовый известняк.

[2] Остаток соленых вод в виде озера Боджантэ сохраняется и теперь. О нем упоминалось выше. Река Даван-чин-су, через которую нам не удалось переправиться, периодически питает это озеро.

[3] Который в точности исполнил возложенное на него поручение.

Ранним утром (24 ноября) мы снова выступили в путь, по направлению к югу. И здесь местность представляет такую же неутешительную картину, какие я уже встречал при следовании по токсунской и люкчюнской дорогам, через тот же хребет Чоль-таг. К югу от Боджантэ-тура простирается каменистая пустыня, шириною до 20 верст. За нею поднимается названный хребет, передовые скаты которого во многих местах покрыты песком.

Геологическая заметка. Профиль Чоль-тага по турфанской дороге близко подходит к профилям по карашарской и люкчюнской дорогам, именно северный склон его крут, а южный отлог и длинен. Высота же его в восточном направлении постепенно уменьшается [1]. Северный склон хребта по этой дороге состоит из порфиритового туфа, центральная часть слагается из гнейсо-гранита (биотитово-роговообманкового), а южнее из того же туфа и розового гранита (неравнозернистого, мусковитового). Наконец, на южном склоне обнаруживается в узких прорывах белый мелкозернистый известняк (мрамор). На южном, весьма плоском склоне Чоль-тага поднимается высокая гряда, простирающаяся почти под прямым углом к общему направлению этого хребта. Вершины ее превосходят по высоте высшие точки Чоль-тага, видимые с дороги. Ближайшую к ней вершину туземцы называют Кызыл-игис-таг [2].

На всем пройденном пути горы совершенно безжизненны. Только в ущелье северного склона есть ключ Ачик-булак [3], служащий пристанищем для путников. Протяжение источника не превышает 2 —3 верст. По берегам его растут камыш и гребенщик; кое-где стоят деревья тала. Здесь же мы встретили голубых синиц (*Cyanistes cyanus*), обративших наше внимание своим мелодичным трещанием, и замечательно красивых пустынных синичек (*Leptopoecile Sophiae*), вертляво перелетавших с одного куста на другой.

Урочище Арпышме. Перейдя через хребет Чоль-таг и следуя в полуденном направлении еще 15 верст, мы достигли ключа Арпышме. Этот ключ расположен, подобно Шор-булаку на западе и Узун-булаку на востоке, в той же солончаковой долине Кумушин-тузе [4], которую мы уже дважды пересекли в указанных местах. Здесь, благодаря присутствию пресной воды, хорошая растительность. Этот отрадный уголок может считаться лучшей после Кызыл-сыныра станцией, где путники и их животные могут рассчитывать на отдых. Пройдя в два дня около 100 верт, мы тут сделали дневку. Как ни трудна эта дорога, но вследствие своей прямизны довольно оживлена. На пути мы встречали преимущественно купцов, ехавших из

---

[1] Высшая точка перевала на турфанской дороге 4990 футов.

[2] Красная высокая гора.

[3] Кислый, горький, соленый.

[4] Где с солончаком граничит желто-серый глинистый песок, местами сцементованный с мелким щебнем, преимущественно белого кварца.

страны Лоб в Турфан, куда они гнали для продажи стада баранов и рогатый скот [1].

Из животных на урочище Арпышме нами замечены: харасульты, на которых волки подле водопоев устраивают засады; лисицы не менее хитро подстерегают мелких грызунов; в соседней пустыне изредка встречались следы диких верблюдов. Птиц при ключе было мало: две пустынных сойки (*Podoces Hendersoni* и *P. Biddulphi*) [2], первая любит каменистую пустыню, вторая — песчаную; та и другая держались парами, тогда как жаворонки — хохлатый (*Galerida magna*) и маленький (*Alaudula cheeleënsis*) наблюдались или в небольших стайках, или одиночками. В зарослях камыша слышались звуки камышовой стренатки (*Cynchramus schoeniclus*).

Схождение дорог; дивный закат солнца. Оставив урочище Арпышме и перейдя более низкую часть долины, где местами встречались отложения соли, мы вступили в песчаную, постепенно поднимавшуюся часть той же долины. Вскоре затем турфанская дорога соединилась с люкчюнской. В месте соединения дорог я сомкнул свою съемку, и мы направились в Кызыл-сыныр знакомым путем на протяжении полутора перехода. Перевалив через возвышенность, мы расположились бивуаком в открытой долине, где, благодаря необыкновенной прозрачности воздуха, любовались дивным закатом солнца. Крутой кряж, у восточной оконечности которого находится Кызыл-сыныр, был виден отлично. Высокий насажденный кряж Чарайлык-таг и вообще вся видимая часть хребта Курук-тага резко обрисовывались на горизонте, но в особенности отчетливо выделялись на нем вершины Чарайлык-тага, когда за ними скрылось солнце.

Снова Кызыл-сыныр. На следующий день, в 11 часов утра, мы прибыли в знакомый оазис Кызыл-сыныр. Обитатель его, Ахмед-Палган, встретил нас замечательно ласково и поместил, как и раньше, в отдельной фанзе. Теперь старик был смелее и развязнее; каждый вечер приходил к нам и охотно сообщал сведения об окрестной местности. На мой вопрос: «Почему он так сдержанно относился к нам в первое пребывание?», Ахмед-Палган заметил: «Вы здесь первый такой человек со времени существования этого селения; таких людей я еще никогда не видел, вот причина моей некоторой осторожности в обращении с вами». Сопровождать нас в пустыню он охотно назначил одного из своих старших сыновей — Абду-Рема [3].

Общий вид маленького оазиса с того времени, как мы его покинули, изменился. Деревья, кроме джигды, обнажились; ключ сковало льдом, вся растительность окрасилась в желтовато-серый колорит. Однажды без нас

---

[1] С основанием г. Дурала прогон скота в Турфан уменьшился.

[2] Имеет [здесь] северную границу географического распространения.

[3] Этот и другой молодой человек, живущие в близком общении с природой, в мое отсутствие охотились в окрестных горах. Проведя в охотничьей поездке 13 дней, они добыли дикого верблюда и 20 харасульт. Район их охоты находился в той же местности, куда мы намеревались идти. Нечего и говорить, как я жаждал попасть туда.

выпал снег, но вскоре стаял. Звери поблизости держались те же, о которых упомянуто прежде; но пернатое царство значительно поубавилось, несмотря на то, что среди представителей попадались и незамеченные раньше, как, например, сокол Гендерсона (*Gennaia Hendersoni*), налетавший по временам на беззащитных кэкэликов, сирин мохноногий (*Athene plumipes*), снегирь сибирский (*Uragus sibiricus*), свиристель-хохлушка (*Ampelis garrula*) и пуночка (*Calcarius lapponicus*).

Погода за последнюю половину ноября стояла наполовину ясная, наполовину облачная. По восходе солнца появлялся слабый ветерок чаще с северо-запада, постепенно усиливаясь, или же периодически совершенно затихал, подувая по временам с других сторон. Вечера и ночи, за весьма немногими исключениями, были ясные и тихие. Показания термометра на восходе солнца колебались от —7 до —18° С; в час дня от +4,0 до —3,0°, а в 9 часов вечера от —7 до —13,5° С. Атмосферных осадков в первые 12 дней не выпадало вовсе; в последние три дня по ночам земная поверхность покрывалась инеем, что, в свою очередь, обусловливало некоторую прозрачность воздуха.

Легкая поездка в пустыню. В течение двух дней был сформирован легкий караван. Нас трое: я, урядник Баинов и проводник; вьючных верблюдов два, верховых лошадей столько же; проводник на собственном верблюде. Главная тяжесть заключалась в фураже для лошадей. Остальной багаж маленькой экспедиции, часть животных и препаратор были оставлены на месте. Как и говорено выше, цель этой экскурсии заключалась в обозрении местности на юго-восток от Кызыл-сыныра. Перейдя через главный хребет Курук-тага, я предполагал направиться вдоль полуденной подошвы его и, достигнув древнего русла реки Конче-дарьи — Кум-дарьи[1], вернуться обратно более южным путем.

Первый переход с места, как и всегда, был небольшой — 10 верст; путь пролегал вниз по сухому руслу. По сторонам тянулись невысокие гряды гор, которые невдалеке прорывает означенное русло. На ночлежном пункте в урочище Кара-хошун долина оживляется тучной растительностью и многими светлыми источниками. Кызыл-сынырский обитатель не преминул ими воспользоваться: устроил фанзу, провел оросительную канаву, осеня ее деревьями джигды. Весь скот Ахмед-Палгана бо́льшую часть времени проводит здесь, не нуждаясь в присмотре, исключая баранов, которых пасут дети-подростки. Здесь же видны были попытки к земледелию.

На урочище Кара-хошуне мы встретили дунган. Эти предприимчивые люди снаряжали караван в Урумчи с богатством пустыни — наждаком. Означенный продукт залегает на поверхности междугорных долин (с мелким щебнем гранита и кусочками кварца и полевого шпата), иногда на несколько верст. Добытый вчерне, он на месте подвергается промыванию, или

[1] Песчаная река.

провеиванию. Приготовленный таким способом наждак сбывается в Урумчи ценою 1 лан серебра (22 рубля 50 копеек) за пуд. Добыча его производится дунганами ежегодно.

На другой день пересекли хребет Курут-таг по ущелью маленькой речки, прорезающей этот хребет и текущей на юг. На ней встречались пороги, по которым с шумом катилась вода; местами она переходила в накипи льда, местами струилась. Летом речка бывает несравненно многоводнее, на что указывают гладкие стены утесов и наносы. Теперь же она струилась только на половине общей длины его. Речка окаймлена густыми зарослями гребенщика, ягодного хвойника и колючки, перемешанных с камышом, чернобыльником, кендырем и др. В растительной полосе ютились кабаны, волки, лисицы, манулы и зайцы. Птиц не видели вовсе; не было даже всегдашнего спутника каравана — во́рона.

Пройдя описанное ущелье, мы вступили в обширную долину, склонявшуюся постепенно к югу. С полуденной стороны Курук-таг кажется значительно выше, чем с севера. На востоке в нем выделялась вершина Юмулак-таг[1]. С юга помянутая долина замыкается низкими отдельными кряжами и высотами, к которым направляется сухое ложе речки, прорезающей Курук-таг. Вода этой речки, скрывающейся под землей, верстах в 10-ти от подошвы хребта — на урочище Нань-шань — выходит на дневную поверхность в виде родника, у которого мы остановились на ночлег.

Отсюда наш путь пролегал в юго-восточном направлении по пустынной равнине, поднимающейся от 3000 до 4000 футов над уровнем моря и покрытой местами отдельными невысокими кряжами восточно — западного направления. Изредка, на более плотных местах этой равнины, заметны были следы старинной дороги из Кызыл-сыныра в Са-чжоу с грудами камней (обо) по сторонам.

На четвертый день пути мы достигли урочища Буруту, а на следующий — урочища Олунтыменту, где мой маршрут примкнул к съемке М. Е. Грум-Гржимайло, доходившего до этой местности во время своей экскурсии из Люкчюна почти прямо на юг через Чоль-таг и Курук-таг.

Урочище шестидесяти ключей. Миновав урочище Олунтыменту, мы вскоре вступили в сухое русло Курук-тограк, которое через два дня привело нас к древнему ложу реки Конче-дарьи (Кум-дарья). По дороге к этому интересному ложу мы остановились на ночлег у северной подошвы плоской высоты, на колодце Алтмыш-булаке. Около него растительность была не тронута травоядными, что меня не мало изумило, так как во всей пройденной нами местности у источников она повсюду была значительно потравлена, и у них мы всегда встречали харасульт и следы диких верблюдов. Здесь же присутствия животной жизни не обнаружено. Это объясняется тем, что дикие верблюды избегают зарослей, в которых могут скрываться охотники; точно так же избегают их и антилопы, на которых устраивают

[1] Круглая гора.

засады охотники и волки. Неудивительно поэтому, что названные животные опасаются приближаться к таким местностям, где их могут подстерегать враги.

Близ колодца, на соседних холмах сложено обо и сохранилась каменная печь, служившая, по словам проводника, дунганам для выжигания свинцовой руды. Тот же проводник и сам Ахмед-Палган сообщили мне, что на восток от колодца Алтмыш-булака местность сохраняет прежний характер и что, придерживаясь юго-восточного направления, путник может добраться до долины реки Булунцзира, а по этой последней и до оазиса Са-чжоу. Известно также, что по этой дороге в предпоследнее дунганское восстание прошла большая партия инсургентов из Са-чжоу в Курля и Карашар, от нашествия которой значительно пострадал в имущественном отношении и кызыл-сынырский обитатель Ахмед-Палган.

Строго рассчитав продолжительность экскурсии с количеством взятых с собой продовольственных припасов, я решил возвратиться в Кызыл-сыныр.

Общая характеристика Курук-тага. Прежде же, чем оставить урочище шестидесяти ключей [1], скажу несколько слов о хребте Курук-таге, восточное продолжение которого было видно отсюда на далекое расстояние, и о сопредельной с ним южной равнине.

Этот весьма плоский хребет, возвышающийся, как выше замечено, лишь весьма немного над соседней северной равниной, поднимается несравненно выше над южной и, следовательно, представляет окраинное поднятие, посредством которого первая опускается ко второй. По направлению к востоку Курук-таг заметно понижается и, кроме Юмулак-тага, не заключает в себе выдающихся вершин [2].

К югу от Курук-тага простирается весьма пустынная равнина, покрытая местами низкими кряжами и плоскими высотами, преимущественно восточно — западного направления. По этой равнине, постепенно понижающейся к югу, простираются от Курук-тага многие сухие русла, достигающие местами древнего ложа реки Конче-дарьи. Описываемая равнина очень бедна водой, особенно пресной, которая встречается только в двух источниках — Наньшане и Асган-булаке; остальные же источники и колодцы содержат горько-соленую воду, сильно расстраивающую желудок, и чем далее к югу от хребта, тем вода в них становится хуже.

Работа атмосферных деятелей пустыни. Здешние открытые скалы и гольцы сильно выветрены, в особенности на северо-восточных склонах, обращенных навстречу господствующим ветрам. На острых кряжах

[1] Алтмыш-булак — в переводе «шестьдесят ключей»; почему такое название дано этому урочищу, проводник объяснить не сумел, заметив, однако, что от Кызыл-сыныра до Са-чжоу, пожалуй, столько наберется.

[2] Северный склон Курук-тага состоит из гнейсо-гранита (биотитово-мусковитовый, зеленоватый), средняя часть из гранито-гнейса (роговообманковый) и южный склон из гранита биотитового. Отдельные же кряжи состоят частью из гнейса и фельзита, частью из серого кварцевого известняка и мрамора.

Олунтыменту, состоящих из белого и серого кварцевых известняков с прожилками кварца, приходилось наблюдать бесконечные узоры, напоминающие очертания окаменелостей. В сущности же такое характерное испещрение есть результат уничтожения в разнородной массе более слабого элемента; наоборот, остающиеся штрихи указывают на присутствие другой крепчайшей породы. Не менее очевидные следы непрерывной разрушительной деятельности приходилось наблюдать на обломках горных пород, устилающих вершины и скаты мелких гор, именно обточенные и продырявленные обломки песчаника (темно-серо-зеленый, твердый, мелкозернистый); из множества виденных мною таких обломков некоторые, странностью форм, напоминали собою орудия каменного века [1]. Также характерно отшлифованы песком бока ущелья Курук-тограка, обнажающего известняк (темно-серый, плотный и мелкозернистый с прожилками кварца).

Вообще все здешние горы подвержены сильному разрушению, главным образом от ветров, в особенности весенних, которые нередко переходят в сильные бури. Об этом свидетельствуют массы обломков, отторженцев, выемок в наветренных (преимущественно северо-восточных) склонах гольцов и скал, отшлифованные песком, гравием и дресвой их поверхности. Резкие изменения температуры воздуха также, по всей вероятности, способствуют разрушению местных гор.

Возвращаюсь снова к прерванному рассказу.

...Поздним вечером небо заволокло тонкоперистыми облаками, луна и звезды тускло мерцали. К утру начал падать снег, но вскоре перестал. Атмосфера освободилась от пыли и стала прозрачной. Быстро снявшись с бивуака, мы направились почти прямо к югу по ущелью, разрезающему плоскую высоту. По выходе из него мы увидели впереди много обрывов серо-желтого цвета, сопровождающих, как говорил Ахмед-Палган, древнее ложе реки Конче-дарьи — Кум-дарью, к которому мы с нетерпением приближались.

К у м - д а р ь я. Пройдя около 25 верст от Алтмыш-булака, мы, наконец, достигли этого ложа. Кум-дарья направляется с запада на восток, огибая курук-тагское подножие с юга. Местами русло засыпано крупнозернистым песком, местами же оно совершенно чисто и дает возможность судить о его размерах и характере. Это корытообразное русло в 15—25 саженей шириною окаймлено то высокими, то низкими берегами и направляется местами почти по прямой линии, местами извилисто и заполнено солончаками, твердыми, как камень. Кое-где оно засыпано галькой с лишком в фут толщины и принимает в себя с севера много побочных, сухих же лож.

Там и сям в мертвой ложбине валялись высохшие деревья (тополя). Жи-

[1] Некоторые из пород не определимы без порчи образчиков, представляющих оригинальные формы выветривания. По-видимому, согласно заключению геолога В. А. Обручева, известняки; на одном образчике (черный, твердый, песчанистый известняк) заметны даже осчанки кораллов

вотной жизни нет и в помине; мы встретили здесь лишь давние следы случайно забредшей антилопы, да высохший труп сарыча (*Buteo*). В юго-юго-восточном направлении, на всем обозреваемом в бинокль пространстве, виднелись такие же, по-видимому, береговые обрывы, быть может, рукавов древней реки. Подобные же обрывы пересекал мой проводник южнее ключа Ярдан-булака на пути из оазиса Кызыл-сыныра на Конче-дарью; холмов же сыпучего песку он на том пути не видал, как не видал их и я с того места, где вышел на Кум-дарью.

Обратный путь. Обозрев Кум-дарью на значительном протяжении, мы повернули обратно к покато-каменистому подножью гор, держа направление на северо-запад. В этот день мы прошли 45 верст и остановились на ночлег в совершенно бесплодной местности.

Итак, главная задача экскурсии была выполнена; оставалось только, следуя обратно в Кызыл-сыныр, обозреть южные кряжи и высоты, покрывающие равнину, и пересечь вторично сухие ложа, встреченные на переднем пути. У одного из них, Олунтыменту, мы ночевали, и по маршрутной съемке объяснилось, что оно было прежде пересечено. Дальнейшее движение мы продолжали в северо-западном направлении, то приближаясь, то удаляясь от переднего пути. Между отдельными высотами простирались более или менее широкие долины, безжизненные и, по мере приближения к Курук-тагу, покрытые тонким слоем снега. Наиболее низкие долины, окруженные высотами, заполнены солончаками, которые зимой представляли твердую поверхность. Летом же вода, стекающая с гор, превращает их в болота, что можно видеть и зимой в местах выходов ключей. Такие местности служили пристанищами для нашего маленького каравана. В общем обратный путь характеризуется отсутствием пресной воды, скудностью корма, трудностью (острые камни) движения, но богатством топлива. Это обстоятельство значительно облегчило невзгоды, в особенности по ночам, когда температура падала до —24,5° С. Походным жилищем служила маленькая палатка, защищавшая только от ветра. На третий день обратного следования мы увидели высшую часть Курук-тага, лежащую западнее Кызыл-сыныра,— Чарайлык-таг. Прямо на юг, за отдельными высотами верстах в 20-ти, находилась Кум-дарья, к югу от которой простирается до самого Лоб-нора безжизненная пустыня. Пересечь ее по направлению к Лоб-нору возможно лишь зимой на верблюдах с запасом льда. С урочища Кок-су мы повернули почти прямо к северу, пересекая на пути отдельные плоские высоты, которые, по мере приближения к Курук-тагу, становились выше. Перевалив через высшую из них, мы спустились в сухое русло Гансыхын-тограк, где остановились на последний ночлег в пустыне. Названное русло теряется, подобно многим соседним, в общей котловине солончаков, называемой Наньшань-шор. Замкнутая со всех сторон, эта котловина имеет более 50 верст в окружности, оканчиваясь на западе как бы заливом между отдельными плоскими высотами.

Пользуясь открытым горизонтом, я сделал тотчас же по сторонам засечки буссолью, главным образом на отдельные вершины Курук-тага, в том числе и на ближайшие к Кызыл-сыныру, чтобы проверить и пополнить свой маршрут. Как на этой, так и на всех других стоянках южного пути, местность носила весьма печальный характер. Зверей и птиц в нашем соседстве не было вовсе. Вечерами, да и днем, тишина никем не нарушалась: точно все уснуло, замерло. Немного отраднее было во время движения. На волнистой, покатой от гор равнине по утрам красиво обрисовывались силуэты робких джепраков. Порою они приходились на фоне алой полосы зари, точно призраки, или, проснувшись, стройно мчались на перерез нашего пути.

Снежный буран. С вечера подул северо-восточный ветер, вначале слабо, затем к ночи достиг значительной напряженности. К утру следующего дня наступило затишье. Предполагалось в этот день (12 декабря) пройти до ключа Бан или Баван-булак, лежащего у южной подошвы хребта Курук-тага и отстоящего от Кызыл-сыныра в 15 верстах. На самом же деле вышло иначе. Вскоре после нашего выступления временное затишье нарушилось: подул сильный северо-восточный ветер, быстро разразясь сильнейшим снежным бураном. Горы, а затем и соседняя окрестность закрылись так, что проводник не мог более ориентироваться. Пришлось идти совершенно ощупью. Верблюдов и лошадей сильные порывы бури уклоняли в сторону. Мокрый снег залеплял глаза. Я все время, как моряк, следя за показаниями компаса, направлял движение нашего Абду-Рема, сидевшего на «корабле пустыни». Проводник же, боясь навлечь на себя вину, уже не один раз предлагал остановиться; но, видя нашу решимость следовать вперед, слагал с себя всякую ответственность, дабы не испортить репутацию последним днем. Каково же было его удивление, когда около 3 часов дня буран вдруг стих и горизонт слегка прояснился. Намеченная им горная вершина лежала точь в точь на линии нашего движения. Абду-Рем крикнул в восторге: «Верно, верно!» Мало того, он даже предложил пройти прямо в Кызыл-сыныр, минуя, таким образом, Бан-булак. Действительно, по сторонам лежал глубокий снег, в особенности в ущельях. Разбивать бивуак, искать топлива, оставлять без крова мокрых животных — все эти обстоятельства в сумме послужили веским доводом в пользу проводника, и мы решили одолеть все трудности в один переход. Тем временем горизонт открывался все больше и больше; полная тишина нас облегчила. В $6^1/_2$ часов вечера, через 12 часов движения, мы прибыли наконец в Кызыл-сыныр, пройдя в этот памятный для нас день 55 верст. Животные выдержали отлично, точно чутьем знали, что им готовится трехдневный отдых за тяжелый рейс в пустыне. В ней мы провели 12 дней, пройдя 350 верст без дневок. Обитатели Кызыл-сыныра нас по-прежнему встретили ласково и гостеприимно. Оставленные животные отдохнули. Препаратор собрал коллекцию из двух десятков птичек. Сидя у теплого очага, мы вскоре забыли перенесенные невзгоды и вспоминали с отрадою о минувшем.

Ночь прошла незаметно. На следующее утро солнце озарило белеющую окрестность, которая так ярко блестела, что трудно было на нее смотреть. Поздним вечером в Кызыл-сыныр прибыли туземцы из Дурала, испытавшие снежную бурю на предпоследнем переходе. Среди туземок одна несчастная женщина при всех невзгодах зимы, под кровом неба, разрешилась от бремени. Два следующих дня страдалица тащилась верхом на лошади (сидя по-мужски) при морозе от 15 до 20° С, сделав более 70 верст. Молодая и сильная натура все перенесла благополучно. Через три дня она должна была отправиться в г. Турфан, отстоящий на 185 верст от Кызыл-сыныра!

Пребывание в Кызыл-сыныре. Наше трехдневное пребывание в Кызыл-сыныре было весьма кстати. Здесь были приведены в порядок заметки о посещенной местности; собранная геологическая коллекция пересмотрена и отправлена в Люкчюн. Кроме того, удалось познакомиться с ближайшими горами, куда я ездил поохотиться на аркаров. К сожалению, охота была безуспешна: заманчивых зверей я совсем не видел. По многим же горным руслам встретил развалины жилищ людей. Все замеченные постройки был сложены из камня. По словам Ахмед-Палгана, таких построек очень много вблизи гор Чарайлык-тага. Повествователь относит их к монголам, некогда обитавшим в этом скрытом уголке, хотя известно, что эти номады со времен глубокой древности живут в войлочных юртах. В то время диких верблюдов, аркаров, хуланов и других зверей водилось множество.

Староверы. Мы узнали также от Ахмед-Палгана, что через Кызыл-сыныр, лет около 30 тому назад, проследовала партия русских, вероятно староверов, шедшая с Лоб-нора. Оно состояла из 17 человек (мужчин, женщин и детей). При русских был переводчик чанту. Голодные скитальцы двигались частью на верблюдах, частью на ослах; в обмен на продовольственные припасы они предлагали свои одежды. Отсюда староверы направились в Люкчюн, а куда потом скрылись — неизвестно. Об этих староверах упоминают также Н. М. Пржевальский [1] и М. В. Певцов [2].

Глава четвертая

ОТ КЫЗЫЛ-СЫНЫРА ЧЕРЕЗ ЛОБ-НОР В СА-ЧЖОУ

Путь к югу. Таким образом, благодатный оазис для туземцев был в высшей степени полезным и для нас. И теперь, когда я смотрю по карте на этот уголок пустыни, испещренный моими маршрутами, сходящимися в одной точке, так же вспоминаю с благодарностью его единственных осед-

[1] Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки реки Желтой. Четвертое путешествие по Центральной Азии. СПб., 1888, стр. 317—319.

[2] М. В. Певцов. Труды Тибетской экспедиции. Ч. 1. Путешествие по Восточному Туркестану, Куэнь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889—1890 годы. СПб., 1895, стр. 313—314.

лых обитателей, как был признателен им и в то время, когда оставлял Кызыл-сыныр, прокладывая на планшет пятую дорогу. Действительно, обширная пустыня, залегающая между Турфанской и Лоб-норской котловинами в виде двух широких вздутий с бесчисленным количеством горных кряжей, гряд, холмов, образующих Курук-тагскую систему, разделенная глубокой солончаковой долиной, представляется совершенно определенною. Северное поднятие залегает нешироким плато, довольно круто обрываясь на севере, тогда как южное образует ряд уступов, особенно характерно выраженных к стороне Таримского бассейна. Оба эти вздутия, по мере своих простираний к востоку, постепенно мельчают, наоборот, к западу, вырастают в высокие массивы. Вся эта обнаженная страна, подверженная крайне разрушительной работе атмосферных деятелей, непрерывно подтачивающих, перетирающих, обдувающих, а затем и уносящих мельчайшие частицы в виде песка и пыли в соседнюю полуденную впадину, послужила основанием к изменению сети рек, питающих озеро Лоб-нор...

Быстро минуло время, назначенное на отдых и кормление животных в Кызыл-сыныре. Утром (16 декабря) караван выступил в дальнейший путь. Добрые мусульмане проводили нас «хлебом-солью». Проводником на реку Конче-дарью остался тот же Абду-Рем.

Курс нашего движения лежал на юго-юго-запад. Справа стоял высокий хребет, слева — целый ряд меньших. Мы следовали вверх междугорной долиной, по которой пестрела все та же пустынная растительность. В недалеком расстоянии резко выделялись своими вершинами две горы. Восточная из них называется Диндиосен, западная — Мухурсейн. Та и другая возвышаются на плоском Курук-таге и имеют около 5000 футов абсолютной высоты. Относительная же высота обеих гор примерно, на глаз, более 3000 футов.

На меридиане горы Диндиосен мы уклонились к югу и пересекли весьма плоский Курук-таг; дальнейший путь пролегал по местности, круто ниспадавшей к стороне пустыни, но по-прежнему хранившей горный характер. Оставив за собою несколько горных гряд, виденных на западе во время экскурсии на Кум-дарью, мы на третий день выступления из Кызыл-сыныра приблизились снова к этому мертвому ложу.

Урочище Эмпень. Более отрадное местечко находится севернее, в урочище Эмпень. Здесь до сих пор сохранился живой рукав реки, поддерживаемый в летнее время временными потоками с Курук-тага, но, кажется, главным образом находящимися неподалеку родниками. Растительная и животная жизнь урочища Эмпеня напомнили долину Тарима. Вблизи воды тянулся сплошной лесок тополя, за ним холмы гребенщика; там и сям стлался от ветра высокий камыш. Вместе с растительностью появились антилопы и кабаны. Из птиц в тот же день мы заметили дятла и таримскую сойку, которая звонко затрещала и переместилась из кустов на одинокое дерево тограка; там же на вершине пел сорокопут. При остановке на бивуак

из ближайших камышей раздалось несколько трелей усатой синицы. Упомянутый рукав мы пересекли в западной его части, тогда как более прямая тропинка пролегает через него в восточной, по урочищу Баштограк.

В 5 верстах к северо-западу от нашего бивуака стоят развалины старинного города Эмпень. Стены крепости и многих фанз уцелели. Позднейшие раскопки туземцев, жаждущих скрытых богатств, не увенчались успехом. Каких времен этот город и кто в нем жил — туземцам неизвестно.

Опять на древнем русле Конче-дарьи. Покинув урочище Эмпень, мы вскоре достигли древнего ложа реки Конче-дарьи. Оно мертво, вид его печальный; уцелевшие берега наполовину низменные, наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие стволы тополей; многие еще продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком, залегающим по обоим берегам древнего русла, в виде невысоких (10—15 футов) барханов. Форма последних дугообразная, напоминающая французское S. Преобладающее направление барханов простирается с северо-запада на юго-восток. Северо-восточные склоны (наветренные) покаты и плотны, противоположные же (подветренные) круты и рыхлы. Пьедесталом барханов служит песчано-глинистый слой, местами солончаки. Песок заполняет собою мертвую котловину, достигая наибольшей мощности в дюнах, расположенных по соседству с полосой прибрежной растительности. По этим пескам, вдавшимся коротким клином на северо-запад, а на восток-юго-восток — скрывавшимся за горизонт, мы сделали около 10 верст, двигаясь по-черепашьи. Наши «корабли пустыни», как на море, то опускались с гребня одной песчаной волны, то поднимались на соседние вершины. Монотонность, однообразие вскоре надоедают. Расстояние понемногу сокращается, желание же добраться до остановки увеличивается. Наконец, с окраинных, более высоких барханов мы заметили долину реки Конче-дарьи. Густые заросли ее тянулись на северо-запад и юго-восток. Тут же, невдалеке, мы пересекли массу следов кабанов, растрепавших труп осла; по кабаньей тропе пролегал совершенно свежий след царственного зверя — тигра, который здесь, вероятно, охотился за ними. Вступив в долину по изрытым кабанами местам, мы вспугнули фазанов; отличный экземпляр местного вида тотчас же попал в нашу коллекцию.

Придя на реку Конче-дарью (к переправе Турпан-корул), я с урядником Баиновым с первого же взгляда узнал знакомые места [1]. Немного более трех лет прошло с тех пор, как мы посетили эту реку. Тогда наш путь лежал вверх по течению до переправы Чаглык, расположенной на караванной дороге в Курля, по которой следовал главный караван экспедиции М. В. Певцова. Общий вид местности ничуть не изменился. Та же картина, что и прежде. Только в зависимости от времени года изменилась погода и состоя-

[1] П. К. Козлов. Поездка на реку Конче-дарью.— Труды Тибетской экспедиции, ч. III, 1896 г., стр. 93—102. [См. также в настоящем томе, стр. 108—126].

ние растительности. Тогда стояли отличные теплые дни, а по ночам бывали порядочные морозы; кое-где проносились стада и стайки запоздавших пролетных уток. Теперь зима наложила свою суровую печать: природа спала. Лишь одна река продолжала бороться, разрывая своим мощным напором ледяное покрывало. Во многих местах виднелись полыньи: прямые сообщения прерывались, вновь прокладывались более кружные тропинки. Их знал китаец, живший здесь же в камышовой хижине. Открытие станции принадлежит времени основания нового соседнего города Дурала, когда установилось оживленное движение к Турфану.

Следующий небольшой переход пролегал по знакомой дороге до селения Тыккэлика. Наш путь опоясывал болотистые разливы Конче-дарьи с запада. Границей необъятных камышей служили более возвышенные площади, на которых кое-где росли тополевые леса и виднелись холмы, покрытые гребенщиком; на менее возвышенных местах залегали солончаки с кустами ягодного хвойника. Через 12 верст мы пришли на реку Кюк-ала-дарью, имеющую одинаковый характер с первой. Могучая растительность сопровождала этот большой рукав Тарима, через который мы теперь переправились выше того места, где в минувший раз находилось селение Чапал. Ныне оно заброшено, и только высокие тополи, осенявшие когда-то камышовые хижины, стоят неизменно до сего времени. Вблизи, на большой дороге из Дурала в Курля, расположен китайский лянгер (постоялый двор) на манер турпан-корульского. По этой дороге мы и направились в Тыккэлик, где вскоре были встречены старым приятелем Курваном, или Кургуй-Палганом[1]. «Сокол-охотник», как все туземцы величают нашего прежнего спутника, был видимо рад. На мое предложение следовать вниз по Кунчикашт-тариму (крайний восточный рукав Конче-дарьи) старик дал полное согласие, говоря: «Я ожидаю вас давно; об этом знает и моя семья». Отказаться на приглашение доброго старика остановиться под его кровом я не мог.

Селение Тыккэлик. Ныне селение Тыккэлик переместилось с правого берега реки на левый. Поводом к такого рода перекочевке послужили: близость большой дороги и приказание китайского амбаня заменить прежние жилища более приличными.

Желая пополнить продовольственные запасы, а также познакомиться с новым городом Дуралом, я устроил в Тыккэлике дневку. Она была необходима и для снаряжения Курвана, обязавшегося следовать с нами до озера Лоб-нора.

День, проведенный в Тыккэлике, был ясный, единственный в течение второй половины декабря. Хребет Курук-таг виднелся отлично в прозрачной атмосфере. На солнце было очень тепло и снег быстро таял. Щебетание полевых воробьев и пение камышовых стренаток было чисто весеннее. В ближайших зарослях изредка слышались крики фазанов.

[1] В переводе «сокол-охотник».

К вечеру возвратился Баинов из Дурала, быстро исполнив возложенные на него поручения. Представители мусульман встретили Баинова гостеприимно, оказав ему со своей стороны просимое содействие. Что же касается чиновников, то эти господа пытались учинить придирки, но безуспешно. Таким образом, на следующее утро (22 декабря) мы были готовы выступить в дальнейшую дорогу. Тем временем обитатели Тыккэлика успели перебывать у нас все до одного. Многие приводили больных, прося оказать помощь. Уступая просьбам мусульман, я роздал им значительную часть лекарств нашей походной аптечки. Больные страдали большею частью общим расслаблением организма, желудком, опухолью конечностей, лишаями и пр. В день отъезда из Тыккэлика нас провожали многие туземцы, среди которых была и дочь Курвана, 16-летняя красавица.

Миновав селение, перерезанное глубокими арыками, мы довольно быстро шли вперед, следуя вниз по течению реки. На север далеко убегали высокие камыши болот Конче-дарьи, которая здесь впадает в виде больших и малых ручьев, сливающихся в Кок-ала-дарью каскадами.

Новый город Дурал. На противоположном, правом, берегу, при впадении небольшого рукава Чокуллук-дарья, расположен китайский город Дурал. Весть о том, что китайцы хотят основать где-нибудь на нижнем Тариме город, нам была передаваема туземцами еще в минувшее путешествие генерала М. В. Певцова. Тогда же для устройства города было избрано селение Ени-су, но затем вскоре заброшено.

В 1891 г. прибыл военный отряд из г. Урумчи к означенному месту и принялся за сооружение города [1]. В помощь войскам были призваны туземцы до Чархалыка включительно. Первые вели исполнительную работу, вторые — подготовительную. Постройка продолжалась два года. Ныне город почти окончен и кажется таким же, как и все китайские города в Восточном Туркестане.

Город делится на две части: китайскую, обнесенную глинобитными стенами, и чантуйскую, или мусульманскую, лежащую отдельно. Крепость представляет квадрат, фасы которого равняются 400 саженям; высота стен 4 сажени, ширина 3 сажени; по углам фланкирующие башни; стены с бойницами. Кругом стен тянется ров, ширина и глубина которого достигают 2 сажен. Снаружи к крепости примыкают два ряда плотно сколоченных сакель, составляющих мусульманскую часть города.

Неподалеку от крепости, на берегу протока, вновь сооружалась тюрьма.

Управление сосредоточено в китайском городе. Гражданскою частью ведает амбань, а войсками управляет его помощник — офицер. По окончании постройки города две лянцзы были командированы на Памир. В наше там пребывание находилось менее 1 лянцзы; притом $^2/_3$ нижних чинов были

[1] Годом раньше Гаид-бек из Турфана на месте ныне стоящего города Дурала, или, как называют китайцы, Синь-чена (новый город), поселил 10 семейств мусульман. Урочище издавна носило название Дурал, которое и удержалось до сего времени у мусульман.

мусульмане и только 1/3 китайцы. Вооружение этого отряда составляли три старые пушки и всевозможные пистонные ружья, содержимые крайне небрежно. Помещаются солдаты в небольших фанзах по 3—5 человек. Общей казармы не существует. По слухам, местный гарнизон учений никогда не производит. Солдат трудно отличить от земледельцев, так как все полевые работы исполняются ими; починка дорог и мостов лежит также на их обязанности [1]. По отзывам всех туземцев, гарнизон ведет себя отлично. Кроме войск, внутри крепости живут еще купцы-китайцы, имеющие около 30 лавок с товарами из Внутреннего Китая.

В составе населения мусульманского города заключаются выходцы Турфана, Люкчюна и Курли. Других пришельцев мало. Наши андижанцы, или, как здесь их называют,— анджанлыки, постоянного жительства не имеют: бывают только наездами. Ближайшим начальством мусульман значатся два бека. Один, Гаид-бек, управляет турфанцами; второй, Сабит-бек,— люкчюнцами. Мусульманская часть представляет почти сплошной базар (70 лавок). Привозные товары, главным образом ситцы, исключительно русские. Деньги металлические: ямбовое серебро, тенги и медные чохи.

Вблизи города лежат пашни, на которых сеют пшеницу, сорго и кукурузу; успешно произрастают дыни и арбузы. Поля поливаются посредством арыков (оросительных канав). Дождей падает очень мало.

Как китайцы, так и мусульмане, занимаются рыболовством. Для этой цели у рыболовов имеются сети, остроги и удочки. Китайцы сетей не имеют. Рыбы в Кунчикаш-тариме много. Ловят ее большею частью летом, хотя на базаре можно найти и зимой.

С образованием г. Дурала по нижнему Тариму установилось большое движение. Устроены уртены (станции); на некоторых поселились одинокие китайцы. Цены на жизненные продукты, баранов, хлеб и пр. поднялись значительно.

Река Кунчикаш-тарим имеет около 30 сажен ширины, при глубине в 15—20 футов. Течение скорое и довольно ровное. Берега то возвышенные, то низменные. Возвышенные берега покрыты тополем и зарослями колючки; там и сям разбросаны холмы, поросшие тамариском, реже встречаются деревья джигды. Низменные берега покрыты сплошными зарослями камышей. В перемежку с теми и другими произрастают: кендырь, солодка, чернобыльник, сугак; по солончакам — ягодный хвойник и солянки. Изредка в долине встречались замечательно красивые места. На возвышенном берегу реки темнел лес; низменный же был изрезан затейливыми извилинами; открытые полыньи реки, осененные камышом, убегали вдаль.

Знакомство с новыми озерами. Через два дня (58 верст) по выходе из Тыккэлика мы достигли того места реки, где она разделилась

[1] На пути к селению Тыккэлику мы видели довольно значительный арык, успевший зарасти камышом. Протяжение этой безводной канавы около 50 верст. Памятник тщетных трудов тех же войск.

9—11 лет[1] тому назад на два рукава. Песчано-глинистые берега ее, в особенности та часть левого берега, которая противостояла мощному напору реки, подмывались водой и постепенно разрушались. Наконец, берег рухнул и грозный поток устремился со всей силой в сторону общего понижения, образовав новую артерию. В начале вода полилась узкой лентой, затем, постепенно расширяясь, через 10 верст достигла солончаковой впадины Чивеллик. Наполнив ее и скрыв солончаки, река, под названием Илэк, собралась в русло прежних размеров и, пройдя около 15 верст, снова разделилась на две ветви[2]. Новое место разветвления реки известно под именем Арываккан. Отсюда правая ветвь, стремящаяся на юго-запад, через 8 верст соединяется со старым руслом Кунчикаш-тарим[3], который, в свою очередь, пройдя еще две версты, вливается в реку Тарим при урочище Айрылган. Левая же ветвь, держась юго-восточного направления, заполняет глубокие промежутки песков, образуя озеро Согот. Далее, совершенно обезсилив, Илэк впадает в реку Тарим в 20 верстах ниже Айрылгана. Перехожу теперь к описанию виденных мною озер.

Первое из них, Чивеллик-куль, удержало прежнее название, принадлежавшее солончаковой впадине. Означенное озеро имеет порядочные размеры: в длину 15, в ширину около 10 верст. Глубина, по словам проводника, простирается от 1 до 3 сажен. Вода прозрачная, пресная. Рыбы очень много. Границей озера на востоке служат песчаные холмы, одетые камышом и тамариском; на западе — равнинные солончаки, густо покрытые той же кустарной зарослью. Тополевый лес еще не успел осенить вод этого озера. Вообще окрестности его унылые; еще печальнее представляются уходящие вдаль песчаные барханы.

Озеро Согот красиво изрезано заливами. Вершины песчаных холмов, составляющих его берега, круто падают к воде. Направление этого озера, как и Чивеллик-куля, юго-юго-восточное. Длина едва достигает 10 верст, при наибольшей ширине в две версты. Берега немного поросли камышом и отчасти тамариском. Прилежащая местность, питаемая подпочвенной влагой, также покрывается зарослями (джангал). В них уже скрываются кабаны и маралы.

Последние в Кашгарии наблюдались нередко, в особенности в минувшее, М. В. Певцова, путешествие. Здесь будет уместным сказать о них несколько слов.

Марал-олень. Благородное, красивое животное, представляющее собою высокий интерес вообще для охотников по причине дорого ценимых рогов, издавна манит к поголовному его истреблению не только местных звероловов, но даже и русских, живущих близ китайской границы.

Несмотря на то в Кашгарской котловине и до сих пор этого зверя нема-

[1] По данным М. В. Певцова — 15—17 лет.

[2] Обе по 15 сажен шириною.

[3] Имевшим так мало воды, что даже дно не везде было прикрыто ею.

ло. Ютится он по густым прибрежным зарослям рек и озер; на открытые поляны выходит редко и всегда крайне осмотрительно. Высокоразвитые зрение, слух, чутье оберегают марала; притом особенный характер растительности Таримского бассейна, отличающегося крайней сухостью, не позволяет подкрасться без шелеста к зверю. Объятый страхом марал несется с большой быстротой, сохраняя горделивый вид, в особенности самец. Ни валежник, ни канавы, ни бугры с высоким тамариском ничто его не задерживает, и он представляется особенно грациозным, когда делает огромный прыжок. Несясь по лесу, марал быстро останавливается на всем скаку, прислушивается и тотчас же ретируется при малейшем подозрении. Убить его, следовательно, не легко. Местные охотники на известных, излюбленных маралами местах выбирают незаметные засады и целые дни и недели проводят довольно часто в напрасном ожидании. Да, наконец, если зверь и действительно покажется, то ведь сколько еще нужно для того, чтобы местный охотник мог рассчитывать на производство выстрела из своего примитивного ружья [1], тем более что марал всегда настороже еще и от царственной кошки, которая нередко разгуливает по густым зарослям, не только ночью, но даже и днем, делая засады у водопоев. Высокие обрывы реки, под которыми хранится остаток летних вод (Хотан-дарья), представляют отличные наблюдательные пункты. Сколько приходилось видеть, они [тигры] всегда скрывались незаметно. Древесные кусты, нависшие сверху, высокая травянистая растительность внизу, по которой радиусами проложены предательские тропы к краю обрыва, не обнаруживали пестрого красавца. Томясь ожиданием вообще, или приближением желанной минуты, тигр не один раз выправлял свои когти, ясно отпечатанные на влажной почве. И вдруг удобная пора настала. Быстрый прыжок тигра — и бедного марала не стало.

После всего этого нисколько, конечно, не удивительно, что марал представляется столь осмотрительным и крайне робким животным.

Туземцы Кашгарии зовут его двояко: лобнорцы — «марал», западные же кошгарцы — «бугу» (название звукоподражательное).

Кроме описанного марала, на берегах озера Согота очень часто попадались следы выдры. Этот зверь, как говорят туземцы, здесь довольно обыкновенен. На него ставятся капканы, но поймать выдру даже опытному охотнику не так легко. На месте шкура выдры продается за 7—10 лан (15—20 рублей) серебра. На незамерзающих местах держались зимующие утки, а по соседству пролетали орланы. Воображаю, сколько здесь бывает водяных и голенастых пернатых во время пролетов. Вероятно, часть странников из Индии находит здесь для себя приют, в котором проводит свой брачный период.

[1] На успешную охоту можно рассчитывать разве только осенью, в период течки, когда самцы, не находя себе пары, в возбужденном состоянии погружаются в вязкую, мокрую почву, в которой в беспамятстве барахтаются, оставляя после себя ясные следы своего возбужденного полового состояния.

Поселение туземцев. Со времени образования озер туземцы стали понемногу селиться на новых местах. Озеро Согот представляет больше удобств, и берега его обитаемы в течение круглого года. Здесь мы нашли шесть камышовых хижин (сатм) жителей селения Тыккэлика и три хижины выходцев из Кара-хошуна (Лоб-нора). Те и другие встретили нас радушно. Первые из них проводят только зиму на Соготе, на лето же уезжают восвояси. Последние живут на нем постоянно. Найти местных обитателей весьма трудно. Зимою к ним ведет одна узенькая тропинка, едва заметной змейкой вьющаяся по льду озера. Летом они совершенно изолированы. Сообщение с соседями происходит в лодках, для которых нет препятствий на всем протяжении Кунчикаш-тарима. Ближайший берег озера Чивеллик-куля занимают хижины из селения Каюна, лежащего в 10 верстах к западу, а северный берег — жители селения Енису. Озеро Чивеллик-куль летом представляет, таким образом, обитаемый угол. Временные жители его водворяются в камышовых сатмах.

Тарим. Познакомившись с озерами, образуемыми рекою Кунчикаш-таримом, мы направились вниз, следуя правым берегам Яркенд-тарима. Поочю то приближались к реке, то от нее удалялись. Ледяной покров образовался не везде: широкие полыньи встречались довольно часто. Характер долины, или, вернее, прибрежной полосы, остался неизменным. Высокий тополевый лес чередовался с площадями, покрытыми более низким кустарником или камышом, а чаще тем и другим вместе. Растительная полоса то расплывается вширь, то идет узкой лентой, будучи сдавливаема подошедшими с запада песчаными холмами. Притом более дикие заросли лежали поблизости воды. По мере же удаления к стороне пустыни растительность становилась беднее и беднее. Подобное явление всего резче видно на кустах тамариска, посыпанных песком. На расстоянии 3—5 верст мы прошли три главные полосы растительности: здоровой, чахлой и погибшей. Жизнь и смерть здесь стоят лицом к лицу.

Когда присмотришься к местности, она кажется однообразной. Облачное небо и снег еще более придавали долине Тарима монотонности. Лишь изредка по утрам бывали минуты, когда виднелся хребет Алтын-таг и в прозрачной синеве воздуха резко выделялись его вершины и главные ущелья. Одно из таких утр сильно запечатлелось в памяти. Мы выступили в путь; на востоке зажглась алая полоса зари и синей дымкой разлилась по скату гор. Вскоре она превратилась в огненно-золотистую полосу, которая быстро охватила фиолетово-красный небосклон. Облака красовались причудливыми линиями, тихо плывя в пространстве. Но чуть только мелькнули лучи показавшегося солнца, картина стала обыкновенной. Дивная по красоте завеса, переливаясь цветами радуги, понемногу исчезла. Еще несколько минут, и кучевые облака заволокли все небо.

Камышовые жилища здешних обитателей, разбросанные в зарослях, незаметны и узнаются только по лаю собак и струйкам выходящего из них

дыма. Постоянных селений на нижнем Тариме весьма немного. С изменением условий природы туземцы переносят свои жилища с места на место.

Животное царство бедно. Долго идешь при полном безмолвии. Только иногда просвистит здешняя сойка, или с вершин кустов пронесутся тонкие, нежные звуки, издаваемые красивым вьюрком или синицами, спрятавшимися в камышах. Затем опять тишина. Вблизи селения Чегелика, отстоящего в 90 верстах от Айрыглана, мы видели совершенно свежий след огромного тигра.

Покинув Чегелик, близ которого Тарим впадает в озеро Кара-буран, мы направились к востоку. Вначале путь пролегал по густым зарослям, затем, через 10 верст, мы вступили в пустыню, простирающуюся далеко на северо-северо-восток. На юге тянулась темно-голубая полоса открытой воды упомянутого Кара-бурана. В виду его мы сделали большой переход, прежде чем достигнуть рукава Тарима. Здесь, в высоких камышах, паслись стада рогатого скота, принадлежащие лобнорцам.

Сердечная встреча с лобнорцами. Часом позднее мы увидели и самих обитателей озера, ехавших к нам навстречу. То были наши старые знакомые абдальцы, во главе со своим правителем — Кунчикан-беком. К немалому удивлению, абдальцы представляли стройную кавалькаду. Я с первого же взгляда узнал многих, не говоря уже про Кунчикан-бека и его сыновей. Неудержимо посыпались приветствия, расспросы, воспоминания. «Хлеб-соль» была скрепою выражаемых чувств. «В последнее время,— говорил Кунчикан-бек,— такие люди (европейцы вообще) стали появляться нередко. Мы часто их видим; но они нам далеки и чужды; к ним наши сердца не лежат. Вспоминая же вас (русских — экспедиционную семью Н. М. Пржевальского), нам всегда становится приятно, но жалко-грустно, что долгое время не видимся. Приятная весть о вашем следовании нас обрадовала, и вот, вы видите, мы все перед вами». Не хуже меня они помнили имена и фамилии прежних казаков-спутников, о каждом расспрашивали. До поздней ночи наш лагерь был шумным, оживленным. В нескольких местах пылали костры, то тускло, то ярко освещая фигуры беседующих лобнорцев. Ночь прошла быстро, незаметно. Поздним утром мы выступили в путь к селению Абдал. Переход был короток — 15 верст; еще короче показался он в сообществе приветливых туземцев.

Под кровом Кунчикан-бека. В селении Баш-Абдал снова нас встретили с «хлебом-солью». Рядом с этим селением (в 4 верстах) расположено другое — Абдал — резиденция Кунчикан-бека. Вблизи мазара, на правом берегу Тарима, резко выдается возвышенное местечко, служившее бивуаком наших экспедиций. На юге и западе широко раскинулись озерки с высоким камышом — приют пролетных пернатых. На северо-запад и юго-восток уходит Тарим; на севере лежит «Орус-арал» — Русский остров. Все прошлое оживилось в памяти. Постояв несколько минут на прежнем пепелище, мы направились в тростниковое жилище правителя Лоб-нора. Нам

была отведена лучшая часть княжеского жилища. Караванные животные были отправлены на остров Русский.

Теперь нам осталось пройти в Са-чжоу по дикой пустыне. Будучи, в общих чертах, знаком с лежащей впереди местностью, я смело решил остаться на Лоб-норе пять дней. Срок этот был крайне необходим, чтобы предоставить, во-первых, отдых усталым животным, во-вторых, запастись продовольствием сроком на месяц, и, в-третьих, дать возможность проводникам собраться в дорогу. Последними на этот раз были два лучших охотника[1] с Лоб-нора.

Приход наш в селение Абдал совпал с последним днем 1893 г. Новый 1894 год пришлось встретить под кровом Кунчикан-бека. Сама собой рисовалась картина далекой родины, и в воображении проносились живые образы родных и знакомых.

Погода декабря. Придерживаясь прежнего порядка изложения, скажу несколько слов о погоде истекшего месяца. Две трети декабря были проведены в области гор Курук-таг на 3—5000 футов абсолютной высоты, последняя же треть — на нижнем Тариме и озере Лоб-норе на высоте 2700—3000 футов. В общем погода характеризовалась постоянною облачностью, умеренной температурой и утренней прозрачностью воздуха.

Дни первой трети месяца стояли большею частью тихие, ясные. Дважды шел снег, который быстро таял. Земля только слегка покрывалась белой пеленой; к полдню снеговой покров исчезал и на следующий день снова пыльная мгла насыщала атмосферу. Днем главным образом господствовали северо-восточные и юго-западные ветры. Ночью замечались легкие ветры вблизи ущелий и совершенная тишина вдали от них. Ясность преобладала по вечерам, когда луна нередко была опоясана красивым кольцом.

Утром при ясной и тихой погоде ртуть спускалась ниже нуля до —24,5 С; с восходом солнца температура быстро повышалась; к 1 часу дня поднималась до —2,8°, а однажды (на Алтмыш-булаке) даже до +3,0° С.

Вторая и последняя трети месяца, за исключением одного ясного и четырех полуясных дней, отличались облачностью. Северо-восточный снежный шторм (12 декабря) в течение полусуток дул с страшной напряженностью. Область этого шторма охватывала огромное пространство Таримской котловины. С этого времени наступила постоянная облачность; снег падал крупными хлопьями; снеговой покров доходил до $^1/_4$—$^1/_2$ фута толщины. Воздух насыщался влагой; по утрам висел туман; деревья оделись пышным инеем. Подле гор изредка дули северо-западные ветры, несшие высоко густую пелену снеговых облаков. Облака оставляли в воздухе тонкие блестящие снежинки. Горизонт быстро открывался для глаз, лишь только темная полоса уносилась вдаль. В долинах же преобладали воздуш-

[1] Один из них, по имени Архей-Джан, состоял в той же роли при Н. М. Пржевальском в его первое пребывание на берегах Лоб-нора.

ные течения тех же направлений (т. е. северо-восточное и юго-западное). Первое началось утром, второе ночью; оба дули или до полдня, или до заката солнца. Среднее показание теомометра на восходе солнца — 13,5° С, в полдень — 2,3° и вечером — 11,7° С.

Современное положение лобнорцев. Озеро Лоб-нор и его обитатели настолько живо описаны Н. М. Пржевальским [1] и М. В. Певцовым [2], что говорить об этом много уже не приходится. Можно лишь заметить о тех изменениях в населении, которые произошли за недавний период времени, и отчасти пополнить прежние исследования этого водоема.

Как известно, кроме двух селений, Баш-Абдал и Абдал, лежащих на западной, или, вернее, юго-западной оконечности Лоб-нора, существовали и многие другие на его берегах. Притом облик абдальцев значительно разнился от карахошунцев. Ныне же из шести селений, о которых говорит Н. М. Пржевальский, уцелело только одно Кум-чапкан, состоящее из восьми семейств, остальные пять заброшены. Обитатели этих селений частью перебрались в долину нижнего Тарима, частью в селение Чархалык; многие вымерли от оспы, и, наконец, три семьи (карахошун) ушли на озеро Согот. Только там мы и видели настоящий тип прежних лобнорцев. Действительно, соготцы строго следуют примеру своих предков, исключительно занимаясь рыболовством и ловлей пролетных птиц, чем и поддерживают свое жалкое существование.

Обитатели Кум-чапкана ничем не отличаются от абдальцев. Последние живут на берегу своего родного озера до весны; по окончании же пролета птиц направляются в Чархалык, где имеют глиняные фанзы, а при них сады и пашни. Обработка полей и уход за виноградниками удерживают лобнорцев в Чархалыке до осени, когда они снова возвращаются в покинутые камышовые хижины. Кроме земледелия, лобнорцы занимаются скотоводством; как первое, так и второе занятия принимают более широкие размеры. Помимо многочисленных стад баранов, держат рогатый скот, лошадей и даже верблюдов. За исключением первых, пасущихся круглый год на берегах озера Лоб-нора, остальные животные все лето проводят в ущельях северного склона Алтын-тага.

Лобнорцы со времени возникновения г. Дурала подпали под управление амбаня этого нового города. Последним нововведением туземцы весьма довольны, так как с них уже третий год никаких податей не взимают.

С сокращением камышовых поселений Лоб-нора, селение Чархалык значительно расширилось. По последним сведениям, в нем считается 150 домов. Две трети из этого числа принадлежат местным обитателям, а осталь-

[1] Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. СПб., 1878. Его же: От Кяхты на истоки реки Желтой. Четвертое путешествие по Центральной Азии. СПб., 1888.

[2] М. В. Певцов. Труды Тибетской экспедиции. 1889—1890 гг. Части 1—3. СПб., 1892—1896.

ные — высланным административным порядком из внутренней Кашгарии. Таким образом, прежний облик лобнорцев понемногу исчезает. При этом невольно вспоминаются слова Н. М. Пржевальского: «Пройдут еще несколько десятков лет и, быть может, многое, рассказанное теперь мною, будет звучать преданием, как бы о временах давно минувших».

Озеро Лоб-нор. После обитателей Лоб-нора перейдем к самому озеру. Общий характер этого последнего остается тот же, что и прежде, т. е. согласный с описаниями Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова и др. Сократились лишь размеры открытых вод, на счет которых расширились камышовые или тростниковые заросли: по-прежнему вода Лоб-нора нередко перемещается с места на место, в особенности в западной части озера, где лобнорцы устраивают временные озера и озерки для ловли рыбы и орошения известных площадей с целью улучшения растительности, потребной многочисленным стадам баранов.

Во время моего пребывания Лоб-нор представлялся следующим. Ниже селения Абдал Тарим делится на три рукава, образуя среди высоких тростников много больших и малых озер. Направление рукавов, как и всего водоема, простирается с юго-запада к северо-востоку. Длина северного и южного в отдельности достигает 60 верст; между ними извивается третий (средний) рукав, который убегает вдаль на 85 верст — предел последних вод Тарима[1]. За ним вскоре заканчивается и растительная жизнь. Кругом облегают солончаки, которые тянутся верст на 300 к северо-востоку от последних вод Лоб-нора. Границу этих солончаков составляют: на севере песчаная пустыня, а на юге пески Кум-таг, не имеющие никакой связи (как показывали на картах) с первой.

Зимняя картина Лоб-нора весьма печальная. Долго смотришь по сторонам и не можешь ни на чем остановиться, глаз устает созерцать дремлющую равнину. Снежная зима наложила еще более тяжелую печать. Вершины соседнего хребта Алтын-тага, открывающегося по временам, ярко блестят на солнце. Снеговой покров значительной толщей залегает на всех подгорных каменистых осыпях, тогда как на солончаковой поверхности он быстро тает. Через $1^1/_2$ месяца картина окрестной местности будет неузнаваемой. Живительный луч тепла пробудит тишину природы: озерки вскроются; тысячи, даже десятки тысяч пернатых странников найдут себе временный приют и отдых, прежде нежели последуют далее на север.

◆

Посещение Лоб-нора г. Свен Гедином. Два года спустя после меня посетил Лоб-нор Свен Людвигович Гедин. Задавшись целью разрешить вопрос о Лоб-норе, проверить, нет ли к востоку от Тарима подозреваемого бароном Рихтгофеном озера, которое бы представляло боль-

[1] Ширина современных разливов Лоб-нора около 25 верст.

шее сходство по своему положению и физическим свойствам с Лоб-нором китайцев, чем Лоб-нор Пржевальского, г. Свен Гедин решился идти от Тыккэлика до Карахошуна, все время держась левого, восточного берега текучей или стоячей воды, которую он ожидал встретить в пути, дабы не упустить протоков на восток. Он так и сделал. Интереснейшее описание этой части своего путешествия г. Свен Гедин поместил на страницах 305—361 тома XXXI за 1896 г. журнала «Zeitschrift» Берлинского географического общества под заглавием «Das Lop-nor-Problem».

15 же октября 1897 г., в обыкновенном собрании Русского географического общества г. Свен Гедин сделал интересное сообщение о своем путешествии на Памир, в Кашгарию, на нагорье Тибета и на Лоб-нор. Это озеро на эскизной карте, предложенной шведским путешественником вниманию публики [1], было показано на один градус севернее того положения, которое, как известно, установил своими точными астрономическими наблюдениями первый европейский исследователь бассейна Тарима Н. М. Пржевальский.

На помянутой карте, изображавшей два Лоб-нора, тому из них, который нанесен по китайским данным, отведено на ней среди песков обширное пространство, тогда как другому, Лоб-нору Пржевальского, занимающему наиболее глубокую и далеко протянувшуюся на северо-восток солончаковую впадину, отведено ничтожное, мало заметное и, в довершение всего, сдавленное сплошными сыпучими песками место.

Так как я лично трижды посетил Лоб-нор и в третий раз в зиму 1893—1894 г., моя маршрутная съемка охватила страну «Лоб» с севера, запада и юга, оставляя на северо-востоке небольшой сравнительно промежуток, то естественно, что после сообщения г. Свен Гедина у меня завязался с докладчиком живой обмен мыслей по поводу исследованных нами обоими мест.

Моя брошюра «Лоб-нор». Я решил закрепить на бумаге [2] высказанные мною тогда г. Свен Гедину взгляды на его разъяснение лоб-норского вопроса и вместе с тем привести свидетельства всех посещавших Лоб-нор очевидцев и сделанные бароном Рихтгофеном Пржевальскому возражения, для того чтобы беспристрастный читатель мог составить себе ясное представление о современном состоянии Лоб-нора и решить, не прибегая к источникам, не у всякого имеющимся под рукою, кто же из двух

[1] Карта эта представляла увеличенную и дополненную по данным докладчика копию карты, приложенной к английскому переводу сочинения Н. М. Пржевальского: «От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор», сделанному действительным членом Русск. геогр. об-ва Delmar Morgan'ом под заглавием: «From Kulja across the Tianschan to Lob-nor. By Col. Prjevalsky», London, 1879. Карта эта, составленная бароном Рихтгофеном по данным Пржевальского и на основании китайской карты, изданной в 1863 г. на китайском языке в Ву-чанг-фу, представляет карту Пржевальского, наложенную на карту китайскую, отпечатанную краскою другого цвета, чем первая. Градусная сеть общая.

[2] Изв. Русск. геогр. об-ва, т. XXXIV, вып. 1, 1898 г. С двумя картами. Стр. 60—116.

прав — Пржевальский, отождествляющий исторический Лоб-нор с современным, или барон Рихтгофен [1], утверждающий, что древний Лоб-нор должен лежать, согласно китайской карте, гораздо севернее нынешнего? [2]

Здесь мы ограничимся только некоторым извлечением из моей статьи о Лоб-норе.

Обратимся к разбору возражений барона Рихтгофена.

Разбор возражений барона Рихтгофена. Кара-кошун-куль не есть исторический Лоб-нор, говорит барон Рихтгофен, потому что это озеро пресное, тогда как исторический Лоб-нор — озеро соленое.

Кара-кошун-куль, действительно, заключает в себе пресную воду, но, заметим мы, там только, где в нем проходит струя Тарима — Яркенд-дарьи. По окраинам же озера, в тихих заводях, словом всюду, где вода застаивается, она солоноватая, а далее к востоку соленая, даже горько-соленая. На это указывают и Пржевальский, и Певцов, и принц Орлеанский, и Свен Гедин; то же могу подтвердить и я; чем дальше от места впадения Яркенд-дарьи в Кара-кошун-куль, тем солонее вода, и, наконец, даже верблюды отказываются ее пить. Отсыхающее дно озера пропитано солью, солончаки окружают его на далекое расстояние. Все это согласуется и с данными истории, и с требованиями теории. Следовательно, с этой стороны нет препятствий считать Кара-кошун-куль историческим Лоб-нором.

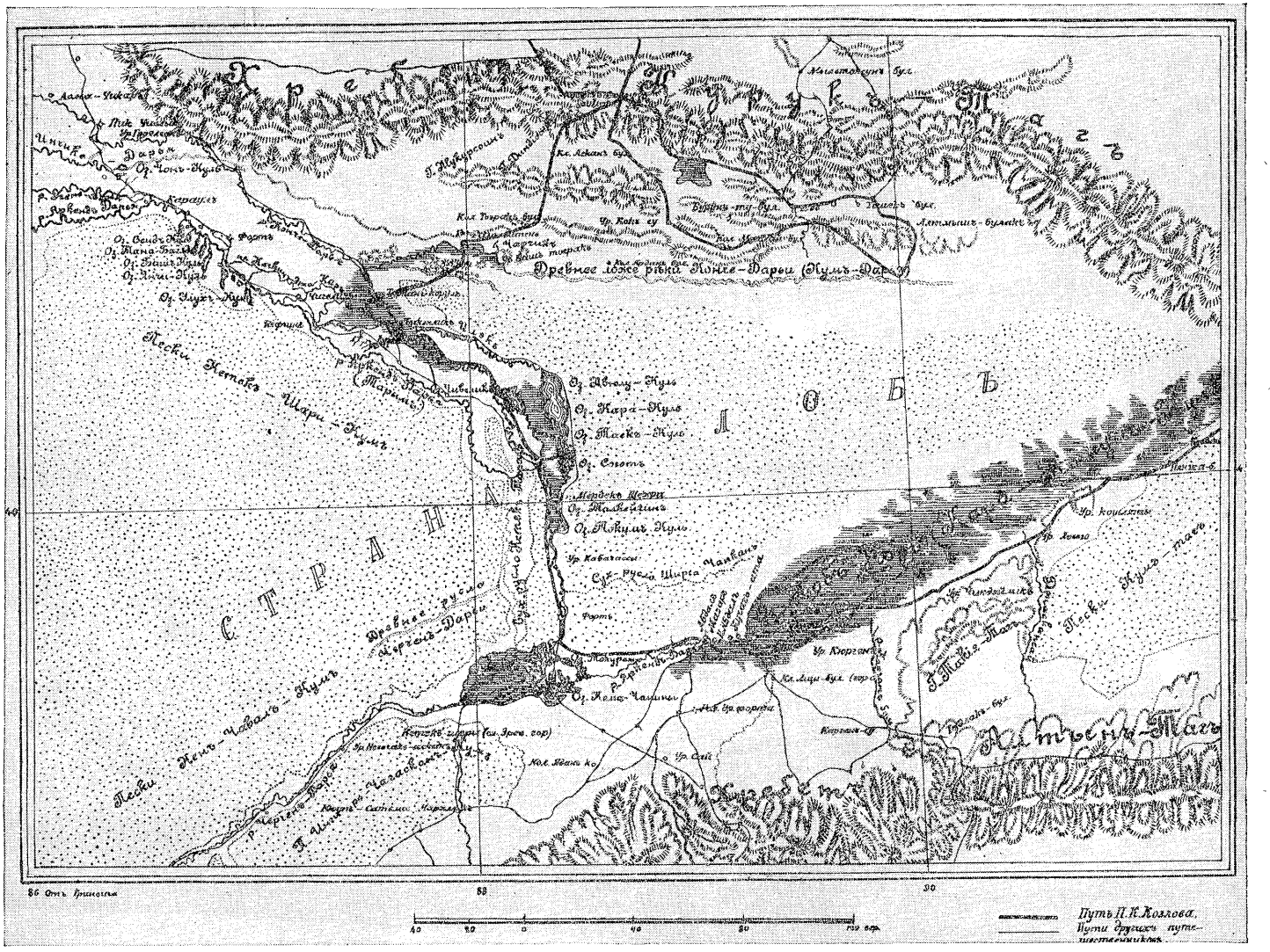
Лоб-нор показан на китайской карте и в китайском сочинении Си-юй-шуй-дао-цзи на целый градус севернее Кара-кошун-куля. Да, но это ошибка, и вот почему.

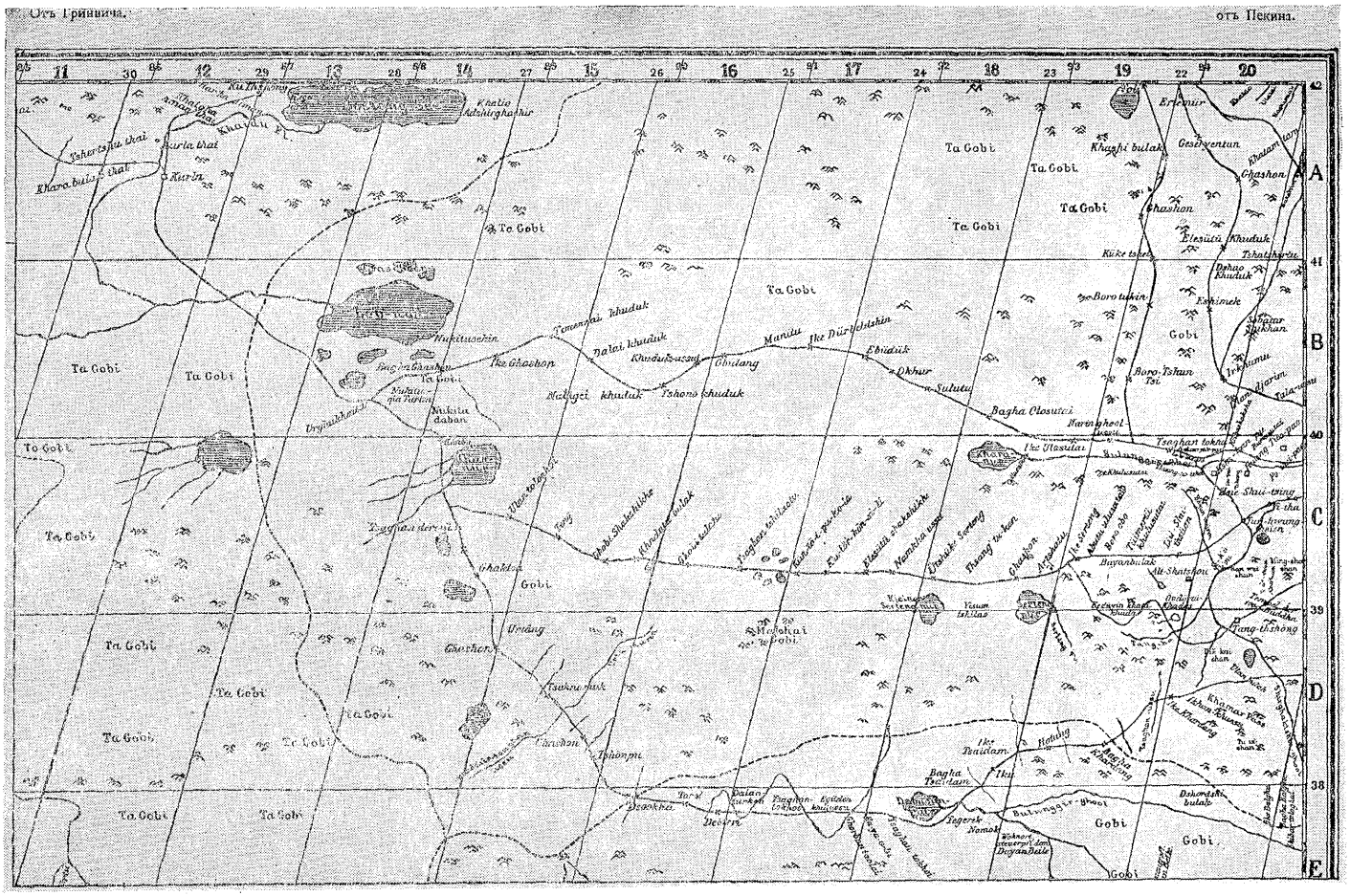
Географические координаты урочища Айрылган, близ слияния Конче-дарьи с Таримом, определены теми же иезуитами Галлерштейном и д'Эспиньей, которые определили таковые для Курля и Кара-шара. По этому определению, Айрылган лежит под 40°2′ с. ш. и 87°23′ в. д. от Гринвича (по определению же М. В. Певцова под 40°8,7′ с. ш. и 88°20,0′ в. д. от Гринвича), т. е. всего лишь на 6,7′ южнее, чем в действительности, что несомненно говорит в пользу тождественности Айрылгана иезуитов и Айрылгана Певцова. Иными словами, место слияния Конче-дарьи (Хайдугол китайской карты) и Тарима (Яркенд-дарьи) находилось и во времена

---

[1] Г. Свен Гедин, разделяя воззрения знаменитого своего учителя, барона Рихтгофена лишь развивает его возражения Пржевальскому и старается, как мы видели выше, подкрепить эти возражения новыми доводами. Поэтому мы, кажется, вправе говорить здесь о споре только двух — Рихтгофена и Пржевальского. Гипотезу г. Свен Гедина мы рассмотрим отдельно ниже.

[2] Приложенная китайская карта представляет в уменьшенном размере ту самую, на которой основываются и барон Рихтгофен и г. Свен Гедин. Карта эта воспроизведена цинкографией с экземпляра, приложенного к статье «Nord-Tibet und Lobnur Gebiet in der Darstellung des Ta-Thsing i thung yü thu (erschienen zu Wu-tschang-fu, 1863) unter Mitwirkung des Herrn Karl Himly in Wiesbaden, herausgegeben von Dr Georg Wegener», появившейся в «Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin», B. XXVIII, 1893.

Древнее ложе реки Тарим-Дарьи (Яшуль-Дарья)
Древнее ложе реки Конче-Дарьи (Яшуль-Дарья)
Древнее русло Черчень-Дарьи
Пески Кетмень-Шари-Кумы
Пески Кетмень-Шари-Кумы
Пески Кетмень-Шари-Кумы

От Гринвича.
от Пекина.
Ta Gobi
Gobi
Lop Nor
Kurla
Khaidu
Kurin
Khara bulak
Khashon
Khuduk
Bagha Closutei
Ike Ulastai
Ike Tuaidam
Bagha Tsaidam
Tsaidam
Tsaidam Gobi
Tsaidam Lake
Dsaokha
Deorin
Tsonpu
Tsaidam
Ulan-ula
Ulan-tologai
Ulan-tologai
Ulan-tologai

иезуитов, определивших его положение, много южнее того места, где на китайской карте показан Лоб-нор. Между тем этот пункт лежит значительно севернее современного устья Тарима, которое лет 90 тому назад находилось всего лишь на 4 версты западнее нынешнего, а лет 200 тому назад Яркенд-дарья текла по руслу, именуемому ныне Ширга-чапкан, начинающемуся от урочища того же имени, в 25 верстах выше Чегелика, но южнее Айрылгана верст на 40. Следовательно, уже во время посещения вышеупомянутыми иезуитами Айрылгана Лоб-нор находился на месте Каракошун-куля. Очевидно, составитель китайской карты, которую барон Рихтгофен кладет в основу своих возражений, упустил из виду определенное иезуитами положение Айрылгана.

Далее барон Рихтгофен говорит, что к югу от Лоб-нора на китайской карте показана лишь равнина, горы же, по мнению барона Рихтгофена, соответствующие Алтын-тагу, показаны южнее озера Khas-nur.

На приложенной китайской карте, повторяю, той самой, которая послужила Рихтгофену для его возражений, мы южнее Лоб-нора видим надпись «Nukitu-daban»; «daban» значит «перевал». Следовательно, в этом месте находится перевал. Ничего ведь такого, чего нет в действительности, нет и на китайских картах, утверждает барон Рихтгофен. Значит между озерами Лоб-нор и Khas-nur лежат горы. И действительно, мы находим тому подтверждение в статье В. М. Успенского «Страна Кукэ-нор и Цинхай», составленной по китайским источникам. В этой статье [1] читаем: «От Кара-нора до Лоб-нора ведут две дороги — южная и северная; по южной дороге от Баянь-булак, полагаемого в 150 ли к юго-западу от Ша-чжоу (Са-чжоу), идут к западу 200 ли до Добугоу; потом к юго-западу 150 ли до Хулусутай, снова к западу 730 ли до Чаган-чолоту, 300 ли до Уланьтологой, далее до Касы-нор, которое обходят по восточному берегу; идут к северу до местности Ку-бу, а далее по южной подошве хребта Нуциту: поворачивают к западу до Нуциту-сэцинь и потом до прохода [2] в горах Нуциту, всего 300 с лишком ли. Далее к западу по южному берегу Лоб-нора доходят до Икэ-кашунь, Бахань-кашунь и Тарима у Габаньакжань».

Несколько строк выше мы имеем указание на горы Нуциту, лежащие

---

[1] «Записки Русского геогр. об-ва по отдел. этнографии», т. VI, СПб., 1880 г., стр. 57—196.

[2] Быть может, что Таш-дабан, в 25 верстах к западу от которого прорезает Алтын-таг река Илбе-чимен, называемая севернее Джахан-сай. На китайской карте у Нукиту-дабан показана река, имени которой не дается на карте. Может быть, однако, проход этот и не Таш-дабан, а Курган-дабан, лежащий верст на сто восточнее первого и которым перешел Алтын-таг Пржевальский во время четвертого своего путешествия. Этот перевал удобнее Таш-дабана и, пожалуй, более подходит к китайскому описанию пути с Гас-нора на Лоб-нор. Вблизи Курган-дабана есть тоже речка — Курган-булак, верстах в 15 восточнее перевала.

между озерами Касы-нор и Лоб-нор. Из этого ясно следует, что озеро Касы-нор или Khas-omo ни в каком случае не может быть отождествлено с Кара-кошун-кулем, а так как Лоб-нор лежит, как явствует из приведенного описания и из карты, у северного подножья гор Нуциту, то Кара-кошун-куль, признанный Пржевальским за Лоб-нор, действительно и есть исторический Лоб-нор.

Что же касается озера Khas-omo Рихтгофена или Khas-nur китайской карты, то оно, несомненно, соответствует озеру Гас Пржевальского, как на то указал г. Свену Гедину на другой день после доклада его в Русском географическом обществе начальник Военно-Топографического отдела Главного Штаба, генерал Штубендорф. Правда, это озеро лежит южнее, чем оно показано на китайской карте, а именно под 38°7′ с. ш., тогда как на китайской карте оно показано под 39°50′ с. ш. Положим, что координаты Гас-нора взяты нами с карты, приложенной к описанию четвертого путешествия Н. М. Пржевальского, но пересечение реки Уту-мурень с дорогою, которою Пржевальский пришел из Цайдама к Лоб-нору в 1885 г., следующее: широта 36°55,8′, долгота от Гринвича 93°13′, на китайской же карте широта 38°30′, а долгота примерно 90°27′. Сделав соответствующие перемещения реки Уту-мурени, озер Гас-нора и Лоб-нора на китайской карте и поставив на места города Корла (Курля) и Шах-яр, урочище Айрылган, т. е. место слияния Конче-дарьи с Яркенд-дарьей, а также среднее течение Яркенд-дарьи, мы получим на карте всю ту кривую нижнего Тарима, которая в верхних двух третях своих, несомненно, вопреки показанию китайской карты, существует, как явствует из местных преданий, приводимых М. В. Певцовым, по крайней мере за 200 лет.

Таким образом, оказывается несостоятельным и то возражение барона Рихтгофена и г. Свена Гедина, которое построено на данных китайской карты, а вместе с тем и остроумная гипотеза г. Свена Гедина, развитая им на страницах 201—205 тома 42-го (за 1896 г.) «D-r Petermanns Mitteilungen» под заглавием «Ein Versuch zur Darstellung der Wanderung des Lop-Beckens in neuerer Zeit» и воспроизведенная на страницах целого ряда повременных изданий русских и иностранных.

Что касается другого, безымянного озера, показанного на китайской карте лежащим западнее Khas-nur, то это — или озеро Незамерзающее (Аяг-кум-куль) или, быть может, Чон-кум-куль; впрочем, для наших целей отождествление его с которым-либо из известных озер не имеет значения. Во всяком случае, это не Кара-буран (Кара-боён), потому что на восточном крае этого озера показаны на китайской карте горы, которых нет по восточную сторону Кара-бурана.

Кара-буран, равно как и впадающая в него Черчен-дарья, имеющая около 600 верст длины, очевидно, не были известны составителям китайской карты, как были неизвестны им и оазисы Черчен и Ния.

Разбор гипотезы г. Свена Гедина. Нам остается рассмот-

реть доводы, приводимые г. Свеном Гединым в пользу отождествления открытых [1] им озер с древним Лоб-нором.

Оставляя в стороне аргументы, выставляемые г. Свеном Гединым на основании китайской карты, которою, как мы видели, нельзя в настоящее время пользоваться для установления географических координат того или другого пункта, на ней означенного, обратимся к рассмотрению других доводов, выставляемых г. Свеном Гединым в пользу гипотезы, что открытые им озера должны быть остатками древнего Лоб-нора.

Предварительно считаю, однако, необходимым сказать несколько слов о реке Конче-дарье, так как в ней, по моему мнению, кроется разгадка явлений, наблюдавшихся г. Свеном Гединым вдоль по Илэку.

Реку Конче-дарью я посетил дважды в той части ее течения, которая лежит к северу от Тыккэлика.

В первый раз я был на ней в октябре 1890 г., когда М. В. Певцов, в составе экспедиции которого я тогда находился, командировал меня осмотреть реку Конче-дарью от Тыккэлика до пикета Чиглык на протяжении около 200 верст.

Река Конче-дарья течет с северо-запада на юго-восток. До урочища Гэрелгана она часто меняет свое направление, пока не встретит на пути более возвышенной и покатой от хребта Курук-тага равнины, которая и заставляет ее изменить свое общее направление на юго-восточное. Конче-дарья несет свои пресные воды, подобно Тариму, в извилистом корытообразном русле. Ширина ее от 12 до 15 сажен и в редких местах до 20. Глубина у самого берега вообще немногим меньше, чем на середине реки, где достигает 4 сажен; такова, по крайней мере, глубина у места нашей переправы на урочище Турпан-корул. Течение довольно скорое. Рыбы те же, что и в Тариме. Берега наполовину низменны, наполовину же поднимаются до 3 сажен над уровнем воды. На низменных берегах встречались озерки, служившие пристанищем для пролетных пернатых; кругом озер растут высокий камыш и куга (*Typha*). На возвышенном берегу камыш покрывает только узкую полосу, а дальше от реки растут: тополь, колючка и тамариск. В некоторых местах, где река делает большие излучины, ею промыты новые прямые русла, а старые, кружные, покинуты. Подобных стариц мы встречали немало. Одни из них, более древние, совершенно сухи и бесплодны, другие же, сравнительно недавние, представляют болота, поросшие высоким тростником, в котором живут кабаны. В более свежих старицах во время половодья реки возобновляется слабое течение. Кроме того, нами прослежена одна старица, посредством которой в половодье затопляется довольно обширное низменное береговое пространство, напоминающее солончаковое болото. По спадении воды в реке, приток ее в болото

[1] Правильнее — описанных, потому что об этих озерах упоминает М. В. Певцов. См. «Труды Тибетской экспедиции», ч. 1, стр. 317.

прекращается, и временное озеро быстро высыхает. Обнаженное волнистое его дно, вследствие сухости воздуха, превращается в твердую, как камень, поверхность.

На всем протяжении Конче-дарья принимает только один приток Инчике-дарью справа, но и тот только в половодье доставляет ей незначительное количество воды, затопляя собою на пути открытую солончаковую впадину, а в остальное время не доходит до Конче-дарьи.

Средняя ширина береговой растительной полосы по обоим берегам реки простирается до 10 верст. Более всего выделялся тополевый (*Populus diversifolia* и *P. pruinosa*) лес, который вблизи реки высок и густ, вдали же редок, а местами состоит из отдельных куп и мертвых деревьев. К тополю примешивается в небольшом количестве джигда (*Elaeagnus*). Остальная растительность главным образом состоит из камыша, кендыря, солодки и астрагала. На влажных местах встречаются солянки, сухие же солончаковые площади покрыты колючками (*Halimodendron argenteum*), а на буграх растет гребенщик (*Tamarix*).

На третий день пути вверх по реке Конче мы увидели на северо-востоке, верстах в 40, хребет Куруг-таг, но в неясных очертаниях. Между ним и рекою Конче залегает унылая безжизненная равнина, сначала песчаная, даже солончаковая и, наконец, близ подножья хребта, щебне-дресвяная. Хребет, как нам казалось, простирается с северо-запада на юго-восток. На урочище Гэрелган, где река делает крутой поворот, хребет Курук-таг находился от нас только в 10 верстах и от него простирались в реку сухие русла.

О двух последующих пребываниях на Конче-дарье мною изложено выше; но особенно важно для настоящей цели мое пересечение этой реки на пути от Эмпеня до Турпан-корула. Тут яснее заметны стадии отступления и характер мертвого ложа Конче-дарьи.

Итак, Конче-дарья текла некогда в ином, более восточном, направлении, чем теперь. С течением времени ложе реки все более склонялось к югу. О том свидетельствуют остатки древних русел к югу от Кум-дарьи — между нею и современной Конче-дарьей. Наконец, уклонившись на 40—45° от первоначального направления, Конче-дарья легла в то русло, в котором она ныне течет до Айрылгана, где сливается с Таримом. Во всяком случае, Конче-дарья неизменно направлялась и в то отдаленное время, как направляется и теперь, в сторону наиболее низкой части орошаемой ею пустыни — в озеро Лоб-нор.

В былое время, когда Лоб-нор был, без сомнения, больше и простирался гораздо далее к северу, западная оконечность его лежала на линии Уртэн — Абдалы — Айрылган, как то свидетельствуют единственные во всей Кашгарии древние дюны (см. в брошюре «Лоб-нор» выписки из труда К. И. Богдановича); южный же берег Лоб-нора занимал примерно то же место, как и ныне, и вдоль него пролегала та же древняя дорога

с Лоб-нора в Са-чжоу, по которой 600 лет ранее меня прошел Марко Поло.

В своем верхнем течении, от Гэрелгана до Турпан-корула, исключая второстепенные старицы (илэки), Конче-дарья имеет одно живое русло. В болотах же, примыкающих к Тыккэлику, в этом передаточном резервуаре происходит первое перемещение вод из Конче в Тарим, к его восточному притоку Кунчикаш-тариму, соединяющемуся с Яркенд-таримом у Айрылгана, который поэтому вполне справедливо назвали Пржевальскому Конче-дарьей. По изысканиям, произведенным г. Свеном Гедином весною, оказывается, что две трети всего количества воды Конче-дарьи вливается каскадами в Кок-ала, и только одна треть продолжает двигаться в прежнем направлении по глубокому ложу, круто склоняясь в нижней своей половине к югу. От этой замечательно длинной старицы — Илэка — отходит сравнительно небольшая ветвь к Кунчикаш-тариму, выше Айрылгана, и еще меньшая, пониже Айрылгана,— к Яркенд-тариму. Такова, представляется мне, в общих чертах схема Конче-дарьи до образования новых, открытых г. Свеном Гедином, озер.

Уровень воды в Конче-дарье был тогда несколько выше уровня воды в Тариме, как это мы видим и теперь вблизи Тыккэлика, где Конче-дарья образует при впадении в Кок-ала каскады. Несколько же (9—15) лет тому назад воды Конче-дарьи, отступая к западу и приближаясь к Тариму, понизились почти до общего с ним уровня. В это время как раз в середине Кунчикаш-тарима, где так невысоки и непрочны берега, по словам туземцев, произошел прорыв — вода полилась обратно к Илэку, затопила песчано-солончаковую котловину Чивеллик, оживила и погибавшую озеровидную долину Илэка, которую туземцы стали именовать Авуллю-куль, Кара-куль, Согот (Арка-куль) и пр. Значительная часть воды снова возвращается по ближайшей старице в Яркенд-тарим, а очень незначительное количество ее проносится далее по южной, удаленной части старицы, где уже бóльшая половина лагун была безводна. Такое уклонение вод к востоку я считаю временным: песок и ветер, действуя рука об руку, не преминут поднять постель реки, а тем самым дадут воде ее надлежащее направление к западу. Тогда вновь настанет неизбежное осыхание озеровидной старицы, которая по-прежнему будет освобождаться от воды последовательно с юга к северу, а пока это не случится, Кара-кошун-куль — истинный Лобнор — будет все более и более сокращаться. Многочисленные водные артерии сольются с главной, Чон-таримом, хотя, конечно, до этого времени могут произойти некоторые изменения в современной сети описываемых артерий.

Более серьезные изменения последуют, вероятно, в будущем, когда Тарим вплоть до меридиана Курля сольется с Конче-дарьей и в своем низовье направится по древнему ложу Кетэк-тарим, современный же бассейн Лоб-нора переместится также к юго-западу, образуя общее с нынешним

Кара-бураном озеро, разольется к северу и к востоку, но едва ли когда покинет ту солончаковую впадину, в которой издревле покоились воды Лобнора.

Берега Конче-дарьи и в ту эпоху, когда она текла еще по древнейшему своему руслу — по Кум-дарье, имели тот же характер, какой они сохранили между Тыккэликом и Гэрелганом или вдоль Илэка и образуемых им разливов-озер. Возвышенная часть берега ближе к урезу воды занята тополем, низины — камышом, а подальше от реки растет тамариск, который своими длинными корнями способен извлекать потребную им влагу с глубины 20—25 футов [1]. По мере того как река уклонялась от первоначального своего направления, перемещалась за нею и растительность, ее сопровождавшая, а так как река отступала к западу, то естественно, что на восточной ее стороне растительность была старше, и в этой только стороне могут существовать старые русла и «доны», погребающие тополи и кусты тамариска.

В песках засыпанные тополи значительно ниже, корявее и достигают 5—6 футов толщины; обремененные толстыми и тяжелыми сучьями, они часто разрываются и расстилаются по земле, обнаруживая резкую свиловатость коры и древесины. Господствующие ветры значительно наклоняют деревья в сторону своего движения. Обильно опадающие листва, кора и сучья, заносимые песком и пылью, постепенно подымают почву над деревьями и образуют значительные холмы, из которых выдаются лишь верхние ветви заживо погребенных деревьев. Преобладающие ветры, нанося на эти холмы минеральные частицы и органическую пыль, способствуют их росту и погребению деревьев. Те же ветры, действуя с наибольшей силой в промежутках между холмами, выдувают в них почву. Таким образом, от двоякого действия воздушных токов, приращающих холмы и в то же время понижающих уровень почвы в промежутках между ними, относительная высота этих холмов постепенно увеличивается и погребаемые ими деревья гибнут совершенно.

Доны, созидаемые тамарисковыми кустами, достигают такой же значительной высоты; с прекращением влаги доны погибают: потеряв лиственную шапку, их венчавшую, они не могут долее противиться разрушительному действию ветров, которые начинают постепенно выдувать и уносить песчано-илистые частицы для образования новых холмов по-прежнему в ближайшее соседство долины реки. От дона остается лишь низкий столб первобытной почвы с плоскою поверхностью, на которой лежит куча обдутых сучьев и корни мертвого куста.

Менее видное влияние в данном случае оказывают камыши, которые,

---

[1] Поэтому и Свен Гедин после своего крушения в песчаной пустыне, к востоку от Хотан-дарьи, первым из растительности встретил живой куст тамариска, побегами которого он утолил свою крайнюю жажду; но до реки все еще было довольно далеко

покрывая собою солончаковые низменности долин[1], от времени уничтожаются окончательно, оставляя почти навсегда оголенные площади, по которым быстро скользит песок, задерживаемый только стоящею поодаль кустарною и древесною растительностью. Особенно богатые солью и сравнительно обширные мертвые лагуны могут служить нам миниатюрным примером в изучении главного водоема озера Лоб-нора. На последнем, как и в разбираемом нами случае, еще труднее остановиться быстро несущимся песчинкам; характерные солончаки, залегающие по дну всего древнего водоема, местами отвердевшие, как горные породы, и стоящие уродливыми волнами, местами плоские, влажные, пресыщенные горько-соленым раствором, не могут дать места иной растительности, кроме солянок, в особенности древесной; на большей части обширных солончаков Лоб-нора она может возродиться только в местах, обильно орошаемых пресной водой, да и то вначале лишь травянистая и кустарная.

Подчеркнем еще раз следующее.

Река Конче-дарья от времен, значительно отдаленных до наших дней, переместилась на большое пространство, по крайней мере, ниже урочища Гэрелган, на всем протяжении от этого урочища до озера Токум-куля, образуемого ныне ее крайним восточным рукавом. В более поздний период Конче-дарья оказывала влияние на колебания нижнего Тарима; и всякий раз водные возмущения происходили при увеличении вод ее в западной ветви, в ущерб осыхавшей восточной (Илэка). Всегда за постепенно отступавшей водой отступала и растительная жизнь, а за этой последней надвигались, как и теперь продолжают надвигаться, сыпучие пески, отвоевывая для пустыни все большее пространство и устилая свой путь мертвыми стволами погибших деревьев. Более возвышенные доны размещены на границе жизни и смерти, а затем у лесов тополя и кустов тамариска до их окончательной гибели. На влажных, иногда довольно обширных пространствах кое-где видны солончаки и очень незначительные участки признаков камышей.

Из всего вышесказанного следует, что наблюденные г. Свен Гедином факты объясняются иначе: мертвую страну к востоку от открытых им озер образовал не Лоб-нор, отстоящий на градус южнее, а река Конче-дарья в своем непрерывном стремлении к западу, озеровидная же местами старица Илэк и сопровождающий ее вдоль восточного ее берега «пояс соляных лагун» и болот представляют жалкие остатки вод опять-таки не Лоб-нора, а уклонившейся странницы-реки.

Этими данными и объяснениями опровергаются доказательства, приводимые г. Свеном Гедином в пользу его гипотезы о существовании когда-то другого Лоб-нора.

---

[1] Где дольше всего сохраняется влага, по исчезновении которой остается издалека заметный блестяще-беловатый пояс соли.

Почему Марко Поло не упоминает об озере Лоб-норе, предоставляю решить более компетентным лицам.

Заключение. Единственный же вывод, который я могу сделать из всего предыдущего изложения о лоб-норском вопросе, тот, что Кара-кошун-куль есть не только Лоб-нор незабвенного моего учителя Н. М. Пржевальского, но и древний, исторический, настоящий Лоб-нор китайских географов *.

◆

Дороги в Са-чжоу. Время пребывания на озере Лоб-норе прошло незаметно. Кунчикан-бек искренне заботился о нашем снаряжении. С этим добрым стариком мы по вечерам засиживались долго. От него узнали, что весною 1893 г. прошел Литтльдэль с женою из Лоб-нора в Са-чжоу. Англичане направились горной дорогой, хотя энергично протестовали Кунчикан-беку против этого пути, намереваясь следовать по пескам Кум-тага, и с этой целью везли массу резиновых мешков для запасов воды. Правитель Лоб-нора категорически отказал в людях, так как в марте месяце, когда отправлялись супруги Литтльдэль, дикая пустыня недоступна для движения.

Из Лоб-нора в Са-чжоу ведут две дороги: Наньху-юл, или горная, пролегающая через Галичан-булак [1]; этим путем движение происходит с весны до осени; Шиху-юл (нижняя дорога, которую удалось мне исследовать) проходима только зимой. До предпоследнего магометанского восстания дунгане имели сношение с Лоб-нором по Шиху-юл. Из Са-чжоу шли караваны, нагруженные предметами первой необходимости, как то: чугунными чашами, ковшами, чаем и пр. Обратно те же караваны увозили рыбу. Вообще дунгане вели с лобнорцами оживленную меновую торговлю.

Известно также, что в древности через Лоб-нор пролегал караванный путь из Китая в Хотан. Этою же дорогою в 1272 г. по р. Х. шел в Китай Марко Поло, а 150 лет спустя возвращалось из Китая в Герат посольство Шаха-Рока, сына знаменитого Тимура.

В позднейшее время, три года тому назад, проехал китайский чиновник с Лоб-нора в Са-чжоу горной дорогой и вернулся обратно нижней. Цель

---

* Впоследствии П. К. Козлов несколько уточнил свое объяснение. См. в наст. томе его статью «Кочующие реки Центральной Азии»; о Лоб-норе см. также предисловие к книге Н. М. Пржевальского «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор» (1947 г.), написанное Э. М. Мурзаевым.

[1] Откуда вернулся Н. М. Пржевальский — «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-нор», стр. 39.

этой поездки заключалась, по словам Кунчикан-бека, в осмотре кратчайших путей, ведущих из Восточного Туркестана в Западный Китай.

6 января мы покинули селение Абдал и приветливого Кунчикан-бека. Последний, вместе со своими сыновьями и частью подчиненных, провожал нас несколько верст. На этот раз правитель Лоб-нора заметил на прощанье: «Дружба, с которой вы относитесь ко мне, да перейдет на моих сыновей! Сам я близок к смерти». Внешний вид Кунчикан-бека говорит обратное. В общем он ничуть не изменился за те девять лет, в которые я его знаю. Он так же бодр и энергичен, каким казался и в 1885 г.

Следование южным берегом Лоб-нора. Три дня по времени, или 70 верст по протяжению, наш путь шел на восток и северо-восток южным берегом озера Лоб-нора. Почти на всем означенном протяжении вблизи нас была открытая (свободная от тростника) полоса воды; местами она расширялась, местами суживалась. По мере обеднения водою рукава, камыш значительно мельчал. Наконец, вблизи урочища Лачин вода иссякла: борьба с пустыней окончилась. Далее к северо-востоку потянулась растительность среднего рукава, теряющегося в тех же солончаках.

Кое-где по этим зарослям мы встречали следы кабанов и дзеренов. Вечером, при полном безмолвии вокруг, слышались стройные, мелодичные звуки лебяжьего полета. Фон желтого камыша резко выделял матовую белизну птиц. Зимующие лебеди держатся на открытых болотах восточной оконечности Лоб-нора. По утрам эти красивые птицы наблюдались сидящими на поверхности льда. Около полудня лебеди перемещались на озеро Кара-буран, куда их манили широкие полыньи и обилие корма.

В урочище Лачин мы оставили озеро Лоб-нор. На юге к нему примыкала солончаковая площадь, всхолмленная точно застывшие волны, и только у воды тянулась ровная мягкая полоска, удобная для движения. Изредка на влажных площадках стелется низкая солянка, служащая кормом пролетным пернатым; следы крупных голенастых сохраняются на ней отлично. Ширина солончаков на юге, где они граничат с холмами, простирается до 10 и более верст; на восток же они уходят за горизонт. По этой местности мы двигались без тропинки, а затем вступили в пояс береговых дюн. Направление последних было с юго-запада на северо-восток, параллельное берегу Лоб-нора; высота их колебалась от 10 до 40 футов. Пьедесталом им служит песчано-глинистая почва. К югу от полосы холмов простирается каменистая возвышенность, посыпанная галькой. За ней поднимается хребет Алтын-таг. Параллельно ему простирается отдельный кряж Такия-таг, между сухими руслами Курган-булак на западе и Джаскансай на востоке. Обращенный к нам склон был посыпан песком; означенные пески служат западной окраиной Кум-тага.

Пески Кум-таг. Пески Кум-таг залегают на каменистой покатой равнине. Южной границей их служит хребет Алтын-таг, а северной —

обширные солончаки, представляющие как бы продолжение Лоб-нора [1]. Эти пески простираются в северо-восточном направлении почти до оазиса Сачжоу. К востоку от русла Джаскансай [2] ширина песков Кум-таг увеличивается и на меридиане урочища Туя [3] уже достигает 80—100 верст. Такой полосой реки тянутся до урочища Ачик-худук (120 верст), откуда граница их уклоняется к юго-востоку. Высота довольно правильных гряд Кумтага, направляющихся повсюду с юго-запада на северо-восток, простирается от 200 до 300 футов. Северо-западные склоны их пологи и тверды, а юго-восточные круче и рыхлее. Растительности в этих песках, по словам проводников, нет; воды также не имеется.

Вступив в полосу холмов, мы следовали на северо-восток. Местами, на каменистой равнине [4], прекрасно сохранились следы древней дороги, по которой некогда проходил Марко Поло; остались также и ее указатели, сложенные из камней. К северу от дороги лежал сплошной солончак, свободный от снега, тогда как на юге снеговой покров достигал до $^1/_2$ фута глубины. Наш путь пролегал древним берегом Лоб-нора, который резко изменяется от урочища Чиндэйлик. Здесь каменистая полоса круто ниспадает к сопредельному солончаковому пространству. Высота песчано-глинистых обрывов простирается от 70 до 100 и более футов. Подножье этих обрывов и начало солончаков представляет самое отрадное место в этой дикой пустыне. Здесь тянется растительная полоса камыша, тамариска и ягодного хвойника. Кое-где разбросаны лужи горько-соленой воды.

Солончак. Чтобы избежать береговых извилин, дорога на следующем, от Чиндэйлика, переходе (44 версты) пролегает по сплошным влажным солончакам. В середине перехода, там где берег далеко уходит на юг, путешественник чувствует себя, точно в море. Могильная тишина и безотрадная картина по сторонам; на глади солончаков валялись скелеты павших животных: верблюдов, лошадей и ослов. Других указателей дороги тут нет, да их и не нужно, так много костей устилает трудный путь. Там и сям проносятся вихри; на сухих местах они имели вид высоких столбов. Вихри сменяются миражами, «злыми духами», строющими фантастические здания из ряда каменистых обрывов. Как было не вспомнить здесь начертанную Марко Поло картину ужасов перехода через пустыню Лоб!

Горы Курук-таг. На седьмом переходе у Пянжа-булака мы заметили на севере горы. В воздухе стояла пыльная мгла, но сквозь нее все-таки довольно ясно обрисовывался силуэт плоского хребта Курук-тага,

[1] В наибольшей западной половине; тогда как в восточной — долина низовья Булунцзира или Сулей-хэ.

[2] Есть две речки этого имени, одна к западу, другая к востоку от Курган-булака. Здесь идет речь о второй.

[3] Здесь, у северного подножия Кум-тага, залегают песчаники ханхайской свиты (отложения последнего внутреннего моря).

[4] Обнаруживались невысокие гривы биотитового гранита (зеленовато-белый мелкозернистый).

протянувшегося с северо-запада на юго-восток. Из урочища Корот-булака этот хребет виден уже отчетливо. Отсюда он принимает более величественный вид и меняет прежнее направление на восточное, но отличается совершенно пустынным характером. Южный склон его, обращенный к нашему пути, был свободен от снегового покрова. В общем восточный Курук-таг представляет такое же плоское поднятие, как и западный, но в восточной половине насажденные на нем горы и кряжи многочисленнее и массивнее, чем в западной. На меридиане озера Хала-чи этот хребет оканчивается в Хамийской пустыне.

От урочища Корот-булака на западе до Ачик-худука на востоке, на протяжении около 150 верст, описываемая пустыня отличается уже иным характером: солончаки оканчиваются, взамен их между Курук-тагом и песками Кум-таг простирается обширная долина, покрытая растительностью, свойственной берегам Лоб-нора. Эта долина окаймлена с севера крутыми обрывами предгорья Курук-тага. Такие же обрывы окаймляют ее местами на юге. В урочище Ачик-худук, до которого, по всей вероятности, простиралась восточная окраина Лоб-нора (залив), долина суживается до десяти верст. Здесь Кум-таг выделяет от себя несколько языкообразных гряд, достигающих своими северо-восточными оконечностями предгорий северных гор. Эти песчаные гряды как бы замыкают или преграждают долину с востока. Дно последней посыпано довольно крупным песком, который по мере удаления к западу становится мельче и, наконец, исчезает. Водоносный горизонт здесь, судя по глубине колодцев, находится в одной сажени от поверхности.

Вот почему этот угол пустыни, удаленный от человека, изобилующий кормом, а зимой и питьем (снег), дает приют тому интересному животному, которое издавна манит к себе европейцев-исследователей. Я говорю о диком верблюде.

Охота на диких верблюдов. ...С самого раннего утра 15 января, при следовании от Корот-булака в местность Туя, мы стали замечать свежие следы диких верблюдов. Около полудня проводник своим удивительно острым зрением открыл трех животных, пасшихся впереди нас. Верблюды шли от пустынных солончаков в сторону нашего следования. Звери изредка останавливались, срывали корм, но все-таки подавались вперед быстрее нашего каравана. Достигнув обильного корма, дикие верблюды остановились. По прибытии на ночлежное место, я тотчас же с урядником Баиновым и проводником направился к ним. Соображаясь с характером местности и с крайней осторожностью верблюда, нам приходилось бежать, ползти, стоять, сидеть. Сердце билось сильно; руки крепко сжимали винтовку. Спины верблюдов и их бока казались на солнце окрашенными в ярко-песочный цвет. Так и думалось: а вот увидят, почуют и исчезнут в пустыне. Но такая осторожность была излишней: животные, видимо, были спокойны, не пуганы, а главное, не видели и не чуяли нашего приближения. Наконец, расстояние сократилось до 300 с небольшим шагов. Покажись мы

немного, и труд пропал. Поэтому мы решились стрелять, грянули два выстрела, звери понеслись, но вскоре на минуту приостановились. Следующие выстрелы были сделаны на 600—700 шагов вдогонку убегавшим верблюдам. Счастливый выстрел заставил осесть одного верблюда, тяжело покачнулся он и медленно зашагал по направлению убегавших товарищей. Через несколько десятков саженей он уже залег. По следу снег был обагрен кровью; в местах остановки виднелись значительные красные пятна. Тем не менее животное, завидя нас, встало и тихо потащилось за товарищами, но через $^1/_4$ часа снова залегло. Солнце клонилось к горизонту. Проводник заметил: «Надо оставить до завтра; верблюд помрет на месте; иначе, т. е. если преследовать зверя, то он сгоряча может уйти далеко в Кум-таг». Мы так и сделали: вернулись на бивуак, откуда остававшиеся люди зорко следили за нашей охотой. В бинокль отлично были видны животные. Из двух уходивших верблюдов один также залег, но он был легче ранен; вскоре встал и потащился за товарищем на откос Кум-тага. Поздними сумерками верблюды скрылись. Я нетерпеливо ждал утра. С восходом солнца мы отыскали убитого верблюда. Радости моей не было конца.

Шкура и полный скелет убитого верблюда (самка) взяты в коллекцию; кроме того, внутри животного находился большой детеныш, шкурой которого мы также воспользовались. Проводники особенно были рады обилию мяса, которое они считают самым вкусным. В этом они правы: мы также ели его с большим удовольствием.

Два дня спустя, на переходе к урочищу Татлык-худуку, в виду нашего каравана пробежало стадо (7 штук) диких верблюдов. Сначала оно паслось на открытой долине. Заметив караван, звери быстро побежали наперерез нашего пути. Порядок движения был таков: шесть животных мчались друг за другом, гусем, и меняли свой аллюр, согласуясь с вожаком стада, бывшим все время сажен на сто впереди. Звери бежали и рысью, и галопом, с замечательной быстротой; порою останавливались, оборачивались головами к караванy, снова пускались в бегство, нередко чередуясь на пути, и, наконец, скрылись в песках Кум-тага. По откосу песков, убеленному снежным покровом, красиво тянулась вереница этих интересных гигантов.

На мое сетование — верблюды ушли — проводники заметили: «Завтра увидим непременно». Действительно, мы попали в гнездо диких верблюдов. На следующий день, во время следования каравана к Тограк-худуку, видели массу следов, лежек и в разных местах самих животных. Вблизи же указанного урочища эти животные так спокойно паслись, что я, не долго думая, направился к ним. Со мною по-прежнему находились неизменный товарищ по охоте, Баинов, и проводник. Местность была слегка пересеченная. На этот раз мы подошли несравненно скорее и даже ближе, нежели прежде. Несмотря на это, первые выстрелы оказались неудачными. Но зато как красиво были скошены те же два гиганта следующими двумя пулями.

Одновременно пали свободные «корабли пустыни» [1]. Памятен для меня этот счастливый день, украсивший коллекцию прекрасными шкурами диких верблюдов. Сам собою припомнился страстный, увлекающийся образ наблюдателя-охотника, каким всегда был незабвенный Н. М. Пржевальский. Как бы он порадовался такой заманчивой добыче, и с каким бы восторгом занес он это событие на страницы своего дневника...

Общие заметки о «корабле пустыни». По словам проводников, дикие верблюды всегда зимою держатся в описываемой долине в большом количестве. Поздней же весной и летом углубляются в недра Кумтага; другие же поднимаются в предгорья Алтын-тага или находят себе приют на севере в ущельях Курук-тага.

На невысоком нагорье, к югу от Алтын-тага, дикие верблюды также обыкновенны; В. И. Роборовский, во время своей весенней экскурсии из Сачжоу, стрелял в этих животных вблизи озера Хуйтун-нора, но, к сожалению, безуспешно.

Сыртынские монголы неоднократно говорили нам, что в любовный период дикие верблюды нередко забегают в стадо домашних собратов, как, в свою очередь, иногда приближаются и домашние верблюды к диким. Оплодотворенная диким кавалером домашняя самка дает слабое потомство; результат метисации наглядно выражается в более тонком позвоночном столбе, этой характерной особенности дикого верблюда, лишенного возможности развивать спину путем перевозки вьюков, на что обречен его домашний собрат, порабощенный человеком. Интересно также, что домашние верблюды, ушедшие к диким, всегда бывают изловлены человеком-охотником; несмотря на долгое пребывание в обществе диких верблюдов, домашний редко бежит от своего владельца: мало того, подобные беглецы способствуют охотнику успешнее подкрасться к общему смешанному стаду верблюдов.

В минувшее путешествие по Кашгарии, или северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии, нам лично не удалось близко познакомиться с этим животным, тем не менее собранные попутно сведения настолько интересны, в особенности о его распространении к западу от Лоб-нора, что, говоря вообще о диком верблюде, я решил присоединить сюда и эти заметки.

По словам кашгарцев-охотников, дикий верблюд не редок в пустынной местности между хребтом Алтын-тагом и нижним течением Черчен-дарьи, близ селения Ваш-шари, преимущественно западнее. В прежнее время это животное водилось здесь во множестве. Нередко встречались стада в несколько десятков, а иногда до сотни и более особей. Еще сохранился до сих пор старожил-охотник, который в молодости видел стадо на Таш-сае до 50 голов. В настоящее время в описываемой местности диких верблюдов не так много, вероятно, вследствие увеличения населения и бо́льшего преследования охотниками.

[1] Оба верблюда лежали на расстоянии пяти сажен.

По сведениям местных охотников, верблюды держатся по каменистому саю, покрытому низкорослыми растениями, служащими пищей этим животным. На водопой ходят изредка по протоптанным узким дорожкам. Ночуют они в песках, куда тотчас же исчезают с сая, заметив какую-нибудь опасность. Держась открытых мест, имея возможность поднимать голову довольно высоко и обладая чрезвычайно острым зрением, тонким слухом и обонянием, верблюды, будучи притом крайне осмотрительными, подпускают редко к себе даже опытных охотников. Последние специально за ними почти и не охотятся, но с тем бо́льшим интересом пытаются добыть зверя при неожиданной встрече с животным. Одеваясь в костюм цвета окружающей местности, охотник, низко припав к земле, зорко наблюдает за животным. В то время, когда верблюд срывает пищу, охотник насколько может торопливо подается вперед; но как только верблюд поднимает голову, охотник «замирает» на месте [1], оставаясь до следующей счастливой минуты совершенно неподвижным. Так замирает туземец много-много раз. Редко, но случается подкрасться незамеченным к зверю; убить же его возможно даже из малокалиберного фитильного ружья, с которым охотятся вообще все здешние туземцы. Шкура верблюда ценится дешево. Главным же образом привлекает туземцев мясо, в особенности осенью, когда верблюды довольно сыты, так как оно очень вкусно, а для женщин, как уверяют, даже полезно, ибо тело приобретает белизну и нежность. Сало верблюда напоминает по вкусу сливки.

Западнее г. Черчена, по нижней дороге в Нию, близ урочища Андэре также встречаются дикие верблюды. Они приходят туда из пустынь Такламакан осенью по уборке хлеба и возвращении туземцев в свои селения. Любимым местопребыванием их на старых пашнях служат оросительные канавы, обросшие растением *Chondrilla paucifolia*, называемым туземцами ишак-камыш, которое охотно поедается верблюдами.

Таким образом, географическое распространение дикого верблюда не ограничивается только Таримской котловиной, но они водятся также на соседних южных нагорьях небольшой высоты. На севере же эти интересные животные обитают только в песках Чжунгарии. Наиболее же диких верблюдов водится в песках Кум-таг, в той местности, где их впервые наблюдал европеец Марко Поло, поведавший образованному миру о свободных «кораблях пустыни».

Перехожу к прерванному рассказу.

Кроме верблюдов, в описываемой долине изредка встречались: антилопы, волки, лисицы, зайцы и мелкие грызуны. Из птиц чаще всего — таримская сойка, сокол-пустельга, больдурук, ворон; реже — камышовая стренатка и однажды замечены два вида хищников (больших).

Покинув «долину диких верблюдов», наш путь уклонился к юго-востоку, а прямо к югу отошли пески Кум-таг. Местность стала слегка повы-

[1] Такая охота отчасти напоминает весеннюю охоту на глухаря.

шаться [1]. По ней тянулись следы старого русла, направляющегося в Лобнорскую котловину с востока. Поверхностный слой этой местности был посыпан крупнозернистым песком. Этот песок, движимый ветром, производит удивительные изменения в песчано-глинистой почве, в особенности в старых обрывистых берегах. Последние местами прорваны, местами выдуты, местами сглажены — представляют полнейший хаос.

Тограк-булак. Следуя далее уже в восточном направлении, мы достигли прекрасного ключа Тограк-булака. Означенный ключ скрывается в довольно глубокой балке и течет на протяжении десяти верст. Берега его густо поросли тростником, солодкой, чернобыльником; на более высоких местах стоят холмы, покрытые тамариском. По дну долины красиво выделяются одинокие деревья тополя (*Populus*). Словом, это был первый приятный ночлег после утомительно-однообразной пустынной местности. Отсюда мы снова увидели хребет Алтын-таг, так долго скрываемый от наших взоров Кум-тагом. На юго-востоке вдали вздымалась снеговая группа Анэмбар-ула, ярко блестевшая на солнце.

Улучшение местности. По мере движения к востоку, долина становилась плодороднее, наши караванные животные шли бодрее, так как ежедневно на ночлежных местах могли есть и пить досыта. Усталость была сильно заметная лишь на лошадях [2]. Верблюды же шли все время хорошо; только с ними и можно пускаться в такую пустыню.

К востоку от источника Тограк-булака описываемая долина покрыта плоскими галечными высотами восточно-западного направления, между которыми залегают широкие балки. Эти балки, орошенные источниками и малыми озерками, почти повсюду покрыты хорошей растительностью. Дорога пролегает большею частью по упомянутым плоским высотам, на которых стоят кое-где полуразвалившиеся путевые башни, и только местами спускается в балки.

В описываемой долине, в 40 верстах к северо-западу от Са-чжоу, находится соленое озеро Хала-чи, простирающееся до 30 верст в окружности.

Отсутствие людей. Во время нашего движения по описанной местности мы вовсе не встречали людей, хотя колесных дорог, перерезывающих растительную полосу по всем направлениям, довольно много. Это следы китайских телег, приезжавших за дровами.

Теперь пришлось и нам запастись топливом на три перехода к Са-чжоу. Накануне выступления из богатой дровами местности у нас был последний большой костер, которым нередко освещался наш бивуак в обширной необитаемой пустыне. Только одно это обстоятельство и спасало нас, в особенности моих молодцов-спутников, спавших под пологом неба, от сильной ночной стужи.

[1] От Абдал до Ачик-худука абсолютная высота местности не изменяется, оставаясь на 2650 футах над уровнем моря.

[2] В середине пустыни одну лошадь пришлось бросить.

Рядом с глубокими колеями дорог часто встречались следы марала, кабана, антилопы, рыси, волка, лисицы и мелких грызунов. Птиц было значительно меньше. Таримская сойка здесь исчезает, тогда как появляется са-чжоуский фазан (*Phasianus satscheuensis*).

Приближение к оазису. Южнее озера Хала-чи мы покинули растительную полосу. Последний переход к оазису Са-чжоу на юго-восток мы сделали по каменистой щебне-галечной пустыне. В воздухе висела влажная мгла. Жилые места ощущались обонянием: встречный ветер приносил городской дым. Позднее стали обрисовываться силуэты деревьев; в 1 час пополудни мы вошли в окраину оазиса. Как на всем переходе, так и в оазисе, лежал сплошной снег, хотя солнце уже горело по-весеннему; на дорогах образовались проталины, китайцы усердно работали на полях, рассыпая по ним удобрение. Здесь же расхаживали фазаны, ничуть не стесняясь присутствием людей.

Свидание с экспедицией. Переправившись через реку Дан-хэ, которая была еще прочно скована льдом, мы достигли крепости, где от китайцев узнали о месте бивуака нашей экспедиции, расположившейся ниже города. К своим сотоварищам [1] мы дотащились в 5 часов пополудни. Расспросам и обмену впечатлениями не было конца. Теплая юрта благотворно подействовала на организм. Все минувшие трудности были забыты, и мы с отрадою вспоминали о законченной экскурсии.

Погода января. Январь, проведенный нами на высотах от 2650 до 3740 футов, приближался к концу. Этот месяц характеризовался бедностью атмосферных осадков, ясностью неба и довольно низкой температурой, особенно по ночам.

Преобладающие ветры были прежние — юго-западные и северо-восточные. Последние трижды достигали напряжения бури, причем несли снежную крупу; температура при этом значительно понижалась. Дни бывали облачные, но вечера и ночи почти всегда ясные. Перед рассветом небо заволакивалось облаками. Слоисто-кучевые облака приносились с запада-северо-запада. Больше всего таких облаков скоплялось над хребтом Алтын-тагом, и они нередко разрешались там снегом. В то же самое время на севере и северо-востоке, над равниной, небосклон был совершенно прозрачен.

Всего в январе насчитывалось ясных дней 8, полуясных 12, остальные были сплошь облачные. Дважды падал снег. Во второй трети месяца несколько раз по утрам был туман. Кустарники покрывались инеем. Взошедшее солнце поднимало туман, а северо-восточный ветер его уносил в противоположную сторону; но на юге туманная пелена еще продолжала окутывать горы в продолжение часа.

26 января впервые северо-восточный ветер принес пыльную мглу. Это

[1] Прибывшим в Са-чжоу ровно на 20 дней раньше нас, т. е. 8 января.

явление значительно отразилось на показаниях термометра. Накануне, в 1 час дня, в тени, он показал — 4,5° С, тогда как в то же время 26 января +1,5° С. Средняя температура ночи была —17,8°, наименьшая (20 января) —25, 6°, наибольшая (27 января) —7,0° С.

Наша экскурсия продолжалась два с половиной месяца, в течение которых пройдено 1750 верст; из них снято глазомерною съемкою 1500 верст.

В зоологическую коллекцию поступило четыре шкуры диких верблюдов; при них один полностью скелет и три отдельных черепа; кроме того, несколько чучел мелких грызунов и более полусотни птиц.

Геологическая коллекция обогатилась 50 образчиками горных пород и почв.

Состояние дороги с Лоб-нора в Са-чжоу. В заключение настоящей главы считаю необходимым сообщить некоторые сведения о состоянии дороги от озера Лоб-нора до оазиса Са-чжоу.

Из селения Абдал, расположенного близ впадения Яркенд-дарьи (Тарим) в Лоб-нор, дорога первые три станции[1], до урочища Лачин, на протяжении 70 верст пролегает по южному берегу озера Лоб-нора. Движение каравана на этом протяжении кое-где затрудняется высокими солончаковыми кочками, причиняющими ступням верблюдов ощутительную боль. На ночлегах имеется корм и довольно порядочная (почти пресная) вода, добываемая или из родников, бьющих по берегу Лоб-нора, или из самого озера. Дровами путешественник должен запастись, так как на первых двух переходах их не имеется.

---

[1] Список станций на пути от селения Абдал до оазиса Са-чжоу.

1-й	ночлег	на	урочище	Кум-чапкан-кошу	10	верст
2-й	»	»	»	Кюргек	29½	»
3-й	»	»	»	Лачин	27	»
4-й	»	»	»	Чиндыйлик	37	»
5-й	»	»	»	Ловозо	44	»
6-й	»	»	»	Кошялянзы (дневка)	37½	»
7-й	»	»	»	Пянжа-булак	34	»
8-й	»	»	»	Корот-булак	26	»
9-й	»	»	»	Туя (дневка)	39½	»
10-й	»	»	»	Худук	23	»
11-й	»	»	»	Чегелик-худук	23	»
12-й	»	»	»	Талтык-худук	29¼	»
13-й	»	»	»	Тограк-худук (дневка)	24	»
14-й	»	»	»	Ачик-худук	34¾	»
15-й	»	»	»	Тограк-булак	30	»
20-й	»	»	«	Долина нижней Сулей-хэ и озер	26½	»
17-й	»	»	»	То же	21	»
18-й	»	»	»	» »	31¾	»
19-й	»	»	»	» »	20	»
16-й	»	»	»	» »	42½	»

От урочища Лачин дорога оставляет берег Лоб-нора и вступает в область солончаков, пролегая по южной окраине последних, вдоль древнего высокого берега озера, почти до Тограк-булака. В тех местах, где этот берег извилист, дорога направляется прямо по солончакам и обозначается скелетами павших животных. Растительность встречается только у источников, вода которых, как и в колодцах до Ачик-худука включительно, более или менее горько-соленая. Пить такую воду не всегда решались даже наши животные, в особенности лошади, которые охотнее утоляли жажду снегом. Люди также довольствовались снегом; порою пробовали брать лед, но и он давал горько-соленую, крайне неприятную на вкус воду. Тем не менее приятнее было останавливаться на ночлеги у ключей, чем у колодцев (наполовину занесенных песком), водою которых мы не пользовались, так как несолончаковые места были покрыты снегом. Корм для животных и топливо встречались на каждом ночлеге.

От ключа Тограк-булака до Са-чжоу долина постепенно поднимается, представляя непосредственное продолжение долины реки Сулей-хэ. Достигнув этой местности, путешественник может быть спокоен за участь своего каравана. Здесь всюду можно останавливаться и встречать лужайки с хорошей водой, обильным кормом и топливом; впрочем последним на два-три перехода до оазиса Са-чжоу необходимо запастись, потому что в ближайших окрестностях этого оазиса топливо истреблено китайцами.

На весь путь от Лоб-нора до Са-чжоу по безлюдной стране путешественник должен запастись продовольствием для людей и фуражом (зерно) для лошадей. Путь от Лоб-нора до Са-чжоу нами сделан в 20 переходов с тремя дневками (с 6 по 28 января) [1]. Лучшее время для движения по этой пустынной местности — январь, хотя, по словам туземцев, можно пускаться в путь с начала декабря по 15 февраля, т. е. в течение двух с половиной месяцев. В остальное же время года сообщение лобнорцев с китайцами Са-чжоу возможно только по южной дороге, пролегающей по северному склону Алтын-тага.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВЕСНА В СА-ЧЖОУ И ЗНАКОМСТВО С НАНЬ-ШАНЕМ

Оазис Са-чжоу. Город Са-чжоу, или Дунь-хуан, расположен у северной подошвы громадных гор Нань-шань, при реке Дан-хэ, бегущей из снегов хребта Гумбольдта; к северу от Са-чжоу простирается открытая и постепенно поднимающаяся к реке Сулей-хэ равнина. Возвышаясь около

[1] При этом потеряли одну лошадь, а на двух оставшихся ехали поочередно.

3740 футов над морем, этот «лучший оазис Центральной Азии» находится под 40°12′ с. ш. и под 94°42′ в. д. от Гринвича.

С приходом в Са-чжоу экспедиция на время приостановилась. Соседний снеговой хребет Нань-шань препятствовал исследованиям на юге до поздней весны. Ожидание этого времени дало возможность заняться исследованием местной фауны, весенним пролетом птиц и вообще проследить возрождение природы.

Млекопитающие и птицы. В богатой растительности оазиса ютятся в близком соседстве человека следующие звери: волки (*Canis lupus*), лисицы (*Canis vulpes*), зайцы (*Lepus tolai*), более мелкие грызуны (*Gerbillus meridianus, Meriones tamaricinus, Rhombomys giganteus, Mus Wagneri, Cricetus arenarius*) и антилопы (*Gazella subgutturosa*).

Волки наносят ощутительный вред китайцам, таская их коров и баранов не только ночью, но и днем. Мало того, они вселяют своим соседям большой страх, похищая их детей у самых фанз. В недавнее время волк схватил 8-летнюю девочку и, не взирая на крик китайцев, успел не только загрызть несчастного ребенка, но даже сожрать часть своей жертвы прежде, чем случайно появившийся всадник-номад успел его прогнать.

Но встречи с нами волки избегали: заметив еще издали охотника, они пускались бежать без оглядки, хотя в ночное время иногда вблизи нашего бивуака они устраивали такие концерты, что дежурный принужден был отпугивать их выстрелом. Но он не всегда достигал цели; случалось, что после выстрела волки еще ближе подбегали к лагерю и еще громче завывали. Немного подальше за рекой волки продолжали нарушать тишину даже и по утрам.

С здешними собаками волки живут, по-видимому, дружелюбно. Урядник Жаркой наблюдал весьма интересный случай, чересчур сближающий этих животных. На глазах нашего охотника пес долгое время сопутствовал волчихе, увиваясь за нею в то время, когда серый кавалер бежал неподалеко стороной.

Лисицы держатся и на окраине оазиса и внутри его, устраивая норы в песчано-глинистых буграх, покрытых тамариском, колючкой, камышом и другими растениями. В таких местах они нередко наблюдались нами. Чаще всего можно было видеть лисицу в тихое, теплое время дня, когда зверь предавался ловле грызунов. Чтобы успешнее подкрасться к добыче, лисица обыкновенно помещалась подле куста стоя, или припав к земле; и в том, и в другом положении зверь находился подолгу; момент бросания на грызуна был неуловим по своей быстроте.

С свойственной лисице хитростью, она легко распознает охотника от человека безобидного; первого избегает, второго игнорирует.

Еще доверчивее к людям и ко всему окружающему относится здешний маленький заяц, который живет у самых фанз, по полям местных жителей. Непроходимых чащ, кустарников он не требует. Только самки, в известный

период, скрываются в более густые кустики. В последней трети марта были изловлены молодые зайчата; эти зверьки, величиною с котенка, казались весьма забавными.

Наиболее других распространен *Rhombomys giganteus*. Его местожительство — солоновато-глинистые бугорчатые площади, залегающие как в самом оазисе, так еще больше на север от него. По сторонам пологих скатов, когда они не бывают прикрыты колючкой или тамариском, пестреют жилища этих зверьков: вблизи норок набросана рыхлая почва.

Зверьки по голосу и привычкам много напоминают собою сурка; впрочем голос, соответственно величине грызуна, значительно уступает первому по тонкости писка; всего ближе подходит он к голосу, издаваемому вьюрками.

Rhombomys giganteus подолгу сидит неподвижно, по-видимому, напряженно глядя по сторонам. Заметив опасность, тотчас поднимается на задние лапки (всегда у своей норки) и издает тонкие, глухие, вводящие в заблуждение относительно места, звуки, как бы предупреждая товарищей; затем быстро прячется, но, не будучи сильно испуган, скоро возвращается, осторожно высовывая мордочку. В противном случае, как, например, после выстрела, подолгу не выходит.

Кажется, описываемый грызун не знает зимней спячки; если же и предается ей, что сомнительно, то на весьма короткое время; вернее же всего выходит и зимой в теплую и ясную погоду. Штормов и ветров вообще не выносит; тогда он не показывается из своего подземного жилища.

Антилопа харасульта ведет себя значительно осторожнее, держится не так близко к человеческим жилищам, как другие звери. Впрочем, порою небольшие стада (5—7 штук) забегают из соседней пустыни на окраины оазиса, где наносят вред засеянным полям.

Список оседлых и зимующих птиц в оазисе Са-чжоу также не велик. К числу первых относятся: филин-пугач (*Bubo turcomanus*), ворон черный (*Corvus corax*), ворона (*Corvus corone*), ремез (*Aegithalus Stoliczkae*), синица (*Panurus sibiricus*), овсянки (*Cynchramus pyrrhuloides, C. schoeniclus*), жаворонки (*Galerida magna, Alaudula cheeleënsis*), воробьи (*Passer Stoliczkae, P. montanus*), голубь (*Turtur turtur*) и фазан (*Phasianus satscheuensis*); в прилежащей к оазису пустынные были замечены сойка (*Podoces Hendersoni*) и больдурук (*Syrrhaptes paradoxus*). К числу вторых — орлы (*Aquila daphanea, A. clanga*), ястреба — тетеревятник и перепелятник (*Astur palumbarius, A. nisus*), сарычи (*Buteo leucurus, B. leucocephalus*), сокол-дербник (*Aesalon regulus*), грач (*Corvus frugilegus*), галки (*Coloeus monedula, C. dauricus*), сорокопуты (*Lanius sphenocercus, L. borealis*), дрозды (*Merula atrigularis, M. ruficollis*), синичка (*Leptopoecile Sophiae*), горихвостка (*Ruticilla erythrogastra*) и щеврица (*Anthus spinoletta*).

Местный фазан и хохлатый жаворонок. Более подробного описания заслуживает представитель куриных, а именно фазан са-чжоуский

(*Phasianus satscheuensis*), впервые найденный Н. М. Пржевальским в его третье путешествие по Центральной Азии.

Фазан в оазисе Са-чжоу держится по полям, вблизи жилищ китайцев; нередко залетает на кровли фанз, смело роясь в соломе, как домашняя курица. Фазана легко приручить; в таковом состоянии выводок живет вблизи известной фанзы. За прирученными птицами китайцы присматривают, порою бросают корм. Осенью или в начале зимы, когда выпадет снег, любители-китайцы ставят пленки (силки).

Полетом эта сильная птица перемещается только в крайнем случае, в большинстве же бежит, вне опасности важно расхаживает. Интересно наблюдать, как скрываются фазаны в низких зарослях кустарников, в особенности самки. Последние вплотную прилегают к земле и становятся совершенно незаметными среди такой же, как и сами, сероватой поверхности. Эти же птицы не менее умело укрываются за земляную кочку, дерево и пр.; на открытом месте бегут, строго следя за охотником и держа высоко свой хвост. Фазан всегда кажется чистым и опрятным. На солнце красивые перья отливают всевозможными цветами. Ночуют фазаны в зарослях тамариска и камыша; охотнее по холмам, покрытым этими растениями.

Весеннее токование *Phasianus satscheuensis* начинается с конца марта и длится более месяца. В этот период самцы громко кричат, причем крик «сопровождается особенным вздрагиванием крыльев, производящим глухой шум, довольно, впрочем, тихий, тогда как самый крик в хорошую погоду слышен на расстоянии версты». Са-чжоуский фазан, подобно кольчатому, токует обыкновенно около одного и того же места, или в кустах на земле, или взбирается на какой-нибудь возвышенный предмет, но только не на дерево. Подав голос, фазан молчит более или менее продолжительное время, смотря по степени своего возбуждения и времени дня. Наиболее фазаны токуют на утренней и вечерней заре, хотя весною этот призывный крик можно слышать и в другое время. Встретившись во время токования, самцы сильно дерутся друг с другом, подобно нашим петухам; победитель преследует побежденного, пока тот не уберется восвояси. Самки обыкновенно находятся вблизи тока и не подают никакого голоса, но иногда втихомолку являются к самцу, который в остальное время дня часто ходит вместе с ними. На току фазан осторожен; в другое время более доверчив; на рану он очень крепок и притом бегает чрезвычайно быстро, так что подстреленные фазаны очень часто встречаются охотниками.

«С окончанием токования самцы приступают к линянию, которое продолжается до октября. При смене перьев, роскошный хвост самца иногда весь выпадает, так что птица на время делается куцою». Впрочем, подобно обезображенных фазанов приходилось встречать и ранней весной, но то были птицы, счастливо избегнувшие зубов лисицы.

По берегам рек, вместе с культурою, фазан поднимается до 7000 футов абсолютной высоты.

Остается еще сказать несколько слов о коренном певце местного оазиса — хохлатом жаворонке (*Galerida magna*), который со своим маленьким собратом (*Alaudula cheeleënsis*) — единственные птички, приветствующие своими оживленными звуками наступление радостного времени весны.

Хохлатый жаворонок принадлежит к самым обыкновенным видам птиц Центральной Азии и держится большею частью подле жилья человека; реже углубляется в долины рек; во всяком случае, нельзя не заметить в оазисе, как описываемый вид копается в мусорных кучах, совместно с полевыми воробьями. Ранней весной самцы усердно поют, довольно высоко поднимаясь в воздухе. В прозрачной выси хохлатые жаворонки парят на одном месте. Затем или медленно опускаются книзу, или еще более поднимаются в высь и с едва заметного простым глазом расстояния быстро, дугою спускаются на землю. В другое время жаворонки мало подвижны.

В начале февраля снежный покров в оазисе Са-чжоу имел значительную толщину, хотя в ясные дни солнце грело сильно, на полях начали появляться проталины, а по траншееобразным дорогам бежали ручьи. Ночные же морозы были значительные и, совместно с северо-восточными штормами, успешно боролись с надвигающимся теплом.

Зимующие птицы, грачи, галки и дрозды, начали собираться в стаи и, с громким криком поднявшись вверх, кружились над оазисом, иногда по несколько часов, прежде нежели с шумом спуститься вниз на тополи; видно было, что опытные вожаки стада еще не решались пуститься на далекий север... Между тем наступил прилет птиц с юга.

Пролет птиц в феврале, марте и апреле. Весенний пролет птиц в оазисе Са-чжоу вообще беден. Берега реки Дан-хэ мало оживились пернатыми странниками; они их избегали и с большой охотой останавливались в просторной долине реки Сулей-хэ, по которой во многих местах рассыпаны озерки.

Первым вестником пролета был турпан (*Casarca rutila*), появившийся 4 февраля; через два дня этого вида здесь было достаточно; с громким криком летали красивые птицы вверх и вниз по течению реки. Тогда же, 6 февраля, прибыли в небольших стайках утки-шилохвосты (*Dafila acuta*). 7-го числа показались серые гуси (*Anser cinereus*); 8-го — большие стаи того же вида неслись над замерзшей рекой, тревожно отыскивая воду. 9-го прибыли чирки (*Querquedula circia*) и белые цапли (*Herodias alba*), последние остановились на берегах Дан-хэ; ежедневно можно было видеть прилет этих белых красавиц в разных местах реки; как мраморные статуи виднелись они на далекое расстояние вдоль низких берегов Дан-хэ, или еще привлекательнее казались эти птицы, когда пролетали длинной вереницей: точно серебристая лента вилась над грязной рекой и на сером фоне окрестностей пред глазами наблюдателя. 10 февраля одновременно показались утки-кряквы (*Anas boshas*), нырки белоглазые (*Nyroca ferruginea*) и утки-чиранки (*Querquedula crecca*).

14-го прилетели серые журавли (*Grus cinerea*), вначале только одной стайкой, затем стали прибывать с каждым днем все больше и больше; 16-го на смену отлетным стаям появились с юга не менее многочисленные стада грачей и галок. Ранним вечером, до заката солнца, эти птицы, высоко поднявшись над оазисом, неслись к горам. На южной окраине оазиса на высоких деревьях птицы проводили ночи.

Почти в течение всего февраля через Са-чжоуский оазис и по долине Сулей-хэ от востока к западу пролетали стадами (10—30) больдуруки (*Syrrhaptes paradoxus*). Лёт этих пустынных птиц начинался с 8 часов утра, заканчиваясь к полудню. Около 10 часов утра не проходило и пяти минут, чтобы наблюдатель не мог замечать новые и новые стада; это в оазисе, где горизонт сравнительно не широк и пролетные стада обращают на себя внимание издаваемыми звуками, которые, кстати сказать, весьма напоминают слова: «нэк-тррооо... нэк-тррооо...» [1]. Когда же мне приходилось быть в это время вне оазиса, среди открытой пустыни, то в течение целого часа я непрерывно наблюдал пролетные стада описываемых птиц на всем обозреваемом пространстве. Всегда стада больдуруков проносились только с востока на запад. В. И. Роборовский во время своей экскурсии к северу от озера Хала-чи наблюдал пролет этих птиц в указанном направлении. После полудня можно было видеть пролетных странников на окраине оазиса, где они предавались временному отдыху и покормке. Во время штормов и сильных ветров *Syrrhaptes paradoxus* прятались в глубокие колеи больших дорог.

Куда же и откуда следовали эти оригинальные пернатые? По всей вероятности, больдуруки покинули теплые пески Ала-шаня и Ордоса, чтобы направиться в Кашгарскую пустыню, а может быть, и дальше [2].

С 18 февраля наступил период северо-восточных штормов, продолжавшийся до конца месяца. Порою шторм внезапно прекращался — наступало временное затишье, а затем с прежней напряженностью ветер дул с противоположной юго-западной стороны. Снежные бураны значительно понижали температуру и задерживали пробуждение природы. Жаль было тогда прилетных странников. В их тревожных голосах, раздававшихся днем и ночью, слышались как бы жалобы на пагубную для них перемену погоды. Не найдя себе приюта, некоторые стада прилетных пернатых продолжали лететь на восток или на запад, по направлению к озеру Лоб-нору. Новые же гости из Индии не появлялись. Словом, в последние дни февраля

[1] Под этим звукоподражательным названием — нэк-тррооо — больдуруки известны нань-шаньским монголам.

[2] В последней трети сентября 1890 г. я наблюдал описываемых птиц в окрестностях озера Гаса, к югу от Лоб-нора. Там эти птицы покрыли собою порядочное пространство и во время покормки теснились в группы; по временам больдуруки взлетали, чтобы вблизи опуститься снова. Иногда одновременно подымалось несколько отдельных стад. Без преувеличения можно сказать, что на площади, ограниченной трехверстной окружностью, было не один, а несколько десятков тысяч больдуруков.

пробуждение природы приостановилось, настала снова прежняя зимняя тишина, и проблеск весны казался сном.

С наступлением марта установилась настоящая весенняя погода. Ранним утром 1-го числа закружился над нашим бивуаком коршун черноухий (*Milvus melanotis*). С этого же дня особенно усиленно летели журавли. В ясные дни, около 10 часов утра, эти большие птицы описывали широкие круги в голубой выси. В стаях насчитывалось от 20 до 50 и более особей. Серые журавли, во время винтовых поднятий к небу, из разрозненной массы образовывали правильный остроугольный строй, затем направлялись к северо-северо-западу. Значительная часть тех же птиц долгое время оставалась в оазисе, держась днем на полях туземцев, а по ночам на берегах реки Дан-хэ.

Валовой пролет пернатых наступил собственно с 1 марта и продолжался всю первую половину этого месяца. Интересно было наблюдать на болотистых озерках, лежащих на запад и восток от оазиса Са-чжоу. Все они были битком набиты птицами, и окрестности их трудно было различать: в воздухе мелькали и высоко и низко утки, гуси, чайки, бакланы, черные аисты и многие другие голенастые и плавающие пернатые. Несмолкаемые крики этих птиц слышны были далеко и оглашали даже соседнюю пустыню.

В первой трети марта были почти одновременно замечены: индийские или горные гуси (*Anser indicus*), утки-пеганки (*Tadorna tadorna*) и соксун (*Spatula clypeata*); аисты черные (*Ciconia nigra*), которые, подобно серым журавлям, носились в лазури неба, прежде нежели пуститься на далекий север; числом же особей они составляли полный контраст первым. Серый журавль был один из самых многочисленных представителей пролетных пернатых, тогда как аист черный принадлежал к случайным странникам, избравшим, по всей вероятности, другой путь для перелета. Несколько позднее мы встречали улитов или куликов красноножек (*Totanus calidris*), выпь (*Botaurus stellaris*), которая монотонно гукала в зарослях, утку-полуху (*Chaulelasmus streperus*), баклана большого (*Phalacrocorax carbo*), цаплю серую (*Ardea cinerea*) и утку-свищ (*Mareca penelope*). Случайная одиночка лебедя (*Cygnus*) может закончить список прилета первой трети марта.

11 марта в тихий солнечный день по песчаным буграм грачи ловили майских жуков. Странное явление: эти насекомые летали почти исключительно днем, а по вечерам редко и иногда совсем не появлялись. 12-го в кустах по берегам оросительной канавы показался чеккан плешанка (*Saxicola pleschanka*), а через два дня, 15-го, уже прилетел с приятной песнью другой его собрат, чеккан пустынный (*Saxicola deserti*) [1]. 16-го мы услыша-

[1] Вечером того же числа послышалось впервые монотонное квакание лягушек. 17-го на окраине оазиса, в песке, где термометр показал +53,5° С, бегали ящерицы. На следующий день замечена первая бабочка, скрывавшаяся от ветра в зарослях тамариска.

ли довольно мелодичные и в то же время оригинальные звуки скворцов (*Sturnus porphyronotus* и *S. Menzbieri*). 18-го волнистым полетом мелькнула вниз по реке плисица (*Motacilla leucopsis*); 20-го — другая (*M. personata*). В этот же день можно было видеть во многих местах оазиса, покрытых густыми зарослями, или на отдельных деревьях ивы сорокопутов (*Lanius isabellinus, L. Karelini*); эта живая, веселая птичка особенно подвижна и певуча. Усевшись на вершину дерева, она звонко и приятно лила свои весенние звуки, слышимые далеко по сторонам. Часто, не докончив песни, она быстро бросалась вниз, затем, также проворно паря в воздухе, усаживалась на прежнее место. Опять песнь возобновлялась; в ее последующих переливах улавливалось подражание славке-пересмешке.

Последняя треть марта была не отрадна. 22-го выпал глубокий снег, вследствие северо-восточного шторма, продолжавшегося несколько дней кряду. Серые журавли улетели на север; другие пернатые частью последовали за ними, частью попрятались в окрестностях. Вообще здешние резкие перемены погоды весной отражаются губительно на перелетных птицах.

Благоприятной погодой приходилось особенно дорожить, чтобы, хотя немного, уследить за прилетными птицами. 26-го небольшой стайкой поселились на берегу Дан-хэ кроншнепы (*Numenius arquatus*); поблизости с ними держались уже обособленные парочки красавиц пеганок. 27-го был добыт из когтей ястреба-перепелятника пастушок водяной (*Rallus aquaticus*); 29-го начали прилетать желтые плисицы (*Budytes citreola*). В это время особенно усиленно летели улиты настоящие и кроншнепы. Кроме того, вновь замечены зуйки (*Aegialites curonicus, A. cantianus*); в таком же небольшом количестве наблюдались улиты большие (*Totanus glottis*). Одиночными экземплярами сновали над озерами чайки: рыболов (*Larus ichthyaëtus*), обыкновенная (*L. ridibundus*) и парами крачки-мартышки (*Sterna hirundo*); 31-го, быть может, и раньше, высоко парил подорлик (*Nisaëtus minutus*).

К началу апреля плавающие птицы уже все отлетели на север; остались немногие особи, которым и здесь, в долине Сулей-хэ, удобно провести брачное время. Наступил период появления запоздалых голенастых и воробьиных.

4 апреля прилетела вестница тепла — ласточка деревенская (*Hirundo rustica*), но ее приятную песнь мы услышали только 23-го [1]. Через день, 6-го, по долине реки Сулей-хэ быстро пронеслась пара башенных стрижей (*Cypselus apus*). Одновременно с этим на болотах Са-чжоу встречены ходулочник (*Himantopus himantopus*) и сукалень чернохвостый (*Limosa melanura*). 7-го дважды замечен одиночками удод пустошка (*Upupa epops*); в кустах белолозника слышалась песня славки пустынной (*Sylvia curruca affinis*). Вечером того же числа разносилось дребезжащее токование бекаса-

[1] 5, 6 и 7 апреля в воздухе кружились летучие мыши.

барашка (*Gallinago gallinago*); там же на болоте была вспугнута парочка улитов-черныша (*Totanus ochropus*). 8-го над камышами Сулей-хэ ровным, неслышным полетом пронесся лунь (*Circus aeruginosus*). 11 апреля, при следовании через передовой кряж Нань-шаня, в ущелье южного склона встретили ласточек горных (*Biblis rupestris*). 16-го на родниках Шибао-чена, в Нань-шане же, найдена *Corydalla Richardi*. 18-го несколько ниже, по той же реке, на возвышенном берегу встречена была речная скопа (*Pandion haliaëtus*). В этот день из зеленой сени тополей Са-чжоуского оазиса раздалось первое ку-ку! — голос вещей кукушки (*Cuculus canorus*). 20-го на берегу Дан-хэ появились орланы (*Haliaëtus leucoryphus*).

21 апреля в северном предгорьи Нань-шаня замечена перелетавшей с камня на камень горихвостка (*Ruticilla rufiventris*). 23-го вместе с первым щебетаньем ласточки услышали и первые раскаты грома. Последним в апреле месяце, 25-го, наблюдался береговик серый (*Actitis hypoleucos*) [1].

К 1 мая весна вступила в свои права; на соседних болотах ходулочники и улиты уже были крепко привязаны к своим гнездам. 2-го, на утренней заре, по соседству с нашим бивуаком раздалось лучшее в здешних местах пение камышовки (*Acrocephalus orientalis*). 10-го в сумерках пронеслись скрипучие звуки полуночника (*Caprimulgus europaeus*) [2].

На этом весенние наблюдения над орнитологической фауной могут считаться оконченными. Конечно, здесь представлен краткий очерк весенней жизни, прослеженной при сравнительно открытых берегах Дан-хэ; несомненно, картина возрождения природы была бы несколько полнее при наблюдении ее в долине нижней Сулей-хэ и по берегам большого озера Хала-чи.

Моя поездка на восток. Во время моего пребывания в Са-чжоу В. И. Роборовский имел возможность совершить две поездки, к северу и к югу от этого города. В его отсутствие, в марте, мне удалось познакомиться с известным многим из наших русских путешественников бельгийцем, состоящим на китайской службе, г. Сплингардтом. Последний проезжал из Су-чжоу через Са-чжоу в южную Кашгарию, куда был командирован для осмотра золотых приисков. В конце марта В. И. Роборовский прибыл из второй своей поездки, во время которой познакомился с хребтом Алтын-тагом, обойдя кругом снеговую группу Анэмбар-ула.

Теперь предстояла очередь моей экскурсии, имевшей целью обозреть нижнее течение Сулей-хэ до выхода ее из гор и обследовать северную

---

[1] Из апреля месяца мне пришлось провести в оазисе Са-чжоу начало первой и конец последней его трети, остальные же 20 дней, с 3 по 22-е, я был в экскурсии по нижней долине Сулей-хэ и северной окраине Нань-шаня.

[2] В первой трети мая проснулась песчанка (*Meriones tamaricinus*), живущая по песчаным холмам, покрытым тамариском. Изящный зверек был крайне осторожен и показывался только по утрам и вечерам.

окраину Нань-шаня. Моими спутниками на этот раз были урядник Жаркой и окитаившийся тангут-проводник. Караван состоял из двух вьючных верблюдов и трех верховых лошадей.

Первоначальный путь пролегал среди арыков и ферм китайцев, поля которых местами ярко зеленели, местами же еще засеивались или обрабатывались примитивными орудиями. На солончаковой местности пасся исхудалый скот; молодая растительность туго подавалась из земли; только стройные, высокие тополи и развесистые ивы, питаемые подземными водными жилами, начали заметно зеленеть. В их густых ветвях темнели издали, словно точки, гнезда крикливых грачей. В первый день мы достигли окраины оазиса, где и остановились на ночлег.

За оазисом расстилалась солончаковая полоса с значительным падением к северу. Вначале она представляла печальную, обнаженную поверхность, затем, по мере приближения к реке Сулей-хэ, оживлялась растительность. Вместе с нею показались и стройные антилопы, робко промчавшиеся вблизи нашего каравана. К северу на горизонте тянулась с запада на восток высокая стенка прошлогодних камышей; над их верхушками изредка пролетали чайки и серые цапли, указывая направление реки.

Река Сулей-хэ. Сулей-хэ от меридиана Са-чжоу до г. Юй-мынь-сяня, на протяжении 200 верст, имеет направление с востока на запад с незначительными уклонениями. На всем означенном протяжении она имеет довольно однообразный характер. Сулей-хэ катит свои мутные воды в долине, имеющей около 100 саженей ширины, средняя же ширина реки редко превышает 15—20 сажен, хотя местами она расширяется вдвое. Река течет то одним руслом, то дробится на несколько рукавов; ложе ее чрезвычайно извилистое и течение довольно быстрое. Глубина, как и количество несомой воды, сильно колеблется по причине отводных арыков по левому берегу, которые орошают поля китайцев от г. Юй-мынь-сяня до г. Ань-си. Песчано-глинистые, легко размываемые берега — частью низменные (3—5 футов), частью возвышенные (2—3 сажени); в общем их высота увеличивается вверх по течению.

Низменная прибрежная растительная полоса узка и небогата видами; чаще встречается камыш, изредка молодые тополи и кусты тамариска. Причиной тому служит истребление того и другого на топливо. На более высоких берегах реки растительность еще беднее; здесь залегает вязкая соленая пыль. Стоит сделать несколько шагов в сторону от реки, в ее долину, чтобы быть покрытым слоем пыли, которая проникает в глаза и производит нестерпимую боль.

Животная жизнь долины реки Сулей-хэ немногим богаче, чем на окраинах Са-чжоуского оазиса. В общем грустны берега этой реки: только изредка просвистит кроншнеп, мелькнет пара турпанов или тихо подымутся в камышах утки-кряквы. Вдали же от реки только жаворонок нарушает безмолвие ее окрестностей.

Пастухи. Вскоре по вступлении в долину мы встретили пастухов-китайцев, живущих в войлочных юртах. Их стойбище было расположено на берегу отводной канавы, которая здесь играет ту же роль, что и на Тариме: орошает пастбище и дает водопой. Многочисленные стада баранов, оберегаемые, помимо людей, громадными собаками, паслись поблизости. Первые встречные китайцы были из оазиса Са-чжоу. По мере же нашего удаления к востоку, вверх по течению реки, проживали аньсийцы, построившие себе камышовые шалаши. У этих китайцев, кроме баранов, имелись верблюды, лошади и ослы.

Долина реки Сулей-хэ граничит с севера и юга с каменистой пустыней. Мы следовали по правому берегу реки, где нередко встречались характерные представители пустыни — из зверей хуланы (*Asinus kiang*), а из птиц сойки (*Podoces Hendersoni*). На согретой земной поверхности бегали ящерицы (*Phrynocephalus Vlangalii, Eremias multiocellata*); здесь же в долине была мною поймана стрела-змея (*Taphrometopon lineolatum*).

Близ города Ань-си, которого достигли на четвертый день движения, мы разбили свой бивуак на окраине оазиса, переправившись вброд на левый берег реки[1]. Из нашего лагеря была видна линия телеграфных столбов на хамийской дороге, скрывавшаяся на северо-западе в пыльной дымке горизонта. В пустыне эти признаки цивилизации кажутся чем-то странным, оригинальным.

Оазисы Ань-си и Юй-мынь-сянь. Ранним утром, 7 апреля, мы были уже под стенами крепости, следуя вдоль северного и восточного ее фасов, общее протяжение которых около версты. Высота стены простирается до 5 сажен; основание и капитальная часть ее глинобитные; зубчатый карниз кирпичный. Фланкирующие башни и стены во многих местах разрушены; как видно, не ремонтируются. С восточной стороны крепость засыпана песком настолько, что по откосу песчаной поверхности легко взобраться на ее стену[2].

Внегородское население, или собственно оазис, примыкает к крепости с юга и юго-запада. С прочих сторон расположено только с десяток ферм, разбросанных по оросительным канавам. На прекрасно возделанных полях зеленели всходы, ласкавшие наши взоры после печальной серо-желтой пустыни. К востоку от Ань-сийской крепости орошенная пустыня покрыта прекрасной растительностью; здесь во множестве паслись домашние животные, среди которых виднелись одиночки и небольшие стада харасульт, державших себя замечательно доверчиво по отношению к человеку.

Дальнейшее движение мы продолжали частью по реке, частью по большой дороге. На пути мы пересекли большой оросительный канал, который,

[1] Желательно было пройти до Юй-мынь-сяня правым берегом Сулей-хэ; невозможность же переправиться через реку против означенного оазиса заставила нас следовать по противоположному.

[2] Южнее описанной крепости виднелись развалины более древней.

дробясь на мелкие ветви, доставляет воду Ань-сийскому оазису. Здесь появился дэрисун (*Lasiagrostis splendens*), а из птиц давно не наблюдаемая сорока (*Pica*). Высоко и плавно кружил в небе гриф-монах, залетающий в равнину из соседних южных гор.

На следующий день мы проходили самым живописным местом равнинного течения реки Сулей-хэ, там, где она прорезает северо-восточную оконечность небольшого кряжа Шишаку-сянь[1]. Поднявшись на вершину одного из отрогов, увенчанного глиняным монументом, и обратившись на восток, я был очарован картиной, которая предстала взору. Вблизи река прихотливо извивалась в высоких берегах и крутой излучиной опоясывала блестевший издали, как изумруд, оазис Шонтар-пу. Высокие, стройные тополи, серебристая лента реки, граничащая с каменистой пустыней, дополняли картину.

Оазис Шонтар-пу орошается многоводным ручьем, текущим с юга, у восточной оконечности хребта Шишаку-сянь; в 15 верстах, вверх по его течению, расположено небольшое китайское селение.

Отсюда местность приняла иной характер. Дорога пролегала по ключевым источникам, которые или скрывались в глубоких балках, или широко разливались по открытой поверхности. В том и другом случае живительная влага была обрамлена густою растительностью. Излишек воды направлялся к реке Сулей-хэ в виде стремительно падающих ручьев, на которых группировались селения. Эта живая лента тянулась с небольшими промежутками от Ань-си до Юй-мынь-сяня. Река по временам была видна; ее сопровождали холмы правого берега.

С появлением ключевых болот мы услышали звонкие весенние голоса голенастых пернатых, которые особенно оживляли окрестности на утренней и вечерней заре. В это время, обыкновенно, в воздухе было тихо, прохладно; китайцы бездействовали, а птицы оглашали наш лагерь своими ликующими звуками. Бекас-барашек резвился в высоте; в чаще камыша раздавалось гуканье выпи; на более возвышенных местах токовали са-чжоуские фазаны. Сарычи, поднявшись в высь, то гордо парили на месте, то быстро и ловко низвергались и снова поднимались, издавая громкие крики. Все радовались, все веселились, будучи возбуждены живительным воздухом весны.

Попутные оазисы казались также оживленными; абрикосы в садах цвели или, вернее, отцветали; на полях виднелись люди; но травянистая зелень едва показалась из земли. В селении Сондо, орошаемом рукавом реки Сулей-хэ, мы покинули растительную полосу и вступили в каменистую пустыню, которая резко граничила с возделанной землей. В виду беспрерывно тянувшегося на севере оазиса, мы достигли г. Юй-мынь-сяня, сделав в этот день большой переход.

---

[1] Значившегося на нашей стоверстной карте Нань-ганлу.

В тот же день мы встретили большой караван юлдусских или карашарских монголов, возвращавшихся из кумирни Чейбсен, куда они сопровождали нашего знакомого хутухту, покинувшего Большой Юлдус. На всем пути от Ань-си до Юй-мынь-сяня ежедневно попадались навстречу большие и малые партии китайцев, шедших с ношами на коромыслах, или просто на палках. По словам проводника, эти люди направлялись для заработков в ближайшие города Ань-си, Хами и Са-чжоу.

С оазисом Юй-мынь-сянем нам не удалось обстоятельно познакомиться, так как мы коснулись лишь западной окраины его, хотя городская стена была видна. На заре к нам долетали из города звон бубнов, завывание труб и бой барабанов.

Движение к горам. Покинув оазис и держа путь на юго-запад, вверх по течению реки Сулей-хэ, разбитой на оросительные каналы, мы достигли урочища Тэпа[1]. Означенное урочище интересно тем, что здесь река Сулей-хэ, по выходе из тесного коридора передового горного уступа Нань-шаня, вскоре делится на две части: одна из них, уклоняясь на северо-восток, орошает оазис Юй-мынь-сянь, а другая, текущая почти с юга на север, направляется в Сондо. На раздвоении реки (Тапа) летом живет партия китайцев-рабочих из оазиса Юй-мынь-сяня, численностью 40—50 человек, обязанная следить, чтобы большее количество воды текло в русло главного оазиса — Юй-мынь-сяня. Через оба многоводные рукава Сулей-хэ мы переправились благополучно. Кофейный цвет потоков, которые неслись с большой быстротой, высоко вздымая свои грозные волны, не привлекателен. Дробление каждого ложа на второстепенные ветви дает возможность переправиться без особого труда.

В прорванном рекой ущелье передового уступа Нань-шаня пройти невозможно, так, по крайней мере, нам сообщили китайцы. На запад же и восток от реки Сулей-хэ через ту же передовую ограду Нань-шаня имеются отличные колесные пути. Оба ведут в междугорную долину, где расположено китайское селение Чан-ма, куда мы и направились западным проходом. По сухим лощинам, ниспадающим с гор, встречалась растительность, свойственная северному Нань-шаню; из цветущих растений заметнее и привлекательнее других выделялся колючий кустарник своими яркими светло-розовыми цветами, сплошь нанизанными на ветви. Здесь же мы встретили массу ящериц (*Phrynocephalus*).

Селение Чан-ма. Следуя по покатой от гор полосе на юго-запад, юг и юго-восток и перевалив колесным путем через передовую горную ограду Нань-шаня, мы достигли селения Чан-ма, отстоящего от урочища Тапа в 28 верстах. Означенное селение, состоящее из 400 домов, лежит на высоте 7040 футов над морем. Оно расположено у слияния реки Сулей-хэ с ее левым притоком Шиху, берущим начало из родников, в 20 верстах к

[1] В этом урочище в высоких конгломератовых обрывах сохранились молитвенные пещеры.

западу. Вечный снег вершин Да-сюэ-шаня блестит на солнце восхитительно. От этой высокой скалистой ограды сбегают мягкие, покатые увалы. Общее направление снегового хребта на месте, прослеженном нами,— с северо-запада на юго-восток. Между передовой оградой и снеговым хребтом лежат еще отдельные группы гор, сдавливающие течение Сулей-хэ; но в селении Чан-ма долина ее имеет до 10 верст ширины.

Оставив дальнейшее исследование Сулей-хэ до более благоприятного времени, я направился вверх по течению ключевого источника Шиху. Вода в его каменистом ложе неслась прозрачным потоком. Берега с солончаковой почвой были окаймлены ивой, колючкой, хармыком и густо поросли чием (*Lasiagrostis*). По левому и отчасти правому берегам виднелись фермы китайцев. Поля были оживлены народом; ранние всходы только что еще пробивались. Вместе с культурою, здесь появились фазаны, токовавшие по утрам. Кроме того, из птиц были замечены: коршун черноухий, больдуруки, сорокопут, чеккан черногорлый, два вида плисиц и осторожные вьюрки.

Незаметно в наблюдениях мы очутились у начала источника. Абсолютная высота этого места, по анероиду, оказалась 7650 футов.

Путь к юго-западу. Отдохнув на этих ключах и запасшись водою, мы направились, держа прежний курс, на юго-запад. По довольно наезженной дороге изредка стояли обо. На наш путь, точно нити, сходились тропинки из соседних ущелий снегового хребта. В урочище Инсань-цзуй долина суживается, с одной стороны, между изгибом передовой ограды, а с другой — отрогами главного хребта. Местность повысилась до 9500 футов и была обильно покрыта полынью. Осенью здесь живут монголы со своими стадами.

Общий характер местности. Ночью подул сильный юго-западный ветер, воздух наполнился облаками пыли, и горизонт сократился значительно. Вскоре после выступления, не меняя курса, мы достигли предгорий северных отрогов той горной группы, которая непосредственно примыкает к снеговому хребту. На севере изредка рисовались контуры гор, которые замыкали покатую в ту сторону долину. Вершины отрогов, их скаты и ниспадавшие с них волнистые увалы, как и вся вообще долина, замечательно богаты травянистой и мелкокустарной растительностью. С гор довольно часто сбегают значительные ручьи и речки, которые текут в глубоких балках, с отвесными конгломератовыми стенами. В больших и малых балках лежал сплошной покров льда, достигавший 1—2 футов толщины. При устьях ущелий густым ковром стелется курильский чай (*Potentilla fruticosa*). Следы пребывания монголов и их кочевий особенно заметны по реке Кунца-гол. Позднее развитие растительности в поясе до 10 000 футов над морем, в котором мы находились, заставляет номадов держаться ниже.

Река Шибэндун и монголы. После небольшого перехода по направлению почти на запад, по местности, носящей прежний характер,

мы пришли на речку Шибэндун. Эта последняя, получая начало в ближайших к югу горах, течет к северу по широкому каменистому руслу. Падение Шибэндун-гола, как и всех соседних речек, очень большое. По утрам эта речка тихо несла прозрачные воды, тогда как днем шумно бурлила дымчатыми. И здесь, по речке, местами лежал ледяной покров.

Прежде чем расстаться с соседними горами, называемыми Каши-карин-ула, укажем на их фауну, хотя список ее будет самый поверхностный. Из зверей в этих местах обитают: дикий як, медведь пищухоед, аргали, марал беломордый, куку-яман, реже — барс и рысь. В нижнем поясе гор живут: антилопы, волки, лисицы, зайцы и пищухи. Сурки еще не пробуждались от зимней спячки. Птицы: гриф-монах, бородач-ягнятник, орел-беркут, сокол-пустельга, ворон, клушица красноклювая, альпийская завирушка, горная и огнелобая чечетки и горихвостка. Оживленнее и звонче других, по утрам, раздавался свист уларов.

Направившись вниз по Шибэндуну, мы вскоре прибыли к монголам, которыми были встречены гостеприимно. Один из охотников взялся проводить нас несколько дней по той местности, где не бывал наш проводник. Этому обстоятельству я был очень доволен и потому разбил свой бивуак вблизи кочевья номадов. Последние оказались выходцами из Халхи; всех юрт кочевников было восемь. Подать платят они по-прежнему в Халхе, но к здешним китайцам не имеют никаких отношений. Район их кочевьев определяется с севера передовой оградой, с юга — Каши-карин-ула, рекою Шибэндун на западе и урочищем Инсань-цзуй на востоке. Занятие — скотоводство.

У р о ч и щ е Ш и б а о - ч е н. Покинув халхасцев, мы одним переходом достигли ущелья передовой ограды, у южной оконечности которой Шибэндун впадает в порядочную речку Шибао-чен. Означенная речка берет начало в 20 верстах к юго-востоку [1] из ключей, подобно Шиху. Вода чистая, пресная, течет довольно быстро среди высоких и низких берегов. В летнее время эту речку значительно обогащают притоки Кунца и Шибэндун. По берегам встречается порядочная растительность; лужайки везде зеленели; на них держалось много мелких птичек; по утрам и вечерам токовали фазаны.

Дальнейшее движение мы продолжали вниз по ущелью. Передовая ограда Нань-шаня не широка, но высота отдельных вершин ее гребня довольно значительная. Прорвав главную ограду, река несется в конгломератовых обрывистых берегах; ширина ее каменистого ложа не превышает 3—5 сажен. Количество воды непостоянно: оно колеблется в зависимости от состояния погоды. Полоса воды сопровождается узкой лентой растительности. По мере удаления к северо-северо-западу берега сближались;

[1] Где стоят развалины старинной крепости Шибао-чен, оберегавшей когда-то проход воинственных номадов.

каскады увеличивались. Наконец, дорога вышла из балки и направилась по пустыне, прежде чем снова спуститься в то же еще более углубленное ложе Шибао-чен, у кумирни Вань-фо-ся. На дно балки тепло оказало должное влияние: кустарники значительно зазеленели; ильм приятно шелестел своими листьями. Ласточки и стрижи высоко парили в воздухе, а внизу летали бабочки.

Кумирня Вань-фо-ся. Кумирня Вань-фо-ся, подобно Чен-фудуну, представляет ряд пещер в конгломератовых обрывах. Главный идол, Майдари, немногим уступает по величине чэн-фу-дунскому Да-фу-яну. Рядом с главной пещерой сидящего Майдари устроена его пещера-спальня, где божество лежит на некотором возвышении от пола. Длина лежащего Майдари простирается до 6 сажен, тогда как сидящего достигает 10 сажен. По сторонам от пещер главной святыни размещены другие пещеры, с бóльшим или меньшим количеством идолов. Нередко стены пещер изукрашены рисунками, изображающими или горные ландшафты, или борьбу сынов Небесной империи с номадами; чаще же красуются драконы во всевозможных видах и одиноко стоящие идолы, лица которых представляют самые зверские выражения...

При виде всего этого получается странное, трудно передаваемое впечатление. Таинственный мрак царствует в особенности в больших пещерах; лица идолов кажутся угрожающими из темноты; ветер без устали звонит в колокольчики, подвешенные на наружных столбах, и с визгом врывается в отверстия пещер; а внизу монотонно шумит река.

Среди такой обстановки находится единственное живое существо — китаец хэшень (священник). Наружное отличие последнего от монгольских лам выражается в одном лишь головном уборе. Незадолго до нашего прихода двое его юных послушников сбежали. Дикая, гнетущая обстановка вместе с суровым обращением хэшена заставила этих молодых послушников покинуть кумирню.

Празднества в кумирне бывают дважды в год: в первом летнем месяце 8-го числа, в последнем — 6-го. В эти дни стекается сюда немало богомольцев из окрестных мест. Моление продолжается около недели. Хэшен читает книгу «Дзовэн-кун-ко», по временам раздается звон чугунных колоколов и бой барабанов.

Вблизи кумирни, на северо-западе, река Шибао-чен прорывает хребет Шишаку-сянь и, выйдя на равнину, течет мимо селения Тахши, расположенного по дороге в г. Ань-си. В 20 верстах к западу тот же хребет прорезается речкой, образующейся из дум-батских родников, находящихся по южную сторону Шишаку-сяня, на абсолютной высоте 5400 футов. У этих ключей расположено селение Дум-бату, состоящее из 35 домов китайцев-земледельцев. К северу от Дум-бату, у южной подошвы гор, находится ключ Лон-цегу, мимо которого пролегает дорога в помянутое селение Тахши.

Хребет Шишаку-сянь. Хребет Шишаку-сянь, имея с небольшим 100 верст длины, простирается с юга-запада на северо-восток. Его можно разделить на две части: западную и восточную. Первая тянется почти с запада на восток, а вторая поворачивает круто к северо-востоку. Этот хребет, почти вовсе лишенный растительности, простирается отдельно от передовой ограды Нань-шаня и не имеет никакой связи с нею, оканчиваясь у берегов Сулей-хэ. Высшая зона его окрашена в темный цвет, а низшая — в серый.

Стоянка на ключах Дум-бату. В селении Дум-бату, у ключей, мы разбили бивуак и сделали 4-часовой привал с обедом. Затем снова пошли на юго-запад по каменистой равнине, поднимаясь постепенно к передовой ограде Нань-шаня.

Равнина отличается пустынным характером и покрыта кустарниками: ягодным хвойником, белолозником, *Calligonum* и др.; спрятавшийся в песках *Cynomorium* уже зацвел. Из птиц на ней встречали: чеккана, жаворонка рогатого и нередко слышали приятный голос славки-певуньи.

Вначале движения стояла отличная погода: солнце светило ярко, и было тихо; позднее подул юго-западный ветер, усилив пыльную мглу: горы скрылись; картина местности, и без того неутешительная, еще луще омрачилась, все заволокло серовато-желтой дымкой. Дневное светило представлялось в виде бледного диска и, по мере приближения к горизонту, становилось все тусклее и, наконец, исчезло в пыльной мгле.

Передовые горы Нань-шаня. Пройдя от Дум-бату 20 верст, мы остановились на ночлег среди каменистой пустыни. На другой день достигли гор, придя на речку Хун-люся. По словам проводника-монгола, ущелье Хун-люся одно из самых красивых в ближайшей окрестности. Вообще надо заметить, что прослеженные нами передовые горы Нань-шаня бедны растительностью, за исключением орошенных ущелий, которые в то время начинали уже покрываться зеленью. Здесь, в Хун-люся, весеннее солнце, накаляя каменные стены ущелья, защищенного от губительных ветров, пробудило растительность, несмотря на то, что по ночам продолжали стоять морозы: на утренней заре, 20 апреля, термометр показал —2,5° С.

Следование к Са-чжоу. В тот же день мы расстались с проводником-монголом и направились к Са-чжоу. Наша дорога лежала на северо-запад. Этот путь направляется поперек долины, которая вначале, от передовой ограды Нань-шаня, падает круто и изборождена руслами временных потоков с конгломератовыми берегами, по мере же удаления к северу принимает более равнинный характер.

Последняя наша стоянка была у ключа Да-чуань, мимо которого пролегает дорога в урочище Куку-сай. Да-чуань — отрадный ключ, богато поросший кустарниками и бедно травянистою растительностью. От него остался только один переход до нашего лагеря в Са-чжоу.

Падение извилистого ущелья, по которому мы направились в Са-чжоу, значительное. По мере движения вниз ключевой воды становилось больше; кустарников также. В недалеком расстоянии, южнее кумирни Чен-фу-дун, тропинка покидает ущелье, взбегая левым берегом на горный отрог, сплошь почти засыпанный сыпучим песком. Отсюда вдали на севере и северо-западе тянется темной полосой оазис Са-чжоу, резко граничащий с серо-желтой песчано-каменистой пустыней; к западу от него вздымались высокие песчаные барханы, составляющие непосредственное продолжение песков Кумтаг. Внизу же позади виднелась кумирня Чэн-фу-дун, подле которой красовались высокие тополи, осеняющие зеленые поля отшельников.

На пути мы наблюдали ласточек и стрижей, с криком паривших или с замечательной быстротой носившихся вверх и вниз по ущелью; изредка волнистым полетом перемещались плисицы; высоко и плавно летал подорлик; по временам пел сорокопут; турпаны, привыкшие к людям, подпускали к себе очень близко. По соседству с ущельем, в открытой песчаной равнине, гордо выступал стройный джепрак. Мой спутник — ярый охотник — послал ему две пули, от которых испуганный зверь помчался с неуловимой быстротой. Побежка его была изящна: по временам он точно плыл в мираже, игравшем по равнине...

Пробыв 20 дней в экскурсии и описав сомкнутую кривую в 640 верст, мы, наконец, достигли оазиса. Пышно развернулась за этот период времени его зелень и еще издали, лаская взор путников своим приятным колоритом, манила под густую, душистую сень...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАНЬ-ШАНЬ И КЛЮЧ «БЛАГОДАТНЫЙ»

О Нань-шане вообще. Нань-шань, представляющий продолжение северной ветви Кунь-луня, отделенный от станового хребта системы высокими равнинами Куку-нора и Цайдама, по физическому строению, рельефу, климату, флоре и фауне сходен с «позвоночным столбом Азии». В пользу такого предположения отчасти высказывался покойный Н. М. Пржевальский, пересекший на востоке и на западе эту систему, отчасти же Г. Н. Потанин и братья Грум-Гржимайло, перешедшие ее между путями Пржевальского. В программу нашей экспедиции входило обследование Нань-шаня в районе между маршрутами поименованных путешественников.

Способ исследования страны. Две рекогносцировки[1], предпринятые раннею весною из Са-чжоу в соседний Нань-шань, выяснили

[1] В. И. Роборовского на запад от меридиана Са-чжоу, моя — на восток.

нашу летнюю деятельность. Река Дан-хэ, или Шара-голджин, как она называется в своем верхнем горном течении, послужила магистральной линией, по которой методически двигался караван, устраивая через каждую приблизительно сотню верст продолжительную стоянку. Стоянки эти выбирались в лучших местах, богатых кормом для караванных животных, и удобных исходных пунктах для географических разведок, одновременно производившихся В. И. Роборовским и мною. На главном бивуаке оставался г. Ладыгин, который, помимо ботанических сборов и пополнения энтомологической коллекции, систематически вел метеорологические наблюдения. Опытный вахмистр Иванов следил за общим порядком. Препаратор Курилович собирал птиц; прочие люди отряда охотились за зверями. Все такие пункты определялись астрономически. К ним мы привязывали свои маршруты, представлявшие собою удлиненные петли. В долине Шара-голджина продолжительных стоянок было три: в Куку-усу, на ключе «Благодатный»; в Улан-булак, у северного подножья хребта Гумбольдта, и на верховье этой реки, при урочище Яматын-умру. Четвертая, последняя стоянка в Нань-шане находилась у северного подножья Южно-кукунорских гор, при реке Гурбу-ангыр-гол. Линия, соединяющая эти пункты, разграничивала Нань-шань на две половины, из которых северная досталась мне; южную же избрал для своих исследований В. И. Роборовский.

Район моих экскурсий. Остановлюсь на районе своих рекогносцировок, рамками которым служат меридианы оазиса Са-чжоу на западе и озера Куку-нора на востоке, и представляющем собою площадь в 500 верст по долготе и около 300 верст по широте. Во всех четырех рекогносцировках мною проведено 60 дней. Пройдено съемкою за это время 1800 верст. Собрана богатая коллекция зверей [1], как и вообще прослежена животная жизнь Нань-шаня. В пересечениях хребтов взяты образчики горных пород; в долинах — образчики почв. Разъезды выполнялись с одним и тем же спутником, старшим урядником Забайкальского казачьего войска Семеном Жарким; переменялись только проводники.

Характеристика северного Нань-шаня. Топографический характер. Преддверием Нань-шаня служит длинный кряж Шишаку-сянь, протянувшийся с юго-запада на северо-восток, но не сочленяющийся с Нань-шанем. В 30—40 верстах к югу от него поднимается передовая ограда Нань-шаня, отделяющаяся от главного члена системы — хребта Гумбольдта — на среднем течении Дан-хэ и состоящая из двух ветвей — северной низкой и южной высокой, но узкой. Последняя до меридиана г. Юй-мынь-сяня направляется почти на восток, затем довольно круто поворачивает к юго-востоку. В западной своей части, на протяжении 80 верст, этот отрог лишен вечных снегов и известен под названием Каши-

[1] Птицы, насекомые и растения собирались постолько, посколько это возможно при беглых рекогносцировках.

карин-ула, далее же к востоку блещет вечными снегами, называясь Да-сюэ-шанем [1]. Вскоре затем он разделяется на две снеговые цепи, между которыми стремится верхняя Сулей-хэ. К югу, параллельно западной части Да-сюэ-шаня, простирается другая ветвь хребта Гумбольдта — хребет Буруту-курун-ула, который, по мере удаления на восток, мельчает и, сопровождая на всем течении реку Бма-хэ, через 130 верст совершенно исчезает. Наконец, самой южной границей моих исследований служил хребет Гумбольдта, открытый Н. М. Пржевальским; притом восточное продолжение этого хребта было пересечено мною дважды.

Геологическая заметка. В геологическом отношении указанный район Нань-шаня выражается следующим образом: отдельно стоящий кряж Шишаку-сянь содержит гранит (биотитово-роговообманковый среднезернистый), красноватый кварц и выветрелый сланец; передовая ограда в восточной части богата порфиритом (роговообманковый), в западной — гнейсом (двуслюдистый белый среднезернистый), сланцем (темно-зеленый амфиболитовый и кварцево-биотитовый) и кварцем (желтоватый, вероятно жильный), а посередине — гнейсом (роговообманковый среднезернистый), в котором залегают прожилки белого кварца и розового полевого шпата. Хребет Да-сюэ-шань в западной своей части Каши-карин-ула слагается из известняка (черный плотный с прожилками белого известкового шпата), сланца (серый кварцево-известково-слюдистый с прожилками белого кварца с известковым шпатом), гранито-гнейса (роговообманковый среднезернистый с биотитом и хлоритом) и туфовидного песчаника; в средней снеговой — из известняка (темно-серый кремнистый, на северном склоне, и темно-серый мелкозернистый с прожилками белого известкового шпата на южном) и сланца (зелено-серый известково-слюдисто-глинистый), а в южной — из песчаника (зелено-серый мелкозернистый известково-слюдистый плитковый) близ гребня и известняка (грязно-белый очень мелкозернистый доломитизированный) и гипса (лучисто-волокнистый) на северном склоне; эта же часть его богата самородной серой (землистая). Хребет, тянущийся к северо-востоку от реки Толай-гола, состоит из сланца (темно-серый, глинистый). Восточное продолжение хребта Гумбольдта, на меридиане озера Хара-нора, характеризуется также сланцем (известково-глинисто-кварцевый с прожилками кальцита), кроме того, известняком (черный плотный с розоватыми и бурыми облачными пятнами, каменноугольный) и темно-серым мелкозернистым песчаником; тогда как высоты к юго-востоку от озера Хара-нора — исключительно сланцем (серый глинисто-известковый). Переходя к западной части гор, остается рассмотреть хребет Бутукурун-ула, который слагается из гранита (роговообманково-хлоритовый среднезернистый) и сланца (темно-серый известково-слюдисто-глинистый). По долинам рек Шара-голджина, Сулей-хэ и на восточном берегу озера Хара-нора залегают барханы сыпучего песка, а у подножия означенных

[1] Да-сюэ-шань — китайское название, в переводе значит «большие снеговые горы».

хребтов щебень, указывающий отчасти на строение ближайших гор. Глубокая балка при кумирне Вань-фо-ся обставлена конгломератовыми (ханхайский или новейший) стенами.

Общий характер здешних, как главных, так и второстепенных, хребтов одинаков и состоит: 1) в том, что все эти хребты простираются с северо-запада на юго-восток, окаймляя с северо-востока высокие равнины, опускающиеся террасами в ту сторону; 2) главные хребты, по своей огромной абсолютной высоте, имеют также значительную высоту относительную; 3) в самых высоких хребтах высшие вершины, обыкновенно вечноснеговые, расположены лишь отдельными группами; 4) формы гор, за исключением вечноснеговых, мягкие, с пологими боковыми скатами и куполообразными вершинами; 5) все хребты, как главные, так и второстепенные, доступны по перевалам, наконец, 6) обнаженных скал вообще мало, их заменяют россыпи как продукт разложения горных пород.

В междугорных пространствах раскидываются долины рек Шара-голджин, Ема-хэ, Сулей-хэ и замкнутые котловины озер Ногот-нор и Хара-нор. По высоким горным долинам часто залегают кочковатые болота, составляющие характерную принадлежность нань-шаньского плато.

Орошение. В восточной части означенного района ключи, реки и речки встречались довольно часто; словом, орошение местности значительное. В замкнутых котловинах вся впадающая влага, не находя выхода, образует малые и большие озера. Вода почти во всех нань-шаньских озерах, вследствие их замкнутости и сильного испарения, соленая. Самое большое озеро Хара-нор, не посещенное до нас ни одним европейцем, лежит на меридиане г. Юй-мынь-сяня. Что же касается рек, то они главным образом несут свои воды в долину нижнего течения Сулей-хэ, орошая по дороге встречные оазисы. Река же Сулей-хэ теряется в солончаковых болотах оз. Хала-чи. На восток от Хара-нора южная цепь Сулей-хэ, после временного понижения, снова круто вздымает свои снежные вершины под названием Шаголин-намдзил. Эта высокая, снеговая группа, давая начало на своем северном склоне реке Сулей-хэ, в то же самое время питает систему Бухайн-гола, текущего к югу. Другими словами, Шаголин-намдзил служит водоразделом указанных бассейнов. Немного восточнее этой возвышенной группы зарождается Тэтунг-гол, имеющий сток чрез Желтую реку к океану.

Здесь, т. е. при верховье Тэтунга, в хребтах ущелья врезаны глубоко, склоны круче и обилуют скалами, горы более расчленены и более живописны.

Совсем другое — в западном Нань-шане, где, как и подтверждает [мнение] Н. М. Пржевальского позднейший исследователь В. А. Обручев, «вследствие этого недостатка влаги хребты западного Нань-шаня отличаются массивными, малорасчлененными формами и часто до половины высоты погружены в накопившиеся рыхлые наносы, закрывающие выходы коренных пород; ущелья в своей нижней половине большею частью сухи, и ключ, или ручей, образующийся от таяния снегов или из источников в вершине

ущелья, вскоре исчезает в толще галечников дна и только в более значительных поперечных долинах, доходящих своими разветвлениями до более обширных снеговых полей или ледников, мы находим ручьи и речки, питающие реки западного Нань-шаня. Множество сухих русел в оврагах и ущельях свидетельствуют, что вода работает здесь только периодически — ранней весной или после больших дождей, когда бурные временные потоки размывают овраги и ворочают крупные валуны, но не в состоянии удалить все продукты деятельности других атмосферных агентов, работающих медленно, но непрерывно; деятельность воды здесь энергичная, но кратковременная. Поэтому мы видим столько обломков и щебня на склонах долин и ущелий, а на дне их — целый хаос крупных и мелких валунов, среди которых извивается ручей или сухое русло: при пересечении хребтов западного Нань-шаня часто приходится ехать целые версты по этим навороченным друг на друга камням, поднимаясь лишь изредка на поросшую травой береговую террасу, представляющую более сносную дорогу, но уцелевшую от размыва только местами, то на правом, то на левом берегу, у подошвы крутого склона» [1].

Климат. В климатическом отношении горную систему Нань-шаня можно разделить на две части. Западная часть, или Са-чжоуский Нань-шань, отличается сухостью; восточная, наоборот, богата атмосферными осадками. В первой северо-западные ветры приносят пыль и омрачают воздух, тогда как обильные дожди на востоке обусловливают особенную прозрачность атмосферы. Вследствие большой абсолютной высоты (около 12 000 футов) и обилия вечных снегов в Нань-шане в течение всего лета очень прохладно; по ночам всегда морозы: горные ручьи и небольшие речки подергиваются льдом. В ясные дни от набегающих облаков падает снежная крупа, а сплошные тучи всегда оставляют горы покрытыми снегами, даже в долинах становится невыносимо холодно, в особенности когда последние бывают также покрыты снегом. В междугорных долинах затишье бывает сравнительно редко; обыкновенно же дуют ветры, начинающиеся после полудня. Словом, нань-шаньское лето приходилось вспоминать холодом и снегом, в особенности нашим сотоварищам, оставшимся на складах; и только мы, уезжая к окраинам гор, или, по временам, в своих экскурсиях, спускаясь на дно глубоких долин, дышали теплым «летним» воздухом и покрывались, вместо меховых, тонкими одеялами. Поздно развивающаяся растительность, представляющая своеобразные карликовые формы, прекрасно приспособилась к «борьбе за существование». Перенося свою базу в Нань-шане последовательно в высшие зоны, мы всегда заставали начало лета и производили свежие своевременные ботанические сборы.

Флора и фауна. В общем флора высоких долин и гор Нань-шаня сходствует с флорою Тибета.

[1] В. А. Обручев. Орография Центральной Азии и ее юго-восточной окраины. Оттиск из т. 31 «Изв. Русск. геогр. об-ва», 1895, стр. 78 (330).

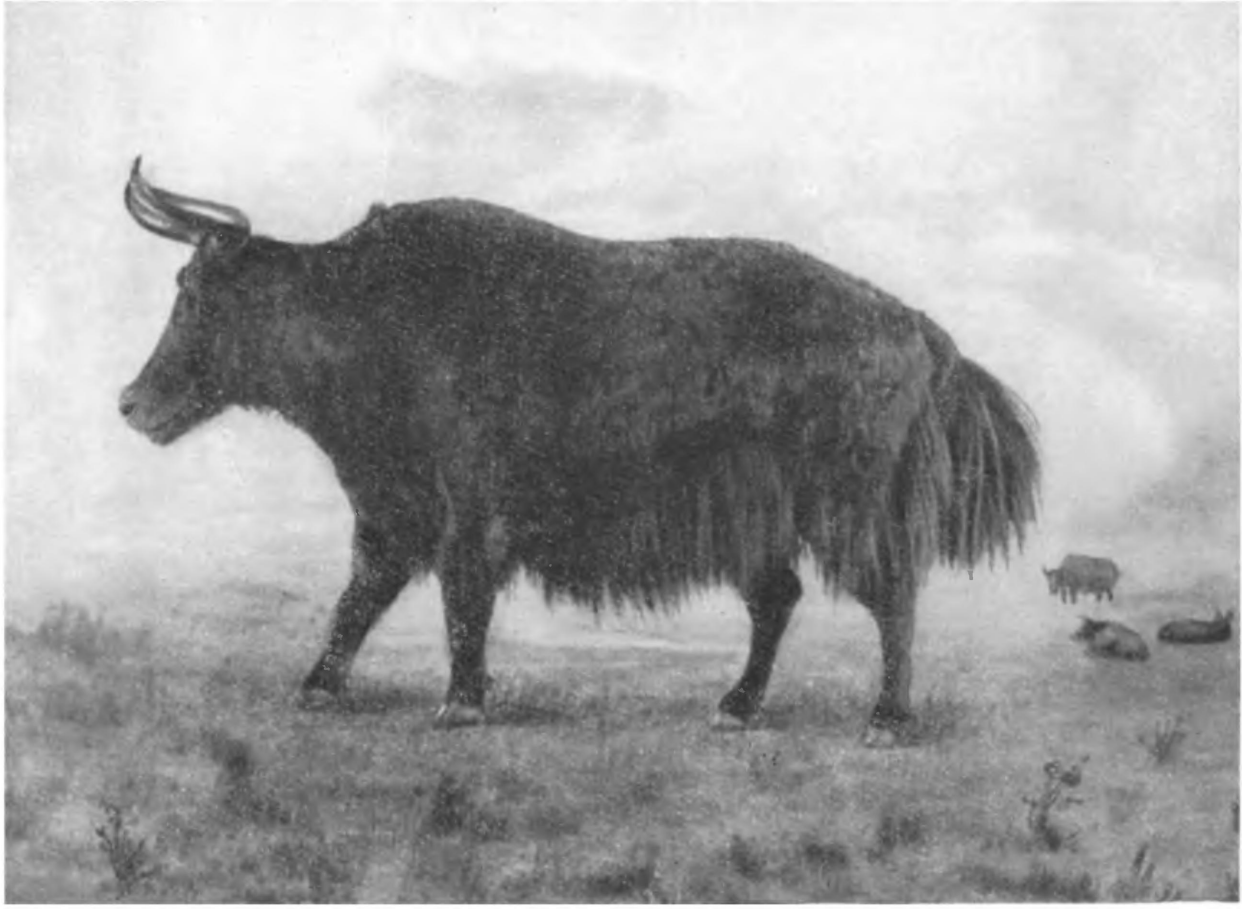
Если обратимся к фауне описываемой страны, то в этом отношении найдем еще более общих представителей, в особенности в отделе млекопитающих. Как Тибет богат количеством, а не разнообразием форм, так точно и Нань-шань. И здесь обилие млекопитающих вызывается достаточным количеством корма и воды, обширностью пространств и сравнительным отсутствием человека.

Дикий як (*Bos grunniens*) распространяется на севере до хребта Дасюэ-шаня, на востоке до меридиана озера Куку-нора, на юге же и западе он живет на всем обширном пространстве Тибетского нагорья. Везде в указанной местности як придерживается высоких долин и горных ущелий; вообще, будучи одет густою, мягкою шерстью, он летом ищет прохлады вблизи границы вечных снегов. Нередко одиночные самцы взбираются на ледники и там проводят более или менее продолжительное время. Случается, по словам монголов, что яки бывают отрезаны трещиной льда; более смелые из них спрыгивают с ледника, другие же на нем остаются. Горькая участь последних неизбежна; да и первые чаще погибают, нежели спасаются. Зимою, наоборот, звери спускаются в более низкую область гор, еще охотнее в долины, оставленные кочевниками.

Всего больше диких яков встречалось на верховьях рек Шара-голджин, Сулей-хэ, Толай-гол, Бухайн-гол и в долине озера Хара-нора. В этих местах зверей было так же много, как и на плато северного Тибета. Куда ни посмотришь во время следования, всюду видишь этих гигантов. В одной горной расщелине пасется огромнейшее (в 100—300 голов) стадо; у ручья в долине лежат небольшие группы; там и сям бродят или неподвижно стоят одиночки. Перевалив горный отрог, путешественник встречает подобную же картину.

Дикий як начинает бодрствовать довольно рано и тотчас же принимается за покормку. Часам к 10 утра он снова предается отдыху где-нибудь на гребне гор или вершине увала, словом, на открытой местности. Стадо зверей располагается иногда широко, иногда скученно. Виденные нами стада состояли или из одних матерей с телятами, или из самцов средних лет. В последнем случае число особей было всегда значительно меньше, 5—10, редко больше. И в том, и в другом случае лишь встанет один зверь, как тотчас же поднимается и все остальное стадо, не отставая от своего вожака. Следуют звери то рысью, то шагом; сильно испуганные несутся вскачь, но обыкновенно очень короткое время. От охотника звери спасаются в горы вдоль боковых скатов, реже спускаются вниз. Старые особи ходят одиноко. Особенно интересны эти великаны, когда их фигура рисуется на гребнях гор [1]. Подолгу дикий як стоит в полной неподвижности, лишь изредка поведет головою в сторону или метнет мохнатым хвостом. Не менее красивым

[1] В высшей степени оригинален дикий як в мираже: могучая фигура рогатого зверя, украшенного на брюхе длинною шерстью, наподобие бахромы, кажется чудовищной, фантастической.

Дикий як (*Bos grunniens* Linn.).
1/26 натур. величины

представлялось и стадо, вытянутое змейкой, медленно двигавшейся по горам. Удивляешься, как эти звери мастерски лазят по кручам. Еще поразительнее, когда испуганные яки мчатся с ужасной быстротой. Трудно себе представить разъяренное животное, в особенности громадного быка, несущегося по круче вниз. Он не то скользит, не то бежит, а за ним целый поток мелких камней плывет, не отставая. Оставив за собою россыпи, зверь рысью несется по луговому откосу; затем, взбегая на вершины отрогов, останавливается: смотрит и чует по сторонам. Зрение у него развито плохо, чутье же до совершенства. Вообще дикий як идет осмотрительно, порою украдкою. Степень бдительности увеличивается с малейшим подозрением опасности. Врагов, кроме человека, у описываемого зверя нет. Стадо матерей успешно оберегает детенышей от всяких случайностей, пряча их в середину.

Любовный период у диких яков продолжается в течение последней трети августа и первой сентября; случается немногим и раньше. Самцы в это время бывают злобны; большому и сильному уступают средние. Соперники вступают в ожесточенный бой. Однажды мы наблюдали подобную картину. Еще издали, заметив друг друга, дикие яки начали сближаться; один из них, остановившись у глинистого обрыва, стал рогами разрывать землю, другой шел решительно вперед, изредка останавливаясь, при этом сердито наклонял голову и тряс хвостом, поднятым вверх на подобие султана. Наконец, расстояние, отделявшее противников, сократилось шагов до сорока. Бывший на месте дикий як принял боевую позу в ожидание врага. Последний двигался медленнее. Наклонив рога и махая хвостами, оба зверя издавали довольно громкое хрюканье, подобно домашнему яку, который поэтому назван *Bos grunniens*. Стоя в виду друг друга, звери рыли копытами землю; наконец, сошлись; за две сажени бросились с быстротой, не уловимой для глаз. Треск от удара могучих лбов был чрезвычайно громкий. Дальнейшему ходу драки помешал третий, еще более сильный зверь, которого бойцы испугались и разошлись по сторонам.

В иных случаях, по словам монголов, турнир продолжается подолгу. В то время можно смело подходить к диким якам; стоит выстрелить по одному и ранить, тогда другой боец с ним непременно покончит; затем можно стрелять и в последнего. В возбужденном состоянии звери не обращают внимания на выстрел.

Молодые появляются на свет весною, в апреле и мае месяцах; дети следуют при матерях год; затем отделяются к большим стадам, состоящим из особей различного пола и возраста. Из урочища Кызыл-боён [1] во время путешествия — Тибетской экспедиции М. В. Певцова — нам доставил туземец 4-месячного теленка дикого яка. Этот теленок, только что появившись на свет, был оставлен матерью после выстрела охотником по стаду. Родившийся в мае месяце, он в сентябре казался вполне диким. Шерсть темно-бурая

[1] Верховье Черчен-дарьи.

с заметной на холке гривкой. Голова слегка мохнатая; хвост начал густеть. Будучи пойман и привезен к землянкам туземцев, теленок постоянно находился на привязи и питался молоком овец, которых искусно сосал, опустившись на колена. В последние дни начал щипать траву. Случаи вскармливания молодых до зрелого возраста неизвестны. В неволе они кажутся грустными и нехольными. Неудовольствие выражают коротким, отрывистым мычанием, слегка походящим на хрюканье свиньи.

Шкурка теленка отличалась своей плотностью и толщиною.

На рану дикий як поразительно крепок, в особенности взрослый самец. Нрава же в общем трусливого. Из всех охот, производимых в течение лета, только однажды дикий як бросился на нашего охотника. Дело происходило так: из двух казаков, бывших на экскурсии, один остался на месте, другой направился к зверям. Увлекшись наблюдением охоты товарища, оставшийся на месте казак заметил несущегося на него из-за холма дикого яка. Получив, однако, две пули, як повернул в сторону, не добежав до охотника 15 шагов. От следующих трех пуль зверь кубарем покатился вниз по скату горы. Будучи сильно озлоблен, он внизу снова вскочил на ноги, но напрасно порывался вторично настичь охотника: силы от полученных ран изменили. «Движения зверя становятся менее порывистыми, гордая поза делается смиренною, поднятый кверху хвост опускается, голова никнет, туловище вздрагивает... Еще несколько мгновений предсмертной агонии — и могучее животное падает на землю».

Хулан. Хулан, или дикий осел (*Equus kiang*), имеет более широкое распространение, нежели предыдущий вид, но далеко не собирается, здесь в Нань-шане, в такие многочисленные стада, как дикий як. Кроме общеобитаемых мест с диким яком в горах, хулан спускается и значительно ниже в долины; он даже встречается у подножий как северных, так и южных гор Нань-шаня. Не испытав преследования, он держит себя довольно смело. Часто, во время прохождения каравана, хуланы подбегали очень близко; постояв немного, пускались бежать рядом с нашими вьючными животными. Нередко таким образом дикие ослы провожали нас по несколько верст. Кобылицы с детенышами, появляющимися на свет около июля, несравненно строже: чуть только заметят человека, тотчас же пускаются в бегство, причем жеребенок скрывается от взора стрелка, прячась за свою мать. Однажды, охотясь за зверями, я набрел на отдыхавшую семью хуланов довольно близко. Испуганная кобылица, вскочив с земли, в недоуменьи понеслась вперед, оберегая жеребенка. В защиту быстро появился жеребец и сердито заржал. Пробежав несколько шагов в мою сторону, как бы отвлекая внимание от подруги, жеребец пустился вскачь за кобылицей.

Халхасец-монгол, дважды сопровождавший меня в разъездах по Нань-шаню, имел у себя прирученного хулана. Добыв последнего только что появившимся на свет, монгол воспитал жеребенка вблизи юрты, поя молоком; притом всегда держал питомца на привязи, или в крепких путах, одно

время даже в железных. Обучить его под верх не удалось, несмотря на все приложенное старание. Без всадника, на корде, хулан бежал отлично, побежка его была красива, животное резвилось. Стоило же только охотнику вскочить на спину животного, как последнее, понурив голову, следовало шагом. Несмотря ни на какие принуждения, хулан под всадником не изменял аллюра. Надежды сына степи, сидя на хулане, успешно преследовать диких собратов его, совсем не оправдались. Прирученное животное было смирно, но всегда, когда представлялся случай, порывалось бежать на свободу.

Местные охотники преследуют дикого осла, охотно употребляют его мясо в пищу и пользуются шкурой для изготовления обуви. Некоторые из приемов охоты на хуланов, практикуемые номадами, оригинальны. Известно, что хуланы большими и малыми стадами держатся не только в горных ущельях, но и в низких долинах. В таких местностях почва очень часто бывает сухая, рыхлая. Испуганное стадо, бросившись на уход, поднимает в воздух густую пыль, сквозь которую ничего не видно. Этого и ждет охотник-номад. Быстро скачет он на лошади к хуланам, спешивается, а иногда и сидя верхом, стреляет, чуть не в упор, по зверям. В пыли хуланы плохо видят; выстрела же мало боятся. Другой прием, который, впрочем, практикуется в любовный период [1], удается лишь самому опытному охотнику. Последний, усмотрев желанного зверя, все равно жеребца или кобылицу, скрывается; затем начинает ржать по-хуланьи. На этот призывный голос тотчас же появляется дикий осел, встречая пулю номада.

Наш отряд в общем мало охотился за хуланами. Пополнив свою коллекцию означенным видом, мы уже их более не стреляли, а предпочитали любоваться на этих зверей, когда они, выстроившись фронтом с поднятыми вверх головами, смотрели на проходящий караван или, вытянувшись в линию, быстро мчались наперерез нашего пути.

Антилопы. Продолжая описание млекопитающих Нань-шаня, перейду теперь к не менее интересным обитательницам этой горной системы, красавицам антилопам: антилопе харасульте (*Gazella subgutturosa*), антилопе Пржевальского (*Gazella Przewalskii*) и антилопе-ада (*Gazella picticaudata*). Харасульта с севера переходит за передовую ограду Нань-шаня, но внутри этой горной страны не водится, появляясь лишь южнее ее, на нижележащих равнинах Цайдама по соседству с антилопою Пржевальского, живущею на плато Куку-нора. Что же касается антилопы-ада, или малютки, то она служит характерным представителем Нань-шаня; передовая ограда этой горной системы составляет северную границу ее распространения. Восточной же границей географического распространения ее служит озеро Куку-нор, а параллель последнего, вместе с тем,— южной границей в Нань-шане, за которой ее нельзя встретить. К западу от меридиана ключа «Благодатного» мы этих антилоп ни разу не видели.

---

[1] Любовный период *Equus kiang* происходит немногим ранее такового у дикого яка.

Антилопа-ада предпочитает высокие долины и горные ущелья; в таких местах мы всегда встречали стада в 5—10 экземпляров, реже одиночек. Стада состоят большею частью из особей мужского или женского пола, реже совместно. Точно так же осенью отдельно держатся и молодые, покинутые матерями. Время появления молодых — конец июня. Явившиеся на свет детеныши, всегда по одному, первое время лежат где-либо в долине, одетой высокой травянистой растительностью. Мать пасется поблизости и от времени до времени приходит кормить дитя. «Поднятый» собакою детеныш быстро спасается; насколько приходилось видеть, всегда одним аллюром — скачками. Побежка же взрослой антилопы приводит в изумление: быстра, изящна, грациозна. По временам кажется, что это в высшей степени стройное животное прыгает как резиновый мяч.

Каменный баран, или аргали (*Ovis Hodgsoni*), довольно обыкновенен в исследованной нами части Нань-шаня. Держится по преимуществу в невысоких горах, или же в предгорьях главных хребтов, обитая, однако, в альпийском поясе до голых каменных россыпей. Нередко горы от большого скопления этих зверей носят название Аргалинин-ула. Помимо гор, звери охотно спускаются и в долины, но никогда не покидают их ближайшего соседства. Каменные бараны живут большими и малыми обществами, а также и одиночками.

Начинает свое бодрствование аргали очень рано для покормки. Взошедшее и обогревшее солнце заставляет зверя предаться отдыху где-нибудь на видном, безопасном месте: обыкновенно на скатах гор или на их командующих выступах. Звери располагаются на отдых стадом в скученном порядке; при этом они всегда чутки; многие спят, держа голову кверху.

Любовное время у аргали настает в ноябре и длится две последние трети месяца. В это время, конечно, и самцы и самки держатся вместе. По обыкновению, первые дерутся за обладание последними. Встретясь на близком расстоянии, они поднимаются на дыбы и, прыгая один на другого, сшибаются лбами. Лишь только минет этот период, самцы покидают самок. Те и другие начинают держаться особняком. Матери «носят» менее полугода. В конце апреля появляются молодые. Самки в это время держатся более или менее безопасных мест.

На рану аргали очень крепок. Зрение, слух и чутье у него развиты до совершенства. Поэтому убить каменного барана довольно трудно. Тот же монгол, который приручил хулана, сообщил мне, что существует особая белая разновидность аргали. Охотясь с товарищами осенью в горах Нань-шаня, он был удивлен встреченным издали белым зверем. Подкравшись к нему незамеченным, охотник узнал «в белом чудовище» аргали. Суеверные монголы-товарищи уговорили, однако, этого истого охотника не стрелять, с чем он, нехотя, согласился.

Куку-яман. Другой собрат каменного барана, куку-яман (*Ovis nahoor*), населяет собою в большом количестве хребты, богатые скалами.

Беломордый марал. Наконец, последним представителем жвачных[1] Нань-шаня служит беломордый марал (*Cervus albirostris*), открытый Н. М. Пржевальским в его третье путешествие. В горной системе Нань-шаня этот вид встречается лишь изредка. И здесь он терпит беспрерывное преследование со стороны местных охотников-промышленников. В июле и августе — в пору лучшего состояния рогов — маралы не преследуются только в недоступных для охотников местах или в близком соседстве разбойничьего тангутского населения.

В общем по характеру и привычкам беломордый марал очень похож на своего сибирского собрата. Летом они держатся и одиночками, и попарно, реже небольшими обществами. В более многочисленные стада, до 30 штук, маралы собираются только зимой, когда они перекочевывают в обильные кормом долины. Этот зверь пасется большею частью по ночам, спускаясь в летнее время из высоких скалистых гор на дно ущелий. С восходом солнца снова бредет в родные скалы. Любовный период марала настает в сентябре и длится около двух недель. С закатом солнца самцы, стоя на выступах гор, издают призывный крик, в начале брачного времени осторожно, в разгаре же смелее, даже днем. Самец обладает двумя, тремя подругами, которые по окончании случного периода, в большинстве случаев, отделяются. Молодые появляются в начале лета. Родившийся теленок всюду следует за матерью, а не остается, как сибирский, некоторое время в «сиверках» — чащах кустарника, одевающих северные склоны сибирских хребтов. Тому причиной, вероятно, масса врагов: барс, рысь, волк; укрытий же в Нань-шане очень мало.

Грызуны. Из грызунов в Нань-шане обитают пищухи (*Lagomys melanostomus*), которые в бесчисленном множестве населяют луговые склоны гор, а также и долины; другая же пищуха (*Lagomys erythrotis*) водится в камнях или скалах и встречается лишь изредка; кроме того, нами найден в долине верхнего течение Тэтунга третий вид (*Lagomys Roylei*), держащийся в альпийской горной области; в западном Нань-шане он попадался у подножий хребтов, на высоте 10—11 000 футов над морем. Затем можно указать на сурка, или, как монголы называют, тарабагана (*Arctomys robustus*), встреченного нами во многих местах Нань-шаня, в особенности же по альпийским лугам северного склона хребта Гумбольдта. Здешний сурок по образу жизни и привычкам совершенно напоминает других своих собратьев. Живя в глубоких норах, он в хорошую погоду выходит на простор, где поблизости и кормится. По окончании еды очень часто предается на солнышке неге, лежа на выступе обрывчика или на камне. Такое отдохновение нередко повергает тарабагана в когти хищника. Голос сурок издает чаще, когда подозревает опасность. На свободе эти зверки собираются из соседних нор в

[1] Куда можно отнести еще два вида — марала (*Cervus* sp.) и кабаргу (*Moschus moschiferus?*), замеченных в Южно-кукунорском хребте и на верховье Тэтунг-гола.

Олень беломордый (*Cervus albirostris* Przew.).
1/25 натур. величины

одно местечко, где предаются играм и забавам. Малейший признак опасности моментально нарушает их веселье: сурки мешковато плетутся к своим норам, куда прячутся тотчас же или, в зависимости от опасности, остаются у входа в нору. По одному и по два сидят они и смотрят по сторонам. Охотник может осторожно подойти к тарабагану на выстрел дробью. На рану тарабаган крепок; он очень часто уходит, будучи тяжело раненым. Добытый мною экземпляр был тяжело ранен, но, свалившись с обрыва вниз, не имел силы уйти. Перед смертью сурок изгрыз передние лапки, как бы в наказание за то, что те отказались унести его в подземное жилище. Предается зимней спячке описываемый вид в сентябре; пробуждается в конце апреля или начале мая. Зайцы (*Lepus oiostolus*) местами очень многочисленны, несмотря на то, что сильно истребляются четвероногими и пернатыми хищниками. Из самых мелких грызунов, замеченных нами в Нань-шане, были тушканчик (*Dipus* sp.), *Eremiomys Przewalskii* и *Cricetulus arenarius*.

Медведь. Среди хищников первое место принадлежит медведю-пищухоеду (*Ursus lagomyiarius*), впервые найденному также Н. М. Пржевальским в его третье путешествие по Центральной Азии.

О происхождении медведя нань-шаньские монголы рассказали мне следующую легенду. К востоку от Лхасы, в горах Шан-ширмилюдын, где обитает зверь «холода́» [1], однажды заблудилась тибетская молодая девушка; несчастная пришла в полное отчаяние, не зная что делать в своем безвыходном положении. В глубоком раздумьи она и не заметила, как пожаловал к ней в близкое соседство «холода́». Страха девушки не было пределов: казалось, приходилось расстаться с жизнью. Между тем добрый зверь пожалел испуганную и опечаленную девицу, выражая ей свое звериное сочувствие. Немного позднее, когда девушка пришла в себя, холода́ принес ей пищи и вообще начал заботливо ухаживать за несчастной. Преданность зверя девушке не замедлило перейти в любовное ухаживание, а затем и в супружеские обязанности. Словом, холода́ сжился с тибетской «красавицей», результатом чего и появился на свете медведь, почитаемый цайдамскими монголами за священное животное — «тынгери нохой», божья собака; то же мнение отчасти разделяют и тангуты.

Ursus lagomyiarius, представитель Тибетского нагорья, нередок и в Нань-шане, в особенности в верховьях рек Толай-гола и Сулей-хэ. На истоках последней реки медведь обитает в таком большом количестве, какое нам приходилось наблюдать только в северо-восточном Тибете в четвертое путешествие Н. М. Пржевальского. Как тогда во время летнего пребывания была убита [2] в высшей степени интересная белесоватая медведица, так и

[1] Напоминающий, по словам тех же номадов, огромную собаку с головой, похожей на лисью; уши острые, туловище тонкое, длинное; передние ноги значительно короче задних, хвост короткий. Общая окраска зверя черная с более или менее беловатой грудью. Питается холода́ и растительной (трава) и животной (пищуха) пищей.

[2] Но шкурой, к сожалению, мы не воспользовались.

теперь, но на этот раз белая красавица попала в коллекцию. Действительно, окраска медведицы представляет полный контраст с окраской этого вида вообще. Голова, шея, грудь, спина, бока, ноги совершенно белые; лишь на задней части тела кое-где по белому фону рассыпаны светло-голубые пятна, сидящие малыми и редкими пучками. При всем том шерсть на звере отличная. Это приобретение несомненно послужит украшением серии пищухоедов в Зоологическом музее Академии наук.

Рассматриваемый вид держится высоких долин, а также и горных ущелий. Холмистые, покатые площади, сбегающие с гор и обильно населенные пищухами,— вот места, где всего вернее можно разыскать здешнего «мишку». Все семь убитых нами медведей имели в желудке одних лишь пищух. Сколько этих грызунов поедают медведи, если в желудке одного экземпляра, еще производившего охоту[1], мы нашли 25 штук? По словам монголов, медведь нередко лакомится и самым крупным грызуном — сурком или тарабаганом. Свежие следы таких работ косолапого зверя я встречал по ущельям хребта Да-сюэ-шаня, а также и по верховью Тэтунга. Забавен и страшен «мишка», как говорят местные охотники, в то время, когда разрывает нору тарабагана: ворчит, быстро повертывается, поднимает пыль, которою себя осыпает, и очень часто доканчивает работу при помощи большого камня, которым ловко разбивает толстый свод подземного жилища. Во время таких занятий туземцы, из боязни к медведю, стараются миновать то место, где охотится сердитый зверь. По нашим же наблюдениям, пищухоед скорее труслив, нежели смел. Из всех охот на этого зверя только дважды были случаи, когда раненый зверь бросался на стрелка. Обыкновенно, зачуяв охотника по ветру, он всегда уходит. И только «под ветер» к нему легко подойти, так как зрение у него плохое. На совершенно гладкой местности мы успешно подкрадывались к зверю на близкое расстояние. Только медведица с детьми, найденная нами всего один раз, очень строга и решительнее бросается, нежели одиночные звери.

Для зимней спячки, которая начинается с конца ноября и длится до марта, медведь выбирает нависшие скалы и пещеры. Нередко зверь ложится довольно открыто под камнем, в расщелине скалы и т. п. Во время зимней спячки он встает в теплые, ясные дни, причем или греется, лежа на солнце, или бродит за пищухами, а также срывает и растительную пищу. Такие прогулки бывают обыкновенно непродолжительны, часа два или три; затем медведь снова бредет в свое покинутое логовище.

Волк. Волк (*Canis lupus*), повсеместный обитатель Нань-шаня, всего чаще встречался нам вблизи кочевий халхасцев, там, где пасется много домашнего скота, в особенности баранов. Эти звери зорко следят за охотником. Первый выстрел номада, раздавшийся недалеко от «серого», служит сигналом последнему: волк тотчас бежит на дым, в надежде поживиться

[1] В близком соседстве с медведем часто находится черный ворон (*Corvus corax*), промышлявший за теми зверьками, которые ускользали от косолапого зверя.

подстреленным зверем прежде, нежели подоспеет охотник. Со своей стороны и номады везде по ущельям и подножьям гор устраивают ловушки на волка. Устройство «самолова» настолько просто и вместе с тем оригинально, что, я думаю, не будет лишним сказать о нем несколько слов. Обыкновенно ловушки ставят на тропинках, которых в зимнее время охотно придерживаются волки. Материалом для постройки самой ловушки служат камни. Последняя складывается из каменных плит довольно прочно и в законченном виде представляет каменную будку четыреугольной, нередко закругленной формы. Крыша будки сводчатая, под которой внутри свободное пространство, могущее вместить зверя. Входное отверстие устраивается обыкновенно к стороне тропинки. Дверью, или, вернее, запором, служит также каменная плита, свободно двигающаяся, точно в раме, вверх и вниз. Настороженная будка имеет входное отверстие открытым. Запорная плита подтягивается вверх; бичева же, удерживающая плиту, проходит, свободно двигаясь в отверстии, нарочно устроенном, по толщине крыши и по задней внутренней стенке будки круто ниспадает к ее основанию, где петлей надевается на горизонтально укрепленный колышек. На этот же колышек накидывается петля бичевы, на которой насажен кусок сырого мяса, причем она помещается под петлей, удерживающей плиту-дверь. Вошедший в ловушку волк схватывает мясо, сдергивает обе петли с колышка: плита падает и запирает зверя в ловушке.

Лисицы и другие. Лисицы (*Canis vulpes*) встречаются сравнительно редко, тогда как кярса, или корсак (*Canis ekloni*), довольно обыкновенен в посещенной нами части Нань-шаня. Зверь этот водится там же, где и пищухи. Последних корсак ловит, подкарауливая у нор: в песчано-рыхлой почве даже их откапывает, но редко сопровождает медведя на ловле грызунов, как то делает на Тибетском нагорье. Барс (*Irbis* sp.), рысь (*Felis lynx*), альпийский волк (*Cuon alpinus*) и хорек (*Putorius astutus*), из которых первых двух нам лично наблюсти не удалось, могут закончить собою список млекопитающих Нань-шаня.

Пернатое царство. Пернатое царство Нань-шаня небогатое. У млекопитающих малое, сравнительно, количество видов вознаграждается массою особей; но среди птиц описываемой страны подобного обилия не встречается. Всего нами найдено в Нань-шане 110 видов, следующим образом распределяющихся по отрядам и по образу жизни.

	Оседлые	Гнездящиеся	Пролетные
Хищные (Accipiteres). . . .	7	1	4
Воробьиные (Passeres)	19	38	9
Лазящие (Scansores).	—	—	—
Голубиные (Columbae)	1	—	—
Куриные (Callinae)	7	—	—
Голенастые (Grallatores) . . .	—	6	9
Плавающие (Natatores). . . .	—	3	6
Всего	34	48	28

Гриф монах (*Vultur monachus* Linn.).
1/7 натур. величины

Необходимо заметить, что указанная общая цифра получилась с значительной натяжкой, так как к Нань-шаню отнесены не только те виды, которые наблюдались непосредственно внутри этой горной страны, но и прослеженные на ее северной и южной окраинах; притом западная часть описываемого Нань-шаня несравненно беднее восточной, куда, вследствие лучшей луговой, кустарной, а местами и присутствия древесной (арча, *Juniperus pseudosabina*) растительности, проникают гань-суйские виды птиц.

Наиболее характерными представителями орнитологической фауны для Нань-шаня служат: грифы (*Gypaëtus barbatus, Vultur monachus, Gyps himalayensis*), сокола (*Hierofalco saker Hendersoni, Tinnunculus alaudarius*), филин-пугач (*Bubo maximus*), сыч (*Athene* sp.), ворон (*Corvus corax*), клушицы (*Pyrrhocorax graculus, P. alpinus*), жаворонки (*Melanocorypha maxima, Otocorys Elwesi, Calandrella tibetana*), живущие в норах вьюрки (*Onychospiza Taczanowskii, Pyrgilauda ruficollis*) и сойка (*Podoces humilis*); голубей один только вид — именно каменный голубь (*Columba rupestris*); куриных всего шесть видов: тибетский улар (*Megaloperdix tibetanus*) и улар Козлова (*Megaloperdix Koslowi* n. sp.), также два больдурука (*Surrhaptes paradoxus, S. tibetanus*), кэкэлик (*Caccabis chukar*) и сифаньская куропатка (*Perdix sifanica*).

Пресмыкающиеся и земноводные. Пресмыкающиеся и земноводные Нань-шаня суть ящерицы: *Phrynocephalus affinis, P. Vlangalii; P. Theobaldi, Eremias vermiculata, E. multiocellata* var. *Koslowi*, змея (*Trigonocephalus intermedius*), степной удав (*Eryx* sp.) и жаба (*Bufo Raddei*).

Рыбы. В реках и речках описываемой страны нами добыты: маринка (*Schizothorax* sp.) и вьюн (*Nemachilus Stoliczkae*).

Насекомые-бабочки. В течение всего лета, посвященного Нань-шаню, пойманы нами следующие чешуекрылые: *Papilio Machaon* var. *Montanus*, для которого меридиан оазиса Са-чжоу пока является самой западной границей распространения; *Parnassius Epaphus* var. *Sikkimensis, P. Imperator* var. *Imperatrix*, сравнительно редкая форма: *Pieris Dubernardi* var. *Koslowi, P. Butleri, Aporia Peloria, Colias Cocandica* var. *Grumi, C. Polyographus. C. Eogene* var. *Arida, C. Eogene, Argynnis Clara, A. Aglaja* var. *Vitatha, Alaucera Pymilus, Oeneis Buddha* Gr. Gr. var. *Lutea* Alph., *Coenonympha Amaryllis* var. *Evanescens, Agrotis Ripae, Haderonia Optima, Mamestra Injucunda? Ala*, Stgr, sp. n., новый вид, подлежащий еще изучению, так как нами добыт только один потертый экземпляр; *Leucanitis Scolopax, L. Flexuosa, Spintherops Spectrum* var. *Phantasma*.

Минеральное богатство. Вопрос о минеральном богатстве Нань-шаня до сих пор еще мало разработан. В исследованной части горной системы добывание золота производится в трех местах: 1) в 20 верстах к востоку от ключа «Благодатного», в северных предгорьях хребта Гумбольдта; 2) на верховье реки Шара-голджин, при урочище Хуйтун и 3) на верховьях Тэтунга. В самых широких размерах добыча золота производится

Тибетский больдурук (*Syrrhaptes tibetanus* Gould.).
1/3 натур. величины

на Тэтунге. Везде в указанных местах золотопромышленники — китайцы.

Жители. Что же касается населения Нань-шаня, то в нем обитают одни лишь номады [1]. На севере живут монголы, пришедшие из Халхи и Карашара, на востоке — тангуты, на юге и западе — коренные монголы Курлыка. Внутренность же этой горной страны необитаема людьми.

Оставление Са-чжоуского оазиса. Переснарядив караван и сдав значительную часть багажа, главным образом коллекции, на попечение са-чжоуских властей, экспедиция 11 мая выступила в горы, покинув оазис в полном наряде. Растительность отрадно зазеленела; масса цветов наполнила окрестности особенным благоуханием, прежний тяжелый воздух, присущий вообще китайским селениям, исчез. Днем было жарко на открытой местности и чудно в тени густолиственных абрикосов. Под сенью этих деревьев раскинуты пышные лужайки, рядом с ними тщательно возделанные террасовидные поля, с готовившимися колоситься хлебами, над которыми порхали бабочки. Тут же ютились и мелкие гнездящиеся пташки. По вечерам от болотистого пруда, заросшего тростником, лились нежные звуки местной певуньи камышовки...

Рядом с оазисом расстилается песчано-галечная пустыня, замыкаемая с юга высокими барханами сыпучих песков.

Следование на ключ «Благодатный». Следуя под этими барханами и переночевав у кумирни Чэнь-фу-дун [2], экспедиция на другой день достигла верховья ключа Да-чуаня.

Отсюда мы направились поперек дважды пересеченной мною долины, залегавшей между передовой оградой Нань-шаня и отдельным кряжем Шишаку-сянем. В середине долины расположились бивуаком при заходящем солнце, которое своими лучами освещало урочище Пяти ключей (Бешбулак), расположенное по южную сторону помянутого отделения кряжа. Чрез это урочище, по словам монголов, существует прямое сообщение с оазисом Са-чжоу. Еще переход — и мы у окраины гор. Перевалив через западные отроги передовой ограды, караван на шестой день по выступлении из Сачжоу, достиг ключа «Благодатного», где 15 лет тому назад был расположен бивуак экспедиции Н. М. Пржевальского. Здесь же, в прохладе, расположилась и наша экспедиция почти на месяц. Отсюда же намечены и первые разъезды. Местные кочевники встретили нас радушно и предложили свои услуги в качестве проводников.

Горная флора только что начала развиваться, благодаря выпадавшим время от времени дождям. Воздух был прозрачен, и соседний хребет Гумбольдта часто виднелся во всей красе.

Охотничьи экскурсии в окрестности. 20 мая В. И. Роборовский уехал в разъезд в южном направлении. Днем раньше отправлены

[1] Культура проникла за передовую ограду лишь в одном месте (селение Чан-ма в долине Сулей-хэ, лежащее на 7 040 футов абс. высоты).

[2] Где был добыт редкий и весьма ценный сокол *Falco babilonicus*.

были двое казаков в Са-чжоу для доставки сюда оставленного продовольствия. Последнее обстоятельство задержало меня на месте несколько дней, в течение которых я ознакомился с окрестными горами, совершая охотничьи экскурсии или вблизи бивуака, или же уезжая за несколько верст, с ночлегом в горах.

Особенно манил к себе здешний большой улар, еще не добытый никем.

В Центральной Азии известно было три вида этой замечательной птицы, а именно улар тибетский (*Megaloperdix tibetanus*), свойственный исключительно всему Тибету; улар гималайский (*M. himalayensis*), обитающий на Гималае, в горах южной Кашгарии, Тянь-шане и Сауре; наконец, улар алтайский (*M. altaicus*), живущий в Алтае и Хангае. Теперь, за наше путешествие, список альпийской куропатки, или горной индейки, обогатился нань-шаньским новым видом, который описан [1] старшим зоологом Зоологического музея Академии наук В. Л. Бианки как улар моего имени — *Tetraogallus (Megaloperdix) himalayensis Koslowi*. Образ жизни, голос и привычки всех этих видов мало разнятся.

Н. М. Пржевальский об этой птице говорит следующее:

«Везде улар является жителем высоких диких гор и притом самого верхнего, альпийского, их пояса. В глубине Центральной Азии я нигде не находил эту птицу ниже 10 тысяч футов абсолютной высоты [2]; иногда же, как, напр., на Тан-ла и в других хребтах сев. Тибета, улары поднимаются до 16 тысяч футов над уровнем моря. На подобных высотах, зимою и летом, господствуют почти постоянные холода и непогода, пища здесь самая скудная, везде дикие скалы или безжизненные россыпи — но улары все-таки не покидают своей родины и не переходят в более низкий горный пояс. Разве зимою, когда выпадает снег, описываемые птицы спукаются из своих заоблачных высот пониже или, чаще, перекочевывают на южные малоснежные склоны гор. Холода улары не боятся и благополучно проводят долгие зимние ночи на 30° мороза. Густое оперение птицы достаточно защищает ее в данном случае; притом, к вечеру улар всегда позаботится набить полнехонький зоб корешками или травою, так что переваривающаяся до утра пища также способствует согреванию птицы.

Питается улар исключительно растительностью альпийских лугов: корнями трав и их свежими листьями; чеснок и лук составляют любимейшее кушанье, так что в тех горах, где подобной пищи много, мясо улара, вообще весьма вкусное, напоминающее мясо индейки, пропитывается неприятным чесночным запахом.

---

[1] В. Бианки. Обзор видов рода *Tetraogallus* Gray.— Ежегодник Зоологического музея Академии наук, 1898, № 2, стр. 111—123.

[2] В северных хребтах Центральной Азии, как, например, на Сауре и Алтае, улары спускаются ниже этого предела, в зависимости, конечно, от более низкого положения снеговой линии. [Примечание П. К. Козлова].

Весною, более или менее раннею, смотря по климату местности, улары разбиваются на пары, и с тех пор, до вывода молодых, самец усердно кричит, в особенности по утрам. Оплодотворенная самка устраивает гнездо на земле или в расселине скалы. Вылупившиеся цыплята, числом 5—10, держатся с матерью и отцом, которые их очень любят и усердно охраняют. При опасности выводок спасается летом или, если цыплята еще малы, то они залегают между камнями, старики же в это время стараются отвлечь на себя внимание врага. Затем, когда опасность миновала, выводок скликивается и иногда переходит на другое место. Притаившегося улара, даже взрослого, чрезвычайно трудно заметить, в особенности в каменной россыпи.

Позднею осенью несколько выводков соединяются в одно стадо, которое живет дружно до весны и имеет общий ночлег в одном и том же месте. С такого ночлега улары поднимаются самым ранним утром, чуть забрезжит заря, и улетают на покормку на целый день, часто довольно далеко. При подъеме с места и во время полета птицы эти всегда громко кричат.

Главными врагами уларов служат орлы, в особенности хищный беркут; филин также, вероятно, истребляет этих птиц. Зато в глубине Центральной Азии они не преследуются человеком; тем не менее улары и здесь достаточно осторожны, за исключением разве Тибета»[1].

Улар моего имени. Улар моего имени обитает в Нань-шане бок о бок со своим тибетским собратом, который в общем держится выше — в поясе россыпей и скал, тогда как *Megaloperdix himalayensis Koslowi* предпочитает более мягкую альпийскую зону, нередко даже спускаясь и в нижний пояс гор. Наблюдая в одном и том же ущелье одновременно обоих представителей Нань-шаня, легко было заметить значительную разницу в их голосах. Разница эта следующая: тибетский улар издает несколько резкие и тонкие звуки, голос же его собрата нежнее, мягче, с более гармоничными переливами и более звонким отдельным свистом, издаваемым птицей во время своих покормок.

При ключе «Благодатном» мы встретили только уларов моего имени. Последние более оживленными были во второй половине мая, когда по утрам и вечерам мы слышали их звонкие голоса каждый день.

Просыпаются эти птицы с первыми лучами солнца, успевшими позолотить лишь снеговые вершины гор, и разлетаются, или чаще расходятся, с ночевки на открытые альпийские площадки. Во время утренней покормки самец-улар по временам приподнимает голову и громко свистит одиночным коротким переливом. Паузы между пением более или менее продолжительные. Чаще всего эти звуки раздаются по окончании покормки, когда один

[1] Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии. СПб., 1883, стр. 282—284.

или несколько экземпляров, усевшихся на отдельные соседние вершинки, вторят друг другу. Часам к 10 все замолкает; тишина продолжается до позднего или раннего вечера, в зависимости от погоды. Затем пение снова начинается и длится до заката солнца.

Летать улары не особенно любят и чаще всего перемещаются пешком. Ноги у них развиты прекрасно: подстреленного в крыло поймать в горах очень затруднительно или даже невозможно. Зрение у описываемого вида отличное, что дает ему возможность всегда раньше заметить охотника и тотчас же сменить громкий свист на тихое кокотание. Затем птицы зорко следят за человеком и удаляются заблаговременно; притом стараются всегда подняться вверх, и только появление охотника выше уларов заставляет последних лететь на противоположную сторону ущелья. Во время самого полета улары учащенно свистят и, опустившись на землю, снова поднимаются, пешком, кверху, продолжая свистеть третьим, более раздельным и отчетливым мотивом тти-ттююююю.... тти-ттююююю.... Последнее продолжается очень недолго.

В июле (1894 г.) при ключе Улан-булаке мы наблюдали молодых уже величиною с куропатку. Голос птенцов — слабый и тонкий писк. На ногах молодые проворнее старых. Разогнанный выводок потом сманивается матерью на ее обыкновенный голос — кокотание.

К номадам-пастухам описываемый улар очень доверчив, и мне кажется, что *Megaloperdix himalayensis Koslowi* был бы не менее ручным, чем и гималайский (?) улар, которого я наблюдал в таком состоянии в одном из оазисов (Ния) южной Кашгарии. Там в селении Нии у местного бека Измаила содержалась пара указанных птиц, пойманных молодыми. Зимою улары казались вполне взрослыми, держали себя свободно, ходили по двору и крышам жилищ. Питались зернами хлеба. На шеях их были привязаны маленькие бубенчики. По утрам и вечерам самец громко свистел, в особенности весной. Испугавшись чего-нибудь, или даже выражая удивление, улары тихо кокотали, точь-в-точь как в горах, когда заметят охотника или крылатого хищника.

Замечательно были интересны в Нань-шане охоты на уларов, в особенности когда мы ночевали в их близком соседстве.

...Чуть забрезжит заря, как уж в альпийском поясе пробуждаются голоса мелких пташек; высоко над нами в скалах прозвучит альпийская клушица (*Pyrrhocorax alpinus*), в среднем же поясе гор хрипло отзовется сифаньская куропатка; в то же самое время отрадно пронесется звонкий свист желанного улара. Наскоро проглотив чашку горячего чая, мы [1] уже идем на охоту. Обыкновенно заблаговременно намечался путь каждому охотнику, а также указывалась та общая вершина гор, которая должна была служить сборным пунктом. Вот слева громовым раскатом прогудел выстрел соседа;

[1] Для охоты за уларами я всегда брал с собою одного или двух стрелков.

с учащенным криком летят улары на противоположную сторону ущелья. А здесь, с замирающим сердцем, прижавшись к скале, ждешь невиданных птиц. Последние, перелетев ущелье, спускаются на скат и быстро бегут вверх и — о, радость! — прямехонько ко мне. С трепетом спускаешь курок, а затем любуешься катящейся по лугу убитой птицей. Стайка уларов снова перемещается на прежнее место, где, в свою очередь, зорко следит за нею охотник. Между тем другой стрелок, справа, поднял новое стадо уларов. Выстрелы производят немалую суматоху среди уларов. Теперь они со страха, не разбирая человека, если только не двигаться, опускаются или бегут совсем поблизости и, конечно, попадают под меткий выстрел.

Ходьба в горах дает себя чувствовать; взошедшее солнце жжет сильно. Голоса напуганных птиц раздаются реже и реже. Пора и к бивуаку... На высокой ступени, ведущей к небу, хорошо и свободно чувствуется. Вниз ушел лабиринт гор, прорезанных ущельями; по главному из них сверкают прозрачные воды. Вдаль, к востоку, по широко открытой долине, вьется лента Дан-хэ. А на юге стоит, словно могучий страж, хребет Гумбольдта, увенчанный ярко блестящими льдами. Не так легко расстаться с дивной панорамой гор — этой живой картиной природы. Покидая вершины гор, еще раз стараешься взглянуть по сторонам и еще сильнее запечатлеть неподражаемую картину с могучими пернатыми, пролетающими дозором или описывающими круги в лазурной вышине неба...

Через неделю, наконец, прибыли посланные в Са-чжоу. Продовольствие доставили исправно. В оазисе, по словам казаков, жара настала ужасная: верблюды на пастьбе ходили мокрыми; китайцы по целым дням купались в арыках.

Сделав общий очерк Нань-шаня, перейдем теперь к самому путешествию по этой горной стране.

Глава седьмая

МОИ ЭКСКУРСИИ В НАНЬ-ШАНЕ

Программа первой поездки. 26 мая (1894 г.) я покинул ключ «Благодатный». Меня сопровождали урядник Жаркой и проводник-монгол. Мы все были верхами на лошадях, равно как и наши два вьюка. Программа поездки заключалась в пересечении хребта Да-сюэ-шаня и передовой ограды и в обследовании западной оконечности долины, заключенной в этих горах. Перевалив обратно через Да-сюэ-шань несколько восточнее, я намеревался затем пересечь долину Ема-хэ и ограничивающий ее на юге хребет Буруту-курун-ула, затем по реке Дан-хэ возвратиться на оставленный бивуак.

Следуя первоначально к востоку, по р. Дан-хэ, мы в первый же день достигли ее правого притока — Ема-хэ. От слияния рек тянется на юго-восток хребет Буруту-курун-ула. Место нашей стоянки изобиловало ключами, дававшими прозрачную воду, которая струилась среди мягкой, травянистой зелени. Кругом виднелись юрты кочевников и их многочисленные стада баранов.

Долина Ема-хэ. На другой день с утра поднялся сильнейший западный ветер, несший в воздухе густую пыль. По сторонам, над соседними горами, скопились тучи, разрешаясь в нижнем поясе дождем, а в верхнем — снегом; холод настал ощутительный. Река Ема-хэ, по которой мы следовали несколько верст, была совершенно лишена воды. Протяжение каменистого, круто падающего русла — около 200 верст. Река зарождается от снеговых полей южного склона хребта Да-сюэ-шаня, где теперь царил еще большой холод. В своем верховье река меняет восточное направление на юго-восточное. Долина Ема-хэ простирается в ширину до 10 верст и лишь в среднем течении отрогами гор суживается, оставляя только место для ложа реки. От северных гор часто пересекают долину сухие русла потоков, от южных — гораздо реже. Общий вид долины Ема-хэ крайне печальный, как и пересеченного хребта, окрашенного в грязно-серый цвет и отличавшегося полной безжизненностью. Растительность долины состояла из тех низкорослых кустарников, которые так характерно одевают покатые равнины, залегающие у подножья хребтов. Что же касается животной жизни, то, сверх ожидания, мы здесь встречали очень часто табуны хуланов.

Пребывание в Нючжуанском ущелье. Перейдя долину в поперечном направлении, мы достигли южного подножья хребта Да-сюэ-шаня, или, как он зовется в этой части, Кашикарин-ула. Еще издали мы были обрадованы видом мягких лужаек, раскиданных по дну ущелий и их боковым скатам. Одна из глубоко врезанных в конгломератовую почву балок привела нас в ущелье Нючжуань. По нему струился жалкий ручеек, иссякая при выходе из гор. Узкое каменистое ущелье давало у себя приют мелким птичкам и бабочкам; те и другие весело носились в воздухе. Вьюрки, подобно жаворонкам, поднявшись в высь, парили у скал, громко разнося свое пение, затем быстро опускались вниз или усаживались на ближайший утес. Вдали по горам пробежало стадо аргали. Поднявшись к подножию перевала, мы на луговой площадке разбили свой маленький бивуак. В соседней расщелине гор паслось в это время небольшое стадо диких яков. Звери, зачуяв нас, быстро понеслись по откосу россыпей и вскоре скрылись из глаз. Это были первые дикие яки, виденные мною в нынешнее путешествие.

Под вечер, когда я еще сидел за дневником, гулко раздались выстрелы в соседних горах, куда отправился мой спутник Жаркой. Учащенная пальба давала знать, что дело происходит с немалым зверем. Быстро выскочив из палатки, я зорко стал следить в направлении долетавших звуков, держа в руках ружье Бердана. Синеющий дым выстрелов скоро обнаружил место

пальбы. Вдруг резко обрисовалась огромная фигура дикого яка. Он остановился на выступе скалы и всматривался в наш бивуак. Затем, махнув хвостом, зверь с удивительной ловкостью пустился вниз, перескочил через горный ручей, как серна, и легкой рысью побежал вверх по откосу гор. В этот промежуток я успел выстрелить четыре раза; последний выстрел уложил яка на месте, случайно задев мозг. Шкура убитого зверя оказалась отличной и попала в нашу коллекцию. Долго мы провозились с обдиранием; детальную же чистку производили на следующий день, вследствие чего пришлось выступить с ночлега только в полдень.

...Дивно хорошо раннее утро в горах. Дневное светило осыпало своими лучами вершины гор. Певчие пташки пробудились и одна за другой стали нарушать царившее безмолвие. Улары засвистели; каменные голуби заворковали, бородач-ягнятник начал описывать круги над лакомой добычей. А внизу по луговым скатам порхали бабочки...

Покончив препарирование дикого яка и быстро завьючив лошадей, мы начали подниматься на перевал Ючжуань. На дне ущелья лежал еще лед, среди которого проложил себе дорогу горный ручей. До высшей точки перевала оказалось три версты. Абсолютная высота перевала Ючжуаня определилась точкою кипения воды в 13 420 футов; высота соседних вершин превосходила последний футов на 300—400, не больше. В общем характер хребта мягкий; от вершины гребня сбегают луговые увалы на оба склона; скал мало, россыпей также. Ширина хребта в том месте, где мы его пересекли, не превышала 12 верст; подъем и спуск были удобные. Измеряя высоту перевала, мы в то же время наблюдали и за грифами, как они с страшной высоты, где виднелись мелькающими точками, бросались с неимоверной быстротой на труп оставленного нами дикого яка. Воображаю, какой пир происходил там у могучих пернатых и сколько перьев разлетелось по сторонам в борьбе за добычу!

Посещение Хун-люся. Спустившись в междугорную долину, которая невдалеке на западе замыкается соединением передовой ограды с пересеченным хребтом, мы к вечеру достигли ключа Да-чуаня [1]. Этот ключ выбегает от южного подножья передовой ограды и орошает значительную луговую площадь. Через это же урочище проходит дорога от монголов-халхасцев в г. Са-чжоу. Намереваясь направиться далее на восток долиною, я решил вьюки и урядника Жаркова оставить в Да-чуане, сам же, налегке, с одним проводником поехал на следующий день к устью ущелья Хун-люся, чтобы проследить передовую ограду по всей ее ширине и связать съемку настоящего разъезда с моим весенним маршрутом. Расстояние между этими пунктами простирается до 20 верст. Направление ущелья северо-западное. Передовая ограда в этом месте заключает междугорную долину, прорезанную сухими руслами, впадающими в одно главное. Последнее только вначa-

[1] Второе, одинаковое название.

ле безводно, но вскоре, вследствие обильных ключей, в нем появилась вода до 1½ сажен шириною, при полуфутовой глубине. Речка стремилась быстро, и ее берега были покрыты местами растительностью. Из кустарников на ней замечены: тамариск, мирикария, хармык и курильский чай. Травянистой растительности всего больше встречалось в местах выхода ключей, где преобладающими видами являлись: осока, мхи, одуванчик, несколько видов бобовых, дэрисун и камыш. На обширной луговой площади, залегавшей при устье ущелья, стояло разбросанно несколько тополей, приятно шелестевших своими кругловатыми листьями. Еще реже теснились у скал кусты лозы, а из трав прибавилась лебеда, густо поросшая на местах прежних стойбищ. Зверей по пути не встречали совсем. Из птиц же, кроме парящих в высоте грифов, впервые заметили краснокрылого стенолаза (*Tichodroma muraria*), которого беспокоила горная ласточка (*Biblis rupestris*), прогоняя со скал. По луговым площадям ущелья носились бабочки, стрекозы, мухи, издававшие громкое жужжание. Словом, передовая ограда Нань-шаня, находясь под теплым веянием соседней пустыни, значительно опередила в развитии органической жизни более удаленные хребты.

Опять долина Шибэндун-гола. Покинув урочище Да-чуань, мы направились к востоку, по долине, которая в этой части несла характер холмистого плато. Через 10 верст достигли гребня холмов, Тутапе, откуда точно с перевала открывался широкий горизонт. Долина, по которой мы следовали, уходила на 150 верст на восток, где граничила рекою Сулей-хэ. На юго-востоке блестели льды Да-сюэ-шаня. На северо-северо-востоке тянулась передовая ограда, прорванная рекою Шибао-чен, вскоре после впадения в нее слева Шибэндун-гола. К истокам этого последнего мы теперь и направились. Не найдя кочевников в урочище Шибэндуне, пришлось идти до следующего орошенного ущелья Чан-ту-сэр, сделав в этот день 40-верстный переход.

Благодаря прозрачности воздуха долина, посещенная нами вторично, открывалась целиком нашим взорам. На севере, через указанный прорыв гор, можно было видеть хребет Шишаку-сянь. Подобное явление — прозрачность атмосферы — обусловливалось дождем, лившим несколько дней кряду. Однако растительность, обильная в южной части, издали еще отливала прежней желтизной; тем не менее, кочевники встречались уже в этом поясе на 10 000 футов абс. высоты. Их многочисленные стада могли пастись на свежем весеннем корму.

Карашарские монголы. Первые номады, которых мы теперь встретили, были карашарские монголы, пришедшие сюда из Цаган-тюнге 11 лет тому назад. Здешние обитатели занимаются исключительно скотоводством, успешно разводя баранов, лошадей, верблюдов и рогатый скот; домашних яков они не держат. Женщины, по обыкновению, присматривают за хозяйством и нередко пасут стада. Мужчины же или совсем бездельничают, или проводят время на охоте в соседней местности. На мой вопрос к мон-

голам: «Где живется лучше?» — они отвечали так: «Хотя покинутые нами места привольнее, но здесь нам чувствуется свободнее — нет начальства: податей не платим, повинностей не отбываем; начальство нас не притесняет. Что же касается жителей ближайшего селения Чан-ма, то они отправляют в наши стада своих животных, обязывая нас пасти и присматривать за их скотом. Вот все, что мы даем за право кочевок». Район последних не выходит из указанной выше долины. Таким образом, монголы халхаские [1] и карашарские кочуют в ближайшем соседстве, летом проводят время в южной части долины, зимой в северной, прячась в ущельях гор. И те, и другие переселенцы живут, сохраняя обычаи, завещанные родиной: держатся изолированно, брачными узами между собою не связываются, по крайней мере до сих пор не было ни одного случая.

Отсюда мы должны были повернуть к юго-западу и снова перевалить через хребет Кашикарин-ула, у северного подножья которого стояли теперь. Путь пролегал по луговой местности. Вдали от кочевников бродили антилопы-ада; пищуха появилась во множестве. Из незамеченных раньше птиц в этой долине прибавились тибетские больдуруки, которые по утрам громко кричали, перелетая небольшими стайками.

Вскоре за Шибендуном лежал перевал Дзере-норин-дабан, с вершины которого открылся вид на озеро того же названия. Высота этого весьма удобного перевала по гипсотермометру около 13 200 футов над морем. Спускаясь с перевала в котловину озера Дзере-нор, мы заметили на западном берегу последнего порядочное стадо диких яков; в бинокль отлично виднелись маленькие ячата. В ближайших скалах, среди скудных лужаек, паслись кукуяманы.

Альпийское озеро. Горное озеро Дзере-нор, на берегу которого был разбит наш бивуак, немногим ниже перевала и представляет собою чашу, наполненую горько-соленой водой. Кашикарин-ула в этом месте заключает в себе горную котловину, в которой лежит это озеро. Последнее простирается с северо-востока на юго-запад и имеет одну версту длины и полверсты ширины. Глубина незначительная. Летом от дождей масса его воды значительно увеличивается, и, наоборот, в холодное время года размеры озера сокращаются. Цвет прозрачных вод также меняется в зависимости от освещения и окраски ближайших гор. На поверхности озера держались турпаны; одна хлопотливая чета уже была с молодыми. Часто проносились из стороны в сторону зуйки (*Charadrius mongolicus*). Растительность по берегам состояла из низкорослой осоки, которою питались дикие яки.

Погода на этой высоте стояла плохая: все время дули западные ветры, солнце показывалось редко, несколько раз в течение дня падала снежная крупа. Ночные морозы доходили до —7° С — это 1 июня! На другой день мы оставили озеро. Обогнув на юге горный кряж, мы опять вступили в по-

[1] О них было говорено в V главе.

добную долину; здесь залегало русло реки, питающей озеро. Следуя к западу, мы вскоре достигли другого перевала, уже в южном хребте. Этот западный перевал также носит название озера; высота его мало превосходит восточный. От перевала вниз сбегает ущелье Бема-гоу, того же характера, что и Ючжуанское. В среднем поясе гор, на прекрасной лужайке, мы расположились на продолжительный отдых. Солнце пригревало по-летнему.

Трудности пути в хребте Буруту-курун-ула. Миновав перевал, мы вступили в долину реки Ема-хэ. В это время по руслу неслась узкая лента воды, шириною до двух сажен, едва прикрывая каменистое дно. На юге стоит хребет Буруту-курун-ула, передовые отроги которого подходят к левому берегу Ема-хэ. Оставив последнюю, мы продолжали следовать в юго-восточном направлении. Указанный хребет перевалили в самом высоком месте по перевалу Тулетэ-дабан. Высшая точка его поднимается на 14 300 футов над уровнем моря. Высота соседних куполообразных вершин едва превышает его на несколько десятков футов. Подъем на перевал довольно крутой, но доступный, спуск же весьма затруднительный. Этот перевал [1] давно заброшен, и прежние тропинки смыты дождем. В силу этого обстоятельства мы потратили 11 часов времени; расстояние же до подошвы гор равнялось пяти верстам. Невзгод и лишений перенесено немало. В этом ущелье было до семи теснин с крутыми скалистыми боками; по их уступам свергались каскады. В промежутках между теснинами, по дну ущелья, навалена масса острых камней; местами залегали их целые глыбы. Лошади двигались медленно, часто обрывались и засекали себе ноги. Одна лошадь покатилась вниз и уцелела только благодаря молодечеству забайкальца. Вьюки то тащили на лошадях, то на себе, то, наконец, спускали на веревках. Во время нашего прохождения часто с различных скатов падали камни, которые увлекались вниз со страшным шумом; иные из них свистели точно пули. Тяжело покачнется большой осколок гранита — будто жаль расстаться с родной скалой, затем, повернувшись два-три раза в воздухе, уже несется вниз с ужасающей быстротой. Истомленные в конец, мы выбрались к устью ущелья в 6 часов вечера, покинув перевал в 7 часов утра.

В сумерки мы разбили бивуак в высокой траве правого берега Шара-голджина [2]. Голодные лошади благодушествовали, отпущенные на свободу. Вечер был тихий, ясный. Река, серебрясь при блеске лунного света, плавно несла свои мутные воды. Тихо было по всей долине. Блеяние стад кочевников до нас не доносилось. Лишь изредка пролетят горные гуси, или пропорхнет улит-красноножка...

По дороге на бивуак. Ночь прошла незаметно. Наутро, переправившись на левый берег Шара-голджина, мы двинулись вниз по долине, окаймленной высокими хребтами — справа Буруту-курун-ула, а слева Гум-

[1] Который, впрочем, легко миновать: стоит лишь взять 10 верст восточнее; наш же проводник видимо желал сократить путь.

[2] Шара-голджин в переводе — «желтая река».

больдта. Направление течения реки, параллельное соседним хребтам, простирается с юго-востока на северо-запад. Длина ее горного течения около 300 верст. Река имеет чрезвычайно капризные извилины; ширина русла 15—20 сажен, при глубине 3—4 фута; вода мутная, желтая, вполне оправдывающая монгольское название; течение довольно быстрое. Глинистые берега реки невысокие, скорее низкие. Общая же ширина долины простирается до 10 верст. Здесь широко протянулась растительная полоса; местами на ней пестрели обнаженные глинистые площади. От хребта Гумбольдта довольно часто сбегали каменистые русла, по которым струились прозрачные источники. Таков, в общих чертах, характер описываемой реки до прорыва гор, за которыми она принимает Ема-хэ. В прорыве же Шара-голджин круто поворачивает к северо-северо-западу, и здесь падение его увеличивается. По каменистому дну разбросаны крупные валуны; вода несется с шумом, высокими перекатами; к вечеру уровень воды значительно повышался, и мутный поток в это время становился грозным.

В узкой части долины Шара-голджина появились кустарники, которые по выходе из теснины становились пышнее и пышнее; среди кустарников открывались лужайки мягкой зелени, где стояли юрты местных кочевников, тех самых, которых мы уже видели в передний путь. В прорыве, на левом берегу, китайцы добывают золото; вход на прииск когда-то оберегался стражей, жившей в крепости, от которой осталось одно воспоминание.

На второй день следования рекою Шара-голджин мы прибыли на ключ «Благодатный». На стоянке экспедиционного каравана оказалось все благополучно. Наше отсутствие продолжалось 11 дней; за этот промежуток времени пройдено съемкою 270 верст.

В. И. Роборовский возвратился на другой день, 6 июня; его маршрут обнял большее пространство. Теперь сами собою намечались и дальнейшие разъезды, которые были предприняты после перенесения базы в урочище Улан-булак.

Легкая экскурсия в хребет Гумбольдта. Перед отходом из ключа «Благодатного» мы устроили общую поездку в западную окраину хребта Гумбольдта. Цель этой поездки заключалась главным образом в ознакомлении с альпийским поясом гор и пополнении коллекций как зоологических, так и ботанических. Погода нам вполне благоприятствовала, и наша маленькая палатка стояла высоко, на превосходном ковре альпийского луга. Другими словами, мы у самого бивуака успешно произвели свои наблюдения и сборы коллекций. Дышалось легко, свободно. Небо было ярко-синее; по его красивому фону плавали могучие пернатые. Улары учащенно голосили на соседних горах. Бабочки-аполлоны (*Parnassius Epaphus* var. *Sikkimensis*) перелетали с цветка на цветок. Вблизи по скатам гор свистели сурки. Отсюда же открывался широкий горизонт на соседнюю окрестность. Наш главный бивуак, удаленный на 10 верст, отлично был виден. Юрты номадов стояли разбросанно по зеленеющим площадкам. Поодаль

от них паслись стада под присмотром пастухов; только одни домашние яки бродили по лугам, располагая полной свободой. Спустя полутора суток, мы прибыли на главный бивуак.

Так закончилось наше пребывание на ключе «Благодатном», а также и экскурсии в его окрестностях. 12 июня наш караван, состоящий из верблюдов и яков [1], потянулся вверх по Шара-голджину. После продолжительной стоянки, а отчасти и привычке довольно быстро двигаться в разъездах, нам показалось движение с большим караваном утомительным, тем более, что путь пролегал по знакомой местности. Растительность, обмываемая дождем, выглядела лучше. Животная жизнь оставалась прежняя. Миновав теснину реки, мы пошли быстрее, держась того же левого берега. Местами залегали болотистые площадки и небольшие озерки; все это тонуло в густой и высокой травянистой растительности. На третий день караван пришел к характерному выступу Буруту-курун-ула, где река затейливо извивается по долине. С вершины кряжа тут открывается отличный вид на долину, в особенности при заходящем солнце. Незаметное движение вод, блестящая зеркальная поверхность, плавающие пернатые, кругом зеленеющая трава — все в сумме напомнило долину Большого Юлдуса.

Ключ Улан-булак. Отсюда двумя небольшими переходами экспедиция прибыла в Улан-булак. Караван расположился в балке, по дну которой неслись прозрачные ключевые воды, окаймленные густою зеленью. На высоте 11730 футов, удаленные от жаров и мучающих насекомых, защищенные от сильных ветров, мы чувствовали себя отлично. Приятно было смотреть и на животных, которые в прохладе заметно поправлялись. Бивуак находился на высшем месте, при истоке ключей. Палатки красиво выделялись на фоне яркой зелени. Прозрачные источники тихо журчали, будучи скрыты под кровом цветов, пестревшим различными тонами красок. По временам прилетали мелкие пташки, и, совместно с бабочками, держались нашего соседства. Кочевников подле нас не было. Отряду жилось прекрасно.

Вторая экскурсия. 19 июня я расстался с экспедиционной семьей. Мой разъезд был снаряжен по примеру минувшего. По программе рекогносцировки предполагалось: к северу, на меридиане Улан-булака, пересечь хребты Буруту-курун-ула и Да-сюэ-шань, пройти северным подножьем последнего до Сулей-хэ, затем избрать новый путь для возвращения.

В 11 часов утра мы были в пути. Отличные лошади быстро двигались вперед; покатую от гор равнину миновали незаметно. Там доверчиво паслись табуны хуланов и тихо прошло стадо аркаров *(Ovis Hodgsonii)*. Дальнейший путь шел поперек долины Шара-голджина. Здесь река делится на семь рукавов; крайние удалены один от другого на 10 верст; это расстояние вместе с тем определяет ширину растительной полосы. От частых дож-

[1] Для опыта мы приобрели этих животных у соседних монголов.

дей рукава реки были переполнены грязною влагой до уровня берегов. Между рукавами, по зеленым площадям, разбросано озерко с прозрачной водой, на которой держались плавающие и голенастые пернатые; те и другие находят в этой долине отличное гнездение и безопасное место отдыха на весенних и осенних перелетах. На более широких площадях долины были набросаны отдельные барханы и гряды сыпучих песков. Преобладающие ветры сделали северо-западный склон пологим, а обратный — крутым. Серповидные барханы имели 30—40 сажен в длину и 3—4 сажени высоты; гряды же песков тянулись до версты и более. Благодаря опытности проводника, мы через все рукава реки переправились благополучно и имели ночевку у подножья северных гор.

Вторым переходом мы пересекли хребет Буруту-курун-ула по весьма глубокой седловине, почти разрывающей этот хребет, и вступили в долину Ема-хэ, ширина водяной полосы которой была в это время от 5—7 сажен, при глубине 2 фута. Долина реки сужена близко подошедшими отрогами соседних хребтов. Растительность ее бедная, даже скудные лужайки и те встречались изредка. В воздухе было свежо; по горам висели свинцовые тучи. Только вечером открылся широкий горизонт, когда проводник указал на проходы в хребте Да-сюэ-шане; проходов было два, лежащих в 10 верстах один от другого; оба вели в урочище Кашикар. Западный приходился ближе к нам; он носит название Кашикарин-хойту-дабан; восточный — Кашикарин-урту-дабан, более кружный и более высокий; я решил следовать последним.

Ночной мороз сковал влажную землю; горные ручьи подернулись льдом. Взошедшее солнце скоро пригрело почву: размокший глинистый слой затруднял движение животных; тем не менее, в 9 часов утра мы были на перевале. Подъем пологий, короткий, не превышает двух верст. Абсолютная высота перевала 13 100 футов; северный склон падает круче и расплывается вширь на 12 верст. Растительность последнего, по мере понижения, принимает более отрадную картину, в особенности при устье ущелья, в урочище Кашикар, где мы остановились бивуаком. Все горные увалы отливали мягкой зеленью. Приятно было смотреть на соседнюю окрестность. Днем подувал северо-западный ветер; с закатом солнца в воздухе стихло, небесный свод стал чист и прозрачен. С высокой вершины гор, плавно, дугою, спустился орел, усевшись близ своего гнезда на нижний утес. Заря погасла, по темно-голубому небу заискрились звезды, точно алмазы. Ночью все погрузилось в дремоту; только изредка отдаленный лай псов, оберегающих стада номадов, слышался среди ночного безмолвия.

Следование к Сулей-хэ. 22 июня, следуя к востоку у подножья Да-сюэ-шаня, мы вскоре достигли ущелья Кунца-гола. Здесь кочевали халхоские монголы, в числе которых был наш бывший проводник — Дорджеев. С последним мы направились дальше к реке Сулей-хэ. Около 10 верст путь пролегал прежней дорогой весеннего разъезда, а затем отошел впра-

во — южнее. По луговому подножью гор паслись стада баранов, принадлежащих китайцам сел. Чан-ма.

В одном из ущелий, где мы разбили бивуак, скрытно кочевал халхасец. Завидя незнакомцев, он тотчас пришел к нам; от проводника — своего собрата — монгол поторопился узнать все, что его интересовало, а затем попросил меня к себе в жилище.

Монгол живет только там, где его скоту хорошо, и от века привык мириться со всеми природными невзгодами. Номад всю жизнь созерцает одну и ту же картину, но зато дышит полной грудью. Вечно на коне, и без коня ни на шаг. Безделье развило привычку не сидеть «дома», а разъезжать по гостям. Гостеприимство присуще всем монголам: зашедшего человека стараются угостить всем, чем только располагает хозяин.

Наутро мы оставили одинокую юрту монгола и перешли, держась подножья Да-сюэ-шаня, на ключ Мацзыгоу. На этом меридиане нам предстояло сделать пересечение соседнего хребта. Река же Сулей-хэ еще отстояла к востоку на целый переход. Тогда я оставил вьюки и урядника Жаркова при Мацзыгоу, сам же с проводником направился к Сулей-хэ. Налегке мы двигались значительно быстрее. Путь уклонялся от подножья хребта, усеянного камнями, и пролегал по луговой полосе, на которой держались антилопы-ада и харасульта.

По мере приближения к реке, местность изменила свою физиономию: луговые площади окончились, начался каменисто-глинистый сай, одетый низкорослым кустарником, и равнина стала круто падать к долине реки, на которую мы в 10 часов утра и прибыли. Здесь на левом берегу, при ключе Нань-чуан устроили 3-часовую стоянку. Высота Нань-чуаня около 8600 футов над морем. Р. Сулей-хэ, прорвав северную цепь Да-сюэ-шаня, стремительно несется в глубокой балке с юга на север; ширина каменистого ложа, по которому текло несколько рукавов, около 100 сажен; вода грязная. Берега реки расположены террасовидными уступами в два и три яруса.

Пройденная нами долина замыкается на востоке горами, соединяющимися с передовой оградой Нань-шаня. После пути по безжизненным горам, отрадно было видеть мягкую зелень ключа Нань-чуаня. Здесь лето напомнило о себе: термометр в 1 час дня, в тени, показал +27,1° С.

Записав полуденное наблюдение, мы покинули Сулей-хэ и к 6 часам вечера прибыли на Мацзыгоу. Всего в этот день прошли 55 верст. Остававшийся на бивуаке урядник добыл в коллекцию около 50 экземпляров бабочек, между которыми преобладающим видом был аполлон. Вечерняя прозрачность воздуха давала возможность ясно рассмотреть оазис Чан-ма, отстоящий к северу на 30 верст; вероятно, от его пышной растительности попутный ветер приносил к нам ароматное благоухание.

Хребет Да-сюэ-шань. Хребет Да-сюэ-шань, пройденный нами за оба разъезда на протяжении 175 верст, в западной части, как и упоминалось раньше, не имел вечного снега; лишь восточнее ущелья Кунца-гол

он круто поднимается ввысь, сияя, по временам, вечными снегами своих остроконечных вершин. На последнем протяжении описываемый хребет представляет иной, нежели раньше, характер; прежде всего он стоит крутой стеной, а не расплывается пологими луговыми скатами; отдельные вершины своею высотою значительно превосходят высоту общего гребня; хребет богат скалами, россыпями; с его снеговых полей спускается много каменистых русел; большинство из них стояло сухими. Вероятно, вследствие крутизны долины, вода, по выходе из гор, скрывается * в почве и лишь в урочище Шиху выходит обильными ключами. Воды Да-сюэ-шаня питают частью Сулей-хэ, частью Шибао-чен.

В снеговой своей части, на означенном протяжении, Да-сюэ-шань доступен лишь по одному ущелью, которым мы и направились 26 июня. Оно нас привело через 15 верст на перевал Хуан-сэн-ку. Направление ущелья вначале было юго-западное; далее постепенно перешло в юго-восточное. По обыкновению, при устье оно значительно шире, нежели у перевала. По каменистому его дну неслось много воды, совершенно исчезавшей при выходе из гор. Ущелье особенно изобиловало камнями; по скудным лужайкам, среди горных скатов, кормились аркары. В ущельях держались небольшие стада хуланов, которые, заметив нас, направились за перевал. С соседних скал доносился крик тибетских уларов, на дне ущелья ютились тибетские же больдуруки; у перевала перелетали с места на место стайки вьюрков; по соседству с ними держались одиночки краснохвостки.

Абсолютная высота перевала Хуан-сэн-ку около 15 700 футов; снеговые же, ярко блестящие на солнце вершины хребта много превосходят означенную цифру. На северном склоне линия вечного снега определилась в 14 000 футов над морем, тогда как на южном значительно выше. Перевал Хуан-сэн-ку есть вместе с тем и горный узел: здесь Да-сюэ-шань характерно делится на две снеговые цепи — северную и южную; та и другая далеко уходят к юго-востоку, оставляя между собой узкую долину. По этой долине несутся воды в Сулей-хэ, по которой мы рассчитывали подняться вверх. Долина круто падает, в особенности вначале. По луговым площадям ее паслось много диких яков и хуланов. Пройдя 35 верст этой долиной, мы были окончательно заперты тесниной, по которой может двигаться только один человек, притом местами лишь боком и часто ступая по обточенным уступам. После целого ряда бесплодных попыток пробраться как-нибудь к Сулей-хэ, пришлось отказаться от этого предприятия и повернуть обратно.

Вот более полная характеристика ущелья, которое мы теперь покидали. На протяжении 35 верст абсолютная высота его падает с 15 700 на 9500 футов; в каменисто-глинистой почве ущелья речное ложе врезано очень глубоко; из боковых ущелий несутся ручьи, обогащающие водой речку главного ущелья, уровень которой в 10 часов утра поднимался до 2 аршин.

* Очевидно, вода шла подземным потоком в галечнике.

По мере движения вниз, отвесные щеки ущелья сближаются; на дне довольно часто встречаются выступы скал, образующие теснины, и в конгломератовой почве были нередки и естественные тоннели. По сторонам ущелья красиво ниспадали пенящиеся воды из мрачных гротов, тогда как на дне его с шумом вырывались минеральные источники. Вблизи ложа боковые террасы встречались лишь изредка; растительность, их покрывающая, кустарная и травянистая. Главная же терраса, откуда обрывается балка, покрыта сплошным ковром роскошных трав. Выше следуют россыпи и скалы соседних снеговых цепей. Вот в таких-то труднодоступных местах обитает беломордый марал, которого мы здесь же один раз только и видели.

Обратное движение. Итак, пришлось двигаться обратно. Снова то поднимались вверх по откосам, то спускались в глубину балки. Изредка балка расширится, примет более мягкий характер, затем опять теснина или сводчатый тоннель, по дну которого с шумом бежит поток. В глубине балки было тепло, у подножья же перевала мы встретили порядочный мороз. Мы находились в пути по обыкновению до восхода солнца, которое так лениво движется в горах. Сначала золотятся вершины, потом скаты, а затем уже лучи коснутся и дна самого ущелья. К этому времени горная жизнь пробуждена. Грифы парят и кружат у скал; мелкие пташки хлопочат с птенцами; из расщелин бредут в долину дикие яки и хуланы; первые, завидев людей, быстро убегают от них; вторые с любопытством осматривают проходящий караван. В созерцании природы время бежит быстро, незаметно; в 8 часов мы уже на перевале, подъем и спуск которого, между прочим, не особенно круты. Этим и следующими двумя переходами мы вернулись к ущелью Кунца-гол.

Отсюда я сделал новые пересечения Да-сюэ-шаня и Буруту-курун-ула. Ущелье Кунца-гол через 18 верст привело на перевал того же имени; высота перевала простирается до 12 550 футов над морским уровнем; подъем отличный. Общий характер ущелья Кунца-гол сходен с остальными, пройденными нами западнее. Спуск с перевала незаметный: высота долины Ема-хэ немногим ниже перевала. Растительная и животная жизнь те же, что и прежде. Река Ема-хэ неслась несколькими рукавами; ее истоки еще удалены к востоку, на 75 верст, куда открывается широкая долина; на западе же долина Ема-хэ временно суживается.

Миновав долину, мы были у подножья следующего хребта, через который ведут два перевала, Пинь-дабан и Дабасун-дабан, оба в долину Шара-голджина. Мы направились последним, который находится западнее и превышает морской уровень на 14 300 футов. Подъем и спуск хорошие. В долину Шара-голджина мы вышли в месте прежней переправы. Уровень воды в это время стоял ниже.

4 июля, через 16 дней отсутствия, мы были приветствуемы экспедицией.

Погода. Теперь попытаемся представить общее состояние погоды за период поездки, которая обнимала места, поднятые над уровнем океана от

10 до 15 и более тысяч футов, и заняла по времени последнюю треть июня и первые дни июля. Погода стояла ясная с достаточно высокой температурой днем и низкой ночью; атмосферных осадков было мало; ветры часто дули в долинах, а в горах гораздо реже.

Первые два дня небо было окутано облаками; воздух насыщен влагою. В долинах падал дождь, в горах снег; по временам раздавались глухие раскаты грома. Ветры дули юго-западные. Затем наступила превосходная погода: на рассвете небо было ясное или полуясное; с приближением к полудню являлась облачность. С 10 часов утра начинался порывистый ветер, достигавший к 3 часам значительной напряженности. При безоблачном небе было очень тепло, в особенности в промежутки затишья; стоило же только набежать кучевому облаку или разразиться порыву ветра, как температура значительно падала. После 3 часов состояние погоды улучшалось; особенно были хороши вечера. Небо очищалось; тонкоперистые облака причудливо выделялись на западе, где их так красиво освещала погасавшая заря. Сумерки длились недолго. Небесный свод, унизанный звездами, словно алмазами, представлял великолепное зрелище по ночам, которые были довольно свежи. Горные ручьи сковывались тонким слоем льда. 2 июля северный ветер принес тучи пыли.

Среднее показание термометра таково: в 7 часов утра $+5{,}0^\circ$ С, в 1 час дня $+20{,}0^\circ$ и в 9 часов вечера $+10{,}0^\circ$.

Расставшись с урочищем Улан-булаком 8 июля, экспедиция направилась вверх по Шара-голджину и одним переходом достигла кочевий монголов, расположенных в верхней части долины. Здесь пришлось устроить дневку, для того чтобы обзавестись проводниками на следующие разъезды. Местное начальство производило смотр боевой готовности и успехам номадов. Весь день раздавались выстрелы. Только вечером стихли дикие крики воинов; разъехались командиры, которые навестили нас и распорядились о проводниках. Получив последних, мы в три перехода прибыли в урочище Яматын-умру.

Урочище Яматын-умру. Означенное урочище отстоит от Улан-булака на 100 верст и целям нашим вполне удовлетворяло; только, будучи высоко поднято над уровнем океана (12 800 футов), порою давало себя чувствовать холодами. Долина верховья Шара-голджина граничит на севере с южной цепью Да-сюэ-шаня, на юге — продолжением хребта Гумбольдта; с запада же преграждается сходящимися отрогами главных хребтов. Главная ветвь Шара-голджина, Хуйтун-гол, несется от северных гор, вливаясь в общее ложе в 20 верстах ниже Яматын-умру. Вблизи слияния находятся золотые прииски, разрабатываемые китайцами.

Цель третьей поездки. 19 июля выпавший снег задержал выступление разъезда до 21-го, когда покинул бивуак В. И. Роборовский, а на следующий день отправился и я. Задача моей поездки заключалась в обозрении северной горной системы и дальнейшем исследовании реки Сулей-хэ,

Богатство животной жизни. Первоначальное направление движения было северо-восточное. На всем протяжении первого перехода приходилось то переваливать горные увалы, то переправляться через промежуточные речки, имевшие в горах северо-западное направление; по выходе же на равнину они склонялись на юго-запад, впадая в главную ветвь реки. Все горные воды отличались прозрачностью и струились по каменным, круто ниспадавшим ложам. Снеговая цепь тянулась с северо-запада на юго-восток. Ледники спускаются относительно низко, так что подъехать к их концам не представляло большого затрудения. У вечных снегов раскидываются лужайки; вообще весь юго-западный склон гор богат растительностью. Еще в большей степени внимание наблюдателя поглощалось животной жизнью: куда бы ни обращался взор, везде она проявляется в той или другой форме. По гребням высоких увалов, там и сям, виднелись дикие яки; немногим пониже бродили хуланы; на дне долин те же звери предавались покормке. Вблизи каравана быстро промчатся робкие антилопы; порою покажется серый волк и украдкою исчезнет. Поднявшись на следующий увал, глазам открывается подобная же картина; среди больших, темных фигур яков мешковато поворачивается из стороны в сторону косолапый представитель тибетских высот — медведь-пищухоед, откапывающий грызунов и ими питающийся. Ввиду того, что этот зверь, встретившийся нам впервые, представлял большой интерес, мы вдвоем к нему направились и, соблюдая осторожность, приблизились до полусотни шагов, откуда двумя выстрелами уложили мишку. За следующим увалом, на верховье Хайтуна, мы разбили бивуак.

Южная снеговая цепь Дю-сюэ-шаня. Главная ветвь Шара-голджина несла в этом месте довольно много воды, выбегая из могучих снеговых полей. Немного западнее, в той же снеговой цепи, виднелось значительное понижение; туда мы и направились [1] и к 11 часам утра были на перевале. Подъем отличный, но очень каменист. Высота перевала около 15 180 футов над уровнем океана. Вся даль переполнена громадами гор. На северо-северо-востоке характерно выделяется северная снеговая цепь Дасюэ-шаня. Южная, в свою очередь, широко расплывается к северу, отодвигая течение реки в эту сторону; в пониженной части горы имеют мягкий характер: скал мало, седловина усыпана осколками камней. В среднем поясе появляются скудные лужайки; по мере же опускания вниз, растительность улучшается и видами, и формами. Чрез 28 верст мы прибыли на один из левых притоков Сулей-хэ, Цзаирмык-гол.

Эта речка питается обильными снегами южной цепи. По утрам и днем неслись прозрачные воды; вечером же, увеличиваясь в размере, описываемая речка шумно бурлила мутными волнами. Протяжение этого данника

[1] Надо заметить, на этот раз у меня был монгол в качестве работника, а не проводника, так как во вновь посещаемые нами места, из боязни тангутов, монголы почти не заглядывают.

Сулей-хэ около 40 верст; в начале он течет к северо-западу, затем, постепенно склоняясь к северо-востоку, вливается в главную реку. Долина Цзаирмык-гола узка и обставлена высокими отрогами гор; дно и скаты ее одеты пышной растительностью.

Пройдя вниз по этой долине около 10 верст, мы ее оставили, свернув влево, куда уходила видная тропинка. Новый путь пролегал по горным увалам и глубоким ущельям, сбегавшим от южной снеговой цепи Да-сюэ-шаня к Сулей-хэ. На всем следовании местность представляла богатейшие пастбища. С вершин гор раздавались голоса уларов. В этой пересеченной местности движение каравана замедлялось. Сделав переход в 20 верст, мы остановились бивуаком в одной из глубоких балок. На следующем переходе местность несла тот же характер, что и накануне. На луговых площадях кое-где сохранились следы стойбищ тангутов. По словам нашего монгола, означенные кочевники проживают здесь в зимнее время. Теперь же этот нетронутый уголок был тихим пристанищем зверей.

Переваливая горные отроги, мы часто поднимались на значительную высоту. В таковых местах порою невольно остановишься, чтобы оглянуться по сторонам. Вблизи горный пейзаж представлял сочетание всевозможных форм: к югу, в голубую высь, устремлены вершины блестящих льдов; от их подножья сбегают россыпи; еще ниже — поросшие растительностью увалы, расплываясь в широкие площади луговых ковров. По таковым местам струятся ключевые источники, вливаясь в общую речку, которая вырывает себе глубокое каменистое ложе. По нему изредка встречаются террасы, одетые высокими порослями тала (*Salix*) и низкими облепихи, представляющей непроницаемые заросли; по галечнику густо поросли тамариск и мирикария; у подножья обрывов лепится курильский чай, сабельник и *Calimeris*, отливающий белыми цветами. Из травянистых растений замечены: горечавка, горная астра, *Saussurea*, *Allium*, *Astragalus*, дэрисун, дикая пшеничка и много видов злаков. Под сенью растительного царства ютится животное; среди млекопитающих — волки, лисицы, зайцы и более мелкие грызуны; из птиц же: сорокопут, красный вьюрок, великолепно играющий на солнце своим оперением; маленькие синички, пеночки, славки-пересмешки; по обрывам держались кэкэлики и сифаньские куропатки; порою наблюдались красно-хвостки, белые и желтые плисицы и др. Десятки голосов указанных птичек одновременно лились из-под развесистых деревьев и чащ кустарника.

Сулей-хэ. Общий характер Сулей-хэ, подле которой мы стояли бивуаком и занимались вышеописанным наблюдением, был таков: река бешено неслась в диком, глубоком, узком ущелье; направление ее было северо-западное. Ширина одиночного каменистого русла простирается от 20 до 25 сажен; глубина, по всей вероятности, изрядная. Цвет воды этого грозного потока кофейный. Выше береговых теснин виднелись луговые террасы. Двигаться вдоль этой реки, ее берегом, нечего было и думать. Поэтому пришлось держаться верхнего пояса гор и лишь по временам спускаться к реке.

Неожиданная встреча с охотниками. Обильно выпавший ночью дождь задержал наше выступление до 10 часов утра. К этому времени солнце значительно обогрело и высушило вьючные принадлежности. Поднявшись из глубины балки и следуя альпийским поясом гор, мы заметили едущих впереди людей. К ним тотчас я послал монгола, чтобы остановить и расспросить охотников о местности. Монгол поехал, но сильно струсил, будучи уверен, что это тангуты; поэтому в открытой долине он смело скакал, но из-за вершин увалов выглядывал украдкою. Встречные люди оказались курлыкскими монголами, принимавшими нас за тангутов и бежавшими от нас. Видя скакавшего к ним человека, они, быстро поднявшись к гребню гор, спешились за хорошим укрытием и зажгли фитили у ружей, чтобы успеть отразить нападение. Тем временем наш монгол узнал в «мнимых тангутах» своих же родных собратьев и от радости громко закричал им. Кончилась эта история всеобщим смехом. Переконфуженные монголы явились к нам с извинением. Их лица выражали еще далеко не спокойное состояние: голоса сильно дрожали; и только полчаса спустя охотники немного успокоились и рассказали причину своего пребывания в этих безлюдных местах. Они уже две недели, украдкой, охотились за маралами; убив несколько штук, монголы направлялись к дому в Курлык, через оз. Хара-нор. «Сильно испугались мы,— говорил мне один из этих монголов,— думали остаться без ничего, да и то в лучшем случае; в худшем — смерть». Этот же монгол оказался хорошо знающим окрестность и охотно согласился ехать со мной дальше. Теперь, по его выражению, он ничего не боится, так как следует с русскими: «а это такие люди, которых все боятся. Тангуты только завидят, сейчас и удерут»,— продолжал веселый охотник. Одежда и вооружение встречных монголов совершенно напоминали тангутов.

Совместное движение до склада. Следуя совместным караваном, мы, через $1^1/_2$ перехода, снова прибыли на реку Сулей-хэ. Общий характер местности оставался прежним. Долина же Сулей-хэ представляла иную картину. Временно вырвавшись на простор, река катит свои мутные воды в широком каменистом ложе несколькими рукавами. Ширина долины простирается около 1 версты; направление ее почти западное. По сторонам залегают террасы, покрытые растительностью и похожие на те, которые были описаны раньше. Наше следование этой долиной продолжалось на один переход в 25 верст. Затем Сулей-хэ круто уклоняется к северу, где сдавливается скалами. Пройти вниз нет никакой возможности.

Здесь, при входе Сулей-хэ в глухую теснину, находятся серные рудники. Добычей серы занимались китайцы селения Чан-ма. Ныне добывание серы в урочище Халун-усу прекращено. В этом же месте с юга приходит ущелье Борон-гол, которое ведет через перевал того же имени в долину Шара-голджина. Пройдя немного вверх по означенному ущелью, мы остановились бивуаком. Место выдалось отличное. Наша палатка стояла в тени

высоких тальников. Луговая растительность выглядела нетронутой и доставила нашим лошадям хороший корм.

Отсюда мы могли указанным перевалом направиться к урочищу Яматын-умру, т. е. к стоянке экспедиционного каравана. Проводник же предложил иную комбинацию, а именно, уклониться к северу в так называемое «звериное место», на что я охотно согласился, тем более, что пересечение южной цепи Да-сюэ-шаня приходилось у истоков Ема-хэ. Покинув Борон-гол, мы двинулись на юго-запад. Через несколько верст пришедшее справа ущелье повело нас в урочище, обитаемое зверями. Оно лежало у северного подножья перевала. К полному удивлению проводника, мы зверей не встретили. Тогда я решил съездить налегке с одним лишь монголом в урочище Цаган-бурга-сутай, лежащее к северу в 10 верстах, в глубокой балке. Поездка мотивировалась двумя целями: желанием добыть марала и ознакомиться с характером местности. Падение каменистого ложа замечательно большое. Воды не было. По сторонам высились скалы. Зверей, исключая диких яков, не видели совсем. Наконец, прибыли в Цаган-бурга-сутай. Эта балка глубоко врезана в глинисто-каменистую почву. Направление ее с северо-запада на юго-восток. Ущелье узко, извилисто, каменисто; падение дна большое. По сторонам круто ниспадают горы. По дну бежала небольшая речонка мутной воды. Истоки ее от места нашего вступления в Цаган-бурга-сутай находились в 10 верстах. Означенная балка находится в близком соседстве с той, по которой, в минувший разъезд, мы повернули обратно. На этом поездка и окончилась.

В последний день июля мы довольно рано поднялись на южную цепь Да-сюэ-шаня. Здесь она имеет прежнее направление, но на известном расстоянии лишена вечного снега. В этой части Да-сюэ-шань представляет крутую стену. Выдающихся вершин не было, скал также; горы по-прежнему несли разрушенный характер. Спуск очень крутой; зигзагами проложенная тропинка вывела нас через следующую невысокую ограду к истоку Ема-хэ. Эта река зарождается небольшим ручейком и в верховье имеет течение северо-западное. Кругом — пустынное место. Хребет Буруту-курун-ула едва простирает свою оконечность к подножью Да-сюэ-шаня.

Оставив истоки Ема-хэ, мы уклонились на юго-восток, следуя южной окраиной гор. На подгорной покатости изредка струились горные ручьи; по ним виднелась невзрачная растительность. Тем не менее везде по таким местам держались звери: дикие яки, антилопы-ада и хуланы; последние нас часто забавляли играми и драками, свойственными любовному периоду. В этой же глинистой полосе обитало много пищух и были замечены следы здешнего медведя. Со вступлением на бо́льшую высоту, в долину, заключенную снеговыми массивами, мы очутились снова в области холодов и ветров. Тепло долины Сулей-хэ и чудные вечера, озаренные лунным светом, миновали, как сон. Пение птичек здесь уже не слышно. Вместо ярко пылавших

костров — едва теплящийся огонек аргала[1]; взамен веселых разговоров спутников монголов — дрожание от холода.

Следующим днем мы совершали последний переход к главному бивуаку. Направление пути было прежнее. Между поперечными отрогами бежали прозрачные речки. На половине дороги переправились через реку Хуй-тун, которая текла в широком каменистом русле. Ширина светлых вод реки свыше 15 сажен, при глубине 2—3 фута. На всем пути местность имела луговой характер и повсюду кругом виднелись стада зверей.

Вблизи ключа, где стоял наш караван, мы встретили своих пастухов-казаков, от которых узнали, что на бивуаке все здоровы и за все время никого, кроме зверей, не показывалось на обширном горизонте. Через полчаса мы уже были под одним из белых шатров. Поездка потребовала 11 дней, в которые пройдено съемкою 300 верст.

Теперь скажем несколько слов о погоде за истекший период времени Последняя треть июля частью проведена в бассейне Шара-голджина, частью в бассейне Сулей-хэ. Абсолютная высота местности только однажды, где мы оставили Сулей-хэ, ниспадала до 10 640 футов, в остальном же районе она простиралась от 13—15 и более тысяч футов. Погода почти за все время стояла ясная или полуясная. Ветры дули ежедневно, главным образом по направлению долин и ущелий, значительной напряженности достигали на большой высоте — вблизи вечных снегов. Дождь был однажды и шел всю ночь. Последними двумя днями по утрам замечался густой туман, исчезавший к 10 часам. Лучшее состояние погоды было в долине Сулей-хэ, где преобладали ясные, тихие и теплые дни. Показание термометра в этой долине: в 7 часов утра +15,0°, в 1 час дня +30,1° и в 9 часов вечера +19,5° С.

Усталость В. И. Роборовского. Затем началось томительное ожидание приезда В. И. Роборовского; он вернулся только 14 августа. Ужасная непогода задержала товарища на несколько дней и, вероятно, совместо с другими трудностями поездки тяжело отозвалась на его здоровье. С его возвращением мы стали готовиться в дальнейший путь, с целью перенести главный бивуак на юго-восток, в урочище Горбан-ангыр-гол.

Осенний отлет пернатых надвигался все больше и больше.

Через три дня мы покинули урочище Яматын-умру. В. И. Роборовский боролся с недугом. Пройдя по той же долине вверх 10 верст, мы остановились с тем, чтобы назавтра следовать дальше; но лишь только караван потянулся вперед, как больной стал себя дурно чувствовать. На первом кормном месте мы разбили бивуак и простояли трое суток прежде, нежели экспедиция достигла по соседству лежащего оз. Ногот-нора.

Озеро Ногот-нор. Означенное озеро, имея в окружности до 15 верст, лежит на высоте 13 300 футов над морским уровнем. Песчано-гли-

[1] Помет зверей.

нистые берега озера, частью низменные, частью возвышенные, изрезаны заливами. Дно покрыто галькой. Высокая волна свидетельствовала о порядочной глубине. Вода почти пресная, чистая. Цвет водной глади довольно часто изменяется в зеленый, голубой и ультрамариновый тоны. Плавающие птицы, чайки, словно поплавки колыхались на волнах. На поверхности вод выступают два острова. Бассейн озера замкнут.

Окрестная местность носит бедный характер. Скудная растительность была найдена только на южном берегу. Там ютилось много голенастых птиц. К северу и югу от озера виднеются снеговые громады. На юго-востоке той же долины залегает обширное озеро Хара-нор.

Переночевав на озере Ногот-норе, экспедиция в четыре последующих перехода достигла урочища Горбан-ангыр-гола. До этого последнего от прежней стоянки 117 верст. На пути пришлось сделать пересечение хребта Гумбольда там, где он значительно понижается, до 15 000 футов, освобождаясь от вечного снега. Поднявшись на перевал, мы видели на юге характерные ледяные куполы хребта Риттера. В боковых ущельях хребта Гумбольдта виднелись ключевые лужайки. Невдалеке к востоку описываемый хребет снова поднялся своими блестящими на солнце снеговыми вершинами. Северный склон посылает воды в оз. Хара-нор, южный — в р. Арагол и далее в Курлыкские озера.

От хребта Гумбольдта мы следовали водоразделом рек Арагол и Кяхтын-гол, где залегает волнистое плато, по которому рассыпаны небольшие озерки. По их берегам зеленела растительность и бродили травоядные. По увалам, где изобиловали пищухи, часто встречалось рытье медведя. Из птиц нередко наблюдались поблизости тибетские больдуруки; реже проносились в вышине хищные птицы.

Погода за это время стояла в общем порядочная. По утрам было ясно и тихо. С полдня всегда дули сильные ветры. Направление их было, согласно направлению долин, восточное — западное. С этого времени появлялась и облачность. Снеговые тучи убеляли соседние горы и долину. Ночи стояли, в большинстве случаев, тихие и ясные; по утрам иней серебрил поверхность; температура спускалась ниже нуля до 10° С.

С 26 августа экспедиция расположилась на правом берегу реки Ара-гол; ширина ее ложа простирается до 50—60 сажен; по галечному дну извивалось несколько рукавов прозрачной воды; наибольший рукав (главное русло) превышал 10 сажен в ширину, при глубине 1 фут. Долина этой реки представляет отличные пастбища. Кое-где по ущельям были заметны следы тангутских стойбищ.

Пролет птиц в августе. Как и при минувшей продолжительной стоянке, так и при настоящей удобно было наблюдать за пролетными птицами. К сожалению, за весь август месяц на высоком плато Нань-шаня пернатых странников насчитывалось очень мало. Вот в каком последовательном порядке мы их отмечали.

Сокол Гендерсона (*Hierofalco Hendersoni* Hume).
1/3 натур. величины

1 августа плисица белоголовая (*Motacilla personata*); 3-го одновременно были замечены курочка (*Porzana pusilla*), утка-чиранка (*Querquedula crecca*) и бекас (*Gallinago stenura*); 6-го улит-фифи (*Totanus glareola*); 8-го жаворонок (*Calandrella brachydactyla*); 9-го турпан (*Casarca rutila*); эта птица следовала порядочными стайками; еще большими в тот же день летел зуек (*Charadrius mongolicus*); 10-го улит большой (*Totanus glottis*), гусь горный (*Anser indicus*); в этот день уже указанные бекасы произвели многочисленную «высыпку», кроме того показались улит-черныш (*Totanus ochropus*), чеккан соловый (*Saxicola isabellina*) и плисица (*Budytes borealis*).

11 августа камышовка (*Locustella certhiola*), стриж башенный (*Cypselus apus*); 12-го орлан (*Haliaëtus albicilla*); 13-го от времени до времени в течение дня усиленно летели горные гуси, жаворонки и бекасы, на которых иногда с успехом налетал сокол Гендерсона (*Hierofalco saker Hendersoni*). 20-го сравнительно много летело уже указанных выше чеккапов.

22 августа одновременно наблюдались на оз. Ногот-норе: камнешарка (*Strepsilas interpres*), мородунка (*Terekia cinerea*), песочник малый (*Tringa Temminckii*), утка-полуха (*Chaulelasmus streperus*), улит-красноножка (*Totanus calidris*), орлан-рыболов (*Haliaëtus leucoryphus*); 24-го очень много летело желтых и белых плисиц (*Budytes citreola, Motacilla baicalensis*); 26-го крачка-ласточка (*Sterna tibetana*), *Corydalla Richardi;* 27-го ласточка земляная (*Cotile riparia*) и 29-го соловей-варакушка (*Cyanecula caerulecula*).

Отсюда, т. е. с урочища Горбан-ангыр-гол, предстояло совершить последние разъезды по Нань-шаню. Урядник Жаркой был командирован к монголам, кочевавшим в Южно-кукунорских горах. Там, по сведениям, находился опытный проводник. Посланец вскоре вернулся с престарелым монголом, обязавшимся меня сопровождать.

Последняя поездка. 1 сентября разъезд был готов к выступлению. По обыкновению покидаем экспедиционную семью в 10 часов утра, после обильного и вкусного завтрака[1]. Отряд людей помогает вьючить «Готово!» — слышен голос моего спутника Жаркого, и мы в пути. Программа последней поездки довольно обширная: пересечь хребет Гумбольдта, западным берегом оз. Хара-нора пробраться на верховье Сулей-хэ, ознакомиться с возвышенным плато, дающим начало четырем рекам: на севере Толай-голу, на востоке Тэтунгу, на юге Бухайну и, наконец, на западе Сулей-хэ. Обратно — по системе Бухайна — вернуться к восточному берегу Хара-нора и далее через восточное продолжение хребта Гумбольдта на главный бивуак.

Начальное движение — северо-восточное, по одному из ущелий, сбегающих от хребта Гумбольдта. Ущелье на всем протяжении отличалось обилием животной жизни; растительная же, по мере поднятия вверх, становилась беднее. Небо было ярко-синее; по его фону чудно вились снежные грифы и

[1] Конечно, по оценке номада.

белые сарычи; а в середине между теми и другими сеткой мелькали красноклювые клушицы, монотонно перекликаясь в высоте. Внизу, под шум горной речки, свистели сурки.

Пройдя 25 верст, достигли окраины гор и здесь остановились ночевать. Маленький караван приютился под нависшими скалами. В близком с нами соседстве свободно расхаживал медведь, отличная шкура которого поступила в нашу коллекцию. Чтобы не возить с собою в течение всей поездки, мы ее оставили в скалах, тщательно завалив большими камнями; скелет же убитого зверя глубоко зарыли в землю [1]. Скоро мрак окутал ущелье. Медленно поднялась луна... Воды речки Шара-гол засеребрились, сверкая переливами. Настала торжественная тишина: все погрузилось в сон...

Курс к озеру Хара-нору. Наутро с зарей мы снялись с бивуака. Подъем на перевал Шара-голын-дабан на всем 10-верстном пути удобный, лишь под самой вершиной его набросаны глыбы камней. Высота означенного перевала 14 820 футов над уровнем моря. Соседние вершины еще поднимались вверх футов на 500. По северному склону хребта обильнее лежал вечный снег. Вид с перевала прекрасен... На севере, через щелевое отверстие, виднелись голубые воды обширного оз. Хара-нора. Снеговая цепь Да-сюэ-шаня отражала свои блестящие венцы в лоне вод.

Держа прежний курс, мы через 25 верст достигли южного берега озера. На обширной его поверхности катилась одна волна за другой. Пернатые странники издавали хлопотливые звуки; серые гуси, стая за стаей, уносились к югу. Давно ухо не слыхало могучего прибоя волн, производившего своеобразный гул. Особенно красиво было озеро вечером, при блеске луны, когда таинственно золотились перекаты волн. На севере матовая белизна снеговых громад завершала собою прелесть пустынной, оригинальной ночи...

Описание последнего. Оз. Хара-нор лежит в замкнутой котловине, близ подножья южной цепи Да-сюэ-шаня, на абсолютной высоте 13 280 футов. Очертание озера напоминает форму груши, обращенной тупым концом на запад, а острым на восток. В окружности оно достигает без малого 100 верст; наибольшая ширина — 20. Вследствие низменных, сравнительно, берегов, контур озера не особенно резкий, в особенности в южной части. Вода прозрачная, горько-солоноватая. Вблизи берегов озеро очень мелко. Здесь много островов и кос; те и другие служат местом отдыха пролетным птицам, которые большими стадами плавали в мелкой воде, отыскивая корм.

Реки, питающие озеро, в меньшинстве имели воду, в большинстве же пересохли. Растительность сосредоточивается в долинах рек. Соляные налеты по берегам редки и мало заметны. Согласно общему закону для озер нагорной Азии, этот бассейн также уменьшается в размерах. Древние берега

[1] По возвращении на главный бивуак к этому месту поехал В. Ф. Ладыгин с двумя казаками. Шкура оказалась в сохранности; что же касается скелета, то от последнего не осталось и следа.

отстоят до 100 сажен от нынешних; первые успели покрыться скудною растительностью, хотя сохранили свой характерный вид. Замерзает озеро, по словам проводника, в ноябре — декабре, в апреле же снова вскрывается.

На восточном берегу озера лежат барханы сыпучего песка, занимающие площадь по длине 30 и по ширине 10 верст. Высота серповидных барханов от 10 до 15 сажен; западные и северо-западные скаты их пологи и плотно прибиты; противоположные же — круты и рыхлы. Пьедесталом песков служит щебне-галечник. Между барханами довольно часто встречаются озерки с соленой водой. У берегов последних растут камыши, а среди их шныряют креветы.

Обогнув озеро с запада, мы пришли на реку Салкэтын-гол и остановились в 7 верстах выше впадения ее в Хара-нор. Река бежит с севера, питаясь снегами Да-сюэ-шаня. По словам проводника, ущелье Салкэтын ведет через перевал того же имени в долину Сулей-хэ; наш же путь приходился немного западнее, через седловину цепи. Подъем к указанному месту отличный. Перевал Цзаирмыкэн-дабан имеет 15 000 футов абсолютной высоты и представляет относительно низкую глинисто-каменистую седловину. На север южная цепь круто падает. От ее вершин стремительно несутся ручьи и речки на дно общего ущелья Цзаирмык-гола, того самого, по которому мы следовали в предыдущий разъезд. Теперь, коснувшись этого района, мы связали свою съемку; кроме того, Цзаирмык-гол приводил к той части Сулей-хэ, откуда можно беспрепятственно проследить последнюю до ее истоков.

Вступив в бассейн Сулей-хэ, мы опять попали в прекрасный уголок. Холод сменился теплом, относительное бесплодие — роскошными травами, хотя осень и здесь уже предъявила свои права: растительность пожелтела, мелкие птички собрались в стада перед отлетом на юг. Река Цзаирмык-гол уже не бурлила грязными волнами, а спокойно катилась серебристой змейкой.

Ущелье Цзаирмык-гол на всем своем протяжении несет мягкий характер. Дно изобилует кустарниками, из которых преобладающим видом является облепиха; последняя, оригинально сплетаясь ковром, сплошь устилает береговую террасу; травянистая растительность взбегает по скатам гор довольно высоко. Затем венчают ущелье нависшие скалы. Голоса певчих птичек лились не переставая. Среди их, точно бабочка, порхал краснокрылый стенолаз, перелетая через ущелье.

Верхнее течение р. Сулей-хэ. При впадении Цзаирмык-гола в Сулей-хэ абсолютная высота нисходит до 11 550 футов; ширина долины простирается до 1 версты. Соединившись в одну реку, Сулей-хэ врывается в узкое ущелье, держась северо-западного направления. Общее протяжение этой реки достигает 650 верст. Половина этого протяжения составляет верхнее, горное течение, а другая — нижнее течение по равнине. Первые 200 верст река стремится на северо-запад по высокому плато, далее 150 верст

несется на север, в ущельях, которые часто суживаются, и, наконец, последние 300 верст течет по равнине к западу.

От места впадения Цзаирмык-гола до истоков Сулей-хэ оставалось 100 верст. Означенное расстояние пройдено нами в три перехода. На этом протяжении река несется в широкой долине, заключенной среди обеих цепей Да-сюэ-шаня. Только первые 10 верст долина имеет пятиверстную ширину; на всем же остальном пространстве — около двадцати. У истоков реки цепи соединяются между собою. Южная в этом месте понижается [1]; затем, через 20 верст, снова возрастает до страшной высоты. Эта, как бы отдельно выступающая снеговая громада, будучи поставлена на высокий пьедестал, кажется величественной. У туземцев означенная грандиозная группа известна под названием Шаголин-намдзил. Она-то и дает начало Сулей-хэ на северном склоне, тогда как на южном находятся истоки Бухайн-гола. Что же касается низшей, северной цепи Да-сюэ-шаня, то она имеет более однообразный характер, хотя все-таки между снеговыми вершинами залегают седловины, через которые имеются проходы к реке Толай-гол, текущей к г. Су-чжоу. От подножья россыпей обеих цепей Да-сюэ-шаня сбегают луговые увалы в долину реки. Р. Сулей-хэ в это время несла свои прозрачные воды довольно плавно. С обеих цепей стремятся в нее горные речки; более обильные водою несутся с южных громадных снегов. По мере поднятия вверх, река беднеет водою; на втором переходе мы могли через нее переправиться; глубина не превышала 2—3 футов, ширина же реки все еще была 20—25 сажен. По сторонам выбегают ключи и лежат большие и малые озерки. Вперемежку с озерками разбросаны песчаные холмы; последние главным образом расположены на правом берегу реки и, в общем, напоминают хара-норские барханы.

Растительность рассматриваемой нами части долины также не одинакова. Внизу она пышнее и представляет те же виды, которые замечены на Цзаирмык-голе. На самых истоках значительно беднее; здесь произрастает характерная представительница высот — тибетская осока и, кое-где, на южных скатах гор, крапива.

Животная жизнь богаче и разнообразнее; повсюду бродили стада диких яков, хуланов и антилоп-ада. Медведи, волки, корсаки, лисицы встречались также нередко. Зайцы выскакивали из-под лошадей на каждом шагу. Мой спутник Жаркой с одного места насчитывал их по 20—30 штук. Сурок показался только однажды и молчаливо исчез,— теперь настало время его зимней спячки. У корней низкорослых кустарников перебегали полевки. На открытых же глинистых площадях теснились миллионы пищух. Из птиц характерными представителями долины были сойка (*Podoces humilis*) и земляные вьюрки. В это осеннее время чаще встречались пролетные виды, которые держались по руслу реки и прилегающим озеркам. То были индейские и серые гуси, турпаны, утки-шилохвосты и чайки. Все эти пернатые

[1] Там находится удобный проход в долину озера Хара-нора.

пользовались здесь лишь временным отдыхом перед далеким путешествием на юг. По утрам усталые странники покоились на берегу реки: одни из них спали, спрятав под крыло голову; другие сторожили покой; некоторые хлопотливо перелетали из стороны в сторону.

Истоки Сулей-хэ дали в нашу коллекцию два отличных экземпляра медведей; здесь же была убита и белая медведица.

Река Толай-гол. 9 сентября, на восходе солнца, мы двинулись к перевалу северной цепи. В воздухе было свежо: желтовато-зеленая поверхность посеребрилась инеем. Подъем на перевал прекрасный: луговой, покатый; абсолютная высота его 13 500 футов. Снеговые вершины стоят вдали. Вид с перевала на обе долины чудесен, в особенности на Сулей-хэ. Вблизи, у подножья северной цепи, вьется лента реки; рассыпанные по ее берегам озерки блестят точно бриллианты; вдали же возвышается снеговая громада Шаголин-намдзил, ледяная диадема которой, убранная лучами солнца, казалась неподражаемой. К северу, в свою очередь, виднеется горная цепь; на высших вершинах ее лежал небольшими пятнами вечный снег. По дну долины несется р. Толай-гол, к которой мы и направились. Достигнув берегов этой реки, мы сделали привал. Река Толай-гол в своем верховье имеет направление с юго-востока на северо-запад и, подобно Сулей-хэ, течет в широкой долине. Высота истоков Толай-гол 13 550 футов над морем. Наш бивуак расположен у самых истоков реки.

Ранним утром в воздухе было тихо, свежо; лишь с поднятием дневного светила царившее безмолвие нарушилось: большие тибетские жаворонки, представители высоких долин Нань-шаня, громко разносили свою песнь.

Водораздел. На следующем переходе, пройдя 7 верст, мы уже были на водоразделе рек Толай-гола и Тэтунга, принадлежащего уже к бассейну Желтой реки. Водораздел представляет собою высокое плато, устланное «мото-ширико́м»; последний отливал желтым увядшим тоном. По этой растительной полосе масса больших и малых озер. На востоке вдаль протянулись соседние цепи гор, покрытые вечным снегом. Вблизи наблюдателю представляется чудная панорама невысоких гор, изрезанных капризными глубокими ущельями, по дну которых, точно змеи, извиваются прозрачные ручьи и речки.

Истоки Тэтунга. По одному из таких ущелий пролегал наш дальнейший путь. Ущелье заключает истоки Тэтунга, образующегося из потоков с северной и южной снеговых цепей, с которых ниспадают роскошные увалы альпийских лугов. Местами, на дне долин, виднелись еще зеленеющие лужайки, окрашенные голубыми цветами генциан. Днем на солнце летали бабочки, мухи, жуки; сурки по сторонам звонко свистели. Словом, природа на этих высотах еще бодрствовала, а не отходила ко сну, как это было на только что покинутом плато «мото-ширика».

Первый ночлег на Тэтунге мы имели вблизи золотых приисков, на которых работало 25 китайцев из Синина. Рабочие живут частью в землянках,

частью в палатках; некоторые же просто в пещерах, устроенных под нависшими скалами. Говоря вообще, верховье Тэтунга, по всей вероятности, изобилует золотом, так как прибрежная терраса, а нередко и ложе реки на значительном протяжении носят следы разработки. Судя по обросшим неровностям тех же береговых террас, можно думать, как давно происходит здесь добыча золота.

Благодаря присутствию людей в верховьях Тэтунга, можно удобно пройти по узким, глубоким ущельям, а также и без труда разыскать перевал. 11 сентября мы направились через северную цепь. Подъем и спуск перевала очень круты, но по умело проложенным тропинкам мы успешно перешли через снеговую цепь. Все соседние ущелья дики, извилисты, круты; вода стремительно несется, по временам низвергаясь каскадами. Через 14 верст мы достигли того места, где Тэтунг прорывает снеговую цепь, через которую мы только что перешли. Здесь мы разбили бивуак, чтобы обратно следовать уже через этот прорыв.

Возвращение. Желая познакомиться с верховьем описываемой реки, я налегке с проводником направился вниз по ее течению. Путь, как и прежде, шел на восток-юго-восток. Долина образуется снежными цепями гор. Через 20 верст в долину слева выходит ущелье, в котором течет многоводный приток. По слиянии с ним река приняла солидные размеры: в ширину 20 сажен, при глубине 2—3 фута. Вода прозрачная, ложе каменистое, неширокое. По крутым скалам лепится древовидный можжевельник. Прочие кустарники пышно развернулись — облепиха доходит до четырех и более футов высоты. Увалы прикрыты роскошными травами. Места, куда ни взглянешь, просятся на снимок. Вверху — снега, скалы, россыпи, внизу — змейка чистейшей, как кристалл, воды; между ними волнистые увалы; по сторонам ручьев, изредка каскады,— все это сливается в общую гармонию, все это говорит о красоте Тэтунга.

Между тем запасы наши поистощились, животные, видимо, стали уставать, и я решил повернуть обратно, тем более, что до главного бивуака по намеченному обратному пути предстояло пройти около 400 верст горами. Таким образом, отсюда до кумирни Чертынтон, через которую пролегал путь Н. М. Пржевальского, р. Тэтунг остается неисследованною европейскими путешественниками.

К вечеру того же дня вернулись на бивуак, где Жаркой, пользуясь свободным временем, привел в надлежащий вид две медвежьи шкуры, а на следующее утро, пройдя через помянутый прорыв снеговой цепи, вступили в долину главнейшей ветви источников Тэтунга. Проследовав по этой реке вверх 15 верст, мы повернули к юго-западу — к южной снеговой цепи. Последняя, как сказано выше, составляет отрог горного узла Сулей-хэ. Вначале, с запада она тянется, почти не имея вечного снега, к востоку же от нашего прохода горы принимают мощный характер: там могучие льды ярко сияют на солнце, снежные поля величественны. Высота нашего перевала простиралась

до 13 400 футов над уровнем океана. Отсюда к югу виднеется широкая долина, простирающаяся с запада на восток и ограниченная на юге хребтом, исходящим от группы Шаголин-намдзила. Спуск в эту долину ничтожный — менее сотни футов. Здесь мы попали опять на истоки одной из главных ветвей Бухайна.

Грандиозный ледник. Эта водная ветвь зарождается от крайнего могучего ледника снеговой группы Шаголин-намдзил и сразу несется большой рекой[1] через озерное плато мото-ширика. Ледник этот резко бросается в глаза, поражая своею грандиозностью. Здесь, на месте, думалось мне, не найдет ли возможным совет Русского географического общества этот колоссальный ледник окрестить славным именем Пржевальского.

На истоках Бухайна снова встречены дикие яки и антилопы-ада. Их восточной границей географического распространения служит меридиан оз. Куку-нора.

Сделав диагональное пересечение описываемой долины, мы поднялись на невысокий перевал, абсолютная высота которого простирается до 13 500 футов; относительная не превосходит сотни футов. К юго-юго-западу снова виднеются горы; среди них несутся притоки Бухайна с той же снеговой группы Шаголин-намдзил. Спускаясь вниз, стоит только взглянуть к северо-западу, как глаз наблюдателя тотчас же невольно приковывается к одной из высочайших и характерных вершин этого горного массива. Могучая гора гордо возносит свою остроконечную коническую вершину в голубую высь. Словно исполин-страж смотрит она надменно по сторонам на нарожденные ею потоки[2].

Горы, стоящие впереди, составляют непосредственное продолжение отрогов главной группы. Вначале их покрывает бедная растительность; по мере же понижения раскидываются богатые, приветливые лужайки. Зверей по-прежнему встречалось много, причем больше всех интересовали нас медведи. Следуя к одной из луговых площадок, где было намечено место бивуака, мы заметили там же пестрого мишку. Спустившись в русло реки, караван временно остановился, я же, поднявшись на увал, направился к зверю, который был усердно занят ловлей пищух. Подойдя на двести шагов, стреляю. Медведь упал, Я иду к нему; но едва успел сделать десяток шагов, как зверь, поднявшись на ноги, злобно бросился на меня с громким ревом; не добежав, примерно, сажен пять, пищухоед также быстро повернул обратно... Признаться, я ожидал от зверя большей решительности и хотел хоть с одним из них серьезнее побороться. В уходящего же от себя медведя как-то стыдно было и стрелять; только оригинальная окраска зверя заставила скорее покончить с ним. Медведь был убит на той луговинке, где мы

[1] В осенний период времени размеры ее были таковы: ширина 10 сажен, глубина 1 фут.

[2] Абсолютная высота этой остроконечной вершины, вероятно, переходит за 20 000 футов.

рассчитывали остановиться, так что наша палатка и вообще весь маленький бивуак расположился рядом с трусливым пищухоедом [1].

Верховье Бухайна. Отсюда невдалеке к юго-востоку зарождается один из главных данников Бухайна — Шина. Эта река имеет до 70 верст длины и течет в юго-западном направлении. В своем нижнем течении она имеет до 20 и более сажен ширины, при глубине 2—3 фута; круто падающее ложе каменисто; замечательно прозрачные воды то катятся широко и плавно, то несутся широкими перекатами. Ущелье узко и обставлено скалами. Растительность как травянистая, так и кустарная богата.

Тангуты. Здесь мы встретили первых куку-норских тангутов; эти номады живут в черных палатках; число последних 30; палатки стояли чаще по две, реже по одной, иногда небольшими группами. Тангутские жилища располагались и по главному ущелью, и по боковым. Вблизи их стойбищ бродили домашние животные, бараны, яки, лошади; по обилию скота можно было судить о благосостоянии кочевников.

Покидая последние стойбища тангутов, мы в то же время оставили и реку Шина; она впадает в главную ветвь Бухайна, который здесь нес значительно меньше воды. В месте слияния рек раскидывается порядочная долина, растительная и животная жизнь которой напоминает куку-норскую равнину. Здесь уже появляется антилопа Пржевальского (*Gazella Przewalskii*).

Отсюда мы направились вверх по правому притоку того же Бухайна — Хадир-голу. Этот последний, имея до 50 верст протяжения, нами пройден до истоков. Долина Хадир-гола узка; в нижнем течении она несет луговой характер; воды порядочно. По мере же поднятия вверх растительность беднеет и река становится маловодной.

Держа курс к северо-востоку, мы вскоре прибыли на верховье западного, последнего на нашем пути, данника Бухайна — Улан-энги-гола. Эта река зарождается в восточных снеговых горах хребта Гумбольдта, севернее Хадир-гола, от которого она отделяется цепью гор. Отсюда к северо-северо-западу открылись снеговые вершины Да-сюэ-шаня, у южного подножья которого волнуются воды Хара-нора. Бассейн этого озера граничит с бассейном Куку-нора плоскою возвышенностью, лежащею между хребтами Гумбольдта и Да-сюэ-шанем. Поднявшись на водораздел, мы увидели голубую поверхность знакомого нам озера. Туда несутся маленькие речки, среди постепенно понижающихся песчано-глинистых увалов. Изредка по их зеленевшим долинам блестят озерки.

Снова на озере Хара-норе. На другой день ранним утром мы уже были на восточном берегу Хара-нора; поздним же вечером, следуя по южному берегу, достигли того места, где впервые подошли к нему. Таким образом, озеро Хара-нор обойдено нами, за исключением лишь одного северного берега, определенного засечками.

[1] Всего убито медведей за две последних поездки семь.

Теперь нам оставалось недалеко и до главной стоянки. Мы двигались быстрее с каждым днем, но зато сильно уставали. Свою истомленную верховую лошадь я оставил на Бухайне, а потому несколько дней следовал частью пешком, частью верхом. Значительная же высота и сравнительно большие переходы дают себя чувствовать. В два последних дня мы одолели 70 верст, перейдя хребет Гумбольдта по перевалу Бухын-дабану, подымающемуся над морем на 14 600 футов и лежащему восточнее нашего прежнего прохода.

Вид родного бивуака. ...Наконец, открылась долина; на желтом фоне осенней растительности резко выделялись белые палатки русской экспедиции. Поодаль паслись караванные животные. Нетерпение росло, ноги забыли усталость. Мысленно уже давно среди своих товарищей... В. И. Роборовский вернулся раньше несколькими днями; его маршрут был короче. Моя же последняя поездка по Нань-шаню заняла 22 дня и представляет сомкнутую кривую в 770 верст, пройденную без дневок.

Заметка о погоде. Придерживаясь известной системы, заканчиваю и этот разъезд заметкой о погоде. Время, проведенное в отсутствии и стоянке на урочище Горбан-ангыр-голе, заняло почти весь сентябрь. Район поездки обнимал высоко (10—15 тысяч) поднятую местность над уровнем моря. Погода характеризуется сравнительной ясностью неба, бедностью атмосферных осадков, довольно низкой температурой ночью и высокой днем.

В первой трети месяца день начинался тихим и ясным утром, что продолжалось часов до 10, редко до полудня. К этому времени уже появлялись облака вместе с ветром, обыкновенно юго-западным. Напряженность ветра и облачность достигали своего максимума к закату солнца, когда ветер принимал размеры шторма, а небо совершенно заволакивалось облаками. Иногда же ветер совершенно стихал и небо открывалось. Температура ночью спускалась, в среднем, ниже нуля, до — 10,0° С. По утрам земля серебрилась инеем; речки и озерки сковывались льдом. Вторая треть месяца была облачнее; изредка случались атмосферные осадки. Начало последней трети походило на вторую. По вечерам на востоке появлялась зарница.

Наибольшие и наименьшие показания термометра были следующие: в 7 часов утра +5,8°,—14,7°; в 1 час дня +24,0°, +7,5° и в 9 часов вечера +7,5°, —3,0° С.

Итак, закончились наши исследования Нань-шаня. Дни на главном бивуаке потекли однообразно. Добытое в экскурсиях приводилось в порядок. В то же время готовились к выступлению в Курлыкскую равнину. Курлыкский бэйсе (князь) уже присылал своих чиновников приветствовать нашу экспедицию.

Путь до Курлыка. 27 сентября экспедиция выступила в путь, держа курс на юго-юго-запад. На пути высится Южно-кукунорский хребет, разделяемый рекою Балгын-голом, текущим в Курлыкские озера, на две

Улар (*Megaloperdix tibetanus*)

параллельные ветви. Хребет весьма богат растительностью и животною жизнью. Перевалы обеих ветвей Южно-кукунорского хребта весьма удобны. С последнего на юго-запад открылось взору одно из Курлыкских озер. Над Цайдамом висела пыльная дымка, хотя северная ограда Тибета — хребет Бурхан-Будда — обрисовывалась довольно ясно. Спустившись с перевала на первую луговую площадку, экспедиция разбила бивуак.

Расставаясь с горами надолго, мы (я и препаратор) устроили охоту за уларами. Эти большие птицы или громко свистели в скалах, или тихо кормились неподалеку от нашего бивуака. Стоило только подняться на боковой увал, одетый луговой растительностью, как уже в разных местах показывались желанные птицы. Улары большею частью держались в расщелинах гор, где тихо расхаживали целыми выводками. В один час охотничьей экскурсии мы вдвоем убили их восемь штук. По возвращении на бивуак, попив чаю и уложив добытых птиц, мы снова отправились на противоположную сторону ущелья. Здесь в большем количестве держались крупные улары (*Megaloperdix Koslowi*); тибетских представителей было меньше. Огромные красивые птицы, подобно прежним, держались многочисленными семьями. Соблюдение величайшей осторожности, необходимой вообще при охотах за этими птицами, было здесь излишне; улары тихо кормились и были беззаботны. В полчаса времени лежало в ряд 11 уларов, один другого лучше. В этот счастливый день лично я убил 10 уларов... Большие взяты все 11; из тибетских же отобраны четыре лучших экземпляра. Словом, коллекция пополнилась 15 интересными экземплярами, которые значительно украсили ее.

Невиданный и неслыханный случай в истории наших путешествий. Как бы порадовался незабвенный учитель, Н. М. Пржевальский, такому обилию двух пернатых представителей Нань-шаня и как часто, в минуты досуга,

вспоминал бы он такую оригинальную и баснословную охоту. Горы, широкий горизонт, отличная стоянка, обилие птиц и зверей вдохновили бы поэтическую душу любителя природы к воспроизведению лучших и блестящих страниц, которыми украшены его описания путешествий.

Спускаясь в Курлыкскую равнину, мы ощущали все большее и большее тепло. С последних горных скатов, на которых виднелись отдельные деревья можжевельника и блестела желтоватая увядающая луговая растительность, мы увидели два озера. Северное, Курлык-нор, отливало серебристым цветом, ровным и гладким; тогда как южное, Тосо-нор,— темно-голубым, слегка переливающимся от напора ветра. Еще дальше, и мы были на равнине. Вместо луговой растительности — пыль, поднимаемая ветром и носящаяся в воздухе. Вместо голубого неба и яркого солнца — мутная дымка и тусклый диск дневного светила.

Пролет в сентябре. Список пролетных птиц за сентябрь месяц так же не богат, как и за август; количество же некоторых из них, в особенности крупных плавающих и голенастых, было значительно больше, чем в минувшие наблюдения, а потому пролет описываемого месяца казался более оживленным и богатым.

2 сентября в тихую ночь оставляли Хара-нор серые гуси (*Anser cinereus*); 6-го летели стадами, до сотни, скворцы розовые (*Pastor roseus*); 7-го серые журавли (*Grus cinerea*), сарычи (*Archibuteo strophiatus*); 8-го утки-шилохвосты (*Dafila acuta*); 9-го одновременно наблюдались скопа речная (*Pandion Haliaëtus*), баклан большой (*Phalacrocorax carbo*), чайка-рыболов (*Larus ichthyaëtus*), утка-кряква (*Anas boshas*) и зуек морской (*Charadrius cantianus*).

11 сентября замечен скворец обыкновенный (*Sturnus vulgaris*); 13-го овсянка (*Emberiza Godlewskii*); 15-го лунь полевой (*Circus cyaneus*); 17-го пеночка (*Phylloscopus*); 20-го при оз. Хара-нор держался у берега плавунчик круглоносый (*Phalaropus hyperboreus*) и пролетала над голубыми волнами чайка (*Larus ridibundus*).

21-го продолжали усиленно лететь крупные плавающие и голенастые, показанные в списке; 26-го дрозд рыжегорлый (*Turdus ruficollis*); 27-го жаворонок (*Alauda*); 28—30-го журавль черношейный (*Grus nigricollis*), гусь серый и, наконец, лебедь (*Cygnus*), почитаемый туземцами Центральной Азии за священную птицу.

Утром 1 октября экспедиция, переправившись через реку Баин-гол, расположилась бивуаком на ее левом берегу. В этой долине было значительно отраднее. Здесь собралось много пролетных птиц. В тихую, ясную ночь они уносились к югу.

В Курлыке экспедиция должна была простоять продолжительное время, необходимое на устройство склада и снаряжение нового каравана из вьючных яков для путешествия в Сы-чуань.

Знакомство с Курлыкскими озерами. Тем временем я совершил поездку для съемки Курлыкских озер. С этой целью 6 октября я покинул бивуак. На этот раз меня сопровождал вахмистр отряда Иванов; вьюки — на верблюдах, сами — на лошадях. Проводником служил местный монгол.

Проверив снаряжение, мы быстро двинулись вперед на северо-запад. Первоначальный путь шел правым берегом Баин-гола, который через 7 верст впадает в озеро Курлык-нор с восточной стороны. Означенная река в своем нижнем течении направляется с юго-востока на северо-запад. Вода пресная и довольно чистая, но непрозрачная; ложе окаймлено низменными берегами. Ширина реки 15, редко 20 сажен. В летнее время значительная часть влаги заливает левый берег, покрытый высокими камышами; с правого же, местами несколько возвышенного, берега подходит кустарник хармык, обрамляющий озеро широкой полосой. На севере горизонт преграждается пустынным горным кряжем, протянувшимся в юго-восточном направлении.

При впадении в озеро Баин-гол расширяется; от устья этой реки тянутся отмели. Всюду виднелись пролетные пернатые, тут были: лебеди, гуси, турпуны, крохали, чайки, несколько видов уток; иные стада перелетали с одной стороны озера на другую; некоторые, высоко поднявшись в воздух, хлопотливо направлялись к югу; третьи мирно отдыхали по отмелям озера. Голоса птиц раздавались везде: вдали и вблизи, низко и высоко; тепло, простор, обилие пищи — вот причины, по которым странники мало думали об отлете.

С вечерней зарей я расположился для отдыха на западном берегу Курлык-нора, с утренней же — снова пустился в путь. Воздух был напоен ночной влажной свежестью. Испуганные стада птиц с шумом вылетали из соседних камышей, перемещаясь на открытые воды. Издалека приносились к нам мелодичные голоса черношейных журавлей; порою вблизи кричали лысухи. Вскоре затем взошло и солнце; прекрасен был восход над поверхностью озера: облака, словно горящие в огне, казалось, утопали в волнах Курлык-нора. Немного пройдя, переправились чрез проток, соединяющий северное озеро с южным. Дальнейший путь пролегал возвышенностью или перешейком озер. В юго-восточном углу северного озера, где выбегает прозрачный ключ, мы временно остановились. Озеро Курлык-нор было обойдено в полтора перехода. Несколько дольше, но таким же образом, мы обогнули и южное озеро. 8 октября, в 5 часов вечера, наш бивуак уже стоял на северо-западном заливе оз. Тосо-нора. В тиши залива, при устье протока, плавала масса птиц, которые часто перелетали, резко взмахивая крыльями, с северного озера на южное и обратно.

Отсюда же мы любовались заревом степного пожара[1]. Великолепен вид

[1] Горели камыши на восточном берегу Курлык-нора.

его. На общем темном фоне резко выделялся красно-золотистый отблеск, порою закрываемый клубами дыма. Огненные языки, подымаясь высоко от земли, исчезали бесследно в выси. Вокруг пожара был заметен особенный свет, который, по мере удаления от огня, принимал мрачную, фантастическую окраску. В воздухе стоял страшный шум от горящих камышей. Местные кочевники, спасаясь от огня, торопливо бежали на глинистые площади. Пролетные птицы также волновались, по сторонам неслись их тревожные голоса; некоторые стаи залетали в область дыма и, как угорелые, мчались оттуда куда попало. На следующий день густой дым окутал окрестность: дышалось тяжело; солнце светило в виде бледного диска.

В это время мы уже следовали вверх по течению протока, соединяющего озера. Этот последний выбегает из юго-западного угла Курлык-нора, впадая в северо-западный залив Тосо-нора. Направление протока посредине изменяется из юго-западного в юго-восточное, в первой половине вода несется стремительно по галечному ложу, во второй — тихо струится по глинистому; ширина на всем пространстве одинакова — 20 сажен, при глубине в единственном месте брода 2—3 фута.

Переправившись через проток, мы двигались прежней дорогой до ключа Сэйн-намык. По всей южной окраине Курлык-нора держалось много птиц. Из них самым интересным был черношейный журавль (*Grus nigricollis*), найденный и описанный Н. М. Пржевальским в его первое путешествие по Нагорной Азии. В нынешнее странствование мы увидели этих птиц в первый раз. Подобно другим болотным обитателям, журавли были весьма доверчивы, и держались чаще парами, реже по 3—4 особи вместе. Верхом на лошади я подъезжал к ним на выстрел дробью: таким образом добыл три роскошных экземпляра. Испытав преследование, журавли уже издали поднимали головы, зорко следя за охотником; за 200—300 шагов они издавали крик, затем, разбежавшись по земле и тяжело взмахивая крыльями, перемещались в безопасное место. Осиротелые птенцы держались или вблизи того места, где погибли их родители, или же, если охотник не удалился, поодаль. Отлетные стайки журавлей состояли из 10 и самое большое из 12 особей, по крайней мере, по нашим наблюдениям. На соседние болота черношейные журавли прилетали по Баин-голу и обыкновенно по утрам. Радостно кричали они, завидев удобное место отдохновения, и медленно, склоняясь дугою, опускались на землю.

Поохотившись за журавлями, мы направились к бивуаку. Путь проходил восточной окраиной камышей, среди которых синеющий дымок выдавал присутствие жилищ номадов. В полдень мы уже были среди экспедиционной семьи.

Курлык-нор. Оз. Курлык-нор лежит на Курлыкской равнине неподалеку от подножья Южно-кукунорских гор. Абсолютная высота этой равнины 9170 футов. Окружность пресноводного озера — 33 версты. Цвет воды сероватый. Низкие берега обильно поросли камышом; более возвышен-

ные — хармыком. Глубина озера только в северо- и юго-западном углах порядочная — 4—6 сажен, на всем же остальном пространстве — незначительная. Озеро питает р. Баин-гол, получающая начало в снеговых горах Наньшаня; прорвав Южно-кукунорский хребет, она вливается в озеро с востока. С северо-запада течет Балгын-гол, но его воды поглощаются пашнями курлыкских монголов. В юго-восточном углу озеро переходит в обширное болото, покрытое высокими камышами. Сюда на зиму собираются монголы. Южной границей Курлык-нора служит песчано-каменистая возвышенность, прорезаемая протоком вод из северного озера в южное, т. е. в Тосо-нор.

Тосо-нор. Последнее, занимая площадь, вдвое большую, нежели Курлык-нор, не имеет стока и потому содержит горько-соленую воду. Песчано-глинистые берега озера местами значительно возвышены и причудливо изрезаны заливами. В северной и южной частях озера находятся небольшие, но возвышенные острова. Глубина описываемого озера много превосходит глубину северного. Рыбы нет. Цвет водной поверхности темно-голубой, что особенно красиво при сероватом фоне окрестности. Там и сям по Тосо-нору виднелись лебеди, качаемые темно-голубыми волнами.

По берегам озера во многих местах имеются молельные «обо». Самое главное на северном — «Цаган-обо» — находится на высокой горе, круто ниспадающей к озеру. С этой высшей точки открывается превосходный вид на всю озерную поверхность Тосо-нора. Воображение монголов создало мифических животных, обитающих в озере. Впрочем, по рассказам, много лет прошло со времени последних их явлений людям.

Окрестность Тосо-нора печальна. Изредка на низкой террасе стелется камыш; на более возвышенных местах растут гребенщик и хармык; несколько чаще встречается саксаул. Животная жизнь также бедна; из млекопитающих замечены следующие виды: харасульта, лисица, заяц и тушканчик; представителями пернатых являются: саксаульная сойка, горная чечетка и два вида жаворонков (*Otocorys albigula, Alaudula Seebohmi*).

Последние пролетные птицы. 3 октября замечены при Баин-голе запоздавшие пролетные: цапля серая (*Ardea cinerea*), шеврица (*Anthus spinoletta*), летевшая стайками вместе с белыми плисицами; тогда же был наблюдаем дважды, одиночками, чеккан (*Saxicola*); на воде держался стайкой крохаль большой (*Mergus mergauser*); 6-го на Курлык-норе, помимо указанных птиц, было много уток-нырков (*Fuligula rufina, F. ferina, Nyroca ferruginea*), камышница зеленоногая (*Gallinula chloropus*); 7-го периодически днем несся к югу стайками стриж башенный (*Cypselus apus*). В то же время стада гусей и уток прибывали с севера и оставались некоторое время в Курлыке на смену уносившимся к югу.

12 октября летела шилоклювка (*Recurvirostra avocetta*); этот вид может собою закончить — если не считать слишком запоздавшего появления плисицы (*Motacilla baicalensis*), отмеченной в журнале 30 октября,— неболь-

шой список пролетных птиц за минувшую осень. Теперь попадались те немногие виды их, которые по какой-либо причине остались здесь на зимовку, держась на болотах, где местами встречаются незамерзающие в течение всей зимы ключи.

Глава восьмая

ОЧЕРК ПУТИ ОТ КУРЛЫКА К ЖЕЛТОЙ РЕКЕ И ОБРАТНО

Оставление Курлыка. До Курлыка, или северо-восточного угла Цайдама, окруженного горами и высотами и представляющего как бы мелководную бухту, или залив, древнего водоема, экспедиция двигалась верблюжьим караваном; ее главные члены, хотя и уезжали в сторону от общего пути, но периодически снова собирались и снова следовали одним отрядом. Теперь же, с приходом в монгольское княжество Курлык, период рекогносцировок должен был временно замениться более легкой одиночной экскурсией, так как выполнение дальнейшего плана экспедиции лежало в местности, носившей более дикий характер.

Курлыкский бэйсе предложил экспедиции свои услуги отводом в крепости достаточного помещения для ее багажа и разрешил пастьбу экспедиционных верблюдов в лучших местах его владений, лошадей же — сдать в княжеский табун, под непосредственное наблюдение конюхов бэйсе. При имуществе экспедиции оставлены были четыре казака [1], из которых один, Ворошилов, был назначен старшим. Всевозможные хлопоты по снаряжению в Сычунь, а главное болезнь В. И. Роборовского, замедлили наше выступление до 1 декабря, когда экспедиция могла оставить Курлык. В означенный день караван, состоящий из 19 вьючных домашних яков и 10 верховых лошадей, на которых ехало восемь участников Тибетской экспедиции, направился в далекий и малоизвестный путь...

Путь до хырмы Шан-рди. Первые дни по Курлык-Цайдаму экспедиция двигалась медленно, держа курс к юго-юго-востоку; новые караванные животные, с которыми мы никогда раньше не путешествовали, оказались гораздо непокорнее верблюдов. Между тем необходимо было пройти пустыню в три перехода, делая ежедневно более 20 верст, на что с яками требовалось от 7 до 8 часов, или, другими словами, на передвижение уходил весь короткий зимний день. Вся пройденная местность состояла из совершенно голых лёссовых и галечных площадей; местами залегал песчанистый солончак, на котором росли кое-где кусты саксаула. Кругом было тихо; только изредка раздавалось трещание сойки (*Podoces Hendersoni*) да слабоватый писк жаворонков (*Otocorys albigula*). Погода за это время стоя-

[1] Правильнее два солдата и два казака.

ла довольно порядочная. Днем на солнце было тепло, ночные же морозы достигали —20° и более. Земная поверхность была свободна от снега; он встречался только в выемках, куда не заглядывали лучи солнца.

Р. Баин-гол [1], на которую мы вышли, вытекает из озера Тосо-нор, лежащего в окрайних к Цайдаму тибетских горах. В своем горном течении она носит название Еграй-гол. По выходе из гор Еграй-гол скрывается под землей и только через 20—30 верст выходит снова на поверхность, уже под именем Баин-гола. Вступив в равнину южного Цайдама, описываемая река течет здесь около 250 верст в северо-западном направлении и впадает в мелководное соленое озеро.

В том месте, где мы вышли на Баин-гол, река эта состоит из двух рукавов, текущих в расстоянии около двух верст один от другого. Северный рукав, второстепенный, имел по ледяной поверхности 12—15 сажен ширины, тогда как главная водная ветвь достигала 100—150 сажен.

Берега Баин-гола довольно густо поросли кустарниками, среди которых преобладают хармык (*Nitraria Schoberi*) и гребенщик (*Tamarix Pallasii*); в меньшем гораздо количестве встречается сугак (*Lycium ruthenicum*, реже *L. turcomanicum*) и кое-где кендырь (*Apocynum venetum*); из трав, кроме нескольких злаков, здесь часто попадаются касатик (*Iris*) и *Salsola sphaerophyza*. В числе птиц на Баин-голе впервые теперь нам встретился цайдамский фазан, найденный Н. М. Пржевальским еще в 1872 г. и описанный им под именем *Phasianus Vlangalii*; кроме того, из оседлых видов встречались: сойка (*Rhopophilus albosuperciliaris*) и уже указанный жаворонок; сюда же залетали из гор гриф-монах (*Vultur monachus*) и бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*) в надежде поживиться добычей.

Из зверей мы нашли на Баин-голе антилоп харасульт, волков, издававших по ночам громкое завывание, лисиц и зайцев.

Стойбища монголов расположены по среднему течению Баин-гола. Эти кочевники, из боязни тангут, производящих разбойничьи набеги на Цайдам, держатся здесь сосредоточенно. Вблизи ставки монгольского князя, Барун-засака, на одном из ключей экспедиция устроила дневку. В день нашего прихода, этот местный правитель явился первым с визитом. Будучи старыми его знакомыми, мы встретились с ним по-приятельски.

Пользуясь прекрасной погодой и свободным временем, я уехал на охоту за фазанами, которые ютились по камышам болот, отстоящих в 5 верстах от бивуака. Днем на солнце было настолько тепло, что ледяной покров таял. По открытым водным площадкам плавали утки-кряквы, крохали; вблизи берегов летали щеврицы и бекасы; там и сям над желтым фоном камыша, отливая своей матовой белизной, проносились белые цапли и лебеди.

Из рыб цайдамских речек и ключей добыты *Nemachilus* и *Schizothorax*.

Настреляв фазанов, я на другой день к полудню вернулся на бивуак.

Дальнейший путь экспедиции шел в том же юго-восточном направлении

[1] Самая богатая и многоводная в Цайдаме.

к хырме (крепость) Шан-рди. Р. Баин-гол приходилась севернее. Покинув орошаемую ею полосу, мы вступили в каменистую равнину и на третий день, по выступлении от ставки Барун-засака, прибыли в Шан-рди.

С приходом экспедиции в означенную хырму, наши яки заболели «хасой». Это обстоятельство задержало выступление до конца декабря. Болезнь животных выражалась выделением из рта вонючей слюны и слабостью ног, отчего яки большую часть времени лежали. Такое состояние продолжается около недели, после чего отпадают копыта. Болезнь переходит постепенно на всех яков каравана. По совету монголов, мы лечили своих заболевших животных заячьим супом. Это лекарство нам рекомендовали и цайдамцы во время последнего путешествия Н. М. Пржевальского, когда той же болезни подверглись верблюды [1]. В скором времени мы должны были заменить тяжело переболевших яков «хайныками» [2], которые значительно выносливее и лучше в движении, но и ценятся много дороже яков.

Отсюда, собственно говоря, и начинался наш горный путь.

Общая характеристика северо-восточной части Тибетского нагорья. Вот общая характеристика той части Тибетского нагорья, в которой нами проведено более двух месяцев в пути к извилине Желтой реки, у восточного склона величественной снеговой громады Амнэ-мачин. Рассматриваемое нагорье лежит на границе суровой Тибета, отличающегося сравнительным бесплодием, мягким доступным характером хребтов и междугорных долин, и восточной его окраины, где уже господствуют резко выраженные альпийские формы, т. е. вечные снега, скалы, россыпи и глубоко врезанные узкие ущелья, по дну которых шумно несутся ручьи и речки, окаймленные характерной растительностью. С увеличением глубины балок и улучшением растительного царства улучшается и животная жизнь, смягчается и климат, а вместе с тем увеличивается и плотность населения. Кочевники то теснятся в живописных ущельях, то широко размещаются на высоком луговом плато или в альпах, откуда берут начало глубокие ущелья. Тангуту и его стадам, состоящим из баранов, яков, хайныков и лошадей, горы — родная стихия. В глубине гор они все родились, живут, никогда не спускаясь в низкие культурные долины, в глубине гор они и помирают. Только тангут-тибетец, возросший в разреженном воздухе, по соседству со снегами и скалами, может постоянно жить и довольствоваться в этой высокой стране. Угрюмая природа и тяжелая борьба за существование наложили особый отпечаток на грубое, почти не знающее улыбки, лицо тангута...

Особенно недоступны тангуты-голыки, которые со времени предпоследнего дунганского восстания оставили Сычуань и перешли в извилину Желтой реки, заняв горы Амнэ-мачин, обеспечивающие им полную изолированность. Эти тибетцы номинально подчинены Китаю, фактически же никому; они управляются собственным наследственным князем и имеют родовых

[1] На лошадей эта болезнь, как говорят номады, не распространяется.
[2] Помесь яка с коровой.

старшин. «До последнего времени, лет 25—30 тому назад, голыки признавали духовное владычество Далай-ламы, хотя имели собственных лам. Несколько же лет тому назад, у них народился свой Далай-лама, вследствие чего произошел раскол. Усмирять этих раскольников, а кстати подчинить непокорное племя своей власти, пытались китайские войска из г. Хо-чжеу, но безуспешно. По образу жизни и обстановке голыки не отличаются от тангутов-кам; сходствуют с ними также и по своему наружному виду, но отличаются несколько своим наречием от куку-норских тангутов...»[1].

Теперь перейдем к более детальному рассмотрению посещенной нами части Тибетского нагорья.

Более подробное рассмотрение посещенной нами части Тибета.

Лабиринт гор, протянувшийся в длину от северо-запада к юго-востоку на 300—400 верст, а в ширину наполовину меньше, образуется, главным образом, из двух горных цепей — Бурхан-Будда и Амнэ-мачин[2]. Между ними в широкой возвышенной долине покоятся темно-голубые воды оз. Тосонора. Несколько южнее этого обширного водоема находится водораздел вод внутреннего (Цайдамского) и внешнего (Желтой реки) бассейнов. Южная часть этого угла Тибета опоясывается характерным полукольцом, составляющим еще до сих пор никем не исследованную извилину Желтой реки. Северная же часть, наоборот, имеет дугообразную выемку, некогда бывшую заливом моря, покрывавшего Цайдам. К стороне последнего тибетская ограда круто ниспадает, развиваясь крупными альпийскими формами.

Западная, более возвышенная часть всей описываемой страны несет характер, общий Тибету; здесь горы спускаются сравнительно полого, незаметно переходя в волнистое плоскогорье; долины и их реки доступны; растительная и животная жизнь однообразнее. Человек здесь бывает только периодически, да и то в образе охотника, разбойника или искателя золота.

На нашем пути эта часть гор на северных склонах была местами покрыта густым лесом древовидного можжевельника (*Juniperus pseudosabina*), местами же в горных лощинах произрастал низкорослый тальник, сплошными зарослями; травянистая растительность сопутствовала нам повсюду, в особенности в долинах рек и речек, где, кроме того, преобладающими формами были гребенщик и мирикария.

Животная жизнь в этой стране состоит из следующих млекопитающих: дикий як, хулан, аргали, антилопа-ада, волк, лисица (*Canis vulpes, C. Eklonii*), медведь, предававшийся зимней спячке; цэбер, или альпийский волк (*Cuon alpinus*); из грызунов, также частью уснувших на зиму, помимо

[1] Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки реки Желтой. Четвертое путешествие в Центральной Азии. СПб., 1888, стр. 186.

[2] На наших картах — 100 и 125-верстной — простирание цепей изображено неправильно. Между Тосо-нором и Цайдамом тянутся горы Бурхан-Будда или их непосредственное продолжение, которое прорывает река Еграй-гол.

зайцев, скрывавшихся большею частью в прибрежных зарослях, теснились везде на луговом плато пищухи (*Lagomys melonostomus*) и кое-где попадались *Microtus*. Вместе с зверями появились и птицы, свойственные высокому нагорью: сойка (*Podoces humilis*), земляной вьюрок (*Pyrgilauda rificollis*), клушица (*Pyrrhocorax graculus*), державшаяся огромными стадами и громко разносившая по сторонам свои крики; ворон (*Corvus corax*), сарыч (*Buteo*) и сокол Гендерсона (*Falco Hendersoni*); последние два вида усиленно преследовали пищух. В более низких и защищенных долинах, по речкам, ютилась водяная оляпка (*Cinclus sordidus, C. cashmeriensis*), на соседних скалах держался кэкэлик (*Caccabis chukar*), а в прибрежных зарослях серая куропатка (*Perdix dahurica*), фруктоед (*Carpodacus Severtzowi*) и завирушка (*Accentor fulvescens*); по болотистым луговым площадкам вспархивали большие (*Melanocorypha maxima*) и чернолобые жаворонки (*Otocorys Elwesi*).

В таких местах на второстепенных ручьях, бывших, несмотря на зимнее время, без ледяного покрова, добыто два вида рыб *Diptychus* и *Nemachilus*.

Восточная, или, точнее, юго-восточная часть рассматриваемых гор, заполняющих собою с этой стороны, как замечено выше, извилину Желтой реки, принадлежит главным образом снеговому хребту Амнэ-мачин и лишь отчасти продолжению Бурхан-Будда или его системе. Главный массив, по всему вероятно, простирается с северо-запада на юго-восток, резко выделяясь из всей своей группы высокою белою стеною. Средняя из седых вершин этой священной цепи особенно недосягаемо поднята вверх и своей общей конфигурацией напоминает главную вершину. Шаголин-намдзила в Нань-шане. Как там, так и здесь могучие пики представляются стражами, смотрящими по сторонам на зарожденные потоки.

От восточной окраины высокой стены Амнэ-мачина спускается ледник до самого перевала — Мджугди-ла, свыше 15 000 футов абс. высоты, представляющего соединительный луч главного хребта с одним из второстепенных — Гайярэ. Означенный ледник плоский, с легким наклоном к востоку и югу; к северу он ниспадает круто. Ледник был покрыт чистым блестящим снегом. У своего основания он имеет линейные шрамы от действия движущихся камней; с северной же стороны, кроме того, заметны выдутия. Белое поле на востоке граничит мореною, протянувшеюся грандиозным каменным валом. Летом у подножья ледника низвергаются каскады; в наше же там пребывание они представляли ледяные толщи. Только значительно ниже из-под толстого ледяного покрова шумно неслась серебристая влага.

Ущелья, сбегавшие от восточной части Амнэ-мачина, резко отличались во всех отношениях от ущелий внутреннего Тибетского нагорья. Ниже я целиком привожу выписку из своих путевых заметок, касающихся описания Амнэ-мачина. Ущелье, по которому мы прошли от перевала к юго-востоку 25 верст, понизилось до 12 000 футов, т. е. почти на версту по вертикали. Здесь, между прочим, устье другого ущелья — Юнги-чюнак. Направление

последнего простирается к юго-западу, вглубь Амнэ-мачина, куда мы и направили свои дальнейшие шаги. Пройдя несколько верст по глубокому живописному ущелью и поднявшись на одну из луговых террас, экспедиция расположилась бивуаком. В таком прекрасном месте, богатом животной жизнью и красотой картин природы, решено было пробыть два дня.

Ущелье Юнги-чюнак, по каменистому дну которого шумно бегут воды реки Дэйб-чю, берет свое начало в 20 верстах — у перевала через хребет Амнэ-мачин — Мцый-Гунтук. На всем означенном протяжении описываемое ущелье глубокое, дикое, извилистое. По сторонам высятся гигантские горы, густо прикрытые *Juniperus pseudosabina* и сплошными зарослями тальника и других кустарников. Из соседних лощин круто ниспадали обледенелые ручьи. Среди лесов ущелья пролегает тропинка, которая, как змея, вьется по крутым откосам гор; порою она высоко подымается вверх и лепится там по карнизам и висячим мостам; затем отлого или круто сбегает вниз на дно ущелья. Сколько чудных картин путешественник видит по сторонам, пробираясь в этих местах. Внизу блестит река, по бокам подымаются скалы, убранные зеленым лесом, на фоне последнего блестят серебристые каскады; выше — россыпи и дикий гребень, на котором нанизано несколько снеговых шапок. Под сенью растительности, или на открытых лужайках, вблизи шумящих вод, таятся или свободно разгуливают пернатые обитатели. Из них первое место занимает, конечно, ушастый фазан (*Crossoptilon auritum*), который был замечен при самом входе в ущелье и который здесь очень распространен.

В первый же день прихода в ущелье, я отправился на охоту за голубыми фазанами. Здесь они, никогда и никем не преследуемые, были довольно смелы и не боялись охотника. Тем не менее, высмотрев первое стадо и удобно поместившись на скале, я долго любовался этими прекрасными птицами. Удивительно красивы они на свободе: нарядные голова и хвост, голубое оперение, гордая походка и нежное ухаживание друг за другом невольно приковывают взор наблюдателя и отдаляют минуты выстрелов[1]. Наконец, охотничья страсть, главным же образом желание пополнить коллекцию, выводят из нерешительности. В две-три охоты я убил 10 отличных экземпляров, пополнивших нашу орнитологическую добычу. Список последней увеличился вообще за время, проведенное в этом оживленном ущелье. Тут были: красные вьюрки (*Carpodacus dubius, C. pulcherrimus*), завирушки (*Accentor erythropygius, A. fulvescens, Prunella rubeculoides*), маленькие синички (*Leptopoecile Sophiae, Poecile affinis*), дрозд Кесслера (*Merula Kessleri*). Все эти птички громко и нежно лили свои звуки в чаще кустарников. Высоко у скал проносились дубоносы (*Pycnorhamphus carneipes*) и мелодично свистели в воздухе. На местах старых стойбищ копались каменные

[1] Подробно о голубом фазане см. Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии. СПб., 1883, стр. 360—365.

и белоспинные голуби (*Columba rupestris* и *C. leuconota*), красноклювые и желтоклювые клушицы (*Pyrrhocoras graculus* и *P. alpinus*), вьюрки (*Pyrgilauda ruficollis, Leucosticte haematopygia*), сойка (*Podoces humilis*) и др. С россыпей верхнего пояса гор доносились громкие голоса уларов (*Megaloperdix tibetanus*). Могучие пернатые — грифы (монах, снежный) и бородач-ягнятник (*Vultur monachus, Gyps himalayensis* и *Gypaëtus barbatus*) — заканчивают собою поверхностный список пернатого царства.

Из зверей, по словам местных тангутов, в ущелье держатся: марал, кабарга, барс, волк, рысь, заяц, хорек, пищуха и более мелкие грызуны.

В боковых ущельях находятся небольшие молельни и жилища тибетских лам. В передний путь мы здесь никого не встречали; на обратном же, и то случайно, экскурсируя в горах, столкнулись с ламами-пустынниками. Последние заявили, что здесь святые места и стрелять нельзя. Их просьба была в точности исполнена, тем более, что к тому времени мы уже успели собрать почти всех птиц, представлявших интерес для коллекции. На верховье Дейб-чю стоит кумирня в главном ущелье. Служители ее видели наш проходящий караван, но на бивуак не приходили.

Вообще надо заметить, что горы Амнэ-мачин богаты всякого рода святынями. Многие богомольцы, даже женщины, предпринимают сюда паломничество, совершая обход этого священного хребта. Где-то во льдах таится монастырь влиятельного ламы. На возвышенных ступенях к небу человек может отдаться, в полном уединении, глубокому религиозному чувству. Только в таких местах — вдали от сует мира — и можно пребывать аскету!

Казалось бы здесь, в стране монастырей и их служителей-лам, которым религией запрещено убивать даже паразитов на собственном теле, не говоря уже про более высшие животные твари, и можно было рассчитывать европейцу на лучшие мирные условия поездки по стране и знакомства с нею. На деле же выходит обратное. Нигде мы не берегли себя так, как здесь, нигде не старались так глубоко изучить народ, его дикие привычки, чтобы путем дружбы расположить номадов в свою сторону; нигде мы так дорого не платили за все, как здесь, и нигде больше так не обманывали нас, как здесь, в этом священном углу, где на каждом шагу молящиеся, громко взывающие, при посредстве труб, морских раковин и барабанов, к богу о всех мелочах жизни номада, с включением даже божьего благословения на успех при открытом, с оружием в руках, грабительстве.

Осложнение болезни В. И. Роборовского. Ко всем невзгодам зимнего тибетского путешествия, нежданно-негаданно обрушилось на экспедицию великое горе. В ночь на 28 января, в ущелье Юнги-чюнык В. И. Роборовский внезапно заболел, будучи поражен параличом. Нечего говорить, как печально подобное обстоятельство вообще в путешествии, в особенности же в глубине негостеприимного Тибета, тем более, что оно вызывало неожиданный крутой поворот по старым следам, не дойдя до Жел-

той реки, куда мы так стремились, всего 5—7 переходов. Казалось, против нас восстали и природа, и люди! Последние, конечно, пользуясь нашим удрученным состоянием...

Наше обратное движение. На девятый день невольной стоянки караван потянулся вниз по живописному ущелью. Бедный товарищ двигался пешком по льду реки, будучи поддерживаем урядником Баиновым; сидеть на лошади больной не мог; идти по горам, по которым ведут головокружительные тропинки, также. Первое время В. И. Робровский сильно уставал, и мы с большим трудом в три перехода пришли на то место ущелья, где еще недавно с таким удовольствием провели два дня. Здесь устроили снова дневку. Из всей зимней экскурсии ущелье Юнги-чюнык было самым интересным уголком. К сожалению, теперь мы уже не могли охотиться, давши в том слово местным богомольцам. Погода между тем стояла превосходная; дни настали продолжительные; воздух был особенно прозрачен. Красоты соседних ущелий манили к себе. Голоса голубых фазанов разжигали охотничью страсть...

Нападение тангутов. Еще несколько переходов, и мы миновали высокий перевал Мджугди-ла, спустившись по его северному ущелью к стойбищу тангутов. Здесь, 13 февраля 1895 г., тангуты произвели на экспедицию предательское нападение.

Дальнейшее следование. Отсюда мы следовали в том же северо-западном направлении по междугорной долине и через 75 верст достигли восточной оконечности оз. Тосо-нора, там, где при урочище Джамкыр, проходит дорога на верховья рек Желтой и Голубой.

Озеро Тосо-нор. Тосо-нор, содержащее прозрачную пресную воду, лежит в долине, обставленной с севера и юга высокими горами[1]. Оно простирается с юго-востока на северо-запад, в длину до 35 верст, а в окружности имеет около 80 верст. Глубина озера, по всей вероятности, значительная. На скалах, омываемых волнами Тосо-нора, отлично был виден прежний более высокий уровень воды; разница же между зимним и летним уровнями простирается до двух футов. Толщина льда около $1^1/_2$ аршина. В восточной половине из вод Тосо-нора выступают два небольших острова. Берега озера изрезаны заливами; дно песчано-галечное. На берегах его найдены водоросли и моллюски. Озеро вскрывается в марте, когда настает период весенних бурь. Питается озеро ключевыми родниками урочища Джамкыра, многоводной рекой, впадающей с севера, а также и речками южных гор. В северо-восточном углу озера, у подножья известковых скал, бьют горячие ключи. Температура их при выходе из земли была (в 1 час дня 20 февраля) $+27{,}8^\circ$ С. По соседству с ключами виднелись открытые полыньи, приютившие стайку крохалей и чирков; здесь же пойман пескарь. Излишек вод описываемого озера стекает по Еграй-голу в Цайдамские болота. Южные

[1] Абсолютная высота озера Тосо-нора 13 240 футов.

берега озера во многих местах скалисты, на северной же стороне взамен скал раскидываются широкие луговые террасы; горы здесь несколько отодвинуты. На более низких площадках желтели густые мото-ширики.

В это пребывание Тосо-нор представилось нам более нарядным, нежели в передний путь, когда ледяной покров был занесен густою пылью и поверхность его нельзя было отличить от окружающей местности. Интересно то обстоятельство в Центральной Азии, что зимою во время штормов ледяная поверхность обильно покрывается пылью; с первыми же теплыми днями согретый песок уходит в лед, вследствие чего ледяной покров начинает снова блестеть на солнце. Жителей на северном берегу озера не было, тогда как на противоположной стороне по ночам блестели огни, словно маяки, а днем на соседних высотах виднелись черные палатки тангутов.

Долина Еграй-гола. Река Еграй-гол, по которой нам предстоял дальнейший путь к Шан-рди, имеет протяжение около 120 верст. В верхней своей части, до слияния с р. Алак-нором, широкая долина Еграй-гола характеризуется крайней бедностью, в среднем же и нижнем течении Еграй-гол несет свои прозрачные воды большой рекой, заключенной в глубоком, узком и извилистом ущелье. Соединившись с Алак-нором, он вначале направляется к северу, затем вскоре уклоняется на северо-запад, чтобы вступить в равнину Цайдама. На всем последнем протяжении долина Еграй-гола представляет более отрадную картину. Боковые ущелья покрыты травянистою растительностью, а дно — кустарною. В месте расширения долины залегают отличные луговые площади, среди которых с шумом бегут серебристые ручьи. На более быстрых местах река осталась незамерзшей и неслась то одним, то несколькими рукавами. В нижнем течении описываемая река принимает справа приток Какты-гол. Пойманные здесь рыбы принадлежат к гольцам (*Nemachilus*) и губачам (*Diptychus*).

Погода. Весь проведенный на нагорье январь стояли сильные холода, в особенности по ночам, когда температура понижалась до —33,5° С. Правда, днем на солнце было теплее, но лишь в тихую погоду; когда же поднимался ветер, леденящая стужа становилась невыносимой. Снег лежал в верхнем поясе гор и по глубоким оврагам; на открытом же плато он был сносим ветром.

В глубоких ущельях бассейна Желтой реки в начале февраля зима была значительно мягче; но и здесь соседний Амнэ-мачин нередко дает о себе знать. В половине описываемого месяца погода совершенно испортилась: ночью с северо-запада пришла густая пыль и понизила температуру, а на следующее утро, когда мы двигались по всхолмленной долине верховья Чурмына, начался сильный шторм, разметавший в воздухе тучи пыли. Встречные временные порывы останавливали вьючных животных, а нам спирали дыхание, обдавая невыносимой стужей. Тончайшая пыль слепила глаза, налетавшие вихри не давали возможности двигаться вперед. Пройдя с неимоверными усилиями 7 верст, караван остановился. Наши палатки сильно

трещали под напором разбушевавшегося шторма: деревянные устои скрипели, точно снасти на судне [1].

Вторая половина февраля, проведенная на высоком нагорье, вообще была также холодна, как и минувший месяц. Ветры дули почти ежедневно. Когда же днем случалось затишье и небо прояснялось, солнце грело ощутительно и жаворонки пели по-весеннему. Подобные проблески весны случались в последней трети месяца в долине Еграй-гола; там выдавались нередко и отличные вечера, в особенности на урочище Цаган-сайгик, где экспедиция дневала. Как сейчас помню ту дивную ночь, когда глубокое ущелье Еграй-гола было освещено луной, находившейся почти в зените. Светло было так, что я свободно читал. Соседние горы казались близкими; освещенные стороны ущелий резко граничили с погруженными во мрак, как день и ночь. Кругом все спало; абсолютную тишину нарушал лишь шум реки; да и эти монотонные звуки скорее увеличивали, нежели ослабляли прелесть весенней ночи в горах.

В Шан-рди, куда экспедиция прибыла в начале марта, мы прожили три дня. Подле нашего бивуака держались по-прежнему каменные голуби; вблизи с криком проносились тибетские больдуруки, на которых от времени до времени налетал сокол Гендерсона; из мелких же птиц чаще других показывались красные и земляные вьюрки, каменные воробьи и чернолобые жаворонки. Река стояла в оцепенении, лишь днем вскрывались боковые ручейки и тихо несли свою воду. Ликующих, радостных голосов птиц совсем не было слышно. Словом, природа хранила мрачный характер.

Путь к горной ставке Барун-засака. Из Шан-рди мы направились в горы Бурхан-Будда, где проживал теперь Барун-засак, правитель местных монголов. Его ставка находилась на р. Ихэ-голе, в глубоком кормном ущелье, в виду главного хребта, который в это время был покрыт снегом. Означенной ставки мы достигли в четыре перехода, следуя на юго-юго-запад. На всем пути пересекали горные отроги, уходящие к пустыне Цайдама. В нижнем поясе гор изобилует травянистая растительность; в среднем, кроме того, довольно часто попадается древовидный можжевельник и тальник. Воды было мало, русла речек по большей части стояли сухими. Погода в горах была отличная: ясная и днем очень теплая; по временам набегавший ветерок навевал прохладу. Несмотря на это обстоятельство, в природе еще было мало жизни. Лишь изредка в голубой выси описывал красивые круги могучий гриф; дозором вдоль скал пролетал бородач-ягнятник, да внизу у тропинок испуганно вспархивало стадо кэкэликов, или на кустах бударганы металлически звенел *Accentor fulvescens*.

---

[1] Можно себе представить, как было холодно под нашим белым покровом. Особенно тяжела была в это время служба казаков. Ночные дежурства по-прежнему держались усиленные. Вследствие малочисленности конвоя, приходилось стоять на часах каждому человеку в течение ночи 6—7 часов. Но к чести и славе чинов отряда, они все время держали себя поистине героями.

Стоянка на Ихэ-голе. Придя на Ихэ-гол, экспедиция расположилась по соседству с Барун-засаком. С этим старинным знакомым мы встретились снова по-дружески. Он обязался доставить багаж экспедиции в Курлык на верблюдах, правда получив за этот труд дорогую плату — всех яков и хайныков.

Моя легкая экскурсия в горы. Пользуясь хорошей погодой, прежде чем покинуть горы я съездил на охоту вверх по ущелью. Вся долина Ихэ-гола была заполнена стойбищами монголов; среди их войлочных юрт странно было видеть три черных тибетских палатки. Оказывается, в прошлом 1894 году две коренные тибетские семьи, покинув родные места (окрестность горы Бумза), прибыли во владения здешнего засака, объявив, что они тут сложат свои кости, и, в знак подчинения ему, остригли свои длинные, ниспадавшие до плеч волосы. Восточный засак их принял и разрешил остаться навсегда. По отзывам монголов, пришельцы пока ведут себя отлично.

Миновав стойбища, разъезд через пять верст следования по Ихэ-голу, свернул к юго-западу ущельем Улкюн-бамбурчиту [1]. Означенное ущелье глубоко, дико, с страшным падением; этим объясняется его безводие. Красота боковых лощин столь оригинальна, что невольно приковывала наше внимание. Дно их устлано травянистой и кустарной растительностью. По гребням гор и их утесам лепится арча, то сплошным лесом, то одиночными деревьями. Через два часа мы уже были на перевале Бамбурчитын-хутул. С вершины его открывается лабиринт гор того же характера. Вниз убегает глубокое извилистое ущелье Ару-бамбурчиту. На всем своем пути зверей мы не встречали вследствие многолюдства. Только когда монголы покидают горы, спускаясь в Цайдамскую равнину, сюда приходят маралы, кабарга, а главное, медведи. Из птиц были замечены тибетские улары, красные вьюрки (*Carpodacus dubius*), альпийские синицы (*Poecile superciliosa*) и дрозды Кесслера. На этих наблюдениях и закончилась охотничья поездка.

Следование до Курлыка. Утром 16 марта наш караван потянулся вниз по Ихэ-голу. Верблюды двигались несравненно быстрее, нежели яки и хайныки. В два перехода экспедиция перенеслась к хырме Барун-засака, а 20-го числа бивуак ее стоял уже в долине Баин-гола. В это время река быстро катила свои грязные воды; глубина брода простиралась до трех и более футов; у берегов держался лед.

Благополучно переправившись на правый берег реки, караван направился вниз по ее течению. Одним переходом мы достигли того места на северном рукаве, куда впервые вступили, идя в передний путь. Здесь, на урочище Ханан-цаган, в виду предстоящей пустыни устроили дневку. Кстати удалось произвести астрономическое наблюдение. Погода выдалась редко хорошая; днем на солнце грело по-летнему; в глинистой почве в полдень

[1] Медвежье ущелье; бамбурчик по-монгольски — «медведь».

термометр показал +40,3° С. Воздух был настолько прозрачен, что хребет Бурхан-Будда — эта гигантская стена, огораживающая Тибетское нагорье,— был виден отчетливо; главные вершины, покрытые снегом, ярко блестели на солнце. Покинув растительную полосу Баин-гола, мы вступили в солончаковую равнину, раскинувшуюся в ширину на 20 верст. Между той и другой лежат пески, протянувшиеся грядой с запада на восток. Однообразна и утомительна картина солончаковой равнины, ее не оживляет и р. Булунгир, протекающая в северной части. Мутные и соленые воды Булунгира несутся в широком русле, то одним, то несколькими рукавами.

Тотчас за Булунгиром поднимается каменистая возвышенность, отделяющая орошенный Курлык от Цайдама. С вершины ее открывается вид на долину Баин-гола курлыкского. Камыши на своем желтом фоне резко выделяли как реку, так и несчетное число водных площадок, красиво блестевших под лучами низко опустившегося солнца. У окраин болот ютились номады, подле юрт которых паслось много скота. Вскоре затем и мы вступили на левый берег Баин-гола. Всю ночь — тихую и ясную — раздавались голоса черношейных журавлей, разных пород уток и гусей.

25 марта, переправившись через Баин-гол, экспедиция по распустившимся болотам направилась к хырме Курлык-бэйсе — своему складу. Птиц было так много, как мы еще в ту весну нигде не видели. Несмотря на их обилие, на всем сонме лежала печать заботы. Для большинства из них Курлык — только временная станция отдыха; впереди еще предстоял тяжелый и далекий путь до северных стран. Вот почему не было ни игривости, ни тех ликующих звуков, которые свойственны птицам, достигшим мест своего гнездения. В наблюдении за пернатым царством мы незаметно подошли к хырме, где радушно встретились с людьми, охранявшими склад. У них оказалось все благополучным. Бивуак свой мы теперь расположили вблизи хырмы, при одном из многочисленных болот. На второй день отправились с визитом к бэйсе, с которым встретились самым дружеским образом. Остававшиеся при складе люди сумели расположить в свою пользу не только правителя, но и всех подвластных ему монголов, живших по соседству. Один из туркестанских стрелков, Замураев, сопровождал даже курлыкского бэйсе в Дулан-кит, когда тот в наше отсутствие навещал куку-норского вана. Старший на складе предложил было управителю бурята-забайкальца, как знавшего местный язык, но бэйсе иронически заметил: «У нас таких — и своих много; мне надо русского, только одних русских боятся тангуты».

Перевезя багаж со склада к бивуаку, экспедиция соединилась, за исключением двух казаков, находившихся при верблюдах. Эти последние держались у полуденного подножья Южно-кукунорского хребта, там, где в это время проживал бэйсе со своими подчиненными.

Вблизи хырмы мы прожили неделю; здесь же провели и праздник пасхи. Христосовались гусиными яйцами, собранными накануне в камышах соседних болот. У людей отряда нашлись красные чернила, которыми окра-

сили яйца. По вечерам я уходил на охотничьи стойки стрелять гусей и уток. Погода в это время стояла хорошая. Невольно вспоминались вечера на родине, когда бывало стоишь на тяге вальдшнепов. И мысль уносилась на далекую родину.

Весенний пролет птиц. Пролет птиц за весну этого года пришлось наблюдать частью на окраине Тибетского нагорья, частью в Цайдаме и Курлыке.

10 февраля на берегах Баин-гола появились турпаны (*Casarca rutila*), 12-го — гуси серые (*Anser cinereus*), 13-го — цапля белая (*Herodias alba*), 15-го — утки-кряквы (*Anas boshas*), 16-го — цапли серые (*Ardea cinerea*), 18-го большим обществом пронеслись по реке журавли серые (*Grus cinerea*). Тогда же на нагорье, вблизи Тосо-нора, замечены большие стаи уток-шилохвостов (*Dafila acuta*), быстро летевших к северу, и несколько одиночек чирков-свистунков (*Querquedula crecca*). 19-го показались гоголи (*Fuligula clangula*), при небольшой стайке которых находился и одинокий крохаль длинноносый (*Mergus serrator*); 20-го в Курлыке появилось много серых гусей, а на нагорье в этот день наблюдались нырки белоглазые (*Nyroca ferruginea*).

21-го почти одновременно прибавилось в Курлыке несколько видов птиц, державшихся по оттаивающим болотам — утки-шилохвосты (*Dafila acuta*), чирки-свистунки (*Querquedula crecca*), чайки (*Larus ridibundus*), утки-свиязь (*Mareca penelope*), полуха (*Chaulelasmus streperus*) и крохали большие (*Mergus merganser*). На следующий день появилось особенно много гусей и уток, приютившихся на более сухих местах у камышей. 25-го прибыла стайка журавлей черношейных (*Grus nigricollis*).

1 марта на устье Кактыгола — правом притоке Еграй-гола — заметили журавлей серых (*Grus cinerea*); стая за стаей неслись эти сильные пернатые странники, оглашая воздух громким криком. Красивый остроугольный строй этих стай с течением времени менял свою форму. Тогда же были наблюдены кулики серпоклювы (*Ibidorhyncha Struthersii*) в соседстве с парой бекасов (*Gallinago solitaria*); 2-го — нырки красноголовые (*Fuligula ferina*) и красноносые (*F. rufina*), 8-го — коршун черноухий (*Milvus melanotis*) [1].

15 марта — лунь полевой (*Circus cyaneus*); 17-го на Цайдамских болотах услышали беспокойный крик улита настоящего (*Totanus calidris*); там же пролетали дрозды черногорлые (*Merula atrigularis*). 19-го по дороге к Баин-голу, в Цайдаме, на одиноко стоящих деревцах сидели вороны (*Corvus corax*), свившие гнездо, в котором уже были сильно насиженные яйца. Над камышом плавным полетом перемещался лунь болотный (*Circus spilonotus*); 20-го по долине Баин-гола замечены лебеди (*Cygnus*), индийские гуси (*Anser indicus*) и кроншнепы (*Numenius arquatus*).

---

[1] 9 марта в Курлыке поймана первая муха; 12-го вскрылся Баин-гол, а 16-го поползли по нагретой поверхности жуки.

21-го — чеккан пустынный (*Saxicola deserti*); 24-го прибавляются — одновременно с приходом экспедиции на Баин-гол курлыкский — зуйки морские (*Charadrius cantianus*), шилоклювки (*Recurvirostra avocetta*), черноголовый хохотун (*Larus ichthyaëtus*), сорокопуты (*Lanius leucopterus*), плисицы — белые и желтые (*Motacilla personata, Budytes citreola*); 27-го — удод-пустошка (*Upupa epops*); тогда же наблюдались сукалени чернохвостые (*Limosa melanura*); 28-го — пеганки (*Tadorna carnuta*).

К 1 апреля на болотах Курлыка много гнездилось серых гусей; 3-го пронеслись по берегу Баин-гола ласточки деревенские (*Hirundo rustica*); 6-го — ласточки другие (*Chelidon urbica*).

18-го в долине Дзухын-гола замечены плисицы (*Motacilla baicalensis*) и улиты-черныши (*Totanus ochropus*);20-го — нырец-чомга (*Podiceps cristatus*), орланы — белохвост и длиннохвост (*Haliaëtus albicilla* и *H. leucoryphus*), выпь (*Botaurus stellaris*), крачка-ласточка (*Sterna hirundo*) и ласточки горные (*Biblis rupestris*).

21-го прилетели галки (*Coltaus monedula*) и славки-пересмешки (*Sylvia curruca*); 22-го в окраинных тибетских горах наблюдались краснохвостки (*Ruticilla rufiventris, R. alaschanica*), дрозды рыжегорлые (*Merula ruficollis*) и пеночки (*Phylloscopus*); 29-го — ласточки земляные (*Biblis riparia*), *Corydalla Richardi*, стрижи башенные (*Cypselus apus*), коньки-щеврицы (*Anthus rosaceus*); 30-го — краснохвостки (*Ruticilla Hodgsoni*) и чеккан соловый (*Saxicola isabellina*) [1].

1 мая в лесах Южно-кукунорского хребта добыты краснохвостки (*Ruticilla schisticeps*), а по горным речкам плисицы (*Budytes melanope*); 7-го были встречены на равнинном Баин-голе кулики-ходулочники (*Himantopus candidus*), лысухи черные (*Fulica atra*), камышовка индийская и сверчок (*Acrocephalus agricola* и *Locustella locustella*), береговик серый (*Actitis hypoleucos*) и чибис (*Vanellus cristatus*); 10-го — крачки черные (*Hydrochelidon nigra*). К этому же времени могут быть отнесены песочник малый (*Tringa Temminckii*) и ржанка-тулес (*Charadrius helveticus*), заканчивающие собою весенний список пролетных пернатых.

Глава девятая

ПОЕЗДКА В ХРЕБЕТ ЮЖНО-КУКУНОРСКИЙ

Цель поездки. Первая половина апреля проведена мною на главном бивуаке, стоявшем в урочище Таряне-быль — владении курлыкского бэйсе. В близком соседстве с экспедицией ютились местные кочевники, занятые

[1] Около начала мая можно было видеть во многих местах курлыкской долины несколько видов ящериц (*Phrynocephalus Vlangalii, Eremias* sp.) и змею (*Tragonocephalus intermedius*), пробудившихся от зимнего окоченения.

обработкой полей. Весна подвигалась с каждым днем, хотя растительность боязливо пробивалась из земли. Развитию ее мешали главным образом ночные морозы и крайняя сухость воздуха. Лишь в середине означенного месяца выпал обильный дождь и насытил атмосферу влагой: высоко носившаяся над равниной пыль спустилась на землю, отчего первые капли дождя были грязные. На следующий затем день природа точно оживилась: солнце светило ярко, воздух был особенно прозрачен. Обмытая земная поверхность представляла свежезеленеющие лужайки; последние всё более виднелись на низких, влажных местах. Там паслись стада баранов; эти животные уже могли щипать мелкую травку.

Тем временем я снаряжался в разъезд, цель которого заключалась в обозрении окрестных местностей на пространстве около 600 верст. Маршрут поездки в начале пролегал на юго-восток — к окрайним Тибетским горам; затем поперек долин Цаса-гол и Сырхэнской к Дулан-киту, откуда предстояло подробнее заняться исследованием животного царства хребта Южно-кукунорского. В сформировании вьючных и верховых животных, а также и в отыскании проводника, любезно помог курлыкский бэйсе.

Выступление и первоначальный путь. Утром 15 апреля разъезд был готов к выступлению. Меня сопровождали: неизменный спутник урядник Жаркой, унтер-офицер Ворошилов и проводник. Караван состоял из четырех верховых и стольких же вьючных лошадей. Провожать в путь приехал и наследник бэйсе. При общих лучших пожеланиях мы покинули бивуак.

Сначала мы шли по равнине, которая расстилается между Южно-кукунорским хребтом и его барьером — мелкосопочником. Указанная долина орошена отводными канавами правого берега Баин-гола. Характерными представителями растительного царства служат здесь: из кустарников — хармык (*Nitraria Schoberi*), из трав — дэрисун (*Lasiagrostis splendens*). Животная жизнь также бедна; весенних певцов, за исключением чеккана, разносившего свои разнообразные и вместе с тем приятные звуки не только на зорях, но даже и ночью, и жаворонка, не было.

Миновав долину и песчано-каменистую возвышенность, служащую восточным продолжением мелкосопочника, мы вступили на правый берег Баин-гола. Река сопровождается болотами, сильно распустившимися в это время. С трудом добравшись до главной водной ветви и переправившись на противоположный берег, мы разбили бивуак. Картина долины Баин-гола была немного отраднее. Прибрежные террасы пышнее отливали своею мягкой зеленью. Над блестевшей поверхностью вод хлопотливо носились водяные и голенастые пернатые. Все они теперь были разбиты попарно и усердно заботились о будущем поколении. Днем на солнце бегали ящерицы; вечером летали комары и громко квакали лягушки. По всей долине, насколько видел глаз, были рассеяны юрты монголов и паслись большие и малые стада до-

машних животных. На ближайших соседних увалах каменистой пустыни рисовались стройные фигуры джепраков.

Отсюда, т. е. с Баин-гола, нам предстояло перенестись в долину р. Дзухын-гола, отстоящую в 60 верстах в том же юго-восточном направлении, что и исполнено в два дня. На всем означенном протяжении залегает пустынная местность, та самая, которую мы уже дважды пересекали, следуя в Цайдам и обратно в зимнюю экскурсию. Теперь наш путь пролегал восточнее и нес следующий характер: каменистая возвышенность, идущая к югу от гор Сарлык-ула, представляет ряд невысоких увалов, протянувшихся преимущественно в восточно-западном направлении. Увалы состоят из сплошных песчано-глинистых масс. Их скаты, реже вершины, покрыты песком. Между увалами залегают низменные долины, то узкие и длинные, то широкие и замкнутые. Последние от периодических дождей, быстро испаряющихся, представляют гладкие, как пол, и на солнце блестящие поверхности. Более возвышенные равнины покрыты галькой и мелким гравием. Среди такой пересеченной местности нередко встречаются пески, преимущественно в низких местах, хотя, как сказано выше, песок часто покрывает скаты увалов, взбегая к их вершинам. На этом пути, в 15 верстах от Дзухын-гола, находится в песчаных увалах ключ Гашун, представляющий жалкий ручеек соленой воды.

Растительная жизнь характеризуется пустынными формами; чаще прочих встречаются: саксаул (*Haloxylon ammodendron*), *Calligonum mongolicum*, сугак (*Lycium ruthenicum*), сульхирь (*Agriophyllum gobicum*), реже *Cynomorium coccineum* и др. Из зверей водится одна антилопа харасульта (*Gazella subgutturosa*), а из птиц — сакасульная сойка (*Podoces Hendersoni*) и жаворонок (*Otocorys albigula*).

Озеро Алцын-нор. Достигнув урочища Дзухын, мы устроили дневку, которая была необходима для ознакомления с последними водами Дзухын-гола, образующими озеро Алцын-нор; наш же дальнейший путь лежал вверх по этой реке. Покинув своих людей на месте, я налегке, с проводником отправился к помянутому озеру, отстоявшему в 10 верстах к западу. Означенное озеро небольшое — 3 версты по длине и полверсты шириною — и не глубокое, вытянутое по направлению долины — с востока на запад. Абсолютная высота его 9300 футов. По северному берегу озера тянется песчаный вал от 10 до 100 футов высотою, круто ниспадая к прозрачным водам Алцын-нора. Подобный берег окаймляет описываемое озеро и с западной стороны. Везде между красивыми извилинами песчаных барханов выделяются заливы. Остальные берега низменные и болотистые, обильно поросшие камышом. На голубой поверхности озера держалось много птиц, в особенности уток-нырков. Севернее песчаного вала залегает также болото с большими и малыми водными площадками, обрамленными камышами. Правая ветвь Дзухун-гола уносит свои воды дальше, нежели левая, которая теряется в озере. Далеко с песчаных холмов — к западу — виднелось

поле солончаков. К северу и югу стоят каменистые увалы, окаймляющие долину Дзухын-гола.

Долина Дзухын-гола. Означенная долина, в месте обследывания, простирается, как было замечено, с востока на запад. Выше она постепенно склоняется к северо-востоку, и в этом направлении река выбегает с южного склона Сарлык-ула. В нижнем течении реки долина имеет 3—5 верст ширины. Вся она отливала желтым фоном камышей. По ее дну несутся две ветви Дзухын-гола, скрытые в камышах. Северная ветвь образует много болот, широких травянистых зарослей и течет более плавно, тогда как южная несется узким ручьем, будучи сжата во многих местах песчаными увалами и отдельно стоящими барханами. Пьедесталом песков, тянущихся по течению реки, служит дно долины (песчано-лёссовая почва с примесью соли). Северо-восточные склоны барханов рыхлы и круты; юго-западные, наоборот, пологи и плотны. Подножье песков одето также растительностью.

Описываемая долина после окружающей ее пустыни кажется даже богатою, как растениями, так и животными. Она представляет ту же картину, как и прибрежные полосы любой реки Цайдама. Не будучи в это время занята кочевниками, она давала полнейший простор пернатым обитателям, среди голосов которых более других выдавался голос токующего фазана (*Phasianus Vlangalii*), особенно энергично ликовавшего при ясном свежем утре.

К югу в 10 верстах за поперечным увалом лежит небольшое озеро Цаган-нор. Размерами оно одинаково с Амцын-нором, окружено песками, растительности мало, болот нет. Вода горько-соленая. Рыбы мы нигде не замечали.

Следуя вверх по Дзухын-голу, мы в один переход достигли урочища Дзухын-сала, т. е. места, где сходятся три водные ветви и где, так сказать, растительность и влага описываемой долины прекращаются. На половинном расстоянии характер местности был тот же, что и в нижнем течении. Далее же он, вместе с изменением направления, представляет иную картину. Река течет одним руслом, будучи скрыта в глубокой, извилистой балке, с узкого дна которой поднимаются лёссовые стены. Течение реки довольно скорое. Чистые воды ее несутся, едва прикрывая дно, шириною до пяти и более сажен. На низменных берегах желтела густая растительность, между которой пробивалась свежая зелень. По невысоким террасам балки стелется саксаул, превращаясь в сплошную заросль. В лучших местах долины имеются пашни; подле них замечено рытье медведя-пищухоеда (*Ursus lagomyiarius*). Означенный зверь встречается здесь только случайно — при своих временных переселениях из Тибетских гор в хребет Сарлык-ула.

В месте нашей стоянки р. Дзухын-гол принимает слева два притока. Западный именуется Дунгынен-пол, течет с северо-востока, имеет около 20 верст протяжения. Восточный — безымянный, несет свои воды только на

протяжении трех верст [1]. Им мы и пошли в юго-восточном направлении. Выше ключевых источников началось сухое русло, которое далеко уходит в пустынную равнину, граничащую на севере песками, на юге — в начале песками же, затем оголенным каменистым увалом. Через 20 верст мы прибыли в урочище Долон-тургын. Пройденная долина несет характер пустыни со свойственной последней растительностью. Здесь бегали и спокойно паслись табуны хуланов (*Asinus kiang*).

Урочище Долон-тургын. Урочище Долон-тургын с озером Тургынын-нором представляет порядочное болотистое пространство, усеянное водными площадями, скрытыми в камышах. На севере и западе его ограничивают барханы песков, круто ниспадая к травянистым и кустарным зарослям.

В западной части, у подножья тех же песков, лежит оз. Тургынын-нор. Длина его береговой линии не превышает 3—4 верст. Вода горько-соленая, прозрачная. На темно-голубой поверхности озера, а также среди болот держалось много плавающих и голенастых пернатых, свойственных Цайдаму.

К незамеченным раньше в ту весну относятся: гагара хохлатая (*Podiceps cristatus*), выпь (*Botaurus stellaris*), которая усердно и монотонно гукала по зарям, и крачка-ласточка (*Sterna hirundo*), изящно носившаяся в воздухе над чистыми водами болот. Днем на солнце резвились стайки горных ласточек (*Biblis rupestris*), улетавших к вечеру в горы.

Наш бивуак был расположен в западной окраине Долон-тургына, при лучшем ключевом местечке. Благодаря прозрачности воздуха, горизонт открывался на значительное расстояние, и окрестные места представлялись во всей красе. На севере стоит хребет Сарлык-ула, идущий темной стеной с запада на восток, слегка уклоняясь к югу. По его крутым южным скатам темнел древовидный можжевельник (*Juniperus pseudosabina*). От подножья того же хребта простираются пески, устилая собою покато-каменистую равнину на 20 верст шириною. Высота разнообразно переплетенных барханов, северо-восточные склоны которых круты и рыхлы, а юго-западные пологи и плотны, достигает у меньшинства 300 и более футов; у большинства — значительно меньше. Далее на восток уже тянется окраинная ветвь Тибетских гор, которые выдаются клином к северо-западу; в последнем направлении простираются главные хребты. Среди них расположена долина, по которой несутся воды р. Цаса-гола. Последняя, по выходе из гор, круто склоняется на запад и юго-запад; здесь, прорвав высокие холмы песков, вступает в болото Долон-тургын, затем одиночной ветвью бежит к стороне открытой пустыни, именуясь Сулин-голом. Ширина этой реки, текущей в глубоком корытообразном русле, до трех сажен. Прозрачная вода прикрывала каменистое ложе

[1] Еще на меньшее расстояние удалены ключи главной долины, которую продолжает к горам сухое каменистое русло.

на 1 фут и неслась с громким бурлением весьма быстро. Пройдя к юго-западу около 35 верст, она впадает в мутный Булунгир.

Дальнейший путь. Оставив урочище Долон-тургын в полдень, мы перешли, держась южного направления, на р. Сулин-гол. Отсюда на следующий день с запасами воды двинулись к Тибетским горам. Вскоре по выступлении пересекли большую караванную дорогу, идущую от Дуланкита в Цайдам. Далее к юго-востоку снова уходили сплошные пески, севернее которых залегает песчано-каменистая, покатая от гор равнина. Местами она изборождена оврагами, устланными травянистой и кустарной растительностью. Постепенно уклоняясь к востоку, мы в течение перехода миновали пересеченную местность и вступили в первые отпрыски гор Тибета.

Справа высились второстепенные горные кряжи, слева к северу — более грандиозные, отделяющиеся от главного хребта, который был покрыт снегом. Между горами, ниспадавшими к юго-востоку и развивающимися в северо-западном направлении, заключена долина с богатою травянистою растительностью. Здесь же был замечен и первый цветок голубого касатика. Скаты гор в нижнем поясе также прикрыты травами, в верхнем же, на 11—12 000 футов над уровнем моря, лепится арча, или древовидный можжевельник.

Дальнейший путь шел долиною в восточном и юго-восточном направлениях к реке Карагайнын-голу. Вблизи паслось много хуланов. Немного вдали, в одной из горных лощин, ютилось стадо маралов. Чуткие, осторожные звери не подпустили нас на выстрел: предательский ветерок, не имеющий определенного направления в горах, был причиною быстрого исчезновения благородных зверей. В лучших местах долины виднелись следы пребывания кочевников-тангутов, которые в этой части гор проводят зиму, т. е. время, когда имеется снег, заменяющий воду. Весною же номады уходят в глубь гор на верховье р. Цаса-гол.

Пребывание в лесном ущелье. Желая познакомиться с лесными ущельями р. Карагайнын-гола, отстоящими на запад от него, мы раньше этой реки свернули к северу, зашли в горы и расположились бивуаком при устье одной отличной «пади», впадающей в другую таковую. Красота соседних ущелий, покрытых сплошным еловым лесом, заставила устроить дневку, несмотря на то, что воды в этих горах не имелось; не было даже скрытых ключей; по крайней мере, мы, экскурсируя по ущельям, нигде не встречали, да и проводник говорил то же самое. Поить караванных животных и самим довольствоваться водой приходилось из Карагайнын-гола, который струил свои прозрачные воды в пяти верстах к востоку.

В день прихода в этот отрадный уголок я отправился в ближайший лес, где, при первом вступлении каравана, пробежала пара маралов. Короткое, крутое ущелье уходило к юго-востоку и, поднимаясь к гребню, расплывалось веером. Медленно я подвигался вверх: часто останавливался, осматривал

в бинокль скаты гор, прислушивался и шел дальше. Вдруг закричала пара больших уларов (*Megaloperdix Koslowi*) и испуганно понеслась в скалы со дна глубокого ущелья. Среди игл хвойного леса мелькнула кабарга и, перевалив ближайший утес, исчезла. Еще дальше в лесную глубь заслышались голоса певчих пташек. Прелесть животной жизни совместно с красотами природы манили скорее подняться на вершину гор и оттуда по сторонам полюбоваться картиной. Наконец гребень достигнут. Выбрав высокое дерево (ель), я сел под ним. На юг круто ниспадали ущелья, разделенные горными отрогами, на которых темнел густой лес и резко выделялись гранитные скалы. Лабиринт больших и малых ущелий был страшно перепутан и представлял дикую картину хаотического характера.

Далеко от подножья гор, в том же южном направлении, простиралась равнина, на которой виднелось море песков, сливавшееся в туманной дали с горизонтом... К востоку от этого песчаного моря сверкала лента Карагайныи-гола, который, протекая в горах на дне глубокой долины, темнел точно змея. На север уходило пройденное ущелье, при устье которого среди золотисто-зеленой поверхности ярко белела палатка нашего бивуака. Ближайшие скаты гор круто падали вниз: видны были лишь вершины деревьев — больше ничего. Порою вверху слышался дребезжащий шум от полета снежного грифа или ликующего в воздухе орла-беркута. Этот хищник, держась высоко в облаках, то бомбою спускался вниз, то стрелою несся вверх, то красивой дугой летел за подругой; по временам, паря в голубой вышине неба, он опрокидывался на спину или принимал вертикальное положение, и во все время своих эволюций оглашал воздух восторженными криками[1]. С соседних скал доносились голоса уларов; из лесной чащи — щелканье дроздов и стройный писк альпийских синиц.

Возвращаясь к бивуаку, я убил отличного улара. Вскоре затем заря погасла. Ущелье окуталось мраком. Позднее взошедшая луна осветила его дно, откуда неслось монотонное гуканье филина. Небесный свод с яркими звездами и абсолютная тишина дополняли прелесть вечера в глубоком лесном ущелье.

Дневка была уделена также на знакомство с окрестными ущельями и охоте. Желанного марала добыть не удалось; один тяжелораненый красавец ушел далеко. Поздние сумерки, застигшие вдали от бивуака, не позволили преследовать зверя. Среди пернатого царства, кроме приобретенного улара, интересных видов здесь не встретилось.

[1] Еще более любопытную любовную игру таких хищников мне приходилось наблюдать у северного подножья хребта Русского (Куэнь-лунь) (путешествие М. В. Певцова). Здесь, в урочище Кара-сай, 11 июля наше внимание было привлечено парой орлов, пролетавших друг за другом. Следовавший впереди хищник мгновенно приостановился в воздухе, опрокинувшись на спину, тогда как другой так же быстро очутился у первого; сцепившись вместе пальцами ног, птицы стали кружиться, рассекая воздух в вертикальной плоскости. Сделав очень эффектно до пяти вращений, орлы приостановились и, освободив ноги, направились дальше.

Еловый лес[1] (*Abies Schrenkiana?*) прекрасно растет по склонам, обращенным к северу, на 11—12 тысяч футов над морским уровнем. Наибольшие размеры, достигаемые здесь этим деревом, таковы: высота, примерно, 10 сажен, толщина (диаметр) у корня около 12 вершков. Обыкновенно ель кажется стройной, густоветвистой. Нередко встречались лесные заросли, где *Abies Schrenkiana* чередуется с древовидным можжевельником, хотя *Juniperus pseudosabina* занимает преимущественно южные склоны гор и растет приблизительно на одинаковой с елью абсолютной высоте. Нижнюю и верхнюю границы хвойных деревьев сопровождает низкорослый кустарник, который особенно густо устилает собою наиболее пригодные к тому площади альпийских лугов. В еловом лесу видны следы порубок, производимых монголами Цайдама втихомолку от тангутов. Они являются в эти места летом, когда их заклятые враги укочевывают на верховье р. Цаса-гола.

Покинув отличное лесное ущелье, мы направились к р. Карагайнын-голу. Она отстояла в пяти верстах к востоку. Затем, пройдя вверх по ее долине еще 13 верст, мы расположились бивуаком у обильных ключей, дающих начало названной реке.

Река Карагайнын-гол. Карагайнын-гол течет из окраинных Тибетских гор; его сухое русло, смачиваемое только летними дождями, поднимается от ключей «Усу-экин» к востоко-юго-востоку, по всей вероятности, к западному продолжению хребта Сянь-си-бей. Туда уходит бесплодная равнина. Собрав же своих постоянных данников в урочище Усу-экин, Карагайнын-гол стремительно несется в одном русле к выходу из гор. Направление реки в этом районе с северо-востока на юго-запад. Падение каменистого дна, по которому струятся чистые, как кристалл, воды, очень большое; бурление громкое. Ширина русла 3—5, редко более сажен. Глубина извилистой реки была в то время около $1^1/_2$ футов. Низменные берега обильно поросли травянистой и скуднее кустарной растительностью. По выходе из гор река держится прежнего юго-западного направления, будучи справа окаймлена высокими барханами песков; слева же ее сопровождает щебнегалечная пустыня. Через 30 верст равнинного течения Карагайнын-гол впадает в многоводную реку Цаган-усу, которая выходит восточнее из тех же гор. Далее вниз река течет в начале около 30 верст среди песков под именем Тэпка-шугуль; по выходе же в растительную полосу Цайдама, именуясь одновременно и Шара-голом и Цаган-усу, впадает справа в Баин-гол.

Пройденная часть долины Карагайнын-гола обставлена высокими горами. Справа, к западу, круто ниспадают лесные ущелья; слева — более полого обнаженные или слегка прикрытые луговыми травами; и только на высоких вершинах, по северным склонам, темнели одиночные деревца. От прибрежной растительной полосы тянутся к подножью гор сухие глинистые площади, покрытые нередко соляным налетом.

---

[1] Ель монголы называют «карагай».

В то время описываемая долина была свободна от кочевников. Взамен их скота, паслись стада хуланов, которые, по обыкновению, завидя караван, быстро неслись к нему и, подбежав довольно близко, или останавливались, или же продолжали бежать рядом с нами, удовлетворяя свое любопытство. Не без удовольствия и мы смотрели на этих свободных животных. Особенно интересны молодые особи, которые, держась в середине табуна, резвились, как домашние жеребята. Из птиц попадались только знакомые нам виды и ютились в прибрежной полосе долины.

Встреча с тангутами. В этой долине мы встретили большой тангутский караван, шедший из окрестной городу Синину местности — Гоми-Тохой — в восточный Цайдам. Путники следовали на лошадях, везя продовольственные запасы своей братии, едущей из Лхасы на родину. Во владениях Барун-засака они намеревались ожидать паломников, откармливая своих усталых животных.

Дальнейший наш путь направлялся к северо-западу, где виднелся вход в долину Цаса-гола. Прямо на севере стоял хребет, ограничивающий с юга упомянутую реку. На юго-западе тянулись горы, принадлежащие группе Карагайнын-ула. На гребне первого выделялись деревья арчи; вторые имели пустынный, оголенный характер. Проход из одной долины в другую отличный. Цаса-гол, где мы на него вступили, течет не в таких грандиозных горах, какие его сопровождают выше, к юго-востоку. Через 30 верст он уже покидает последние отпрыски Тибетских гор, круто изменяя свое северо-западное направление на юго-западное, и вскоре сливается с водами Долон-тургына (Иргицык). В месте нашей стоянки река неслась прозрачной лентой по галечному дну. Падение ее большое, направление извилистое, а течение быстрое. Прибрежная долина представляет отличные пастбища, но кочующих тангутов в ней не было. По словам проводника, тангуты в это время живут выше по этой долине. Ближайших палаток можно достигнуть через день верхового пути, истоки же Цаса-гола удалены еще на три таких переезда. Там в то время везде обитали номады, проводящие зиму по Карагайнын-голу и в его окрестностях.

Престиж русского имени. В районе тангутских кочевок, где по временам показывались разъезды грабителей, приходилось быть осторожным. По ночам держались караулы. Наш проводник-монгол сильно трусил и ужасно удивлялся нашему равнодушию. Он не мог понять причины, по которой русские (три человека) так смело путешествуют там, где не смеет показаться большой монгольский отряд. «Вероятно, — говорил проводник,— вы все заколдованы или замолены от пуль; об этом хорошо знают и тангуты, почему и боятся на вас напасть. А кто раз имел дело с русскими, тот уже никогда не забудет их ужасного огня». Интересен, между прочим, тот факт, что всех европейских путешественников в Центральной Азии, в особенности в районе этого путешествия, туземцы называют «орус», т. е. русскими. Нам пришлось убедиться на месте, что это название носят

и англичане, и французы, и немцы. Туземцы доверчиво именуют западноевропейских путешественников русскими, тем более, что многие из них выдают себя за русских и прикрываются русским именем...

Горы Тамыртын-ула. В виду предстоявшего безводного ночлега мы покинули долину Цаса-гола, запасшись водою. Впереди к северу, куда направлялся наш путь, стоял хребет Тамыртын-ула. Он служит с той стороны оградой долине, нами покинутой. Означенный хребет имеет в ширину до 12 верст и в недалеком протяжении к западу оканчивается. Северный склон его крут и короток, южный и положе, и шире. Оба ската гор, в особенности же долины, покрыты богатой растительностью. Правда, южный склон пышнее своими формами; здесь густо темнел древовидный можжевельник, местами совершенно устилая ущелья. Травянистых площадей также больше. Растительность до 10 000 футов над уровнем моря заметно развивалась; но выше обнаруживались лишь слабые проблески ее, да и то на солнцепеках. Хребет в описываемой части не имеет вечных снегов, ни родников, а поэтому все ущелья были безводны. На вершине самого гребня виднелись обнаженные скалы. Россыпи редки; только от возвышенных частей гребня они узкими языками опускаются вниз, но обыкновенно недалеко. По северному склону, у подножья россыпей, лежало немного снега, откуда струился грязный ручеек.

Перевал Тамыртун-хутул, на который мы направлялись, приходится восточнее скалистой части гребня; абсолютная высота его около 13 140 футов; западные вершины поднимаются вверх еще футов на тысячу, восточные — ниже. Гребень перевала состоит из гнейса (роговообманково-хлоритово-мусковитовый). Растительность поднимается на вершину перевала. Арча лепится много выше, тогда как травы и низкорослый кустарник едва лишь достигают ее. С вершины перевала, обе стороны которого (подъем и спуск) очень удобны, открывается вид на солончаки Сырхэ-нора и далее к северу на высоко поднятый хребет Южно-кукунорский. Вблизи тянется восточная оконечность Сарлык-ула. Зверей мы на своем пути не встретили, хотя, по всей вероятности, здесь обитают те же из них, которые свойственны соседним Южно-кукунорским горам. Что же касается птиц, то чаще других встречались высоко пролетавшие у скал грифы — бурый (*Vultur monachus*), снежный (*Gyps himalayensis*) и бородач-ягнятник (*Gypaëtus barbatus*), или громко свистевшие улары; в нижнем поясе ущелья держались: завирушки (*Accentor fulvescens*), горихвостки (*Ruticilla rufiventris, R. alaschanica*), овсянки (*Emberiza Godlewskii*) и др. Кочевников в пройденных нами ущельях не было; они живут там только зимой по причине безводья.

Путь к северу. Переночевав у северного подножья главного хребта, мы, держась прежнего курса, направлялись к ставке Куку-бэйле. Вначале наш путь пролегал ущельем, направляющимся от Тамыртын-котула, далее вышел на щебне-галечную неширокую долину, ограниченную на юге пересе-

ченным хребтом, на севере хребтом Сарлык-ула и его восточным продолжением, загибающимся, подобно Тамыртын-котулу, на юго-восток. Туда описываемая долина простирается на два дня пути и в первой половине бесплодна, а во второй богата пастбищами; далее хребты смыкаются и долина оканчивается.

Перейдя поперек помянутую долину, мы пересекли хребет Сарлык-ула в восточной части, которая узка, скалиста, несет пустынный характер, но, по мере удаления к западу, значительно повышается и расширяется. От ее северного подножья направляются сухие каменистые русла, теряющиеся в солончаках оз. Сырхэ-нор. Последовав у восточной оконечности последнего по болотам, где медленно текла мутная соленая речка, соединяющая озера Дулан-нор и Сырхэ-нор, мы вскоре затем достигли хырмы [1] Куку-бэйле.

Ставка Куку-бэйле. Вновь возведенное укрепление здешнего правителя расположено на правом берегу Сырхэ-гола, текущего из хребта Южно-кукунорского в оз. Сырхэ-нор. Квадратная хырма, занимая по фасу около 30 сажен, ориентирована с северо-востока на юго-запад. Высота глинобитных стен с бойницами — три сажени. По углам крепости возведено нечто вроде башен; над одиночными воротами тоже возвышение. Стены крепости, имея значительную ширину, составляют надежный оплот для осажденных. В мирное время там прогуливается часовой и сквозь бойницы обозревает соседнюю окрестность. Крепость внутри разделена на две половины: в восточной части устроены жилые помещения и кладовые бэйле, тут же и кумирня. Западная же предназначена исключительно для загона скота. Неподалеку от хырмы стоит главная кумирня, перед которой зеленел молодой тополевый парк. Князь проживал в это время в северных горах. Ниже крепости правителя стоят глиняные постройки подчиненных монголов; кругом виднелись юрты, которые номады предпочитают постоянным жилищам. Даже князья занимают свои помещения в домах лишь в крайнем случае. В мирное же время они живут настоящими кочевниками в юртах или палатках, притом летом в горах, зимой на равнинах. Таков характер и склад номада. Ему не усидеть в закрытом помещении, где он не видит неба. Кочевник счастлив тогда, когда он близок к природе: дышит полной грудью и свободно носится на резвых лошадях по необозримым равнинам. Там пасутся его стада, с которыми он так тесно связан.

Покинув хырму Куку-бэйле, мы направились к Дулан-голу, который несет свои чистые воды в соленое озеро Дулан-нор. В долине этой реки повсюду жили монголы; и только в верхнем течении ее стояли черные палатки тангутов. Жилища монголов располагались правильным кругом, во внутренность которого загонялся на ночь их скот. Все это делается из боязни своих соседей — тангутов. В урочище Улан-Удзур, где река от подножья главного хребта уклонилась к югу, залегает долина. На ней виднелись монголы, обрабатывающие свои пашни. Здесь уже сеяли ячмень. Повсюду журчали

[1] Крепость.

арыки. Днем было очень тепло. При арыках зацвели некоторые растения, по ним летали бабочки и ласточки. В обрывистых берегах реки гнездились индийские гуси и турпаны. Эти два представителя пернатых были замечательно доверчивы к охотнику, тогда как кулик-серпоклюв (*Ibidorhyncha Struthersii*) избегал с ним встречи.

На южном, обращенном к нам склоне гор резко выделялась темная полоса леса. Повыше виднелись площади альпийских лугов, к которым склонялись обнаженные уступы скал и россыпи. Горы, в особенности лесные, манили к себе. Думалось не один раз — что таится в этих больших и малых ущельях, одетых хвойной зеленью...

На следующий [1] день, миновав кумирню Дулан-кит, мы зашли в одно из ущелий южных гор и у нижней границы лесной зоны расположили свой бивуак. Крутизна склонов, неприступные скалы, безводие не дали нам тут засидеться. Познакомившись с лесной жизнью и вообще с характером этой части хребта, мы 1 мая направились в лучшее ущелье противолежащих гор. Пройдя стойбища монголов, вступили в лесную область и здесь в долине шумящих вод, среди высоких елей, поставили свою палатку. Кругом было замечательно хорошо. Глаз отдыхал на лесном убранстве ущелья, со скалистого гребня доносились голоса уларов, там кружили грифы. Подле нас трещали дрозды, монотонно издавали звуки дубоносы и пели мелкие птички. Мы пришли в этот памятный уголок поздно — около четырех часов вечера. Сумерки настали незаметно. Заря погасла. Небо заискрилось блестящими звездами. Удивительно красив лес в такое время. Огонь большого костра фантастически освещал деревья, под сенью которых укрывался наш бивуак. Ночная тишина нарушалась только однообразным бурлением горных ручьев. В такое время долго-долго не спится и мысль невольно улетает на родину.

Время пребывания в лесном ущелье Усу-экин-карагайту было посвящено главным образом сбору пернатых. Каждая экскурсия добавляла в нашу коллекцию что-нибудь новое. Только с высоких, густоветвистых елей, где особенно любят держаться мелкие птички, трудно доставать убитых. В виду этого неудобства я всегда экскурсировал с одним из своих спутников, который, ловко цепляясь по деревьям, снимал добычу. Конечно, не мало птичек пропало и бесследно.

Лишь забрезжит утренняя заря, как уже слышатся тонкие и звонкие голоса пташек. Сороки закопошились на бивуаке, куда успели слететь с соседних елей, чтобы проводить с нами весь день. Дрозды затрещали в гущине ветвей и стали гоняться друг за другом, тогда как один из них, усевшись на вершину дерева, неторопливо выводил свою грустную мелодию; запели чечевицы, которым вторил дубонос, разрывая семена арчи. Звонче же и привлекательнее других запела хохлатая синица. С вершины высокой

[1] 30 апреля.

ели, где она едва заметна, певунья шлет свою песню далеко по сторонам. Почему-то одни улары были молчаливы.

Ущелье Усу-экин-карагайту. На третий день была предпринята поездка вверх по лесному ущелью. Ранним утром было тихо, свежо: голоса пташек раздавались не повсюду. Мы следовали извилистой тропинкой, то по дну ущелья, то по его боковым скатам. Через 10 верст достигли вершины гребня, абсолютная высота которого простирается до 14 860 футов. Отсюда к северу открывается лабиринт гор. Верстах в 12-ти тянется следующая горная цепь параллельно первой. Между ними темнело глубокое ущелье, уходящее на юго-восток. Гребень хребта имеет каменисто-разрушенный характер: скалистых пиков нет, выдающихся вершин также. Хребет состоит из гранита, как у гребня (розовый среднезернистый роговообманково-хлоритовый), так и в среднем поясе южного склона (гнейсо-гранит мелкозернистый роговообманковый).

Ущелье Усу-экин-карагайту простирается к северу, с уклонением на запад верст на 13. Ущелье извилистое, глубокое, с страшным падением дна, по которому несутся прозрачные воды. Ширина его по дну от 100 до 200 сажен. Боковых скалистых теснин порядочно. Правый берег и сопровождающий его горный скат покрыты елью (*Abies Schrenkiana*), левый — древовидным можжевельником (*Juniperus pseudosabina*). Границы древесной растительности находятся на высоте: нижняя 11 800 футов, а верхняя около 13 300 футов над уровнем моря. Немного выше восходит низкорослый кустарник, и только за 500 футов до гребня и его россыпей прекращаются альпийские луга. Из птиц в верхнем поясе гор замечены тибетские улары (*Megaloperdix tibetanus*), непальские завирушки (*Accentor nipalensis*), красно-хвостки (*Ruticilla erythrogastra*) и горная щеврица (*Anthus rosaceus*). Зверей видели мало [1]: у россыпей пробежала лисица, да внизу, на луговых площадях, кормились сурки, голоса которых заслышали впервые 2 мая. В альпах расцвел лук и летали бабочки. Здесь видны следы монгольских стойбищ. Судя по водосточным канавкам, обозначавшим места расположения юрт, летом падают значительные дожди.

5 мая мы не без сожаления покинули отличное ущелье, доставившее в нашу коллекцию интересных птиц. Охота же за зверями требует много времени и успех ее всегда бывает чисто случайный. Так и теперь, в день выступления в обратный путь, поперек следуемого ущелья украдкой пробирался красный, или альпийский, волк; этот интересный зверь был убит урядником Жарким.

Выйдя в долину Дулан-гола, мы направились вниз по этой реке. Через 8 верст свернули в первое южное ущелье Цаган-гол. Здесь, в нижнем поясе, также обитали кочевники-монголы со своим правителем Цин-хай-ваном.

---

[1] Хотя в этом хребте, как известно, обитают медведь, барс, рысь, два вида волка, марал, кабарга, аргали, куку-яман, заяц, барсук и хорек.

Означенное ущелье более широко раздвинуто, нежели Усу-экин-карагайту, и изобилует мягкими луговыми увалами, вследствие чего здесь повсюду паслись стада скота. Лесов значительно меньше и они стоят в отдельных лощинах. Воды также было немного: по дну главного русла тихо струился жалкий ручеек. Выше альпийских лугов виднелась южная цепь главного хребта. В этом месте она несет тот же характер, как в пройденном ущелье.

На Цаган-голе мы поместились в лощине, где особенно густо темнел еловый лес. В тот же день я направился вверх по ущелью, чтобы познакомиться с ним. Вскоре заметил кабаргу, прыгавшую по скату гор; послал ей два выстрела крупной дроби. Зверь быстро исчез, но неподалеку залег. Охотившийся в стороне казак набрел на раненого зверя вечером, а утром его нашли уже мертвым. Высоко у россыпей кричали большие улары (*Megaloperdix Koslowi*); там же стаями проносились белоспинные голуби (*Columba leuconota*) и на вершине сухой арчи одиноко ютился сорокопут (*Lanius giganteus*).

Еловый лес. Ель в посещенных нами ущельях растет стройным, густым лесом, но исключительно на склонах, обращенных к северу. Старейшие деревья достигают в высоту 12 сажен, а в диаметре до 12 и более вершков. Обширные заросли распространены главным образом по крутым скатам ущелий, и в меньшей мере спускаются на его дно. Земная поверхность рыхла и убрана мхом. Там, где находятся углубления среди крутых лесных склонов, где, следовательно, временно стремятся горные потоки, а местами и каскады,— там представляется полнейший хаос. Деревья вывороченны с корнями и в страшном беспорядке загромождают проход. Земля местами вынесена водой, местами выброшена в сторону к корням поддерживающих друг друга деревьев. Словом, лес ласкает взор только издали или на дне ущелий, где он чист, как парк. В таких местах видна тень от деревьев, среди которых расстилаются прелестные лужайки, дающие приют птичкам и бабочкам. Только в подобных уголках и заметно оживление природы. Глухих, непроницаемых мест, заваленных деревьями, избегают даже самые строгие звери — маралы. Эти последние и кабарга выбирают место отдыха на открытых выступах, осененных тенью одиночных деревьев. В недрах «темника», сколько раз я ни сидел и ни напрягал слух, ничего не мог заметить и наблюсти: глаз не видел, ухо не слышало...

Свидание с кукунорским ваном. Экскурсируя во владениях кукунорского вана и стоя бивуаком в его близком соседстве, я в день прихода на Цаган-гол направил к местному правителю своего забайкальца, заявить о нашем приходе и справиться о времени, в которое может ван принять мой визит. Последний в ответ прислал одного из своих приближенных, который, вручая ванский «хадак» [1], передал, что его начальник с удовольствием готов принять меня в какое угодно время. Располагая устроить з

[1] Небольшой шелковый шарф, играющий роль нашей визитной карточки.

этом месте только одну дневку, я на другой день отправился к вану, который принял меня замечательно ласково и внимательно. Свидание происходило в его обширной войлочной юрте. Слева подле вана сидели: молодая, весьма симпатичная супруга, восьмилетний наследник (красивый мальчик, от умершей первой жены) и два ближайших советника [1]. Челяди набралось много. Я занял обычное для гостей место. После всевозможных общих приветствий, ван перешел к расспросу о Цаган-хане, т. е. о Белом-царе и вообще о России. Затем его занимала цель русских путешественников. Зная, что база нашей экспедиции находится в Курлыке, местный правитель ужасно сожалел, отчего не у него. Продолжительное пребывание русских в Дуланките вану было очень желательно. «Сколько бы я почерпнул нового от русских, и сколько бы видел интересных вещей ваших мест,— говорил ван,— если бы вы жили подле меня. Курлыкский бэйле счастлив; я ему завидую! Если придется вам опять быть в наших местах, то уже не оставьте меня своим долгим пребыванием». От вана мы узнали, что в г. Синине лежал пакет, адресованный в нашу экспедицию, но что он не взял его для препровождения к нам потому, что в то время мы были в Тибете на пути к Сы-чуани. Где странствовали тогда наши письма — нам не было известно [2]. После обильного угощения я распрощался с любезным ваном, который преподнес мне на память китайскую чашку, жалованную ему, в свою очередь, от пекинского двора. При этом ван выражал сожаление моему скорому отъезду, почему он не может отдать визит и еще раз видеться с русским офицером. Вечером мы вернулись на свой бивуак и стали готовиться к выступлению.

Буря в лесу. Ночью поднялась буря; лес шумел ужасно, сильные порывы заставляли скрипеть деревья; отжившие великаны с шумом падали наземь. Наш вечерний костер до наступления бури горел отлично, резко освещая силуэты коней. Буря же начала метать пламя из стороны в сторону; сухие деревья громко трещали. Набежавший вихрь поднял вверх огненную струю и отбросил ее на лошадей. Испуганные животные сильно рванулись с коновязей и тревожно заржали. По счастью, имелся резиновый мешок, наполненный водою. Костер был потушен. Кругом стала ужасно мрачно. Буря продолжала свирепствовать до полуночи.

Прощание с лесом. 7 мая мы окончательно распрощались с лесами хребта Южно-кукунорского. Ранним утром вышли из-под сени хвойных деревьев. Несколько раз я останавливался и с сожалением любовался горами, убранными древесной растительностью.

[1] Из которых один был накануне у меня.

[2] Кстати, замечу о корреспонденции. Путешественнику по Центральной Азии редко приходится получать вести из своего отечества. Несколько чаще экспедиция может отправлять письма, знакомя с ходом своей деятельности. В настоящее трехлетнее путешествие всего получено экспедицией не более четырех-пяти небольших пакетов, причем последний после пятнадцатимесячного перерыва!.. Вообще надо сказать, что самое тяжелое нравственное лишение в путешествии для членов экспедиции — это неполучение писем.

Дальнейший путь лежал мимо хырмы Куку-бэйле, в хребет Сарлык-ула, где мы хотели поохотиться за тибетскими медведями. Чтобы не следовать пройденной местностью, я избрал более кружный путь горами. К северу тянется главная цепь, где красиво отливает зеленью лесной пояс. У его подножья, на отличной луговой растительности ютились монголы со своими стадами. К югу стоят отдельной группой второстепенные пониженные горы. Они несут мягкий характер и обращенный к нам склон был густо покрыт травами. В западном продолжении этой группы виднеются скалы, откуда долетело два-три звука большого улара. Пониже, на каменистых выступах сидели попарно турпаны; самцы гоняли друг друга. Вблизи проходящего каравана, при ясном теплом утре, неслись звуки полевого жаворонка. Этот певец, поднявшись в голубую высь, останавливается на одном месте и шлет свою песнь к земле, где скрыто держится его подруга. Окончив пение, птичка крутою или пологою дугою спускается вниз... Долина, по которой мы следовали, уходит к северо-западу, в одном направлении с главным хребтом, В это время русла, направляющиеся от гор к Сырхэ-голу, были сухи. На дне логов стелется курильский чай *(Potentilla fruticosa)*, который красиво раскрыл свои золотые цветы. Главная ветвь реки несла немного воды; притом вся влага разбиралась на арыки, питающие пашни кукубэйльских монголов. Спустившись по Сырхэ-голу, мы остановились к северо-западу от хырмы местного правителя.

Благодаря прозрачности воздуха, соседняя местность была ясно видима. На севере виднелся хребет Южно-кукунорский, на юге — цепь Сарлык-ула. Восточнее этих гор простирались северные удаленные ветви тибетской системы, или, правильнее, связь таковых с горами Южно-кукунорскими. Через означенное соединение в юго-восточном направлении тянется прямая дорога по перевалу Го, или Гогын-дабан, в Дабасун-гоби. Долина между северными и южными горами, замыкающаяся к востоку в 20 верстах, идет, постепенно расширяясь, к западу в Курлык. В низменной части ее сохранились следы одного обширного озера, где в настоящее время находятся остатки его — Дулан-нор и Сырхэ-нор. Последнее значительно обширнее и в своей западной части окружено болотами, с отличными родниками. По таким местам кочуют монголы [1]. Означенная солончаковая впадина граничит с щебне-галечной, покатой от гор равниной.

Хребет Сарлык-ула. Сделав два перехода по описанной долине и пересекши ее западнее Сырхэ-нора, мы вступили в горы Сарлык-ула. Общая характеристика этих гор такова: круты, скалисты и пустынны. Этот хребет, как говорено выше, тянется от запада к востоку с легким отклонением на юг. Простираясь в длину до 100 верст, он занимает в ширину около 10 верст; и только в средней своей части, где мы его пересекли по песчаному

[1] Лучший охотник и знаток местности из этих монголов был взят в качестве проводника в Сарлык-ула.

перевалу, расплывается на 15 верст. Гребень хребта идет правильной пилой, более возвышенные зубцы которой приходятся в середине. Оба склона круты, притом южный значительно короче северного. В пересеченной нами части хребта при вершине залегает известняк (розово-бурый, плотный, кремнистый); значительно ниже по северному склону — песчаник (мелкозернистый), и наконец, у восточной окраины — гранит (роговообманково-хлоритовый, крупнозернистый). Растительная жизнь всего больше сосредоточивается по ущельям верхнего пояса гор, и лишь восточнее перевала Елистен-дабан, в более широкой части хребта, богаче средний и нижний поясы южного склона. Воды вообще весьма мало: родники редки, каменистые русла речек были сухи. Фауна описываемых гор близко подходит своими видами к фауне покинутого хребта на севере. Соседние монголы, хотя и кочуют в ущельях северного и чаще в междугорной долине южного склонов описываемого хребта, но заходят в него неохотно, потому что всякий раз оставляют много погибшего от падежа скота.

Ущелье, по которому мы двигались к перевалу хребта, было особенно извилисто и каменисто. Через 8 верст горного пути мы достигли ручья Елистен-куку-булак, где с удовольствием разбили свой бивуак. Упомянутый ручей получает начало близ гребня хребта и течет только три версты. На всем означенном протяжении берега его покрыты кустарной и травянистой растительностью. Богатым уголком в этом отношении были истоки ручья, где мы пополнили свой гербарий 15 видами цветущих растений; кроме того, здесь было, вероятно, столько же видов, готовых в скором времени расцвесть. У истоков этого ручья находится нижняя граница древовидного можжевельника, который достигает больших размеров, но лепится по крутизнам редким лесом. К его верхней области примешивается кустарник, покрывающий лога альп, за которыми следуют скалы и россыпи гребня. В полдень на ручей прилетали мелкие птички; многие оставались до вечера кормиться в кустах. Дрозды и краснохвостки ютились по ветвям арчи, осенявшей нашу палатку. По временам залетала пеночка и, будучи совершенно скрыта хвоей, звонко трещала.

Проведя более суток на ручье, откуда был предпринят ряд безуспешных экскурсий за зверями, мы 12 мая поднялись на перевал Елистен-дабан [1]. Он отстоит от истока ручья к юго-западу в трех верстах. Подъем на вершину гребня ужасно утомительный. Абсолютная высота перевала около 13 470 футов. Соседние вершины поднимаются вверх еще на 500—1000 футов. Гребень гор богат конгломератом, который лежит на известняке. С юга присыпан песок, переползающий на обратный склон. Вид с перевала был закрыт пыльной дымкой, которая более густо висела над песками. С ближайших скал раздавались голоса больших уларов; там же молчаливо перелетали вьюрки (*Montifringilla alpicola*).

---

[1] Песочный.

Спустившись с перевала, мы направились в междугорную долину, уходящую к востоко-юго-востоку. Туда нас вел проводник-охотник с целью доставить в медвежий угол. Через семь верст движения по отличной луговой местности разъезд остановился бивуаком. К югу вблизи отвесно ниспадали бока передовой ограды; у ее подножья имелось немного воды. За отсутствием кочевников эти водоемы посещаются зверями. На севере высится скалистый гребень хребта, с которого простираются сухие каменистые русла. Главное из них, Кундон-гол, доносит дождевые воды до урочища Долон-тургын. К востоку от нашей стоянки лежал второстепенный перевал Ихэ-дабан, который временно преграждает пастбищную долину. Поднимаясь более 12 400 футов над уровнем моря, он несет мягкий луговой характер. С его вершины открывается вид на урочище Улдуху. В наше пребывание здесь не оказалось желанных медведей. Напрасно мы тщательно осматривали все пади и ущелья, находившиеся на пути; напрасно при каждом сомнении прибегали к биноклю — медведей нигде не замечали. Немало было потрачено времени на охоты, но все они были неудачны. Правда, добытый на этом месте большой улар (*Megaloperdix Koslowi*) указал на значительное свое географическое распространение и тем самым искупил неудачу экскурсий на медведей. Проследив эту интересную птицу за меридиан Дулан-кита в Южно-кукунорском хребте, мы нашли ее и в горах Карагайнын-гола (окрайний Тибет) и наконец в этой отдельно стоящей группе.

Отпустив проводника-охотника, мы отсюда повернули к западу в Курлык. Миновав луговую долину и заваленное песком ущелье, мы направились к юго-западу, где тянулась от гор пересеченная местность. В первый день разъезд остановился у истоков реки Дунгынен-гола, а в следующий затем уже достиг урочища Дзухын-сала, где сомкнулся наш маршрут.

Снова Дзухын-гол. Богатый данник Дзухын-гола, вблизи которого пролегает дорога, берет начало в глубоком, узком коридоре песчаников и красных глин. Выбегая из земли ключами, Дунгынен-гол вначале вьется затейливыми извилинами, тонким ручейком, далее же, на пути обогащаясь водою, вступает в главную ветвь порядочной речкой. В этом знакомом урочище мы остановились на прежнем месте. Теперь оно показалось еще отраднее, нежели месяц тому назад, когда мы двигались в передний путь.

Незадолго до прихода в Дзухын-сала караван пересек совершенно свежий след медведя. Не теряя времени, я тотчас же, по установке бивуака, направился с урядником Жарким за зверем, но напрасно: «мишка» успел забрести в передовые отпрыски гор и в их лабиринте скрылся от нашего преследования.

Утром мы выступили в путь. Погода стояла отличная. Кругом летали стрижи, звучно рассекая воздух своими крыльями. Серый волк вышел на дорогу и зорко, украдкою, следит по сторонам. Еще ниже по дороге и мимо каравана пронеслась вереница легких харасульт. Время шло незаметно в наблюдениях животной жизни. Мы прибыли в урочище Дзухын. Там обита-

ли кочевники-монголы. Составляя смешанную группу в 30 юрт, эти номады слывут под названием ван-хайских. Лето проводят всегда вместе в этой долине; на зиму же расходятся по разным местам: одни в Цайдам, другие в Курлык, некоторые в Дулан-кит и пр. Бивуак наш стоял на том же месте, где и прежде. Тогда кругом отовсюду раздавались голоса пернатых, пользовавшихся полной свободой. По утрам и вечерам часто проносились вверх и вниз по долине гуси, утки, журавли. Теперь эти птицы держатся на оз. Амцын-нор и соседних ему болотах.

Путь до Курлыка. Отсюда нам опять предстояло движение по пустыне к Баин-голу. Как и всегда в подобных случаях, запаслись водою, покормили животных и в полдень направились в путь. В воздухе было жарко; кругом жужжали комары, мошки, не дававшие покоя животным. Поднявшись на гребень западного увала, мы ясно увидели нижележавшие долины. Голубая поверхность Амцын-нора блестела восхитительно. Курлыкские горы видны были отлично. Мрачная, крутая стена Сарлык-ула также; далеко на юге выделялся, хотя и не так ясно, могучий хребет Бурхан-Будда. Пустыня давала себя чувствовать: высоко стоявшее солнце жгло немилосердно. Лишь изредка набежит кучевое облако, покроет временно тенью, и пронесшийся ветерок побалует прохладой, затем вновь томительный зной. Могильная тишина царит в пустыне: за весь переход не слышно ни одного звука. Только пустынные джепраки рисовались на вершинах гребней или быстро мчались мимо каравана. С вечерней зарей разбили бивуак в широко расстилавшейся равнине. Быстро сварился чай; еще быстрее окончилась легкая трапеза. Через полчаса уже люди уснули крепким сном. Усталые животные полегли. Великолепен был вечер в пустыне. Молодая луна и тысячи ярких звезд унизывали темно-голубой свод неба.

Пройдя в первый переход большую часть пустыни, мы на следующий день к 10 часам утра уже стояли бивуаком в долине Баин-гола. Картина последнего изменилась к лучшему: чистые воды его неслись плавно, будучи окаймлены яркой зеленью низменных террас. Номадов со стадами было значительно больше. От них мы узнали, что экспедиция перенесла свой лагерь к р. Баин-голу [1]. Поэтому мы последний переход двигались правым берегом этой реки. Здесь экспедиция следовала ранней весной при возвращении из Тибета, когда путь был утомительный по причине распустившихся болот. Теперь же земная поверхность была суха и во многих местах отливала мягкой зеленью. Повсюду теснились монгольские стойбища и бродил их скот, среди которого доверчиво паслись стада диких гусей. Некоторые пары уже успели обзавестись молодым поколением, зорко оберегая его от назойливых хищников. Вскоре показались и белые палатки нашей экспедиции. Отрадно забилось сердце при виде товарищей, которые дружески нас приветствовали.

[1] Баин в переводе — «богатый».

Заметки о погоде. Теперь несколько слов о погоде за истекший (с 15 апреля по 18 мая) период времени.

Маршрут разъезда охватил места наполовину равнинные, наполовину горные. Первые приподняты на 9500 футов над уровнем моря; вторые — до 13 000 и более футов. В общем, в равнине, разумеется, теплее, в горах прохладнее.

Погода в последней половине апреля стояла облачная; ветры дули почти ежедневно с запада, с более частым отклонением к югу, нежели к северу. Воздух был наполнен лёссовой пылью, сокращавшею горизонт. Дважды выпадали атмосферные осадки, на равнине в виде дождя, а в горах — снега. Последний, обыкновенно, исчезал быстро — даже с вершин гребней. Вслед за выпадением влаги наступала довольно ясная погода, воздух становился прозрачен. Такое состояние продолжалось весьма недолго — сутки. Вследствие крайней сухости атмосферы воздух вновь наполнялся пылью, поднимаемой ветрами. Днем, около полудня, всегда бегали по равнине высокие кружащиеся вихри. Ночные морозы достигали — 11,0° С, тогда как днем было, по большей части, очень тепло: температура в 1 час дня поднималась до +25,4° С (21 апреля) и +30,2° С (28 апреля).

Первая половина мая уже отличалась лучшей погодой. В общем, дни стояли довольно ясные; слабые переменные ветры дули после полудня, да и то не всегда; к вечеру стихало совершенно. Ночи, за весьма немногими исключениями, были также ясные и тихие. Небесный свод был чист и звезды светили особенно ярко. Термометр ночью опускался до точки замерзания, но в 1 час дня нередко поднимался выше +30,0° С. Дождя, если не считать мелких капель, подавших во время порывистых ветров, не было вовсе. Лишь по прибытии в Курлык — 20 мая — дождь шел полные сутки и сильно смочил землю.

Глава десятая

СЛЕДОВАНИЕ К РОДНЫМ ПРЕДЕЛАМ

(От Курлыка до Зайсана)

От Курлыка до Са-чжоу. После вторичного двухмесячного пребывания в Курлыке, экспедиция 1 июня направилась к западо-северо-западу, держась южной окраины Нань-шаня. Миновав соленые озера Бага-Цайдамин-нор и Ихэ-Цайдамин-нор [1] и устроив двухнедельную стоянку на лич-

[1] Бага — малое; ихэ — большое.

шем пастбище Бомын-гола, караван последовал дальше. Достигнув высокого Сыртына и выждав в прохладном месте период крайней жары в Са-чжоу-хамийской пустыне, экспедиция в конце июля оставила Нань-шань, спустившись в знакомый оазис Са-чжоу. Более года прошло с тех пор, как мы его покинули; теперь снова приходилось увеличивать багаж, следуя к родным пределам. Свой бивуак мы разбили на прежнем месте — севернее города, на правом берегу Дань-хэ. С китайскими властями встретились радушно и получили от них свои коллекции в полной исправности.

Оазис Са-чжоу в это время казался наряднее: серый, грустный колорит сменился мягкою, ласкавшею глаз путника зеленью, пышная растительность скрывала жалкие постройки китайцев. Пернатые обитатели находили себе прекрасный приют в чаще зарослей, и охота за ними далеко не вознаграждалась успехом. Погода стояла ясная, но в воздухе висела пыльная дымка и солнце жгло немилосердно, в особенности около полудня, когда все погружалось в молчание. Только по утрам и вечерам дышалось свободнее и кругом раздавались звуки живых существ.

Грозные дунгане. Китайцы энергично убирали хлеб и обмолоченные зерна свозили в город-крепость. Ветхие стены с бойницами ремонтировались; боевые принадлежности приводились в порядок; амбань и офицеры составляли план обороны от надвигавшихся с востока инсургентов. Везде китайцы только и говорили о дунганах, прошлый, ужасный погром которых еще свеж в памяти многих сынов Небесной империи. Горные номады официально уже не допускались в оазис; свои торговые операции они вели тайком от начальства. Китайские чиновники совершенно откровенно говорили нам, что они очень трусят воинственных магометан, и убедительно просили у нас советов в ведении обороны.

Са-чжоу-хамийская пустыня. 6 августа мы покинули Са-чжоу. Напрасно оглядывались назад, хорошо знакомый соседний Нань-шань не открывался взору... Теперь нам предстояло перейти через Хамийскую пустыню. Откормленные караванные животные подавали большую надежду на успешное движение. Радостно мы посматривали на своих испытанных гигантов, которые уже не один раз выручали экспедицию в ее тяжелых предприятиях.

Река Сулей-хэ, в долину которой мы вступили на другой день, широко разливалась от дождевых вод Нань-шаня. Разыскивая брод и ожидая спадение воды, мы потратили лишний день в этих местах. Как ни бедна сама по себе означенная долина, а все-таки среди мертвой пустыни и она кажется приветлвой. Ее зеленые камыши далеко виднеются по сторонам и ласкают взор путника. Над отрадным фоном растительности порою проносятся плавающие и голенастые пернатые. Красивее прочих выделяются белые цапли, матовая белизна которых гармонирует с волнующимся камышом.

Благополучно переправившись через Сулей-хэ, экспедиция быстро подвигалась вперед. Вставали мы очень рано и вместе с зарей покидали свой

ночлег. Пройдя около 20 верст, караван останавливался, устраивался часовой привал. В это время наскоро пили чай и съедали по чашке дзамбы [1]; вьючные животные лежали под вьюками. Затем снова в путь до бедного ключика, где караван располагался на ночлег. Почти на всем пустынном пути от Са-чжоу до Хами встречаются лишь горьковато-соленые воды, которые охотно пьют только «корабли пустыни». При таких ключах имеется и подходящая растительность. Опытом дознано, что и людям и животным гораздо легче осилить трудности путешествий по пустыне в возможно меньший срок; но зато в первом хорошем месте необходим отдых на несколько дней для восстановления потраченных сил. Такой ситемы мы вседа придерживались в подобных случаях.

В южной части Хамийской пустыни путешественник, следуя к северу, встречает на пути горы Бей-сянь, о которых первые сведения находим у Н. М. Пржевальского. Эти невысокие горы, протянувшиеся двумя кряжами, разделены широкою долиной. На своих окраинах Бей-сянь имеет более правильные и более возвышенные гряды, нежели в средине общего вздутия, где он состоит из ряда больших и малых холмов. Проходя в лабиринте последних, мы встретили небольшое стадо диких верблюдов. Осторожные звери были испуганы караванными собаками, которые, кстати сказать, почти всегда служили помехой в наших охотах.

Спускаясь с гор Бей-сяня и следуя к станции Куфи, мы любовались отличным видом на крайний Тянь-шань [2]. Могучие снеговые шапки Карлык-тага, сквозь тонкую пыльную мглу, висевшую в воздухе, напоминали облака. Со станции же Цан-люфи, где выпал порядочный дождь, Хамийские горы * предстали дивно нарядными. В прозрачной атмосфере венцы Небесных гор блестели величественно. Снеговые поля сплошной пеленой окутывали главные вершины. От линии вечного снега сбегал темный, словно выжженный скат гор, испещренный узкими, глубокими ущельями. Казалось, до этих привлекавших взор снеговых венцов было не более 5—7 верст расстояния, а на самом деле раз в десять больше.

Бивуак в Бугасе. 18 августа экспедиция прибыла в Хамийский оазис и расположилась бивуаком на его юго-западной окраине. Отличнейшее, привольное местечко, с хорошим кормом для животных и добродушными туземцами, приютило экспедицию без малого на месяц. Такие продолжительная остановка была очень полезна. Караванные животные поправились настолько, что мы затем смело могли направиться по дикой пустыне к Люкчюну. Больной В. И. Роборовский отдохнул, а я мог совершить поездку к восточной оконечности Тянь-шаня.

---

[1] Мука из поджаренной пшеницы — род толокна.

[2] Точно так же с южной окраины Бей-сяня, через Булунцзирскую (Сулей-хэ) впадину видны громады Нянь-шаня.

* Под названием «Хамийские горы» автор понимает самую восточную часть Китайского Тянь-Шаня — горы Курлык-таг и Баркуль-таг.

Поездка в Хами. Стоя бивуаком вблизи большого административного пункта, необходимо было повидаться с местными чиновниками, чтобы гарантировать себя от всяких случайностей. Для этой цели наскоро снарядившись в разъезд, мы в числе четырех человек направились в г. Хами. На этот раз со мною следовали В. Ф. Ладыгин и два старших урядника, Баинов и Жаркой. Ладыгин и Жаркой, по окончании дел в Хами, должны были вернуться обратно на главный бивуак.

Свидание с властями. В г. Хами мы остановились в довольно грязной гостинице, и в самый день приезда успели побывать с визитом у местных властей. И китайский амбань и ван, заведующий мусульманами, встретили нас особенно радушно. Оба много расспрашивали о нашем далеком странствовании. К встрече дунган здесь также готовились усиленно, а потому на первых порах интересовались узнать, что нам известно об их действиях. Здесь же мы почерпнули более или менее достоверные сведения о японо-китайской войне. Китайский амбань не скрывал неудач своих соотечественников и с гордостью заявил, «что если бы Россия не протянула руку помощи Богдохану, то китайцам было бы плохо. Теперь русские и китайцы стали еще бо́льшими друзьями»,— говорил тот же амбань, приехав на другой день ко мне с ответным визитом. На мое желание съездить в горы местные власти выразили полное согласие и впервые добросовестно поторопились своими распоряжениями. Лично мне дали из управления хорошего небольшого чиновника и снабдили бумагами.

Хами, или Комул,— стратегический пункт: схождение северной и южной дорог, ведущих из Чжунгарии и Восточного Туркестана в Собственный Китай. Будучи не один раз разрушаем, Хами, занимая выгодное положение, снова восставал из груды развалин. Еще и теперь видны следы последнего дунганского разгрома, невольно увеличивающие ужас при одной только мысли о появлении инсургентов. Город делится на две части: китайскую и мусульманскую; та и другая обнесены стенами. Население города составляют: чанту, китайцы и дунгане, последних насчитывают около 300 семейств. Войска прибывали эшелонами из Урумчи и других городов.

Проведя сутки внутри города, где все время нас осаждала толпа зрителей, я с урядником Баиновым и местным чиновником направились в путь. Вьючными животными нам служили два верблюда, верховыми — три лошади. На северо-восточной окраине оазиса мы свободно поместились своим маленьким бивуаком. Теперь можно было привольнее вздохнуть и в виду снеговых вершин Тянь-шаня обстоятельнее выяснить маршрут своей поездки.

Горы Карлык-таг. Восточная оконечность Тянь-шаня, пересекаемая Хамийско-Баркульской дорогой по перевалу Кошеты-дабан, простирается с северо-запада на юго-восток. Занимая около 150 верст по длине, эта часть гор в середине поднимается за линию вечного снега. Могучие сне-

говые горы тянутся на 50 верст; проходов между ними не существует. У туземцев эта часть хребта известна под именем Карлык-тага, т. е. снегового хребта. Оба склона означенных гор весьма круты; общая ширина их около 40 верст. На северном склоне граница вечного снега, измеренная на урочище Яшиль-куль, оказалась на высоте более 12 500 футов над уровнем моря. Снеговые поля — замечательной белизны. Посещенный ледник обставлен остроконечными вершинами, которые, вероятно, имеют свыше 15 500 футов абсолютной высоты. Крутизна ледника ужасная; нижний край его падает вертикально, на нем виднелись каскады. От снеговой части хребта, стоящей как бы изолированно, выходит несколько ущелий. Ледниковые потоки северного склона при выходе из главных гор соединяются в одно значительное ложе. Прозрачные воды Карлык-тага катятся в глубокой балке, образуя р. Ар-Тугюрюк. Прорвав горы Мэчин-ола, эта река стремительно несется к северу и, пробежав 30 верст по открытой равнине, исчезает в оазисе Номе. Точно так же воды южного склона описываемых гор, собравшись в Нарынское ущелье, питают Хамийский оазис. От восточной снеговой вершины хребет Карлык-таг расплывается полудугой лучами. На меридиане Бая Тянь-шань оканчивается пустынной, узкой и низкой грядой, но немного восточнее из ряда невысоких скалистых кряжей поднимается группа Эмир-таг. От этой, крайней на востоке, командующей группы уже простирается волнистая и каменистая пустыня, уходящая за горизонт.

Геологическое строение описываемых гор, по пройденному мною пути, таково: гребень главного хребта состоит из гранита (роговообманковый); северный склон на восточной окраине богат порфиритовым туфом и кварцевым сланцем, тогда как на западной — песчаником (известково-глинистый); южный же склон главным образом обнаруживает сланец (кремнисто-глинистый).

Только северный склон Тянь-шаня покрыт растительностью и притом богатой. Особенно прекрасный вид на лесную зону представляется со стороны Баркульской равнины. Густой смешанный лес уходит к востоку до Карлык-тага, миновав который, снова покрывает последние лощины гор в окрестностях селений Тал и Шополы. Верхняя граница лесной зоны лежит на высоте 9350 футов, выше следуют альпы. Лес составляют: сибирская лиственница (*Larix sibirica*) и ель (*Abies Schrenkiana*); в долинах, кроме того,— тополь, или, как называют туземцы, ак-дарак.

Кустарники: жимолость (*Lonicera microphylla, L. Sieversiana, L. hispida*), желтоцветный шиповник (*Rosa pimpinellifolia*), таволга (*Spiraea hypericifolia*), лоза (*Salix* sp.), реже крыжовник (*Ribes aciculare*) и черная смородина (*Ribes nigrum*), кроме того, в лесах растут: рябина (*Sorbus aucuparia*), шомпольник (*Cotoneaster vulgaris*), вьюнец (*Atragenaalpina* var. *sibirica*), *обыкновенный* можжевельник (*Juniperus communis*) и на открытых площадях можжевельник казачий (*Juniperus Sabina*). Травянистая флора весьма разнооб-

разна; украшением лесных лужаек служат: желтый касатик (*Iris Bloudowi*), голубой прострел (*Pulsatilla vulgaris*), мелкая голубая фиалка (*Viola sylvestris* var. *rupestris*) и незабудка (*Myosotis* sp.); на влажных местах — первоцвет (*Primula sibirica*), водосбор (*Aquilegia sibirica*), желтоголовник (*Trollius asiaticus*), анемон (*Anemone sylvestris*) и пионы (*Paeonia anomala*); в альпийской области добавляются: лютик (*Ranunculus affinis*), тюльпан (*Tulipa uniflora*), голубой прострел (*Pulsatilla vulgaris*) и многие другие.

Южный склон Тянь-шаня выжжен горячими лучами южного солнца. Здесь растительность ютится, вместе с человеком, по дну высоких ущелий, где путнику открываются очаровательные картины. Растительная жизнь этих ущелий составляет резкий контраст с соседними горами, на которых спорадически встречаются только пустынные растительные формы.

Животная жизнь в описываемых горах беднее, нежели вообще в Тянь-шане. Здесь уже не встречаются медведи, косули; марал очень редок. К более обыкновенным представителям животного царства можно отнести аргали (*Ovis Polii*), тэкэ (*Capra sibirca*), волка, лисицу и пищуху (*Lagomys rutilus*). Из птиц, не замеченных раньше в Тянь-шане, нами здесь добыты: сибирский поползень (*Sitta europea amurensis*) синица (*Periparus rufipectus*). Общий же список орнитологической фауны Тянь-шаня применим и к описываемой части этой системы.

Теперь остается сказать несколько слов о народе, населяющем рассматриваемые горы. Хамийские чанту, или тагчи, как их называют в горах, здесь живут постоянно. Общая численность горных чанту — около 500 семейств, разбросанных в лучших местах. Ими управляют местные беки и другие мусульманские чиновники. Занимаясь скотоводством и в то же время земледелием, тагчи представляют собою полуномадов. В горных ущельях до 7 800 футов над уровнем моря ютятся их селения, состоящие из одного или нескольких десятков глинобитных домов. Около селений находятся пашни, где сеют голосемянный ячмень и пшеницу; в устьях ущелий встречается лен. К обработке полей приступают в апреле; в августе снимают жатву. По мере развития растительности в горах, тагчи поднимаются вверх со своими стадами. Селения оставляют пустыми, если не считать нескольких человек, наблюдающих за полями. Все горные обитатели имеют хорошие юрты и располагают их в красивых местах, более или менее сосредоточенно. Места для походных жилищ всегда выравниваются, очищаются; словом, тагчи живут довольно опрятно. Внутренность юрты очень часто представляет хорошенькое помещение: пол застлан чистыми войлоками и коврами. Сами тагчи одеваются также прилично, в особенности сидящие дома женщины. Ведя полукочевую жизнь и сталкиваясь с монголами, приходящими с севера, многие тагчи усвоили себе некоторые обычаи этих кочевников, заимствовали у них сбрую и внесли в свою речь немало чужих слов.

Благодаря отличным пастбищам, скотоводство у них процветает. Они держат многочисленные стада баранов, порядочные табуны лошадей, значительно меньше разводят рогатого скота; ишаков содержат только для езды в город. Домашний як встречается как редкость. Подле юрт кричат и копаются в пыли куры; в их соседстве лежат большие собаки, чаще, впрочем, сопровождающие стада скота на пастбищах.

Такова, в общих чертах, характеристика крайнего Тянь-шаня.

В области крайнего Тянь-шаня. Теперь приступим к рассказу о путешествии. 22 августа, оставив Хамийский оазис, мы направились к горам. Тотчас за оазисом залегает пустынная равнина, покрытая мелкой галькой. По мере приближения к горам кое-где встречался низкорослый кустарник, и в нем паслись робкие газели. Держа курс к северо-востоку и следуя вблизи р. Едир-гола, мы через 20 с лишком верст достигли южных предгорий Тянь-шаня. Отдохнув в сел. Кара-капчин, разъезд в тот же день поднялся вверх еще столько же. С трудом переваливая боковые каменистые отроги, за невозможностью двигаться по ущелью реки, нам было приятно вступить в отрадный уголок селения Едир. Оно как бы спрятано на дне глубокого ущелья. Дома тонули в зелени. Созревшие хлеба на полях золотисто блестели и красиво волновались на ветру. В гущине садов пели птички; на журчащих ручейках резвились бабочки. Здесь нас, видимо, ожидали, так как на окраине селения мы были встречены туземцами с букетами цветов и поместились в доме местного старшины.

На другой день, оставив р. Едир-гол [1], отошедшую к востоку, наш маленький караван направился к перевалу. Узкое, извилистое каменистое ущелье падало круто. Изредка на нем залегали лужайки и тихо журчал ручеек. На таких местах были заметны следы пастухов, не знавших иного крова, как нависшие скалы или пещеры. Еще выше в альпах, где пастухи проводят лучшую часть лета, на склонах грив, обращенных к северу, показались площади хвойного леса. Перевал Хамыр, или Тэмырты-дабан, поднимается до 10 610 футов над уровнем моря. Представляя плоскую луговую вершину, он долго бывает покрыт снегом. К востоку с общим поднятием местности увеличивалась и толща снега. Оттуда подувал холодный ветер. На севере тянулась следующая цепь гор. Между ними темнело глубокое ущелье от западных снегов Карлык-тага. Описывая вверху крутую дугу и приняв второстепенные ущелья, оно направляется к юго-западу. Спускаться с перевала было гораздо труднее, нежели подниматься. Северный склон гор очень крут, и на нем лежал снег, особенно замедлявший движение в лесу по скользким тропинкам. К вечеру мы прибыли в сел. Тэмырты и расположились под густой сенью высоких тополей.

Селение Тэмырты. Означенное селение приютилось в глубоком тесном ущелье, при слиянии двух речек. Абсолютная высота его около

[1] Она берет начало из юго-западных снеговых вершин Карлык-тага.

7800 футов. Прозрачные воды р. Чон-гола шумно бурлили по каменистому крутому ложу. Судя по обмытым утесам, в период дождей вода поднимается до двух сажен над осенним уровнем. Грозно бушует тогда, как говорят туземцы, горный поток: его пенистые, мутные волны срывают на пути большие деревья, по дну грохочут валуны и дрожат береговые террасы. Описываемая река одного общего названия не имеет, но известна у тагчи под именами селений, которые раскинуты в ее долине. Место нашей стоянки было замечательно красиво. Хвойный лес сползал вниз по северным склонам, по дну темнели высокие мешаные рощи. Монотонный шум реки и журчанье ручьев слышали повсюду. Там и сям открывались отличные луговые площади. Высоко по скалам гор паслись большие стада баранов, а внизу по ковру цветов порхали бабочки. Для большего ознакомления с местностью и сбора коллекций мы устроили дневку. Соседи-туземцы являлись с поклоном и предложением услуг. Словом, мы себя чувствовали хорошо, благодаря спутнику-чиновнику и добросовестному предписанию городских властей.

Днем в тени было очень тепло, а на солнце даже жарко. Воздух тих и прозрачен. Небо было ярко-синее; по его красивому фону резкими и слабыми точками носились грифы. Ночи отличались свежестью.

Наутро с зарей мы стали подниматься к следующему перевалу, продолжая держать прежний северо-восточный курс. Подъем хотя и крутой, но прекрасно разделан; камней сравнительно мало. Абсолютная высота Бэлюдабана 11 260 футов. Здесь уже осень предъявляла свои права: растительность отливала золотым колоритом, полевые цветы осыпались, цветы склонили свои головки. Означенный перевал, как и пройденный, представляет плоскую луговую вершину. На нем лежал еще толстый слой снега, в котором торчали вехи для обозначения пути. Источники были скованы льдом. Вид с перевала обширный: на юге виден был главный хребет Тянь-шаня, Карлык-таг, отделяющий к северо-западу на 50 верст отрог, на котором мы находились, к северу вдали не совсем ясно обрисовывались пустынные горы Мэчин-ола, вблизи — на дне долины — виднелись воды озера Тур-куля, куда мы и направились, измерив высоту перевала. Спуск с последнего был очень крут. Двигаясь по змееобразной тропинке, мы вспугивали больших бабочек — аполлонов. К полдню наш маленький бивуак уже стоял на топких берегах помянутого озера.

Озеро Тур-куль. Оз. Тур, или правильнее Туз-куль [1], лежит на высоте около 6 200 футов над уровнем моря и содержит соленую воду. Простираясь до 10 верст в длину и до трех в ширину, оно тянется, согласно общему направлению гор, с северо-запада на юго-восток. Вода прозрачная. Цвет водной поверхности меняется в зависимости от освещения. Озеро не замерзает всю зиму. Глубина его, как говорят туземцы, изрядная. Низменные берега, в особенности восточный, поросли низкорослым тальником и

[1] Говорят Тур-куль, но понимается как Туз-куль.

густыми травами. Здесь при ключевых источниках живут чанту в юртах, как номады. Туземцы нас встретили приветливо. Старшине сдали своих усталых лошадей, которые после горных каменистых дорог, охотно вступили в луговое пространство. Неизменные верблюды шли молодцами. Отсюда мы уже совершали свой путь на новых верховых животных, сменяемых на каждом ночлеге. Точно так же ежедневно менялись и проводники.

Первый очень большой переход от Тур-куля нас привел в селение Адак. Пройденные горы Мэчин-ола залегают на нашем пути тремя грядами. Они состоят из сланца (метаморфический хлоритово-тальковый), диорита (среднезернистый), розоватого аплита (средняя гряда) и глинистого сланца (северная и южная). Между ними залегают долины, покрытые редким пустынным кустарником. Животная жизнь их точно так же отличалась пустынными формами; из зверей попадались антилопа (*Gazella subgutturosa*) и заяц (*Lepus tolai*), а из птиц замечены были только саксаульная сойка (*Podoces Hendersoni*) и соловый чекан (*Saxicola isabellina*).

Пышный Адак. Селение Адак расположено в живописном ущелье реки Ар-Тугюрюка, где эта река прорывает северную гряду Мэчин-ола. Пышная растительность покрывает его дно, обрамленное голыми утесами. Небольшие фанзы туземцев совершенно скрыты густой листвой садовых деревьев. В воздухе не смолкало жужжание насекомых. Словом, полный контраст с покинутой пустыней.

В Адаке мы были приветливо встречены молодым муллой. По установке же бивуака к нам собралось все население и с любопытством смотрело на нас до поздних сумерек. Толпа держала себя крайне вежливо, многие прислуживали у нашего очага и наивно заявляли, что подобных людей никогда не видели.

Пребывание в Номе. Еще один переход вниз по р. Ар-Тугюрюку и мы в оазисе Номе — северном пределе нашей экскурсии и самой низкой точке пути, лежащей на 1430 футов над морем. Описываемый оазис простирается с северо-запада на юго-восток, занимая в этом направлении до 50 верст. Обитатели его размещены в средней части по двум арыкам. В летний период воды здесь довольно; около 50 домов чанту орошают свои поля привольно. Здесь сеют ячмень, пшеницу, просо; ближе к домам расположены бахчи с дынями и арбузами. В садах успешно разводят абрикосы, подле домов красуются цветники. Вне селения культурная полоса покрыта тополем, тамариском; из трав более характерными являются камыш, солянки и касатик. Число жителей оазиса обусловливается количеством воды, доставляемой ему рекой, разведенной на арыки. Свободные от культуры места служат пастбищами для скота, в особенности для многочисленных стад баранов; верблюдов здесь также порядочно.

В оазисе Номе мы встретили около 10 юрт монголов. Номады пришли с севера; все кочевники очень бедны и служат пастухами у чанту; по временам, однако, сюда являются из Алтая и люди с достатком, ведущие ме-

новую торговлю. Местные номады легко объясняются с чанту на их наречии; точно так же многие мусульмане свободно говорят по-монгольски.

К северу и востоку далеко простирается каменистая пустыня. Вначале она представляет волнообразную поверхность, уходящую до горизонта, который ограничивают порядочные горы. Расстояние до них определяют в 3—4 дня пути. В горах, расположенных к северу, кочует хошун монголов, подведомственных Мазасыгин-хоту. Хребет же Ингиз-ола, отстоящий к востоко-юго-востоку от Нома, необитаем: туда пробираются лишь охотники за дикими верблюдами.

В оазисе Номе для большего ознакомления с местностью мы провели лишний день. Местные жители устроили по случаю нашего прихода праздник, на котором присутствовало вечером всё население. На празднике были и монголы. Вообще номады, живя среди пустыни, в стороне от больших дорог, рады появлению нового человека, в особенности русского — столь редкого гостя в этих местах [1].

Обратное следование. Незаметно мелькнули два дня, проведенные в Номе. С зарею третьего мы уже были готовы к выступлению в путь. Стаи пролетных уток направлялись к югу. На льдах крайнего Тянь-шаня играли серебристые лучи, как бриллианты в диадеме. Теперь мы уже двигались обратно к горам знакомой дорогой. Каменистый подъем казался еще труднее. Солнце после полудня стало сильно жечь, но караван уже вступил под сень Адака, где нас встретил знакомый мулла. Зайдя в его прекрасный сад и отведав приготовленного для нас угощения, мы направились к прежнему местечку и там расположили свой бивуак. Красивый уголок — селение Адак. Опять глаз приятно отдыхал на мягкой зелени оазиса и любовался блеском могучих льдов Небесных гор.

Оставив Адак и следуя на юго-восток, мы в один день достигли селения Бая. На этом пустынном переходе мы покинули горы Мэчин-ола, немного не достигающие оазиса Бая. Они теряются в пустыне и нигде на всем нашем пути не имеют прочной связи с Тянь-шанем. Селение Бай — около 70 домов — расположено на ключевых водах. Оно вытянулось с юго-запада на северо-восток вдоль каменистого русла. Вблизи южной окраины оазиса находится глинобитное укрепление Калмак-шари, принадлежавшее монголам. После упорной борьбы с мусульманами, как говорит предание, номады бежали. На востоко-юго-востоке видны скалистые пустынные горы Эмир-таг.

Познакомившись с Баем, мы направились к юго-западу по пустынной, круто падающей от южных гор равнине. На пути пересекли вьючную дорогу, ведущую из Су-чжоу в Баркуль. По направлению к последнему открывалась обширная долина. Вскоре затем мы вступили в предгорье. Устроив временный привал при урочище Могой, мы, держа прежний курс, довольно поздно прибыли в местность Шополы. Означенное урочище уже расположе-

[1] Сюда хамийский ван высылает преступников на исправление

но на южном склоне пониженного Тянь-шаня. Здесь проживают обитатели сел. Тала до уборки хлебов. Отсюда мы снова повернули к северу, пересекли три значительных отрога и следовали по превосходным пастбищам. С перевалов видна была на северных склонах гор лиственница, красиво отливавшая издали золотой хвоей. Выше белели снега. Обратный путь направлялся через перевалы Ак-таш-дабан (9 630 футов абс. высоты) и Юлюту-дабан (9 750 футов абс. высоты). Оба эти перевала мягкие, луговые, с весьма крутыми склонами. Вид с первого на обе стороны прекрасный. Пустыня Гоби казалась покрытою высокими волнами каменистых гряд, тянущихся по открытой равнине. Между перевалами в глубокой долине стоит отдельными участками сел. Тал. Юлюту-дабан не открывает широких горизонтов. Спустившись с него и перевалив через множество увалов и каменистых узких ущелий, вступили, наконец, в теснину реки Дарькюнты-гола.

Ущелье Дарькюнты-гол. Эта река берет начало из восточных снегов Карлык-тага. Змееобразное ущелье каменисто и круто падает к северу, вследствие чего река по временам скрывается под землей. Нависшие скалы и мрачные гроты придают ущелью особенную дикость. Смягчающе действуют луговые площади или густые тополевые заросли. Между ними и у подножий скал ютятся колючие розы. Прозрачные темно-голубые воды катились, то мелькая, то скрываясь под густою сенью листвы ак-дараков. Местами встречались чудные уголки, которые так и просились на снимок. Приятное бурление вод мешалось с мелодией голубых синиц. Вверху, по ярко-синему небу, плавали могучие пернатые. В скалах громко перекликались клушицы; пониже трещали завирушки (*Accentor fulvescens*), красные снегири (*Carpodacus erythrinus*) и горихвостки (*Ruticila*). Зверей мы не встречали, хотя, по словам проводника, здесь обитают тэке. Поздним вечером мы раскинули свой бивуак на последних водах Дарькюнты-гола. Обилие дров дало возможность развести большой костер, который фантастически освещал угрюмо нависшие скалы и развесистые тополи. Позднее обугленные бревна только дымились и слабо мерцали в глубокой темноте. Ночь была теплая; кругом стояла абсолютная тишина. Таинственно пролетел филин-пугач и легко уселся на ближайший утес. Его оригинальное гуканье громким эхом пронеслось в воздухе; испуганно насторожились лошади, где-то прокричал заяц, и затем снова полная тишина...

Ледник Яшиль-куль. Ночь прошла быстро. Взошедшая луна светила ярко; на землю падала тень. Лишь только зарделась на востоке алая полоса зари, как мы уже снялись с бивуака и направились в дальнейший путь. Вскоре оставили ущелье, поднявшись на левый берег балки. Отсюда открылся хороший вид. На юге стоит стена вечных снегов, на севере ряд параллельных кряжей Мэчин-ола. Между первой и вторыми тянется долина, по которой мы и направились к западу. Невдалеке скрывалась глубокая балка реки Ар-Тугюрюка. Мягкая густая зелень красиво убирала дно долины, по которой повсюду виднелись жилища чанту. Здесь мы узнали, что

местный бек проживает западнее — на урочище Ургэ, там, где проходит большая дорога на Адак и Ном. С сожалением покинув балку Ар-Тугюрюка, мы направились в местопребывание бека. Симпатичный старик встретил нас приветливо. В ответ на выраженное мною желание съездить в Карлык-таг, бек тотчас же сделал соответствующее распоряжение, и мы в тот же день, налегке, направились к снеговым полям Тянь-шаня. Со мною были чиновник и проводник. Расстояние до снеговой линии было около 25 верст, которые мы на хороших лошадях быстро проехали. Наш путь пролегал сначала по пустынной долине, затем по скалистому предгорью. Последнее окаймлено с севера низким кряжем, за которым начинается альпийская зона, простирающаяся до вечного снега. Ледник, к которому мы подъехали, туземцы называют Яшиль-куль, по имени маленького озерка, расположенного у его подножья. Вид с высоты прекрасный. К северу открывается широкий горизонт, заслоняемый вдали тонкой пылью. В верхней части альпийской зоны растительность уже поблекла: все отцвело, завяло, осыпалось. Бабочек не было. Только аргали спокойно паслись по луговым увалам, да в соседстве с ними бродили табуны лошадей. В нижнем же поясе лугов было значительно теплее: порхали бабочки и неслись песни птичек *Leptopoecile, Carpodacus, Ruticilla, Emberiza* и др. На вечерней заре мы вернулись на свой бивуак. На следующее утро была сделана дневка. В открытой долине постоянно дул ветер — днем восточный, ночью западный. Высокие же снеговые горы притягивали к себе тучи, слышались тяжелые раскаты грома.

Дальнейшее следование. 4 сентября, держа западно-северо-западный курс, мы направились по той же долине к озеру Тур-кулю. На середине пути заметна вершина плоской возвышенности. Отсюда открывается вид на обе стороны, в особенности на проход в Баркульскую равнину. Ярко блестящие ледяные венцы Карлык-тага невольно приковывают внимание путника. От подножья гор сбегает луговая покатость, на которой темнел Толюдун — роща ак-дарака. Вскоре затем показалось оз. Тур-куль. Его поверхность играла всевозможными тонами красок, хотя преобладающим все-таки был фиолетовый. Придя к знакомому старшине Тур-куля, мы отчасти связали свой маршрут. Оставшиеся лошади успели немного отдохнуть и набраться сил; поэтому обратное движение к главному бивуаку мы уже совершали опять на своих животных.

Желая больше ознакомиться с восточным Тянь-шанем, мы избрали другой путь для возвращения в Хами. Он шел в прежнем направлении, к возвышенности, примыкающей к горам Мэчин-ола. Долина в этом месте поднимается около 7 500 футов над уровнем моря. Вблизи, на юго-востоке, низко сползает с гор хвойный лес, вдали, к юго-западу, тянулась белая скалистая стена Тянь-шаня, а к западу уходила за горизонт Баркульская равнина. Мы остановились ночевать в южных предгорьях Мэчин-ола, на урочище Нарин-кирэ. На всем пройденном расстоянии ютились туземцы со

своими стадами животных. Здесь, как и в долине тур-кульской, паслось много верблюдов.

На следующем переходе мы коснулись западной окраины отрога Карлык-тага. С конечной его вершинки можно было хорошо обозревать окрестности. На северо-западе тянулись горы Мэчин-ола, скрывавшиеся в туманной дали. К юго-востоку выклинивалась долина между главным хребтом и его высоким отрогом, покрытая пышной растительностью.

Дальнейший наш путь лежал на юго-восток через главный хребет. Здесь приходилось все время любоваться лесным убранством. В высшей степени привлекателен северный склон главного хребта, где тянулась густая полоса ели и лиственницы. Первая преобладает, резко выделяясь своею золотистой хвоей. На дне же долины этой разницы не замечалось. Здесь еще стлалась сплошная зелень. Смолистый аромат наполнял воздух, который жадно вдыхался полной грудью. Наши степные лошади, непривычные к лесам, боязливо озирались кругом; приятный для нас шум леса на них нагонял страх.

Подъем на седловину гор со стороны Баркуля очень пологий, но спуск к сел. Тошю страшно крутой. Только наши горные верблюды и могли здесь благополучно пройти. Еще с вершины плоской возвышенности открылся вид на это глубокое, извилистое ущелье. Его боковые лощины покрыты сплошными зарослями кустарников, из которых красиво выделялись темные скалы с серебристыми каскадами. Подле них, на открытых лужайках, резвились бабочки; из кустов доносились звуки горихвостки, завирушки, дубоноса и др. Словом, нам этот уголок очень понравился.

Сэрвен-дабан. Селение Тошю, как и вообще все виденные нами в горах, очень красиво. Отсюда вниз по ущелью спуститься нельзя; нужно было подниматься на следующую седловину, что мы и сделали на другой день. Подъем на перевал Сэрвен-дабан тянется 8 верст в юго-восточном направлении. Вертикальное поднятие простирается до версты. Сэрвен-дабан лежит на высоте около 9 120 футов над уровнем моря. Он представляет мягкую луговую возвышенность. Отсюда к югу в туманной атмосфере слабо виднелся оазис Хами. На востоке ослепительно блестели вершины Карлык-тага. От них направлялась масса ущелий, сливавших свои воды в одно общее ложе — Тэмыртын-гол. Вблизи, в том же направлении, стоит высокая гора Цзурке. Ее столовидная вершина поднимается кверху над перевалом еще до 1000 футов. Весь северный скат этой горы густо одет лиственницей, тогда как ниже перевала нам пришлось видеть большие, оголенные пожаром площади. Там унылая картина: мрачные остовы исполинов стоят одиноко, общий вид опаленных гор серый, пустынный, безжизненный.

Окраина гор. Миновав гору Цзурке, мы повернули к юго-западу и в этом направлении двигались среди отрогов гор. Дыхание горячей пустыни все больше и больше давало себя чувствовать. Горы становились беднее растительным покровом. Зеленый колорит исчез, его сменил непривлекательный серый, свойственный пустынной растительности. Вскоре затем от-

крылась и самая пустыня. Наш последний ночлег приходился среди предгорий, при слиянии рек Тошю и Нарын. Здесь стоит небольшое селение Нарын. Обитатели его, видимо, спешили с уборкой хлебов. Наутро мы снова шли по широкому предгорью, оставив долину реки восточнее. Там она стремительно несется в ущелье, из которого выходит ниже на простор. Берега ее в пустыне покрыты узкой полосой тальниковой заросли. Вода даже осенью добегает до Хамийского оазиса. Наши животные по ровной дороге шли быстро. Жара и длинный переход утомляли их. Глаз уставал обозревать дремлющую равнину. Редко, редко здесь прокричит саксаульная сойка или звучно рассекут воздух своими крыльями бульдуруки. Из зверей один только джейрак свободно носится на своих изящных ногах! К вечеру мы прибыли в оазис Хами и недалеко от города остановились бивуаком.

Приход на главный бивуак. Еще один переход, и мы заканчиваем свою экскурсию. Желание скорее увидеться с товарищами не дает засидеться на бивуаке. Выступаем в темноте и следуем наиболее населенной частью города. Всюду тихо, все спят. Одна лишь базарная часть пробудилась и видны сквозь щели досчатых лавок огни и силуэты торговцев. Запах подле китайских кухмистерских ужасный, в особенности после горного воздуха. Сторожей на базаре не было, и мы прошли прекрасно. Радостно покинули город, а еще радостнее вступили под сень густой растительности оазиса. По сторонам журчали ручейки оросительных канав. На востоке показалась алая полоса зари, и дневное светило рассыпало свои лучи по высоким тополям. На окраине оазиса стаи голенастых пролетных птиц отдыхали у воды, прежде нежели пуститься на юг... А вот показался и наш родной бивуак. Животные прибавили шагу...

Настоящая моя экскурсия совершена в 20 дней, в которые пройдено маршрутно-глазомерной съемкой 650 верст. По-прежнему производились сборы естественноисторических коллекций. На этот раз более других отделов обогатился ботанический.

Пролет птиц в августе. Осенний пролет птиц, который пришлось наблюдать частью на пути через Са-чжоу-хамийскую пустыню, частью в богатом растительностью южном продолжении Хамийского оазиса — Бунасе, не может считаться полным. Пернатые странники, как и человек, несутся чрез пустыню быстро, останавливаясь только на ее редких ключах; на окраинах же пустыни в лучших и обширных оазисах пролетные птицы делают продолжительный отдых, порою скопляясь в значительные массы. В первой трети августа на берегах Дан-хэ и в оазисе Са-чжоу замечалось некоторое беспокойство со стороны пернатых. Кое-где на горизонте по утрам и вечерам показывались стаи уток в пролетном порядке. 7-го правильно неслись к югу черные аисты (*Ciconia nigra*); 10-го периодически небольшими стайками тянули жаворонки (*Calandrella brachydactyla*) и деревенские ласточки (*Hirundo rustica*), хотя последние два вида еще наблюдались не только во второй, но и в последней трети описываемого месяца.

12-го летели желтые плисицы (*Budytes citreola*); 14-го удод-пустошка (*Upupa epops*); 16-го в Чан-лю-фи прослежены мородунка (*Terekia cinerea*), песочники (*Tringa Temminckii, T. subarquata*), овсянка (*Emberiza arcola*), *Corydalla Richardi*, улит фифи (*Totanus glareola*); 18-го, уже в Бугасе, одновременно замечены: орлан долгохвост (*Haliaëtus leucoryphus*), утки-кряквы (*Anas boshas*), улиты — большой и черныш (*Totanus glottis* и *T. ochropus*), утка-шилохвост (*Dafila acuta*), чирок-свистунок (*Querquedula crecca*), береговик серый (*Actitis hypoleucos*), плисица (*Budytes melanope*), камышовка (*Acrocephalus orientalis*); 19-го — стриж башенный (*Cypselus apus*), полуночник (*Caprimulgus europaeus*), скворец (*Sturnus vulgaris*), 20-го — чекан (*Saxicola vittata*). 21-го — колпица лопатень (*Platalea leucorodia*); 22-го — дрозд черногорлый (*Merula atrigularis*), лунь камышовый (*Circus rufus*); 25-го — ястреб-перепелятник (*Accipiter nisus*); 27-го — скопа речная (*Pandion Haliaëtus*); 28-го — (*Chelidon urbica*); 29-го — кроншнеп (*Numenius arquatus*), турпан (*Casarca rutila*), зуек приморский (*Aegialites cantianus*) и плисица (*Motacilla baicalensis*).

Путь через пустыню и характер последней. 12 сентября экспедиция оставила Хамийский оазис и направилась в полном составе в Люкчюн. Туда ведут две дороги: большая подгорная и пустынная, проклятая китайцами. Мы решились следовать по последней. Вместе с тем экспедицию сильно интересовал вопрос о границах Люкчюнской котловины. Желательно было узнать наверно: составляет ли оз. Шоно-нор отдельную отрицательную низменность, или же это есть восточная окраина общей Люкчюнской? Поэтому было решено, придя в урочище Кара-тюбе, отстоящее в трех переходах от Бугаса, выделить легкий разъезд внутрь пустыни. Так мы и сделали. В Кара-тюбе экспедиция остановилась на дневку. Отсюда главный караван с В. И. Роборовским последовал прежним путем. Я же с проводником Ходжамед-Палганом рискнул пуститься к югу до Чоль-тага. Включив в свой маршрут оз. Шоно-нор и северную окраину пустынного хребта, мы должны были прибыть на ключ Сарык-камыш, где было условлено соединиться с главным караваном. Таким образом, мой путь направлялся по дуге, по хорде которой должен был следовать главный караван.

Эта экскурсия была выполнена при самом скромном снаряжении. Нас было двое, и столько же верблюдов. Животные, везшие нас, везли в то же время и все наши продовольственные запасы. Последние заключались главным образом в воде: с нами было два резиновых мешка, наполненных чаем и кипяченой водой. Движение происходило в таком порядке: вставали очень рано и по направлению, определенному буссолью накануне, следовали вперед. Около полудня останавливались на час; за это время слегка подогревали чай, ели дзамбай; затем снова пускались в путь до поздней зари. Такой дневной переход был более 50 верст [1]. Выбрав в пустыне уютное местеч-

[1] Весь же маршрут пустынной поездки вышел в 170 верст.

ко, мы быстро располагались бивуаком. Корабли пустыни тотчас же укладывались на песок подле наших постелей. Вечером мы давали им по чашке воды промочить горло; то же самое делали и по утрам. Потом верблюды отлично знали это время и с жадностью бросались к нам, услыша плеск воды, когда наполнялся чайник. Ночью усталые животные покойно отдыхали; с вечера вытягивали свои шеи и клали их на землю. Трехдневное пребывание в пустыне животные выдержали отлично. Они, как и люди, томились только полдневной жарой. На четвертый день утром, когда проводник Ходжамед-Палган уже начал скучать не на шутку, мы вдруг заметили на линии нашего движения белые палатки нашего каравана. То был колодец Сарык-камыш! Радостно закричал проводник, произнося благодарственные молитвы Аллаху. «А все-таки вы худой человек»,— продолжал говорить туземец,— «вы знаетесь с духом». Компас, который я часто брал в руки и направлял по нему движение, проводник считал волшебным талисманом, в котором хранилась сила злого гения. «Не мы должны вам служить проводниками, а вы, русские, всех нас и везде, как меня теперь, проведете.» Часто впоследствии этот старик вспоминал нашу поездку и не мог равнодушно смотреть на компас.

Общий характер осмотренной части пустыни таков. От южного подножья Тянь-шаня простирается значительно покатая песчано-каменистая равнина до самого Чоль-тага. Приблизительно на меридиане Отр-кэма, где она особенно сильно выдута ветрами и богата столовидными высотами, описываемая пустыня вздувается, и от этого вздутия направляются к юго-западу в Люкчюнскую котловину и к юго-востоку в Шоно-норскую многие лощины. Абсолютная высота этого поднятия около 1000 футов. К западу и к востоку от него простираются плоские холмы, гряды и столовые возвышенности, сложенные по большей части из красных отложений (ханхайский песчаник). Характерные выдутия на моем пути замечены в двух местах. Первые, принадлежащие Шоно-норской впадине, известны у туземцев под названием Сулгассар, т. е. фантастического города. Действительно, там находится правильное дефиле, обставленное вертикальными стенками с карнизами и выемками. В 40 верстах к северо-западу от него мы встретили другое, еще более замечательное выдутие.

Проблуждав слишком час в лабиринте плоских высот, где вдоволь насмотрелись на затейливо обточенные стены[1] их, мы направились к югу и вышли на древнюю люкчюнскую дорогу, по которой следовали около 25 верст. Она сохранилась прекрасно. Во многих местах видны обо. С вершин седловин открывался вид на пустынный Чоль-таг. Этот хребет слагается из анамезитового выветрелого базальта, по крайней мере, в северной окраине. Близ подножья хребта выдутые ложбины оканчивались замкнуты-

[1] На стенах их выдуты словно фигуры домов, животных, людей, китайских драконов и пр.

ми котловинами, на дне которых дождями образованы ровные, блестящие на солнце площади.

По этой пустынной дороге во время минувшего дунганского восстания бежали туземцы из Хами в Люкчюн. Мой проводник, тогда еще молодой человек, также принимал участие в бегстве и не может до сего времени забыть бедствий пути. Несчастные томились жаждой; женщины и дети погибали сотнями. Песчано-каменистая пустыня поглотила много жертв. Памятник печального события скрыт песками, хотя бури пустыни по временам открывают и показывают путникам скелеты людей, части одежд и седел.

Условившись соединиться на колодце Сарык-камыш, мы принуждены были оставить люкчюнскую дорогу, изменив западное направление на северо-западное.

Растительная и животная жизнь описываемой пустыни наблюдались только в первый переход до озера Шоно-нора. Характерными представителями ее были: тамариск, камыш, а из зверей — антилопа харасульта (*Gazella subgutturosa*), довольствующаяся влагой сочных растений. В крайние же весенний и осенний периоды, когда растительность суха, антилопе необходимо питье, тогда джепрак бегает на водопой к хамийской реке * или держится вблизи временных луж в окрестностях озера Шоно-нора. Что же касается птиц, то последние подразделяются на: оседлых — саксаульная сойка (*Podoces Hendersoni*) — и пролетных — славка пустынная (*Sylvia nana*) и чекан (*Saxicola deserti*). К последним можно добавить еще плавающих и голенастых, издали виденных на тихой зеркальной поверхности озера Шоно-нора. Там красиво освещались последними лучами солнца группы птиц, сидевших по берегу или плававших по озеру и перелетавших с одного берега на другой. Поздними сумерками кружились летучие мыши и доносились голоса уток-крякв и турпанов. На остальном же стодвадцативерстном расстоянии мы не видели ни одного растения и не встретили никакого живого существа. Мертвое безмолвие царило кругом. И только на утро последнего дня заслышали крик журавлей, высоко пролетавших над нами на юг.

Приход в Люкчюн. В Сарык-камыше мы провели сутки. Отсюда В. И. Роборовский направился с тем же спутником-туземцем в глубину пустыни — докончить исследование котловины. Он обогнул люкчюнские пески с юга, прошел через селение Дыгай и вошел в Люкчюн, куда я с главным караваном прибыл днем позже. Радостно мы встретились со своим отшельником — урядником Шестаковым, прожившим в одиночестве среди туземцев два года. Шестаков добросовестно исполнял свои обязанности как наблюдатель метеорологической станции, как собиратель этнографических сведений, естественноисторических коллекций и, как порядочный человек вообще, он сумел отлично поддержать престиж русского имени. Благодаря последнему обстоятельству он скоро после нашего отсутствия подру-

* Автор подразумевает речки, протекающие через Хамийский оазис.

жился с хозяином квартиры, вошел в доверие его семьи и жил, как член ее, вполне спокойно. Аттестация Бишир-ахуна[1] расположила к Шестакову и прочих туземцев. Даже местный правитель чанту, «ван» Мамуд-султан, относился к нашему отшельнику дружески, а не надменно. Словом, Шестаков был известен многим люкчюнцам, и все знавшие его относились к нему прекрасно. В дружбе с туземцами и исполнении своей задачи русский человек старался найти некоторое удовлетворение за ту неизвестность ни об экспедиции, ни о родине, которая по временам его угнетала. Можно представить себе, как он обрадовался нашему приходу! Вторично прибывшую экспедицию люкчюнцы встретили особенно радушно и поднесли ей хлеб-соль.

Оставленные коллекции, как и вообще все имущество экспедиции, сохранено образцово. Продовольственные запасы для обратного движения заготовлены. Два проводника приисканы. Наша поездка в Турфан для свидания с местным начальством, повторительная нивелировка люкчюнской котловины, разбор метеорологической станции и переснаряжение каравана заняли три недели. Перед выступлением из Люкчюна экспедиция, в знак благодарности туземцам, устроила для них «томашу» — праздник. Народа набралось масса; престарелая местная балерина, игравшая видную роль в развлечениях еще Якуб-бека кашгарского, превосходно танцевала и теперь; туземцы остались очень довольны.

Дикий жеребенок. Будучи с визитом у люкчюнского вана, мне пришлось видеть жеребенка лошади Пржевальского (*Equus Przewalskii*), которого заботливо содержали при его дворе. Жеребенок, только что появившийся на свет в апреле, был пойман охотником в окрестностях Гучена и доставлен вану. Первое время его поили только молоком; когда же я его видел, уже полугодовым,— жеребенок ел кукурузу и печеный хлеб. Лошадка — самец, очень кротка, прекрасно ходит на уздечке и свободно поднимается по гранитной лестнице во второй этаж — в покои дворца. Она позволяет садиться себе на спину 7—8-летнему наследнику «вана».

Пролет в сентябре. В сентябре, наполовину проведенном нами в пустынной местности, пролетных птиц насчитывалось гораздо меньше, нежели в предыдущем месяце. 2-го летели горные гуси (*Anser indicus*); 5-го — гуси серые (*Anser cinereus*), 6-го — журавли (*Grus cinerea*); 9-го — пеночка (*Phylloscopus tristis*), ржанки (*Charadrius fulvus*), шеврицы (*Anthus spinoletta*); 11-го — плисица белоголовая (*Motacilla personata*); 15-го — чекан пустынный (*Saxicola deserti*), славки (*Sylvia curruca, S. nana*), бекас (*Gallinago*); 16-го — горихвостка (*Ruticilla*).

В конце описываемого месяца наблюдались: крахаль большой (*Mergus merganser*), улит настоящий (*Totanus calidris*), нырок-гоголь (*Fuligula clangula*) и баклан большой (*Phalacrocorax carbo*).

---

[1] Так звали квартирного хозяина метеорологической станции, пользующегося большим авторитетом у своего народа.

Последнее движение отдельными отрядами. Из Люкчюна экспедиция выступила 18 октября двумя отрядами. В. И. Роборовский с главным караваном направился на Урумчи, Манас и урочище Кобук в Зайсан. Я с урядником Шестаковым и местным проводником пошел восточнее — на Гучен, в долину р. Урунчу, через хребет Саур в тот же пограничный город. Наш небольшой караван состоял из трех вьючных верблюдов и стольких же верховых лошадей. Расставаясь надолго с товарищами, мы утешали себя радостью увидеться в родной стране.

По причине снежных завалов в Тянь-шане, мы принуждены были двинуться на Гучен кружным путем, по большой чиктымской дороге. Первоначальный наш путь пролегал среди люкчюнских высот и песков Кум-таг по ущелью, которым мы уже следовали от Пичана. Западнее означенного города мы слегка уклонились к северу и на окраине Пичанского оазиса расположились бивуаком. К востоко-юго-востоку от Якка-кэриза тянулась культурная полоса, занятая чанту и дунганами. Сел. Чиктым и китайская цитадель отстояли в том же направлении.

Осень уже предъявила свои права; в воздухе стало прохладно, в особенности по ночам. Ветры начали дуть преимущественно от северо-востока; листья с тополей с шумом падали на землю, или покрывали собою поверхность прудов. Галки собирались в многочисленные стаи и высоко носились в воздухе, или садились на деревья, на которых по временам отдыхали. Мелкие птички — черный дрозд (*Merula maxima*), королек (*Regulus*), голубая синица (*Cyanistes cyanus*) и маленькая синичка (*Leptopoecile Sophiae*) — спустились с гор, разместясь в полосе оазисов.

Впереди в синеющей дымке рисовался силуэт Тянь-шаня, от главного хребта которого отделялись к югу второстепенные отроги темных гор. Между этими последними и полосой оазисов лежала пустынная, круто падающая к югу равнина.

Перевал Гочан. Оставив за собою печальную пустыню, мы вступили в горы. Южный склон, по которому двигались вначале, был мало привлекателен. В геологическом отношении на полуденной стороне Тянь-шаня обнаруживается сланец; на противоположной — очень твердый песчаник. Ширина описываемых гор в этой пониженной части около 50 верст. Абсолютная высота перевала Гочан простирается до 7260 футов. Подъем и спуск довольно крутые, но тем не менее здесь проложена колесная дорога. Во время нашего движения перевал был завален сугробами снега, плотно сбитыми в узких местах. Поднявшийся буран обдавал снежною пылью. Двигаться было очень утомительно, но благодаря сильным животным мы благополучно перешли через хребет. Северный склон его в растительном отношении был отраднее. Здесь много кустарников, и в нижнем поясе гор уже встречались значительные площади дэрисуна (*Lasiagrostis splendens*). Подле ключевых вод располагались небольшие участки пашен.

Северная дорога. По выходе из гор мы вступили на большую северную долину и шли по ней до г. Гучена. К северу далеко расстилалась Чжунгарская пустыня, убеленная снеговым покровом. Точно так же блестели и выдающиеся вершины Байтык-Богдо вдали на северо-востоке. На юге стоял Тянь-шань, луговые скаты которого изрезаны ручьями и речками. На более многоводных приютились китайские селения с бо́льшим или меньшим количеством китайцев и чанту. По большой дороге тянулись китайские телеги и двигались пешие и конные мусульмане. В долине было значительно теплее. Днем снег таял, по дороге бежали ручьи; в селениях — невылазная грязь. Над горами часто собирались густые тучи. По ночам стояли морозы. Лучшая погода была по утрам, когда мы снимались с бивуака. На востоке рдела заря. Огненно-фиолетовый цвет разливался по небу и красиво играл на ледяных венцах Тянь-шаня. В это время особенно эффектна была гора Богдо-ола, которая первая освещалась восходящим дневным светилом. Неподражаемо величественна и хороша она на фоне синеющей лазури неба!..

26 октября, в полдень, мы прибыли в Гучен, где остановились под кровом нашего подданного сарта Ехрам-бая.

Гучен. Город Гучен расположен у северного подножья Тянь-шаня, на большой северной дороге. Абсолютная высота его 2580 футов. Главная, китайская, часть обнесена стеною, постройка которой еще не совсем закончена. Крепость снабжена тремя десятками пушек. Незначительный гарнизон помещается в цитадели. Вооружение китайских солдат: пистонные ружья, сабли, пики и трезубцы. В мирное время ученье почти не производится.

Всего в городе около 2500 жителей, притом население главным образом ($^4/_5$) китайское, и только малая ($^1/_5$) часть — дунганы и чанту. Городом и уездом управляет амбань; при нем состоит помощник. Военная часть состоит отдельно — в ведении офицера. Гучен — торговый, меновой город. Окрестности изобилуют пашнями, дающими отличный урожай. Фруктовых деревьев нет; но дыни и арбузы вызревают. Торговля сосредоточена в руках китайцев. Их солидные магазины наполнены товарами из Внутреннего Китая. Среди китайских магазинов разбросаны лавки дунган, чанту и наших подданных сартов. Последние торгуют исключительно русскими мануфактурами. С 1 октября по 1 декабря в Гучене открывается ярмарка. Сюда на это время съезжаются киргизы и монголы из Алтая. Номады пригоняют стада скота и привозят сырье. С кочевниками наши сарты ведут обширную торговлю. По их отзыву, Гученский округ очень хороший для ведения торговых операций, но люди, с которыми приходится иметь дело, не честны: «печально то обстоятельство»,— как говорят наши купцы,— «что причиною тому сами чиновники-китайцы, у которых своеобразный взгляд на управление. Без взяточничества не обходится ни одно дело». Даже с нас потребовалась взятка в виде исправления штуцера Винчестера. Возвращенное ружье неисправленным послужило причиною невыдачи нашему проводнику заготов-

ленной бумаги. Чиновник в ямыне[1] откровенно сказал: «ружье не починено — нет бумаги!». Положим, мы и без нее обошлись, а все-таки подобное обстоятельство нужно принять к сведению.

Пригученский Тянь-шань. Пригученский Тянь-шань величаво тянется на юге. Его вечноснеговые поля и блестящие на солнце льды, отстоящие на 40—50 и вдвое более верст от города, придают много прелести. В это время весь обращенный к нам склон был покрыт снегом. Пояс древесной растительности выделялся темной лентой. На юго-западе высоко вздымалась Богдо-ола. Описываемые горы населены китайцами и чанту. Первые группируются на запад от меридиана Мория, вторые — на восток. И те, и другие занимаются земледелием и скотоводством. Земледельцы живут оседло; скотоводы, по обыкновению, ведут бродячую жизнь. Первые, будучи привязанными к земле, располагаются ниже лесной зоны, в полосе предгорий, а то и совсем спускаются к равнине. Скотоводы же, наоборот, стремятся вверх. Гученцы имеют право пасти скот до верхней границы древесной растительности. Попасть же в альпы даже своего северного склона не могут, так как они принадлежат Турфанскому округу.

В Гучене мы пробыли три дня, в которые познакомились с городом и снарядились в пустыню. Теперь нам предстоял последний рейс к родным пределам.

Путь по Чжунгарии. Впереди лежала травянистая равнина, которая в недалеком протяжении к северу преграждается длинным рукавом песков; к западу же она уходит на большее расстояние, скрывая в своих высоких камышах кабанов и даже тигров. Песчаная гряда протянулась с запада на восток около 200 верст, занимая в ширину до 50-ти. Пьедесталом гряды служит солончаковая глина. В южной части песчаные холмы более возвышенные, нежели в северной. В первой западные склоны песков пологи и плотны; во второй же круты и рыхлы. Водоносный горизонт лежит неглубоко. Пески богато одеты кустарниками и травами. Туземцы добывают в них саксаульные дрова. Из животной жизни можно указать на мелких грызунов, за которыми охотятся лисицы. В северной же части песков, куда никто кроме охотников не заглядывает, водятся дикие верблюды. Что же касается птиц, то мы их видели очень мало. Мимо каравана пронеслась только одна парочка голубых синиц. Впрочем, в наблюдении пернатых обитателей могла повредить сильная буря с юго-востока, которая продолжалась целые сутки. При ее порывах мы с большим трудом разбили бивуак на северной окраине песков у колодца Новалы-худук.

Здесь мы совершенно неожиданно встретились с нашим подданным татарином, который шел с небольшим караваном чая прямым путем через пустыню, оставляя китайскую таможню восточнее. Вначале киргизы сильно испугались и ухватились было за ружья, но затем, узнав кто мы, успокои-

[1] Присутственное место.

лись, а позднее изъявили желание примкнуть к нашему каравану и идти вместе до долины р. Урунгу. Отчасти и я был доволен встречей с контрабандистами. Они уверяли меня в том, что без снега и без опытного проводника [1] пройти на «Хан-обо» [2] нельзя. Рискнуть же пройти от ключа Карамайли по меридиану к Урунгу было смело, но интересно. Таким образом, отсюда мы двинулись в сообществе киргиз и в два перехода прибыли к источнику Карамайли. Характер пройденного пути был таков: тотчас за песчаной грядой начиналась каменистая равнина, по которой мы быстро двигались на северо-запад. Скоро впереди пустыня заволновалась невысокими грядами, переходящими на северо-востоке в высоты и небольшие горы. Среди высот лежали или оголенные глинистые площади, или покрытые дресвой и гравием. Приблизительно на середине пути находится небольшое солончаковое болото — Аштy-су, где звери, голенастые и плавающие птицы находят приют. Отсюда местность еще пересеченнее. На запад тянутся обширные пески, простирающиеся до реки Урунгу. С юго-востока приближается хребет Карамаил-таг, состоящий из известковистого песчаника. У границы песков, среди каменистых высот, находится ключ Карамайли, или Кок-бостау. Здесь решено было дневать для подкрепления животных и взяты запасы воды на предстоящий трехдневный безводный путь.

Вблизи означенного источника мы заметили следы людей. По словам наших спутников, это бродячие шайки грабителей, которые зимой периодически являются в окрестностях Гучена. Воровские разъезды следуют из Алтая или Тарбагатая. По дороге номады занимаются охотой; при первой же встрече открыто, с оружием в руках, нападают на караван. Сильно струсили наши киргизы и просили не покидать их.

Оставив Кок-бостау, мы направились прямо к северу, куда вела маленькая тропинка. Два усиленных и третий небольшой переходы привели нас в долину реки Урунгу. На всем этом пространстве залегает слегка волнистая пустыня. Песчано-глинистая почва покрыта гравием. Возвышенные увалы каменисты, а заключенные между ними котловины обнажены. Волнистая поверхность пустыни уходит на восток за горизонт. Показываемых на наших картах высот я не видел, несмотря на прозрачность воздуха. Вблизи на западе все время тянулись знаменитые пески Коббэ, которые пересекал Н. М. Пржевальский в свое второе путешествие по Центральной Азии. Они заполняют собой значительную (около 5000 кв. верст) площадь Чжунгарской пустыни. Пески Коббэ представляют возвышенные холмы и длинные увалы, протянувшиеся в различных направлениях. Северо-восточные скаты барханов рыхлы и круты; противоположные — плотны и пологи. Окраинные

---

[1] Каким далеко не был наш гученский проводник, взявший, однако, очень высокую плату.

[2] Высокая башня-маяк в песках, устроенная монголами в давнишние времена. Она стоит на пути, пройденном Н. М. Пржевальским.

высокие барханы стоят одиноко и не имеют никакой растительности, тогда как узкие гряды, пересеченные нами, богаты не только пустынными формами растений, но даже и степными, как, например, типец. В этих безлюдных, но обильных подножным кормом песках живут: дикий верблюд, лошадь Пржевальского и хуланы, за которыми охотятся зимой торгоуты и киргизы, углубляясь далеко внутрь пустыни. К указанным зверям можно прибавить: волка, лисицу, зайца и мелких грызунов. Из птиц мы заметили только три вида: саксаульную сойку, сокола-дербника и черного ворона.

В пересеченной нами части Чжунгарской пустыни ежегодно появляются пастухи-киргизы с многочисленными стадами баранов и табунами лошадей. Вода заменяется снегом, который держится в течение трех зимних месяцев. Жилищами пастухам служат коши. Для ориентировки характерные места кочевок имеют названия. На нашем пути мы отметили два урочища. Юргекты и Уй-тал. Эти места дают возможность кочевникам не только поддержать животных во время зимы, но даже и хорошо откормить их. Сюда же приезжают и охотники, оставляющие свои запасы у пастухов.

Теперь несколько слов о погоде. Дни стояли холодные, в особенности когда дули северные ветры, которые давали себя чувствовать, пронизывая до костей. Ночи были ясные, морозные: температура понижалась до —18° С. По утрам на кустарниках красовался серебристый иней и при слабом дуновении ветра взвивался вверх, облепляя путника и животных. Атмосфера была прозрачна. На второй день движения [1] мы уже увидели и высокие горы Алтая. Тянь-шань с его массивом Богдо-ола терялся в синеющей дымке, тогда как Алтай с каждым днем рельефнее выделял свои белые, блестящие вершины.

Река Урунгу. 5 ноября утром мы, наконец, достигли берегов Урунгу. Бедное однообразие пустынного ландшафта сменилось богатой речной долиной.

Урочище Кара-булгун, где мы вступили в означенную долину, имеет около 2000 футов абс. высоты. Верхнее и среднее течение р. Урунгу остались к востоку, нижнее — к западу. Пройдя по последнему около 90 верст, мы должны были расстаться с этой долиной. Прослеженная нами часть ее имеет западно-северо-западное направление. Общий характер означенной местности следующий: долина представляет глубокую ложбину, занимающую в ширину до 10 и более верст. Края ложбины служат пьедесталом для каменистых высот, сопровождающих течение Урунгу. Отсюда, с каменистых гряд путешественнику открывается вьющаяся лента реки, обрамленная древесною, кустарною и травянистою зарослями. На высоких тополях далеко виднелись гнезда речных скоп и аистов. Вблизи, по широко открытым луговым площадям стояли стога сена. Там и сям по долине ютились киргизские жилища. Ширина реки около 50 сажен. Дно галечное; падение значительно,

[1] От Карамайли.

а потому и течение скорое. В то время наиболее тихие места реки были покрыты льдом, позволяющим перебираться с одного берега ее на другой.

Оставив долину Урунгу, мы направились к озеру Ботоган-кулю, лежащему западнее, по пересеченной местности с довольно сносной растительностью, в которой встречались аргали и впервые виденные мною антилопы-сайги (*Antilope saiga*). Эти звери с опущенными головами часто перебегали большими и малыми стадами вблизи нашего каравана. За сайгой охотятся волки. Мы сами были очевидцами такой охоты. Ранним утром, в стороне от дороги, бежавшее стадо газелей неожиданно остановилось; звери слегка подняли головы, затем тотчас же рванулись высокими прыжками в сторону. В двух-трех местах выскочившие волки быстро бросились на растерявшихся антилоп. Картина была интересна, в особенности в самом начале, когда испуганная сайга спасалась бегством, а волки бросались то за той, то за другой из них. Позднее к трем первым волкам прибавилось еще несколько лежавших поодаль и направлявших стадо на засаду. На этот раз антилопы счастливо избавились от опасности. Это обстоятельство мне напомнило монголов-охотников в северной Монголии. Там точно так же охотятся за дзеренами волки и люди. Интересно знать, кто у кого заимствовал способ облавы, т. е. человек ли у волка, или наоборот?..

Озеро Ботоган-куль. Ботоган-куль отстоит к югу от обширного озера Улюнгура, с которым соединено рекой [1]. Форма описываемого озера — неправильный круг, диаметр которого более 30 верст. Южный и восточный берега более возвышенные и более изрезанные, нежели остальные. Глубина этого пресного озера значительная. Дно его песчано-галечное, чистое. По словам туземцев, в нем есть рыба. Раковин на берегу немного. В наше пребывание у западного берега уже был толстый лед. Ночью и утром над открытою водною поверхностью висел густой туман. Прибрежные пески одеты пустынными формами кустарных и травянистых растений. С юга к Ботоган-кулю примыкают горы, в которых ютились туземцы со стадами баранов. На северном берегу виднелись ночью также огоньки номадов. В общем тихо и безжизненно на берегах Ботоган-куля. Вблизи нашего бивуака молчаливо пронеслась чайка; на поверхности озера одиноко держалась утка-нырок, часто погружаясь за добычей; позднее стайка нырков быстро пролетела к северу.

Горы Салбурты. Утром следующего дня проводника на бивуаке не оказалось: он бежал ночью. Завьючив свой караван, мы вдвоем с Шестаковым направились к западу — к горам Салбурты. Означенный хребет тянется с северо-востока на юго-запад, на 80 верст. Восточная его оконечность — у южного берега оз. Улюнгура; западная — подходит к отпрыскам гор Семиз-тау. Там, где мы его пересекали [2], хребет имеет 12 верст ширины.

[1] По словам проводника, в недавнее время устроена отводная канава из реки Урунгу. По этому сооружению устремились воды, заполнив впадину Ботоган-куля.

[2] В 30 верстах от восточной оконечности.

Северный склон короче и круче, южный — наоборот. Выдающихся вершин на всем хребте не имеется. Абс. высота около 3300 футов. Гребень описываемых гор несет разрушенный характер; массивные выходы пород встречаются преимущественно на склонах: на южном — песчаник, а на северном — базальт. Кочевников со стадами было много. Их манят затишье в горах и обилие травянистых и кустарных зарослей.

На хребет Салбурты мы поднялись в 3 часа дня при отличной ясной погоде. К югу простирается пустынная равнина, на которой горизонт преграждается небольшими отдельными горами: Делеун, Аргальты и далеко к юго-западу высоким отрогом Тарбагатая Джаиром. На севере же вдали картина была дивно очаровательная. Там высоко поднимался Алтай, который, несмотря на далекое (200 верст) расстояние, был виден очень ясно.

Саур. Спустившись с хребта в долину, мы остановились на урочище Салбурты, где кочевал монгольский старшина. От него мы получили проводника и направились через хребет Саур. Восточная часть последнего разветвляется на несколько невысоких кряжей, упирающихся в оз. Улюнгур. Эти кряжи состоят из мелафира, северное же подножье Саура, на меридиане снеговой горы Мус-тау, богато порфиритовым туфом, тогда как средний пояс в бассейне р. Кендерлыка слагается из мелафира и мелафировой брекчии. Все долины были покрыты травянистой растительностью. Изредка встречались родники. Кочевников здесь было много; везде бродил их скот и часто попадались навстречу конные киргизы с «батиками» у седла.

Между тем зима надвигалась все ближе и ближе. По ночам стало довольно холодно, в особенности под кровом нашей старой палатки. Теперь мы нетерпеливо стали отсчитывать последние дни странической жизни. Каждый казак уже знал, сколько раз оставалось поставить палатку, заседлать лошадей, отстоять ночных дежурств под открытым небом. Действительно, никогда так медленно не тянется время в путешествии, как в течение последней недели. Теперь люди чаще и чаще говорят о родине. Несмотря на дневную усталось, ночью долго слышатся их разговоры о родине.

Утром 11 ноября мы шли по северному предгорью Саура к западу. На следующий день нам попадались навстречу киргизы-подводчики, транспортировавшие кладь из Зайсана. Для них мы уже не представляли «особенных людей», но зато как приятно было нам слышать их приветливое по-русски «здравствуй»!

Отечественная граница, конец странствованию. Снеговые шапки Саура приближались; приближался и перевал Сар-тологой. У его восточного подножья мы переступили государственную границу. На родном рубеже мы с Шестаковым обменялись радостным приветствием. Отсюда нас уже сопровождал русскоподданный киргиз. На перевалах Сар-тологой и Ак-кизень мы любовались уже видами русской земли. Кучевые облака неслись к югу и у снегов Саура сбивались в свинцовые тучи. Под ними на северном склоне мрачно стоял густой еловый лес. Альпы были засыпаны снегом.

Распрощавшись с горами Саура, мы 13 ноября радостно вступили в русский поселок Кендерлык. Родная речь, родные лица, родная обстановка. В эту минуту мы оба с Шестаковым были обрадованы, как дети. Вечером прибыл из Зайсана чиновник г. Власенко, с которым мы на следующий день уже ехали на тройке в Зайсан. Вблизи города заслышали благовест: то был первый привет дорогой родины...

Заключение. Так закончилось мое третье путешествие по Центральной Азии. Суммируя все пережитое, виденное, запечатленное в трехлетнем странствовании, казалось, вспоминаешь продолжительный сон. Действительно, сколько всевозможных картин пронеслось или промелькнуло перед глазами путешественника; его воображению рисуются то высокие хребты с ярко блестящими снеговыми вершинами, то широко расстилающиеся равнины с изредка встречающимися на них номадами; вспоминаются крайние жары и холода, а также высокое Тибетское нагорье, где непривычному человеку недостает воздуха, а между тем вокруг свободно бродят сотенные и тысячные стада млекопитающих... Общее мирное впечатление нарушается лишь диким обликом разбойника-голыка, гнездящегося в труднодоступных ущельях «седого дедушки» (Амнэ-мачин)...

Экспедиционная семья, тесно сплоченная дружбой в силу одного общего интереса и принципов, представляла высокую нравственную силу. Ей не были страшны ни суровое нагорье Тибета, ни его обитатели — тангуты. Несмотря на отчужденность от дорогой родины, маленький кружок соотечественников, согреваемый еще живо сохранившимися в памяти примерами своих прежних вождей — Н. М. Пржевальского и М. В. Певцова, всегда был готов на преодоление невзгод и лишений, в какой бы мере они ни представлялись, лишь бы только выполнить свою задачу. Исключительно безвыходное положение — острая болезнь начальника экспедиции — заставило путешественников примириться с мыслью о преждевременном повороте экспедиции и крутом изменении ее дальнейшего плана действий. Таким образом, от исследования Восточного Тибета экспедиция принуждена была отказаться, занявшись более подробным изучением страны, лежащей севернее, по соседству с Курлыком.

С окончанием путешествия пришлось расстаться и с большинством спутников, быть может, навсегда. Каждый из членов экспедиции уехал к себе на родину и зажил по-прежнему. Центральная Азия осталась далеко. Но тем не менее всякий путешественник невольно много и много раз вспомнит свою странническую жизнь. Независимо от его воли, картины природы посещенных мест неоднократно восстанут в памяти и перенесут мыслью в покинутый край; и тем сильнее будет чувствоваться обаяние подобного воспоминания, чем путешественник ближе стоит к природе и ближе к окончанию описания истории своего странствования.

В заключение я считаю своим нравственным долгом выразить безграничную благодарность и признательность руководителю экспедиции — моему дорогому другу и сотоварищу по трем путешествиям в Центральной Азии — В. И. Роборовскому, который внимательно откликался на все мои стремления к самостоятельным поездкам и охотно помогал вырабатывать их планы.

С сердечной благодарностью вспоминаю также усердного члена экспедиции и незаменимого, как человека-товарища, В. Ф. Ладыгина, блестяще зарекомендовавшего себя в качестве помощника руководителя и сумевшего с тактом держать себя в кругу военном.

Нижним чинам экспедиционного конвоя, среди которого выдавались русские самородки — Иванов, Баинов, Жаркой и Шестаков — приношу большую благодарность за их безграничную привязанность и заботливость обо мне, в особенности во время моих отдельных и подчас рискованных поездок. Чувство святого долга службы и геройство наших спутников в самые критические минуты и в наиболее негостеприимных местах Нагорной Азии не один раз удивляли меня и моего товарища.

ТАБЛИЦА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В МЕСТНОСТЯХ, ИССЛЕДОВАННЫХ В. И. РОБОРОВСКИМ И П. К. КОЗЛОВЫМ ВО ВРЕМЯ ТРЕХЛЕТНЕГО (1893—1895 гг.) ПУТЕШЕСТВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Названия видов *	Местности							
	Тянь-Шань: Долина верхнего Тексса, реки Кок-су, Джергалан, Бол. Юлдус; р. Хайдык-гол. Хребет Тсюлюр-ула. Ущелье Алго. Восточная оконечность Тянь-шаня	Люкчюн: Оазис и соседняя пустынная страна к югу до Тарима и к востоку до Хами. Оазис Кызыл-сыныр.	Лоб-нор: Нижний Тарим; оз. Лоб-нор, пустыня и пески Кум-таг	Са-чжоу: Оазис, р. Дан-хэ и соседняя пустынная окрестность	Нань-шань: Между меридианами оазиса Са-чжоу и оз. Куку-нора	Северо-восточный Тибет: р. Еграй-гол. Оз. Тосо-нор. Верховье Чурмина и многих других снеговой группы Амнэ-мачин	Курлык и Дулан-кит: Долина озер Курлык-нора и Тосо-нора с р. Баин-голом. Горная связь Нань-шаня с Куэнь-лунем. Лесные горы, окрестные кумирни Дулан-кит	Чжунгария: Средняя часть пустыни — от Гучена к северу. Низовье долины Урунгу, р. Кобук. Горы Саур
	Месяцы наблюдений							
	Май, июнь, июль, август, сентябрь 1893 Август 1895	Октябрь, ноябрь, декабрь 1893 Сентябрь, октябрь 1895	Декабрь 1893 Январь 1894	Февраль, март, апрель, май (1 пол.) 1894 Август 1895	Май (II пол.), июнь, июль, август, сентябрь, 1894 Июль 1895	Декабрь 1894 Январь, февраль, март 1895	Октябрь, ноябрь 1894 Апрель, май, июнь 1895	Октябрь, ноябрь 1895
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. *Felis ocreata Gmelin.*		* :	* :					
2. *Felis lynx* Linn.	* :				* :	* :	* .	*
3. *Canis lupus* Linn.	* :	* .	* .	* :	* :	* :	* .	* :

* Названия видов в этой и следующей таблицах заменены современными.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4. Cuon *alpinus* Pall.					*.	*.	*.	*.
5. *Vulpes vulpes* Linn.	*:	*.	*.	*.	*.	*.	*.	*:
6. *Vulpes corsak* Linn.					*.	*:		
7. *Vormela peregusna* Gueld.[1]								
8. *Mustela erminea* Linn.	*.							*.
9. *Mustela altaica* Pall.					*.	*:		
10. *Meles meles* Linn.	*.							
11. *Ursus arctos lagomyiarius* Przev. или *U. a. pruinosus* Blyth					*:	*:	*.	
12. *Hemiechinus auritus* Pall.		*?						
13. *Citellus undulatus* Pall.	*:							
14. *Marmota baibacina* Kastsch.					*:			
15. *Marmota caudata* Geoffr.	*:							

[1] Этого вида экземпляр добыт по дороге — в Закаспийской области (Ашхабад).

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
16. *Dipus saqitta Pall.*		*.						
17. *Euchoreutes naso* Sclater		*.	*.					
18. *Meriones meridianus* Pall.		*.	*:	*.			*.	
19. *Meriones erythrourus* Gray		*:						
20. *Meriones tamariscinus* Pall.				*.				
21. *Rhombomys opimus* Licht.				*.				
22. *Mus musculus* Linn.		*.	*.	*.			*.	
23. *Microtus gregalis* Pall.	*:							
24. *Lagurus luteus przewalskii* Büch.					*.			
25. *Lagurus lagurus* Pall.	*.							
26. *Cricetulus migratorius* Pall.				*.	?*.			
27. *Lepus tolai* Pall.	*.			*.				
28. *Lepus oiostolus* Hodgson					*.			
29. *Ochotona roylei* Ogilby					*.	*.		
30. *Ochotona melanostomus* Pall.					*:			
31. *Ochotona rutila* Severtz.	*:							

Окончание

1	2	3	4	5	6	7	8	9
32. *Ochotona erythrotis* Büchn.					*.			
33. *Equus przewalskii* Poliakov								*.
34. *Equus kiang* Pall.					*:	*.	*.	
35. *Bos grunniens* Linn.					*:	*:		
36. *Ovis ammon hodgsonii* Blyth					*:			
37. *Ovis ammon polii* Blyth	*:							
38. *Pseudois nahoor* Hodgson					*:			
39. *Gazella subgutturosa* Güld.		*.	*.	*.	*.		*.	*.
40. *Gazella przewalskii* Büchn.					*.[1]			
41. *Gazella picticaudata* Büchn.					*:	*:		
42. *Saiga tatarica* Linn.								*:
43. *Cervus albirostris* Przew.					*.	*.	*.	
44. *Cervus elaphus sibiricus* Severtz.	*:							
45. *Moschus moschiferus* Linn.					*.	*.	*.	
46. *Camelus bactrianus* Linn.		*.	*:		*.			*.

Условные знаки: * — вид обитает в данной местности; : — вид обыкновенный и часто встречающийся — вид более редкий, а также очень редкий.

[1] Правильнее долина озера Куку-нора.

ТАБЛИЦА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПТИЦ В МЕСТНОСТЯХ, ИССЛЕДОВАННЫХ В. И. РОБОРОВСКИМ и П. К. КОЗЛОВЫМ ВО ВРЕМЯ ИХ ТРЕХЛЕТНЕГО (1893—1895 гг.) ПУТЕШЕСТВИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Названия видов	Местности							
	Тянь-Шань	Люкчюн	Лоб-нор	Са-чжоу	Нань-шань	Северо-восточный Тибет	Курлык и Дулан-кит	Чжунгария
	Долина верхнего Текеса, реки Кок-су, Джергалан, Бол. Юлдус; р. Хайлык-гол. Хребет Тюзьюр-ула. Ущелье Алго. Восточная оконечность Тянь-шаня	Оазис и соседняя пустынная страна к югу до Тарима и к востоку до Хами. Оазис Кызыл-сиирр.	Нижний Тарим; оз. Лоб-нор, пустыня и пески Кум-таг	Оазис, р. Дан-хэ и соседняя пустынная окрестность	Между меридианами оазиса Са-чжоу и оз. Куку-нора	р. Еграй-гол. Оз. Тосо-нор. Верховье Чурмына и многих других снеговой группы Амнэ-мачин	Долина озер Курлык-нора и Тосо-нора с р. Баин-голом. Горная связь Нань-шаня с Куэнь-лунем. Лесные горы, окрестные кумирни Дулан-кит	Средняя часть пустыни — от Гучена к северу. Низовье долины Урунгу, р. Кобук. Горы Саур
	Месяцы наблюдений							
	Май, июнь, июль, август, сентябрь 1893 Август 1895	Октябрь, ноябрь, декабрь 1893 Сентябрь, октябрь 1895	Декабрь 1893 Январь 1894	Февраль, март, апрель, май (I пол.) 1894 Август 1895	Май (II пол.), июнь, июль, август, сентябрь 1894 Июль 1895	Декабрь 1894 Январь, февраль, март 1895	Октябрь, ноябрь 1894 Апрель, май, июнь 1895	Октябрь, ноябрь 1895
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. *Pyrrhocorax pyrrhocorax* (Linn.)					s.	s.		
2. *Pyrrhocorax graculus* (Linn.)	s:	s.			s:	s:	s:	s.
3. *Corvus monedula soemmeringii* Fisch.		h.		t.				s.
4. *Corvus dauricus* Pall.		h.						s.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
5. *Corvus frugilegus pastinator* Gould				n:				
6. *Corvus corone* Linn.	s:	s:	s:	s.				s:
7. *Corvus corax* Linn.	s:	s:	s.	s.	s.	s:	s:	s:
8. *Nucifraga caryocatactes* (Linn.)	s:							
9. *Podoces hendersoni* Hume.	s.	s:		s.			s:	s:
10. *Podoces biddulphi* Hume.			s:					
11. *Pseudopodoces humilis* (Hume)					s:	s:		
12. *Pica pica bottanensis* Deless.						s:	s:	
13. *Pica pica hemileucoptera* Stegm.	s:							
14. *Pastor roseus* Pall.	n.				t.			
15. *Sturnus vulgaris porphyronotus* Sharpe	n.			n.				
16. *Sturnus vulgaris poltaratskyi* Finsch.	t.				t.			
17. *Oriolus oriolus kundoo* Sykes.	n.							
18. *Mycerobas carnipes* Hodgs.						s.	n.s?	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
19. *Fringilla montifringilla* Linn.		t.						
20. *Serinus pusillus* (Pall.)	s:							
21. *Carduelis caniceps* Vig.	s:							
22. *Petronia petronia* (Linn.)		s:				s:		s.
23. *Passer montanus* (Linn.)		s:	s.	s:			s:	s.
24. *Passer ammodendri stoliczkae* Hume.		s.	s:	s:				
25. *Passer domesticus* (Linn.)	s.	s:						
26. *Passer hispaniolensis* (Temm.)		s.						
27. *Montifringilla adamsi* Adams.					s:			
28. *Montifringilla taczanowskii* (Przew.)					s:	s:		
29. *Montifringilla blanfordi* Hume						s:	s.	
30. *Montifringilla ruficollis* Blanf.					s:	s:		
31. *Leucosticte brandti* Bp.					s:	s:	s:	
32. *Acanthis flavirostris* (Linn.)					s.	s.		
33. *Acanthis cannabina bella* (C. L. Brehm.)	n:							

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
34. *Acanthis flammea* (Linn.)		[h.]						
35. *Bucanetes mongolicus* (Swinh.)					s.			
36. *Carpodacus erythrinus* (Pall.)	n:							
37. *Carpodacus rubicilla severtzovi* Sharpe					s.		s.	
38. *Carpodacus rubicilloides* Przev.					s:	s:		
39. *Carpodacus pulcherrimus* Moore						s:	s:	
40. *Carpodacus rhodochlamys* Brandt.	n.s?	e.	h.					e.
41. *Carpodacus thura dubius* Przev.						s.	s:	
42. *Loxia curvirostra* Linn.	s:							
43. *Uragus sibiricus* Pall.		h.						[h.]
44. *Emberiza bruniceps* Brandt.	n.							
45. *Emberiza aureola* Pall.				[t]				
46. *Emberiza pallasi polaris* Midd.	n.	t.						
47. *Emberiza schoeniclus* Subsp.	s.							s.
48. *Emberiza schoeniclus pyrrhuloides* Pall.		s.	s.	s.			s.	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
49. *Emberiza godlewskii* Tacz.	n.t.s?	h.s?			n.t.	s.		
50. *Emberiza leucocephala* S. G. Gmelin.	n.				n:	t.s?		
51. *Emberiza hortulana* Linn.							n.	
52. *Calcarius lapponicus* (Linn.)		e.						
53. *Eremophila alpestris elwesi* (Blanf.)	s:				s:	s:		
54. *Eremophila alpestris albigula* (Bp.)		s.					s.	
55. *Alauda arvensis* Linn.		t.h?						
56. *Alauda gulgula* Frankl.	n.	t.					n.	
57. *Calandrella rufescens seebohmi* (Sharpe)							s:	
58. *Calandrella rufescens kukunoorensis* Przew.		s:		s:				
59. *Calandrella cinerea* (Gmel.)		t:			t:			
60. *Calandrella acutirostris tibetana* Brooks					n.			
61. *Melanocorypha yeltoniensis* (Forst.)		h.e.						s.
62. *Melanocorypha maxima* Blyth					s:	s:		
63. *Galerida cristata magna* Hume		s:	s:	s:				

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
64. *Anthus trivialis* Linn.	n.							
65. *Anthus roseatus* Blyth							n:	
66. *Anthus spinoletta* (Linn.)		t.h?		h.t:	n.t.		t:	
67. *Anthus campestris* (Linn.)	n.							
68. *Anthus novaeseelandiae richardi* Vieill.		t.			n.		n.	
69. *Motacilla alba personata* Gould	n:t:	t.		t:n:	n.t:		n:	
70. *Motacilla alba leucopsis* Gould				t.	t.n.			
71. *Motacilla alba baicalensis* Swinh.					t:		t.	
72. *Matacilla cinerea* Tunst.	n.				n.			
73. *Motacilla* sp.	n.							
74. *Motacilla citreola* Pall.	n:	n.		t:n:	n.		t.n:	
75. *Motacilla flava* Linn.					t.			
76. *Certhia familiaris* Linn.	s:							
77. *Tichodroma muraria* (Linn.)	s:	h.			n.			
78. *Sitta europaea* Linn.	n:							
79. *Parus montanus songarus* Sever.	n:s?							

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
80. *Parus montanus affinis* Przev.						s.		
81. *Parus superciliosus* (Przev.)						s.	s:	
82. *Parus bokharensis* Licht.	s.							h:
83. *Parus rubidiventris* Blyth							n:	
84. *Parus ater rufipectus* Sev.	n:s?							
85. *Parus cyanus tianschanicus* (Menzb.)	s:	h.						
86. *Remiza pendulinus stoliczkae* (Hume)				s.				
87. *Panurus biarmicus* (Linn.)		s.	s:	s.	t.		s:	
88. *Regulus regulus tristis* Pleske								h.
89. *Leptopoecile elegans* Przev.							s.	
90. *Leptopoecile sophiae sophiae* Sev.	s:	h.		h.	s.	s:	s:	s.
91. *Leptopoecile sophiae obscura* Przev.						s.		
92. *Lanius sphenocercus* Cab.				h.				
93. *Lanius excubitor* Linn.		h.	h.	h.			t.	
94. *Lanius collurio isabellinus* Hempr. and Ehrenb.	n.t.			t.	n.		n.t.	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
95. *Bombycilla garrulus* (Linn.)		h.e.						h.
96. *Sylvia nisoria merzbacheri* Schalow	n.							
97. *Sylvia communis* Lath.	n.							
98. *Sylvia minula* Hume	n.t.			t.n.	n.t		n.t	
99. *Sylvia nana* (Hempr. and Ehrenv.)	t.	t.						
100. *Phylloscopus collybita tristis* Blyth		t.						
101. *Phylloscopus inornatus humei* (Brooks)	t.							
102. *Phylloscopus affinis* Tickell.							t.n.	
103. *Phylloscopus griseolus* Blyth					n.			
104. *Acrocephalus arundinaceus orientalis* Temm. and Schleg.		n.t.		t.n.			n:	
105. *Acrocephalus scirpaceus* Herm.	t.						n.	
106. *Acrocephalus agricola* Jerd.							n.	
107. *Locustella certhiola* Pall.	t.				t.			
108. *Locustella naevia* Bodd.	n.						n.	
109. *Rhopophilus pekinensis* Swinh.			s:				s:	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
110. *Turdus kessleri* Przev.					s.	s:	s:	
111. *Turdus merula maximus* Seebohm		h:						
112. *Turdus ruficollis atrogularis* Jarocki	t.	h.		h:			t.	
113. *Turdus ruficollis ruficollis* Pall.				h.	t.			
114. *Turdus viscivorus bonapartei* Cab.	n.							
115. *Turdus iliacus* Linn.			h.e?					
116. *Oenanthe pleschanka* (Lepech.)	n.t.	t.		t.				
117. *Oenanthe deserti* Temm.		t.		t.n.	n.		t.	
118. *Oenanthe deserti oreophila* Oberh.							t.n.	
119. *Oenanthe oenanthe* (Linn.)	t.							
120. *Oenanthe isabellina* (Temm.)					t.		t.	
121. *Saxicola torquata maura* (Pall.)	n.							
122. *Saxicola torquata przewalskii* Pleske		t.						
123. *Phoenicurus erythrogaster grandis* Gould	n:	h.		h.	n.		n.	
124. *Phoenicurus schisticeps* Gray							n.	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
125. *Phoenicurus alaschanicus* (Przev.)					n.		n.	
126. *Phoenicurus hodgsoni* Horsf. and Moore							n:	
127. *Phoenicurus ochruros rufiventris* Vieill.	n:t.				n:			
128. *Phoenicurus erythronotus* Eversm.	n.t.							
129. *Phoenicurus caeruleocephalus* Vigors	n.							
130. *Luscinia megarhynchos hafizi* Sever.	n.							
131. *Luscinia svecica* (Linn.)	n:				t.			
132. *Calliope pectoralis* Gould.	n.							
133. *Troglodytes troglodytes tianschanicus* Sharpe	n:	h.	h.		t.			
134. *Troglodytes troglodytes* subsp.		h.					n.	
135. *Prunella collaris* Scop.	n.					h.	n.s?	
136. *Prunella atrogularis* Brandt	n.							
137. *Prunella fulvescens* Sev.	t.s?				n.s?	h.s?	n:s?	
138. *Prunella strophiata* Blyth							n.	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
139. *Prunella rubeculoides* Hodgs. and Moore					n.s?	h.s?		
140. *Cinclus cinclus przewalskii* Bianchi						s:		
141. *Cinclus cinclus leucogaster* Bp.	s:							
142. *Hirundo rustica* Linn.	n.			t.n:	n.		t.	
143. *Hirundo rupestris* Scop.	n:				n:		n.t.	
144. *Dryobates leucopterus* (Salvad.)			s:					s.
145. *Dryobates major* (Linn.)	n.s?							
146. *Picoides tridactylus* (Linn.)	n.s?							
147. *Cuculus canorus* Linn.	n.			t.n.				
148. *Upupa epops* Linn.	n.			t.			t.	
149. *Apus apus* (Linn.)	n:			t.	n.t.		n.t.	
150. *Caprimulgus europaeus* Linn.	[n]	t.			[n]			
151. *Coracias garrulus* Linn.	n.							
152. *Columba leuconota* Vig.						s.	s.	
153. *Columba rupestris* Pall.	s:				s:	s:	s:	s:
154. *Columba palumbus casiotis* Bp.	n.							

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
155. *Streptopelia turtur* (Linn.)				s.				
156. *Asio otus* (Linn.)					n.s?			
157. *Asio flammeus* (Pontop.)	n.s?							
158. *Bubo bubo* (Linn.)	s.			s.	s.	s.	s.	s.
159. *Athene noctua* (Scop.)		s.						
160. *Falco cherrug* Gray					n:s?	h.s?		s.
161. *Falco peregrinus* Tunst.		n.		n.				
162. *Hypotriorchis subbuteo* (Linn.)	n.			t.				
163. *Aesalon columbarius regulus* Pall.		h.		h.				
164. *Cerchneis tinnunculus* (Linn.)	s.	h.	s.		s.	s.	s.	s.
165. *Milvus korschun lineatus* Gray.	n.			t.n.		t.	n.	
166. *Haliaeetus albicilla* (Linn.)	t.				t.		t.	
167. *Haliaeetus leucoryphus* (Pall.)			[n]	t. [n]	t.	[n]	t. [n]	
168. *Aquila chrysaëtos* (Linn.)				h.		h.s?		
169. *Aquila nipalensis* (Hodgs.)	n.							
170. *Gypaëtus barbaltus* (Linn.)	s:				s:	s:	s:	s.

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
171. *Buteo hemilasius* Temm. et. Schleg.	t.n.			t.	[n]	[n]		
172. *Buteo rufinus* Cretzschm.	t.n.			t.				
173. *Accipiter nisus* (Linn.)		h.		h.	n.			h.
174. *Accipiter gentilis* (Linn.)				h.				
175. *Circus aeruginosus* (Linn.)	n.							
176. *Circus cyaneus* (Linn.)	n.	t.h.	s.		t.		h.t.	h.
177. *Aegypius monachus* (Linn.)	s:				s:	s:	s:	s.
178. *Gyps himalayensis* Hume	s:				s:	s:	s:	s.
179. *Egretta alba* (Linn.)				t.			t.h.	
180. *Nycticorax nycticorax* (Linn.)	n.s?							
181. *Eulabeia indica* (Lath.)				t.	n.t.	t.	n.	
182. *Anser anser* (Linn.)	n.t.	t.		t.	t.	t.	n:t:	
183. *Tadorna tadorna* (Linn.)				t.			t.	
184. *Casarca ferruginea* (Pall.)		t.		t.	n:t.		t.n.	
185. *Anas plathyrhyncha* Linn.	n.	t.		t:n.	t.		t.n.	
186. *Anas strepera* Linn.		h.		t.			t.	
187. *Anas acuta* Linn.		t.		t.	t.	t.	t.	

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
188. *Querquedula crecca* (Linn.)				t.	t.	t.		
189. *Nyroca fuligula* (Linn.)		t.					t.n.	
190. *Bucephala clangula* (Linn.)		t.					t.	
191. *Mergus serrator* Linn.					n.t.		t.e.	
192. *Larus ridibundus* Linn.	n.			t.	t.		t.	
193. *Sterna hirundo tibetana* Saund.	n.				t.		t.	
194. *Chlidonias nigra* (Linn.)	n.						t.	
195. *Pluvialis dominicus fulvus* Gmel.		t.						
196. *Charadrius dubius curonicus* Gmel.	n.			t.	n.			
197. *Charadrius mongolus* Pall.	n.				n:t			
198. *Charadrius alexandrinus* Linn.				t.	t.		t.	
199. *Arenaria interpres* Linn.					t.			
200. *Ibidorhyncha struthersii* Vig.	n.				n.	t.	n.	
201. *Himantopus himantopus* (Linn.)				t.n.			t.	
202. *Recurvirostra avocetta* Linn.							t.n.	
203. *Limosa limosa* (Linn.)				t.			t.	
204. *Xenus cinereus* (Güld.)		t.			t.			

Продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
205. *Tringa nebularia* (Gunn.)		t.		t.	t.			
206. *Tringa totanus* (Linn.)	n.			t.n.	n.t.		t.	
207. *Tringa glareola* Linn.		t.			n.			
208. *Tringa ochropus* Linn.	t.			t.			t.	
209. *Actitis hypoleucos* (Linn.)	n.			t.			t.	
210. *Gallinago solitaria* Hodgs.	[n]				t. [n]	t.		
211. *Gallinago stenura* (Bp.)					t.			
212. *Gallinago gallinago* (Linn.)	n.	t.						
213. *Lymnocryptes minima* (Brünn.)		t.						
214. *Calidris alpina* (Linn.)		t.						
215. *Calidris ferruginea* (Brünn.)		t.						
216. *Calidris temminckii* (Leisl.)	t.	t.			t.		t.	
217. *Rallus aquaticus* Linn.				t.				
218. *Crex crex* (Linn.)	n.							
219. *Porzana pusilla* (Pall.)					t.			
220. *Fulica atra* Linn.							t.n.	
221. *Grus grus* Linn.		t.		t:	t.		t.	
222. *Grus nigricollis* Przev.					n.		t.	
223. *Podiceps ruficollis* Pall.		h.						
224. *Syrrhaptes paradoxus* Pall.		e.	s.	h.t:	s.		s.	s.
225. *Tchangtangia tibetana* (Gould)					s.	s.		

Окончание

1	2	3	4	5	6	7	8	9
226. *Pterocles orientalis* (Linn.)	n.s?							
227. *Lyrurus tetrix* (Linn.)	s.							
228. *Tetraogallus himalayensis kozlowi* Bian.					s:		s.	
229. *Tetraogallus tibetanus* Gould.					s:	s:	s.	
230. *Alectoris kakelik dzungarica* Suschkin.	s:	s.						s.
231. *Alectoris kakelik magna* Przev.					s.	s.	s.	
232. *Perdix perdix* (Linn.)	s.							
233. *Perdiz daurica* (Pall.)	s:					s:		
234. *Perdix hodgsonia sifanica* Przev.					s:	s:	s.	
235. *Coturnix coturnix* (Linn.)	n.							
236. *Crossoptilon auritum* Pall.						s:		
237. *Phasianus colchicus vlangalii* Przev.							s.	
238. *Phasianus colchicus satscheuensis* Pleske.				s:				
239. *Phasianus colchicus tarimensis* Pleske.			s.					
240. *Phasianus colchicus turkestanicus* Lor.	s.							s.

Условные знаки: s (sedens) — вид оседлый в данной местности; n (nidulans) — вид гнездящийся, т. е. прилетающий гнездиться; h (hiemans) — вид зимующий, т. е. прилетающий на зимовку; t (transvolans) — вид пролетный; e (erraticus) — вид залетающий временно; : — вид обыкновенный и часто встречающийся в данной местности; . — вид более редкий, а также очень редкий.

Знак в квадратных скобках поставлен Е. В. Козловой-Пушкаревой по новейшим данным.

НОИН-УЛИНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Монголия, Восточный Туркестани Тибет до последнего времени продолжают сильно привлекать к себе внимание европейских путешественников-исследователей. Первые две страны манят преимущественно археологов и палеонтологов, Тибет же интересен главным образом исследователям живой природы, а также геологам, географам и этнографам.

На протяжении ближайших двух лет в Монголии работают, можно сказать по соседству, Монголо-Тибетская научная экспедиция Русского географического общества, во главе со мною, рядом с американской ученой экспедицией, под начальством Эндрюса, завоевавшего мировую известность успешными работами по добыче ископаемых остатков позвоночных в глубоких долинах озер центральноазиатского или так называемого внутреннего бассейна.

Монголо-Тибетская экспедиция весь полевой сезон минувшего 1924 г. провела в верхнем бассейне Селенги, на речках Хара, Тола, Орхон, захватив Юго-Западный Кэнтей, Южный Хангай и прилежащую на юге монгольскую полупустыню. Вблизи р. Хары, среди расчлененных живописных гор Ноин-ула, в трех соседних ущельях этих гор — Суцзуктэ, Цзурумтэ и Гуджиртэ — Монголо-Тибетскою экспедицией открыты три обособленные группы исторических памятников — древних курганов, общим числом 212, расположенных вдоль ручьев на красивых скатах.

В общем, горы Ноин-ула, ставшие известными всему культурному миру, представляют собою один из красивейших уголков Северной Монголии. Они известны окрестному монгольскому населению под названием Цзун-модэ, входят в состав земель Тушету-хановского аймака. Сильно расчлененные, по свидетельству профессора Усова они представляют кристаллический массив, в центре которого еще недавно производилась разработка кварцевых жил с большим или меньшим содержанием золота.

Перевал Суцзуктэ, на южном склоне которого залегает археологический лагерь экспедиции, является доминирующим в нашем районе. Отсюда открываются наиболее далекие виды к востоку — на гольцы Кэнтея и к юго-западу — на горное скопление окраинных к столице Монголии хребтов.

Растительный ландшафт Ноин-улы является вообще характерным для системы Кэнтея, лежащей к северу от Урги *. Некогда здесь была хвойная тайга, обильно покрывавшая внутренние пади и склоны хребтов, то причудливо пересекающихся в узлы и плато, то идущих параллельно в широтном направлении. От этой прежней тайги, существование которой несомненно в историческое время, еще и сейчас остались изреженные огнем и рубкой, но все же богатые леса Ноин-ула. Основной и главнейшей породой их является сосна (*Pinus silvestris*), занимающая от подножья нижние и средние пояса гор; выше она сменяется лиственницей (*Larix sibirica*) и кедром (*Pinus cembra sibirica*). Мы связываем заселение кэнтейской системы по преимуществу сосной с широким распространением в ней известковых горных пород, переходящих к северу в Забайкалье, в Даурию и образующих и там этот устойчивый тип горных сосновых боров. В верховьях глубоко врезанных тенистых падей изредка попадается ель (*Picea obovata*), ниже по руслам и долинам падей располагается ивняковая урема, с одиноко возвышающимися по ней лиственницами. Сравнительно нередки и высокоствольные лиственные породы: восточная крупнолистная береза (*Betula platyphylla*) и осина (*Populus tremula*), но они или приурочены к долинным склонам падей или опоясывают нижние части сосновых лесов по пологим аллювиальным шлейфам гор. Кроме ивняков, уремные заросли падей образуются еще кустарниковой березкой (*Betula fruticosa*), носящей местное название «ерника».

Травянистый покров осветленного, изреженного леса, его полян и опушек, поражает при незначительном числе видов, необычайным обилием и пышностью особей. Особенно ярка и нарядна весна, когда южные склоны покрываются ковром из белого анемона (*Anemone narcissiflora*) с золотыми пятнами «жарков» (*Trollius asiaticus*) и голубыми, напоминающими рои бабочек, цветами сибирского водосбора (*Aquilegia sibirica*). В это же время на каменистых вершинах цветет грязно-лиловый пушистый ургуй (*Pulsatilla vulgaris*) и моховые вершинные болота покрыты пунцовыми кистями первоцветов (*Primula farinosa*); в июне яркие весенние цветы отцветают и блекнут, и на смену им поднимается густой травостой злаков: пырея (*Agropyrum repens, A caninum*), волоснеца (*Elymus sibiricus*) и полевиц (*Agrostis alba, A. clavata, A. Trinii*). Сырые луговинки в уреме подернуты в это время пепельными соцветиями осок (*Carex Schmidtii, C. curaica, C. chloroleuca*) и мохнатыми султанами лисохвоста (*Alopecurus ruthenicus*). В июне же созревает не душистая, мало вкусная земляника (*Fragaria elatior?*), в июле и августе — крыжовник (*Ribes acicularis*), смородина (*Ribes diacantha, R. nigrum R. petraea*), малина (*Rubus idaeus*) и брусника (*Vaccinium vitis idaea*):

* Ныне г. Улан-Батор

П. К. Козлов в г. Улан-Батор в период подготовки к экспедиции. 1923 г.

последняя составляет любимую пищу глухарей, тетеревов и рябчиков. Ближе к осени в лесу и у воды отрастают грубые дудки зонтичных (*Pleurospermum uralence, Aegopodium alpestre*) и на сухих возвышенных буграх, в долине падей, выколашиваются жесткие кочки дэрэсу (*Lasiagrostis splendens*). На верховых болотах хребтов, доходящих до подгольцовой зоны и превышающих вертикальную границу леса, собственно только весна да самое начало запаздывающего лета и дают возможность развиваться травам. К осени обнаженные вершины охлаждаются по ночам до морозов, и многочисленные осоки (*Carex microglochin, C. capitata, C. pauciflora*) и ситники (*Juncus biglumis, J. castaneus*) несут медленно дозревающие плоды уже на фоне желтой, умирающей от вымерзания листвы. Еще позднее урема ив, боярышника (*Crataegus sanguinea*) и черемухи (*Prunus padus*) окрашивается пестрыми желтыми, оранжевыми и красными цветами вянущих листьев, осыпается лимонно-желтая береза и на угрюмом сером камне хребтов остаются только зеленые или золотистые пояса хвойных: более светлой сосны внизу, там и сям золотой лиственницы и темных групп кедра под оголенными вершинами, в верхних частях гор.

Наблюдения над животным миром южных отрогов Кэнтея, во время полного расцвета его жизни, показывают, что фауну этого района нельзя назвать богатой ни в отношении количества разновидностей, ни в отношении количества особей одного и того же вида. Наблюдателя здесь больше всего

поражает наличие представителей животного мира, свойственных разнообразным фаунистическим областям.

Широкие речные долины сохранили на своем просторе тушканчика (*Allactaga mongolica*). Здесь гнездятся дрофы (*Otis dybowskii*), журавли-красавки (*Grus virgo*), жаворонки (*Alauda arvensis, Melanocorypha mongolica, Calandrella minor*), а в болотистых низинах выходят чибисы (*Vanellus vanellus*) и кроншнепы (*Numenius arquatus*).

В кустарниковых зарослях лозы, черемухи, низкорослой березы устраивают гнезда гуси, утки и мелкие певчие птицы. В глухих лиственничных, сосновых и кедровых лесах можно найти самую типичную лесную фауну, а выше кедровников, среди каменных россыпей и оголенных скал, живет северная пищуха, соболь (*Mustella zibellina*), бродит лось (*Alces alces*) и гнездятся беркут и крупные сокола.

Участки, сохранившие степную фауну, как бы вкраплены в систему хребтов и пространственно не могут быть выделены в особый район вследствие своей расчлененности.

Отроги южного Кэнтея, по нашим наблюдениям, насчитывают около 30 видов млекопитающих [1] и до 200 видов птиц, считая оседлых гнездящихся и пролетных. Среди млекопитающих весеннее оживление стало заметно както сразу, в середине апреля. К этому времени по безлесным южным склонам, у гребней и по ним самим раскрылся лиловый цветок (*Pulsatilla vulgaris*); привлекаемые им в утреннем и вечернем полусвете, на открытых увалах стали появляться косули (*Capreolus pygargus*), до тех пор державшиеся в чаще лесов, подобно изюбрю или оленю (*Cervus asiaticus*). Та же первая растительность, привлекающая коз, вызывает из уединения глухих сиверов кабанов (*Sus scrofa*), и в утренние и вечерние сумерки можно встретить старых секачей, а также маток с поросятами, пасущимися по редколесью. Среди сланцевых скал и у подножья холмов, на солнцепеках, начинают бегать и резвиться проснувшиеся суслики (*Citellus eversmanni*). У подножья или вполгоры часто приходится наблюдать тарбаганов (*Marmota baibacina*); осторожное животное редко отходит далеко от своей норы, имеющей всегда несколько входов и выходов. Тихие заросли густых смешанных лесов оживились появлением бурундука (*Eutomias asiaticus*). Высокий отрывистый голос его раздается в некоторых местах чуть ли не у каждой колоды. Быстрый в движениях и очень любопытный, как и все животные, ютящиеся под землею, этот зверек мелькает по земле и стволам поваленных деревьев, быстро поднимая и опуская хвостик.

На открытых лесных полянах, в долинах речек с весною становятся заметны мелкие грызуны: *Micromys minutus, Apodemus maior, Cricetulus furun-*

[1] Необходимо упомянуть: кабаргу (*Moschus moschiferus*), волка (*Canis lupus* subsp.), лисицу (*Vulpes* sp.), рысь (*Felis lynx*), медведя (*Ursus arctos*), россомаху (*Gulo gulo*), барсука (*Meles* sp.), ежа (*Erinaceus dauricus*), белку (*Sciurus vulgaris* subsp.), летягу (*Sciuropterus russicus*) и зайцев (*Lepus timidus, L. tolai*).

culus, Microtus oeconomus subsp., *Stenocranius kossogolicus, Myotis* sp. и *Sorex*. За этими грызунами нередко промышляют хищники — хорьки (*Putorius eversmanni, P. sibiricus*) и горностай (*Putorius erminea*).

Голоса равнинных и северных пищух (*Ochotona daurica, O.* aff. *alpina*) зимою не приходится слышать; молчаливо и тихо показываются они из своих норок в более теплые дни и греются на солнце. С весною же постоянно раздаются быстро повторяемый, словно непрерывная трель, писк равнинной пищухи и односложный, но более резкий голос северной пищухи, оживляющий мертвые, раскаленные солнцем каменные россыпи горных хребтов. Северная пищуха гораздо строже обыкновенной или равнинной и подкараулить ее трудно.

Тушканчик живет в степной части широких долин; на день норка его затыкается земляной пробкой, и встреча с ним возможна только случайная — в сумерки или ночью.

В пернатом мире весна почувствовалась довольно рано — в марте — и выразилась прежде всего, конечно, в громких песнях, которыми оглашали леса и долины оседлые и зимующие обитатели. Особенно громко пели синицы, чечетки, оляпки, завирушки; дятлы выстукивали свою любовную трель, похожую на мелкую дробь барабана.

С апреля начался пролет мелких и крупных птиц. Вдоль речки, следуя изгибам течения, оживленно летала скопа (*Pandion Haliaëtus*), то появляясь в долине, то скрываясь в лесистом ущелье, где она впоследствии устроила гнездо на вершине лиственницы, над самой водой.

Мелкие птички по большей части появлялись незаметно; их приходилось видеть уже занятыми пением или отыскиванием корма в кустах. Только несколько видов — дрозд красногорлый (*Turdus ruficollis*), белые плиски (*Motacilla alba*), конек (*Anthus spinaletta, A. maculatus*) и в особенности овсянка (*Emberiza aureola*) — летели большими стаями на утренних зорях.

Сланцевые скалы южных склонов гор, со своей скудной травянистой растительностью, имеют свою особую, типичную орнитологическую фауну. Здесь держатся строгие изящные *Emberiza cioides*, в расщелине скал, в норках ютятся чеканы (*Saxicola oenanthe, S. pleschanka*), и один только раз среди гранитных отторженцев встречено целое семейство *Pratincola torquata*. К скалам прилепляют свои гнезда ласточки, а в глубоких трещинах прячут свое потомство удоды (*Upupa epops*), клушицы (*Pyrrhocorax graculus*) и стрижи (*Cypselus apus, C. pacificus*). Среди оголенных камней и россыпей можно часто встретить горного дрозда (*Monticolo saxatilis*), единственного обитателя скал, обладающего прекрасным мелодичным голосом.

Из полулесных обитателей можно упомянуть о *Phoenicurus aurorea* и о *Lanius mollis*, держащихся по опушкам и там же имеющих гнезда.

Самым оживленным районом нужно, однако, считать лесные заросли, окаймляющие горные речки. Здесь гнездятся не только сибирский снегирь (*Uragus sibiricus*) и ремез (*Remisa stoliczkae?*), но и бекас (*Gallinago megala*).

Срываясь внезапно с какой-нибудь колоды, где он сидел совершенно незаметный, окруженный ночными тенями, бекас с отчетливым стрекотанием поднимается круто вверх и, достигнув известной высоты, сложив особым образом крылья, бросается вниз, издавая при этом чистый, свистящий, зазывающий звук, какой можно создать быстро крутящимся металлическим волчком. На порядочной высоте от земли он останавливается в своем головокружительном падении и снова медленно и упорно начинает, забирая все выше и выше, повторять свое стрекотание.

Столь известной у нас на Западе тяги вальдшнепов *(Scolopax rusticola)* нам здесь наблюдать почти не пришлось, за исключением двух раз, глухою светлою ночью, вдоль лесистого горного склона, где не было ничего, кроме мелких ручьев, сбегавших по неглубоким распадкам.

Рябчиков, тетеревов и глухарей здесь много. Глухариный ток представляет несколько иную картину, нежели у нас на родине, и звук трели *Tetrao urogalloides* резко разнится от *Tetrao urogallus*. Песня монгольского глухаря состоит из щелканья, похожего на звуки кастаньет. Передать ее можно следующим образом: та-та-татак... пауза... та-та-татак... та-та-так-та-татак-та-татак-так-так.., причем в начале такт песни идет размеренно, в конце птица входит в азарт и как бы захлебывается. Токуя на земле, глухарь поднимает и распускает немного свой длинный хвост; крылья держит полураспущенными и почти волочит их по земле. Шея вытянута и голова поднята кверху. Бородка щетинится. Глухарь мерно и медленно выступает по кругам, подрагивая всем телом во время щелканья.

Вот эти-то горы Ноин-ула, растительную и животную жизнь которых мы только что представили, два ущелья этих гор, а именно Суцзуктэ, или «Молитвенное», и Цзурумтэ, или «Благочестивое приношение», и привлекли к себе бо́льшую часть нашего внимания, сил и средств еще с весны, когда везде кругом лежал мощным покровом голубоватый снег, когда по ночам бывало очень холодно и когда воздух согревался только днем, на жарком солнце Монголии.

Много труда было затрачено в свое время предками на каждую могилу-курган, чтобы открыть место на глубине пяти или даже семи сажен для установки большой капитальной деревянной погребальной камеры-гробницы с прахом и убранством знатного покойника. Огромные глубокие могилы рылись саженными уступами, с выходом лестницей в полуденную сторону; с этой же стороны и по этому же сходу и вносили торжественно покойника. Именно так рисуется исследователю могилы картина погребения. Живо представляешь себе длинную вереницу погребального шествия снизу долины вверх по ущелью. Большой массивный деревянный гроб, в своем шествии вниз, останавливается на дне могилы, в том же направлении от юга к северу. Внутри гроб отделан узорчатыми тканями, а снаружи — черным лаком с цветными рисунками и золотом; под гробом на полу разостлан ковер с шитьем бегущего во всю прыть рогатого лося, с крылатою рысью на спине, тере-

бящей зубами и когтями свою жертву, или рассвирепевшего быка, дерущегося с леопардом. Между сценами из животных красуются древние китайские иероглифы. Ковер отороченный цветной шелковой, со сложным орнаментом, тканью. Перед гробницей стоят большие глиняные урны и ряд изящных длинных закругленных лаковых китайских чашечек с оригинальным красочным орнаментом по бокам и на золоченых выступах.

На стенах погребальной камеры и прилежащих коридоров висят тонкие шелковые драпировки, а поверх их — шерстяные темно-коричневые греческие вышивки с фигурами людей, иногда важных сановников или вождей, на белом породистом коне, окруженных блестящей свитой, или просто охотника со стрелою, направленной в огромную птицу, со змеею в клюве. Там и сям, вдоль стен, на дне погребений, сосредоточено много бронзовых необъяснимых пока в своем назначении предметов: то в форме крупных, то в форме мелких цветов тюльпанов, с крючками, перевитых горевшим золотом, то в форме ваз, тазов с орнаментами, круглых колпаков или чехлов, длинных пестиков, то в форме жертвенных курильниц.

Наряду с бронзой и разными медными предметами встречались остатки седел из дерева, кожи, потников, шелковых покрышек и несколько украшений из конских волос, висевших то на груди, то защищавших голову лошади от надоедливых и мучивших насекомых. Любопытны из дерева же приспособления или орудия для добывания огня или изображения животных, например, оленя, или изюбря, как говорят сибиряки.

По части каменных предметов, в том или другом погребении попадались исключительно изделия из популярного в Азии нефрита. Янтарь также встречался в различных выражениях искусства — в форме бус, изображений свернутой змеи или так называемых крупных головных шариков, характеризующих высокое положение известного лица.

Многочисленные куски и кусочки одежд и изредка целиком или почти целиком самые одежды: рубаха, шапочка, курма или накидка с широкими или узкими рукавами, отороченными соболем, дают представление как о богатстве и изяществе преимущественно шелковых тканей, так и о покроях самой одежды.

Мягкая, тонкая по размерам и шитью, обувь сохранилась лишь в подошвах или накладках на подошву, в виде войлочных с орнаментом или однотонных шелковых, прошитых нитками, настилок. Несколько различных шелковых мешочков, также непонятных пока в своем назначении, за исключением одного, служившего, вероятно, для табака, с отверстием для трубки, вроде современных китайских или монгольских мешочка и ганзы.

Женские или мужские косы, из черных полужестких или даже мягких волос, заключенные в шелковые с фестонами чехлы, с талисманами, или совершенно открытые, как, например, одна женская густая черная коса, с вплетенным красным шнурком в конце и перевязанная таким же шелковым красным шнурком посредине.

«Мокрый» курган, урочище Суцзуктэ.
Вид с юго-запада

Я так и не развязывал и не расплетал этой косы, она в том виде и осталась, в каком была положена в погребение столько веков тому назад.

О возрасте ноин-улинских могильных курганов, открытых и разработанных Монголо-Тибетской экспедицией, говорит керамика, ее орнаменты, как одинаково орнамент металлического китайского зеркала или очень оригинальный, повторяю, красочный орнамент на китайских же лаковых чашечках, по бокам и золоченым выступам. Эти орнаменты специалисты-археологи относят к Ханьской династии, т. е. за два века до нашей эры.

Металл цвета священного огня буддистов или солнца — яркое червонное золото — выражено самыми различными предметами археологических находок: массивною головкой мифического животного, с красным камешком во лбу, изображением лошади, напоминающим таковых в орнаментах скифских ваз, серьгами, оригинальными кольцами, всякого рода округлыми, коническими изделиями, а также многочисленными пластинками и орнаментными накладками на гроб и т. п.

В заключение археологических раскопок, в марте сего года, когда движение грунтовых вод минимальное, так называемый «Мокрый» курган, Суцзуктэ, позволил себя очистить до погребальной камеры включительно и извлечь много всевозможных тканей, подвески из нефрита, оригинальные предметы, неповрежденную глиняную черную урну, красочный рисунок птицы и самое ценное сокровище — большой, сравнительно тонкий, шелковый ковер, в орнаменте которого — иероглифы и мелкие изображения грифона, рыси и пятнистого оленя.

Неповрежденная погребальная урна, добытая впервые в Ноин-ула, была обнаружена при очистке, в северо-западном углу коридоров, тогда как в северо-восточном были подобраны черепки другой урны, по размерам, однако, значительно уступающей первой.

Фрагмент подгробного ковра — грифон нападает на лося.
Раскопки Ноин-улинских курганов
1/3 натур. величины

В отношении количества и разнообразия образцов тканей «Мокрый» курган не уступает «Верхнему». Принимая во внимание выдающуюся «мокроту» обоих, можно высказать предположение, что вода низкой, нулевой температуры является для тканей отличным консервирующим средством.

Ткани «Мокрого» кургана качественно несколько беднее, чем ткани «Верхнего». Подгробный ковер менее пышен, а наиболее распространенный мотив узора аналогичен по идее, но беден по внешности. Грубо разрезанные и грубо сшитые куски материй с художественным орнаментом лишний раз указывают на невысокий культурный уровень устроителей гробницы. В этом собрании попадаются куски тканей со следами вшитого в них пластинчатого золота. Но вообще золотых пластинок, как и в «Верхнем» кургане, найдено очень немного. Сложным звериным орнаментом вытканы верхние покровы обоих ковров, центрального и западного. В орнаменте последнего — четыре зверя; один из них трудно различим.

Рисунок птиц на нижней стороне пола гроба знаменателен в двух отношениях. Во-первых, это произведение искусства, туземного и современного покойнику. Во-вторых, рисунок говорит о том, что, вероятно, и весь гроб был разрисован таким же образом, но со временем крайне непрочный лаковый слой отстал и превратился в труху. Сохранность настоящего рисунка обусловливается тем, что в данном месте пол гроба плотно прилегал к лежке.

«Верхний» или «Шестой» курган — самый глубокий и самый богатый — в своей дополнительной разработке еще не окончен. Наружный потолок погребального помещения покрыт художественною тканью с любопытным орнаментом из черепахи, ящерицы, рыб, птиц и ромбов. Ткань лежит непосредственно на гладко отесанных бревнах. Ее покрывает слой весьма доброкачественного войлока. Войлок покрыт слоем мха, сильно спрессованным земляным давлением. Отдельные куски и обрывки этой ткани были сняты

с вывалившихся частей бревен наружного потолка в южной части погребального помещения.

Суммируя всю погребальную обстановку ноин-улинских курганов, до деревянных грубых ковша и корытца и нитяных сеток включительно, получаешь довольно полное представление о той народности, которая обитала некогда в Монголии: по черепам и остаткам костей, вообще, ее никак не отнесешь к монгольскому, а скорее к арийскому происхождению.

Общими усилиями трудов археологов в недалеком будущем история ноин-улинских погребальных курганов будет вылита в ясное, стройное, целое исследование, которое поднимет завесу над этим мирно покоившимся уголком красивой горно-лесной природы Монголии, над уголком, который ютится всего в 130 километрах к северу от столицы Монголии и в 7—10 км. к востоку от исторического тракта между Кяхтой и Улан-Батором.

По этому великому пути исстари проходили караваны — мирные или торговые, или также полчища переселений народов, стремившихся, как и теперь, к далекому Западу, оспаривая силой оружия право на владение лучшими угодьями. Стремились люди, любовавшиеся живописными горами, далекими на востоке серебристыми вершинами хан-кэнтейских гольцов, по которым красиво играют утренние и вечерние красочные зори, не подозревая, что в близком с ними соседстве, в уютных уголках ущелий, мирно покоятся вожди и воители их близких и далеких предшественников, «ханы первой кочевой империи».

В заключение, я позволю себе остановиться на следующем: мы могли приступить к археологическим, да и вообще ко всем научным работам о Монголии, только с разрешения Монгольского правительства, в частности Монгольского Ученого комитета, сделавшего для Монголо-Тибетской экспедиции все, чтобы обеспечить ей посильный успех. Экспедиция широко воспользовалась не только правом производства археологических раскопок в Ноин-Ула, но и правом пользования жилыми помещениями урочища Суцзуктэ и всевозможным рабочим инструментом и лесным материалом при ведении раскопок. Кроме того, Монголо-Тибетская экспедиция раскинула в Монголии сеть экскурсий и наблюдательных пунктов, в целом давших науке много нового и интересного материала для освещения картин природы Монголии.

Монголо-Тибетская экспедиция в большом долгу перед соседкой СССР, но она, пока, в состоянии только выразить правительству и Ученому комитету гостеприимной Монголии свою глубокую благодарность и признательность. В лице моего старого друга Ц. Ж. Жамцарано — председателя Ученого комитета Монголии — я горячо приветствую науку в Монголии. На СССР, на Академии истории материальной культуры, по моему мнению, лежит нравственная обязанность всецело выполнить соглашение Монголо-Тибетской экспедиции с Ученым комитетом Монголии — это залог дальнейшей прочной культурной связи СССР с близкими ей народностями Востока.

СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ

Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества 1923—1926 гг.

Еще одно путешествие в Центральной Азии — Монголии, еще новая страница из истории прошлого этой интересной страны. Зимою 1924—1925 гг. мне пришлось временно оставить Монголию, а с нею и мою Монголо-Тибетскую экспедицию, чтобы съездить в Москву и Ленинград и доставить в Географическое общество и Академию наук все археологические ценности, найденные в разрытых экспедицией курганах в горах Ноин-Ула. В Ленинграде специалисты-археологи предварительно разобрались в находках монгольских курганов, отнеся их ко времени Ханьской династии с культурой Китая, с одной стороны, и античным влиянием, с другой. Интерес ноин-улинских научных ценностей оказался громадным, в особенности по отношению материала, извлеченного из так называемого Шестого, или Верхнего, глубокого, богатого кургана.

Вследствие обвалов и оползней стен ямы этого Верхнего кургана работы пришлось временно приостановить. Между тем, многие предметы погребения (а в том числе и подгробный ковер, представляющий исключительную ценность), находившиеся внутри погребального помещения, не были извлечены. Это обстоятельство заставило с ранней весны приступить ко вторичной разработке Верхнего кургана — последним археологическим раскопкам в Ноин-уле, так как летом предстояло настоящее путешествие — продвижение экспедиции в глубь страны: в Хангай, Монгольский Алтай и далее к югу, до мертвого города Хара-хото или низовья Эцзин-гола включительно.

Верхний курган расположен в восточной подгруппе суцзуктинских могил, в ее северной части. Кругом — березняк и редкие сосновые деревья; много пней вековых лиственниц, сосен и много валежнику. На внутреннем скате воронки кургана имеется пень от вековой сосны 160 лет. Верхний курган — один из наиболее крупных курганов суцзуктинской группы и самый крупный ее восточной подгруппы. Основная его граница, очертание — квадрат,

сторона которого 24,5 *м*, высота насыпи 1,62—1,95 *м*, навал над входом, или шлейф кургана, имеет в длину 22,5 *м*, ширина его основания — 9,25 *м*. Каменная кладка с внешней стороны кургана и у входа обильна; это обстоятельство предохранило насыпь от размывания и уберегло форму всего земляного сооружения. Как и другие курганы, Верхний ориентирован по странам света. Вход и две стороны квадрата расположены в меридиональной плоскости; две другие стороны — в вертикальной, т. е. от востока к западу.

Разрабатывать именно этот курган побудили нас следующие мотивы: основательность всего сооружения, хорошая сохранность формы и его большее возвышение над горизонтом водного слоя в ручье (22,5 *м*), нежели у каждого из остальных курганов этой подгруппы.

Первоначальная раскопка кургана началась 24 марта и закончилась 20 мая 1924 г. В результате было извлечено из кургана 145 предметов. Все археологические ценности с января 1925 г. находятся в Ленинграде и были впервые выставлены в помещении Русского географического общества. Вторичная разработка Верхнего кургана была предпринята в начале марта 1925 г., когда рабочие приступили прежде всего к откачиванию воды, накопившейся за год в гробнице и нижней части обшитой срубом ямы. После удаления воды начаты были работы по извлечению земли, и вскоре на вывалившихся частях наружной части потолка были неожиданно обнаружены куски художественно вышитой ткани. Детальный осмотр потолка на его краях и изломах, доступных наблюдению, привел к предположению, что тканый ковер покрывает значительную часть потолка.

К спуску нового сруба мы приступили в начале апреля [1]. Вероятно ввиду мелкоснежья минувшей зимы промерзлость почвы распространилась на 4 *м* от поверхности земли, что значительно отразилось на быстроте работы. Встретились и другие затруднения. Много вспомогательных приспособлений пришлось сконцентрировать при спуске и установке сруба, а также и при очистке гробницы. При настоящей разработке Верхнего кургана мы применили расширение нижней части сруба в форме усеченной пирамиды с площадью нижнего основания в 15 *м*.[2] Расширение сруба начали на расстоянии 2 *м* от потолка гробницы. Этот прием, с одной стороны, позволил нам освободить сверху бóльшую часть гробницы, с другой, — ограничиться относительно весьма небольшим выбросом земли.

С глубины 9 *м* стали попадаться в большом количестве крупные куски камня. С конца десятого метра грунт принял черный оттенок от обилия мелкого и порошкообразного угля. При этом отмечены следующие детали погребения, не наблюдавшиеся при первой разработке:

а) на многих стойках сохранились слабые следы капителей;

б) в северном коридоре, окружающем погребальную камеру, обнаружены остатки трех стоек, прилегавших к северной стене внутренней камеры и рас-

---

[1] Вскоре по возвращении моем из Москвы в Монголию.

положенных против трех стоек, отмеченных на плане; таким образом, в северном коридоре шесть стоек;

с) меридиональные стены внутренней камеры выдаются на 0,08—0,1 *м* за северную и южную поперечные стены;

д) концы наружных матиц входят в вырубленные для этой цели отверстия в стенах.

По окончании этой стадии работы приступили к исследованию и извлечению земляного наплыва из глины и песка, частью просачивающихся, частью осыпавшихся в погребальную камеру. Прежде всего был очищен северный коридор, где были найдены остатки двух урн, косы, обрывки различных тканей и кожи, седла, два деревянных пилястра, два куска толстого ковра и другие предметы. Затем перешли к северной части внутренней камеры, до гроба, и к восточному коридору. В последнем, на весьма небольшой площади, было найдено много ценных предметов: кусок толстого ковра, одежда покойника, барельефы аргали, или овцебыка, и т. д.

В дальнейшем с особой тщательностью была пересмотрена земля в гробу, но в ней не оказалось ничего. Освобожденный гроб извлекали по частям наружу. В некоторых местах на нем видны следы лака и краски. Подгробные лежки оказались в сильно сдвинутом положении. Они были прикрыты кусками шелка с богатым рисунком — крылатые всадники и олени. Покойник был вытащен из гроба, по-видимому, грабителями и брошен в восточном коридоре, где оказался в сидячем положении. При разборке частей широчайшей одежды, из шелковых кальсон были извлечены остатки костей — коленные чашки, обломки большой берцовой кости и др., обильно покрытые зелеными кристаллами. Одежда покойника издавала резкий, но не неприятный запах, отдаленно напоминающий запах камфоры. Быть может, это следы консервации трупа. Много вещей было найдено под гробом и в западной части внутренней камеры и немного, сравнительно, в западном коридоре.

В общем, настоящая разработка Верхнего кургана дала находки по своей ценности, по-видимому, не уступающие предметам, ранее добытым из этого кургана. Достаточно отметить одежду покойника, надпотолочный ковер, ковер из внутренней камеры с местным орнаментом, изображающим лося с грифоном и быка с леопардом, вышивку типа «человек и птица», барельефы копытных, ткань с «крылатыми всадниками», крашеные пилястры и др. Всего добыто, не считая керамики и частей ковра, около пятисот отдельных предметов. Весь этот материал был вскоре затем доставлен в Ленинград и приобщен к таковому первой привозки, находившемуся уже в Мраморном дворце, в Российской Академии истории материальной культуры [1]. Здесь на время юбилейных торжеств Академии наук была устроена выставка ноин-

[1] «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской Экспедицией П. К. Козлова», Ленинград, 1925.

улинских археологических ценностей, привлекшая внимание и иностранных гостей.

Одновременно с раскопками ноин-ульских курганов членами экспедиции непрерывно велись геологические, ботанические, зоологические сборы. Зоологические коллекции, в частности, орнитологические, дали немало нового, как в области систематики, так и в зоогеографическом отношении. Летом 1925 г. экспедиция закончила раскопки в горах Ноин-ула и не без некоторого сожаления рассталась с лесистым Кэнтеем, где так плодотворно протекала до сих пор ее работа. Наш суцзуктинский лагерь был перенесен в Ургу для окончательного снаряжения в дальнейший путь, в глубину Монголии.

В последние годы, начиная с 1912 г., Монголия живет более или менее самостоятельно, устраивает собственное хозяйство, имеет средние и низшие школы, имеет Ученый комитет или Академию наук с музеем, богатой библиотекой. Во главе Ученого комитета стоит известный монголист Цебэн Жамцаранович Жамцарано. Монгольский Ученый комитет начинает организовывать свои экспедиции и участвует в экспедициях, направляемых в позднейшее время в Монголию так называемой Монгольской комиссией при Совнаркоме и Академии наук, а теперь исключительно при Академии наук. Все вообще экспедиции, прибывшие в столицу Монголии — Улан-Баторхото, немедленно устанавливают с Монгольским Ученым комитетом более или менее тесную связь.

Руководимая мною Монголо-Тибетская научная экспедиция Русского географического общества имела самые дружеские отношения с Монгольским Ученым комитетом. Да и все население страны всегда оказывало нам внимание и гостеприимство и тем самым в значительной мере содействовало успеху экспедиции.

Все монголы, встречавшиеся на нашем пути, за весьма немногими исключениями не имели косы; коса, как пережиток, нередко встречается в глубине страны; чаще, нежели прежде, монголы в свою монгольскую речь вставляли русские слова, а то и целые фразы. С бóльшим, нежели прежде, вниманием и доверием они наблюдали за сортировкой и укладкой гербария, препарированием птиц и ловлей насекомых; с готовностью брали в руки предложенный им сачок, чтобы поймать бабочку или муху. Одни ловили, другие восхваляли ловкость своего собрата, или, чаще, смеялись над тем, как неопытный ловец, упустив насекомое, падал при непривычно быстром движении по неровной поверхности. Монголы жизнерадостны, заливаются звонким смехом и неподдельно веселятся. Но чего они смертельно боятся, так это змей; ни за что на свете не согласятся они не только взять в руки, но даже и близко подойти к такому зоологическому объекту.

Кстати о змеях. В наших спиртовых коллекциях змей, вообще, насчитывается до 40—50 экземпляров, принадлежащих к пяти видам. Наибольшая из змей (*Coluber schrenckei*), имеющая в длину около 2 *м*, была изловлена

мною в летнем саду богдоханского дворца в Пекине, к ужасу монголов и китайцев, руками; на их глазах я сначала извлек ее длинным шестом из пруда, в котором змея плавала, красиво выделяясь в прозрачной воде на солнце, а затем поймал ее на мраморном полу. Когда я выходил из сада с моим приятелем профессором А. И. Ивановым, китайцы-привратники хотели было заглянуть в узел, в котором я скрыл мою пленницу, но, увидев в нем ее большую голову, со страхом разбежались в стороны, махая мне руками в знак того, чтобы я скорее удалился по направлению к автомобилю. Впоследствии монголы рассказывали с прикрасками о моем «подвиге», называя меня богатырем и заклинателем змей.

Но бывали и другие случаи, кончавшиеся иногда очень печально, но к счастью благополучно сходившие участниками экспедиции. В Монгольском Алтае орнитолог экспедиции Е. В. Козлова во время раскапывания норки грызуна была в течение одной минуты дважды укушена ядовитой змеей *Ancistrodon halys* сначала в палец правой руки, затем в палец левой руки. Узнав о несчастии, монголки быстро принесли несколько деревянных посудин с кислым молоком, в которое страдавшую от ужаления заставили опустить руки. Это исцелило путешественницу, проболевшую, однако, около месяца.

После того как монголы еще в недавнее время старались противиться вашим намерениям видеть то или иное по части памятников или естественных богатств страны, когда они так недоверчиво смотрели на вас как на нарушителя заветов предков, стараясь, как можно скорее сплавить вас из своих мест, когда они, таким образом, выводили исследователя из себя — вам странным кажется, что те же обитатели долин и гор Монголии теперь вызываются показать путешественнику все, что его интересует. Это обстоятельство приятно удивляет вас.

Ныне, при новом управлении, в Монголии имеются школы, в которых дети получают необходимые знания. Просвещение монголов послужит лучшим средством для сближения их с другими народами.

В конце июля я проводил первый отряд экспедиции, во главе с моим старшим помощником С. А. Глаголевым, которого сопровождали в качестве сотрудников К. К. Даниленко, А. Д. Симуков, Н. В. Пржевальский, Филипп Вторушин, переводчик монгольского языка Ринчин Анюшеев и проводники и подводчики. Багаж моих спутников шел на монгольских телегах с быками, а сами они ехали верхом на лошадях, в казачьих седлах. Моим спутникам было поручено следовать на юг и пересечь Монголию в меридинальном направлении, между маршрутами Н. М. Пржевальскими и моими вплоть до Монгольского Алтая.

От восточного крыла последнего отряду Глаголева удалось направиться на запад-юго-запад по старинной, никем из исследователей еще не посещенной «торгоутской» дороге, проложенной из Китая в низовье Эцзин-гола, и посетить Хара-хото. При пересечении Центральной Гоби отряд счастливо

вступил на древнюю историческую дорогу, проложенную руками людей, подвластных владетелю г. Хара-хото в дни кипучей жизни города и оазиса, протянувшуюся на сотни километров от Хара-хото до китайской низменности. Дорога эта до сих пор местами сохраняет вид искусственной насыпи и отчетливо выделяется наблюдателю, едущему сбоку. Не имея в руках открытого листа китайского правительства, члены экспедиции пробыли на первый раз в Хара-хото очень короткое время и, собрав некоторый археологический материал, отошли к северо-востоку в горы Ноин-богдо, где приступили к детальному естественноисторическому исследованию этой местности.

1 августа 1925 г. западная партия Монголо-Тибетской экспедиции, во главе со мною, выступила из Улан-Батор-хото к юго-западу, вниз по долине Толы. Со мною, выступила: старшая моя помощница, орнитолог экспедиции Е. В. Козлова, затем младшие сотрудники: В. А. Гусев, В. М. Канаев (препаратор), переводчик Ганчжуров, проводник и подводчики. На пространстве первых 60 верст, до кумирни Баиртэ, характер этой долины ничем не отличается от ближайших окрестностей Урги, урочища Сангин и др. Река несколькими мощными рукавами катит свои воды среди густых древесных и кустарниковых зарослей, преобладающими формами коих являются: ива, тополь, черемуха, яблоня, боярышник и пр.

Ширина долины колеблется от 1 до 3 верст. Мягкие холмы, отроги береговых хребтов, отступивших на значительное расстояние от реки, местами сменяются сланцевыми выходами, вздымающимися над самой водой. В этих обрывистых скалах, в трещинах среди камней, находили свое дневное убежище филины, прилетавшие иногда по ночам в соседство нашего лагеря. Болота были оживлены выводками красивых бледно-серых гусей-лебедей *. Над лугами, пестревшими последними осенними цветами, носились бабочки, шмели и разнообразные пестрые мухи, во множестве поступавшие каждый день в нашу энтомологическую коллекцию. Работы было много. Мы выступали до зари, совершали длительный шести- семичасовой переход, во время которого велась буссольная съемка местности, и останавливались в какомнибудь привольном месте около воды, где и разбивали бивак. Наскоро напившись чаю, все тотчас направлялись на экскурсии — кто с ружьем для добычи птиц и грызунов, кто с сачком, кто с ботанической сеткой. К вечеру приступали к препарированию добытого, а с наступлением темноты, вблизи развернутого белого экрана, а то и просто белой палатки, зажигался ацетиленовый фонарь с рефлектором, на свет которого до поздних часов летели ночные бабочки, особенно интересовавшие ревностных энтомологов. Для сна оставалось несколько часов, но зато он был крепок и наступал тотчас, как только человек принимал горизонтальное положение.

Несколькими верстами ниже Баиртэ-догына кустарниковая растительность заканчивается и расширившейся долиной реки начинает завладевать

* Гуси-сухонны (*Cygnopsis cygnoides*).

степь. Наша большая дорога то поднимается на плоскую вершину лугового увала, с которой открывается широкая даль, то спускается на дно низин или котловин с озерами. родниками или колодцами, питающими кочевников и их стада, пасущиеся на привольных пастбищах. Иногда дорога оживлена медленно идущими караванами или легкими пестрыми кавалькадами, быстро мчащимися на сытых, крепких монгольских лошадях.

Там и сям гарцуют или, замерев, стоят на месте охотники на тарабаганов, или сурков. Забавны бывают приемы таких номадов, обманывающих любопытных грызунов. Завидя сидящего у норы сурка, охотник быстро припадает к земле и поднимает над головою небольшую кисть из темных сарлочьих или конских волос, прикрепленных к рукоятке. Этой кистью он делает порывистые движения, соответствующие подергиванию хвоста, которым, как известно, сурок сопровождает свой крик. Животное, заинтересованное странным предметом, напряженно следит за ним и легко подпускает к себе охотника на расстояние выстрела. Цена на мех грызуна ныне поднялась до двух рублей золотом. Принимая во внимание, что ежедневно можно добыть три-четыре экземпляра на человека, станет понятным увлечение охотой на тарабаганов всех охотников. Не имеющие ружей монголы откапывают зверьков обыкновенными лопатами, но, конечно, этот способ тяжел физически и вознаграждается меньшим успехом.

7 августа экспедиция прибыла на извилину, на место крутого поворота реки Толы на северо-запад, в урочище Улхуин-булун, где вблизи нежилых деревянных построек, охраняемых старым ламою-монголом с огромными монгольскими собаками, и разбили бивак. Здесь экспедиция остановилась на более продолжительный срок; предстояло разыскать некоторые памятники древности, о которых мы слышали еще в Урге. Монголы, встречавшиеся на нашем пути одинокими семьями, почему-то боялись дать указания или, вернее, не знали об этих исторических памятниках, а потому нам надо было найти их собственными силами.

Урочище Улхуин-булун оказалось очень интересным для нас во всех отношениях: река Тола разбивалась здесь на несколько рукавов, которые, вероятно, в давно прошедшие времена несли много воды, теперь же совсем заросли болотными растениями и текли едва заметно, тихо. Местами эти старицы расширялись в порядочные озерки, окаймленные камышом. Множество куликов бегало по глинистым берегам отдельных луж воды, на озерах держались разнообразные утки, гуси, а около камышей постоянно стояли и медленно расхаживали степенные серые цапли. В кочковатых болотах бекасы трех различных видов поднимались иногда по нескольку сразу, и для наших охотников наступила страдная пора. Во время вечерней зари бывала самая интересная охота на стойках, когда гуси во множестве тянули, вереница за вереницей, с открытых быстрых вод Толы на ночлег, в тихие уголки озерков на старицах.

Вблизи юго-восточных гор залегли обширные массы тончайшего песка, расположившегося здесь высокими безжизненными дюнами и занимавшего площадь около 8 $км^2$. Эти пески привлекали наше особенное внимание; они, казалось, скрывали под своим сыпучим покровом разыскиваемые нами древние могилы.

Много раз мы экскурсировали к ним, со вниманием всматривались в очертания красивых барханов, разделенных между собою глубокими воронками, но толща песка залегала от 15 до 20 *м* в высоту, и кроме одиноких кустов пустынной ивы, далеко простиравшей свои жаждущие влаги корни по поверхности из стороны в сторону, взгляд не улавливал ничего. Только через несколько дней, во время экскурсии, один из наших охотников отметил в боковой долине, простиравшейся к югу, за озером с камышами, два небольших возвышения вроде курганов.

Отправившись тотчас на осмотр этих памятников древности, я обнаружил вблизи них каменный предмет, едва торчавший из-под земли. Быстрые рекогносцировочные работы обнаружили огромных размеров гранитную черепаху, весом более полуторы тонны. Панцирь ее был украшен правильными шестигранниками, и на боках выделялись с одной стороны — высеченный рисунок змеи, с другой — фигура стилизованного козла, с ромбовидной головой. Невдалеке, около курганов, стояли и лежали разбитые каменные фигуры людей. Это и была та Тукюэсская, или турецкая, могила, которую мы разыскивали.

Подъемный материал и пробные раскопки курганов дали нам много интересных образцов керамики с орнаментом и без такового. С этого древнего могильника в долине р. Толы начались наши успешные работы по открытию и регистрации памятников старины, которые не прекращались до самого прибытия экспедиции в Южный Хангай.

В горах Бичиктэ-дулан-хада, или «Письмена теплых скал», экспедиция расположилась у отличного пустынного колодца и прожила здесь целую неделю, заглядывая во все уголки, во все сложные складки этих гор. В целом массив Бачиктэ-дулан-хада сильно напоминает такой массив, расположенный на пути из Урги в Калган и известный под именем Чойрэн, с телеграфной станцией этого же названия. Как тот, так и другой высоко поднимают свои вершины и издалека манят к себе путника; и тот, и другой сложены из гранитов, представляющих лабиринт ущелий, теснин, отвесно ниспадающих утесов, скал, лепящихся уступами в живописном беспорядке и уходящих остриями гребней в голубую высь.

У местных кочевников существуют интересные предания относительно тех и других гор, а также рассказы по поводу большого богатства, хранящегося в их глубоких пещерах, провалах и расщелинах. На одну из таких пещер в Бичиктэ мне указывали и на ухо шептали: «Много смельчаков отправилось туда, но никто из них не вернулся: в глубине пещеры, в одном из тесных проходов, невидимая рука срезает головы».

Каменная черепаха в долине р. Толы.
Фото Э. М. Мурзаева

На скалах Бичиктэ, на гладкой поверхности гранитов, мы нашли множество писаниц. Некоторые изображали горных козлов, или янгэряманов, изюбрей, зайцев. Другие походили на тукюэсские письмена. Были также и определенно латинские буквы, не составлявшие, однако, никаких удобопонятных слов ни на одном европейском языке. В одном месте мое внимание привлек рисунок человеческой левой руки, ладонью кверху, исполненный непонятным для меня способом какими-то тонкими белыми жилками, как бы включенными в состав хранящей их основной породы. Под этим рисунком таким же способом начертана латинская буква «А». У подножья Бичиктэ, на пространстве до 5 верст расположено свыше 70 кэрэксуров, самой разнообразной величины, принадлежащих к трем типам могильников: прямоугольные кэрэксуры с кучками мелких камней в центре и по углам, круглые кэрэксуры и так называемые «плиточные могилы».

С юго-востока к Бичиктэ примыкал хребет левого берега Толы, с высокой вершиной Унчжуль, от которой река отошла на значительное расстояние в своем повороте на северо-запад.

За Бичиктэ в западно-юго-западном направлении залегает волнистая степь; соседние темноскалистые цепи гор, с доминирующим Хайрханом включительно, постепенно отходят к северу. В полуденную сторону попе-

речные горные гряды мельчают, и лишь на отдаленном крае этого горизонта вновь поднимаются темным валом горы Наримтэн-ула. Это — вдали, тогда как вблизи, у южного подножья Хайрхана, путник отмечает ряд кэрэксуров — каменных могил или насыпей, окаймленных то квадратным, то округлым кольцом из камней в виде правильных фигур со включением каменных гирлянд, разбросанных по углам могил или вдоль их общих очертаний.

На вершине перевала Судж и на всем переходе, приведшем нас в котловину озер Тухум-нор, ярко блестевших на солнце белыми солеными поверхностями, с монастырем того же названия, мы наблюдали много змей, принадлежащих к двум видам: обыкновенному в Монголии *Ancistrodon halys* и довольно редкому здесь *Zamenis spinalis* — тонкому, с красивыми коричневыми полосами вдоль всей длины животного, которых и изловили в нужном для коллекции количестве экземпляров.

Из горных пород по дороге из Бичиктэ, между прочим, обнаружена красивая темно-красная или бурая со светлыми прожилками яшма. В поделках с подобающим шлифом эта яшма должна представлять известную привлекательность.

Во впадине Тухум-нор я коснулся маршрута моего предыдущего путешествия «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото», поэтому на описании озер и монастыря при них я не останавливаюсь. Скажу лишь, что в долине этой, на всем ее протяжении, ютилось много грызунов, норками которых местами сплошь была продырявлена земля. Обилием пищух объясняется большое скопление здесь крылатых хищников: сарычей, соколов и даже орлов; последние, впрочем, предпочитают охотиться за более крупными животными — сусликами. Показались, наконец, и антилопы, *Gazella gutturosa*, а из птиц — пустынные рябки, или бульдуру, с шумом бури пролетавшие через наш караван. И антилопы и бульдуру, *Syrrhaptes paradoxus*, являются типичными представителями животных форм Монголии. Тут же мы наблюдали впервые и верблюдов, пасшихся на их любимых солончаковых угодьях. Юрты кочевников группами виднелись всюду кругом, подле колодцев.

За долиной Тухум-нор наш путь проходил по степной полосе с оврагами или ложбинами, в которых имелись родниковые воды, где по соседству с монгольскими стадами скота отдыхали пролетные пернатые, обогащавшие орнитологические сборы экспедиции.

По мере приближения к горам Наримтэн-ула на нашем пути чаще залегали оригинальные матрасовидные, нередко причудливые по своим формам серые граниты, и вновь — памятники погребений в виде каменных столбов, кэрэксуров и т. п.

Наконец, и луговой, весьма пологий перевал Наримтэн-котул, открывший нам вид на долину Мишик-гун и следующую поперечную цепь гор Тармцик. Погода стояла чисто осенняя — сухая и тихая; по ночам были

незначительные морозы, но днем на солнце прозрачный воздух значительно прогревался и открывал широкие дали. Зори были красочные, ночное небо ярко звездное.

В долине Мишик-гун, при колодце Нарини-худук, в соседстве небольшого озерка, с одной стороны, и торгового отделения Монгольского кооператива, с другой, экспедиция расположилась лагерем более нежели на неделю. Благодаря соотечественникам, везде в Монголии предусмотрительно относящимся к экспедиции, в частности благодаря П. П. Бармину и рекомендованному им проводнику Вачиру, мне удалось найти на юго-востоке от Мишик-гун, в урочище Доут-нор, среди моря серо-розовых рыхлых крупнозернистых гранитов, любопытный острововидный выход темных диабазовых скал, с отшлифованной бурями блестящей поверхностью. На этих скалах умелый художник-резчик картинно выгравировал две большие монгольские надписи, письмена, начертал животных, растения и т. п. Имеются также письмена на тибетском и китайском языках.

Меня больше всего привлекли к себе художественным видом, своей тонкой гравировкой письмен две скалы с семнадцатью и восемью вертикальными строками. Монгольские письмена заключают в себе несколько мыслей, высказанных некогда известным борцом за староверческое, или красношапочное, учение Цокто-тайчжи. Будучи далеко за пределами своего хошуна вследствие религиозной борьбы, он сильно тосковал о своей любимой сестре, оставшейся на реке Ононе, и в сердечной печали предавался философским размышлениям, которые были записаны, а потом и выгравированы его последователями на темных диабазовых скалах, похожих на «драгоценную» медь.

Ученый секретарь Монгольского Ученого комитета Ц. Ж. Жамцарано, по нашей просьбе, сделал предварительный перевод монгольской надписи сначала большой с семнадцатью строками, а потом и малой — с восемью строками монгольских письмен.

Первая надпись гласит:

«В год белой курицы, 1624 г., первой осенней луны, 21-го числа Цокто-тайчжи, охотясь в северных горах Цэцэрлика Хангай-хана на своем бронированном коне Хумку-халтыре, поднялся на вершину, посмотрел на восток и, очень опечалившись сердцем, тоскуя о своей старшей сестре Калготе, произнес сии слова и заплакал:

— Хотя и есть разница между местопребыванием Тэнгэри-хана наверху и великими святыми на земле, но в своем счастьи и любви, в смысле милосердия,— они одинаковы.

Хотя и есть разница в местонахождении бодисатв — последователей Будды — в пещерах Агииста (рай.— *П. К.*) и пребывающих на золотой земле людей, имеющих сердце Боди, но в деле милосердия и сострадания — они одинаковы.

Хотя и есть разница между законами и порядком добрых тушемилов —

министров великих ханов — на земле и судилищем Эрлик-хана в потустороннем мире, но в суждении о правде и неправде — они одинаковы.

Хотя и есть разница между местонахождением и телом человека, тщетно ищущим себе пропитания, и хищным зверем, бродящим по горам и лесам, но в убийстве и удовлетворении голода — они одинаковы.

Хотя и есть внешняя разница между человеком, ворующим чужое вблизи и вдали, и волком, бродящим вокруг двора и высматривающим добычу, но в своем стремлении к еде — они одинаковы.

Хотя велико расстояние между Халхой и Огнютской землей, хотя и далека моя сестра Калгота на реке Ононе от меня, больного сердцем кочевника на Орхоне и Толе, но во взаимной тоске и любви — мы одинаковы.

Если даже мы и не увидимся в этой жизни, то в будущей, в каждом перерождении мы будем помогать друг другу во всех делах, подобно тому, как нежная мать помогает своему ребенку.—

Сии слова, произнесенные с горькими слезами, запомнил, сопровождавший Цокто-тайчжи, Ирхэ и записал в книгу. Через четыре года, в год Мыши, 18-го числа первой луны, свитские Дайчэн-хя и Хуэн-баттор выгравировали слова его на скале».

Малая надпись на соседней скале содержит восемь строк и гласит:

«Поклоняюсь бурханам: Самандабадри, Аминдева и Шигемуни.

Поклоняюсь Хэ-ваджре, Дакини Эхэ и Бадзар-бани!

Поклоняюсь высшему Тэнгрию, хану и ханше и всем благодающим людям.

«Ом-мани-падмэ-хум (шесть раз — *П. К.*).

«По указу Джалайрского Цокто-тайчжи, внука хана, в поколении Чингис-хана, Дайчэн-хя и Хуэн-баттор, вдвоем, по случаю Хутухту-хана, по прошествии с рождения Чингис-хана года водяного коня — 464 года, в год деревянной мыши, начинающий цикл, и великий белый день 15-го числа месяца огненного барса, начинающего месяцы, на скале, подобной драгоценному нефриту, написали».

Затем, по-санскритски и по-тибетски написана священная формула: «Ом-мани-падмэ-хум!» — «О, ты, сокровище на лотосе!» А по-монгольски: «Написал младший брат Дайчэн-хя» [1].

---

[1] Об этих надписях на скалах см. статьи Б. Я. Владимирцова с двумя фототипическими таблицами в «Изв. АН СССР», серия 6, 1926, № 13—14, и 1927, № 3—4. На стр. 1254 [статья 1], между прочим, читаем: «По сообщению П. К. Козлова эти надписи находятся у массива Бичигте-дула-хада, недалеко от озера Тухум-нур»... Я писал на страницах периодической печати и читал (на лекциях): к юго-востоку от монастыря Мишик-гуи-курэ, среди моря серых рыхлых гранитов, выступают темные диабазовые скалы с письменами и рисунками. Мне лично удалось снять их фотографически на шести пластинках. Осенью 1925 г. я выслал эти снимки в Географическое общество и Академию наук вместе с фотографиями со скал с рисунками Бичиктэ-дулан-хада. Эти последние скалы с массивом отстоят на далеком расстоянии к северу от диабазовых скал с письменами при озере Доут-нор.

По свидетельству монголиста проф. Б. Я. Владимирцова, эти надписи, в особенности первая, бóльшая, как ценнейший памятник монгольской старины являются единственными в своем роде.

Пребывание экспедиции в Мишик-гуне совпало со временем пролета мелких куликов и водоплавающих, так что ежедневные экскурсии на пресное озерко давали много форм для нашей орнитологической коллекции. По ночам над нашим биваком пролетали стаи индийских гусей и больших серых журавлей. Крупные гуси-лебеди летели небольшими группами, не более пяти-шести особей.

От Мишик-гуна наш маршрут временно изменил своему первоначальному юго-западному направлению и взял курс на северо-запад, к озеру Олунор, оттуда вновь стал постепенно склоняться к юго-западу, на озеро Сангин-далай, и дальше до водораздельного хребта Хангай. В течение первых дней мы пересекли несколько широких долин, простиравшихся на северо-восток и интересных тем, что в своих низких частях они образовали скопления солоноватой и соленой воды в виде больших и малых озер. На каждом озере мы встречали большие стаи пролетных птиц, которые очень мало боялись нас, так как привыкли к мирному отношению со стороны монголов, никогда не убивающих крылатых странников. Таким образом, нам удалось добыть немало интересных видов в нашу орнитологическую коллекцию.

Исследование солоноватых бассейнов, лежавших на нашем пути, показало в значительной мере наличие процессов их усыхания, с одной стороны, с другой же — что в них совершенно отсутствуют рыбы, но зато ракообразные живут в илистом дне в большом количестве. На озере Олун-нор впервые за эту экспедицию была спущена наша брезентовая лодка, с помощью которой удалось сделать промеры дна, а также произвести драгировку.

Описываемое озеро протянулось с северо-северо-востока на юго-юго-запад узким продолговатым бассейном, около трех верст в окружности, посреди широкой долины, по дну которой бежит маленькая, быстрая и очень прозрачная речка Хайя-гол. Озеро отстоит к западу от Хайя-гола и принимает в себя только два маленьких ручья, бегущих из соседнего болота, с юга. Берега Олон-нора, по большей части, песчаные, плоские, и только юго-западная узкая часть их заболочена. Рельеф дна весьма однообразен: максимальная глубина — 5 футов — в юго-западной части озера, где берега образуют нечто вроде небольшого залива. Здесь дно илистое, богатое донной флорой и фауной, среди которой больше всего найдено ракообразных — гаммарид. Глубина по продольной оси озера почти везде одинакова — два-три фута, дно песчаное, твердое, ни рыб, ни ракообразных не обнаружено. Вода Олун-нора слегка мутная и горьковатая на вкус. Пользоваться ею для варки пищи можно, но чай на озерной воде довольно невкусен. Наши караванные животные пили воду очень охотно, а большой табун лошадей ежедневно пригонялся к озеру на водопой.

Местность, залегающая между оз. Олун-нор и монастырем Далай-гун, носит чрезвычайно бледный и однообразный характер. Путешественник пересекает целый ряд мягких холмов, сменяющихся степными долинами, уходящими на север. Изредка встречаются маленькие речки. За исключением неизменных тарабаганов, сусликов и более мелких грызунов, а из птиц—жаворонков и шпорцевых коньков, можно увидеть разве только степного орла, парящего вблизи пологого перевала, или луня, летающего над болотцем, у ключа,—вот все, что сохраняется в памяти от этого пути.

Только вблизи монастыря Далай-гун глаз временно, с удовольствием останавливается на массиве с плоской скалистой вершиной Хайрхан, вздымающейся на далеком юге и по северному склону укрытой лиственничными лесами. Этот массив замыкает с юга неширокую долину речки Харачолутэнгол. Хайрхан был для нас первым вестником Хангая и его лесов, с которыми расстались в Кэнтэе. Монастырь Далай-гун-курэ, как и все другие на нашем пути, исповедует учение Цзонхавы. Некогда богатый и многолюдный, ныне беден и средствами и числом лам, сократившихся на половину и оставивших свои домики пустыми.

В 15 верстах к юго-западу от Далай-гуна мы остановились в долине Цзэгэстэ, берущей начало из ближайшего оз. Санги-далай-нор. По берегам речки, так же как и по вершинам и скатам береговых степных увалов, мною отмечены многочисленные кэрэксуры, достигающие здесь очень больших размеров. У самого подножья гор правого берега Цзэгэстэ расположены небольшие погребения типа «плиточных могил». Один кэрэксур, напоминающий могильники «с вогнутыми краями», был вскрыт нами и обнаружил на глубине 1 *м* скелет человека, прикрытый большой плоской каменной плитой. От черепа сохранилась одна только нижняя челюсть, По-видимому, могила была потревожена грызунами. Кроме костей найдены бусы, рядом с покойником.

Высокий массив Дулан-ула отстоял от нашего лагеря на речке Цзэгэстэ к западо-северо-западу и простирался в северо-восточном-юго-западном направлении. Южный склон этих гор богат травянистыми пышными пастбищами, северный покрыт лиственницей. Характерной особенностью Дулан-ула являются стенообразные гранитные выходы, иногда простирающиеся вдоль главного и второстепенного гребней на большие расстояния. В целом описываемый массив очень красив: лиственничный лес и красные утесы, ниспадающие отвесными стенами, дикие скалы со столовидными отдельностями — все это сливается в одну стройную гармонию. Экскурсия в лиственничные леса гор Дулан-ула обнаружила присутствие необыкновенно большого количества корольков, *Regulus regulus*, совершенно отсутствующих в Кэнтэе, и красивой завирушки, *Accentor collaris*, держащейся преимущественно в оголенных скалах этого оригинального массива.

Оз. Сангин-далай-нор, где экспедиция остановилась на несколько дней — на конец сентября и начало октября, носит характер альпийского бассейна;

Горная лесостепь в Хангае.
Фото А. Банникова

оно протянулось с северо-востока на юго-запад и имеет около 10 верст в окружности. Вода его, пресная и довольно прозрачная, пополняется по всей вероятности из ключей, бьющих со дна озера. Довольно большая речка Цзэгэстэ берет из него начало и образует около озера топкие болота. У истоков Цзэгэстэ стоит деревянная часовенка с изображением на камне красками божества — хранителя вод.

Первое, что путники услышали на Сангин-далай-нор, было печальное перекликание шестнадцати лебедей, которые плавали двумя отдельными семьями; серые, вполне оперившиеся птенцы резко отличались от снежно-белых родителей. На узком мысе сидело множество бакланов, которые поднялись в воздух оригинальной черной стаей. Крачки и чайки неторопливым полетом скользили над синей поверхностью воды и занимались ловлей рыбы. Спустив экспедиционную брезентовую лодку, мы поплыли на противоположный берег озера и только тогда обнаружили всю массу птиц, остановившихся здесь на отдых. Поднявшиеся утки и гуси были похожи на быстро двигающееся серое облако, затемнявшее синеву неба. Наш маленький невод сослужил нам прекрасную службу, и мы не только поймали представителей ихтиологической фауны для своих спиртовых коллекций, но и несколько раз ели прекрасную уху.

Делая промеры дна (средняя глубина — от 2 до 4 футов, дно — песчаное, а местами илистое, покрытое водорослями) и занимаясь драгировкой донной фауны, мы много времени проводили на поверхности воды, к великому удивлению монголов, которые в ближайших долинах пасли табуны лошадей и стада баранов. Местное население вообще относилось к экспедиции весьма доброжелательно; монголы с большим интересом знакомились с нашими печатными географическими картами и со съемкой нашего пути, где их радовало наличие хорошо известных им названий гор и урочищ. Фотографические снимки страны приводили их в восхищение, и на наши вопросы об исторических памятниках, может быть скрытых где-нибудь поблизости, они уже не отвечали косным молчанием, как в прежние годы, а охотно делились с нами своими сведениями.

Путь от Сантин-далай-нор мимо Ильдэль-бэйлэ-курэ к подножью Хангая проходит по пересеченной местности. Северные склоны падей долины реки Горхон-гол покрыты густыми лиственничными лесами. Перевал Цагандабан, над которым поднимается вершина Начимбыуэ, имеет вид каменистого плато.

Местами высятся отдельные выветрелые гранитные скалы, похожие на башни разнообразной формы. Как на самом перевале, так и по долине, известной под названием Сахьэта и протянувшейся до реки Онгиин-гол, мы отметили очень большое количество прямоугольных и круглых кэрэксуров. Около поворота реки Онгиин-гол на юго-восток, против вершины Хара-хошу, расположена новая группа кэрэксуров, а несколько в стороне от них стоят три большие четырехугольные плиты, в роде саркофагов.

По скалам левого берега реки в нескольких местах замечены надписи и рисунки, сделанные черной краской. Большая часть письмен походит на старомонгольский шрифт. Есть также большие китайские надписи, а рисунки изображают сидящего Будду, голову человека с длинной бородой, держащего во рту странный предмет на длинном шесте, маленькую кумирню и пр. К сожалению, ввиду бледности рисунков и надписей, фотографии их вышли неудачно, и только небольшую часть их удалось скопировать.

Едва ли есть еще страна, которая имела бы на поверхности земли и в своих недрах так много памятников многообразных культур. Древние народы, населявшие Северную Монголию, главным образом ее широкие речные артерии — Хару, Толу и, наконец, Орхон, стремились каждый по-своему увековечить себя оставить по себе память. И теперь, в самых пустынных местах, вблизи пересохших русел, когда-то, должно быть, обильных водою, в безлюдье и тишине, путешественнику молча повествуют о былом таинственные странные надписи на скалах, непонятные рисунки, высеченные на отдельных камнях и, наконец, бесчисленные могильники, то выложенные камнями, то украшенные статуями, то обелисками; надо только суметь прочесть всю эту летопись, чтобы восстановить историю исчезнувших народов.

По определению специалистов, некоторые могилы, лежащие в долине реки Толы и других местах, так называемые плиточные (обставленные обтесанными сланцевыми или гранитными плитами, стоящими на ребре), относятся к концу бронзового века и началу железного века, иначе говоря — ко времени не позднее середины первого тысячелетия до начала нашего летоисчисления. К этой же доисторической эпохе относятся и принадлежат какому-то неизвестному и, по всей вероятности, оседлому народу некоторые весьма редко встречающиеся здесь писаницы на скалах. Кэрэксуры, располагающиеся часто вдоль речных долин беспрерывной чередой на расстоянии 8—10 *км* (как, например, на истоках Онгиин-гол), представляют собой намогильные памятники, обложенные по периферии камнями, в форме прямоугольника или окружности. В центре кэрэксура возвышается больших или меньших размеров холмик из сложенных камней. Эти могилы, украшающие словно тонким, светлым узором все видные издалека пологие горные, преимущественно южные, склоны и многие речные долины, принадлежат вымершему кочевому народу, жившему уже в историческое время, приблизительно в IV—V вв. нашей эры.

Третий тип могил, самых красивых, с большими каменными статуями и фигурами животных, с дорожкой из каменных плит, вытянутых в строгую прямую линию и ведущих к ним издалека, как бы указывая путь, относится к еще более позднему времени — к VII—VIII вв. нашей эры. Этому же народу, должно быть, принадлежит большинство рисунков и надписей, виденных нами на скалах в разных местах, главным образом на склонах массива Бичиктэ-дулан-хада, в 30 *км* к юго-западу от урочища Улхуин-булун — места крутой излучины или крутого поворота на северо-запад реки Толы.

Есть еще два вида древних памятников, открытых нами на истоках р. Онгиин-гол и верховьях Орхона — это большие плиты и обелиски. Каменная плита, лежащая на Тукюэсской, или на турецкой, княжеской могиле вблизи истоков Онгиин-гола, имеет к ней весьма определенное отношение и представляет очень большой интерес своей сложной орнаментацией, несомненно турецкого стиля, покрывающей ее сплошным ковром. Могилы древних народов, населявших Монголию, заслуживают самого внимательного изучения. Четырехгранные обелиски, найденные экспедицией в бассейне Орхона, стоят, обычно, одиноко, в равнине или на холмах, и украшены оригинальным орнаментом, в котором можно разобрать лишь отдельные детали — фигуру и голову змеи и головку какого-то странного животного с рожками.

Каменные бабы в долине Онгиин-гола, в верхнем течении, также очень любопытны: одна из них, под названием «Цаган-ушхай» («Добрая старуха»), чтится как святыня в одной буддийской часовне, наряду с иконописью. Другая серая каменная баба, с кличкою «Хара-ушхай» («Злая старуха»), находилась среди степи. Монголы уверяют, что стоит только кому-либо из людей дотронуться рукою до Хара-ушхай, как тотчас разразится сильная буря на горе скотоводам. Этот памятник находится теперь на изучении в Ленинграде.

Интересно подчеркнуть, что все эти памятники древности Монголии не являются отдельными этапами в постепенном развитии культуры и искусства одного народа, а, несомненно, принадлежат совершенно различным племенам, не имевшим между собою ничего общего. Каждое позднее жившее племя, по всей вероятности, не знало о существовании своих предшественников, разве только догадываясь о них по оставшимся памятникам их культуры.

Мы не знаем, как современное население Монголии увековечит себя (если не считать построек храмов, субурганов); кочуя всю свою жизнь, не имея никакого недвижимого имущества, современные обитатели Монголии обладают немногими предметами, характеризующими их собственное народное искусство и быт. Среди таких предметов можно назвать: женские головные серебряные украшения, металлические ладанки с изображением какого-нибудь святого, которые носят на груди, и принадлежности мужского обихода — нож в футляре с металлическими насечками, огниво и табакерка с нюхательным табаком, обыкновенно китайской работы, с которой монгол никогда не расстается. Но, не имея всю жизнь постоянного местожительства, монголы и после смерти развеивают прах свой по земле и по ветру. Они не сооружают никаких могильников и бросают трупы в степях или на горах, иногда даже у края горной дороги, на съедение зверям и птицам. Таким образом, и те немногие предметы, которые можно считать монгольскими, после смерти владетеля также не сохраняются в каком-либо определенном месте, а передаются из рук в руки.

По всему раздолью широких степей и гор, на всех больших и малых вершинах и перевалах археологи будущего увидят различной формы каменные груды так называемые обо, а также иногда высеченные на скалах надписи известной священной формулы на тибетском языке: «Ом-мани-падмэ-хум», что в переводе значит: «О, ты, сокровище на лотосе!».

Береговые высоты Онгиин-гола крайне пустынны. Скудная растительность альпийского луга покрывает мягкие склоны гор, а у скалистых вершин видишь только полынь и редкие кустики миндаля. Из птиц наблюдались каменные голуби, горные завирушки и филины, издававшие по вечерам и ночам свой одинокий унылый крик.

10 октября, ясным солнечным утром, экспедиция впервые увидела богатые храмы и золоченые кровли большого, известного далеко за пределами своего хошуна, монастыря Сайн-ноин-курэ, в ближайших окрестностях которого нам предстояло провести самые холодные месяцы суровой монгольской зимы. Монастырь широко раскинулся в долине Онгиин-гола, как многолюдный туземный город, и густое облако дыма синеватой тучей парило над ним, затемняя ясное небо. Из двадцати больших и малых храмов — тринадцать главных и семь второстепенных — особенно выдается своей оригинальной высокой постройкой новый западный храм Барун-дукан, или, иначе, Барун-гандан, который путешественнику кажется главным, доминирующим зданием. На самом же деле соборным храмом является скромный и строгий, тибетской архитектуры, белый Цокчэн-дукан. Вблизи него стоит Гандан-легчит со своей зеленой кровлей. В этом храме находятся изображения Цзонхавы, богдо-гэгэна и ряд кумиров, или бурханов, божеств-хранителей. Заслуживает особого упоминания храм-юрта, украшенный золоченым ганчжиром извне и большой, богатой ярко-желтой фигурой богдо-гэгэна внутри этого круглого войлочного помещения.

Верстах в трех к юго-западу от Сайн-ноин-курэ запрятана в складке высот усыпальница гэгэнов, ярко блестящая издали белыми субурганами. С севера и юга монастырь украшен старинными и новыми субурганами. Перед северным одиноким, самым нарядным субурганом устроен одинокий деревянный помост для совершения молящимися так называемых растяжных поклонов. Старшим гэгэном-перерожденцем или хубилганом монастыря является брат покойного председателя Совета министров Монголии, Сайн-ноин-хана, прах которого покоится в особой, очень нарядной часовне, расположенной на восточной окраине монастырских построек, на его собственном родовом участке, рядом с ханским белым храмом тибетской архитектуры. Другой младший брат хана состоит при Сайн-ноин-курэ в почетной должности даламы.

Множество лам — всего их в этом монастыре насчитывается до трех тысяч — в ярко-красных и желтых одеждах, с широкими полосами материи того же цвета, перекинутыми через левое плечо и правую руку, бродили за монастырской оградой. Некоторые останавливались у больших, цветистых

хурдэ, чтобы привести их в движение под свой басовой аккомпанемент: «Ом-мани-падмэ-хум»... Другие шли за водою, иные собирали аргал — помет домашних животных, служащий в Монголии топливом, а иные просто беседовали между собою, сидя у дороги и греясь на солнце. На неизменных во всяком монгольском монастыре мусорных кучах лежали темной группой большие собаки, злобно и трусливо поглядывая друг на друга и часто вскакивая для того, чтобы отнять у более слабой голую кость или истерзанные остатки палого животного.

Вблизи монастырей обычно держится целая стая подобных, наполовину одичалых и никому не принадлежащих собак. Ламы считают своим долгом поддерживать их существование скудными подачками, и я не раз видел, как нечто вроде небольшого пирога, разукрашенного ленточками и бумажками, выносится на площадь перед монастырем и отдается несчастным животным, которые за 1—1½ *км* уже видят идущего с ношей ламу и несутся со всех сторон с диким лаем, вступая на пути в отчаянную борьбу, как стая голодных волков.

Там и сям, под защитою монастыря, ютятся юрты бедняков-монголов, обслуживающих лам или шитьем одежды, или сбором аргала, или другими какими работами.

К северо-западу от монастыря Сайн-ноина могучей стеной поднимается водораздельный хребет Хангая, который в это время на главных вершинах белеется снегом. Ближайшие возвышенности, а также и долина реки, по которой мы следовали вверх по течению, носила пустынный характер. Низкорослая степная растительность, оголенные скалы, тишина — все говорило за то, что здесь нельзя ожидать богатой и разнообразной животной жизни.

В долине мелькали одни лишь суслики, перелетали рогатые жаворонки, а из гор доносилось воркование голубей, да большой бурый гриф плавно парил в вышине. Темные ущелья Хангая, покрытые лиственничными лесами, еще издали казались чрезвычайно заманчивыми на фоне окружавшей нас однообразной картины. И в самом деле, в каждой пади водораздельного хребта бежит быстрый, прозрачный ручей. Множество второстепенных, по большей части теплых (температура их круглый год держится 15,5° С) минеральных ключей впадают в эти ручьи, превращая их при выходе в долину в порядочные речки, образующие впоследствии р. Онгиин-гол. Густые уремные заросли — тополь, ива и разнообразные кустарники — сопровождают течение ручьев и дают приют белым куропаткам и мелким птицам, из которых чаще всего видишь снегирей и веселых чечеток. По северным склонам гор в лиственничных и кедровых лесах держатся козы, зайцы, белки и колонки — маленькие хищники с ярко-рыжей шерстью. В крупных валунах бедных водою речных русел часто видишь изящного горностая, который, убегая от человека, все-таки не может сдержать своего любопытства и выглядывает из каждой щели, неизменно попадая, таким образом, под выстрел охотника.

На высоком, оголенном гребне хребта, среди каменных россыпей живут осторожные горные индейки — улары, пасущиеся небольшими стайками и занимающиеся выкапыванием дикого лука — своего любимого лакомства. Вблизи вершин на альпийских лугах держатся горные бараны-аргали, обладающие необыкновенно острым зрением и быстрым умом, делающим их совершенно непохожими на смирных домашних собратьев. В самых неприступных скалах можно встретить горных козлов, умеющих прыгать по страшным обрывам и острым утесам, едва касаясь поверхности их своими сильными, упругими ногами.

Описываемый хребет носит все характерные следы минувшего оледенения. При устьях его глубоких падей нагромождены морены, как недвижный каменный поток. Под самым гребнем, в вершинах ущелий синеют альпийские округлые озерки ледникового происхождения. Местами скалы горных склонов в более узких частях долин сглажены и отполированы проходившими льдами. Вблизи одной из морен, рядом с брызжущим из земли прозрачным источником экспедиция разбила свой зимний лагерь. Веселой группой сбежались к нам со всех сторон ближайшие соседи-монголы посмотреть на незнакомых гостей.

От монголов, с которыми у нас сразу установились наилучшие отношения, мы узнали, что истоки Онгиин-гола довольно бедны пастбищами, а потому туземное население почти совсем не держит рогатого скота и лошадей, предпочитая им домашних яков, или сарлоков, как их здесь называют. Это животное, с очень длинной шерстью, висящей как бахрома от живота почти до земли, необычайно выносливо и не требовательно к пище. Оно вполне довольствуется скудными местными лугами и дает своему хозяину молоко высокого качества, мясо и шерсть. Кроме того, на сарлоках ездят верхом и возят на них тяжести. Только самые богатые кочевники обзаводятся в этой местности кроме вышеупомянутых животных, еще и баранами.

С первых же дней нашего пребывания на Онгиин-голе члены экспедиции приступили ко всестороннему исследованию долины, лесов и горных вершин. Результаты первого беглого осмотра были прекрасны.

Долина верхнего Онгиин-гола, по всей вероятности, в очень отдаленные времена служила кладбищем. На протяжении 15 верст непрерывной цепью тянутся вдоль нее группы самых разнообразных кэрэксуров, или могильников. Чаще всего приходится наблюдать круглые и прямоугольные кэрэксуры, обложенные по периферии камнями. Реже встречаются могильники особых очертаний — с вогнутыми краями.

В $1^1/_2$ *км* к востоко-юго-востоку от нашей зимовки экспедиция открыла большие развалины, которые окружающее население называет Олун-сумэ. В настоящее время Олун-сумэ имеет вид целого ряда правильно протянувшихся поперек долины реки холмов, покрытых степной растительностью. Каждая группа построек располагалась на отдельном насыпном возвышении, на общем фундаменте, сложенном из гранитных плит. Поднявшись

на такое возвышение, можно различить несколько небольших холмов, остатков внутренних помещений, разнообразной формы.

Одна из таких внутренних построек была вскрыта нами путем раскопок и обнаружила развалины древнего буддийского храма, от которого сохранились кирпичный фундамент стен и множество черепицы. Черепичная крыша имела по краям оригинальную орнаментацию, из которой нам удалось найти несколько совершенно неповрежденных образцов. Один орнамент изображал человеческое лицо с оскаленными страшной улыбкой зубами, другой — санскритский знак. Внутри здания были найдены многочисленные обрывки книг, писанных черной краской на темной бумаге. Маленькие раструхлевшие кусочки дерева хранили на себе выпуклые санскритские буквы и походили на очень древние клише. Надписи на тонкой бересте, также лежавшие на полу кумирни,— более позднего происхождения. Думаю, что способ кладки кирпичного фундамента, а также орнаменты и надписи дадут возможность с точностью установить время, к которому принадлежат означенные развалины.

Охотясь на самом гребне водораздельного хребта, члены экспедиции были поражены неожиданным видом каких-то деревянных построек. Кругом простиралось безжизненное плато; всюду камни и снег. Деревянная ограда, местами уже разрушавшаяся, представлялась таким анахронизмом среди этой тишины и неподвижности. При ближайшем знакомстве с постройками оказалось, что здесь находится усыпальница тринадцати поколений Сайноин-ханов. Могильные холмы украшены деревянными моделями субурганов, а на оградах висят писаные изображения божеств: Будды, Дархэ и Цзонхавы.

Ввиду того, что в Монголии совсем неизвестен обряд похорон в нашем значении этого слова и монголы выбрасывают тела мертвых на съедение птицам и зверям, эти усыпальницы, вознесенные на 2740 *м* над уровнем моря, в безлюдье диких вершин хребта, кажутся мне, с бытовой точки зрения, особенно интересным явлением.

В то время как одни из нас занимались раскопками развалин, а другие изучением соседних ущелий, третьи уезжали далеко за Хангай, по перевалу Битютэн-дабан, на Орхон до его истоков, с массивом Ирхит-хайрхан включительно.

Таким образом, совсем незаметно приблизилась зима: сильные холода и бури, дувшие с западо-северо-запада, прервали наши исследовательские работы в Хангае. Между тем, в окрестностях нашей зимовки, на истоках р. Онгиин-гол, осталось немало интересных развалин, не вскрытых пытливой рукой человека, а также, по словам туземцев, немало кладов.

Монголы указывают на несколько определенных мест, обнесенных оградой из камней или углублением вроде канавы; в центре такого плоского холма обыкновенно поставлен большой, слегка обтесанный и непременно

белый камень — известняк, несомненно принесенный сюда человеком, так как окружающие его отторженцы, лежащие везде в большом количестве, принадлежат к совершенно иной породе. При сильных ударах камнем или плоским орудием по поверхности холма слышен гул, какой может раздаваться только над довольно обширным полым подземным помещением. Местные жители хорошо знают все подобные «клады», как они говорят, и с давних времен интересуются ими, постоянно гадают о их содержимом, а иногда заставляют своих шаманов, в момент наивысшего экстаза, прорицать, где и как следует капать, чтобы добыть скрытые в земле богатства.

С одним из таких шаманов мы хорошо познакомились. Это — буддийский лама, пятидесяти одного года, по имени Цэдэн-Пунцук, занимающийся кустарным ремеслом: самыми примитивными инструментами он выделывает изящные серебряные вещи, преимущественно женские украшения, и этим существует. Кроме того, он очень хороший охотник и чуткий наблюдатель природы, изучивший во всех подробностях повадки диких животных, в особенности волков. В обычном своем состоянии он ничем от своих собратий не отличается; разве только по легкому дрожанию его тонких пальцев, подергиванию век, да по несколько тяжелому взгляду темных глаз можно догадаться о повышенной нервной чувствительности.

Своим хорошим знакомым он иногда соглашается «шаманить». Происходит это самым простым образом без всякого обычного шаманского ритуала: в обыкновенной монгольской юрте очищают один угол, прибрав из него все предметы и оставив на полу одни войлоки. Перед бурханами — изображениями буддийских святых — зажигается особая тибетская свеча, которая не горит огнем, а лишь тлеет, издавая легкий, приятный запах. Костер тушится, и на уголья бросают ветвь можжевельника, скоро наполняющую помещение своим сильным, пряным ароматом. В юрте должно быть темно, за исключением маленькой сальной свечи, горящей где-нибудь в углу. Тщательно умыв руки и лицо и допив остатки воды из таза, шаман и тот лама, который должен «зачитывать» его, садятся рядом на полу, скрестив под собою ноги и обернувшись к бурханам. Оба молчат и сосредоточиваются. Лама про себя беззвучно читает особые молитвы, смысл которых заключается в том, чтобы божество, видимым проявлением которого являются солнце и все небесные светила, вошло в предстоящего и ожидающего здесь человека.

Молчание длится минут десять. Затем лама обносит шамана дымящимися тибетскими свечами, уже громко читая молитву, и, брызнув по сторонам как бы в приношение божествам несколько капель вина, налитого в маленькую чашу, всегда стоящую перед бурханами, дает шаману понюхать это вино. В этот момент шаман вздрагивает, и все тело его трепещет под влиянием быстрых судорог. Запрокинувшись назад и касаясь лбом пола позади

Район зимовки экспедиции в 1925—1926 гг. в Хангае

себя, человек быстро вновь выпрямляется и издает громкий крик, смешанный со страшным хрипением. Конвульсии и мелкие судороги все время продолжаются. Высоким протяжным голосом он невнятно бормочет какие-то слова, непонятные присутствующим монголам, а затем начинает говорить самые неожиданные вещи. Иногда это какие-то смутные предсказания о судьбе всего местного края, иногда же он прямо говорит о будущем кого-либо из присутствующих. Глаза его при этом крепко зажмурены, зубы часто издают неприятный скрип, рот искривлен страшной гримасою. В руках он мнет шелковый хадак — «плат счастья», употребляемый монголами при приветствиях, в который часто дует и плюет. Временами он делает внезапные и очень высокие прыжки, размахивая руками и издавая громкие вопли. Иногда он начинает задыхаться и, храпя, с пеной у рта, рвет на своей груди одежду.

Подобное экзальтированное состояние может продолжаться неопределенно долгое время, пока присутствующий лама не прочитает громко особой молитвы, после которой шаман падает как сноп навзничь и некоторое время мечется по полу. Лама освобождает от одежды его грудь, дует и плюет на нее с какими-то причитаниями; наконец, с глубоким вздохом и стоном, шаман приходит в себя. С трудом поднявшись с пола, он рассеянным и мутным взглядом обводит присутствующих, как бы плохо понимая, где он находится и что с ним произошло. Заметив среди монголов несколько русских лиц, он с усталой улыбкой осведомляется у ламы, не сделал ли он

Зимовка экспедиции в Хангае в 1925—1926 гг. П. К. Козлов (справа) и Е. В. Козлова-Пушкарева (слева) у своей юрты

в припадке чего-нибудь непристойного, не ушиб ли кого-нибудь своими резкими движениями.

«Прорицание» Цэдэн-Пунцука побудило местных монголов много лет тому назад начать раскопки под одним белым камнем. Но, дойдя на глубине 3 *м* до большой обтесанной каменной плиты, они прекратили работу, отчасти по лени, а отчасти из суеверного страха перед силами природы, которые могли бы обрушиться на них за похищение якобы скрытых в земле сокровищ.

Работами на месте в окрестностях зимовки и поездками за соседний хребет-водораздел в долину Орхона по перевалам Битютэн-ама (самый высокий), Барун-улан и Цзун-улан и, наконец, Уптэн-дабан (самый низкий и самый удобный), экспедиция в значительной мере ознакомилась с юго-восточным Хангаем, его общей характеристикой, разнящейся с таковой юго-западного Кэнтая.

Если путнику, приближающемуся к Хангаю с юга, из однообразной, безжизненной пустыни Гоби, этот хребет кажется необыкновенно привлекательным своими шумными ручьями, теплыми минеральными источниками и тенью густых лесов, то всякий человек, даже избалованный красотой горных ландшафтов, найдет много прекрасного в дикой прелести северных склонов Хангая. С высоты его оголенных каменистых перевалов открываются широкие панорамы на извивающиеся узкими темными трещинами уще-

лья, в глубину которых «дикими реками» ниспадают мрачные кедровники и более светлые лиственные леса. На отдаленном горизонте, за широкой долиной Орхона, вздымаются второстепенные хребты, из-за которых, упираясь в облака, встают отдельные доминирующие вершины Ирхит-хайрхан и другие, несколько уступающие ему по высоте массивы. На переломе перевала стоит обо — груда камней, перемешанных с обломками дерева и костей; по местному обычаю, каждый странник должен принести свою скромную лепту на это обо, в ознаменование того, что он благополучно совершил свой путь.

Во многих лесистых падях Хангая, в самых высоких и вместе с тем укрытых от ветра местах, расположены маленькие буддийские кумирни, где живут по нескольку отшельников-лам. Целыми днями в этом глухом уединении слышны звуки молитвенных труб и священных раковин, которыми буддисты сопровождают свои богослужения. Один старый лама занимается с более молодыми и даже совсем юными мальчиками грамотой, обучая их чтению тибетских книг. Питаются эти отшельники очень хорошо — приношениями окрестного населения — мясом и пшеном.

В одной подобной кумирне — Цзун-рид, расположенной в одной версте от развалин Ламэн-гэгэн выше, ближе к подошве гор, куда нас загнала сильнейшая пурга, и где мы из-за непогоды прожили целые сутки, мы видели, кроме обычных писаных и бронзовых изображений божеств, еще высушенную индийскую кобру, хранившуюся в деревянном ящике. Эта кобра почитается за священный объект и вынимается при торжественных богослужениях несколько раз в год.

Во время наших продолжительных экскурсий мы обычно ночевали или в кумирнях или в монгольских юртах. Зимою юрта представляет довольно интересное зрелище: при заходе солнца в нее забирается не только вся семья, состоящая обыкновенно из достаточного количества детей и двух стариков, родителей хозяев, но и все имеющиеся телята, ягнята, маленькие яки и беременные овцы. Животным не делается в юрте никакой загородки, и их просто привязывают друг около друга, чтобы они не могли переходить с места на место. Каждое утро овцы, ожидающие приплода, получают «усиленную порцию» в виде небольших кусков сырой коровьей печенки. Кроме мяса животные охотно едят также и хлеб.

Монголы спят совершенно голыми, закутываясь в меховые шубы. Маленькие дети укрываются одной шубой с матерью или с отцом. Кроме того, даже самая бедная юрта, хорошо натопленная сухим пометом домашних животных с вечера, наглухо закрывается на ночь и, нагреваемая дыханием животных и людей, хорошо сохраняет тепло до утра. Только сильный ветер пронизывает юрточные войлока насквозь, и в бурю в ней так же холодно, как на дворе. Монгольские ребята вообще не боятся холода, и в самую суровую зиму, в солнечный день их можно видеть бегающими без всякой одежды, босиком, по ледяным наплывам, образуемым горными речками.

Водопад Уланцеу, названный П. К. Козловым «Водопадом экспедиции»
Фото А. В. Доценко

В таком виде они бегают загонять скот (около полудня монголы обыкновенно подгоняют дойных сарлоков, или домашних яков, для того чтобы подоить их), пасущийся иногда в одной или двух верстах от юрты, и в таком же виде они резвятся на льду, катая друг друга на отломанных кусках льда. Однажды, подойдя к юрте, у дверей которой стояла круглая, плетеная из прутьев корзина для собирания аргала, прикрытая старым мешком, я с удивлением увидел, что мешок зашевелился, и из-под него показалось сначала улыбающееся лицо, а потом и все голое тельце ребенка одного или полутора лет. Он был посажен в корзинку на подосланные войлока и, по-видимому, спал там, а теперь проснулся и вылез из своего холодного гнезда с самым веселым видом.

В последнюю свою поездку за хребет-водораздел, по выпавшему глубокому снегу, мы на четвертый день пути от зимовки вышли из лесов Хангая и спустились в приветливую степную долину Орхона. Вдоль нее на многие десятки верст тянутся широкие гряды больших и малых обломков легкой, пористой породы вулканического происхождения. Эти лавовые нагромождения местами совсем непроходимы, и только кое-где, по узким продольным пространствам между камней, можно пройти пешком и с трудом пробираться на лошади. Однако неопытному путнику не следует пускаться в эти лабиринты без проводника. Темные уродливые камни, не хранящие в себе никакой растительной или животной жизни, так однообразны, среди них столько узких проходов, ведущих в конце концов к глухим тупикам, что путешественник через несколько верст неизбежно заблудится и даже общее, известное ему направление долины не будет в состоянии вывести его из этого мрачного хаоса. Монголы, хорошо знающие торный путь, и те пользуются различными, известными им одним приметами и знаками, поставленными на лавовых нагромождениях в виде небольших кучек тех же обломков, положенных друг на друга.

Не превышающий в своем верхнем течении 30 *м* ширины, Орхон жмется к своему левому северному берегу и на протяжении 5 верст протекает по глубокому каньону, который узкой трещиной причудливо изгибается, то подходя к береговым утесам, то углубляясь в степную долину. Подойдя к краю каньона, долгое время не можешь оторвать своего взгляда от неожиданного зрелища: отвесная стена кремнистых сланцев ниспадает ко дну обрыва; там, на глубине 20 *м* искрящейся на солнце лентой бежит никогда не замерзающая в этом месте река. На крутых поворотах, среди крупных отторженцев, устилающих ложе реки, вода покрыта клубящейся пеной и образует водовороты и шумные каскады. В расширениях реки, там, где течение становится медленнее, плавают стаи зимующих здесь гоголей, *Bucephala clangula*; в теплые зимние дни, пригретые солнцем, эти птицы занимаются весенней игрой.

Из-под узких ледяных заберегов непрерывной трелью льется песня оляпки, или водяного воробья, *Cinclus leucogaster*, который, стоя над самой

водой на краю льдинки и закрытый ледяным сводом, разнообразит свое веселое пение частым нырянием в воду и беганьем в мелких местах по дну реки, в поисках личинок разных насекомых, служащих ему пищей. Эта птичка держится по всем «тальцам» — незамерзающим местам северомонгольских рек, где в воде и на льду проводит всю суровую местную зиму.

Вблизи реки на каменистом грунте растут небольшие группы стройных высоких лиственниц и рощи тополей, не достигающих, однако, своими вершинами верхнего края каньона и спрятанных, таким образом, в глубине этого провала. Там, по деревьям и кустарникам, лепящимся среди скал, оживленно стрекочут рыжегорлые дрозды и перелетают изящные горные овсянки, *Emberiza cioides*.

Немного выше по течению Орхона, вблизи западной окраины каньона, степную долину перерезает по диагонали быстрая, многоводная речка Улан, бегущая с Хангая. Пройдя своим пологим, ступенчатым руслом к Орхону, она широкой (12 *м*) и мощной струею внезапно низвергается по вертикальной сланцевой стене в глубину 20-метрового каньона искрящимся водопадом и фонтаном бесчисленных брызг вновь взлетает кверху. Этот водопад, названный мною «Водопадом Экспедиции Козлова», зимою наполовину замирает, скованный голубоватым потоком льда; летом оглушительный рев его слышен на далекое расстояние и внушает туземцам суеверный страх, смешанный с молитвенным преклонением. В прежнее время водопаду ежегодно приносилось в жертву несколько слитков серебра, которые бросались в пучину. Этой жертвой у таинственных сил природы вымаливалось многоводье Орхона, орошающего большие пространства пастбищ этой скотоводческой страны.

В скалистых береговых утесах Орхона живет интересный хищник, называемый монголами «манул», или дикая кошка, *Felis manul*. Питаясь мелкими грызунами, она ведет очень скрытый, осторожный образ жизни. Испуганная человеком, кошка не бежит далеко, как лисица или волк, а тут же бросается в ближайшие скалы и прячется среди камней. Если идти мимо нее, как бы не замечая ее присутствия, то можно подойти к животному на несколько шагов, и, внезапно обернувшись, убить ее палкой, что монголы чаще всего и практикуют. Животный мир Хангая не отличается богатством и разнообразием: из хищников, кроме дикой кошки, водятся волк и лисица; в валунах маловодных речных русел встречается горностай. В лесу и в степной части речных долин живут два различных вида хорьков. Туземцы утверждают, что в скалах хребта есть соболь, а в уремах горных речек водятся рыси, но нам не удалось в этом убедиться лично. Из парнокопытных по северным склонам Хангая можно встретить козулю и лишь в очень незначительном количестве аргали. Горные бараны, а также и горные козлы, преимущественно населяют скалы и альпийские луга истоков Орхона. Там же водятся в глухих лесах изюбри, или олени, а также лоси и кабаны.

Грызуны характеризуются на истоках Онгиин-гола присутствием двух видов зайца: обыкновенного беляка, *Lepus timidus*, и маленького — *L. tolai*, белки, тарабагана, или сурка, суслика, северной и обыкновенной пищухи, хомяка, землеройки и различных полевок.

Из птиц в кедровых и лиственничных лесах тех же северных склонов Хангая, там, где растет много брусники, водятся в большом количестве глухари, *Tetrao parvirostris macrurus*, а также встречаются стайками темно-розовые щуры и такие же нарядные клесты. Несколько видов дятлов оживляют лес своим стуком и выбиванием быстрой, частой барабанной трели по сухим веткам и стволам, служащим им прекрасным резонатором. В кедровниках часто слышатся хриплые голоса ореховок и соек. Оживленные процессии мелких синиц, сопровождаемые всегда одним или двумя поползнями и очень редко одинокой пищухой, *Certhia familiaris*, исследуют древесную кору и мохнатые ветви кедров. По кустарниковым зарослям речных долин всю зиму видишь белых куропаток, *Lagopus mutus*, покрывающих свежую снежную порошу сложной сетью своих характерных следов. Здесь же держатся скромные, серые, однообразного цвета снегири, с нежно пурпурным кольцом вокруг клюва, *Pyrrhula pyrrhula* и *P. cassini*, обыкновенные свиристели, розовые чечевицы и многочисленные стаи бойких чечеток. В скалах удавалось несколько раз наблюдать одиноких, неподвижно сидящих на выступающих камнях сычей, *Athene noctua*, и маленьких сов *Cryptoglaux tengmalmi*, а в лесу один раз встретилась большая мохнатая неясыть уральская, *Strix uralensis*. По гребню хребта и по вершинам солнцепечных увалов, повторяю, бродят стайками осторожные горные индейки, *Tetraogallus altaica*, откапывая корневища горных растений. Над широкими степными долинами рек нередко парят крупные хищники — бурые грифы, *Vultur monachus*, и бородатые ягнятники, *Gypaëtus barbatus*, высматривающие отбросы, а вблизи монгольских юрт всегда перелетают стайки рогатых жаворонков, *Eremophila brandti*, и прыгают надоедливые сороки и красноклювые клушицы, ожидая подачки.

В верхнем течении Орхона, до истоков включительно, по нашим последним наблюдениям, до сих пор существуют остатки древних могильников, над которыми поставлены гранитные памятники в форме столбов или обелисков, украшенных сложным крупным орнаментом. Большое древнее кладбище, покрытое каменными плитами и увенчанное высоким гранитным обелиском, покоится среди долины с большой дорогой и смотрит на величественный массив Ирхит-хайрхан, с северо-северо-запада.

Последний период работ экспедиции — весна и лето 1926 г.— прошел особенно разнообразно и плодотворно.

Едва мы выступили со своей зимовки на истоках р. Онгиин-гол по направлению к заветному югу, как наше поступательное движение было задержано открытием интереснейших развалин древнего китайского военного города, раскинувшегося по склонам юго-восточных отрогов Хангая, домини-

В широких долинах Южного Хангая.
Фото Э. М. Мурзаева

рующая вершина которых носит название Хан-кокшун-ула. От монастыря и ставки Сайн-ноин-хана эти развалины отстоят в 45 верстах к юго-западу.

В настоящее время от города остались следы развалин стен, расположенные тремя правильными квадратами, один над другим, в ущелье Ихэ-модо. Самый нижний и в то же время наименьший квадрат, сторона которого равна 200 *м*, сохранил следы дугообразных оснований башен или ворот. В некоторых местах тянулись широкие канавы, обрамленные целым рядом углублений разнообразной формы. В центре города возвышалась небольшая каменная постройка, напоминавшая военный пост.

Невдалеке, на каменистом холме, с южной его стороны стояла в наклонном положении серая, гладко отшлифованная кварцево-порфировая плита величиной около 1 *м*. Эта плита сверху донизу была покрыта высеченными на ней китайскими иероглифами, довольно хорошо сохранившимися.

Перевод этой надписи свидетельствует о том, что на этом месте около 700 лет тому назад находился китайский военный город, основанный войсками Хубилай-хана по его распоряжению, в память подавления восстания. С плиты были сняты две фотографии, а надпись скопирована, таким образом содержание ее стало достоянием истории.

Вот текст ее перевода на русский язык:

«По указу Его Богдоханского Величества главнокомандующий тысячным отрядом гвардейского корпуса левого крыла, тысячник Чан-вэн, выступив в поход со смелыми богатырскими войсками, четвертой луны... числа 15 года Джиоу-юань (1275) в северном направлении прибыл на место... числа десятой луны, поставил айли-юрты, построил дворы и применительно к характеру местности основал крепость, с проточною водою и прудом ниже города.

Эта крепость по своей прочности может равняться древнему золотому городу Джиоу-тунг-гуань и каменному форту.

Охранное войско долгое время пребывало в бездействии и однажды, в теплый день, вышло в степь на стрельбу. Съехались все чины и... сказал: — Если что-нибудь существует на земле, то оно должно иметь свое имя или название и не может быть, чтобы что-нибудь существовало без названия. Еще Конфуций сказал: название должно быть прочное и точное.

По сему случаю вопрос наименования является вопросом великой важности. В настоящий момент эта крепость, и высокая и красивая, не имеет своего названия, и это обстоятельство меня... печалит.

— Все, что вы говорите, очень правильно, в таком случае какое же дать название крепости?

И тогда гун-князь... доложил: — Раз волею великих Тэнгриев и добродетелью их на тысячи лет мы распространили величие и славу на весь мир... и всею мощью... подавили восстание, посему не подобает ли дать название сему городу «Шюа-уй-чжэн» — «Военная крепость, распространяющая величие и славу». С этим все согласились!

Надпись сия поставлена двенадцатой луны 5-го дня 15-го года в правление Джиоу-юань великой Юаньской династии.

Тысячник гвардейского корпуса левого крыла Чан-вэн».

Войско, о котором здесь идет речь, принадлежало Хубилай-хану, захватившему трон китайского императора. По закону Чингис-хана император избирается народным собранием, хурултаем. Хубилай-хан с помощью горсти приверженцев сорвал избрание прочих кандидатов и провел свою кандидатуру в течение первого года заседаний хурултая. Сторонники закона, в том числе и его родной брат — Ариг-буху, восстали против узурпатора, но Хубилай-хан победил своих противников и в знак этой победы поставил каменную плиту с вышеизложенной китайской надписью.

Интересно, что у монголов по поводу этих развалин существует фантастическое предание. «Когда-то, очень давно,— говорит легенда,— в близком соседстве друг с другом жили два государя, двух различных племен. Владения одного из них простирались до урочища Манитэ и распространялись к северу. Владения другого имели северной границей перевал Тэлэн-дабан. Государь, живший в Манитэ, вел свой род от барана и был не то киргиз, не то монгол, а государь, властвовавший на южном склоне Хан-кокшун-ула,

считался потомком волка. Его звали Тии-нос, и от него пошел род Чингисхана».

У этих государей разгорелась война. Тии-нос, укрепившись на речке Ихэ-модо, наголову разбил неприятеля, а после того, как говорит предание, волки-люди съели всех потомков барана.

Следующим этапом работ экспедиции совершенно неожиданно оказалось скромное и никому неведомое урочище Холт в пустынных холмах Северной Гоби. Здесь, в береговых обрывах красной глины было обнаружено богатое палеонтологическое кладбище. Ископаемые остатки позвоночных животных находились по большей части в верхнем слое красной глины, мощность которого редко превышала 1 *м*. Поверх глины лежала галька, покрытая слоем почвы. Кости располагались отдельными группами, или гнездами, как мы привыкли их называть; когда раскопочные работы доходили до такого гнезда, то положительно нельзя было найти промежутка, занятого одной глиной,— везде плотной массой залегали кости. После сильных ливней дождевые потоки выносили в каменистые русла речек множество интересных палеонтологических объектов. В тех местах, где почва и галька под влиянием частых осадков совсем отсутствовали, ископаемые остатки позвоночных часто выступали наружу, на самую поверхность красной глины. Мы находили крупной величины ребра, бивни, рога, челюсти, очень много разнообразных зубов, отдельные кости черепа, тазовые кости и пр. Среди многочисленных находок позвоночных имеются остатки: носорогов, жирафы, трехпалой лошади, различных коз, оленей и ряда крупных и мелких грызунов, а также остатки двух видов гиен и пр.

Профессор А. А. Борисяк, который получил для изучения почти весь палеонтологический сбор Монголо-Тибетской экспедиции, говорит следующее: «Палеонтологический материал, собранный путешественником П. К. Козловым в красной глине в Северной Гоби, принадлежит хорошо известной фауне, которая в конце миоцена и начале плиоцена заселяла почти весь Старый Свет. Эта фауна носит название Пикермийской (по местечку около Афин, в Греции, откуда остатки ее впервые были хорошо описаны), или фауны *Hipparion*'а, по ее наиболее распространенному представителю. Остатки этой фауны были находимы в Азии от Белуджистана и Сиваликских холмов на юге до Северного Китая и Семипалатинска на севере, а в Европе она известна как в южной, так и в центральной ее областях. Она состоит из элементов, развивавшихся главным образом в Азии (носороги, жирафа и др.), частью пришедших из С. Америки через существовавшее в то время соединение между этими континентами, вероятно в области Берингова моря (трехпалая лошадь, *Hipparion*).

Из Азии эта фауна через Малую Азию, Кавказ, Крым (Черного моря еще не существовало) в южную часть Русской равнины направилась в Европу, где расселилась до Пиренейского полуострова включительно, а через Европу и отчасти непосредственно через Малую Азию она переселилась в

Африку, где потомки ее продолжают жить до сих пор, тогда как в более северных частях Старого Света (Европе, Азии), она была вытеснена другою фауною, ныне обитающею в этих областях».

Для того чтобы не упускать натуралистических изысканий, несколько сотрудников, во главе с моим старшим помощником, орнитологом Е. В. Козловой, отправились в конце марта на оз. Орок-нор, которое им было поручено всесторонне исследовать, пронаблюдать на его берегах весенний пролет птиц и заглянуть в хребет Монгольский Алтай. Третий отряд Монголо-Тибетской экспедиции в это же самое время сосредоточил свои изыскания в низовье Эцзин-гола и в мертвом городе Хара-хото.

Во всех трех пунктах работа кипела дружно и захватывала самые разнообразные отрасли научного исследования. В Холте преобладала палеонтология, на Орок-норе — зоология, в Хара-хото — археология и детальная съемка развалин знаменитого города.

Солоноватое озеро Орок-нор залегает в обширной долине, протянувшейся на сотни километров между хребтами Южным Хангаем на севере и Монгольским Алтаем на юге, имеет 85 *км* в окружности. Большая река Туин-гол, впадающая с севера, и многочисленные ключи, рассыпанные там и сям по берегам Орок-нора, сильно опресняют бассейн и создают болота и поймы, заросшие местами высоким камышом. В таких приветливых урочищах с пышною зеленью останавливаются тысячи пернатых. Рыбы в озере очень много, но окрестное население никогда не пользуется ею, и раболовством занимаются только одни птицы. Глубина Орок-нора незначительная; по центральной наибольшей оси — с запада на восток — на протяжении 20 *км* она колеблется от 2 до 4 *м*. Несмотря на мелководность бассейна, на нем нередко бывали высокие волны, вздымаемые сильными восточными и западными ветрами. Волны достигали свыше метра высоты, и плавание по Орок-нору в складной брезентовой плоскодонной лодке, с целью промера глубин, представляло немало серьезных затруднений. Монголы с живейшим интересом приходили на наш бивак осматривать невиданную ими никогда лодку и с неменьшим любопытством разглядывали русских путешественников, которые осмеливались плавать на таком маленьком и с виду ненадежном судне.

Туземцы уверяли, что озеро во многих местах бездонно и что в нем обитает страшное чудовище, вроде дракона, которое непременно поглотит русских смельчаков, наносящих ему оскорбление непочтительным плаваньем над его головой.

«Если поплывете по середине Орок-нора, то никогда не вернетесь»,— с убеждением говорили наши соседи и с видимым страхом ожидали результатов нашего плавания. Благополучное окончание промеров глубины заставило монголов поверить в необычайную силу русских и проникнуться к ним уважением.

Весною и летом население в долине озера значительно. По привольным лугам и зарослям дэрэсу паслись многочисленные стада верблюдов, лоша-

дей, баранов. Эти животные принадлежали главным образом очень большому, богатому буддийскому монастырю Ламэн-гэгэн, находящемуся в Хангае, и только небольшое количество — частным собственникам.

Пастухами частных стад нередко бывают дети (как сыновья, так и дочери) хозяев, семи-десяти лет отроду. Любопытно и поучительно смотреть, как эти малыши ловко и умело справляются со своей задачей. Иногда, впрочем, случаются неприятные происшествия. Ребенок, утомившись от ходьбы и жары в знойный день, засыпает где-нибудь под камнем и, проснувшись, не находит своего стада и не может сообразить, в каком направлении находится его юрта. При нас был случай, когда мальчик восьми лет пропадал целые сутки. Баранов родители разыскали в тот же день, но пастушка с ними не было. Как сами родители, так и соседи принимали самое деятельное участие в розысках ребенка: верховые и пешие гонцы отправились во все стороны и с громкими криками и причитаниями бродили по всей пустынной полосе на южной окраине озерной котловины. В конце концов только на следующий день к вечеру один из сотрудников экспедиции, а именно, обладающий острым зрением Ганчжуров, также отправившийся на поиски заблудившегося, заметил его за несколько километров в призматический бинокль экспедиции и таким образом предотвратил несчастье. Мать пастушка приходила благодарить нас со слезами радости и принесла в дар скромные продукты своего молочного хозяйства.

Живя на озере Орок-нор, мы постоянно любовались суровыми очертаниями хребта Монгольского Алтая и двумя его снежными вершинами, Ихэ-богдо и Бага-богдо, вздымавшимися к синему небу, одна — хмурыми величественными зубцами, и другая — грандиозным куполом.

По окончании весеннего пролета птиц, который был довольно разнообразен и богат, в особенности представителями отряда плавающих и голенастых пернатых, мы поспешили переселиться на северный склон Ихэ-богдо.

Монгольский Алтай совершенно безлесен, пустынен и мрачен. Лишь кое-где по сухим руслам и около оголенных сланцевых скал ютятся кусты дикого персика, жимолости и смородины. Здесь царство зверя, а не человека. В течение целого месяца нашего пребывания в горах мы ежедневно видели по нескольку раз аргали и семейства горных козлов. В Ихэ-богдо, в уединенных ущельях, живут кое-где монголы, чаще всего охотники. Во время отдаленных экскурсий нам нередко приходилось пользоваться их гостеприимством и попутно знакомиться с некоторыми чертами их быта, который до сих пор носит печать патриархального «благочестия».

В повседневной жизни самыми интересными моментами, пожалуй, являются приготовление к ночному отдыху и утреннее пробуждение. В узкой горной пади уже совсем стемнело. Стадо баранов и коз давно толпится около юрты. Все семейство плотно пообедало мясом, и каждый расстилает свою немудреную постель. Хозяин дома подходит к ящику, на котором расставлены металлические изображения кумиров, или бурханов, и зажигает перед

ними маленькую лампадку — металлическую чашечку, с салом и горящим в нем фитилем. Правой рукой он вынимает щипцами из тухнущего костра тлеющий уголь и сыплет в него особый благовонный порошок, который начинает дымиться. Неторопливо и важно окуривает монгол прежде всего престол с бурханами, ящики со священными книгами, все закоулки юрты, а потом и самого себя. Он подносит к лицу дымящийся порошок и, склонив голову, направляет благовоние в глаза, нос, рот, в широкие рукава и в открытый ворот халата. Затем он становится на колени и справа налево замыкает около себя круг этим же ароматным дымом. После этого щипцы с углем последовательно переходят к хозяйке, к детям, и каждый окуривает себя. Во время всей процедуры глава семьи низким басом и слегка нараспев повторяет формулу благословения: «Ом-ма-хум, Ом-ма-хум, Ом-ма-хум!». Это звучит торжественно.

Перед бурханами зажигаются две тибетских свечки, которые тлеют спокойным, неподвижным красным огоньком. Хозяин садится, поджав ноги, лицом к бурханам, берет четки в обе руки, прижимает их к глазам и ко лбу и долго сидит таким образом неподвижно. Зажав четки в ладонях рук, он потрясает ими, дует на них и начинает правой рукой перебирать их. Четок всего сто одиннадцать; из них одна непременно должна быть большая. Хозяйка молится одновременно с мужем, а когда тот ложится спать, она выходит на воздух и начинает ходить кругом юрты, бормоча молитвы. Хождение продолжается иногда час и даже больше.

Утром мать семейства встает раньше всех и прежде всего ставит на огонь пустую чугунную чашу. Когда она нагреется, женщина быстрым движением руки вытирает чашу кусочком войлока и наливает в нее воды, а сама особым топориком («нюдур») толчет кирпичный чай в деревянной ступке («ур»), с толстыми стенками и маленьким отверстием посредине. Приготовив чай, хозяйка надевает маленькую остроконечную шапочку, заваривает чай и дает ему вскипеть вместе с молоком, солью и маслом. Первую ложку чая хозяйка наливает бурханам, а вторую выносит за дверь юрты и выплескивает в воздух, в виде приношения духам. Из котла чай разливается по деревянным закрытым кувшинам («домба»). Здесь теплый, постоянно подогреваемый чай хранится, как угощение, целый день.

Каждый монгол-охотник носит на поясе ремешок, с нанизанными на нем девятью китайскими монетами («чохами»). Прежде чем отправиться на охоту, он снимает эти чохи, берет один из них, дует в его отверстие, затем, зажав деньги между ладонями рук, прижимает ко лбу и несколько раз встряхивает их так, чтобы они легли столбиком. Раскрыв руки, охотник рассыпает монеты в ряд на ладони и гадает по порядку их расположения об удаче или неудаче охоты. Если гадание благоприятно, охотник сразу приторачивает к седлу веревку для будущей добычи, потом садится около бурханов, берет ружье, кладет его на колени, поглаживает, осматривает его и шепчет какую-то молитву, смысл которой заключается в том, чтобы «хозяин» (известное

поверье у монголов говорит, что у каждого рода животных есть свой «хозяин») позволил ему взять хотя бы одного зверя из охраняемых им стад. Иногда монгол снимает шапку или платок, которым у него повязана голова, и дает его матери, которая молча прячет этот предмет за пазуху и читает милитву. Сын сидит и ждет; потом он быстро принимает свой убор и, не простившись, даже не взглянув на мать, уходит.

Если монеты несколько раз расположились неблагоприятно, то монгол в этот день способен отказаться от охоты.

В горах Ихэ-богдо почти в каждом ущелье среди сланцевых скал есть большие пещеры, носящие следы пребывания человека. В некоторых из них мы находили маленькие глиняные изображения святых, обрывки монгольских и тибетских книг и пр. Подъем к пещере крут и почти не доступен, вход обычно очень узок. С трудом пробравшись через такую трещину-дверь, входишь в широкое помещение с неровным, косым скалистым потолком и земляным полом. Даже в самые жаркие дни в пещере сыро, холодно, и всегда полутемно, так как свет проникает только через вход. Здесь жили, а кое-где и по настоящее время живут буддийские монахи-отшельники. Летом они питаются исключительно травами, преимущественно высушенными и растертыми крапивой и щавелем, из которых они делают болтушку и нечто вроде лепешек. Монгольское население очень почитает «пещерных лам» и заботиться о том, чтобы в зимнее время у них была более питательная пища.

Один раз в год, в середине лета, знакомый мне Агой-дайя-цаган-лама, живущий в ущелье Битютэн-ама, около главного массива Ихэ-богдо, под самым гребнем хребта, выходит в «мир», спускается к озеру Орок-нор и там над священным источником совершает богослужение, ко времени которого сюда стекаются все окрестные монголы. Во время его отсутствия мы заглянули в его жилище и не нашли в нем ничего, кроме маленького веника, связанного из веток местной березы, и очень большого мешка со сложенными в нем обломками сталактитов.

Восточный отряд Монголо-Тибетской экспедиции, под руководством моего помощника С. А. Глаголева, в течение всей весны и части лета работал в низовье реки Эцзин-гол и в мертвом городе Хара-хото.

В начале июня я решил посетить свое детище в далекой пустыне и возобновить добрые отношения с торгоутскими властями, от которых в большой мере зависела успешность работ экспедиции. С бивака на озере Орок-нор, где я некоторое время жил в отряде Е. В. Козловой, я снарядился налегке, взяв с собою только бурята-переводчика и монгола-проводника. С нами шло пять-семь верблюдов: два вьючных, три верховых и два заводных.

3 июня мы выступили перед самым восходом солнца. Заря румянила ясное небо и тихие воды Орок-нора. Печальными трубными звуками неслись голоса лебедей, над водою раздавались клекот орлана-рыболова и гоготание гусей, покидавших мокрые луга — место своего ночлега. Перед нами вздымался суровой стеною Монгольский Алтай. Пустынная каменистая дорога

вела нас на его перевал. День выдался жаркий, и верблюды подвигались медленно, слегка раскрывая рты. Уже высоко в горах нам встретился лама-богомолец. Древний старец, с котомкой за плечами, одиноко плелся к далеким святыням Хангая, опираясь на корявую палку. На самой вершине перевала беспорядочным стадом шли домашние яки, подгоняемые маленькой девочкой 10—11 лет. Она вела своих животных на северный склон гор и с улыбкой приветствовала нас. «Заходите к нам!» — проронила она мимоходом, держа во рту данную мною карамель. На перевале мы простились с голубым Орок-нором и с силуэтами Хангайских высот. Весь юг, куда мы теперь должны были углубиться, представлял из себя дикую, безбрежную пустыню, слегка всхолмленную поперечными грядами высот. Воздух, насыщенный пылью, был мутный и серый, а дали казались сумрачными. Только в долине речки Легэн-гол, вблизи ключей, питающих эту речку, мы встретили островки изумрудной зелени и жалкие, тощие пашни монголов. Здесь сеют исключительно ячмень. Поле обрабатывается примитивной деревянной сохой, которую везет верблюд. Вокруг полей выкопаны, по примеру китайцев, маленькие канавы.

Солнце садилось за соседние высоты, когда мы остановились на ночлег в бедной юрте местных монголов. Старушка хозяйка угостила нас чаем и приняла очень приветливо. Увидев на моей руке обручальное кольцо, она тихо спросила, золотое ли оно, выразила желание подержать его в руках. Получив согласие, она взяла кольцо в обе руки и, полузакрыв глаза, приложила ко лбу, прошептала молитву, а затем с благоговением возвратила его мне.

Каждый день мы вставали около двух часов ночи, а то и раньше, для того чтобы сделать возможно больший переход в прохладное время раннего утра, так как днем невыносимый зной сильно затруднял движение. Песок нагревался до того, что было горячо ступать по нему в больших сапогах, а если случайно на остановке кому-либо из нас приходилось дотронуться до песчаной поверхности мокрой холодной рукой, то на коже сразу получался сильный ожог. Частые овраги, пересекавшие наш путь, особенно утомляли нас, так как верблюды вообще не умеют спускаться с горы шагом, а их и без того утомительное покачивание превращается здесь в тягостную и с трудом переносимую тряску. По мере того как мы углублялись к югу, пустыня становилась ровнее, безжизненнее; по ней, словно какие-то демоны, бегали затейливые по очертаниям вихри, а вдали дрожал мираж.

Правда, от речки Легэн-гол до озер Эцзин-гола пустыня преграждается тремя цепями гор: Халтэрэ-нуру, Нэмэгэтэ и Ноин-богдо, расположенными в широтном направлении параллельно друг другу. У подножий этих гор довольно нередки колодцы с хорошею прохладною водою, питающею окрестных кочевников и их стада, ежедневно пригоняемые к колодцам на водопой. Глубина колодцев в большинстве случаев незначительная — около 2 *м*, реже больше. Между этими горами залегают глубокие, широкие долины, по песча-

ному дну которых часто стелется саксаул, в котором пасутся верблюды. Простираясь в ширину на несколько десятков верст, долины эти уходят к востоку и западу за горизонт и кажутся совершенно беспредельными.

Первая богатая растительность, которую мы увидели на пятнадцатый день своего томительного путешествия, были высокие тополя и пышные тамариски долины Эцзин-гол. От реки до мертвого города Хара-хото всего 12 *км*, и на всем этом протяжении тянутся бугры с бледно-зеленым тамариском и видны следы древних пашен и водных артерий. Путник, поднявшийся на высокий песчаный бархан, сразу видит мертвый город, как на ладони. С северо-северо-востока могучей волной надвинулись на город сыпучие пески, засыпали стены и даже вошли внутрь города. Все здесь тихо и мертво, и следы человеческой жизни с каждым годом поглощаются серой однообразной массой беспредельных песков.

Мертвый город в глубине пустыни за время нашего пребывания в нем оживился. Исследуя его тихие заглохшие улицы и угадывая значение тех или иных когда-то, видимо, богатых зданий, мы как бы воскрешали к новой жизни древнюю столицу вымершего племени си-ся.

Мертвый город Хара-хото, столица тангутского царства Си-ся, был открыт мною еще в 1908 г. и вновь теперь посещен нашей последней Монголо-Тибетской экспедицией Государственного Русского географического общества 1923—1926 гг., которая произвела в нем археологические раскопки и сняла детальные планы всех его развалин.

Хара-хото расположен в центре Гобийской пустыни, в 12 *км* от ближайшего восточного рукава р. Эцзин-гол. Пышная растительность могучих вековых тополей и кустарниковых зарослей долины Эцзин-гола резко обрывается у последней к востоку водной артерии, сменяясь безжизненной щебнево-галечной пустыней, прорезанной сухими руслами и загроможденной местами песчаными буграми, покрытыми тамариском. Кругом все тихо и безжизненно. Вдоль сухих канав разбросаны гранитные жернова, молотилки, валяются обломки керамики, а из-под песка видны неясные очертания уцелевших построек. В прежние, давно минувшие времена Хара-хото был цветущим оазисом, раскинувшимся среди рукавов усыхающей ныне на сотни верст реки. Здесь расстилались богатые пашни, по которым были проведены канавы с проточной водой, и со всех сторон, кроме юго-западной, пестрели фанзы местного населения. Самый город, его центральная часть, обнесен глинобитной стеной в 9—10 *м* высотою и занимает площадь 385×325 *м*.

Стены укреплены многочисленными башнями, выступающими как по углам, так и вдоль стен. В город ведут двое ворот — западные и восточные. Каждые ворота защищены особой коленчатой стеною, с массивной башней, в верхней площадке которой устроена целая система амбразур, приспособленных для более удобного метания снарядов в осаждающих врагов. Остатки этих снарядов — камни, кирпичи, жернова и крупная галька — насыпаны на всех стенах, беспорядочными грудами или правильной тонкой струей,

то непрерывной, то с бо́льшими или меньшими промежутками. Местами со стен ведут на землю, внутрь города, более или менее широкие лестницы, а на южной стене они заканчиваются около двух келий, выдолбленных в стене и носящих явные следы муровки. Надо полагать, что это были кельи отшельников.

На северо-западной угловой башне вздымается огромный субурган, около 12 *м* в высоту; вокруг него устроено подобие балкона с барьером, приспособленным для стрелков. В северной стене, недалеко от лестницы, зияет брешь, шириною около 2 *м*. По преданию, именно через эту брешь осажденные жители Хара-хото сделали вылазку, в которой и погибли.

Вся внутренняя площадь города покрыта невысокими буграми с мягкими очертаниями, с первого взгляда песчаными и галечными, с массой осколков глиняной и фарфоровой посуды. Но при раскопках под тонким слоем мелкой гальки и песку всегда обнаруживается тростник, которым, по-видимому, покрывались крыши построек, обломки кирпичей, глина и обугленные куски бревен. Это — остатки глинобитных фанз, которые и служили большинству населения жилищами. Кое-где из таких бугров выдвигаются на незначительную высоту остатки глиняных или кирпичных стен. Обычно подобные остатки, соединяясь в группы, занимают довольно значительную площадь. Это — развалины домов более состоятельных горожан. В тринадцати местах города возвышаются, иногда на большую высоту над землею, развалины зданий, сохранившихся лучше других, благодаря тщательности, массивности и богатству постройки. Это — кумирни китайской и тангутской стройки, с полами, вымощенными голубовато-серыми кирпичами, субурганы, какое-то управление в центре города, большой дом по «Главной» улице, по-видимому, принадлежавший крупному землевладельцу, очень большая кладовая для зерена и двор, где жили магометане.

Торговые помещения в восточной части города носят такой же характер постройки, что и современные китайские лавки. Непосредственно на улицу выходит собственно лавка, по-видимому, не отделенная от улицы стеной, а за лавкой находится крошечная комната с каном, занимающим большую часть ее. Сзади всей этой постройки всегда бывает маленький дворик, окруженный незначительными строениями. Узкие улицы прорезают кучи мусора и обломков, в виде неглубоких желобов, и идут в широтном или меридиональном направлении, не делая никаких изгибов. Можно отметить «Главную» улицу, протянувшуюся от западных ворот города к восточным, «Торговую», соединяющую управление, или «ямунь», с восточными воротами, и третью — «Главную» улицу, пролегающую в меридиане буддийской кумирни, или храма. Северо-западная часть города, по-видимому, считалась наилучшей, так как здесь располагались две группы нарядных храмов китайского типа, дом богатого землевладельца и, наконец, дворец, по преданию, самого Хара-цзянь-цзюна, с двумя кумирнями. Этот дворец занимает почти всю северо-западую чатверть крепости и представляет собою большую

площадь, перегороженную сложной системой полуразрушенных стен, дворов и переходов. Угол, образованный северной и западной стенами города, занят в настоящее время большой ямой, с пологим, узким выходом на юго-восток и с отвалами по сторонам. Это раскопки, произведенные в 1941 г. английским археологом сэром А. Стейном.

Непосредственно к восточной стене города примыкают развалины предместья. Все постройки его принадлежат к типу глинобитных фанз. От ворот города к востоку проходит большая улица, пересекаемая несколькими, теперь уже мало заметными, переулками. У юго-западного угла крепостных стен, за пределами города, возвышается большая и хорошо сохранившаяся мечеть, а на расстоянии четверти километра от западной стены находятся остатки грандиозного «Знаменитого» субургана, подарившего мне в свое время столь богатые археологические сокровища [1].

Основное население Хара-хото состояло из представителей ныне вымершего тангутского племени си-ся, исповедывавшего буддийскую религию, и из мусульман.

В 1908—1909 гг. в Хара-хото, в «Знаменитом» субургане мною была найдена целая библиотека — около двух тысяч томов книг, множество рукописей и свитков на языках монгольском, китайском, тибетском, уйгурском, тюркском, персидском, тангутском и, наконец, на неведомом языке си-ся. До трехсот образцов буддийской иконописи, исполненной на холсте, тонкой шелковой ткани и на бумаге, также украсили нашу коллекцию. Среди книг и живописи в субургане попадались металлические и деревянные статуи, клише, модели и многое другое. Особенно великолепен и ценен гобелен как образчик превосходного ткацкого искусства.

В субургане, вероятно, было похоронено духовное лицо, костяк которого покоился в сидячем положении, несколько выше пьедестала, у северной стены надгробия. Череп хорошей сохранности принадлежал женщине в возрасте свыше пятидесяти лет.

Среди многих статуй в субургане выделялась одна с двумя головами Будды. Пантеон хара-хотоского собрания вообще велик: из будд мы имеем «Алмазнопрестольного», «Владыку врачевания», «Будду, вращающего колесо закона», «Будду учащего», «Будду созерцающего», стоящего Будду и многих других. Композиция образов та же, что и в современной тибетской живописи.

Среди монгольских документов, найденных в Хара-хото, имеется около десятка небольших фрагментов, обнаружена также книжка в 34 листа, остальные документы в 10—12 строк. При незначительности по объему этой коллекции, она разнообразна по содержанию. Книжка для гаданий, особенно при определении счастливых и несчастливых дней, составлена по китай-

[1] О «Знаменитом» субургане или вообще о Хара-хото см. мой труд «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото». Государственное изд-во, 1923 г. [второе издание. М., Географгиз, 1947].

ским образцам. Владетель книжки обладал знанием китайского языка, и в ней повсюду встречаются китайские слова, переданные китайскими иероглифами или монгольскими буквами, а в конце даже помещены целые рецепты на китайском языке для приготовления лекарства от болезней, которыми страдают лошади. Для монгола-скотовода эти рецепты представляли особый интерес, и потому они были записаны в гадательную книжку, находившуюся в постоянном употреблении, так как она изношена. Один фрагмент в 14 строк носит дидактический характер и, насколько можно заключить по разобранной части, представляет собою отрывок из поучений Чингис-хана.

Бо́льшая часть документов — деловая переписка: письма с поднесением подарков, жалоба по случаю похищения лошади, два долговых акта о получении взаймы пшеницы, с именами, печатями, или «знаменами», должников, поручителя и свидетелей. Оба последних документа написаны по одной трафаретной форме, которая принята в уйгурских долговых расписках, найденных в Восточном Туркестане, и, очевидно, была заимствована монголами, вместе с письмом, у уйгуров.

Среди находок 1908—1909 гг. видное место занимает отрывок персидского текста знаменитой книги «Семи мудрецов» — Китаб и Синдбад. Книга эта, известная на Востоке и на Западе, ведет свое начало из Индии и была чрезвычайно популярна у арабов и у персов. Сочинение это распространилось в турецком и монгольском мире, но до сих пор не имелось прямых указаний на пути распространения «Семи мудрецов». Теперь же становится ясным, что среди тангутов жили персы, которые занесли сюда персидскую версию этой книги.

Среди книг библиотеки нами был обнаружен словарь, заключавший в себе между прочим и язык си-ся. Это обстоятельство дает специалистам возможность читать книги на неведомом языке.

В большинстве книг, письмен, иконописи, а также и в предметах обихода Хара-хото отразилась полностью культура XI—XII вв. нашей эры. При раскопках домов внутри города в развалинах лавок, между прочим, были найдены и образцы бумажных денег Юаньской династии, на которых есть надпись: «Подделывателям будут отрублены головы».

В последнюю экспедицию 1923—1926 гг. мои сотрудники прожили в мертвом городе около двух месяцев. Через сохранившийся пьедестал «Знаменитого» субургана С. А. Глаголевым было прорыто два хода в поисках научных ценностей под сторонами надгробия. Раскопки дали многочисленные обрывки письмен, лепные глиняные украшения, отдельные кости человеческого скелета и обломок плиты с надписью и рисунком. Внутри города мои спутники раскопали несколько фанз, из которых извлекли монеты, медные украшения, бусы, земледельческие орудия (сохи), топоры и пр. Для детального описания и составления чертежей другим моим сотрудником, К. К. Даниленко, были освобождены от песка части построек-кумирен, среди которых обнаружены тончайшие прекрасные фрески на глине, которыми

были украшены все стены. В красках преобладают зеленовато-голубые тона, а рисунок по большей части изображает фантастических птиц, как например, двухголового попугая, павлина и т. п.

В одной из ниш северной стены нам посчастливилось найти целую серию глиняных головок, с необыкновенно сильно и ярко выраженной экспрессией лиц. Это, по-повидимому, в большинстве случаев обломки статуеток учеников Будды. Очень ценной находкой я считаю также большую глиняную цветную статую Будды и отдельную голову Будды [1], открытые случайно под небольшим слоем песка. Богатая керамика послужила прекрасным и разнообразным украшением нашей коллекции. В настоящее время удалось уже реставрировать большой несложный по работе сосуд для хранения воды, средней величины вазу с орнаментом и некоторые другие предметы из обожженной глины. Обломки тонкого фарфора также были обнаружены во многих местах города в изобилии.

Неподалеку от западной стены Хара-хото оказался погребенным в песке полный человеческий скелет отличной сохранности, что, в связи с нахождением в прошлую экспедицию человеческого черепа, дает возможность сделать антропологическую оценку жившего здесь народа.

Обрывки письмен на бумаге, а также лоскутки шелковых тканей с цветными рисунками найдены в различных местах города в большом количестве.

Изучив самым детальным образом остатки построек мертвого города в течение прошлого лета 1926 г., я могу констатировать факт, что Хара-хото продолжает довольно быстро разрушаться. Почти ежедневные летние и весенние бури, резкая смена температур, редкие, но необычайно сильные ливни из года в год изменяют облик развалин. В 1909 г., в северо-западной части городской стены, я наблюдал лестницу, которую в 1914 г. археолог Стейн еще сфотографировал и показал, что на ней ясно видны ступени и парапет. В настоящее время лестницы уже не существует; вместо нее на стену ведет узкий, круто поднимающийся желоб. Медленное изменение общей картины мертвого оазиса происходит также благодаря передвижению участков песка. Через несколько сот лет, а может быть и десятков лет, песчаные барханы надвинутся на одни развалины и обнажат другие, никем еще не исследованные. В самом городе с каждым годом песков скапливается все большее количество, и можно думать, что со временем вся крепость будет погребена под ними.

Местные торгоутские власти, в лице моего старого друга Торгоут-Гуна и его взрослого сына — фактического начальника торгоутов, приняли меня торжественно и искренне. Они оба сделали все, что от них зависело, чтобы обеспечить успех работ экспедиции и благополучное следование каравана, нагруженного научными сокровищами, к родным пределам.

В течение всего моего десятидневного пребывания в мертвом городе ко мне являлись мои прежние работники, проводники и друзья, помнившие

[1] Отдельная голова Будды покоилась самостоятельно, вне стен крепости.

русских со времен открытия Хара-хото в 1908 г. В конце июня я простился со своим детищем, подарившем мне столько прекрасного, и, оставив его досыпать свой сон в глубине песков, вновь повел караван на север.

При новом пересечении Монгольского Алтая, на одной из плоских вершин священного массива Ихэ-богдо, на его восточном крыле, на высоте 2900 *м* над уровнем моря, совершенно случайно я открыл величественную могилу — ханский мавзолей. К северу и югу уходят дали на сотни километров, а с востока и запада глядят сюда вершины Ихэ-богдо и Бага-богдо. Вот где нашел себе упокоение один из великих вождей древних времен Монголии!

Наличие большого количества историко-археологических памятников в Монголии дает надежду, что науке удастся восстановить быт того замечательного народа, который оставил нам несомненные следы своего существования в Северной Монголии и в южных предгорьях Монгольского, или Гобийского, Алтая.

Решение этой задачи выпадает на долю русской науки.

Подведем итоги общим научным достижениям экспедиции:

Прежде всего, в Северной Монголии, в Кэнтэе, открыты и исследованы глубокие могилы, относящиеся ко времени Ханьской династии — к III—IV в. до н. э., с культурой Китая, с одной стороны, и античными влияниями, с другой.

В дальнейшем, с продвижением экспедиции в глубь Монголии, пройдено маршрутно-глазомерной съемкой (пяти- или десятиверстного масштаба) около 3500 *км*, опирающихся на астрономические пункты и многочисленные гипсометрические определения.

Изучен Южный Хангай, степные и пустынные части Монголии вплоть до мертвого города Хара-хото.

Исследованы большие и малые озера, с измерением глубин и сбором водных флоры и фауны, причем отмечены незначительная глубина бассейнов и наличие процессов усыхания.

Как на месте в Кэнтэе, так и на всем пути экспедиции непрерывно производились метеорологические наблюдения. Долгие стоянки в различных местах Гоби, зимовки в Хангае и низовье Эцзин-гола будут служить опорными пунктами для общих выводов о климате Монголии.

Во время всего путешествия велись естественноисторические наблюдения и собирались коллекции в областях геологии, ботаники, зоологии.

Образцов горных пород собрано около 500 номеров.

Растений — 750 видов в количестве до 3000 гербарных листов. Кроме того, имеется порядочное количество семян, наиболее характерные образцы которых уже посеяны в Ботаническом саду Республики *.

Зоология: крупных и мелких млекопитающих добыто более 60 видов, в

---

* Ныне Ботанический сад АН СССР в Ленинграде.

количестве около 600 экземпляров. Отдел млекопитающих обогащен, между прочим, редким дорогим экземпляром грызуна — замечательного тушканчика, *Salpingotus Kozlovi*, изловленного в Хара-хото. Надо заметить, что этот своеобразный тушканчик до сего времени имелся (и тоже из Хара-хото) лишь в одном экземпляре, и только в Зоологическом музее Академии наук СССР.

Птиц — 300 видов или 2000 экземпляров. Наиболее интересные птицы, подобно грызунам, положены в спирт.

Гнезд с яйцами — 40. Среди гнезд впервые добыты гнезда пустынно-горных обитательниц — завирушки, *Prunella kozlovi*, и *Sylvia nana*.

Рыб — немного и количеством особей и разнообразием.

Пресмыкающихся и земноводных (змеи, дневные и сумеречные ящерицы, лягушки, жабы) — свыше 100 экземпляров.

Отдел насекомых и богат и очень разнообразен: общее количество их свыше 20 000 экземпляров. Конечно, среди этого отдела находится более новых форм, нежели среди других.

В северной Гоби найден непосещенный европейцами район, богатый ископаемыми остатками позвоночных: носороги, жирафа, трехпалая лошадь, *Hipparion*, козы, олень, крупные и мелкие грызуны и гиены.

Этнографические наблюдения над монголами и торгоутами Эцзин-гола велись экспедицией систематически.

Открыты и фотографически сняты многочисленные древние погребения, их памятники, нередко с любопытными орнаментами.

Найдены исключительные по своему содержанию монгольские и китайские письмена, или надписи, а также рисунки на скалах, плитах и отдельных камнях. «Лирическое стихотворение Соγ-tu-taiiji, приводимое в первой надписи, построено по образцу монгольских лирических песен. Как и большинство последних, оно разделяется на четверостишия, причем каждое четверостишие, отмеченное формальными признаками, представляет собою одно законченное предложение, лирическое и грамматическое. В общем стихотворение Цокту-тайджи напоминает нам один определенный тип произведений монгольской письменности: народную песнь, попавшую в книгу и получившую поэтому книжный, письменно-монгольский облик. Со стихотворным произведением Цокту-тайджи, действительно, произошло то же, что происходит иногда с песнями: автор его произнес, а потом оно было записано слышавшими. Обе рассматриваемые надписи написаны простым и легким языком. Первая, большая, надпись, содержащая стихотворение Цокту-тайджи, отличается от огромного большинства произведений монгольской письменности тем, что А. Н. Веселовский называл «аромат степи». Это тем более любопытно, что стихи нашего тайджи вполне проникнуты буддийским настроением» [1].

[1] Б. Я. Владимиров. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи.— см. сноску на стр. 392 данного сборника.

Исследованы развалины обширного монастыря Олун-сумэ, залегающего у восточной подошвы Южного Хангая. В одном переходе к северо-востоку отмечены другие развалины Ламэн-гэгэн.

В верховье Орхона открыт могучий водопад — «Водопад экспедиции Козлова», сливающий пенистые воды в глубокий каньон.

Произведены дополнительные раскопки мертвого города Хара-хото, давшие немало нового материала, относящегося преимущественно к культу и обиходу исчезнувшего с лица земли племени си-ся. Сняты детальные планы не только внутри города, но и по всей площади обширного оазиса, окружность которого простирается до 50 *км*. Наблюдения 1909 г. и только что произведенные дают наглядное представление об интенсивном засыпании песком развалин этого города.

На одной из вершин Монгольского Алтая, его священном массиве Ихэ-богдо, открыт богатый древний мавзолей хана, с видом вокруг на сотни километров, вызвавший в последнее время огромный интерес не только у нас и в Европе, но и в отдаленной Америке; а в Хангае, у восточной подошвы Хан-кокшун-ула обнаружены развалины китайского города Шюа-уй-чжэн; каменная плита с китайским письмом гласит о том, что город этот был построен в 1275 г. войсками Хубилай-хана, захватившего трон китайского императора.

На гребне восточного Хангая, среди суровых камней, экспедиция нашла усыпальницу тринадцати поколений Сай-ноин-ханов — прямых потомков Чингис-хана.

В горах и долинах того же Хангая нередки горячие целительные источники, с температурой у места выхода их на дневную поверхность от 15,5° до 55,5° С. На одном таком целительном источнике, в 25 *км* к северо-западу от монастыря Уйцзэн-ван-курэ, имеются ванны для больных монголов, страдающих преимущественно ревматизмом и желудочными болями.

Для иллюстрирования предстоящих печатных трудов экспедиции заснято до трехсот фотографических пластинок.

Научные ценности экспедиции, доставленные своевременно в Ленинград и выставленные на обозрение в здании Русского географического общества, ныне находятся в музеях, преимущественно Академии наук и в Русском музее, где уже работают специалисты с целью определения и изучения.

В заключение прежде всего приношу мою глубокую благодарность и признательность Географическому обществу, Академии наук и управляющему делами Совета Народных Комиссаров Николаю Петровичу Горбунову за проведение экспедиции, затем такую же благодарность и признательность выражаю Монгольскому Правительству и Монгольскому Ученому комитету за содействие и, наконец, товарищеское спасибо всем моим спутникам — старшим и младшим сотрудникам, с любовью, беззаветно отдававшим делу экспедиции свои силы и уменье и тем самым в большой мере способствовавшим успеху ответственной задачи.

НАУЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ МОНГОЛО-ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Г.Р.Г.О., ДОБЫТЫЕ И ДОСТАВЛЕННЫЕ В ЛЕНИНГРАД (1923—1926) [1]

Записи и съемки

П. К. Козлов. Дневник путешествия, пять книжек	1099	страниц
Дневник метеорологический, гипсометрия и маршрут экспедиции, две книжки	200	»
Журнал астрономический, пять пунктов: Улан-Батор-хото, урочище Улхуин-булун, Битютэн-ама, урочище Холт, Хара-хото. Археологические заметки, частью в дневнике путешествия, частью в отдельной тетради до	100	»
Заметки о млекопитающих, одна книжка	75	»
Е. В. Козлова. Дневник орнитологический, две книжки	250	»
План и чертежи развалин Олун-сумэ. План и чертежи раскопок остатков позвоночных в урочище Холт, в Северной Гоби.		
С. А. Глаголев. Общий дневник, три тетради	220	»
Метеорологический дневник	90	»
Элементы съемки	87	»
Данные высот и профилей	50	»
Дневник работ в Хара-хото	50	»
К. К. Даниленко. Материал к познанию развалин Хара-хото: таблицы, 37 чертежей и планов и рукопись около	70	»
А. Д. Симуков. В гольцах Кэнтэя: карта, планы, чертежи и рукопись	60	»
П. К. Козлов. Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстного масштаба:		
1) по Хангаю и Орхону	200	верст
2) от Монгольского Алтая до Хара-хото	400	»
Е. В. Козлова. Маршрутно-глазомерная съемка 5- и 10-верстного масштаба:		
1) от Улан-Батор-хото до Юго-Восточного Хангая и Орхона, около	650	»
2) через урочище Холт в Монгольский Алтай, около	250	»
С. А. Глаголев. Маршрутно-глазомерная съемка 10-верстного масштаба: от Улан-Батор-хото через Хурху в Хара-хото; отсюда в Ноин-богдо, опять в Хара-хото, и обратный путь через Арца-богдо, Холт, Уйцзэн-ван, Мишик-гун в столицу Монголии	2060	»
П. К. Козловым снято до 300 с лишком фотографических пластинок, с наиболее характерных из которых приготовлено 150 диапозитивов.		

Археологические научные ценности (их большое собрание) распределены следующим образом:

I. Все находки, добытые в Ноин-ула, в курганах: Первом, или «Мокром» (ткани, нефрит, неповрежденная урна и пр.), Шестом, или «Верхнем»,—

[1] В настоящее время коллекции экспедиции находятся в соответствующих институтах АН СССР и в Гос. Эрмитаже.

самом глубоком и самом богатом (гобелен «Всадники», ковер с грифоном, ковер с черепахами и рыбами, костюм покойника, лаковые чашечки «шанлинь», металлическая рельефная бляха, деревянное орудие для добывания огня и многое другое). Двадцать третьем (золотые женские украшения), Двадцать четвертом (ткань с птицами на скалах, нефритовая, с драконом, пластинка), Двадцать пятом (бронза),— впредь до окончании определения и изучения сосредоточены в Академии истории материальной культуры.

II. Из раскопок в Хара-хото: 152 номера (статуя и до 30 голов будд или бодисатв, глиняные золоченые украшения, фрески, медные, железные и бронзовые изделия, предметы домашнего обихода, монеты, керамика, кирпич, скелеты и пр.) переданы в Русский музей, его этнографический отдел, в общее пополнение коллекции «Хара-хото». Туда же пошли и археологические сборы: Улхуин-булун, Цзэгэстэ, Олун-сумэ, усыпальницы Сайн-ноин-ханов, каменная баба «Хара-ушхай» и так называемый «подъемный» материал (в Северной Гоби и по Орхону).

III. Все письмена, рисунки, найденные в Хара-хото, а также листы книг с санскритом, письмена на бересте, остатки клише из Олун-сумэ и дощечки с рисунками и письмом с усыпальницы Сайн-ноин-ханов переданы в Азиатский музей Академии наук СССР, где уже хранится вся хара-хотоская библиотека со времени открытия и первых раскопок П. К. Козловым мертвого города Хара-хото.

Этнография — буддийские статуетки, китайские бронзовые вазы и курильницы, монгольские музыкальные инструменты, золоченые с цветными камнями убранства головы монгольской сановной женщины и многое другое — традиционно поступили в Этнографический отдел Русского музея.

Геологическая коллекция экспедиции, около 500 образцов, поступила в Геологический музей Академии наук для тщательного изучения и определения. Все ископаемые позвоночные, остатки носорогов, жирафы, трехпалой лошади (*Hipparion*), остатки коз, оленя, крупных и мелких грызунов, гиен, сданы в Палеонтологический музей Академии наук, в ведение проф. А. А. Борисяка.

Гербарий экспедиции — 750 видов растений или 3000 листов и 50 пакетов семян — передан в Главный ботанический сад на определение и изучение.

С тою же целью сдана вся зоологическая коллекция экспедиции в Зоологический музей Академии наук.

Млекопитающих — 65 видов или около 600 экземпляров (большинство с черепами и скелетами); над ними работают: А. А. Бялыницкий-Бируля, но главным образом Б. С. Виноградов, имеющий намерение приготовить специальный том в общее издание трудов Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества.

Сборы птиц — 300 видов, в количестве 2000 экземпляров — описываются орнитологом экспедиции Е. В. Козловой, под руководством академика П. П. Сушкина.

После обработки млекопитающих и птиц дневники этих обоих отделов традиционно перейдут в архив Зоологического музея.

Небольшое собрание рыб поступает на определение проф. Л. С. Берга.

Пресмыкающиеся и земноводные — змеи, дневные и сумеречные ящерицы, лягушки, жабы, общим числом около сотни экземпляров — находятся на изучении зоолога С. Ф. Царевского.

Над многочисленными насекомыми, коих свыше 20 000 экземпляров, работают зоологи-энтомологи: А. П. Семенов-Тян-Шанский, В. В. Боровский, Ф. Д. Плеске, А. А. Штакельберг, А. С. Скориков, А. Н. Кириченко, Н. Я. Кузнецов и др.

Весь энтомологический сбор экспедиции можно подразделить таким образом:

Coleoptera	5 434	экземпляров	Plecoptera	19	экземпляров
Diptera	9 119	»	Dermatoptera	3	»
Hymenoptera	1 847	»	Orthoptera[1]	757	»
Lepidoptera	2 173	»	Thysanoptera	24	»
Neuroptera	80	»	Heteroptera	2 223	»
Trichoptera	21	»	Homoptera	106	»
Odonata	18	»	Aphidiodea	15	»
Agnatha	9	»	Всего:	21 848	экземпляров.

Ученый хранитель Зоологического музея Академии наук Б. С. Виноградов говорит: «Экспедицией П. К. Козлова, между прочим, собрана коллекция грызунов из третичных и послетретичных отложений Монголии. Среди собранных третичных форм обращает на себя внимание несколько остатков интересного олигоценового грызуна *Tsaganomys*, недавно описанного по материалам американской экспедиции Эндрюса. В собранной коллекции есть также обломки резцов какого-то гигантского грызуна, значительно превосходящего по размерам бобра, не поддающегося точному определению по недостатку материала. Исследование ископаемой фауны Монголии представляет очень большой интерес, и проделанную в этом отношении работу экспедиции следует признать важной рекогносцировкой, дающей возможность в дальнейшем приступить в определенных пунктах к планомерным раскопкам в широком масштабе».

Зоолог Зоологического музея Академии наук П. В. Серебровский, между прочим, пишет: «Коллекция птиц несомненно велика. Удивляет то, что она пришла в таком свежем виде, как будто только что собрана. Сборы производились со знанием дела, весьма толково — обращено внимание в первую очередь на выяснение состава гнездовой и пролетной фауны птиц. В научном отношении коллекция представляет богатый материал к почти детальному обзору орнитофауны большого, обследованного экспедицией района.

[1] В том числе Larvae — 400.

Найден целый ряд еще неизвестных форм птиц. Границы многих видов теперь становятся более или менее ясны. В этом отношении обнаруживается целый ряд неожиданностей. Сборы Козлова позволяют также сильно отодвинуть на восток известные до сего времени границы распространения целого ряда птиц. Добыт целый ряд птиц, малоизвестных из тех местностей или, вообще редких в коллекциях. Попадаются и необыкновенно редкие и ценные формы: помесь между двумя видами снегирей, выродки ворон, глухарей и различных других видов».

Старший зоолог Зоологического музея Академии наук А. П. Семенов-Тян-Шанский, сообщает: «Собрание жесткокрылых насекомых, жуков, привезенное экспедицией П. К. Козлова из Монголии, представляет большую научную ценность. Оно не только дает общее представление о зоогеографическом характере фауны северной и центральной Гоби, но и содержит многочисленные и весьма интересные прибавки к фауне Монголии вообще. Только благодаря тщательным полевым изысканиям экспедиции Козлова выясняется, что некоторые роды жуков, считавшиеся до сих пор исключительно туранскими или даже средиземноморскими, имеют своих представителей в фауне Монголии. Богатый и разнообразный сбор жесткокрылых экспедиции Козлова обогащает науку рядом совершенно новых для нее форм жуков, среди которых имеются не только новые виды, но и представитель по крайней мере одного нового рода. Особенно хорошо освещена сборами экспедиции фауна Хангая и центральной Гоби, что очень важно после того, как сборы той же экспедиции за предшествовавшие годы хорошо осветили фауну Ургинского района. Детальное обследование фауны центральных частей Гоби, в связи с изысканиями прежних экспедиций Козлова, Потанина, Пржевальского в южных частях Монголии, именно в Алаша и Ордосе, дает нам впервые прочное основание для суждения о зоогеографическом характере фауны внутренней Монголии вообще, об ее происхождении и истории развития».

Заведующий отделением двухкрылых зоолог Ф. Д. Плеске говорит. «Двухкрылые, собранные экспедицией П. К. Козлова в 1926 г., отличаются весьма большим разнообразием форм. Особенный научный интерес представляет нахождение следующих форм: 1 вид рода *Pterodontia*, единственный палеарктический вид которого был известен из Крыма, 1 вид *Oestromyia*, крайне редкого рода оводов, паразитирующих на пищухах, 1 вид рода *Gastrophilus*, по всей вероятности относящийся к редчайшей форме *G. negricornis*, хороший подбор представителей рода *Nemestrina*, многочисленных форм сем. Bombyliidae, особенно из родов *Systoechus*, *Anastoechus* и *Exoprosopa*, несколько экземпляров мухи *Cynomyiomima* Rhod., представленной в Музее одним экземпляром, а также некоторые другие».

Старший зоолог Зоологического музея Академии наук Н. Я. Кузнецов пишет: «Материалы по чешуекрылым насекомым (Lepidoptera), собранные в 1926 г. П. К. Козловым в области системы Хангая и северо-восточной части Гоби, представляют выдающийся интерес. Они собраны в большом оби-

лии, с полным знанием дела, равномерно по всем группам отряда, со включением ночных форм, и дают, в общем, вполне выразительную картину фауны чешуекрылых исследованной местности, позволяя определить и ее общую характеристику и состав входящих в нее элементов. В этой своеобразной «монгольской» фауне отсутствуют элементы манджурской подобласти, ослаблено влияние фауны сибирской, замечается некоторое проникание элементов восточнотуркестанских и еще отсутствуют формы, характерные для Тибета. Впрочем, нужно сказать, что эти материалы по Lepidoptera, собранные П. К. Козловым, являются первыми во времени в науке, так как посещенные им в этом году места в энтомологическом отношении до сего времени совершенно не изучались и были неизвестными. Поэтому и попытка к полной их характеристике до их подробной разработки преждевременна».

Директор Зоологического музея Академии наук А. А. Бялыницкий-Бируля уже напечатал статью: «Zoologische Ergebnisse der von P. K. Kozlov in den Jahren 1925—1926 ausgeführten Expedition nach der Mongolei. 1. Skorpione und Solifugen».— Ежегодник Зоологического музея, 1927, т. XXVIII, вып. 2, стр. 201—218.

КОЧУЮЩИЕ РЕКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Из кочующих рек Средней и Центральной Азии, меняющих свои русла среди песчаных равнин, нам известны: Аму-дарья, Тарим, в особенности его левый приток, Конче-дарья, Эцзин-гол и его восточный рукав — Мунунгин-гол, на правом сухом берегу которого находятся развалины Хара-хото.

Об Аму-дарье и нижнем бассейне Тарима с оз. Лоб-нор в свое время писалось немало [1]. Теперь прибавляются новые данные относительно низовья Тарима на основании работ английской экспедиции полковника Шомберга (River changes in the Eastern Tarim Basin. Lieut. Colonel R. C. F. Schomberg [2], наблюдавшего перемещение вод Конче-дарьи с юга на восток, возрождение Курук-дарьи или Кум-дарьи [3] под названием Янгикум-дарья, т. е. новая песчаная река.

Вследствие перемещения вод Конче-дарьи граница оз. Лоб-нор то поднималась на север на сотню километров, на целый градус северной широты — определение китайских географов, то отходила на градус южнее — астрономический пункт Н. М. Пржевальского. И в том и в другом случаях исследователи были правы: китайская карта была исполнена за несколько веков раньше до появления первого русского путешественника, а именно в ту пору, когда Конче-дарья не сливалась с Таримом, а впадала в Лоб-нор самостоятельно, с севера, у места развалин Loulan [4]. Пржевальский же посетил Лоб-нор в 1876—1877 гг., когда Тарим, обогащенный Конче-дарьей, нес общие воды почти в меридиональном направлении к югу и впадал в Лоб-нор с востока.

[1] Происходили горячие споры у исследователей озера Лоб-нор и Аму-Дарьи.
[2] The Geographical Journal, December, 1929, pp. 574—576.
[3] Курук-дарья, т. е. Сухая река, Кум-дарья — Песчаная река.
[4] См. схематическую карточку в статье полковника Шомберга.

Когда переместилась Конче-дарья из своего древнего русла, направленного в Loulan [1], неизвестно, туземцы говорят лишь приблизительно, оценивая время в несколько веков или в несколько поколений.

Я наблюдал старое русло Конче-дарьи, пересекая его в конце 1893 г. на пути из Люкчуна на Лоб-нор, через пустынный оазис Кизилсыныр.

Ниже я цитирую из «Трудов экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского (часть II, «Очет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова», стр. 74).

«Покинув урочище Эмпень, мы вскоре достигли древнего ложа реки Конче-дарьи. Оно мертво; вид его печальный; уцелевшие берега наполовину низменные, наполовину возвышенные. По всему бывшему течению разбросаны сухие стволы тополей; многие еще продолжают стоять, будучи наполовину занесены песком, залегающим по обоим берегам древнего русла, в виде невысоких (10—15 футов) барханов... Песок заполняет собою мертвую котловину, достигая наибольшей мощности в дюнах, расположенных по соседству с полосой прибрежной растительности. По этим пескам, вдавшимся коротким клином на северо-запад, а на восток-юго-восток скрывавшимся за горизонт, мы сделали около 10 верст, двигаясь по-черепашьи... Наконец, с окраинных, более высоких барханов мы заметили (живую) долину реки Коче-дарьи. Густые заросли ее тянулись на северо-запад и юго-восток».

Но вот, 30 лет спустя, в 1923 г. воды Конче-дарьи опять укочевали, опять вернулись в старинное сухое песчаное восточное русло. Об этом сообщает полковник Шомберг (1929 г.), направившийся из Урумчи в нижний бассейн Тарима. От членов шведской экспедиции Шомберг слышал о больших изменениях, происшедших с реками, и о новых их путях, а также об исчезновении воды в селении Тыккэлик [2] и ниже, о перемещении жителей вверх по Конче-дарье и т. д.

Туземец Абдул Рахим, очень сведущий человек, подтвердил все это полковнику Шомбергу, и сам Шомберг с экспедицией вскоре проследил реку Конче-дарью или Кум-дарью, бывшую мертвой, безводной. Теперь река неожиданно воспряла, ожила под названием Янги-кум-дарья, или Новая песчаная река.

«Мы увидели реку,— пишет полковник Шомберг,— с руслом до 200 шагов ширины, с довольно быстрым течением; недавний же уровень был выше и ширина русла вдвое больше. Интересно было видеть, как новая растительная жизнь пробуждалась в мертвой долине, тишину которой нарушали шум волн, разрушение берегов, падение песчаных дюн в воду, движение сухих тополей-тограков. Все это было словно в сказке».

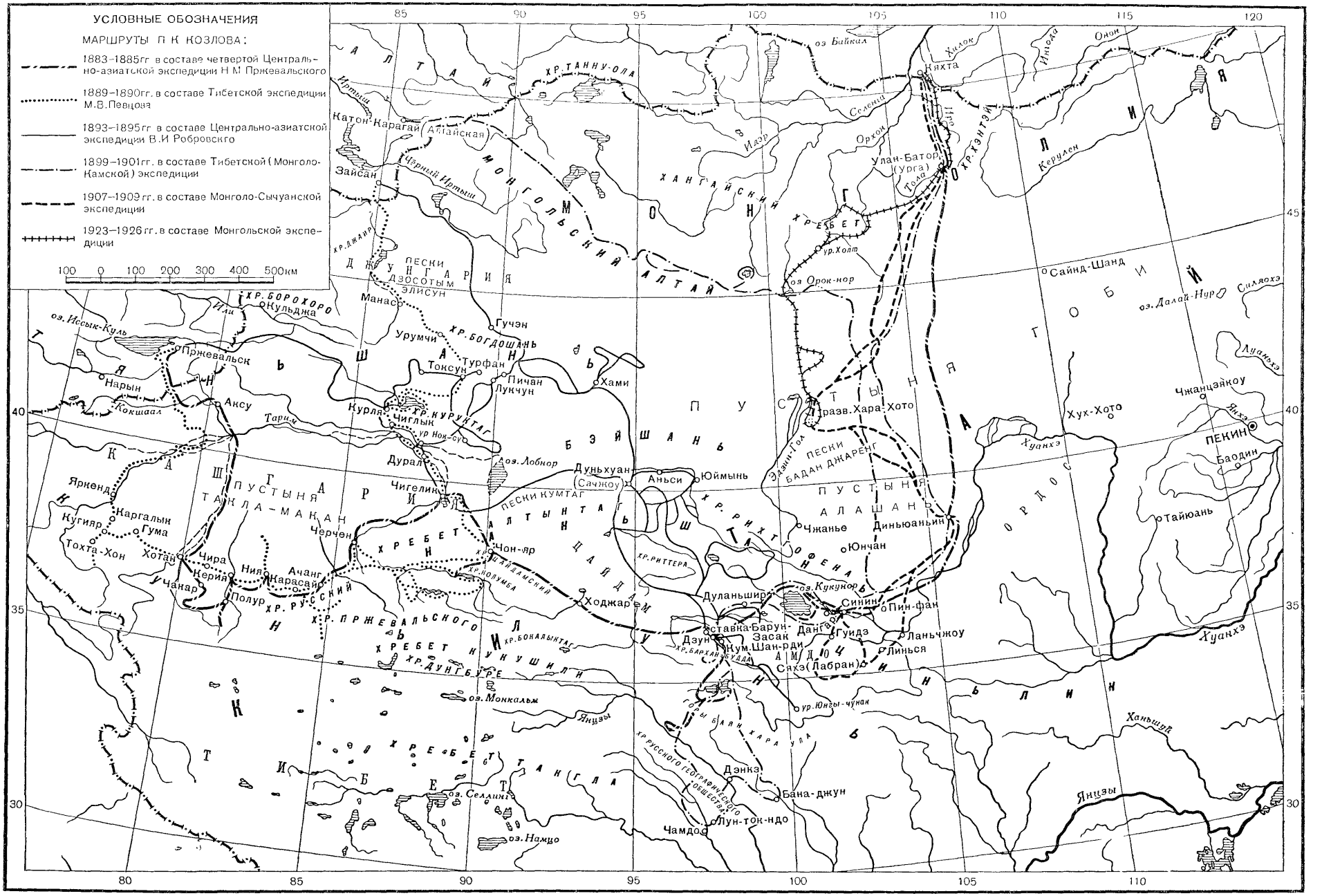
[1] См. схематическую карточку в цитированной выше статье полковника Шомберга.
[2] О селении Тыккэлик см. мою вышеуказанную книгу, стр. 75—76.

Любопытно было проследить Янги-кум-дарью на дальнейшем пути, но болота и речки системы новой реки не позволили экспедиции полковника Шомберга этого сделать, до морозов же, скрепляющих поверхность вод, было еще далеко.

С новым направлением Конче-дарьи к востоко-юго-востоку нижний Тарим обмелел настолько, что жители его берегов из-за недостатка воды должны были переселиться вверх, как равно и обитатели сел. Тыккэлик, по крайней мере наполовину, перекочевать выше по течению все той же капризной реки.

Что же за причина, в силу которой Конче-дарья изменила свое направление, переместилась из общей Таримской долины в свою собственную Янги-кумскую? Это обстоятельство туземцы объясняют следующим явлением: в районе поворота Конче-дарьи на восток производились особенно интенсивные работы по проведению новых оросительных каналов с целью увеличения посевной площади. Большинство каналов располагалось вдоль мертвого ложа Кум-дарьи, а следовательно и большее количество вод уносилось в этом направлении в особенности осенью, когда каналы открывались для стока излишних для орошения вод. Таким образом, местная власть, руководившая ирригацией, сама подготовила почву для направления Конче-дарьи в ее прежнее старое русло, назвав новую реку Янги-кум-дарьей.

Никто, конечно, не поручится, что через более или менее значительный период времени аналогичные причины не повернут течение Янги-кум-дарьи к югу, и нижний Тарим оживится и растительностью и населением, а восточный берег Лоб-нора покроется новыми обширными болотами, в роде тех, которые изображены в «Четвертом путешествии Н. М. Пржевальского в Центральной Азии».

Карта маршрутов П. К. Козлова

П. К. Козлов

ПИСЬМА

ПИСЬМА П. К. КОЗЛОВА УЧЕНЫМ, ОБЩЕСТВЕННЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ ДЕЯТЕЛЯМ

Избранные письма П. К. Козлова, впервые публикуемые в настоящем издании, охватывают период с 1886 по 1933 г.

В настоящий том включены далеко не все имеющиеся в архивах письма, а лишь небольшая часть их. Публикуемые письма включают ценный фактический материал по исследованию природы Центральной Азии или освещают мало известные данные о деятельности самого путешественника и Географического общества, снаряжавшего экспедиции.

Публикуемые письма Петра Кузьмича раскрывают его повседневную жизнь, отношение к людям, способствуют выявлению некоторых новых штрихов в его биографии.

Они показывают его веру в свою «звезду» путешественника по Центральной Азии — ни тени колебаний, сомнений или увлечения другим каким-либо занятием, никаких следов унынья, слабости воли в трудных условиях путешествий. Наоборот, по его письмам можно судить о том, что он умел довольствоваться малым. Больше того, письма Петра Кузьмича отражают его бодрость, даже в возрасте 70 лет, и неуклонную жажду к познанию еще не известного.

В письмах П. К. Козлова чувствуется человек дела, скупо уделявший время на все личное (см. письма к жене — спутнику его последней экспедиции — Е. В. Козловой-Пушкаревой). Его личная жизнь полностью растворялась в работе, энергичной деятельности по твердо намеченному плану — последовательного изучения Центральной Азии.

Из писем П. К. Козлова видна его исключительная собранность и требовательность к себе, а это порождало и требовательность к другим. Давая всегда много поручений и настойчиво добиваясь их выполнения, он воспитывал точность и аккуратность и у своих сотрудников.

Большой познавательный интерес представляют письма П. К. Козлова из экспедиций, написанные им во время путешествий по Центральной Азии. В них Петр Кузьмич красочно описывает посещенные им страны, глубоко понимая природу во всем ее многообразии.

Все его письма свидетельствуют о большой любви к путешествиям и неустанном интересе к их результатам. Будучи в экспедициях, он постоянно отправлял коллекции в соответствующие научные учреждения и интересовался обработкой их специалистами. Забота о коллекциях выражена почти во всех письмах из экспедиций.

П. К. Козлов был не только страстным путешественником, но и блестящим пропагандистом и популяризатором научных знаний путем организации выставок и лекций по результатам каждого путешествия, что отражено в ряде его писем, относящихся к периодам обработки материалов экспедиций.

Вся многообразная деятельность П. К. Козлова нашла отражение в его письмах. По своему содержанию и форме многие письма представляют большой интерес, являясь

откликом современника на многие научные и общественные явления за полувековой период его активной творческой деятельности.

Значение переписки П. К. Козлова увеличивается еще и тем обстоятельством, что она охватывает очень большой и интересный исторический период конца XIX и начала XX в., с которым совпала эпоха бурного развития географической науки в России.

П. К. Козлов имел широкий круг адресатов. Здесь публикуются только письма к ученым, общественным деятелям, известным путешественникам, спутникам его экспедиций.

Приведенные в настоящем томе, ранние письма Петра Кузьмича, датированные 1886, 1887, 1888 гг., обращены к его учителю — великому путешественнику Н. М. Пржевальскому. Они относятся к периоду усиленной подготовки П. К. Козлова к экспедиционной деятельности его, как путешественника.

Наиболее интенсивная переписка Петра Кузьмича совпадает с периодом его самостоятельных экспедиций, особенно его путешествия 1907—1909 гг., когда расширился круг его адресатов среди ученых и таких специальностей, как археология, история и т. д.

Как правило, письма публикуются полностью. В отдельных случаях были сделаны лишь, с ведома Е. В. Козловой-Пушкаревой, небольшие сокращения.

Располагаются письма в хронологической последовательности и печатаются по сохранившимся оригиналам.

В Архиве Академии наук СССР хранятся письма к С. Ф. Ольденбургу, В. Л. Комарову, А. П. Семенову-Тян-Шанскому, А. А. Бялыницкому-Бируле, Ю. М. Шокальскому (от 25 сентября 1925 г.), А. А. Достоевскому.

В Архиве Географического общества СССР — письма к Н. М. Пржевальскому, Е. В. Козловой-Пушкаревой, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Ю. М. Шокальскому (28 мая 1924 г., 27 октября 1930 г., октябрь 1933 г.).

Пользуясь случаем, выражаем благодарность сотрудникам Архива Географического общества Т. С. Филанович, Т. П. Матвеевой и Архива АН СССР Б. А. Малькевич за помощь, оказанную нам при работе в фондах, а также Е. В. Козловой-Пушкаревой за отбор и обработку писем, адресованных к ней.

Даты писем, написанных до 1.II.1918 г., оставлены без перевода на новый стиль.

Встречающиеся в тексте писем сокращения некоторых слов дополнены без оговорок и скобок. Оставлены без изменений сокращенные обозначения Русского географического общества (Р. Г. О.) и Академии наук (Р. А. Н.). Сокращения в текстах писем отмечены отточиями в квадратных скобках. В необходимых случаях к отдельным словам сделаны соответствующие пояснения и примечания. Как и выше в настоящем томе, примечания редакции отмечены звездочкой, лишь в письмах к Е. В. Козловой-Пушкаревой примечания даны адресатом в тексте писем в скобках. (Пунктуация в письмах оставлена почти без изменений). Справки о лицах, имена которых упоминаются в письмах, даются только один раз — в первом случае.

Справку об адресатах приводим здесь, так как в письмах автор обращается к адресатам по имени и отчеству. Для удобства читателей список адресатов составлен по алфавиту имен.

Алексей Андреевич Бялыницкий-Бируля (1864—1938), зоолог, профессор, директор Зоологического музея АН СССР.

Андрей Андреевич Достоевский — ученый секретарь Географического общества (с 1903 по 1914 гг.).

Андрей Петрович Семенов-Тян-Шанский (1866—1942) — энтомолог, профессор, сотрудник Зоологического музея, затем Зоологического института АН СССР, президент Русского энтомологического общества. Сын П. П. Семенова-Тян-Шанского.

Владимир Леонтьевич Комаров (1869—1945) — выдающийся ученый ботаник, путешественник, активный деятель Географического общества, некоторое время был его ученым секретарем. Академик с 1920 г., вице-президент (с 1930 по 1936 гг.) и президент (с 1936 по 1945 гг.) АН СССР.

Григорий Ефимович Грумм-Гржимайло (1860—1936) — один из крупнейших путешественников-исследователей Средней и Центральной Азии.

Елизавета Владимировна Козлова-Пушкарева — жена и спутник П. К. Козлова в его последней экспедиции, орнитолог, старший научный сотрудник Зоологического института АН СССР.

Николай Михайлович Пржевальский (1839—1888) — выдающийся русский путешественник-исследователь Центральной Азии.

Петр Михайлович Никифоров (род. 1882 г.) — полпред СССР в Монголии в 1925—27 гг., член КПСС с 1904 г., персональный пенсионер.

Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934) — видный русский ученый-востоковед, академик (с 1901 г.). Непременный секретарь Академии наук (с 1904 по 1929 г.). Принимал участие в двух научных экспедициях в Западный Китай (1909—10 гг. и 1914—15 гг.).

Юлий Михайлович Шокальский (1856—1940) — географ и океанограф, член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки. Председатель Географического общества СССР с 1917 по 1931 гг.

Редакция надеется, что даже небольшая часть писем, публикуемая здесь, поможет полнее представить личность незаурядного путешественника, отдавшего всю свою жизнь любимому делу исследования Центральной Азии.

Т. Н. Овчинникова

31 марта 1886 г. Петербург.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Михайлович!

Искренне — от всей души благодарю Вас за память. Сегодня я на уроках в классе получил от Вас письмо, которому был настолько рад, что не могу даже и сказать. Мне на первый момент казалось, что я лично с Вами говорю, и где же? У Вас, у Вас в прекрасной Слободе. Так быстро передо мною побежала деревня со всеми своими прелестями, которые одни могут сблизить человека с природой[...]

Дела мои по-прежнему подаются вперед. О результатах напишу после. Теперь горячее время у нас; экзамены, как говорится, на носу. О посторонем мало времени подумать, только действительно, смотря на такую хорошую погоду,— невольно приходится на несколько минут рассеяться. Затем опять возвращаемся к тому же, т. е. к зубрению, имея поддержку нравственную в лице Вашем.

Искренне уважающий и благодарный Вам воспитанник

П. Козлов.

С.-Петербург. 14 мая 1886 г.

Дорогой и многоуважаемый Николай Михайлович!

Радуюсь! Экзамены выдержал блистательно; в среднем 10,3; страшная алгебра была первым экзаменом — прошла. Усердие принесло более чем

плод желанный. А уж и занимался я последнее время; ну а теперь, следуя Вашему благому совету, отдыхаю.

Вот причина, по которой я ни одного письма не написал Вам, простите, дорогой Николай Михайлович. Много, много раз вспоминал, несмотря на зубрение, те «9 мая» *, которые были проведены в далеких и заманчивых пустынях; невольно при одном воспоминании о них рисуются картины «счастливого прошлого»; а стоит хоть немного отдаться им, как уже является вся природа, указывая на свои райские уголки — как Чертын-тан, Лобнор и все оазисы — и в конце концов манит, упрекая, неужто мало доставила Вам удовольствия и всего, что есть лучшего! Разве и не представится случай опять, разве и в силах мы отказать природе — нет это невозможно. Этого не будет. Снова увидим необозримые долины, снова явится плоскогорье Тибет с первобытными картинами, снова увидим себя между тростниками Цайдама и Лоб-нора, скоро пернатые будут нашими конфектами. Ох! мечты, мечты! Простите, что увлекся, это бывает после каждого виденного сна или Вашего письма — последнее как часть маленькая из путешествия [...]

Искренне любящий и беспредельно преданный Вам всем воспитанник

Ваш *П. Козлов.*

2 июля 1886 г. Красное Село.

Многоуважаемый и дорогой Николай Михайлович!

Не получая от Вас, сравнительно долгое время, письма, я заключил, что, по всей вероятности, Вас нет дома.

[...]Прискорбно только, что у Вас болят ноги. Ну все-таки это в первый раз приходится слышать — болезнь от избытка здоровья.

Позвольте искренне и сердечно принести Вам, добрый и дорогой Николай Михайлович, мою благодарность за Ваше глубоко искреннее и самое радушное отношение, я чуть ли не с первых дней знакомства с Вами вижу в Вас отца в полном смысле этого великого слова. Искренне скажу Вам, что я глубоко прочувствован Вами. Довольно лишь вспомнить Вас, чтобы доставить себе тему на хорошее размышление, сразу станут грезиться картины счастливого прошлого, дорогого, только что минувшего и еще более теперь вновь тянувшего и манившего!...

19 июня — в день для нас знаменательный и событный на всю жизнь — я много раз вспоминал и мысленно уносился на озера «Русское» и «Экспедиции». Весь вечер — часа два-три — я, окруженный своими товарищами, рассказывал им. Собственно не спишь, лишь только лежишь и долго, долго после рассказов, после дорогих воспоминаний грезятся все прелести, плохо оцениваемые в надлежащее время[...]

Искренне уважающий и любящий Вас *Кизо.*

* День именин Н. М. Пржевальского.

13 мая 1887 г. С.-Петербург.

Дорогой и многоуважаемый Николай Михайлович!

С каким чувством, с каким восторгом сажусь я за это письмо и спешу сказать Вам, что выдержал экзамен; в среднем 11 баллов. Никогда так не оценишь отдых, как в данную минуту, Вы не можете представить себе как чувствуется хорошо, приятно и легко, как будто тяжелая ноша, с которой тащился в гору, преодолевая на пути препятствия, свалилась с плеч у места назначения. Благодарю сердечно за благословение, ибо оно служило великим подспорьем во весь период экзамена.

Ваше дорогое письмо получил среди своих зубрений, так оно меня растрогало, понять легко, да и в самом деле, с одной стороны широкая, настоящая жизнь, жизнь полная прелестной природы — с другой, эти каменные стены, эти камень на камне здания — жара, форменность —великим недругом являются и заставляют подумать о деревне, как о чем-то таинственном и никогда не доступном. Но в надежде, что и черепашьим шагом когда-нибудь достигнем, крепко идем к цели и крепко ее выполняем задачи.

Искренне Вас любящий воспитанник

Ваш *Кизоша.*

13 июня 1887 г. Красное Село.

Дорогой и многоуважаемый Николай Михайлович.

Как приятно получить от Вас письмо, обыденное вообще, а давно желанное в особенности: я начинаю перерождаться, достаточно только было прочесть письмо, или, главным образом те милые слова, как передо мной явился иной мир, мысли другие, желания и все, все иное.

Сразу припомнилось то, может быть, когда-то считавшееся тяжелым, теперь же, наоборот, манящее к себе и манящее не на шутку.

Опять придется пожить жизнью, какою мало живут, ощущать впечатления и испивать блага природы, которые едва ли и (уж?) пришли бы у нас на родине, где жизнь идет как заведенная машина, где сегодня делается, что вчера, прошлый год — что нынешний; при такой жизни и мудрено что-либо получить и испить особенное. Это как муравейник; всегда находится в каком-то тревожном состоянии — всегда видишь, как члены, его составляющие, бегают, торопятся, подавляют друг друга на пути, не видя и не засматривая, что делается в стороне от них. То им чуждо, то им труднодоступно! Да!, мечты, превратитесь в действительность!

Как мне будет приятно провести у Вас каникулы, где не один раз мы поговорим о будущей экспедиции — быть может, уже и о тех местах, где нам придется теперь побывать. Ну, да пока довольно. Простите, дорогой

Николай Михайлович, за мечтательность... *P. S.* Убитое количество Вами вальдшнепов приводит охотников в ужас.

Искренне Вас любящий

Ваш *Кизоша.*

20 июня 1887 г. Красное Село.

Дорогой и многоуважаемый Николай Михайлович!

Сегодня получил от Вас письмо, за которое сердечно благодарю[...]

Как тиха и однообразна Ваша жизнь в Слободе. Великий труженик Вы,— добрый Николай Михайлович! Как неустанно ведете мысль свою — задуманную, бог знает, в какие годы[...]

В своих трудных писаниях — Вы непрерывно живете в Азии — и только телом доступны нам. Сидя за писанием, Вам нередко представляются те уголки в стране, недавно нами покинутой, где мы малой, но дружной и идеальной семьей своей радовались одной радостью, и если горевали — то так же одинаково все. А в минуту вдохновения (описывая горные охотничьи экскурсы) даже забываетесь и чувствуете себя далеко, далеко... там, где так величаво струится Тетунг, где так волнуется голубое озеро (Куку-нор), где те долины, покрытые миллионным количеством зверей.

Не правда ли, Николай Михайлович, вот именно где счастье, вот где скрывается жизнь,— жизнь заманчивая, привлекательная. Честь и хвала Вам, великий Николай Михайлович, стоит немного вспомнить пребывание в Азии и сейчас же представляешь Вас мужем, перед которым должны преклоняться и говорить: «Ты гений! Ищи суда в самом себе!»

Прощайте! Великий Николай Михайлович, величайшим счастьем считаю право иметь писать Вам.

Воспитанник, искренне Вас любящий

Кизоша.

Урга. 13 июля 1905 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

До сих пор я с Вами общался телеграммами; теперь желаю побеседовать письмами более подробно. Сибирский скорый поезд быстро домчал меня до Иркутска, а почтовый и до Верхнеудинска *, где я случайно встретил Дорджиева и в сообществе с ним поехал вверх по Селенге и Кяхте. В Кяхте по разным делам пришлось прожить три недели в одном доме (Лушникова)

* Ныне г. Улан-Удэ.

с Дорджиевым. Из Кяхты я заговорил с далай-ламой письменно, а в Урге* и устно.

Замечательный человек далай-лама, он стоит по уму выше всех своих министров и секретарей; ему не достает лишь европейского лоска, хотя по части своих дел он лучше патентованного дипломата. Сближаясь с Россией и видя в будущем еще большую дружбу с большой державою, он уже мечтает провести телеграф от Лхасы к русской границе. Вот как он культивировался, прожив более полгода вблизи русской земли...

По внешности это небольшой изящный человек с лицом, испорченным оспой, и выразительными темными глазами, с большими ушами. В движениях, в разговоре видна печать нервного раздражения, все еще не прошедшая после англо-военной экспедиции в его столицу. Ведь «знаменитые» англичане, придя в Лхасу, поставили горные орудия вокруг Будалхы и хотели разгромить дворец далай-ламы, если бы монахи попытались воспротивиться желанию разгневанных проникнуть в тайники, никем и никогда из европейцев не посещаемые.

«Теперь — говорит далай-лама, обращаясь ко мне,— Лхаса открыта *для Вас*», в особенности он подчеркнул эти слова после того, как я показал свой последний печатный труд и карту. Иллюстрации книги навели на мысль о портрете. Далай-лама, под влиянием своих приближенных, не желает сниматься фотографически, но ничего не имел против писанного портрета. Для этой цели я выписал из Троицкосавска довольно талантливого художника (в будущем моего сотрудника), который и нарисовал к сему дню шесть портретов далай-ламы (карандашом); два портрета (в простой и парадной обстановке) далай-лама пожелал поднести государю; три для себя и один (в профиль) дарит мне.

Министры и двор далай-ламы много сфотографированы и некоторые описаны. Я прилагаю Вам на просмотр и показ глубокоуважаемому Петру Петровичу** и всем тем, кому Вы пожелаете показать, но ни в каком случае *никому не давать*.

Далай-лама, с которым я вижусь довольно часто, ко мне относится любезно, дружески и я положительно счастлив — ведь одна моя заветная мечта — видеть владыку Лхасы и Тибета — исполнилась и как горько. обидно и тяжело, что исполнению второй — посещению Лхасы — противятся собственные отечественные дипломаты.

Только сейчас возвратился от далай-ламы обласканный с кучею подарков для Географического общества вообще и для Петра Петровича в частности. Мой художник награжден материально и нравственно.

Лично я получил от далай-ламы его портрет в профиль, подписанный золоченными буквами и отличного (ценного) бурхана,— такого, какого мне

---

* Ныне г. Улан-Батор.

** П. П. Семенов-Тян-Шанский.

по изяществу не приходилось видеть. Далай-лама называл меня своим лучшим другом и первым знакомым — знатоком Тибета. Остальное многое при свидании. Теперь и некогда и не знаю как кратко излагать [...]

Искренне преданный Вам

Ваш *П. Козлов.*

Москва. 4 апреля 1906 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

В Москве настоящая весна: светит теплое солнышко, в тени температура поднимается до 15 градусов выше нуля. На улицах праздничный люд одет по-летнему. Душно сидеть в такое время в комнатах — в городе, хочется на простор. В виде лекарства думаю съездить по Ярославской дороге на «тягу» вальдшнепов.

Сегодня уезжает из Москвы к Вам для доклада (в пятницу) в Географическое общество об Алтае (русской части и монгольской) Вас. Вас. Сапожников *, с которым я здесь почти ежедневно встречаюсь. Сапожников намеревается познакомиться с Вами поближе; это серьезный путешественник. В общих чертах я с удовольствием выслушал его интересные рассказы о поездке по Алтаю, к тому же он их иллюстрировал *роскошными* диапозитивами, приготовленными для доклада в Обществе.

Не пропустите случая посмотреть сапожниковские диапозитивы.

Так как Вас. Вас. скоро намеревается снова поехать в Алтай (в монгольскую часть), то он просил от меня заранее в обмен на свои книги, постоянно мне высылаемые, получить от меня хотя бы первую (нужную для него) часть моей книги. У Вас прошу, дорогой Андрей Андреевич, не отказать мне выдать (в счет моих экземпляров) первую часть В. В. Сапожникову [...]

Если случится что-либо особенно важное, то черкните мне словечко.

Искренне преданный Вам

Ваш *П. Козлов.*

2 августа 1906 г. с. Дарьино.

Дорогой Андрей Андреевич!

Вчера получил Ваше заказное письмо, со вложенной телеграммой. Спасибо большое за пересылку последней и Ваши сообщения.

Еще тяжелее стало на сердце,— неужели Вы думаете, что «Ваш Козлов» в состоянии усидеть без «живого дела» — путешествуя годы. Не видеть

* В. В. Сапожников — известный исследователь Алтая, ботаник, профессор Томского университета.

чудных картин Кама, не дышать воздухом его теплых долин, не видеть снеговых цепей колоссальных хребтов и не располагать свой лагерь на берегах знаменитых рек Китая — не в силах ваш путешественник. Я сам не знал, что могу испытывать от бездействия некоторого рода тоску и томление, свойственные исключительно путешественникам.

Негодую на Министерство иностранных дел; оно мне выставляло мотивом нежелание англичан пускать в Тибет кого бы то ни было из европейских путешественников, даже собравшегося в Тибет и стоявшего на границе его Гедина *. Телеграмма же при сем присылаемом — гласит обратное. Ради бога, действуйте, не дайте остыть огню, иначе я не увижу Восточного Тибета и тогда все это ляжет на Вас. Думаю в августе приехать и начать опять хлопотать через Петра Петровича, через Генеральный Штаб[...]

Я очень желаю получить экспедицию, исключительно при содействии П. П. Семенова-Тян-Шанского, и получить скорее.

Сидеть не могу, не вынесу — это говорю по внутреннему убеждению.

Третьего дня я писал А. П. Семенову все об этом же вопросе. Дружески еще раз прошу Вас внять моим глубоким желаниям применить в Азии свои силы и способности.

Крепко обнимаю Вас

Ваш *П. Козлов.*

22 августа 1906 г. с. Дарьинский пансион.

Дорогой Андрей Андреевич!

Давно не имею от Вас весточки, давно и сам не писал Вам. По некоторым соображениям пришлось отложить мою поездку в Питер до первых чисел сентября. На днях перебрался на городскую новую квартиру (Арбат, д. Титова, № 34), неподалеку от старой. Устроив семью, прикачу к Вам, не могу, положительно, сидеть дома, в России; мой милый Кам, его чудная природа манит меня опять к себе. Чаще и чаще вижу во сне экспедиционную обстановку, вижу долины и снеговые цепи бассейна Меконга, вижу собственный караван, пробирающийся по лесным и кустарным зарослям или высоко в области россыпей и альпийских лугов. Помимо моей особенной воли, мысль то и дело уносится к озеру Русскому, к исходной точке вниз по Желтой реке, только что вышедшей из Орин-нора.

Примите все силы к выдворению или вернее выселению меня из нынешней России скорее в Азию, в ту ее часть, которая мне так дорога[...]

Вообще хочется в Питер, чтобы начать новые переговоры о путешествии.

---

* Свен Гедин — шведский путешественник, исследователь Центральной Азии.

Буду молить всех заступников усердных, авось (русское авось) смилуются и прогонят на чужбину...

Привезу дневники Н. М. Пржевальского. Привет А. П. Семенову

Вас же дружески обнимаю

Ваш *П. Козлов.*

Бивуак экспедиции на правом берегу восточного рукава Эцзин-гола.
28 марта 1908 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Одновременно с этим письмом к Вам я отправляю в Географическое об-во, на имя секретаря А. А. Достоевского, три пакета, заключающие в себе (небольшою частью) мои краткие сведения о посещении Хара-хото и (большею) — два пакета — рукописи, хорошей сохранности, найденные экспедицией при раскопках развалин, где некогда проживали люди с более высокой культурой, нежели та, которую мы видели у ближайших современных обитателей.

Любопытно то обстоятельство, что город, по-видимому, китайский, с другой же стороны присутствие многих субурганов, многих общежитий ламайских, нахождение иконописей, бурханов с тибетскими письменами и пр. говорит о другом!?

Высылая в настоящее время исключительно рукописи (точнее одну лишь 20-ю или даже 30-ю часть — хорошей сохранности), среди которых имеются три отдельных книжки, в папках (впрочем, эти книжки имеют быть высланы вместе со всем рукописным материалом осенью настоящего года), я из Алаша-Ямыня постараюсь прислать весь наличный материал, добытый мною в Хара-хото.

Интересно также, что рукописи главным образом китайские. Копаясь в одном из субурганов, мы наткнулись на сокровище, где все письмена сохранились удивительно хорошо.

Усердно прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, уделить времечко на ознакомление со всем тем, что уже находится в Географическом обществе (надеюсь, что наша почта не погибнет дорогой), точнее будет находиться ко времени получения Вами этого письма. Обо всем этом я пишу А. А. Достоевскому, уведомляя последнего пригласить Вас и, может быть, П. С. Попова * по получении материалов из Хара-хото.

К моему письму в Географическое общество я прилагаю a) четыре фотографии (дополнительно пришлю из Алаша-ямыня осенью), b) план развалин крепости, c) набросок «поперечный разрез» загадочной постройки и бурхан-иконопись с тибетской датой.

* Павел Степанович Попов — генеральный консул в Пекине, знаток китайского языка, переводчик некоторых китайских исторических и географических сочинений на русский язык.

Вместе с многочисленными рукописями (китайскими письменами), мы добыли чудной сохранности большой (красно-золоченый) бурхан (на холсте). Все это, может быть, дойдет до Вас за год до моего возвращения.

Завтра экспедиция выступает, по новому пути, в Алаша-ямынь. Первый ночлег будем иметь в Хара-хото, куда уже сегодня утром отправлены люди в целях лишний день-два еще покопаться в развалинах. Целые сутки (несмотря на безводие) экспедиция пробудет в Хара-хото, всем отрядом и все будем искать, искать и искать...

Буду крайне признателен Вам, если Вы черкнете мне пару слов хотя бы о том, что заключено как в письменах, найденных в субургане А, так и листках, добытых в цацах, вынутых из прочих субурганов.

В заметке, А. А. Достоевскому, Вы найдете все, что могло бы пока интересовать Вас.

Пользуясь случаем, приношу Вам, высокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович, мою искреннюю благодарность за Ваше дорогое для меня внимание, за Ваше присутствие в знаменательный момент — оставления мною Петербурга.

Этот момент часто, помимо воли, встает в воспоминании, и я постоянно, среди всех провожавших меня, вижу энергичное серьезное лицо, осененное ласковой улыбкой,— это лицо Сергея Федоровича. Простите за откровенность — здесь, среди природы, среди любимого дела привыкаешь быть особенно прямым. Мой самый сердечный поклон и привет благоволите передать дорогому А. В. Григорьеву *, которому я напишу из Алашаня.

Искренне преданный Вам

П. Козлов.

28 марта 1908 г. Правый берег Эцзин-гола.

Дорогой Андрей Андреевич!

Вначале я хотел было ограничиться одним этим листком, чтобы самым конспективным образом познакомить Вас с деятельностью экспедиции или, вкратце, с ее общим состоянием или житьем-бытьем. Но, будучи в гостях у торгоутского бэйлэ, я, между прочим, узнал, что будто бы сюда, на Эцзин-гол, ускоренно идет какая-то экспедиция, по слухам, выступившая из г. Урги, дошедшая до Балдын-цзасака и стремящаяся попасть в Хара-хото. На мой вопрос: кто такие эти люди, которые идут в Хара-хото?— монголы ответили: «русские». Под словами или определением «русские», как известно, монголам представляются все европейцы, как тибетцам, граничащим с Индией, под словом «пилин» [1] известны все европейцы... Если

* Александр Васильевич Григорьев — русский географ — один из активных деятелей Географического общества.

[1] Англичанин

слух этот достоверен, что Вам должно быть известно, может быть, лучше нашего, то Вы поймете мое искреннее стремление дать как можно скорее хотя бы предварительные сведения о тех развалинах, о том таинственном городе, о котором Вам уже известно на протяжении минувшего года. Надеюсь, что Вы, милейший Андрей Андреевич, по получении моих пакетов с известием и рукописями, добытыми в Хара-хото, по обсуждении с высокоуважаемым Петром Петровичем, пригласите академика С. Ф. Ольденбурга (которому я пишу об этом) и П. С. Попова, которые общими усилиями разберутся в предварительном материале и не откажут разобраться в том полном, который я надеюсь выслать осенью текущего года.

Думаю, что в развалинах нам удастся добыть еще кое-что интересное. У нас явилось маленькое чутье, где и как искать, хотя более ценные находки добыты чисто случайным образом.

Время, по-прежнему, бежит с ужасной быстротой; заняты все более или менее любимым делом. Все понемногу сживаемся в одну семью. Хара-хото и раскопки в нем заинтересовали нас страшно, Хара-хото, Хара-хото только и слышим на языках моих молодцов.

Книгою Stein'a *, которою Вы меня снабдили в путешествие, я вызвал у моих молодцов-спутников еще больший интерес.

По-прежнему, в заключение, прошу не отказать выслать нам какие-либо интересные вырезки из газет или №№ журналов, за что странники будут особенно благодарны и признательны. Ну, дружище, до свидания! Не забывайте вдали искренне любящего Вас

П. Козлов.

Дынь-юань-инь (Алаша-ямынь). 26 апреля 1908 г.

Дорогой Андрей Андреевич!

22 апреля экспедиция благополучно прибыла в город Дынь-юань-инь, будучи гостеприимно и приветливо встречена чиновниками местного управителя и Цокто Гармаевичем Бадмажаповым, моим спутником по Тибетской экспедиции — ныне представителем торговли Кяхтинского купечества в Южной Монголии.

От Эцзин-гола до Дынь-юань-ина, пересекая пустыню по диагонали с северо-запада на юго-восток, маршрут экспедиции описал кривую, около 580 верст (протяжением). Крайне тяжелый путь этот мы осилили в 25 дней непрерывного движения, если не считать двух невольных дневок, вызванных сильными западными или северо-западными бурями, омрачившими воз-

* Аурел Стейн — английский исследователь Центральной Азии, ее археологии и истории, автор нескольких крупных работ.

дух или тучами пыли, или снегом (в ночь с 16 на 17 апреля), сбитым в сугробы до 2—3 футов мощности и пролежавшим в протяжении одного-двух последующих дней. Не надо забывать, что накануне, в тени в 1 час дня, термометр показал +21,5° С, а накануне первой бури — 5 апреля, я измерял температуру поверхности песчаного бархана, согревшегося до +59,8° С. Вот какие здесь климатические крайности!

На второй половине дороги мы стали успешно собирать жуков, ящериц и змей. Последних особенно много было на пути к самому оазису Алаша: в этот день — день вступления экспедиции в резиденцию Алаша-цинвана — мы изловили до десятка змей, из которых половину взяли в коллекцию. Скорпионов здесь также немало.

С. С. Четыркин, аккуратно доставивший транспорт экспедиции в Алаша еще 23 февраля, жаждавший нашего прихода, сильно обрадовался свиданию с экспедицией. Последняя нашла хороший приют у Бадмажапова, где и предполагают устроить метеорологическую станцию и склад.

Сегодня я отправил коллектора-ботаника и собирателя насекомых, г. Четыркина, двух препараторов и охотника-гренадера в Алашаньский хребет, с целью его изучения в зоологическом и ботаническом отношениях. Еще через несколько дней, по приведении дневников и коллекций в порядок, поедут в те же горы геолог и топограф. Меня удержит здесь более значительное время станция, отчет и упаковка хара-хотоских предметов, а также и другие сборы и писание. Из Эцзин-гола я отправил Вам два пакета писем и пакет с предварительными маленькими отчетами моими о Хара-хото и геолога А. А. Чернова о низовьях Эцзин-гола. Вероятно, все то Вы уже получили давно и, согласно моей просьбе, привлекли к изучению и ознакомлению с документами П. С. Попова, а главное, академика С. Ф. Ольденбурга. Последнему, мне думается, особенный интерес могут представить настоящие бумаги. Не премините пригласить его, показать ему и эту мою маленькую посылку. Повторяю, что весь материал, добытый в Хара-хото, огромный; и мы, как немцы или англичане, уже считаем не числом предметов, а числом ящиков.

Как и предполагал, пошлю весь материал нынешней осенью с караваном торгового дома «Собенников и бр. Молчановы» через Ургу.

Через две недели постараюсь прислать Вам более обстоятельное донесение. На этот же раз, я пользуюсь случаем отсюда первой почты, строчу Вам это коротенькое письмо с целью скорее известить Вас и общество о благополучном пересечении экспедицией самого трудного участка пустыни.

Итак, экспедиции удалось, на всем протяжении маршрута по Монголии, прожить и изучить новую дорогу, никогда до нас из европейцев не пройденную. Историческая, большая дорога от низовья Эцзин-гола до Алаша-ямыня проходит как раз через Хара-хото (Черный город). На твердом, хрящеватом грунте она выражена отчетливо двумя-тремя глубокими

бороздками, по которым периодически проезжают туземцы-монголы алаша или торгоуты, имея по дороге отличную стоянку в долине Гойцзо, по характеру своему напоминающую таковую Цайдама, но только в значительно меньшем размере.

В Гойцзо мы нашли ключевые болота — озерки, окаймленные высокими камышами и оживленные порядочным количеством плавающих и голенастых пернатых, на которых мы не преминули поохотиться.

Геолог экспедиции, А. А. Чернов, крайне заинтересован ханхайскими отложениями, их изучением. Он нашел ископаемые, точнее, кости животных — лошади, крупного грызуна, мелкие косточки рептилий и амфибий, сопровождавших древнего человека.

Здесь участники экспедиции получили первую почту, со времени выступления из Урги. Бадмажапов уже давно заручился благосклонным вниманием посланника в Пекине (покойного Д. Д. Покотилова), сделавшего распоряжение, в согласии с китайцами, препровождать, равно и принимать обратно, пакеты в Алаша-ямынь. Таким образом, экспедиция имела возможность получать и отправлять письма раз в неделю. До сего времени я не получил от Вас ни одной весточки. Жду их вместе с книгой «Монголия и страна тангутов», I том Пржевальского.

Хара-хото вновь порадовал нас интересными находками, как, например, письмена (часть которых я посылаю теперь), очир, чашечки, стремена, гири, молоток, опять монеты и многое другое. Письмена, вероятно, денежные знаки или важные документы с печатями и китайскими и, кажется, санскритскими текстами.

Живем мы по-прежнему интересами настоящей экспедиционной жизни. После долгого пребывания в пустыне нас манят горы. В жаркое время дня желание это еще более увеличивается.

В заключение прошу Вас не забывать путешественника. Черкните, пожалуйста, получены ли Обществом посылки геологической коллекции, равно пакеты с письменами «Хара-хото» и отчетами?

В половине лета отправимся через Нань-шань на Куку-нор.

Дружески обнимаю Вас

Ваш *П. Козлов.*

Оазис Гуй-дуй. 9 декабря 1908 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Все ждал от Вас весточки, но так и не дождался...

Только что полученное письмо от А. В. Григорьева меня утешило очевидным положительным результатом по отношению к раскопкам в Хара-хото. Я намереваюсь вместо весны отправиться из Гуйдуя зимою — в кон-

це декабря с тем, чтобы сделать петлю отсюда на извилину Желтой реки, в место нахождения монастыря Рарчжа-чомба, затем прямою дорогою на восток к монастырю Лабран и далее к Лань-чжоу-фу и Алашань. Из Алашаня вновь поверну на свой любимый Черный город (Хара-хото) с целью подольше заняться розысками сокровищ.

Таким образом, в сентябре месяце рассчитываю быть в Кяхте, вероятно, в начале месяца, а в конце и в Москве. Жалею очень, что напрасно потерял в Гуй-дуе лучшее время — осень, и все из-за далай-ламы. Доржиев * меня также сильно подвел. Хорошо еще, что я располагаю своими личными сбережениями, иначе окончательно сел бы на мель. Во всяком случае, если далай-лама на мое письмо не откликнется, не прикажет своему чиновнику явиться ко мне с долгом и за получением подарков, то я должен буду прибегнуть к конторе торгового дома в Алашане, которая мне обещала временную материальную поддержку.

Между тем нынче, как никогда, везло на покупку тибетских книг, бурханов (металлических и иконописных), предметов культа вообще и предметов ценных женских украшений куку-норских тангутов, равно и по приобретению китайских картин, на что истрачено мною очень и очень порядочно. Отчасти я поступил так, помня Ваше обещание перевести на мое имя в Нинся полторы-две тысячи рублей.

Если Вы того же мнения, что и прежде, то я очень буду просить Вас, дорогой Сергей Федорович, не отказать мне присылкою в том же размере (переводом в Кяхту или в Ургу, где имеется русско-китайский банк) ко времени моего туда прибытия к 1 августа. Если можно, пожалуйста не откажите.

Не ожидал, что А. Доржиев подведет!

Спешу с этим письмом, зная, что Вы собираетесь в далекую дорогу.

Чойбзэнский гэгэн поручил мне передать Академии наук нечто очень интересное!.. Портрет собственной работы этого симпатичного хутухты в оригинальном костюме, я Вам посылаю. Подобный костюм я также намереваюсь приобрести для Академии.

Пока все. Желаю Вам полного успеха в Вашем интересном предприятии. До свидания. Искренне преданный

Ваш *П. Козлов.*

С нетерпением буду ждать Вашей весточки. Портрет Чойбзен-хутухты покажите милейшему А. В. Григорьеву, которому я пишу со следующей почтой.

---

* Агван Доржиев — бурят по происхождению, один из высших буддийских монахов, удостоившийся места ближайшего советника далай-ламы.

Алашань. Дынь-юань-ин. 29 апреля 1909 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович.

Шлю Вам мой сердечный привет из Алашаньской пустыни, на своей восточной окраине приютившей оазис Дынь-юань-ин... Сюда я прибыл 7 апреля и успел не только снарядиться в путешествие по пустыне летом и к предстоящим занятиям в Хара-хото, но успел немного и отдохнуть (физически от напряженной деятельности; представьте, первый раз за все мои путешествия почувствовал усталость) и справился с отчетом в Генеральный штаб. Обществу я писал из Лабрана и буду писать с развалин Хара-хото, которые теперь особенно заняли все наши помышления. Хара-хото не сходит с наших уст. Я утешаю себя мыслью, что порадую Вас чем-нибудь новым. Не знаю, получили ли Вы мои посылки и что в них нашли интересного. Я Вам писал с зимовки с приложением портрета Чойбзэн-хутухты. Теперь посылаю один (из десяти лабранских удачных) снимок, с так называемого золотого субургана,— ставшего золотым в мое пребывание в Лабране, к весеннему празднику. В Лабране я успокоил свои нервы от пережитого на Амдоском нагорье и пережитого не только в известную ночь на 13 января — ночь, ставшую чуть не роковой для экспедиции, но и в течение всего периода амдоской экскурсии. Тяжелые дни были, но зато полны громадного интереса. Каждый день приносил нам новые и новые сюрпризы со стороны воинственного разбойничьего населения, в среду которого проникает европейское оружие больше и больше. Пополнение этнографической коллекции идет успешно. Помимо образцов буддийского культа, удалось, в особенности в Лань-чжоу-фу и Дынь-юань-ине, купить много интересного в отдел китайской старинной художественной работы из бронзы. Впрочем, на многие выдающиеся старинные вазы удалось лишь посмотреть, так как они стоили громадных денег — несколько сот рублей экземпляр (Минской династии). На обратном пути, в Лабране, Лань-чжоу-фу и Дынь-юань-ине я истратил на такого рода коллекции (в Лабране, впрочем, почти исключительно на бурханы и книги) более шестисот рублей. Кроме того, имеются особенно интересные предметы по культу, полученные в подарок от гэгэнов. Несмотря на то, что мне удалось свидеться с далай-ламой (в Гумбуме), на обратном моем пути, и получить с него доржиевский долг, я с прежней настоятельностью прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, не отказать мне в переводе в Ургу или Кяхту двух тысяч рублей. Все приобретенное для Академии — этнографическое — превышает просимую цифру вдвое. К моему возвращению в Петербург, в начале октября, я просил бы Вас приготовить в стенах Академии помещение, в котором я мог бы свободно разобрать мои этнографические сборы. В Ургу же постараюсь прибыть, как писал Вам, в половине августа, в Кяхту — к 1 сентября. Из Хара-хото черкну Вам, в зависимости от результатов, раньше или позже. Пока же до свидания. Крепко жму Вашу руку.

Искренне преданный *П. Козлов.*

До сих пор не мог свыкнуться с мыслью, что больше нет в живых несравненного Александра Васильевича Григорьева. Перышком ему земелька...

Сейчас, когда пишу, мне доставили отличнейшую старинную усыпальницу-субурган, с массой приложений и дат, я приобрел ее за 90 рублей. По-моему, один из самых интересных в коллекции старинных предметов.

Центральная Монголия. Горы Гурбун-сайхан.
8 июля 1909 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Из центра Монголии, с гор Гурбун-сайхан, шлю Вам мой сердечный привет.

Позвольте сообщить Вам также интересную весточку. При вторичном, почти месячном, пребывании на развалинах Хара-хото экспедиция обогатилась тысячей томов книг, не считая многочисленных свитков, тетрадей и отдельных бумаг, кроме того сотней иконописных и десятком металлических изображений будд и многими другими интересными предметами, в общем хорошей сохранности. Короче, мы счастливо наткнулись на один, полуразвалившийся сверху, субурган, вероятно, построенный в честь погребенного в нем гэгэна, с которым погребено было и указанное выше богатство, везомое нами, как любят выражаться английские археологи, на семи верблюдах, или в 14 больших ящиках или тюках [1].

В течение первой недели, проведенной экспедицией на развалинах Хара-хото, наши труды вознаграждались скудно, хотя все-таки мы вновь нашли и письмена (к прежним прибавились турецкие или арабские), и бумаги, и бумажные и металлические денежные знаки, и многое другое. Затем дошла очередь и до «знаменитого» субургана, который и поглотил почти все наше внимание и остальное время. Мы все удивились, в какой хорошей сохранности оказались в нем книги, иконопись и многое другое. Некоторые предметы, освобожденные от многовековой пыли, выглядят совершенно свежими, чистыми, цельными. Какие превосходные есть иконописные бурханы, какое высокое художество; Цзон-хава, конечно, отсутствует, изображения реформатора буддизма не имеется; значит, все бурханы имеют большую давность. В высшей степени интересны и бурханы металлические, хотя их сравнительно немного. Во всей же совокупности обильный материал по Хара-хото, мне кажется, прольет яркий свет на историческое прошлое пропадавшего древнего города и его обитателей. Впрочем, виноват — Вы в этом компетентный судья и исследователь, Вам и книги и все остальное в руки. У меня же осталась одна великая забота,— возможно, наилучшим обра-

[1] Невольно встает в памяти дорогой образ незабвенного А. В. Григорьева, как бы он порадовался нашему успеху!

зом доставить это археологическое богатство в Петербург, а затем дальше с разрешения Географического общества, конечно, в Академию наук. А Вы как думаете?..

Кажется все существенное, что хотел сказать о Хара-хото.

Тысячу благодарностей вознес я торгоут-бэйлэ, который не только не протестовал против раскопок, но, наоборот, в значительной степени способствовал успеху их. Я позволил себе обещать ему подарок от Общества тем более, что к концу путешествия я был беден ими.

От низовья Эцзин-гола до Гурбун-сайхан, несмотря на усталость и томительный зной, благо стремление к родному северу... экспедиция направилась ускоренным маршем. Придя сюда, некоторые из нас почувствовали крайнее переутомление, а неизменный мой спутник старик Иванов чуть-чуть не перестарился, во всяком случае, напугал меня сильно.

Приближаясь к отечественной границе, мы скучаем о почте. Представьте, целые полгода экспедиция не получала известий с родины. Это нравственное лишение тяжелее всяких физических невзгод.

Как и предполагал, в начале августа прибуду в Ургу, а в конце этого месяца и в Кяхту, откуда откликнусь по телеграфу. Надеюсь, моя просьба разрешена Вами в положительном смысле — Вы облегчите мое положение.

Теперь с уверенностью могу сказать: до скорого и приятного свидания.

Искренне преданный Вам

П. Козлов.

Продолжение и окончание 10 июля

Сейчас из Урги прискакал гонец с почтою. Между прочим, мне пишут, что в начале июня, через Ургу по направлению на Кобдо, проследовала французская экспедиция. Цель экспедиции — раскопки Хара-хото... Мы побыли, вторично, вовремя. В Кяхте буду в половине августа.

Москва. 16 января 1910 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Позвольте сердечно поблагодарить Вас за Ваше милое письмо (Семипалатинск), которое я получил в августе, приближаясь к отечественной границе со стороны Монголии. Затем я был ознакомлен с содержанием Вашей телеграммы в Географическое общество, когда еще раз вспомнил Вас с большою благодарностью за Ваш теплый привет по поводу моих дополнительных работ в Хара-хото. Я особенно чувствителен к каждой Вашей весточке, в особенности же когда она направляется из глубины той страны, которой я отдал лучшие свои годы и большие силы. Вы больше, чем кто бы то ни было, можете понять мое нравственное удовлетворение и радость —

ведь Вы сами теперь путешественник-исследователь и собиратель коллекций. Теперь мы друг друга будем понимать гораздо больше, нежели прежде.

Весь харо-хотский материал пока хранится в свободных для Общества комнатах, наверху. А. И. Иванов и В. Л. Котвич * работают по его сортировке. Иванов разыскал словарь, дающий возможность расшифровать интересные письмена си-ся. По этому поводу А. И. напечатал статью (на немецком языке в Известиях Академии наук). Ваша общая статья в Географическом обществе уже давно вышла.

Для Вас по иконописи материала масса. До двадцати свертков с иконописью я не раскрывал совершенно и не раскрою, пока Вы не объявитесь в Петербург. Хочу приготовить для Вас, таким образом, большее удовольствие и больший интерес.

Вопрос, куда поступит Хара-хото, еще не решен. Лично я имею тяготения к Академическому или Азиатскому музею. Думаю в Вас найти единомышленника — не правда ли?

Русский комитет перевел мне в Кяхту тысячу рублей. Для комитета, между прочим, собрана большая и богатая коллекция всего, что попадало под руку в дороге на всем ее протяжении.

Вероятно, об этом Вам уже сообщает кто-либо из Ваших академических коллег, так как члены Комитета неоднократно побывали у меня во время моих разборов коллекций в Обществе.

На днях я еду в Петербург для доклада Географическому обществу о моих странствованиях и находках, а затем устройства выставки коллекций. Тем временем наступит и февраль, а там уже и март, когда увидимся и поговорим больше, нежели это возможно в письмах.

Примите мое самое искреннее пожелание счастья и удач в дороге. Буду с большим интересом ждать Вашей весточки, а потом и самого возвращения Вашего из путешествия.

Искренне уважающий и искренне преданный Вам

Ваш *П. Козлов*

Москва. 29 марта 1910 г.

Милостивый государь Андрей Андреевич!

Выставка коллекций Монголо-Сычуаньской экспедиции закрыта. Предстоит ее разборка. Прошу Вас, как секретаря Географического общества, принять в основу следующее:

1) Вся хара-хотская коллекция поступает в Музей императора Александра III **, за исключением выделения двух бурханов (известных Вам) в

* Крупные русские востоковеды.

** Теперь: Государственный Русский музей.

собственность Географическому обществу и двух в дар Обществу естествознания, антропологии и этнографии (известному Б. Ф. Адлеру). Напоминаю подтверждение музею о выдаче в мое распоряжение 1200 рублей для распределения сверхсметных наград моим спутникам, которым я обещал награду на месте (для подъема энергии) от имени того учреждения, которому поступит Хара-хото в дар от Географического общества.

2) Две большие витрины с этнографической коллекцией (одежды, музыкальные инструменты и пр.— одна, а другая — с бронзой, старинными китайскими вазами) в распоряжение, в собственность Русского географического общества — как приобретенные на средства Общества.

3) Все зоологические коллекции, равно и ботанические поступать должны традиционно — первые в Зоологический музей Академии наук, вторые — в Ботанический сад.

4) Коллекции геологические (как я и докладывал Совету Географического общества) поступают в дар Московскому университету, где они дадут возможность участнику экспедиции геологу Чернову удобнее устроиться с их описанием и изучением вообще.

5) Бронзовые статуэтки, гау или ладанки, буддийская иконопись, китайская живопись, буддийские миниатюры — все это, как приобретенное на мои личные средства, есть моя собственность, которую прошу, пока, взять под Ваше покровительство, и 6) витрина с современными тибетскими книгами, с лучшими изданиями — достояние Русского комитета по изучению Восточной и Средней Азии, приславшего мне одну тысячу рублей на книги.

7) Собрание оружия — мое.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Козлов.

11 ноября 1911 г. Петербург

Сердечно благодарю Вас, дорогой Андрей Петрович, за Вашу милую моему сердцу весть, как ледник моего имени в посвящении исследователя Алтая милейшего В. В. Сапожникова. Я еще не видел, не держал в руках последней работы Вас. Вас., к которому у меня просится невольная глубокая признательность за высокую честь, но уже чувствую великое стремление увидеть ее и, как прежние, прочесть с живым интересом увлекательное слово коллеги-автора. Такая высокая честь меня просто смущает: я тронут до глубины души.

Крепко обнимаю Вас любящий и преданный

Ваш *П. Козлов.*

6 июня 1913 г. из Аскании.

Дорогой Андрей Петрович!

...С нами гостит здесь берлинский зоолог-маммолог Матчи, который много пишет о животных вообще и в частности о Equus Przewalskii (лошади Пржевальского). Я веду тоже здесь свои заметки, которых набралось порядочно. Хочется потом написать кое-что цельное об замечательном зоопарке.

Особенно успешно здесь развиваются гигантские антилопы, олени, быки и сайга[...] Гуляя среди животных, мысленно переносишься далеко — чаще всего в степи Северной Монголии или Куку-нора.

Искренне любящий и преданный

Ваш *П. Козлов.*

Иркутск. 3 января 1917 г.

Дорогой Андрей Петрович!

Вчера — 2 января — невольно я несколько раз вспомнил нашего незабываемого Петра Петровича, его светлую память... Само собой встало минувшее прошлое, вспомнилась Слобода (имение Пржевальского), вспомнился другой незабвенный, светлый образ Николая Михайловича, от которого в той же Слободе я впервые узнал о П. П. Семенове, чье имя произносилось Н. М. Пржевальским с большим благоговением... а когда Николай Михайлович показывал мне альбом с фотографиями и дошел до того места, где стоял в прекрасной позе ваш покойный батюшка, сказал: «Вот П. П. Семенов! великий человек... стоит во главе Географического общества...» С того вермени, со Слободы, Ваш покорный слуга проникся к имени Петра Петровича чувством глубочайшего уважения, и его блестящую речь, произнесенную на приветствии Николая Михайловича по его возвращении из III путешествия, знал наизусть... Затем, на глазах Петра Петровича Ваш Козлов сформировался, выполнил самостоятельно два путешествия в глубь «заветной» страны Пржевальского... К Петру Петровичу Козлов шел как к отцу — с радостью и с горем. И как сын — всегда получал полное удовлетворение... Своею обаятельностью и крепостью духа Петр Петрович всегда крепил и меня. С его именем у меня связана вся моя прошлая светлая деятельность. Имена Петра Петровича и Николая Михайловича для меня синонимы беззаветной любви и преданности к природе и науке и бесстрашия и энергии в борьбе с природой и людьми для достижения великой цели — плодотворного путешествия.

Эти мысли навеяны статьей Глинского («Исторический Вестник», декабрь 1916) и маленькой заметкой в «Иркутской жизни» (вырезки посылаю).

Достаточно было этого, чтобы передо мною встал и великий Петр Петрович и его славный современник, Николай Михайлович, эти две личности,

имена которых служат украшением списка доблестных сынов нашей России.

Крепко обнимаю Вас, любящий и преданный

Ваш *П. Козлов.*

Аскания-Нова. 15 марта 1919 г.

Дорогой Юлий Михайлович!

Давно, давно я не слышу Вашего голоса, не получил ни одной Вашей весточки ни по почте, ни по телеграфу.

[...]Одновременно с этим пишу Н. П. Горбунову * для представления Правительству об оказании поддержки Аскании, об вызове в Москву меня для личного доклада не только об Аскании (и взятии ее под авторитетную правительственную руку), но и о Центральной Азии и Тибете, о печатании моего капитального труда (рукописного) на основании данных последней экспедиции Русского географического общества.

[...]Как Вы там поживаете, как живет родное Общество, которому весь свой век служит верой и правдой Ваш покорный слуга. Искренне преданный Вам всегда

П. Козлов.

Залучье. 10 ноября 1921 г.

Дорогой Владимир Леонтьевич!

Если бы Вы вздумали что-либо сообщить отшельнику-путешественнику, то пожалуйста сообщите по старому адресу (на обороте) — я буду очень рад... С приезда в деревню я не получил здесь ни одной весточки (из-за распутицы), ни откуда... В моем углу погода самая непостоянная: то морозит, то слякоть; я словно доктор — принимаю, выслушиваю и лечу ежедневно приходящих больных, страдающих по преимуществу простудой и накожными заболеваниями... Пока что, на охоту не ходил, но очень мечтаю об этом высоком для меня удовольствии.

Понемногу привожу в порядок асканийский материал, немного читаю, но много ленюсь. Лени потворствует отсутствие достаточного освещения...

Во всяком случае, зимой увидимся и тогда поговорим о Сибири, Туркестане и Семиречье. Ну, а как Вы поживаете, часто ли собираетесь в

---

* Николай Петрович Горбунов — управляющий делами Совнаркома СССР, позже непременный секретарь Академии наук СССР, начальник комплексной Таджико-Памирской экспедиции, участник нескольких альпинистских походов в горах Средней Азии, председатель Монгольской комиссии.

Обществе? Буду искренне рад, повторяю, если побалуете весточкой из центра.

Крепко жму Вашу руку, искренне

Ваш *П. Козлов.*

Сердечный привет Обществу.

Урга. 16 марта 1924 г.

Дорогой Владимир Леонтьевич!

После отъезда из экспедиции ее участницы Е. П. Горбуновой [1] (в конце февраля) хочу познакомить Вас с тем, что у нас произошло нового... Совершенно случайно, при наличии самых лучших отношений к нам монголов всяких рангов, я узнал местонахождение (в большем или меньшем отдалении от Урги) интересных могильников и развалин. Надмогильные холмы уже осмотрены нами и с одним из них я успел, в общих чертах, ознакомиться реально.

Найденное археологическое достояние толкнуло меня заняться исследованием холмов как следует... 19.III двое моих сотрудников уже отправляются на место и начнут предварительные раскопки вместе с опытными рабочими-золотоискателями, нанятыми мною в числе четырех-шести человек на известный период времени... Наш друг Жамцарано * всеми мерами идет нам навстречу и всеми способами облегчает трудности к скорейшему достижению результатов...

Так как погребения в этих холмах покоятся на глубине 5 сажен (в деревянных срубах), то работа очень затруднена предварительным удалением огромного количества земли... прежде нежели достигается та область, в которой приходится работать самым внимательным образом, срезая один тонкий слой земли за другим и часто провевая землю... К 1 апреля и я буду на месте самых раскопок, которые будут производиться под моим руководством...

Если сочтете нужным, поговорите с С. Ф. Ольденбургом, которому я пока не пишу, но подсказ которого в данном случае может быть очень пригоден, потом же, впоследствии, по мере развития работ и их результатов, наряду с сообщением к Вам, может быть напишу и дорогому Сергею Федоровичу, может случиться так, что и этой Тибетской экспедиции не суждено будет уйти далеко из-за нахождения интересных мест так близко в Монголии, на которую обращалось всеми нами так мало научного внимания.

[1] Которая, между прочим, должна была доставить большой пакет на имя председателя Географического общества и ряд геологических посылок — коллекций в Зоологический музей Академии наук, а на обратном пути привезти ответы и исполнить поручения экспедиции.

* Цэбэн Жамцаранович Жамцарано — ученый востоковед, профессор, председатель Комитета Наук МНР, автор работ по истории и этнографии Монголии.

«Нет худа без добра» — может быть, вынужденная остановка, задержка экспедиции принесет Р. Г. О., а с ним и вообще науке бо́льшую пользу, нежели та, на которую рассчитывали вначале...

Наряду с изысканиями и работами археологического характера, у меня идут бессменные зоологические экскурсии радиусом от Урги верст на сто. Таким путем я нащупал очень интересный район к СВ, который хорошо пополнил нашу нарождающуюся коллекцию в орнитологическом и маммалогическом отношениях...

Одновременно с этим письмом к Вам и письмами Сушкину* и [Бялыницкому]-Бируле, представитель Полпредства в Монголии, при своей командировке в Москву, любезно взял на себя труд довести до столицы и два места с зоологическими коллекциями. При первой возможности, пойдут в музей Академии наук следующие посылки, уже почти готовые, с содержанием самого богатого научного материала, пока добытого экспедицией в Монголии... Местное население идет нам навстречу...

В значительной мере способствует успеху экспедиции новый посланник в Монголии А. Н. Васильев, относящийся ко всем нам с замечательным доверием, вниманием и даже любовью. Уезжая для ознакомления со страной иногда на сотни верст от Урги, он берет всегда и одного из моих старших помощников (преимущественно ботаника Павлова**) или одного из спутников моих вообще. Я думаю, что А. Н. Васильев своим беспристрастным, но деловым отзывом об экспедиции спасет ее существование и деятельность.

Таким образом, пока что я не могу сообщить Вам о времени выступления экспедиции из Урги, о перенесении ее лагеря верст на 150 вниз по долине Толы, до места ее крутого поворота от юга к северо-западу! Мечтал и продолжаю мечтать о первом мая, когда здесь, в Северной Монголии все еще бывает довольно холодно.

Прошу Вас, дорогой мой друг, сообщить экспедиции, получена ли Вами наша ботаническая посылка с препроводительным письмом Павлова, адрес на ботанический Музей Р. А. Н. специально с той целью, чтобы она скорее попала в Ваши руки. Вообще говоря, я очень хочу получить от Вас весточку... Я много писал лично Вам... и убедился через моего сына, что Вы ничего от меня не получили. Я знаю, что нужно что-то предпринять другое, и я послал важное сообщение и Вам и на имя А. П. Семенова-Тян-Шанского. Но Вы опять не получили. Меня убедили, что вот это именно письмо дойдет до Вас — ученого секретаря, так как оно будет сдано в Москве.

Мои наличные спутники один лучше другого; но я очень грущу и скорблю о Глаголеве, Сергее Анатольевиче***, как бы он пригодился мне

---

* Петр Петрович Сушкин — крупный зоолог, академик, автор работ по орнитологии Сибири и Центральной Азии.

** Николай Васильевич Павлов — известный ботаник, академик Казахской АН ССР.

*** Сергей Анатольевич Глаголев — географ, помощник П. К. Козлова в экспедиции 1923—1926 гг.

теперь, при всякого рода рекогносцировках и археологических раскопках. Сделайте все зависящее от Р. Г. О. и Р. А. Н. и верните мне мое сокровище, на которое я привык было смотреть с первых шагов экспедиции как на моего последователя... До свидания. Испытываю нравственное удовлетворение, побеседовав с Вами по душе. Крепко обнимаю Вас и шлю сердечный и дружеский привет всему нашему родному кружку Р. Г. О. Следующий раз буду писать на имя дорогого Ю. М. Шокальского. Преданный Вам Всем

П. Козлов.

Урга. 16 марта 1924 г.

Дорогой Алексей Андреевич.

Всякий раз, когда направляется зоологическая посылка во вверенный Вам Зоологический музей Российской Академии наук, одновременно из Тибетской экспедиции Русского географического общества идет в музей и *препроводительное* письмо. До сих пор всегда писала жена моя на имя П. П. Сушкина, так как коллекция почти была орнитологического характера. Теперь же, когда начали прибывать и зверьки всякого рода, я собрался черкнуть Вам это маленькое послание...

Вынужденная зимовка экспедиции в Северной Монголии, по моему мнению, принесла для нее много интересного и помимо исследования живой природы. Об этом, конечно, узнаете непосредственно или посредственно от Географического общества. Вам же хочу сообщить вкратце, что в зоологическом отношении мне удалось найти интересный угол для исследования. Этот угол или район находится от Урги к СВ верстах в 50—100. В этом районе добыта: кабарга, альпийский хорек (*Putorius*), белка, кабан и пр. из птиц — глухари (самец и самка) и много другого.

Благодаря прекрасному отношению к экспедиции местного населения я имею возможность здесь организовать, помимо собственных зоологических экскурсий, еще и наемные из лучших охотников-сибиряков, которые по моему указанию успешно работают (так, как это надо работать в охотничьем отношении) в научном отношении. С их помощью скорее можно найти все или почти все, чем богата страна...

Теперь, одновременно с этим письмом, уходят к Вам *две посылки*, преимущественно (если не исключительно) с маммалией... В скором времени будут направлены самые интересные сборы (в одном ящике или в двух) как птиц, так и зверьков, до их черепов и скелетов включительно. Повторяю, пока что, это будет самая богатая научная посылка.

Нынешняя зима, обильная снегом, надолго задержит весенний перелет птиц, который мы готовимся наблюдать (в двух или трех местах одновременно) в долине и в горах...

Все предстоящее лето, вероятно, будет посвящено изучению Монголии, Хангая на севере и Монгольского Алтая на юге, до Хара-хото включительно (осенью).

Может быть, там же, на Сого-норе и низовье Эцзин-гола, удастся проследить и частичный осенний пролет птиц.

Буду искренне рад, если Вы порадуете меня хотя бы небольшой весточкой о житье-бытье Музея и его работников.

Прошу принять мой сердечный привет — Вас лично и Ваших хороших сотоварищей. Всего хорошего.

Искренне преданный Вам

П. Козлов.

Как съездил Б. С. Виноградов? * Он, кажется, нашел еще *Salpingotus*'а.

Урочище Суцзуктэ, Южный Кэнтэй.
28 мая 1924 г.

Дорогой Юлий Михайлович!

Спешу с Вами лично и с Географическим обществом, Вами руководимым, поделиться нашей радостью. Экспедиция открыла в живописной местности в Монголии две или даже три группы могильных курганов, очень старых, в которых хранились и продолжают храниться до наших дней останки китайских принцев, вероятно и самих императоров (подробное изучение точно определит). Некоторые из этих курганов нами разработаны, некоторые еще продолжают разрабатываться. Тибетская экспедиция уже обогатилась содержанием из исторических памятников; имеются роскошные вышивки: фигуры людей, животных, орнаменты; также отдельные ковровые картины — замечательные типы... Много отдельных кос волос, с футлярами из шелка и с талисманами..., много и без футляров. Очень интересны ковры с накладным изображением лося, мамонта, рыси крылатой и многих других, нередко мифических животных. Найдена равно и бронза, и керамика (с печатью), и самая гробница, пока еще одна — страшно любопытная... Хорошо сохранившаяся. Из отдельных предметов заслуживают наибольшего внимания изюбрь или олень — деревянное изображение с металлическим основанием для рогов, остатки седел, многие деревянные округлые вырезки, прозрачные части камней (?) до нефрита включительно, великолепно сохранившаяся сетка из конских волос, мудро сплетенная, словно украшение лица шамана..., и пр. и пр... Материи вообще почти исключительно

* Борис Степанович Виноградов — известный зоолог, специалист по грызунам, сотрудник Зоологического института АН СССР. Ему принадлежит обработка части зоологических коллекций П. К. Козлова.

шелковые, цветные с узорами и с разбросанными среди них китайскими иероглифами. Мой знакомый китаец-книжник некоторые из иероглифов прочитывал, разбирался, над другими становился в тупик.

Курганы более или менее значительных размеров [1], хотя есть между ними и маленькие, словно детские или простолюдинов, но все они до сих пор сохраняют прямоугольное основное расположение, выраженное рядом больших бесформенных камней, отторженных от ближайших коренных горных пород, и круглым довольно высоким валом из земли с более или менее глубокой воронкой посередине. Самое погребение покоится на глубине пяти-семи сажен, на дне кургана, и состоит из очень капитальной деревянной, искусно обтесанной по бокам постройки, с двойным или тройным бревенчатым потолком, с целью противостоять тяжелому давлению земляного покрова. В центре погребения, внутри так сказать, имеется прямоугольное помещение, с очень основательной гробницей посредине.

Вокруг погребального помещения расположены коридоры с колоннами, обтянутыми дивной вышивкой (с изображением человеческих фигур, лошадей, птиц и пр.).

Часть коллекций везу сейчас в Ургу, часть остается в лагере, на месте раскопок новых курганов. В мое временное отсутствие, пока идут подготовительные работы, руководить раскопками остается мой старший помощник С. А. Кондратьев * с партией трех младших помощников и артелью китайских опытных рабочих.

И та и другая группа курганов, повторяю, расположены в дивной, очаровательной по красоте местности. Кругом курганов лесные скалистые горы; между горами пади и ущельица, с речонками, окаймленными густым кустарником... Синее небо и яркое-яркое солнце дополняют картину!

Таким образом, здесь сосредоточено и изучение природы и сбор ее характерных образцов. Сборы вообще растений, птиц, млекопитающих, всех или почти всех отрядов насекомых, ведутся широко и очень успешно.

Богатое, красивое большое урочище «Ноин-ула», превосходная летняя погода главным образом способствуют продуктивности работ.

Члены Монгольского правительства идут экспедиции навстречу. Еще более того, успешному достижению научных целей экспедиции способствуют наши соотечественники — А. Н. Васильев, Ц. Ж. Жамцарано, Д. Р. Ринчино ** и др.

---

[1] Разработанный экспедицией курган имеет в длину по каменным очертаниям около 200 футов, а в ширину — около 150 футов.

* Сергей Александрович Кондратьев — композитор, записавший образцы монгольской музыки и песен; был старшим помощником П. К. Козлова в экспедиции 1923—1926 гг. Позже опубликовал несколько интересных работ по климату и рельефу Монголии.

** Дорчжи Ринчинович Ринчино — член Революционного Военного Совета МНР в годы экспедиции П. К. Козлова.

В двух других пунктах Монголии в верховье реки Хара, в урочище Сугу-нур (ущелье с гольцами) и долине Толы с массивом Богдо-ула включительно, ведется также изучение монгольской природы; во всех пунктах экспедиции кроме того велся и продолжает вестись дневник весенних и летних наблюдений и сборов пролетных и гнездящихся пернатых...

Вот в общих чертах картина деятельности и достижений Вашей научной Тибетской экспедиции. Все мои наличные спутники один другого лучше; хотя имеются и очень талантливые исключения. Живем мы дружно, работаем до упоения, и если будет продолжаться так и дальше, то можно осмотрительно сказать, что экспедиция посильно исполнит долг перед Родиной.

Простите за мой черновой набросок,— переписывать нет времени; желание же поделиться с Вами всем, чем живет экспедиция, с которой Вы связаны со дня ее рождения родственными узами, огромное.

Вся моя молодежь просит меня выразить Вам и членам нашего Географического общества, в частности членам Совета его, живейший привет и постоянную признательность.

Лично я крепко обнимаю Вас и в Вашем энергичном лице Ваших ближайших научных товарищей.

Искренний и всегда Ваш *П. Козлов.*

P. S. В Главнауку Наркомпроса пишу отдельное, пока такое же предварительное извещение.

От всей души благодарю дорогого Владимира Леонтьевича Комарова за его ко мне дружеское письмо. Такие вести бодрят и вселяют новую энергию на новые работы и изучение.

Суцзуктэ. 11 июня 1924 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Я на Суцзуктэ: приехал на автомобиле вместе с Алексеем Николаевичем Васильевым (полпред СССР в Монгольской Народной Республике.— *Е. К.*). Здесь все хорошо. Посылаю тебе птичек, собранных здесь. Пожалуйста, не только определи, но и поправь шкурки. У меня не было времени это сделать. Сам я везу в Ургу изюбрицу (шкурку и череп) и банку со змеей и ящерицами. У нас здесь на воле гуляет изящное создание — молодая косуля, очень высокая на ногах. Ее поймал в лесу Котик (Константин Константинович Даниленко — сотрудник экспедиции.— *Е. К.*). Приходится поить ее молоком из соски. Васильеву козочка очень понравилась; вообще он в восторге от всех наших работ. В «Андреевском» кургане (назван был так в честь сотрудника экспедиции Андрея Дмитриевича Симукова, который обнаружил этот курган.— *Е. К.*) на глубине 8 *м* лежит

камень — монолит, поэтому идем дальше обходным путем. На деревянном помосте найдено много интересных предметов из металла, в частности стрелы. На «нижнем» кургане вынуждены были пока приостановить работы из-за воды. Начали раскапывать могилу наверху, в пади Суцзуктэ.

Перед самым отъездом из Урги сюда у меня была интересная компания: Ц. Ж. Жамцарано с женой, Барадиин (член Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР.— *Е. К.*) и член бурятского ЦИК'а. Я показывал добытую нами археологию[...] Они пришли в восторг. И Барадиин и Жамцарано все повторяли: «Да, это прольет яркий и новый свет на историю страны». Оказывается на ковре (который лежал на дне кургана, под гробом.— *Е. К.*), наряду с изображениями животных, имеются не цветы, как мы предполагали, а письмена. Я показал только часть находок, а потом мы поехали в Суцзуктэ. Вечером засели с машиной в болоте и просидели 12 часов. Нас выручали местные жители[...]

Урга. 19 июня 1924 г.

Дорогой Алексей Андреевич!

Одновременно с сим посольский курьер везет до Верхнеудинска (дальше по железной дороге) четыре посылки для Зоологического музея. Три из них — с птицами; это ящики и четыре бидона с содержанием грызунов, ящериц, четырех птиц (для П. П. Сушкина) и пр.

Имеются к новому отправлению около ста экземпляров птиц и две мягкие посылки со шкурами кабанов и изюбря (самка). Один полностью скелет кабана.

Несмотря на то, что я с большею частью моих спутников усердно занят археологией, все же сбор естественноисторических коллекций (во всех отделах) подвигается успешно. Сверх ожидания, удалось наладить наблюдательные собирательные пункты в лучших по характеру и крайне живописных (горнолесной район) по красоте местностях Южного Кэнтэя. Как-то удачно согласованы и археология и исследование живой природы.

На днях отправляется в экскурсию на запад мой ботаник Павлов; ему я придаю лучшего препаратора и надеюсь на вполне удовлетворительный сбор и в зоологическом отношении. К тому же и Павлов никогда не расстается с ружьем и ставит себе задачей собрать, по возможности, и птиц и млекопитающих.

Археология меня очень порадовала; думаю работать по раскопкам до осени, чтобы изучить или представить полную картину истории прошлого Монголии.

Спасибо Вам за Ваше хорошее письмо. От экспедиции и от своего имени благодарю Вас и весь персонал музея за память. Наш сердечный привет и лучшие пожелания.

Искренне преданный Ваш *П. Козлов.*

Урочище Сугнур — верховье р. Хара.
Монголия. 25 июля 1924 г.

Дорогой Андрей Петрович!

Который уже раз пишу Вам, а от Вас не имею ни одной строчки в ответ.

Итак, нежданно-негаданно экспедиция задержалась в Монголии чуть не на все свое время и работает в области не только географической и естественноисторической, но и в области археологической. Как раз там, где идут и будут идти раскопки исторических могильных холмов, там на диво богатая местность в смысле растительности — древесной, кустарниковой, травянистой,— а также скал, прозрачных вод и многочисленных полян. Поэтому тут же рядом с раскопками идут изучения и сборы ботанических и зоологических образцов монгольской природы.

О сборах млекопитающих я извещал А. А. Бирулю, о сборах этих и вообще об орнитологических изучениях и наблюдениях чаще меня знакомит с своим отделом П. П. Сушкина моя помощница Елизавета Владимировна. Кроме того, музей получает по упомянутым отделам и фактический материал в виде коллекций.

О сборах энтомологических, которые возродились с начала весны этого года, я и хочу познакомить Вас, хотя бы и очень поверхностно.

Лову пауков, мух, бабочек, клопов и пр. предаются почти все и даже можно сказать все — в большей или меньшей, конечно, мере. Есть люди — молодежь (студенческая), которая специально этим сбором занята. В нынешнюю экспедицию и я пристрастился к лову более, нежели в прежние путешествия. Наблюдая, ловя много, укладывая в энтомологические ящики, я не могу не заметить, что самым богатым и интересным отделом справедливо может считаться отдел мух.

Так и передайте многоуважаемому Ф. Д. Плеске *. Ваш отдел также интересен, но он, скорее, богат в количественном, но не в другом отношении. Интересно в высшей степени, как Вы все, специалисты, посмотрите на сборы экспедиции. Получаете ли Вы, каждый в отдельности, удовлетворение. Клопов мало, бабочек порядочно. Среди последних любопытны формы *Parnassius*, в особенности маленькие, с резко выраженными 8 кольцами (красными) или точками, при черных других рисунках и желтоватом оттенке в целом.

Говоря в количественном отношении, можно будет признать, что сбор богатый. К концу лета, в совокупности, с разъездом ботаника и препаратора в Хангай, которым также поставлено в задачу собирание насекомых, можно будет сказать, что принесем свыше 20 ящиков. Надо заметить, что на этот раз экспедиция собирает и бабочек также в ящики. Поздней осенью я постараюсь найти способ перевезти наш и энтомологический материал, может

* Ф. Д. Плеске — энтомолог, сотрудник Зоологического музея АН, обрабатывавший энтомологические сборы центральноазиатских экспедиций.

быть вместе с археологическими находками, последние также не посылались (ни одного номера).

В заключение очень хочется просить Вас черкнуть хоть строчку о том, как Вы поживаете, что поделываете. Не написали ли чего-нибудь по части просто природы или еще больше — не вылилось ли чего-нибудь из пера поэзии Вашей.

Живя и работая среди чистой, богатой природы Монголии, очень хочется прочесть красивое, захватывающее описание того или другого уголка знакомого автора, в такой же мере жаждешь и поэзии. Давно-давно я не слышал Ваших произведений. Я знаю, что долго не писалось, но может быть за минувший срок что-либо и вылилось.

Не помню, посылала ли Вам в этом отношении что-нибудь моя Елизавета Владимировна. В феврале — марте она побывала в Китае (южным путем). Пересекла Гоби (на Калган), видела храм неба. В результате набросала две картинки — поэзия в прозе. Автор читал мне эти два маленькие произведения, мне очень понравилось, в особенности пустыня, которую, конечно, я достаточно понимаю.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне и всегда Ваш

П. Козлов.

P. S. Елизавета Владимировна просит написать Вам ее теплый привет и самые лучшие пожелания. Она сама в недалеком будущем собирается писать Вам. Мой сердечный привет и всей музейской ученой семье. А. А. Достоевского, как и Вас, дружески обнимаю, от него на днях имели письма и я, и Елизавета Владимировна.

Урга. 19 сентября 1924 г.

Дорогой Алексей Андреевич!

Что-то давно ни я, ни Елизавета Владимировна, которая довольно нередко пишет П. П. Сушкину, не получали от музея известий; между тем, посылок с коллекциями отправлено немало, в особенности с птицами. Вчера, например, мною лично отвезен ящик с двумя бидонами в Полпредство, для отправления по адресу музея. В бидонах со спиртом заключено: восемь тушканчиков, две пищухи северные, 18 змей (двух или трех видов — один очень интересный, может быть, даже новый); интересные также жабы, лягушки, ящерица; затем, 7 летучих мышей (двух видов), птичка-ремез, один-два черепа грызуна и кажется все: пишу на свежую память, но без точных данных.

Полпредство мне заявило: «Было бы весьма желательно, чтобы Академия Наук от своего имени направила письмо в Москву, в Народный Комиссариат иностранных дел (куда в первую голову следуют все наши по-

сылки с зоологическими коллекциями), прося это учреждение не задерживать и внимательнее вообще относиться ко всем поступающим от Тибетской экспедиции научным сборам, ибо всякая утеря только одного места нарушит целость и пр.» До Москвы, Полпредство уверено, что наши коллекции доходят.

Вчера — последний ящик, один за № 23.

Очень прошу Вас сообщить мне, сколько посылок получено музеем и можно ли быть спокойным, что поступающие объекты подвергаются исследованию или определению теперь же, до окончания экспедиции. Как приятно будет мне иметь списки по всем отделам доставленного материала, если еще не в самом путешествии, то тотчас по его окончании.

Я уже писал А. П. Семенову-Тян-Шанскому, что энтомологического материала подкоплено порядочно и толкового, но я, пока, воздерживаюсь пересылать его — все надеюсь, что зимою, может быть, удастся съездить в Петроград и самому лично отвести всю энтомологию вместе с археологией.

Кстати, сегодня или завтра прибудет компания специалистов (4), в помощь мне по археологическим изысканиям... местные охают и ахают, что под их руками и так недалеко лежали до наших дней такие сокровища. Мне страшно интересно видеть и слышать Теплоухова, археолога, по поводу моих археологических находок.

Странно, что мне — исследователю живой природы, — везет на мертвое. Пожалуйста пишите — не забывайте. Какой это тушканчик и что за грызуны, отправленные раньше: роды я знаю, но виды — нет! Все надеюсь получить весточку от Б. С. Виноградова.

Сердечный привет Вам и вашим товарищам по музею.

Крепко жму вашу руку. Искренне

Ваш *П. Козлов.*

P. S. Был у меня в гостях на археологическом пункте Эндрюс американец — исследователь Монголии, ее ископаемых богатств. Очень интересный и энергичный человек. Мы с ним сошлись и обещали поддерживать в будущем живую, постоянную связь *.

г. Урга. 17 октября 1924 г.
Тибетская экспедиция

Дорогой Григорий Ефимович!

Из холодной, но красивой и богатой по научному содержанию Монголии шлю Вам и Вашей милой семье мой теплый привет.

* Рой Чэпман Эндрюс — руководитель большой геологической и палеонтологической экспедиции, работавший в Монгольской Народной Республике и во Внутренней Монголии (Китай). Сотрудник естественноисторического музея в Нью-Йорке. Впервые поехал в Монголию в 1918—1919 гг., с 1922 г. проводил систематические исследования Гоби.

Минувшим летом и осенью я доволен; доволен достижениями моей экспедиции. Коллекции естественноисторические полны по всем или почти по всем отделам. Не знаю только как их скорее и цельнее доставить в Петроград, в музей.

Что касается новой области, которую я затронул и в это путешествие — археологии, ее многочисленных интересных находок, открытие оригинальных могильных курганов, относимых Теплоуховым к I в. до Р. Х. и 2—3 после, то о них пусть судят специалисты. Я же пока переживаю чувство удовлетворения. Может быть в конце ноября свидимся (но только может быть).

Крепко жму Вашу руку, привет родному Географическому обществу.

Всегда Ваш *П. Козлов.*

Суцзуктэ. 30 октября 1924 г.

Дорогой Владимир Леонтьевич!

На днях мне доставили на раскопки Ваше дружеское, милое письмо. Здесь с нами вся приезжая компания. От археолога Теплоухова * узнал, что моему второму детищу, «Суцзуктэ», от 1,5 до 2 тыс. лет. Изрядный возраст. Теплоухов и Боровка работают, другие два — минералог и почвовед — экскурсируют. На днях выяснится, смогут ли (по времени) археологи справиться с курганом — разрыть его по всем правилам науки.

На вчерашнем совещании выяснилось, что археологи и геологи подали смету полпреду Васильеву, что им (на месяц работы) необходимо в связи с суточными и обратными прогонами 8 тыс. рублей золотом. Как Вам известно, наш годовой бюджет в экспедиции равняется 10 тыс. рублей.

Подскажите, куда следует высылать археологические коллекции? Мне кажется, надо все выслать в Русское географическое общество, а оно может предоставить право специалистам описать эти находки. Теплоухов, по-видимому, обстоятельный человек, он сможет разобраться в этих находках! Он же работает и служит в Русском музее. Может быть, Русскому музею Географическое общество и «Суцзуктэ» подарит, как некогда подарило «Хара-Хото». Как Вы думаете — это, конечно, только предположение!

В последнее время не только я, но и полпред Васильев сильно беспокоится за участь наших многочисленных посылок, отправленных через Москву в адрес Зоологического музея Академии Наук... Но мне все же почему-то кажется, что Зоологический музей вновь начал получать зоологические посылки. Всех посылок выслано 23. За этим последним номером послан ящик с двумя бидонами со спиртовыми коллекциями: змей, ящериц, жаб,

* Сергей Александрович Теплоухов — археолог, профессор, сотрудник Русского музея в Ленинграде. Григорий Иосифович Боровка — археолог, научный сотрудник Гос. Эрмитажа.

лягушек, грызунов и насекомоядных. Последняя посылка, по моему мнению, очень интересна: в ней имеются новые формы.

Что касается до энтомологического сбора: жуков, мух, бабочек, шмелей и клопов, то таковых вскоре я также начну препровождать подобно птицам и млекопитающим.

Обо всем этом я теперь же пишу и Бялыницкому-Бируле, прося его, как и Вас; спишитесь с Москвой, Наркоминделом, чтобы он не задерживал зоологические посылки Тибетской экспедиции, направляемые из Урги через посредство Полпредства в адрес Зоологического музея Р. А. Н. Это необходимо сделать и для посылок, уже сданных минувшим летом и имеющим быть сданными в октябре [1].

Полпред Васильев на днях уезжает в Москву, он наш добрый гений; не знаю, что на этот раз он будет говорить об экспедиции: полагаю, как всегда, что только хорошее.

Скоро напишу еще, а пока крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш *П. Козлов.*

Мой теплый привет родному Географическому обществу.

Урга. 10 ноября 1924 г.

Дорогой Алексей Андреевич!

Завтра Тибетская экспедиция передает в Русское представительство 13 номеров посылок, с адресом в Ленинград (8 посылок с археологией в Русское географическое общество и 5 — преимущественно с птицами и небольшим количеством зверьков — в Зоологический музей). Обещают через неделю весь этот транспорт отправить с курьером обычным порядком.

Не знаю, получили ли Вы на имя Зоологического музея Российской Академии наук такой же численности посылок транспорт, направленный в Советскую Россию месяца полтора тому назад. В том транспорте был и ящик с бидонами (спирт) с грызунами, змеями, летучими мышами и пр. До сих пор я не имею о том транспорте никаких сведений. Одновременно с отправлением того транспорта я писал на Ваше имя предварительное письмо.

Попался, наконец, большой, темный хорек (*Putorius*), который интересовал Вас по одному экземпляру, добытому мною на юго-западе от Урги во время минувшего Монголо-Сычуаньского путешествия. Зверек этот взят

[1] Вначале до приезда четырех специалистов, я очень мечтал побывать в России, теперь же, когда вопрос в значительной мере выяснился с археологическими ценностями, я воздержусь от поездки, все вышлю Вам и обо всем напишу, главным образом о моей задаче на следующий год (в области Монголии до Хара-Хото включительно).

со скелетом, в октябрьской одежде. Без сравнения трудно сказать, что он из себя представляет; в Монголии вообще он очень редок.

Помимо пяти ящиков для Зоологического музея, сдаваемых в Представительство, у меня на руках имеются для Зоологического музея еще три не малых ящика — два с ящичками (25) насекомых: жуков, мух, шмелей, клопов и бабочек, и один с 130 птицами — самыми интересными (вообще птиц добыто экспедицией 205 видов, количество экземпляров около 700). Эти три ящика плюс столько же с археологией и один, 7-й, с этнографическими сборами находятся у меня с той целью, что, может быть, я сам лично их привезу в Петроград (в конце декабря с. г.). Говорю «может быть» потому, что я не окончательно решил вопрос в положительном смысле о моей поездке. Пока не получу от Географического общества на этот вопрос дополнение — не поеду. Конечно сам лично самый ценнейший материал экспедиции доставил бы успешнее и лучше (так, по крайней мере я думаю).

И если я поеду в Россию, то все эти посылки, моей укладки, я желал бы сам и разобрать. В них, среди шкурок птиц, уложены и зверки и пробирки с тлями и пауками.

Какие бедствия понесены Зоологическому музею последним ужасным наводнением — напишите!

Давно не имел от Вас никаких сведений. Мой привет Вашим товарищам по музею.

Крепко жму Вашу руку. Искренне преданный Вам,

Ваш *П. Козлов.*

P. S. Конечно, было бы очень интересно видеть всех вас и со всеми специалистами побеседовать по поводу сборов.

Петроград. 1 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] С новым годом! Желаю тебе в предстоящем году получить возможность окунуться в глубину пустынного Монгольского Алтая и даже южнее его[...]

Вчера был у С. Ф. Ольденбурга, от него заехал в Зоологический музей, где получено несколько наших почтовых ящиков с коллекциями, и в понедельник я начну их разбирать. Далее я попал, наконец, в Русский музей, где меня тотчас встретил С. А. Теплоухов и повел к себе в кабинет. Сергей Александрович был сияющий, потому что Географическое общество уже прислало Русскому музею свое постановление, что все наши ноин-ульские коллекции передаются ему, с обязательством подготовить витрины для объектов раскопок и застеклить гобелены для выставки в Географическом обществе.

С. Ф. Ольденбург был другого мнения: он считал, что находки из курганов должны поступить в Эрмитаж, где есть большие отделы, посвященные археологии.

В Русском музее подготавливаются два щита в отдел Хара-хото: один щит с керамикой, другой — с предметами обихода. Эти щиты будут помещены в зале рядом с залом Хара-хото, где в центре оставят место для нынешних новых находок из развалин этого города[...]

Петроград. 9 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Вчера был с Теплоуховым в Географическом обществе, беседовал с Ю. М. Шокальским по поводу устройства выставки в верхнем зале общества, где мы снаряжались в последнее путешествие. Экспонаты будут здесь же в обществе приводиться в порядок. На днях работа закипит[...]

Петроград. 12 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Получил от Николая Петровича Горбунова следующую телеграмму: «Правительством назначена комиссия для рассмотрения отчетов Монгольской экспедиции и дальнейших планов ее работ, выяснения всех организационных вопросов, рассмотрения финансового отчета и распределения коллекций. Подробности письмом. Управдел СНК СССР Горбунов 82/6» [...] Очень интересно знать, из кого будет состоять эта назначенная правительством комиссия [...]

Петроград, 14 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Наконец пришли «подробности» в пакете: пакет привез С. Ф. Ольденбург. Теперь читай. «Постановление Совнаркома об образовании комиссии для рассмотрения отчетов и планов Монгольской экспедиции П. К. Козлова. Совет Народных Комиссаров постановляет:

Для заслушания отчетов о работах Монгольской экспедиции П. К. Козлова и для рассмотрения планов дальнейших работ этой экспедиции и связанных с этим организационных вопросов образовать комиссию под председательством Управделами СНК Н. П. Горбунова, в составе С. Ф. Ольденбурга, А. Е. Ферсмана, представителя Р. Г. О. по выбору этого

общества, В. Л. Комарова, А. А. Бялыницкого-Бирули, геологов А. А. Борисяка и И. П. Рачковского, члена Ученого Комитета Монголии Б. Я. Владимирцова, полпреда в Монголии А. Н. Васильева, двух представителей Наркоминдела и одного представителя Наркомпроса».

Бумага 2: «Москва, Кремль 10» 1925.

П. К. Козлову	И. П. Рачковскому
С. Ф. Ольденбургу	А. А. Бялыницкому-Бируле
А. Е. Ферсману	Б. Я. Владимирцову
В. Л. Комарову	Русскому Географическому обществу
А. А. Борисяку.	

Препровождая при сем постановление СНК об образовании комиссии для рассмотрения отчетов и плана работ Монгольской экспедиции П. К. Козлова, уведомляю, что первое заседание комиссии назначается на 31 января с. г. в Ленинграде в 2 часа дня в малом конференц-зале Академии наук.

Повестка дня намечена следующая:

1) Общий доклад П. К. Козлова о работах экспедиции и о достигнутых результатах.

2) Доклад Н. В. Павлова о ботанических работах экспедиции.

3) Доклад В. И. Крыжановского* о минералогических работах экспедиции в районе Урги.

4) Доклад Б. Б. Полынова** о почвенных изысканиях в районе Урги.

5) Доклад С. А. Теплоухова и содоклад Г. И. Боровки о результатах археологических раскопок в районе Урги.

6) Предположения П. К. Козлова о дальнейших работах экспедиции.

Управделами СНК — председатель комиссии Н. Горбунов».

Сейчас я говорил по телефону с Ольденбургом, а потом с Боровкой. Сергей Федорович еще подтвердил, что «дело комиссии выслушать Ваш доклад, отзывы специалистов о Ваших результатах, а в заключение Вы наметите программу дальнейших работ экспедиции». «Затем,— продолжает С. Ф.,— Вы, вероятно, прочтете лекцию общего характера в Географическом обществе. Там же будет выставка коллекций».

Лично Ольденбург стоит за передачу археологической коллекции в Эрмитаж, потому что в общих чертах она напоминает коллекции из Восточной Сибири, судя по эрмитажным образцам. Конечно, есть и еще претенденты на наши археологические находки,— это этнографический музей Петра I и Русский музей [...]

---

* Владимир Ильич Крыжановский — минералог, сотрудник АН СССР.

** Борис Борисович Полынов — крупный советский ученый почвовед, академик с 1946 г.

Петроград. 17 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] В минувшую среду в Географическом обществе было общее собрание. Ю. М. Шокальский пригласил и меня и неожиданно стал приветствовать меня на заседании. Там же в Обществе я набросал содержание повестки на вечер моего доклада широкой аудитории 29 января в 8 часов вечера... В тот же вечер будет открыта выставка в Географическом обществе для ознакомления собрания с достигнутыми экспедицией результатами.

[...] Был в Эрмитаже, осматривал ценные золотые сибирские находки по археологии. Тут и Г. И. Боровка и И. А. Орбели (директор Эрмитажа) сильно ухаживали за мною, поднесли ряд художественных изданий Эрмитажа и выражали свою готовность устроить выставку; на это я ответил, что Географическое общество подарило нашу археологию Русскому музею. Они заметили: «Пусть этот вопрос решит комиссия, тогда уж мы нравственно подчинимся» [...] Сильную тревогу бьют все три хранилища, но, кажется, успех будет на стороне Русского музея[...]

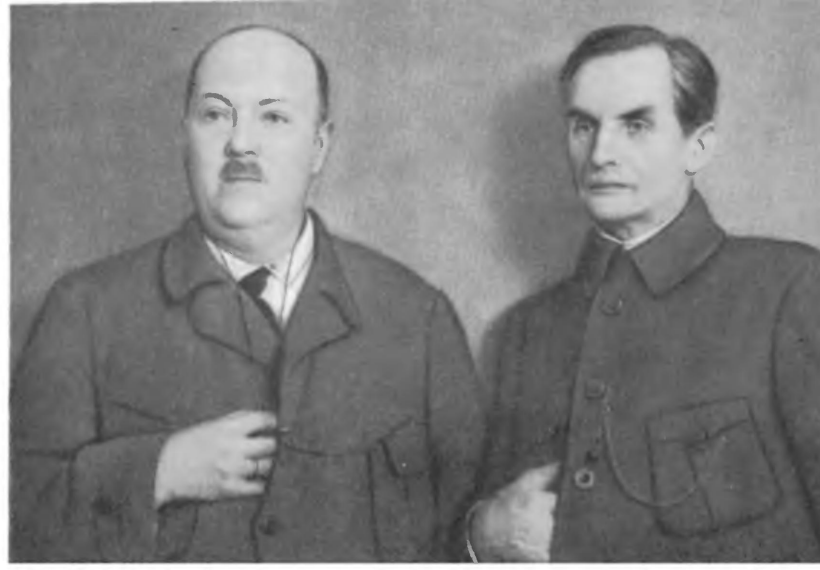
Петроград. 20 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Передай, пожалуйста, моим спутникам, что я очень интересуюсь дополнительными работами на «верхнем» шурфе в Суцзуктэ. Наряду с работами в «мокром» кургане, не надо забывать ковра под гробницей, самой гробницы и всего того, что может оказаться после тщательной работы на дне самого глубокого 1-го кургана.

[...] Подбодри мальчиков (членов экспедиции.— *Е. К.*) и А. А. Кузнецова (инженер, живущий в Цзун-модо, неподалеку от наших раскопок, и ранее работавший на приисках здесь же в Хэнтэе.— *Е. К.*), который еще осенью обещал мне большую помощь по укреплению шурфа и разработке этого самого богатого кургана. У меня только и думы об археологических и естественноисторических коллекциях!...

[...] Сегодня уехал из дому в 1 час дня, а вернулся из Зоологического музея и Географического общества в 7 часов вечера, немного устал. Очень приятно было узнать, что в Географическое общество командировали инженера с целью исправить отопление, чтобы 29 января можно было не мерзнуть, ни лектору, ни слушателям. Все усердно готовятся к празднику в Географическом обществе. Напечатали 1000 повесток, одну из них посылаю тебе. Надо всем знакомым раздать. Боюсь, чтобы кто-либо не обиделся[...]

П. К. Козлов и А. Е. Ферсман

Петроград. 29 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Утро с температурой — 0,5 R — чисто весеннее ...Сегодня пожелай мне удачи на лекцию. Я спал отлично, бодр, крепок, и совершенно спокойно жду вечера. Вчера ко мне никто не приходил, и я был доволен. Около часа дня я навестил Эрнеста Львовича Радлова (директор Публичной библиотеки.— *Е. К.*). Как водится, он был очень мил и много расспрашивал о тебе, о твоей деятельности в экспедиции. Представь, он собирается идти на мою лекцию[...]

Петроград. 30 января 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

Здравствуй [...] Браво! Лекция прошла блестяще. Народу было тьма тьмущая: весь большой зал, коридор, вся лестница и на улице — толпы народа. Прямо скандал! Ю. М. Шокальскому пришлось объявить, что Петр Кузьмич дает согласие повторить лекцию через неделю... Тогда народ успокоился, и те, кто не могли попасть в зал и в здание, постепенно разошлись.

Выставка, усилиями Русского музея и в частности С. А. Теплоухова, вышла прекрасная и привлекла внимание и вызвала дебаты многих специалистов. Ольденбург говорит, что «жемчужиной» выставки является гобелен «Всадники». Штейнберг называет «жемчужиной» палочки для добывания

огня, бывшие в употреблении. Эрмитаж считает лучшей находкой подгробный ковер...

«И доклад Ваш и выставка,— говорили мне Ю. М. Шокальский и В. Л. Комаров,— это наш большой географический праздник»...

Вечер 30-го я провел на акте в Географическом институте, там было очень мило. А. Е. Ферсман приветственной речью в мою честь тронул сердца студентов (накануне они все были на моей лекции), и раздались такие аплодисменты, какие редко приходится слышать. Шокальский говорил на тему: «Географ как исследователь природы», и сказал так вдохновенно и прекрасно, как он никогда вообще не говорит. Это обстоятельство было отмечено всеми нами. На приветственную речь Ферсмана, по его предложению, я сказал несколько слов. Ответом был — гром рукоплесканий [...]

Москва. 13 февраля 1925 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Никак не могу сделать так, как хочу: нет времени писать тебе так полно, как я писал из Петрограда. Здесь в Москве я не живу спокойно, планомерно, я, как огонь, горю, только бы не сгореть. Я самый «модный» человек и все ко мне тянутся. По вечерам в Доме ученых у меня бывает очень много народу... кто только не приходит! Атакуют многие желающие попасть в путешествие — больше все студенты и студентки... Получаю массу писем, по большей части от молодежи, уверяющей в любви и преданности, готовых следовать за мною куда угодно... на одном из докладов вытащили из моего кармана платок, разорвали на клочки «на память», а взамен насыпали в карманы конфет!...

Мои лекции: первая в Доме ученых во вторник 17 февраля, вторая в Политехническом музее — 19 февраля, третья 26 февраля — в Историческом музее, для ассоциации Востока... В общем я удовлетворен, но немного устаю от многолюдства.

Был приглашен на днях к Г. В. Чичерину (Нарком иностранных дел.— *Е. К.*). Свидание происходило от $12^1/_2$ часов до $1^3/_4$ ночи [...] Ехал на извозчике по сонной Москве... Интереснее всего для меня был вопрос о Тибете, о событиях в Лхасе. Я слушал Г. В. с увлечением. Он осведомлен полностью, и мне теперь многое ясно... На первый год надо будет ограничиться только территорией Внешней Монголии и поручить т. Карахану (полпред СССР в Китае.— *Е. К.*) навести справки о возможном продвижении в Цайдам. Чичерин немного обижен, что я не подарил ему последней своей книги «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото»; я дал ему понять, что я подарил ее, но поручил его сотрудникам передать ему веленевый экземпляр этой книги... «Нет, я не получил, и мне очень досадно»,— говорит Г. В. ...Я сказал, что при новом свидании перед отъездом в Монголию я это ис-

правлю. В заключение Чичерин поручил мне написать и дать ему записку — мой взгляд на предстоящий год деятельности экспедиции в области Монгольского Алтая [...]

Урга. 25 июня 1925 г.

Дорогой Юлий Михайлович!

Это письмо вместе с отчетом о разработке «Мокрого» и «Верхнего» курганов в Ноин-ула представит Вам и В. Л. Комарову для осведомления мой ближайший помощник Сергей Александрович Кондратьев, которому, кроме того, поручен целый транспорт экспедиционных коллекций для сдачи в разные музеи. Из коллекций выделяется археологическая, которая, по-моему, не уступит моему привозу. Добыта бóльшая часть того знаменитого ковра, меньшей частью (одной стороной) которого восхищались археологи и историки.

Советую внимательно прочесть сравнительно небольшие отчеты, чтобы можно было составить себе хотя бы некоторое впечатление о новых достижениях Вашей экспедиции.

Затем следует зоологическая коллекция, как пополнение к предыдущим многочисленным посылкам.

Кондратьев Вам сообщит подробности прошлого, а я вкратце сообщу программу предстоящего.

Очень прошу Вас обоих содействовать тому, чтобы Кондратьев скорее бы возвратился через Москву в Монголию. В Урге он останется для систематических работ в исследовании монгольской музыки.

Итак, с археологией мы совершенно покончили. Теперь приступаю к организации двух партий — восточной и западной по направлению в глубь Монголии, в Монгольский Алтай[...]

Искренне преданный Вам.

Ваш *П. Козлов.*

Монголия. Урочище Мишик-гун.
12 сентября 1925 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Пользуясь случаем, спешу послать Вам 6 фотографических снимков с интересной каменной (гранитной) черепахи, с еще более интересными иероглифами по сторонам и орнаментом на панцыре. Кроме того, фотографии с каменных фигур. Черепаху пришлось отрыть, высвободить из земли, так как она покоилась в земле и на свет дневной выходила лишь своей поверхностью.

Место первых работ Тибетской экспедиции находится в долине южной извилины реки Толы — там, где эта река круто склоняется к северо-западу.

Этот заворот реки, оставивший ряд стариц с прудами, с кувшинками на поверхности и высоким камышом по берегам, крайне любопытен и поучителен, в особенности геологам.

Кроме этого района, экспедиция продуктивно поработала в урочище «Бичиктэ-дулан-хада», т. е. «Письмена теплых скал», где мне удалось снять многие письмена, рисунки, кэрэксуры (и круглые, и квадратные); вокруг горы 71 кэрэксур...

А затем, значительно к юго-юго-западу в глухой местности, я нашел с помощью хорошего проводника на скалах письмена — историю народов. Письмена начертаны художественно, умело, на крепкой-крепкой горной породе — породе, которая островом залегает среди сплошного серого гранита. Письмена на такой породе, что им обеспечена целая вечность. Образцы горных пород взяты; порода темная, крепкая, звенит словно металл.

Снимки Бичиктэ (до 12) проявлены, но не напечатаны, снимки с письмен последних не проявлены (проявятся на днях). В октябре-ноябре я пришлю отчет со многими отпечатками.

Теперь же страшно тороплюсь поделиться с Вами этими новостями, так как едет в Ургу из [отдаленных районов] Монголии мой приятель (прежний мой спутник) Цокто Гармаевич Бадмажапов, который и сдаст этот пакет в Урге.

Очень прошу Вас, дорогой Сергей Федорович, сделать распоряжение о высылке в Ургу, в адрес мой, 3—5 экземпляров с отчетом, статьей моей о ноин-ульских памятниках.

Все мои письма и прочую корреспонденцию любезно доставит мне тот же Ц. Г. Бадмажапов.

Примите наш теплый привет и лучшие пожелания

Ваш всегда *П. Козлов.*

Монголия. Урочище Загэстэ-гол.
25 сентября 1925 г.

Дорогой Юлий Михайлович!

Только с места зимовки Тибетской экспедиции я смогу написать Вам более обстоятельно, теперь же, с интересной дороги в глубь Монголии, я имею возможность писать лишь маленькие наброски, с приложением снимков.

Из Урги Тибетская экспедиция проследовала вниз по реке Тола, вплоть до ее южной извилины.

В этом месте она нашла исторические памятники, фотографии с которых я уже выслал на имя С. Ф. Ольденбурга, в Ленинград. Простите великодушно, что я, помимо Вас, не осведомивши Русское географическое обще-

ство, послал в Академию наук; это, с моей стороны, большой грех и даже, скажу более, преступление.

На дальнейшем пути я встретил, по подсказу моего друга Ц. Ж. Жамцарано, гору, сложенную из серого гранита, на скалах которой имеются письмена и изображение животных. Эта гора «Бичиктэ-дулан-хада», или «Письмена теплых скал», снята мною фотографией многократно; снимки с письменами и кэрэксурами (каменные могилы) я прилагаю здесь, в количестве семи...

Еще дальше — в глубь Монголии — я нашел в крайне пересеченной (гранитными выходами) местности, на скалах плотной-плотной породы (остров среди гранита), звенящей как металл, письмена, очень художественно исполненные... рядом с письменами — изображения животных. Фотографии (удачные) при сем прилагаю. Фотографических снимков вообще у меня достаточно. Я рад, что располагаю прекрасным аппаратом и хорошими или довольно хорошими фотографическими принадлежностями.

Весьма интересно знать, что заключают в себе письмена, кажется, на монгольском языке (за исключением трех) на трех языках, с буддийской молитвенной формулой «Ом-ма-ни-па-дмэ-хум!»).

Я очень прошу Вас, дорогой Юлий Михайлович, по получении моего этого письма со всеми фотографиями, за исключением каменной черепахи, и по ознакомлении с содержанием присланного материала, передать его С. Ф. Ольденбургу с моей покорнейшей просьбой обработать таковой в скорейшее время.

Мне и моей экспедиции было бы очень приятно знать, что заключается в художественно начертанных письменах и к какому времени относится их происхождение. С своей стороны Географическое общество, может быть, найдет нужным сообщить мне свои взгляды и пр. Адрес прежний: Монголия. Урга. Начальнику Монголо-Тибетской экспедиции Русск. геогр. об-ва П. К. Козлову. Всю корреспонденцию с таким адресом в Урге сдают моему прежнему спутнику и другу Ц. Г. Бадмажапову. Последний аккуратно, периодически доставляет ее нам.

О своей «восточной» партии, во главе с С. А. Глаголевым, пока не имею основательных данных о ее деятельности, чтобы таковые сообщить Вам.

Моя же или «западная» — работает посильно. Производим съемку, ведем метеорологические наблюдения, собираем коллекции геологическую, ботаническую и зоологическую..., кроме того, работаем с легкой руки Ноинула и в области археологии...

Моим сочленам по родному Географическому обществу прошу передать мой самый теплый привет и лучшие пожелания.

Искренне преданный Вам.

Ваш *П. Козлов.*

P. S. При встрече с моим сыном передайте, пожалуйста, ему несколько слов из этого письма — мне положительно нет времени писать ни родным ни друзьям.

Ю. Хангай, истоки реки Онгиин-гола.
29 ноября 1925 г.

Дорогой Андрей Петрович!

Давно-давно мы не имели от Вас никаких известий: соскучились, желаем все знать о Вас, о Вашем здоровье, о Ваших занятиях, о Вашем художественно-поэтическом творчестве и т. д.... Уже ли Ваша лира смолкла — не допускаем этого!

Скоро праздники... при этой мысли невольно весь переносишься из Монголии в милый край — Петроград, к друзьям, с которыми в уютной обстановке, в тепле, чистоте, в симпатичных кабинетах с культурными изданиями так хочется сидеть и говорить-говорить.

Ранее я мечтал устроить зимовку в долине озера Орок-нора, в виду могучих массивов Монгольского Алтая — Ихэ-богдо и Бага-богдо, чтобы полнее исследовать этот замечательный уголок внутреннего центральноазиатского бассейна.

Но другого рода исторические памятники — письмена и рисунки на скалах — вовлекли меня в Сайн-ноиновский район, в верховья и на исток реки Онгиин-гол, где я встретил, действительно, непочатое поле старины, хранящей историю Монголии...

Периодически я высылаю в фотографических снимках результаты моих исследований в Географическое общество и в Академию Наук. Вот куда следует стремиться историко-археологам, здесь они найдут много непочатого исторического материала. Куда ни заглянешь: и в горы, и в долины, и даже в область верхних поясов хребта, в дикие россыпи, и тут наталкиваешься на любопытные памятники.

Большой новостью, чем-то невероятным прозвучала вначале весть в моей экспедиции о том, что у одного, самого могущественного хана Монголии — Сайн-ноина имеется усыпальница, хранящая 13 могучих управителей номадов... 12 подняты на 9000 футов абсолютной высоты, в верхний пояс Хангая, и упокоены в земле, в могилах со склепами, с различными убранствами сверху, обнесенными оградами. Всего три года тому назад, как были сняты постоянные дежурства военных отрядов, хранивших могилы ханов. 13-й, последний Сайн-ноин-хан, наш современник — лично мой, бывший, большой друг, приехавший (в роли председателя министров монгольских) в Петроград, после смерти (лет шесть тому назад), по его завещанию, оставлен при ставке и монастыре его аймака. Его тело набальзамировано, положено в гроб и покоится на возвышении, под сенью балдахина, заключенного в середину каменного, художественно архитектурного мавзолея. Тринадцать поколений

сайн-ноин-ханов составили великую историю их самого большего аймака (29 хошунов) в Монголии. Их владения — и во внутреннем и во внешнем бассейнах.

Простите, я увлекся Монголией — ее историей!

Живое изучение страны ведется также; благодаря Вашей последней инструкции для ловли насекомых наша энтомологическая коллекция за последнее (минувшее) лето богаче и разнообразнее... Предстоящее лето мы будем собирать естественноисторические коллекции и в монгольском Алтае и в низовье Эцзина.

Пожелайте нам на предстоящий год заключительных удач и счастья. А пока позвольте Вас дружески обнять, поцеловать, крепко пожать Вашу талантливую руку и сказать Вам: примите, дорогой наш друг, на праздники наш далекий, горячий привет и самые лучшие пожелания...

Ваш *П. Козлов.*

Хангай, исток Онгиин-гола. 29 ноября 1925 г.

Дорогой Владимир Леонтьевич!

Жизнь на зимовке, у южного подножья хребта Хангая, пока протекает вполне удовлетворительно. В светлые тихие проблески, несмотря на зимнее время, я стараюсь выполнить все намеченные с осени задания...

С одной стороны, работаем в области изучения и сбора материалов по многочисленным памятникам старины Монголии; с другой, по-прежнему, изучаем соседний Хангай — его естественноисторические богатства не только ближайшего южного склона, но и отдаленного северного, с районом истоков Орхона...

Монгольское население относится к экспедиции великолепно, то и дело попадают навстречу мои старые приятели, которые все стремятся оказать посильное содействие... Один влиятельный монгол (стоит во главе прежнего Сайн-ноиновского управления), некто Чумыт Дорчжи прислал любезное письмо и всеми силами переманивает меня в котловину озер внутреннего бассейна, в частности — в соседство Монгольского Алтая, его долины с севера — с озера Цыган-нор и массивом Бага-богдо... Обещает *хорошо* послужить «русской экспедиции», так как у него многое не выдано американской экспедиции. Вообще я больше и больше убеждаюсь в том, как мало изучена Монголия!..

Все же здесь в Хангае я пробуду тяжелое, нудное время зимы, но в феврале непременно снимусь лагерем и перекочую в соседство озер Цыган-нор и Орок-нор и в соседство высших массивов Монгольского Алтая — Ихэ-богдо и Бага-богдо[...]

Глаголевской партии предписал, по получении от нарочного моего пакета с китайскими паспортами, тотчас двинуться на юг, в низовье Эцзина и там

выполнять мою специальную программу. В начале мая я сам приеду туда и, конечно, поработаю и в моем детище — Хара-хото.

На этот раз ограничиваюсь высылкой только трех фотографий с памятником старины. Зима и ее невзгоды не дают возможности получить должных отпечатков даже с удовлетворительных негативов...

Считаю долгом пояснить третий снимок — каменная баба... Еще в памяти местных стариков сохранилось представление, что это изваяние стояло на кэрэксуре (с восточного его края), открыто на воздухе. Но вот один лама устроил часовню. Таким образом, что внутри ее оказалась каменная баба. Лама эту каменную бабу облачил духовными одеждами и всякого рода регалиями, и народ стал молиться кумиру под названием «цаган ушэхай» — милостивой женщине-старухе [...]

С течением времени часовня обогатилась и могла воздвигнуть целую кумиренку: таким образом, взамен часовни над каменной бабой — цаган-ушэхай — появился храм (но место, на котором каменная баба стояла вначале, так и осталось по-прежнему, бабу лишь подняли из земли выше, наружу). Каменная баба стоит в храме, занимая почетное место (за известную мзду ламы привратники раздели каменую бабу донага и позволили мне снять с нее фотографию. На другой день цаган-ушэхай вновь красовалась в ярких одеждах)...

Очень любопытно, что снаружи кумиренки вы видете, что она поставлена на кэрэксур, его восточную треть, с таким расчетом, чтобы цаган-ушэхай была бы в храме, занимая его почетное место. В недалеком будущем цаган-ушэхай хотят поставить на трон. Излишние камни, венчающие насыпь кэрэксура, убраны и в порядке сложены; они, конечно, мешали возведению фундамента (деревянного) кумиренки.

В заключение позволю себе опять просить Вас передать это маленькое письмо с фотографиями С. Ф. Ольденбургу, вместе с моим праздничным приветом.

Отчет географический пришлю позднее, на него уйдет порядочно времени из декабря месяца.

Давно не получал от Вас вестей, соскучился, прошу меня не забывать — поддерживать мой дух и мои стремления на пути изучения моей любимой Азии.

Вышел ли сборник статей по Монголии, очень жажду его иметь в экспедиции. Прошу дорогого Сергея Федоровича непременно выслать мне несколько экземпляров и оставить также несколько экземпляров, которые я получу лично в Ленинграде.

В лице Вашем крепко обнимаю моих друзей по родному Географическому обществу. Г. Е. Грумм-Гржимайло передайте марку с конверта, он очень интересуется.

Ваш *П. Козлов.*

P. S. Ни на одно из моих путевых писем ни от Вас, ни от С. Ф. Ольденбурга я не имею ответа, а мне очень интересно знать, что в себе хранят письмена, рисунки и т. д., все то, что я уже ранее выслал Вам. *П. К.*

Урочище Холт. 19 апреля 1926 г. (Юго-восточная окраина Хангая).

[Елизавете Владимировне]

С добрым утром! Сегодня воздух окутан пыльной дымкой, но жаворонки в вышине поют на все лады. Рядом с нами в 100 шагах выше моей юрты держится пара красных уток. Они устроились в русле речки на берегу маленького водоема и, вероятно, будут гнездиться...

Мы перенесли лагерь из Уха-обо сюда в Холт (в урочище с остатками третичных млекопитающих.— *Е. К.*) 7 апреля. Только на днях закончили выборку счастливо найденного «гнезда» с костями; больше всего находим зубов, среди них есть и крупные клыки, но есть и кости конечностей. Место нашего лагеря ужасное — такая мертвячина кругом... Видим только одну горку Сончжи, и никаких далей. На днях добыл для орнитологической коллекции пролетных птиц: гуся-гуменника и двух завирушек. Больше от нас ничего не жди. В нашей пустыне ничего нет! Хотя я и посматриваю, и хожу вверх по руслу Холта, но все безрезультатно... По временам показываются заблудившиеся одиночки: гуси, утки, чеканы. Однажды тянули небольшими стайками чибисы и даурские галочки. Погода у нас скверная — ветер, стужа и пыль. Раньше было теплее. Теперь я не вылезаю из валенок и полушубка. Сегодня падал снег, все живое исчезло, даже нет «хачиков» * — они прицепились к сухим стеблям дересу и сидят смирно.

Думаю вскрыть вершину Сончжи; на днях я был на ней. Ну и вид же, я тебе скажу, открывается оттуда! Видно знакомые вершины Хангая, место нашего предыдущего бивака, а на юге виден Гобийский Алтай — все словно на ладони [...]

Урочище Холт. 25 апреля 1926 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Сегодня получил почту — номер «Известий» с моей статьей-фельетоном «Вести из экспедиции П. К. Козлова», но что лучше всего — пришло донесение от С. А. Глаголева из Хара-хото. Высылаю его тебе. Я очень хочу сам побывать еще раз в Хара-хото. Поеду мимо твоей стоянки (на озере

---

* «Хачики» — измененное «хуанчук» — саранча (китайск.). Судя по дате, это личинки некоторых местных саранчовых.

Орок-нор.— *Е. К.*), там подумаем, обсудим... Пока поручу Глаголеву разработать фундамент «знаменитого» субургана [...]

Читал письма и газеты до полуночи, когда случилась снежная буря и занесла наш лагерь кругом. В мою юрту через распахнувшуюся дверь и поднятую часть крыши над очагом ворвался поток снежного ветра и засыпал. Пришлось разбудить Васю (В. А. Гусев — препаратор экспедиции.— *Е. К.*) и укреплять войлоки. 26. IV утром — картина зимы. Снег везде, на ровных местах до $^1/_4$ аршина; кругом нас сугробы [...]

Урочище Холт. 1 мая 1936г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Вечером я сидел у юрты на ящике, покрытом войлоком, и долго любовался на моих соседей, что на ручейке, в расширенной его части. Там держались: пара турпанов и 7 улитов (кажется фи-фи). Турпан самец кормился молодой травкой на берегу, а его самка плавала среди улитов, которые чистились, стоя в воде. Некоторые тыкали в песчаное дно своими клювами, а одна группа из трех особей разместилась вниз по ручью в мелководье: кулики стояли неподвижно, спрятав голову под крыло и поджав одну ножку [...]

Урочище Холт. 4 мая 1926 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Наконец приехали тибетцы! С одним из них я долго беседовал. В заключение вручил ему подарки для далай-ламы: книги и прекрасные хадаки. Не знаю почему, но всякий человек, едущий в Лхасу, делает мне очень больно, даже тем, что он увидит Тибетское нагорье, и медведя-пищухоеда, и диких яков, и гималайских грифов... Наконец, увидит Лхасу, о которой я мечтаю со времени своего первого странствия с незабвенным Пшевой (Николай Михайлович Пржевальский.— *Е. К.*).

[...] В ночь на сегодня я с Васей Гусевым проявлял свои последние 17 снимков. В общем — весьма удовлетворительно. Только почему-то с места в карьер проявление пошло вяло, необычно медленно. Мы закончили все ровно в 5 часов утра, когда, несмотря на крепкий ветер, жаворонки пели вовсю [...]

Озеро Орок-нор. 27 мая 1926 г.

Дорогой Петр Михайлович!

Под монотонный, непрерывный шум Орок-нора, под гул его пенистых волн, пишу Вам это письмо за несколько дней до моего отъезда в Харахото. Забрался и еще глубже забираюсь в такие места, откуда ничего не

знаю о том, что творится на белом свете. Полная неосведомленность дальше того района, в котором приходится работать.

Моя Орок-норская партия порадовала меня своими успехами. Богатый, интересный весенний пролет птиц обогатил коллекции, которые вообще растут с каждым днем. Соседний Монгольский Алтай, его величественные белые вершины, как в зеркале, порою отражаются в Орок-норе, привлекают моих спутников в свое ущелье за горными баранами — янгир-яма, а также и за горными индейками. Охоты чудесны. Однажды новичок увидел «огромную пеструю — красную с черными кольцами и длинным хвостом — кошку», т. е. леопарда, промазал по нем, а потом уже боялся, когда ему объяснили, что такое означает его кошка! «Да, я и то дивился,— замечает мой Ганчжуров,— что после выстрела он — этот зверь — исчез, словно провалился сквозь землю».

Туземцы леопарда очень ценят, так как китайцы за шкуру платят столько янчанов, сколько на шкуре зверя законченных колец.

Наша брезентовая лодка, на которой и я здесь поплавал порядочно, производит на монгол волшебное впечатление: главное, она устойчива на волнах, качается как поплавок и с двумя «пассажирами» продвигается скоро. Таким образом, мы производим исследование глубин, качество дна и т. д. Рыбы — масса, так как ее никто и никогда, кроме орланов и других птиц, не ловит!

Теперь лето: страдная, горячая пора у путешественника: надо собирать растения, птиц, рыб, змей, ящериц, насекомых. Надо за всем следить, все заняты, порою не хватает рук. Моя южная хара-хотская партия в течение всей своей годовой деятельности копит научные сборы, не имея возможности их послать ко мне и далее к Вам. Багаж наш велик, очень тяжелы остатки носорога, жирафы, рогатых животных, кабанов и т. д. Но зато приятно сознанию...

Таким образом, время просто не замечаешь; оно не бежит, а летит! Как месяц настанет, пиши, что его почти не существует, он исчисляется быстро преходящими днями. Этот листок мой Вы получите в июне, когда я буду на развалинах моего детища. В июле мой корабль пустыни я поверну по направлению к родным пределам. Лично я, с женой и одним из моих сотрудников, хочу прибыть в Ургу за неделю раньше каравана экспедиции, чтобы многое, главное, подготовить.

Разрешите остановиться на родном клочке земли, под Вашим полпредским крылом...

Очень прошу Вас, Петр Михайлович,— распорядитесь выслать за мной одну из Ваших лучших надежных машин в Уйцэн-ван[...]

Сочи. 30 августа 1927 г.

Дорогой Сергей Федорович!

Благодаря заботам Н. П. Горбунова, я имел возможность устроиться на отдых-лечение в Сочи. Здесь же я познакомился с председателем СНК Украины Г. И. Петровским, который любезно разрешил мне заехать в Асканию-Нова и подробно ознакомиться с государственным заповедником — его современным состоянием.

Таким образом, завтра я сажусь на пароход и плыву на Севастополь, далее по железной дороге еду до ст. Ново-Алексеевка, откуда степью 75 верст до Аскания-Нова, где и останусь до половины сентября. Надеюсь, что собранный мною материал по освещению заповедника Аскания-Нова будет интересен и для Академии наук и Географического общества, в свое время принимавших близко к сердцу самое бытие Аскании с такими животными формами, как *Equus Przewalskii*. Сочи и Мацеста восстановили мои силы: я бодр и жизнерадостен, мои мечты и грезы, помимо моей воли, уносятся в «заветную даль»! [...]

Сочи. 10 июля, 1927 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Спасибо, что часто и обо всем пишешь; чувствую полную связь с домом, и не так остра удаленность от тебя. Скоро надо засесть за составление проекта (новой экспедиции.— *Е. К.*). Как-то странно писать без тебя: ведь ты знаешь, я люблю диктовать и привык вместе обдумывать всякую новую мысль... Не так ли?..

Вчера, сидя на берегу моря, меня настроили наши «санаторцы», преимущественно украинцы-рабочие, на рассказы о Судзуктэ и Хара-хото. Я был в ударе, увлекся и не заметил, что около меня собрался целый «митинг». Были и посторонние; все просили не откладывать надолго обещанную лекцию о последнем путешествии в Азию. Нашлись люди, которые меня уже слушали по радио или в Политехническом музее в Москве. Есть и желающие идти с нами в Азию.[...]

Сочи. 11 августа 1927 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Проекта экспедиции я все еще не написал, хотя он полностью готов в моей голове, и дня через три я оформлю его на бумаге. Этот доклад надо будет сначала представить в Географическое общество и в Академию наук СССР, и, только получив от этих учреждений отзывы, можно будет отправить его в Совнарком. [...]

Сочи. 15 августа 1927 г.

[Елизавете Владимировне]

[...] Сегодня долго держал в руках стоверстную карту: мой маршрут (будущей экспедиции.— *Е. К.*) и предстоящая работа мне ясны. Чувствую, что все внимание и деятельность экспедиции будут сосредоточены на районе верховьев Ян-цзы-цзяна. Надо устроить заранее (письмом) так, чтобы Донир (представитель Тибета в МНР.— *Е. К.*) и Агван Доржиев предупредили далай-ламу о нашей стоянке летом на Ян-цзы и чтобы Лхаса установила связь с нами. Может быть случится так, что часть экспедиции займется съемкой реки Ян-цзы (начало ей я положил сам), в то время как другая часть будет работать и проживать в столице Тибета. Конечно все эти предположения в «проект» не войдут, но они должны жить среди нас... Когда я мысленно так близко подхожу к Тибету, мне представляется, что он не уйдет от нас! [...]

27 октября 1930 г. д. Стречно

Глубокоуважаемый и дорогой Юлий Михайлович!

Из лесов и долов старорусских, где еще тепло по-летнему, где на солнце летают бабочки и жужжат осенние шмели и мухи, шлю Вам и сочленам Общества мой большой привет и лучшие пожелания; лично же Вам еще и большую благодарность за написанное Вами для меня, по-английски, приветственное письмо в Лондон, в Географическое общество.

Должен сказать, что когда Вы отсутствовали из Ленинграда, в сентябре, я послал в Лондон телеграмму, на английском языке. На днях жена прислала мне ответ, полученный от англичан: 15.IX. «Милостивый государь! по поручению президента Географического общества, я приношу Вам благодарность Географического общества за Вашу любезную (точнее — «добрую») телеграмму от 12.IX, в которой Вы прислали Ваши пожелания в день столетия Общества, как его почетный член-корреспондент.

Общество весьма сожалеет, что не все его медалисты смогут присутствовать на его торжестве.

Примите и пр.

Секретарь Артур Хинкс».

Моя жизнь и деятельность в лесах и полях Залучья [1] протекает удовлетворительно. Понемногу я пишу, понемногу охочусь. Мои сотрудники охотники-препараторы совершенствуются. Моя задача — подготовить их к участию в отдаленные экспедиции. Двое уже намечены к таковым поездкам.

---

[1] Родина Гавриила Иванова, участника пяти экспедиций в Центральную Азию и Тибет.

Остальные четыре-пять будут намечены. Все это молодежь крепкая, нравственная. Каждый из них детски радуется, пополняя наши еще скромные сборы в отделе млекопитающих и птиц [1]. Так как у меня нет средств для оплаты их труда, то всякого рода одежда и обувь, получаемые мною по бумагам Географического общества, поступает им вознаграждением и служит поощрением к успехам...

Моя организация и я сам усердно просим Вас, как представителя Общества, подарить и выслать нам труды Общества по экспедициям, близким нашему сердцу, о которых мои деревенские ученики слышат из моих уст и, конечно, желают видеть, и книги о тех путешествиях, в которых я — их руководитель — принимал участие. Дар Общества пополнил бы значительно наше здешнее собрание книг.

После ранних холодов и обильных снежных осадков, со второй половины октября установилась приятная, мягкая, сухая погода и температура значительно поднялась; даже ночной минимум держится выше нуля, и еще вчера я наблюдал на лужайке бабочку.

На этом я и оканчиваю мое письмо! Буду искренне рад получить от Вас хотя бы коротенькую весточку. Всего хорошего.

Искренне преданный Вам.

Ваш *П. Козлов.*

P. S. Наш сочлен В. Л. Попов спрашивает меня: известно ли председателю Русского географического общества, что Москва намерена из заслуженных бывших отделов Р. Г. О. Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского образовать бюро краеведения? Допустим ли Западно- и Восточно-Сибирские отделы обратить в узкие бюро краеведения? Считаю нужным довести до Вашего сведения.

1933 г. (октябрь)

Дорогой Юлий Михайлович!

В лице Вашем и дорогих Николая Ивановича Вавилова и Якова Самойловича Эдельштейна * приношу Гос. географическому обществу мои искренние чувства глубокой благодарности и признательности за приветствие и пожелания по случаю моего незаметно подошедшего семидесятилетия.

Правда, я все еще бодр духом и чувствую в себе некоторые силы, тем тяжелее и больнее сидеть отшельником в новгородских лесах и понемногу вести пассивную деятельность — описание путешествия.

---

[1] Среди птиц попался интересный экземпляр тетерки, похожей больше не на тетерку, а на глухарку — тетерка-глухарка.

* Н. И. Вавилов — крупнейший советский ботаник, академик, президент Географического общества. Я. С. Эдельштейн — известный советский геолог и геоморфолог, профессор, в эти годы — ученый секретарь Общества.

Но моя послушная мечта в длительные зимние вечера и ночи часто уносит меня в далекий, высокий Тибет, где только и остались непосещенные уголки, завещанные незабвенным учителем Н. М. Пржевальским.

Порою, словно лермонтовский «Демон», я ношусь над хребтами Тибета и подолгу останавливаюсь в созерцании глубоких, богатых ущелий верхнего Меконга, их диких неприступных скал, омываемых гремучими речками и водопадами, красиво сверкающими радугами.

То улетаю в Центральный Тибет со сказочным замком-дворцом Потала, с алмазным престолом далай-ламы. Вижу по плоской кровле 13-этажного священного замка прогуливающегося тибетского владыку и любующегося символическим поцелуем солнца с ледяными вершинами, в то же время придворный оркестр несет тибетскую симфонию вверх к голубым небесам, или вниз — к коленопреклоненным обитателям Лхасы...

Торжественное величие природы и музыкальные волны оркестра в сильной степени волнуют душевный мир буддийских жрецов и приближают их к познанию и восприятию нирваны.

Правда, дорогой Юлий Михайлович, как я был бы счастлив сидеть теперь на протяжении нескольких лет в стране лам и монастырей, с одной стороны, и дивной величественной природы Тибета, с другой. Много, много нового можно было там добыть и для музеев и для самого Географического общества.

Разбудили Вы мою дремавшую душу!

До свидания — в декабре увидимся.

Крепко жму Вашу могучую руку.

Искренне преданный и всею душою любящий Вас.

Ваш *П. Козлов.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЛЕКОПИТАЮЩИЕ

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Alces alces	*Alces alces*	Лось
Allactaga mongolica	*Allactaga saltator*	Тушканчик-прыгун
Antilope saiga	*Saiga tatarica*	Сайга
Apodemus maior	*Apodemus speciosus*	Лесная мышь
Arctomys dichrous	*Marmota caudata*	Длиннохвостый сурок
Arctomus sp.	*Marmota*	род — сурки
A. robustus	*Marmota baibacina*	Серый сурок
Arvicola sp.	*Arvicola*	Водяная полевка
Asinus kiang	*Equus hemionus*	Кианг
Bos grunniens	*Bos grunniens*	Як
Camelus bactrianus ferus	*Camelus bactrianus ferus*	Двугорбый верблюд
Canis ekloni	*Vulpes corsak*	Корсак
C. lupus	*Canis lupus*	Волк
C. melanotus	*Vulpes vulpes karagan*	Лисица-караганка
C. vulpes	*Vulpes vulpes*	Обыкновенная лисица
Capra sibirica	*Capra sibirica*	Сибирский козел
Capreolus pygargus	*Capreolus pygargus*	Сибирская косуля
Cervus albirostris	*Cervus albirostris*	Беломордый олень
C. asiaticus	*C. elaphus sibiricus*	Марал
C. maral	*C. elaphus sibiricus*	Марал
Citellus eversmanni	*Citellus undulatus*	Длиннохвостый суслик
Cricetulus furunculus	*Cricetulus barabensis*	Хомячок даурский
Cricetus arenarius	*Cricetulus migratorius*	Серый хомячок
Crociadura sp.	*Crocidura* sp.	Землеройка-белозубка
Cuon alpinus	*Cuon alpinus*	Красный волк
Dipus sp.	*Dipus sp.*	род — мохноногие тушканчики

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Equus kiang	*Equus kiang*	Кианг
E. Przewalskii	*E. przewalskii*	Лошадь Пржевальского
Eremiomys Przewalskii	*Lagurus luteus przewalskii*	Желтая пеструшка
Erinaceus dauricus	*Erinaceus dauricus*	Еж даурский
Eutamias asiatisus	*Eutamias sibiricus*	Бурундук
Felis lynx	*Felis lynx*	Рысь
F. fontanieri	*F. pardus*	Леопард
F. manul	*F. manul*	Манул
F. tigris	*F. tigris*	Тигр
Gazella gutturosa	*Gazella gutturosa*	Дзерен
G. picticaudata	*G. picticaudata*	Газель-ада
G. Przewalskii	*G. przewalskii*	Газель Пржевальского
G. subgutturosa	*G. subgutturosa*	Джейран
Gerbillus meridianus	*Meriones meridianus*	Полуденная песчанка
Gulo gulo	*Gulo gulo*	Россомаха
Irbis sp.	*Felis uncia*	Снежный барс, ирбис
Lagomys erythrotis	*Ochotona erythrotis*	Китайская красная пищуха
Lagomys ladacensis	*Ochotona ladacensis*	Ладакская пищуха
L. melanostomus	*Ochotona melanostomus*	Черногубая пищуха
L. Roylei	*Ochotona roylei*	Большеухая пищуха
L. rutilus	*Ochotona rutila*	Красная пищуха
Lepus yarkandensis	*Lepus yarkandensis*	Яркендский заяц
L. oiostolus	*L. oiostolus*	Тибетский заяц
L. tolai	*L. tolai*	Толай
L. timidus	*L. timidus*	Заяц-беляк
Lutra vulgaris	*Lutra vulgaris*	Выдра
Macacus vestitus	*Macaca mullata*	Макака-резус
Marmota bobac	*Marmota baibacina*	Серый сурок
Meles sp.	*Meles meles*	Барсук
Meriones tamaricinus	*Meriones tamaricinus*	Тамарисковая песчанка
Micromys minutus	*Micromys minutus*	Мышь-малютка
Microtus sp.	*Microtus* sp.	Полевка
Microtus oeconomus	*Microtus oeconomus*	Полевка-экономка
Moschus moschiferus	*Moschus moschiferus*	Кабарга
Mustella zibellina	*Martes zibellina*	Соболь
Mus Wagneri	*Mus musculus*	Домовая мышь
Myotis sp.	*Myotis*	Ночница

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Nemorhaedus sp.	*Nemorhaedus* sp.	Горал
Ochotona aff. *alpina*	*Ochotona hyperborea*	Северная пищуха
O. daurica	*O. daurica*	Даурская пищуха
Ovis Hodgsoni	*Ovis ammon hodgsoni*	Аргали
O. nahoor	*Pseudois nahoor*	Нахур
O. Polii	*Ovis ammon polii*	Архар
Putorius astutus	*Mustela altaica*	Солонгой
P. erminea	*Mustela erminea*	Горностай
P. Eversmanni	*Mustela eversmanni*	Светлый хорь
P. sibiricus	*Mustela sibirica*	Колонок
P. stoliczkanus	*Mustela nivalis*	Ласка
Rhombomys giganteus	*Rhombomys opimus*	Большая песчанка
Salpingotus Kozlovi	*Salpingotus Kozlovi*	Карликовый тушканчик
Sciuropterus russicus	*Pteromys volans*	Белка летяга
Sciurus vulgaris	*Sciurus vulgaris*	Обыкновенная белка
Sorex sp.	*Sorex*	Землеройка-бурозубка
Spermophilus Eversmanni	*Citellus undulatus*	Длиннохвостый суслик
Stenocranius kossogolicus	*Microtus gregalis*	Узкочерепная полевка
Sus scrofa	*Sus scrofa*	Кабан
Ursus arctos	*Ursus arctos*	Медведь
Ursus lagomyiarius	*Ursus arctos lagomyiarius* или *U. a. pruinosus*	Медведь-пищухоед
U. isabellinus *U. leuconyx*	*Ursus arctos isabellinus* или *U. a. leyconyx*	Белокоготный медведь
Vormela peregusna	*Vormela peregusna*	Перевязка
Vulpes sp.	*Vulpes* sp.	Лисица

ПТИЦЫ

Accentor collaris *A. erythropygius*	*Prunella collaris erythropygia*	Альпийская завирушка
A. fulvescens	*P. fulvescens*	Бледная завирушка
A. nipalensis	*P. collaris*	Альпийская завирушка
Accipiter nisus	*Accipiter nisus*	Перепелятник
Acrocephalus agricola	*Acrocephalus agricola*	Индийская камышевка
A. orientalis	*A. arundinaceus*	Дроздовидная камышевка
Actitis hypoleucos	*Actitis hypoleucos*	Перевозчик

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Aegialites cantianus	*Charadrius alexandrinus*	Морской зуек
A. curonicus	*Ch. dubius curonicus*	Малый зуек
Aegithalus Stoliczkae	*Remiz pendulinus stoliczkae*	Ремез
Aesalon regulus	*Aesalon columbarius regulus*	Дербник
Alaudula arvensis	*Alauda arvensis*	Полевой жаворонок
A. cheeleënsis	*Calandrella rufescens*	Серый жаворонок
A.pispoletta Seebohmi	*C. rufescens seebohmi*	Серый жаворонок
A. Seebohmi	*C. rufescens*	Серый жаворонок
Alcedo ispida	*Alcedo atthis*	Голубой зимородок
Ampelis garrula	*Bombycilla garrulus*	Свиристель
Anas boshas	*Anas plathyrhyncha*	Кряква
Anorthura pallida	*Troglodytes troglodytes*	Крапивник
Anser cinereus	*Anser anser*	Серый гусь
A. indicus	*Eulabeia indica*	Горный гусь
Anthus aquaticus	*Anthus spinoletta*	Горный конек
A. maculatus	*A. hodgsoni*	Зеленый конек
A. rosaceus	*A. roseatus*	нет
A. spinoletta	*A. spinoletta*	Горный конек
Aquila bifasciata	*Aquila hipadensis*	Степной орел
A. clanga	*A. clanga*	Большой подорлик
A. daphanea	*A. chrysaëtus*	Беркут
A. nipalensis	*A. nipalensis*	Степной орел
A. nobilis	*A. chrysaëtus*	Беркут
Archibuteo strophiatus	*Buteo hemilasius*	Мохноногий курганник
Ardea alba	*Egretta alba*	Белая цапля
A. cinerea	*Ardea cinerea*	Серая цапля
Astur nisus	*Astur nisus*	Перепелятник
A. palumbarius	*A. gentilis*	Тетеревятник
Athene plumipes	*Athene noctua*	Домовый сыч
A. noctua	*A. noctua*	Домовый сыч
Biblis rupestris	*Hirundo rupestris*	Горная ласточка
B. riparia	*Riparia riparia*	Береговая ласточка
Botaurus stellaris	*Botaurus stellaris*	Выпь
Bubo maximus	*Bubo bubo*	Филин
B. turcomanus	*B. bubo turcomanus*	Среднеазиатский филин
Bucephala clangula	*Bucephala clangula*	Гоголь
Budytes borealis	*Motacilla flava*	Желтая трясогузка

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
B. citreola	*M. citreola*	Желтоголовая трясогузка
B. melanope	*M. cinerea*	Горная трясогузка
Buteo ferox	*Buteo rufinus*	Канюк-курганник
B. hemiptilopus	*B. hemilasius*	Мохноногий курганник
B. leucocephalus	*B. hemilasius*	Мохноногий курганник
B. leucurus	*B. rufinus*	Канюк-курганник
Caccabis chukar	*Alectoris kakelik*	Кеклик
Caloeus monedula	*Corvus monedula*	Обыкновенная галка
Calandrella brachydactyla	*Calandrella cinerea*	Малый жаворонок
C. minor	*C. rufescens*	Серый жаворонок
C. tibetana	*C. acutirostris*	Тонкоклювый, или коротко-палый, жаворонок
Calcarius lapponicus	*Calcarius lapponicus*	Подорожник
Calliope pectoralis	*Calliope pectoralis*	Черногрудая красношейка
Caprimulgus europaeus	*Caprimulgus europaeus*	Обыкновенный козодой
Carduelis caniceps	*Carduelis caniceps*	Седоголовый щегол
Carpodacus dubius	*Carpodacus thura dubius*	Гималайская чечевица
C. erythrinus	*C. erythrinus*	Обыкновенная чечевица
C. pulcherrimus	*C. pulcherrimus*	Прекрасная чечевица
Carpodacus rhodochlamys	*Carpodacus rhodochlamys*	Розовая чечевица
C. Severtzowi	*Rubicilla severtzovi*	Большая чечевица
Casarca rutila	*Casarca ferruginea*	Красная утка
Certhia familiaris	*Certhia familiaris*	Обыкновенная пищуха
Charadrius sp.	*Charadrius*	Зуек
Ch. cantianus	*Ch. alexandrinus*	Морской зуек
Ch. fulvus	*Pluvialis dominicus fulvus*	Сибирская бурокрылая ржанка
Ch. helveticus	*Squatarola squatarola*	Тулес
Ch. mongolicus	*Charadrius mongolus*	Короткоклювый зуек
Ch. pluvialis	*Pluvialis dominicus fulvus*	Бурокрылая ржанка
Chaulelasmus streperus	*Anas strepera*	Серая утка
Chelidon urbica	*Delichon urbica*	Городская ласточка
Ch. lagopoda	*Delichon urbica*	Городская ласточка
Ciconia nigra	*Ciconia nigra*	Черный аист
Cinclus cashmeriensis	*Cinclus cinclus*	Белобрюхая оляпка
C. leucogaster	*C. cinclus leucogaster*	Белобрюхая оляпка
C. sordidus	*C. cinclus*	Белобрюхая оляпка
Circus aeruginosus	*Circus aeruginosus*	Камышевый лунь

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
C. cyaneus	*C. cyaneus*	Полевой лунь
C. rufus	*C. aeruginosus*	Камышевый лунь
C. spilonotus	*C. aeruginosus spilonotus*	Восточный камышевый лунь
Coloeus dauricus	*Corvus dauricus*	Даурская галка
C. monedula	*C. monedula*	Обыкновенная галка
Columba leuconota	*Columba leuconota*	Белогрудый, или снежный голубь
C. oenas	*C. oenas*	Клинтух
C. rupestris	*C. rupestris*	Скалистый голубь
Coracias garrula	*Coracias garrulus*	Сизоворонка
Corydalla Richardi	*Anthus novaeseelandiae*	Степной конек
Corvus corax	*Corvus corax*	Ворон
C. cornix	*C. corone sharpii*	Восточная серая ворона
C. corone	*C. corone orientalis*	Восточная черная ворона
C. frugilegus	*C. frugilegus*	Грач
Corydalla Richardii	*Anthus novaezeelandiae*	Степной конек
Cotile riparia	*Riparia riparia*	Береговая ласточка
C. rupestris	*Hirundo rupestris*	Горная ласточка
Coturnix communis	*Coturnix coturnix*	Перепел
Crossoptilon auritum	*Crossoptilon auritum*	Ушастый фазан
C. tibetanum	*C. crossoptilon*	Ушастый фазан
Cryptoglaux tengmalmi	*Aegolius funereus*	Мохноногий сыч
Cuculus canorus	*Cuculus canorus*	Обыкновенная кукушка
Cyanecula coerulecula	*Luscinia svecica*	Варакушка
C. suecica	*L. svecica*	Варакушка
Cyanistes cyanus	*Parus cyanus*	Князек, или голубая синица
C. cyanus var. *tianschanicus*	*Parus cyanus tianschanicus*	Голубая синица, князек
Cygnus sp.	*Cygnus*	Лебедь
Cygnus musicus	*Cygnus cygnus*	Лебедь-кликун
Cynchramus pyrrhuloides	*Emberiza schoeniclus pyrrhuloides*	Толстоклювая камышовая овсянка
C. schoeniclus	*E. schoeniclus*	Камышовая овсянка
Cypselus apus	*Apus apus*	Черный стриж
C. pacificus	*A. pacificus*	Белоспинный стриж
Dafila acuta	*Anas acuta*	Шилохвость
Dendrocopus leucopterus	*Dryobates leucopterus*	Белокрылый дятел
Dumeticola	*Tribura*	Пестрогрудая камышовка

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Emberiza aureola	*E. aureola*	Дубровник
E. cioides	*E. cioides*	Длиннохвостая овсянка
E. Godlewskii	*E. cia godlewskii*	Горная овсянка Годлевского
E. schoeniclus	*E. schoeniclus*	Стренатка болотная
Eremophila brandti	*Eremophila alpestris*	Рогатый жаворонок
Falco sp.	*Falco*	Сокол
F. babiconicus	*F. peregrinus*	Сапсан
F. Hendersoni	*F. cherrug*	Балобан
Fringilla montifringilla	*Fringilla montifringilla*	Юрок
Fulica atra	*Fulica atra*	Лысуха
Fuligula clangula	*Bucephala clangula*	Гоголь
F. ferina	*Nyroca ferina*	Красноголовый нырок
F. ferruginea	*N. nyroca*	Белоглазый нырок
F. rufina	*Netta rufina*	Красноносый нырок
Galerida magna *G. cristata magna*	*Galerida cristata magna*	Большой хохлатый жаворонок
Gallinago gallinago	*Gallinago gallinago*	Обыкновенный бекас
G. gallinula	*Lymnocryptes minima*	Гаршнеп
G. solitaria	*Gallinago solitaria*	Бекас-отшельник
G. megala	*G. megala*	Лесной дупель
G. stenura	*G. stenura*	Азиатский бекас
Gallinula chloropus	*Gallinula chloropus*	Камышница
Gennaia Hendersoni	*Falco cherrug*	Балобан
Grus cinerea	*Grus grus*	Серый журавль
G. nigricollis	*G. nigricollis*	Черношейный журавль
Grus virgo	*Anthropoides virgo*	Журавль красавка
Gypaëtus barbatus	*Cypaëtus barbatus*	Ягнятник
Gyps himalayensis	*Gyps himalayensis*	Снежный гриф
Haliaëtus albicilla	*Haliaëtus albicilla*	Орлан-белохвост
Hatioëtus leucoryphus	*Haliaëtus leucoryphus*	Орлан-долгохвост
Herodias alba	*Egretta alba*	Белая цапля
Himantopus candidus	*Himantopus himantopus*	Ходулочник
H. himantopus	*H. himantopus*	Ходулочник
Hierofalco saker Hendersoni	*Falco cherrug*	Балобан
Hirundo rustica	*Hirundo rustica*	Деревенская ласточка
Hydrochelidon nigra	*Chlidonias nigra*	Черная крачка
Hypotriorchis subbuteo	*Hypotriorchis subbuteo*	Чеглок

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Ibidorhyncha Struthersii	*Ibidorhyncha struthersii*	Серпоклюв
Ithaginis geoffroyi	*Ithaginis cruentus geoffroyi*	Зеленый всэре
Lagopus mutus	*Lagopus mutus*	Тундряная куропатка
Lanius borealis	*Lanius excubitor*	Большой сорокопут
L. giganteus	*L. sphenocercus giganteus*	Большой сорокопут Пржевальского
L. Homeyeri	*L. excubitor homeyeri*	Большой сорокопут
L. isabellinus	*L. collurio*	Сорокопут-жулан
L. mollis	*L. excubitor mollis*	Большой сорокопут
Lanius Karelini	*Lanius collurio*	Сорокопут-жулан
L. leucopterus	*L. excubitor*	Большой сорокопут
L. sphenocercus	*L. sphenocercus*	Большой китайский сорокопут
Larus ichthyaëtus	*Larus ichthyaëtus*	Черноголовый хохотун
L. ridibundus	*L. ridibundus*	Обыкновенная чайка
Leptopoecile elegans	*Leptopoecile elegans*	Изящная синичка
L. Sophiae	*L. sophiae*	Расписная синичка
Leucosticte haematopygia	*Leucosticte brandti*	Горный вьюрок Брандта
Limosa melanura	*Limosa limosa*	Большой веретенник
Linota brevirostris	*Acanthis flavirostris*	Горная чечетка
Locustella certhiola	*Locustella certhiola*	Певчий сверчок
L. locustella	*L. naevia*	Обыкновенный сверчок
Mareca penelope	*Anas penelope*	Свиязь
Megaloperdix altaicus	*Tetraogallus altaicus*	Алтайский улар
M. himalayensis	*T. himalayensis*	Темнобрюхий улар
M. himalayensis Koslowi	*T. himalayensis Koslowi*	Гемнобрюхий улар Козлова
M. tibetanus	*T. tibetanus*	Гибетский улар
Melanocorypha maxima	*Melanocorypha maxima*	Большой степной жаворонок
M. mongolica	*M. mongolica*	Монгольский жаворонок
Mergus merganser	*Mergus merganser*	Большой крохаль
M. serrator	*M. serrator*	Длинноносый крохаль
Merops apiaster	*Merops apiaster*	Щурка золотистая
Merula atrigularis	*Turdus ruficollis atrogularis*	Чернозобый дрозд
M. Kessleri	*T. kessleri*	Дрозд Кесслера
M. maxima	*T. merula*	Черный дрозд
M. ruficollis	*T. ruficollis ruficollis*	Рыжезобый дрозд
Milvus melanotis	*Milvus korschun*	Черный коршун

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Monticola saxatilis	*Monticola saxatilis*	Каменный дрозд
Montifringilla alpicola	*Montifringilla nivalis alpicola*	Снежный воробей
M. brandti	*Leucosticte brandti*	Горный вьюрок Брандта
M. nivalis	*Montifringilla nivalis*	Снежный воробей
Motacilla alba	*Motacilla alba*	Белая трясогузка
M. baicalensis	*M. alba baicalensis*	Байкальская белая трясогузка
M. citreola	*M. citreola*	Желтоголовая трясогузка
M. leucopsis	*M. alba leucopsis*	Восточноазиатская белая трясогузка
M. melanope	*M. citreola*	Горная трясогузка
M. personata	*M. alba personata*	Маскированная трясогузка
Nisaetus minutus	*Hierraaëtus pennatus*	Орел-карлик
Nucifraga caryocatactes	*Nucifraga caryocatactes*	Кедровка
Numenius arquatus	*Numenius arquata*	Большой кроншнеп
Nyroca ferruginea	*Nyroca nyroca*	Белоглазый нырок
Onychospiza Taczanowskii	*Montifringilla taczanowskii*	Земляной воробей Тачановского
Oriolus kundoo	*Oriolus oriolus Kundoo*	Индийская иволга
Otus sp.	*Asio*	Сова
Otis tarda	*Otis tarda*	Дрофа
O. dybowskii	*O. tarda dybowskii*	Дрофа Дыбовского
O. tetrax	*Tetrax tetrax*	Стрепет
Otocorys albigula	*Eremophila alpestris*	Рогатый жаворонок
O. Elwesi	*E. alpestris elwesi*	Тибетский рогатый жаворонок
O. penicillata	*E. alpestris*	Рогатый жаворонок
Otomela isabellina	*Lanius callurio*	Сорокопут-жулан
Pardion Haliaëtus	*Pandion haliaëtus*	Скопа
Panurus barbatus	*Panurus biarmicus*	Усатая синица
P. barbatus var. *sibirica*	*P. biarmicus russicus*	Усатая синица
P. sibiricus	*P. biarmicus*	Усатая синица
Parus ater	*Parus ater*	Синица-московка
Passer montanus	*Passer montanus*	Полевой воробей
P. Stoliczkae	*P. ammodendri stoliczkae*	Саксаульный воробей
Pastor roseus	*Pastor roseus*	Розовый скворец
Perdix cinerea robusta	*Perdix perdix*	Серая куропатка

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
P. dahurica	*P. daurica*	Бородатая куропатка
P. sifanica	*P. hodgsonia sifanica*	Сифаньская куропатка
Periparus rufipectus	*Parus ater rufipectus*	Рыжебрюхая московка
Petronia petronia	*Petronia petronia*	Каменный воробей
Phalacrocorax carbo	*Phalacrocorax carbo*	Баклан
Phalaropus hyperboreus	*Phalaropus lobatus*	Плавунчик круглоносый
Phasianus mongolicus	*Phasianus colchicus mongolicus*	Монгольский фазан
Ph. tarimensis	*Ph. colchicus tarimensis*	Таримский фазан
Ph. satscheuensis	*Ph. colchicus satscheuensis*	Сачжоуский фазан
Ph. Vlangalii	*Ph. colchicus vlangalii*	Фазан Влангали
Phoenicurus aurorea	*Phoenicurus aurorea*	Сибирская горихвостка
Ph. tristis	*Phylloscopus collybita tristis*	Пеночка-теньковка
Ph. viridanus	*Phylloscopus trochiloides viridanus*	Зеленая пеночка
Pica pica	*Pica pica*	Сорока
Pica pica leucoptera / *P. leucoptera*	*Pica pica leucoptera*	Восточносибирская сорока
Platalea leucorodia	*Platalea leucorodia*	Колпица
Podiceps cristatus	*Podiceps cristatus*	Большая поганка, чомга
Podoces Biddulphi	*Podoces biddulphi*	Саксаульная сойка Биддульфа
P. Hendersoni	*P. hendersoni*	Саксаульная сойка Гендерсона
P. humilis	*Pseudopodoces humilis*	Ложносойка
Poecile affinis	*Parus mantanus affinis*	Пухляк
P. superciliosa	*P. superciliosus*	Белобровая синица
Porzana pusilla	*Porzana pusilla*	Курочка-крошка
Pratincola maura	*Saxicola torquata maura*	Черноголовый чекан
P. maura var. *Przewalskii*	*S. torquata przewalskii*	Черноголовый чекан Пржевальского
P. torquata	*S. torquata*	Черноголовый чекан
P. rubeculoides	*P. rubeculoides*	Рыжезобая завирушка
P. Kozlovi	*P. kozlovi*	Завирушка Козлова
Pychnorhamphus carneipes	*Mycerobas carnipes*	Арчевый дубонос
Pyrgilauda ruficollis	*Montifringilla ruficollis*	Красношейный земляной воробей
Pyrrhocorax alpinus	*Pyrrhocorax graculus*	Альпийская галка
P. graculus	*P. pyrrhocorax*	Красноклювая клушица

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Pyrrhula cassini	*Pyrrhula cineracea*	Снегирь
P. pyrrhula	*P. pyrrhula*	Снегирь
Pyrrhulorhyncha pyrrhuloides	*Emberiza schoeniclus pyrrhuloides*	Стренатка болотная
Querquedula circia	*Querquedula querquedula*	Чирок-трескунок
Q. crecca	*Q. crecca*	Чирок-свистунок
Rallus aquaticus	*Rallus aquaticus*	Водяной пастушок
Recurvirostra avocetta	*Recurvirostra avocetta*	Шилоклювка
Regulus sp.	*Regulus*	Королек
R. cristatus *R. regulus*	*R. regulus*	Королек
Remisa stoliczkae	*Remis stoliczkae*	Ремез
Rhodospiza obsoleta	*Rhodospiza obsoleta*	Пустынный вьюрок
Rhopophilus albosuperciliaris	*Rhopophilus pekinensis albosuperciliaris*	Белобровая китайская кустарница
Ruticilla sp.	*Phoenicurus*	Горихвостка
R. alaschanica	*Ph. alashanicus*	Алашаньская горихвостка
Ruticilla erythrogastra	*Phoenicurus erythrogaster*	Большая горихвостка
R. Hodgsoni	*Ph. hodgsoni*	Горихвостка Годзона
R. rufiventris	*Ph. ochruros rufiventris*	Горихвостка-чернушка
R. schisticeps	*Ph. schisticeps*	Белогорлая горихвостка
Saxicola deserti	*Oenanthe deserti*	Пустынная каменка
S. isabellina	*O. isabellina*	Каменка-плясунья
S. oenanthe	*O. oenanthe*	Обыкновенная каменка
S. pleschanka	*O. pleschanka*	Плешанка
S. vittata	*O. pleschanka*	Плешанка
Scolopax rusticola	*Scolopax rusticola*	Вальдшнеп
Serinus pusillus	*Serinus pusillus*	Королевский вьюрок
Sitta europea amurensis	*Sitta europaea*	Поползень
Spatula clypeata	*Anas clypeata*	Широконоска
Sterna hirundo	*Sterna hirundo*	Обыкновенная крачка
St. hirundo tibetana	*St. hirundo tibetana*	Обыкновенная тибетская крачка
St. tibetana	*St. hirundo tibetana*	Обыкновенная тибетская крачка
Strepsilas interpres	*Arenaria interpres*	Обыкновенная камнешарка
Streptopelia risoria stoliczkae	*Streptopelia decaocto stoliczkae*	Кольчатая горлица
Strix uralensis	*Strix uralensis*	Уральская неясыть

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Sturnus Menzbieri	*Sturnus vulgaris poltaratskyi*	Обыкновенный скворец
St. porphyronotus	*St. vulgaris porphyronotus*	Обыкновенный скворец
St. vulgaris	*St. vulgaris*	Обыкновенный скворец
Sylvia curruca	*Sylvia curruca*	Славка-завирушка
Sylvia curruca affinis	*Sylvia curruca minula*	Кашгарская славка-завирушка
S. nana	*S. nana*	Пустынная славка
Syrrhaptes paradoxus	*Syrrhaptes paradoxus*	Саджа
S. tibetanus	*Tchangtangia tibetana*	Тибетская саджа
Tadorna cornuta	*Tadorna tadorna*	Пеганка
T. tadorna	*T. tadorna*	Пеганка
Terekia cinerea	*Xenus cinereus*	Мородунка
Tetrao urogalloides	*Tetrao parvirostris macrurus*	Каменный глухарь
Tetraogallus altaicus	*Tetraogallus altaicus*	Алтайский улар
T. (Megaloperdix) himalayensis Kozlowi	*T. himalayensis Kozlowi*	Темнобрюхий улар Козлова
Tetraophasis szechenyi	*Tetraophasis szechenyii*	Сычуанский лофофор
Tichodroma muraria	*Tichodroma muraria*	Стенолаз
Tinnunculus alaudarius	*Cerchneis tinnunculus*	Пустельга
Totanus calidris	*Tringa totanus*	Травник, или красноножка
T. glareola	*T. glareola*	Фифи
T. glottis	*T. nebularia*	Большой улит
T. ochropus	*T. ochropus*	Черныш
Tringa alpina	*Calidris alpina*	Чернозобик
T. Temminckii	*C. temminckii*	Белохвостый песочник
T. subarquata	*G. ferruginea*	Краснозобик
Turdus ruficollis	*Turdus ruficollis ruficollis*	Краснозобый дрозд
T. viscivorus Hodgsoni	*T. viscivorus*	Деряба
Turtur turtur	*Streptopelia turtur*	Обыкновенная горлица
Upupa epops	*Upupa epops*	Удод
Uragus sibiricus	*Uragus sibiricus*	Длиннохвостый снегирь
Vanellus cristatus	*Vanellus vanellus*	Чибис
V. vulgaris *V. vanellus*	*V. vanellus*	Чибис
Vultur monachus	*Aegypius monachus*	Бурый гриф

Продолжение

ЗЕМНОВОДНЫЕ И ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Bufo Raddei	*Bufo raddei*	Жаба
Eremias multiocellata	*Eremias multiocellata*	Глазчатая ящурка
E. multiocellata var. *Koslowi*	*E. multiocellata koslowi*	Глазчатая ящурка
E. vermiculata	*E. vermiculata*	Ящурка
Phrynocephalus affinis	*Phrynocephalus affinis*	Круглоголовка
Ph. Theobaldi	*Ph. theobaldi*	Круглоголовка
Ph. Vlangalii	*Ph. vlangalii*	Круглоголовка
Ancistrodon halys	*Ancistrodon halys*	Щитомордник
Coluber schrencki	*Elaphe schrenski*	Полоз
Eryx. sp.	*Eryx*	Удавчик
Taphrometopon lineolatum	*Psammophis lineolatus*	Стрела-змея
Trigonocephalus intermedius	*Ancistrodon intermedius*	Щитомордник
Zamenis spinalis	*Coluber spinalis*	Тонкий полоз

НАСЕКОМЫЕ (МУХИ И БАБОЧКИ)

Латинское название в работах П. К.Козлова	Современное латинское название
Anastoechus	*Anastoechus*
Cynomyiomima sp.	*Cynomyiomima* (Calliphoridae)
Exoprosopa sp.	*Exoprosopa*
Gastrophilus sp.	*Gastrophilus* (Gastrophilidae)
G. nigricornis	*G. nigricornis*
Nemestrina	*Nemestrinus* (Nemestrinidae)
Oestromyia sp.	*Oestromyia* (Hypodermatidae)
Pterodontia	*Pterodontia* (Cyrtidae)
Systoechus sp.	*Systoechus* sp.
Agrotis Ripae	*Agrotis ripae*
Alaucera Pumilus	*Satyrus pumilus*
Aporia Peloria	*Aporia Peloria*
Argynnis Aglaja var. *Vitatha*	*Argynnis aglaja* var. *vitatha*
A. Clara	*A. clara*
Cabera Exanthemata	*Deilinia exanthemata*

Продолжение

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название
Coenonympha Amaryllis var. *Evanescens*	*Coenonympha amaryllis* var. *evanescens*
C. Iphis var. *Mahometana*	*C. iphis* var. *magometana*
Colias Cocandica var. *Grumi*	*Colias cocandica* var. *grumi*
C. Eogene	*C. eogene*
C. Erate	*C. erate*
C. Staudingeri	*C. staudingeri*
C. Polyographus	*C. hyale* var. *poliographus*
Erebia Kalmuca	*Erebia kalmuka*
Leucanitis Flexuosa	*Leucanitis flexuosa*
L. Scolopax	*L. scolopax*
Lycaena Pheretiades var. *tekessana*	*Lycaena pheretiades var. tekessana*
Mamestra Injucunda	*Mamestra* sp.
Melitaea Parthenie var. *Alatauica*	*Melitaea parthenie*
Oeneis Buddha gr. gr. var. *lutea* Alph.	*Oeneis buddha*
Papilio Machaon var. *Montanus*	*Papilio machaon* var. *sikkimensis*
Parnassius Discobolus	*Parnassius discobolus*
P. Epaphus var. *Sikkimensis*	*P. epaphus* var. *sikkimensis*
P. Imperator var. *Imperatrix*	*P. imperator* var. *imperatrix*
Pieris Butleri	*Baltia butleri*
P. Dubernardi var. *Koslowi*	*Aporia dubernardi* var. *koslovi*
Satyrus Arethusa	*Satyrus arethusa*
Spintherops Spectrum var. *Phantasma*	*Apopestes spectrum subsp. phantasma*
Zygaena Pilosellae	*Zygaena pilosellae.*

РАСТЕНИЯ

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Abies Schrenkiana Lindl. et Gord.	*Picea asperata* Mast.	Ель шероховатая
Aegopodium alpestre Ldb.	Так же	Сныть горная
Agriophyllum gobicum Bge.	*Agriophyllum arenarium* M. B.	Кумарчик песчаный
Agropyrum caninum P. B.	Так же	Пырей собачий
Agropyrum repens P. B.	» »	Пырей ползучий
Agrostis alba L.	» »	Полевица белая

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Agrostis clavata Trin	» »	Полевица булавовидная
Agrostis Trinii Turcz.	» »	Полевица Триниуса
Allium L.	» »	Лук
Alopecurus ruthenicus Weinm.	*Alopecurus ventricosus* Pers.	Лисохвост вздутый
Anemone narcissiflora L.	*Anemone crinita* Juz.	Ветреница длинноволосая
Anemone silvestris L.	Так же	Ветреница лесная
Apocynum pictum (Schrenk) Baill.	*Poacynum Hendersonii* (Hook. f.) Woodson	Поацинум Гендерсона
Apocynum venetum Ldb.	*Trachomitum lancifolium* Pobed.	Кендырь ланцетолистный
Aquilegia sibirica Lam.	Так же	Водосбор сибирский
Artemisia L.	» »	Полынь
Asparagus L.	» »	Спаржа
Astragalus L.	» »	Астрагал
Atragene alpina L. var. *sibirica*	*Atragene sibirica* L.	Княжик сибирский
Betula fruticosa Pall.	Так же	Береза кустарниковая
Betula platyphylla Sukacz.	» »	Береза плосколистная
Calimeris Nees	*Kalimeris* Nees	Калимерис
Calligonum mongolicum Turcz.	Так же	Джузгун монгольский
Caragana Lam.	» »	Карагана
Carex capitata L.	Так же	Осока головчатая
Carex microglochia Whlb.	» »	Осока
Carex pauciflora Lightf.	» »	Осока малоцветковая
Crataegus sanguinea Pall.	» »	Боярышник кровяно-красный
Carex Schmidtii Meinsh.	» »	Осока Шмидта
Chondrilla paucifolia Ldb.	*Launaea* Cass sp.	Лонейя
Cotoneaster vulgaris Ldb.	*Cotoneaster melanocarpa* Lodd.	Кизильник черноплодный
Cynomorium coccineum Boiss.	*Cynomorium songaricum* Rupr.	Циноморий джунгарский
Elaeagnus L.	Так же	Лох
Elymus sibiricus L.	» »	Волоснец сибирский
Fragaria elatior Ehrh.	*Fragaria orientalis* Loz.	Земляника восточная
Glycyrrhiza uralensis Fisch.	Так же	Солодка
Halimodendron argenteum DC.	*Halimodendron halodendron* (Pall.) Voss	Чингиль серебристый
Halostachys caspica (Pall.) C.A.M.	*Halostachys Belangeriana* (Moq.) Botsch.	Соляноколосник прикаспийский

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Haloxylon ammodendron Bge.	Так же	Саксаул зайсанский
Hippophaë L.	» »	Облепиха
Iris Bloudovii Ldb.	» »	Ирис Блудова
Juncus biglumis L.	*Juncus triglumis* L.	Ситник трехчешуйчатый
Juncus castaneus Sm.	*Juncus leucochlamys* Zing.	Ситник белооберточный
Juniperus communis L.	*Juniperus sibirica* Burgsd.	Можжевельник сибирский
Juniperus pseudosabina Fisch. et Mey.	*Juniperus saltuaria* Rhed. et Wils.	Можжевельник горный
Juniperus sabina L.	Так же	Можжевельник казачий
Kochia mollis Fisch. et Mey.	*Echinopsilon divaricatum* Kar. et Kir.	Эхинопсилон растопыренный
Larix sibirica Ldb.	Так же	Лиственница сибирская
Lasiagrostis splendens (Trin.) Kunth	» »	Чий блестящий
Lonicera hispida Pall.	» »	Жимолость щетинистая
Lonicera microphylla Willd.	» »	Жимолость мелколистная
Lonicera Sieversiana Bge.	*Lonicera microphylla* Willd.	Жимолость мелколистная
Lycium ruthenicum Murr.	Так же	Дереза русская
Lycium turcomanicum Turcz.	» »	Дереза туркменская
Myosotis L.	» »	Незабудка
Nitraria Schoeberi L.	*Nitraria sibirica* Pall.	Селитрянка сибирская
Paeonia anomala L.	Так же	Пион Марьин корень
Phragmites communis Trin.	» »	Тростник обыкновенный *
Picea obovata Ldb.	» »	Ель сибирская
Pinus cembra L. var. *sibirica* Rupr.	*Pinus sibirica* Mayr.	Кедр сибирский
Pinus silvestris L.	Так же	Сосна обыкновенная
Pleurospermum uralense Hoffm.	» »	Реброплодник уральский
Populus diversifolia Schrenk	» »	Туранга разнолистная
Populus pruinosa Schrenk	» »	Туранга сизолистная
Populus sibirica	*Populus nigra* L.	Тополь черный
Populus tremula L.	Так же	Осина
Potentilla fruticosa L.	*Dasiphora fruticosa* (L.) Rydb.	Курильский чай
Primula farinosa L.	Так же	Первоцвет мучнистый
Primula sibirica Jack.	» »	Первоцвет сибирский
Prunus padus L.	*Padus asiatica* Kom.	Черемуха азиатская

* В данной работе также — камыш.

Латинское название в работах П. К. Козлова	Современное латинское название	Общепринятое русское название
Pulsatilla vulgaris C. A. M.	*Pulsatilla Turczaninovii* Kryl. et. Serg.	Прострел Турчанинова
Ranunculus affinis R. Br.	*Ranunculus pedatifidus* Sm.	Лютик лапчатораздельный
Reaumuria Kaschgarica Rupr.	Так же	Реомюрия кашгарская
Ribes acicularis Smith	*Grossularia acicularis* (Smith) Spach.	Крыжовник иглистый
Ribes diacantha Pall.	Так же	Смородина двуиглая
Ribes nigrum L.	» »	Смородина черная
Ribes petraeum Ldb.	*Ribes altissimum* Turcz	Смородина высочайшая
Rosa pimpinellifolia L.	*Rosa spinosissima* L.	Роза колючейшая
Rubus idaeus L.	*Rubus sachalinensis* Léveillé	Малина сахалинская
Salicornia herbacea L.	*Salicornia europaea* L.	Солерос европейский
Salix L.	Так же	Ива
Salsola L.	» »	Солянка
Salsola sphaerophysa	*Sphaeropysa salsula* (Pall.) DC.	Сферофиза солончаковая
Saussurea DC.	Так же	Соссюрея, горкуша
Sorbus aucuparia L.	*Sorbus tianschanica* Rupr.	Рябина тяньшаньская
Spiraea hypericifolia L.	Так же	Таволга зверобоелистная
Tamarix Pallasii Desv.	» »	Тамарикс Палласа
Trollius asiaticus L.	» »	Купальница азиатская
Tulipa uniflora L.	» »	Тюльпан одноцветковый
Typha L.	» »	Рогоз
Ulmus campestris L.	*Ulmus pumila* L.	Вяз (ильм) приземистый
Vaccinium vitis idaea L.	Так же	Брусника
Viola silvestris var. *rupestris* Maxim.	*Viola rupestris* Schmidt	Фиалка скальная

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ ТРУДОВ П. К. КОЗЛОВА

1. Вести из экспедиции В. И. Роборовского. Из писем П. К. Козлова к генерал-лейтенанту О. А. Фельдману. Сб. писем Роборовского и Козлова, напечатанных в газете «Русский инвалид» за 1895 год.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 31, 1895, вып. 5, стр. 429—494 и 514—538.

2. Поездка на реку Конче-дарью. Рекогносцировка северного берега озера Баграшкуля.— Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова, ч. III, СПб., Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции. Изд. Русск. географ. об-ва. 1896 г., стр. 93—116.

3. От Са-чжоу до Зайсана. Последние шаги экспедиции В. И. Роборовского.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 32, 1896 г., вып. 4, стр. 297—329.

4. Предварительный отчет о трехлетнем путешествии по Центральной Азии, В. И. Роборовского и П. К. Козлова. Доклад П. К. Козлова в общем собрании Русского географического общества, 2 апреля 1897 г.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 33, 1897 г., вып. 2, стр. 121—163.

5. Лоб-нор. С двумя картами.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 34, 1898 г., стр. 60—116. То же отд. оттиск, СПб., 1898 г., 61 стр.

6. Маршрут Тибетской экспедиции М. В. Певцова (1899—1891 годов) и географическое распределение млекопитающих и птиц в местностях, исследованных ею.— Ежегодник Зоол. музея Академии наук, т. 4, 1899, стр. 257—287.

7. Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова.— Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 годах под начальством В. И. Роборовского, ч. II, СПб., 1899, 296 стр.

8. Вести из экспедиции П. К. Козлова (из писем П. К. Козлова к секретарю Общества).— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 35, 1899, вып. VI, стр. 601—614, 711—712; т. 36, 1900, вып. I, стр. 18—42; 135—153; т. 37, 1901, вып. IV, стр. 233—253, 273—353.

9. Памяти Михаила Васильевича Певцова.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 38, 1902, вып. 6, стр. 615—620.

10. Маршрут Тибетской экспедиции Русского географического общества под начальством П. К. Козлова 1899—1901 годов.— Ежегодник Зоол. музея Академии наук, т. VII, 1902, стр. 1—19.

11. Тибет. Природа, административное деление и население. Добавление к «Сборнику материалов по Азии», 1902, № 7, стр. 201—229.

12. Монголия и Кам. Труды экспедиции Русского географического общества, совершенной в 1899—1901 годах под руководством П. К. Козлова. Т. 1, ч. 1 — по Монголии до границ Тибета, 1905, 256 стр. Т. I, ч. 2— Кам и обратный путь. 1906, 476 стр. Изд. Русск. географ. об-ва, СПб. [второе издание см. № 70].

13. О Монголо-Сычуаньской экспедиции П. К. Козлова.— Труды Троицкосавско-кяхтинского отд. Русск. геогр. об-ва, т. X, 1907, вып. 1, стр. 77—79.

14. Тибетский далай-лама.— Истор. вестник, 1907, № 1, стр. 230—249.
15. Английская экспедиция в Тибет.— Истор. вестник, 1907, № 5, стр. 522—539.
16. Из Монголо-Сычуаньской экспедиции. «Землеведение», т. III, 1908, стр. 13—23.
17. Из экспедиции П. К. Козлова (письмо Д. Н. Анучину).— «Землеведение», т. III, 1909, стр. 60—62.
18. Вести из Монголо-Сычуаньской экспедиции под начальством П. К. Козлова. Из писем П. К. Козлова к секретарю Русск. геогр. об-ва и в Главное управление Генерального штаба.— Изв. Русск. геогр. об-ва: т. 44, 1908, вып. 3; т. 44, 1908, вып. 5; т. 44, 1908, вып. 7; т. 45, 1909, вып. 1; т. 45, 1909, вып. 7.
19. Двухлетнее путешествие по Монголии и Амдоскому нагорью.— Труды Троицкосавско-кяхтинского отделения Русск. геогр. об-ва, т. 12, вып. 1 и 2, 1909, стр. 65—72 (отд. оттиск помечен 1911 г.).
20. Всеволод Иванович Роборовский.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 46, 1910, вып. 8—10, стр. 357—367 [отд. оттиск 1911 г.]
21. Памяти Всеволода Ивановича Роборовского — исследователя Центральной Азии (1879—1895 годы).— «Военный сборник», 1911, кн. 6, стр. 169—178.
22. Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото — «Русская старина», 1911, 108 стр. [Автобиография].
23. В. И. Роборовский (1856—1910).— «Землеведение», т. I—II, 1911, стр. 136—143.
24. Николай Михайлович Пржевальский.— Русская старина, 1912, т. 149, стр. 144—159, 327—350, 369—603. т. 150, стр. 112—161, 361—385. Отд. издание, см. № 29.
25. Монголия и Тибет (по поводу провозглашения независимости).— «Военный сборник», т. 5, 1913, стр. 157—160.
26. Николай Михайлович Пржевальский.— «Землеведение», 1913, кн. III, стр. 57—68.
27. Трехлетнее путешествие (1899—1901 годы) по Монголии и Тибету. СПб, 1913, 233 стр., с картой. В 1911 г. печаталось отдельными главами в «Военном сборнике»; второе издание см. № 76.
28. Мертвый город Хара-хото. Сборник в честь 70-летия Д. Н. Анучина, М., 1913. Изд. об-ва Любит. естествозн., антропол. и этногр. при Моск. ун-те, стр. 31—45.
29. Николай Михайлович Пржевальский, первый исследователь природы Центральной Азии. СПб., 1913, 148 стр. [см. № 71].
30. Николай Михайлович Пржевальский,— «Военный сборник», 1913, кн. 10, стр. 1—22.
31. Николай Михайлович Пржевальский.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 49, 1913, вып. 4—6, стр. 301—314.
32. Правда о дикой лошади Пржевальского.— «Землеведение», 1913, кн. III, стр. 69—73.
33. Памяти Николая Михайловича Пржевальского.— «Русская старина», т. 157, 1914, стр. 650—666.
34. Памяти Николая Михайловича Пржевальского (по случаю 25-летия со дня смерти). СПб., 1914, 19 стр.
35. В сердце Азии (памяти Н. М. Пржевальского). «Знание для всех», 1914, № 1, 32 стр.
36. Николай Михайлович Пржевальский и лошадь его имени. СПб., 1914, 17 стр.
37. Аскания-Нова в ее прошлом и настоящем. СПб., 1914, 35 стр.
38. Аскания-Нова (Чапли). Первые опыты акклиматизации животных в России. Пг. 1915, 43 стр.
39. Современное положение зоопарка «Аскания-Нова».— «Природа», 1919, № 10—12, стр. 467—482.
40. Тибет и далай-лама. Пг, 1920, 100 стр., 82 рис.
41. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии 1907—1909 годов. М.—Л., 1923, 678 стр. (Второе изд. см. № 72).

42. Монгольский заповедник Богдо-ула.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 56, 1924, вып. 1, стр. 169—173.

43. Письмо П. К. Козлова к председателю Общества.— Изв. русск. геогр. об-ва, т. 56, 1924, вып. 2, стр. 175—176.

44. Северная Монголия.— Ноин-улинские памятники. В кн.: Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925, стр. 1—12.

45. Что скрыто в курганах Монголии.— «30 дней», 1925, № 2, стр. 15—18.

46. В песках Монгольской пустыни.— «Огонек», 1925, № 10, стр. 12—13.

47. Три года по Монголии. «Огонек», 1926, № 44, стр. 3.

48. Вести из Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества.— «Хозяйство Монголии», 1926, № 1, Улан-Батор, стр. 39—53.

49. Монголо-Тибетская научная экспедиция в глубине Монголии.— «Вестник Манчжурии», Харбин, 1926, № 5, стр. 1—5.

50. Монголо-Тибетская научная экспедиция. — «Новый мир», 1926, кн. 6, стр. 133—140.

51. Монголо-Тибетская экспедиция.— «Хозяйство Монголии», Улан-Батор-хото, 1926. № 6, стр. 4—12.

52. Наша научная экспедиция в сердце Азии (последние сведения о советской научной экспедиции в Монголию и Тибет).— «Вестник знания», 1926, № 3, стр. 203—208.

53. Вести из Монголо-Тибетской экспедиции.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 58, 1926, вып. 2, стр. 93—110.

54. Хребет Хангай и верховье Орхона с водопадом экспедиции.— «Вестник Манчжурии», Харбин, 1926, вып. 6, стр. 1—4.

55. Монголо-Тибетская экспедиция.— «Хочу все знать», 1926, вып. 12, стр. 533—535.

56. Три года по Монголии и мертвый город Хара-хото (лекция, читанная в Москве и Ленинграде), М.—Л., 1927, 63 стр.

57. Путешественник П. К. Козлов о себе. Автобиографическая заметка.— «Огонек», 1927, № 14, стр. 4—5.

58. Мертвый город Хара-хото.— «Новый мир», 1927, кн. 1, стр. 236—239.

59. Государственный заповедник Аскания-Нова.— «Вестник знания», 1928, № 15 и 17, стр. 755—761 и 843—849.

60. Государственный заповедник Аскания-Нова.— «Научный работник», 1928, № 1, стр. 12—23.

61. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Гос. Русского географического общества, 1923—1926 гг.— «Северная Монголия», III, 1928, вып. 3, 47 стр.

62. В сердце Азии.— «Природа и люди» (ежемес. приложение к ж. «Вестник знания»), кн. 1, 1928, 71 стр. (попул. очерк путешествия 1907—1909 гг.).

63. Тибет.— «Новый мир», 1928, вып. 2, стр. 256—267.

64. Личные воспоминания о Н. М. Пржевальском. Сороколетие со дня смерти Н. М. Пржевальского. Ю. М. Шокальский, С. Ф. Ольденбург и П. К. Козлов.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 61, 1929, вып. 2, стр. 379—394.

65. Великий русский путешественник Н. М. Пржевальский.— «Природа и люди», (ежемес. приложение к ж. «Вестник знания»), кн. 11, 1928, Л., 1929, 72 стр.

66. Путешественник Николай Михайлович Пржевальский (к 40-летию со дня смерти).— «Вестник знания», 1928, № 21—22, стр. 1042—1045.

67. Дары Монголии. «Советская Азия», 1930, № 3—4 (33—34), стр. 165—184.

68. Кочующие реки Центральной Азии.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 67, 1935, вып. 5, стр. 599—601.

69. По Монголии. Из путевых дневников (отрывки из путевых дневников экспедиции 1923—1926 годов, отредактированные женой П. К. Козлова — Е. В. Козловой). «Наша страна», 1941, № 4, стр. 31—35.

70. Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899—1901). Второе, сокращенное издание под ред. В. П. Козлова. [Библиография]. Географгиз, М., 1948, 439 стр.

71. В азиатских просторах. Книга о жизни и путешествиях Николая Михайловича Пржевальского, первого исследователя природы Центральной Азии. М., Изд-во «Молодая Гвардия», 1947, 160 стр. [Третье издание, см. № 24 и 29].

72. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Второе издание, сокращенное, под ред. Б. В. Юсова. М., Географгиз, 1948, 328 стр.

73. Путешествие в Монголию 1923—1927 гг. Дневники, подготовленные к печати Е. П. Козловой.— Записки Всесоюзн. географ. об-ва. Новая серия, т. 7, М., 1949, 234 стр.

74. Заметка о моем замечательном учителе В. П. Вахтерове.— «География в школе», 1951, № 4, стр. 31—34.

75. Снова в путь (предисловие к намеченной работе о последней экспедиции 1923—26 гг.).— Сб. «Вопросы географии», № 24, 1951, стр. 417—423.

76. По Монголии и Тибету. М., Географгиз, 1956, 231 стр.

ТРУДЫ П. К. КОЗЛОВА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
(переводы)

77. Nachrichten von der Expedition P. K. Koslows. Petermanns Geograph. Mitteil., Bd. 47, 1901, s. 90—94, 160—163, 182—187, 205—208, 237—239 [перевод сообщений, напечатанных в «Изв. Русск. геогр. об-ва» — «Вести из экспедиции П. К. Козлова»]

78. The scientific results of the russian expedition to Kham. Peport of the eighth Internat. Geograph. Congress, 1904. Washington, 1905, s. 737—740 [О работе экспедиции 1899—1901 гг.].

79. The Mongolia-Sze-shuan expedition of the Russian Geograph. Society.— Geograph.— Journal, 1909, 34, № 4. [О работе экспедиции 1907—1909 гг.].

80. Spedizione nella Mongolia e nel Seciuan.— Bollet. della Sozieta Geograf. Italiana. Fasc. VI., p. 758—775 e fasc. VII, p. 865—885. Roma, 1911. [Работа экспедиции 1907—1909 гг.].

81. Mongolei, Amdo und die tote Stand Chara-choto. Berlin, 1925, 320 s. [Сокращенный перевод книг: «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» и «Тибет и Далай-лама»].

СПИСОК СТАТЕЙ И БРОШЮР, ПОСВЯЩЕННЫХ П. К. КОЗЛОВУ

1. Анучин Д. Н. Экспедиция П. К. Козлова в Центральную Азию.— «Новый Восток», кн. 3, 1923.
2. Борзов А. А., Аристов Ф. Библиография П. К. Козлова.— «Землеведение», т. 32, 1930.
3. Баян О. А. Первые исследователи Центральной Азии Пржевальский — Роборовский — Козлов. М., Географгиз, 1946.
4. Безруких П. Открывший Хара-хото. Памяти П. К. Козлова. «30 дней», 1935, № 12.
5. Василевский В. Знаменитый русский путешественник П. К. Козлов (1863—1935). Очерк, отред. и дополн. акад. В. А. Обручевым.— «Наша страна», 1938, № 3.
6. Гаврилов Е. Знаменитый русский путешественник (к 75-летию со дня рождения П. К. Козлова). Газ. «Правда», 16 октября 1938 г.
7. Глаголев С. Из воспоминаний о Петре Кузьмиче Козлове.— Сб. «Земля и Люди», М., Географгиз, 1959.
8. Григор Г. Знаменательная встреча (к 25-летию со дня смерти П. К. Козлова).— Сб. «Земля и Люди», Ежегодник 1960, М., 1959.
9. Григорьев А. А. Академик П. К. Козлов (путешественник). «Красноармеец», 1946, № 11—12.
10. Дмитриев В. В. Русский географ и путешественник П. К. Козлов, Смоленск, 1951.
11. Завадская К. М. Общее собрание Всесоюзного геогр. об-ва (к 10-летию со дня смерти П. К. Козлова).— «Вестник АН СССР», 1946, № 2.
12. Казакевич В. А. Библиография трудов П. К. Козлова.— «Библиография Востока», 1936, № 8—9.
13. Каратаев Н. Исследователь Центральной Азии П. К. Козлов.— «Вестник знания», 1936, № 8.
14. Козлов В. П. Жизнь и деятельность Петра Кузьмича Козлова — путешественника, исследователя Центральной Азии.— В кн. «Монголия и Кам», М., Географгиз, 1947.
15. Козлов В. П. Научное значение археологических находок П. К. Козлова.— В кн. «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото» М., Географгиз, 1948.
16. Максакова В. П. Подорожі П. К. Козлова, под ред. акад. П. К. Козлова, Харьків, 1931.
17. Мурзаев Э. М. П. К. Козлов.— В кн. «В далекой Азии», М., Географгиз, 1956.
18. Мурзаев Э. М. Экспедиция П. К. Козлова в Монголию. (1923—1926).— В кн. «Путешествие в Монголию». М., Географгиз, 1949.
19. Мурзаев Э. М. П. К. Козлов.— В кн. «Отечественные физико-географы», М., Учпедгиз, 1959.

20. Овчинников Б. М. Путешественник и исследователь Центральной Азии П. К. Козлов.— «География в школе», № 1, 1939.
21. Овчинникова Т. Н. 17 лет в Центральной Азии.— В сб. «Земля и Люди». М., Географгиз, 1962.
22. Отзыв действ. чл. Р. Г. О. А. В. Григорьева о трудах В. И. Роборовского и П. К. Козлова по исследованию Центральной Азии.— Отчет Русск. геогр. об-ва за 1897 г., 1898.
23. Отзыв о трудах П. К. Козлова. Отчет Русского геогр. об-ва за 1902 г., 1903. Здесь же заключение П. П. Семенова о трудах П. К. Козлова, А. Н. Казнакова и В. Ф. Ладыгина.
24. Павлов Н. В. Путешественник и географ. Петр Кузьмич Козлов (1863—1935 гг.). М., 1940.
25. Петров А. Памяти путешественника П. К. Козлова.— «География в школе», 1935, № 6.
26. Петухов А. Ф. П. К. Козлов (Русский путешественник по Центральной Азии, 1863—1935 гг.), М., Географгиз, 1954.
27. Поппе Н. Н. Значение путешествий Козлова для археологического изучения Центральной Азии.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 68, 1936, № 5.
28. Тимофеев П. Г. Петр Кузьмич Козлов (1863—1935).— «Люди русской науки». Геология и география. М., Изд-во физико-матем. лит-ры, 1962.
29. Федченко Б. А. П. К. Козлов.— «Советская ботаника», 1936, № 1.
30. Федяевская В. Мертвый город Хара-хото, открытый русским путешественником П. Козловым. Л., 1924.
31. Федяевская В. Открытие мертвого города «Хара-хото».— Сб. «Под небом всех широт». М., Детгиз, 1961.
32. Черников А. П. К. Козлов и его экспедиции.— «Природа», 1939, № 12.
33. Шокальский Ю. М. П. К. Козлов (некролог).— «Наука и жизнь», 1936, № 1.
34. Шухов И. Н. Исследователь Монголии — путешественник П. К. Козлов (к 5-летию со дня смерти).— Ж. «Омская область», 1940.
35. Якубович В. Великие русские путешественники (Пржевальский, 1839—1888 гг., П. К. Козлов, 1863—1935 гг.).— «Книга и пролетарская революция», 1938, № 12.

СПИСОК ТРУДОВ, В КОТОРЫХ ОПУБЛИКОВАНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАБОТКИ КОЛЛЕКЦИЙ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ П. К. КОЗЛОВА

I. ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ [1]

1. Бекер Т., Штейн П., Конов Фр. Двукрылые и перепончатокрылые.— Труды Тибетской экспедиции 1899—1901 гг., т. VII, 1908.
2. Бианки В. Л. Материалы для авифауны Монголии и Восточного Тибета.— Там же, т. V, 1907.
3. Бианки В. Л. Материалы для авифауны Восточной Монголии и Северо-восточного Тибета по данным Монголо-Сычуаньской экспедиции 1907—1909 гг. под начальством П. К. Козлова.— Ежегодник Зоол. музея (Акад. наук, т. 20, 1915).

[1] По свидетельству А. П. Семенова-Тян-Шанского материалы по зоологии, доставленные экспедициями П. К. Козлова, были так или иначе использованы в работах 102 специалистов.

4. Каминский А. А. Метеорологические наблюдения и гипсометрические определения экспедиции П. К. Козлова.— Труды Тибетской экспедиции 1899—1901 гг., т. III, 1907.

5. Козлова Е. В. Птицы юго-западного Забайкалья, Северной Монголии и центральной Гоби.— Материалы Комитета по исслед. Монгольской и Тувинской народных республик, в. 12, Л., 1930.

6. Кондратьев С. А. О работах по изучению монгольской музыки в 1923 г. в Урге. Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 56, в. 1, 1924.

7. Крыжановский В. И. Поездка в Монголию за самоцветами.— Краткие отчеты экспед. по исслед. Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспед. П. К. Козлова. Академия наук СССР. Л., 1925.

8. Мережковский. К. С. Диатомовые водоросли Тибета.— Труды Тибетской экспедиции 1899—1901 гг., т. VIII, 1906.

9. Павлов Н. В. Хангай и Северная Гоби.— Изв. Русск. Геогр. об-ва, т. 57, в. 1, 1925.

10. Павлов Н. В. Типы и производительность кормовых площадей Прихангайского района Монголии.— Там же.

11. Полынов Б. Б. Исследование почв.— В кн. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., АН СССР, 1925.

12. Порчинский И. Об оводах из рода *Oestromyia* и о личинках оводов из кожи сайги и джайрана.— Ежегодник Зоол. музея. Акад. наук, т. 7, 1902.

13. Сатунин К. А. Новые грызуны из Центральной Азии.— Ежегодник Зоол. музея, Акад. наук, т. 7, 1902.

14. Семенов-Тян-Шанский А. П. Зоологические результаты экспедиций П. К. Козлова.— Изв. Гос. геогр. об-ва, 1937, № 1.

15. Тачалов Н. А. Астрономические наблюдения П. К. Козлова.— Труды Тибетской экспедиции 1899—1901 гг., т. III, 1907.

16. Царевский С. Ф. Ящерицы из рода *Phenecephalus (Reptilia)*, собранные экспедицией П. К. Козлова в Тибете, М., 1927.

II. ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ

17. Бернштам А. Н. Изображение быка на бляхах из Ноин-улинских курганов.— Проблемы истории докапиталист. об-ва, 1935, № 5—6.

18. Бернштам А. Н. К вопросу о социальном строе гуннов.— Проблемы истории докапиталист. об-ва, 1935, № 9—10.

19. Бернштам. А. Н. Гуннский могильник Ноин-ула и его историко-археологическое значение.— Изв. Ак. наук СССР, отд. общ. наук, 1937, № 4.

20. Бернштам А. Н. Монгольские гунны. (Глава в кн. «Истории СССР», ч. I—II, М., 1939).

21. Боровка Г. И. Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции.— В кн.: Краткие отчеты экспед. по исслед. Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспед. П. К. Козлова. Л., АН СССР, 1925.

22. Владимирцов Б. Я. Надписи на скалах халхасского Цокту-тайджи.— Статья 1.— Изв. Ак. наук СССР. 1926, № 13—14, Статья 2.— Там же, 1927, № 3—4.

23. Волков Ф. Человеческие кости из субургана в Хара-хото.— Материалы по этнографии России, т. II, 1—4, 1914.

24. Воскресенский А. А. и Тихонов Н. П. Технологические методы исследования археологического материала.— Изв. Гос. Академии истории материальной культуры т. 11, вып. 7—9, 1932.

25. Воскресенский А. А., Кононов В. Н. Химико-технологический анализ большого ковра № 14568.— Там же.
26. Воскресенский А. А., Лукашевский В. А. Анализ шерстяных тканей из кургана № 6 раскопок П. К. Козлова.— Там же.
27. Головчинер В. Исследование ковра со стороны техники обработки его вышивкой.— Изв. Гос. Академии истории материальной культуры, т. 11, М., 1932.
28. Иванов А., Ольденбург С., Котвич В. Из находок П. К. Козлова в г. Хара-хото.— Изв. Русск. геогр. об-ва, т. 45, 1909, вып. 8.
29. Иванов А. Страница из истории Си-ся.— Изв. Акад. Наук, 1911, серия 6, т. V, № 11.
30. Иванов А. И. Документы из города Хара-хото.— Изв. Акад. наук, 1910, серия 6, т. 46, вып. 1.
31. Иванов А. И. Бумажное обращение в Китае до XV века.— Материалы по этнографии России, т. II, СПб., 1914.
32. Итс Р. Ф. Китайские коллекции Петра Кузьмича Козлова в собраниях МАЭ.— Сб. Музея Антропологии и этнографии. Ин-т Этнографии им. Миклухо-Маклая, т. 20, 1961.
33. Клейн В. Г., Хвальковский В. Н., Воронков Н. В. Шелковые монгольские ткани из раскопок П. К. Козлова.— Изв. Гос. Академии истории материальной культуры, т. 11, вып. 7, 1932.
34. Кононов В. Н. и Казакевич В. А. Восстановление первоначальных красок ковра из Ноин-ула. Изд. Ак. наук СССР и Гос. Эрмитажа. М.—Л., 1937.
35. Кочетова С. М. Божества светил в живописи Хара-хото. Синкретизм астрологического пантеона в иконографии.— Труды отделения Востока Гос. Эрмитажа, т. 4, Изд-во АН СССР, 1947.
36. Кычанов Е. И. Новые словари в Тангутской коллекции рукописного собрания Ленинградского отделения Ин-та народов Азии АН СССР.— Сб. «Страны и народы Востока» под ред. В. В. Струве, вып. II, 1961.
37. Лубо-Лесниченко Е. Древние китайские шелковые ткани и вышивки V века до н. э.— III в. н. э. в собрании Гос. Эрмитажа. Л., Изд-во АН СССР, 1961.
38. Невский Н. А. Очерк истории тангутоведения.— Изв. Акад. наук СССР, Отд. общественных наук, 1931, № 1.
39. Невский Н. А. Тангутская письменность и ее фонды.— Доклады группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20.III.1935. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1936.
40. Невский Н. А. Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Кн. 1 и 2. М., Изд-во Восточной литературы, 1960.
41. Ольденбург С. Ф. Материалы по буддийской иконографии Хара-хото (образа тибетского письма).— Материалы по этнографии России, т. II, 1914, стр. 1—79.
42. Технологическое изучение материалов курганных погребений Ноин-ула. Известия Гос. Академии истории материальной культуры, т. 11, в. 7—9, 1932.
43. Теплоухов С. А. Раскопка кургана в горах Ноин-ула. В кн.: Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925.
44. Тихонов Н. П. Обработка древних тканей фотоаналитическим путем.— Сообщения Гос. академии истории материальной культуры, 1931, № 1.
45. Тревер К. В. Находки из раскопок в Монголии 1924—1925 гг. Там же, 1931, № 9—10.
46. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1940.
47. Boroffka G. Griechische Stickereien aus der Mongolei.— Die Antike. B III, H. 1—4. Sonderabzug. Berlin-Leipzig, 1927.

48. Borovka G. Scythian art. Translated from the german by Professor Y. G. Childe, London, 1928.
49. Ivanov A. Zur Kenntnis der Hsi-hsia Sprache. Изв. Академии наук, 1909, серия VI, т. III, № 12—18.
50. Nevsky N. A brief manual of the Si-hia characters with tibetan transcriptions.— Research review of the Osaka Asiatic Society. Osaka, 1926, № 4.
51. Nevsky N. Concerning tangut dictionaries, 1927. Выходные данные на японском языке,— см. библиографию работ Н. Д. Невского в его работе «Тангутская филология», 1960.
52. Pelliot. Les documents chinois trouvés par la mission Kozlov à Khara-Khoto.— Journal Aslatique, Mai-juin, 1914.
53. Trever C. Excavations in northern Mongolia (1924—1925).— Memoirs of the Academy of history of material culture, t. III. Leningrad, 1932.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О РАБОТАХ П. К. КОЗЛОВА, ОПУБЛИКОВАННЫХ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ

1. Русский путешественник в Центральной Азии. Автобиографический очерк.— Впервые опубликовано под названием «Русский путешественник в Центральной Азии и мертвый город Хара-хото» в журнале «Русская старина», СПб., 1911.

2. Конче-дарья и Баграш-куль.— Впервые опубликовано под названием «Поездка на реку Конче-дарью. Рекогносцировка Северного берега озера Баграш-куля».— Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М. В. Певцова, ч. III. Экскурсии в сторону от путей Тибетской экспедиции, СПб., 1896.

3. Тянь-Шань, Лоб-нор и Нань-Шань.— Впервые опубликовано под названием «Отчет помощника начальника экспедиции П. К. Козлова».— Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии, совершенной в 1893—1895 гг. под начальством В. И. Роборовского, ч. II, СПб., 1899.

4. Ноин-улинские памятники.— Впервые опубликовано под названием «Северная Монголия.— Ноин-улинские памятники» в кн. «Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова». Л., 1925.

5. Северная Монголия.— Впервые опубликовано под названием «Северная Монголия, III. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Гос. Русского географического об-ва 1923—1926 гг.» Л., 1928.

6. Кочующие реки Центральной Азии.— Впервые опубликовано под тем же названием в «Изд. географ. об-ва», т. 67, 1953, вып. 5.

ТАБЛИЦА ПЕРЕВОДА РУССКИХ МЕР В МЕТРИЧЕСКИЕ

1 верста = 1,067 *км*	1 фут = 30,48 *см*
1 сажень = 2,134 *м*	1 дюйм = 2,54 *см*
1 аршин = 0,711 *м*	1 пуд = 16,38 *кг*
1 вершок = 4,445 *см*	1 фунт = 409,5 *г*

СЛОВАРИК МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ

Аксакал — дословно «белая борода» (тюрк.), почтительное обращение к старшим, к уважаемым лицам.

Алаша-ван — феодальный князь алашаньских монголов.

Амбань — должностное лицо, управитель административной области, города.

Аргал — сухой навоз крупных животных, распространенное топливо в степях и пустынях Центральной Азии (монг.).

Банаг — черная шерстяная палатка — жилище тангутов-скотоводов в Северном Тибете и Наньшане. Описание банага сделано П. К. Козловым в его работе «Монголия и Кам», М., 1947, стр. 183—184.

Банчен-Эрдень или панча-лама — второе после далай-ламы лицо ламаистской администрации, настоятель монастыря Шигацзе в Тибете. Слово «Эрдень» из тибетского и монгольского — сокровище, драгоценность.

Батик — в русских диалектах имеет несколько значений: посох, палка, хворостина, плеть, длинный кнут, бич, хлыст.

Богдо-гэгэн — см. Гэгэн.

Бэйле — третья княжеская степень в феодальной иерархии Монголии.

Бэйсе — четвертый княжеский титул в феодальной иерархии старой Монголии.

Ван — вторая княжеская степень в феодальной иерархии Монголии.

Ганчжур — купол, шпиль на буддийских храмах и монастырях.

Гау — ладанка из серебра, бронзы.

Гэгэн — один из высших чинов в буддийском духовенстве, который присваивается перерожденцам. Так ургинский светский и духовный монарх Монголии именовался Богдо-гэгэном, т. е. божественным, святым гэгэном и числился третьим лицом в ламаистской церкви.

Дао-тай — управитель, губернатор провинции в старом Китае.

Дзамба — хлебный продукт, широко распространенный среди кочевых скотоводческих племен Центральной Азии. Изготовляется из ячменя или пшеницы, зерна которых поджариваются, а затем мелются в ступах или в ручных мельницах. Употребляют дзамбу, заваренную с чаем и заправленную солью, маслом или бараньим салом в горячем виде. Заваривают или жидко (в этом случае получается суп-болтушка) или круто, как наше толокно; тогда эта еда напоминает по виду манную кашу, только цветом темнее ее.

Донир — переводчик.

Зангин или дзанги, т. е. звание, чин, в разное время имевшие и разное значение: староста, пристав, судья, административное лицо, командир.

Инфан — военное поселение, казармы.

Кэрэксур (керексур) — принятая в русской литературе форма монгольского названия древних могил, погребений «хиргисин-ур», курган. Монголы связывают эти курганы с киргизским народом, т. е. с тюркским населением, обитавшим здесь в домонгольском прошлом.

Лхакан — ламаистский храм в Тибете.

Лянцза — войсковая единица, рота (китайское слово «лянь» — рота).

Мазар — могила, кладбище (араб.) — термин, широко распространенный во многих мусульманских странах.

Мото-ширик или Мод-ширэх (монг.), т. е. простегнутые, прошитые деревом,— жесткие кочковатые болота, поросшие крепкой тибетской осокой.

Очир — предмет буддийского культа и личное имя (тибет.).

Сарт — в этот термин в разное время вкладывалось и разное содержание. Неопределенность этнического термина «сарт» подчеркивалась многими исследователями. Русские переселенцы в начале XX века всех оседло живущих жителей Туркестана называли «сартами». По мнению известного тюрколога акад. В. В. Радлова, слово «сарт» произошло из индийского, где имело значение «купец». У акад. В. В. Бартольда, крупнейшего исследователя истории Средней и Передней Азии, находим следующее объяснение эволюции термина «сарт»: «В турецкой литературе XI века встречается также слово «сарт», но не в качестве народного названия, но как нарицательное имя, в смысле «купец». В турецкой буддийской литературе встречается слово «сартбау», искаженное санскритское sarthavaha или sarthabaha — «предводитель каравана»; по-видимому, это слово, на почве так называемого лингвистического осмысления, было изменено турками в сартбаши — «начальник сартов», откуда образовалось слово «сарт» в смысле «купец». Монголы в XIII веке употребляли образованные от этого корня слова «сартак» и «сартаул» в смысле «таджик» и «мусульманин», причем называли сартаками не только иранцев, но и турок-мусульман. Отуреченные потомки монголов в Туркестане в конце XV века употребляли слово «сарт» в смысле «таджик», противополагая язык и литературу сартов языку и литературе турок. Степняки узбеки, завоевавшие Туркестан в начале XVI века, стали называть «сартами», в противоположность «узбекам», всех оседлых жителей, как иранцев, так и говоривших по-турецки; впоследствии, когда языком большинства оседлого населения сделался турецкий, слово «сарт» стало употребляться в литературе (например, у кокандских историков), отчасти и в жизни, в смысле горожанин или сельский житель, говорящий по-турецки, в противоположность таджику, сохранившему свой язык иранца. По чертам быта сартам, как типичным горожанам и земледельцам, теперь противополагаются не узбеки, большей частью перешедшие к оседлому образу жизни, а «казаки» (В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 24—25).

Сылан — управитель.

Субурган — буддийский ступенчатый памятник, увенчанный вершиной в виде шпиля. Устанавливается на могилах феодалов и крупных лам, по углам и в стенах монастырей, а также в местах, связанных с какими-либо знаменитыми событиями или явлениями.

Тайчжи, или тайджи — привилегированное сословие, монгольское дворянство.

Хадак — плат счастья, продолговатый платок, шелковый или бумажный, длиной от 1 до 6 м. Часто на хадаках бывают вытканы или вытеснены изображения божеств. Употребляются в торжественных случаях в качестве подарка в знак расположения или высокого уважения.

Хошун — административная единица в старой Монголии.

Хубилган (хувилгаан) — в буддийских канонах — перерожденец. Обычно так называют высоких лам в Тибете и Монголии, якобы живущих уже не в первом рождении.

Хурдэ — молитвенное колесо в виде цилиндра, поставленное вертикально. В хурдэ закладываются списки молитв или делаются надписи на его стенках. Считают, что вращение хурдэ равносильно произнесению молитвы. Такие колеса устанавливаются в монастырях, на дорогах, чтобы облегчить участь верующих.

Хутухта, вернее хутагт — один из высших чинов буддийского духовенства.

Хырма — укрепление, крепостная стена. От монгольского «хэрэм».

Цаца — изображение богов буддийского пантеона, сделанное из обожженной глины.

Цинван — высшая княжеская степень в феодальной иерархии старой Монголии.

Цин-цай — наместник Пекинского императорского правительства в провинциях.

Чжень-тай — начальник гарнизона, войсковой командир провинций, областей.

Ямынь — присутственное место, двор и помещения административного значения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

П. К. Козлов и его исследования Центральной Азии *(Э. М. Мурзаев)* 7

Значение экспедиций П. К. Козлова для изучения фауны Центральной Азии *(А. И. Иванов и А. А. Штакельберг)* 11

П. К. Козлов и «Тангутская филология» Н. А. Невского *(З. И. Горбачева)* 14

Русский путешественник в Центральной Азии. Автобиографический очерк (1911 г.) 23

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ П. К. КОЗЛОВА

Конче-дарья и Баграш-куль (1896 г.) 108

Тянь-Шань, Лоб-нор и Нань-шань (Отчет помощника начальника экспедиции, 1893—1895 гг., опубликовано 1899) 127

Глава I. В области среднего Тянь-Шаня 127

Глава II. В области среднего Тянь-Шаня (продолжение) 151

Глава III. Оазис Кызыл-сыныр и окрестная пустыня 166

Глава IV. От Кызыл-сыныра через Лоб-нор в Са-чжоу 186

Глава V. Весна в Са-чжоу и знакомство с Нань-шанем 218

Глава VI. Нань-шань и ключ «Благодатный» 235

Глава VII. Мои экскурсии в Нань-шане 258

Глава VIII. Очерк пути от Курлыка к Желтой реке и обратно 292

Глава IX. Поездка в хребет Южно-Кукунорский 305

Глава X. Следование к родным пределам 324

Таблицы географического распределения млекопитающих и птиц в местностях, исследованных В. И. Роборовским и П. К. Козловым во время их трехлетнего 1893—1895 гг. путешествия в Центральной Азии 350

Ноин-улинские памятники (1925) 371

Северная Монголия. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Русского географического общества 1923—1926 гг. (1928) 381

Кочующие реки Центральной Азии (1935) 432

ПИСЬМА ПЕТРА КУЗЬМИЧА КОЗЛОВА

Письма П. К. Козлова ученым, общественным и государственным деятелям (1886—1933, публикуются впервые) 437

ПРИЛОЖЕНИЕ

Списки названий животных и растений 493
Список опубликованных трудов П. К. Козлова 510
Список статей и брошюр, посвященных П. К. Козлову 514
Список трудов, в которых опубликованы результаты обработки коллекций и других материалов П. К. Козлова 515
Библиографическая справка о работах П. К. Козлова, опубликованных в настоящем издании 519
Таблица перевода русских мер в метрические 519
Словарик местных терминов 520

Петр Кузьмич Козлов

Русский путешественник в Центральной Азии

Утверждено к печати
Отделением геолого-географических наук АН СССР
Академии наук СССР

Редакторы издательства *Л. И. Спрыгина, А. В. Бирина.* Художник *Ю. Трапаков*
Технический редактор *В. В. Волкова*
Корректор *Ф. А. Дебабов*
РИСО АН СССР № 4-52В. Сдано в набор 1/IV 1963 г.
Подписано к печати 31/VII 1963 г. Формат 70 × 90¹/₁₆.
Печ. л. 32,75 + 4 вкл.= 38,31 усл. печ. л.+ 4 вкл.
Уч. изд. л. 32,5 + 0,6 вкл.= 33,1. Тираж 3000 экз. Т. 08992. Изд. № 1427
Тип. зак. № 2070

Цена 2 р. 52 к.

Издательство Академии наук СССР, Москва К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
9	10 сн.	Козлова	Козлов
103	2 св.	Глинястые	Глиняные
135	13 св.	*Ihis*	*Iphis*
200—201	вклейка	Район оз. Лобнор. Копия с карты Китая 1862 г. Масштаб 1 : 109 200	Район оз. Лобнор. Маршруты П. К. Козлова
305	16 св.	*Coltaus*	*Coloeus*
389	подрис. подпись	р. Толы	р. Орхон
414	22 св.	рыболовством	рыболовством
484	9 св.	1936	1926
496	21 св., сред. столб.	*hipadensis*	*nipalensis*
499	7 св., лев. столб.	*babiconicus*	*babylonicus*
502	6 сн., лев. и сред. столб.	*P. rubeculoides*	*Prunella rubeculoides*
516	22 сн.	*Phenecephalus*	*Phrynocephalus*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

